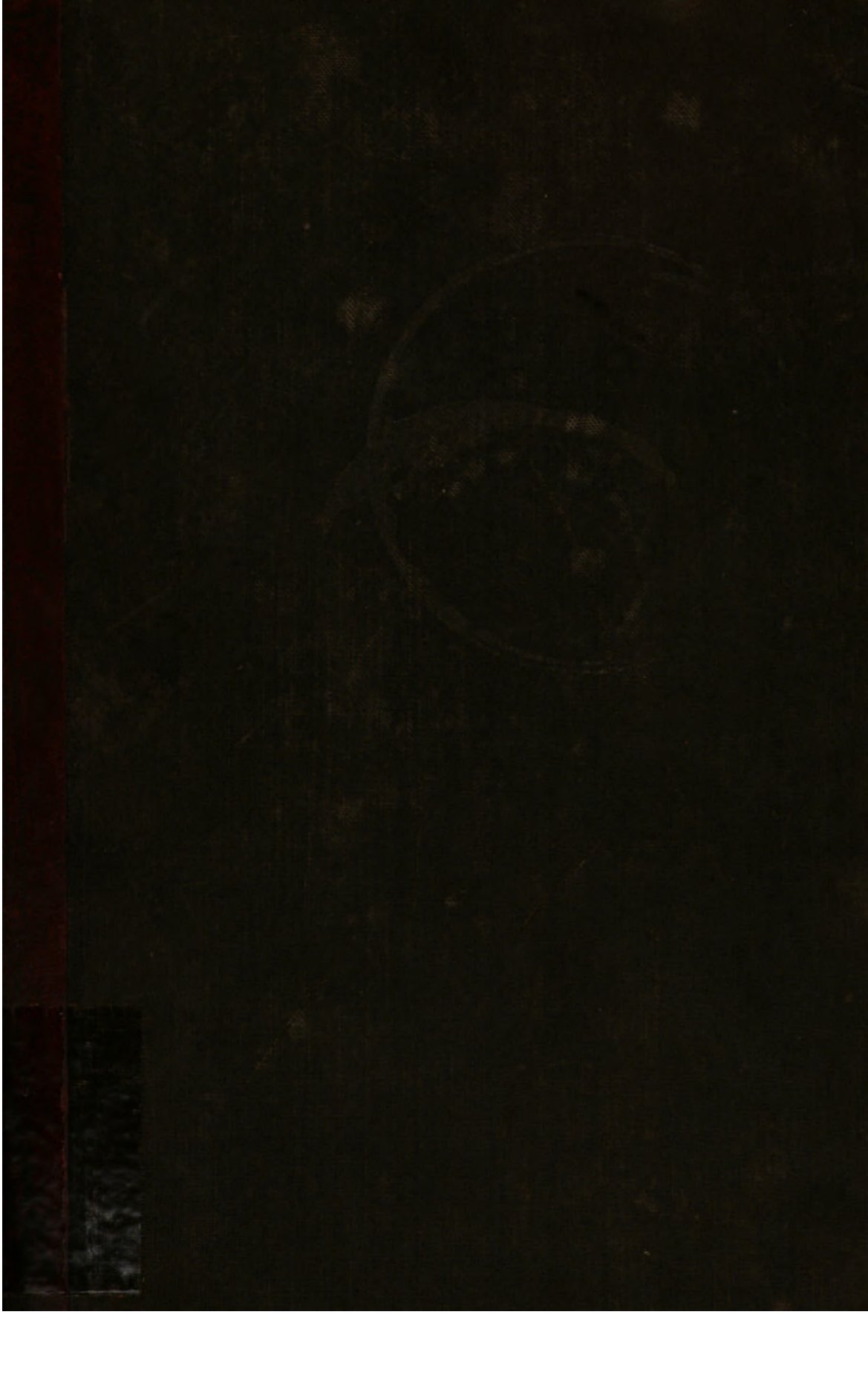
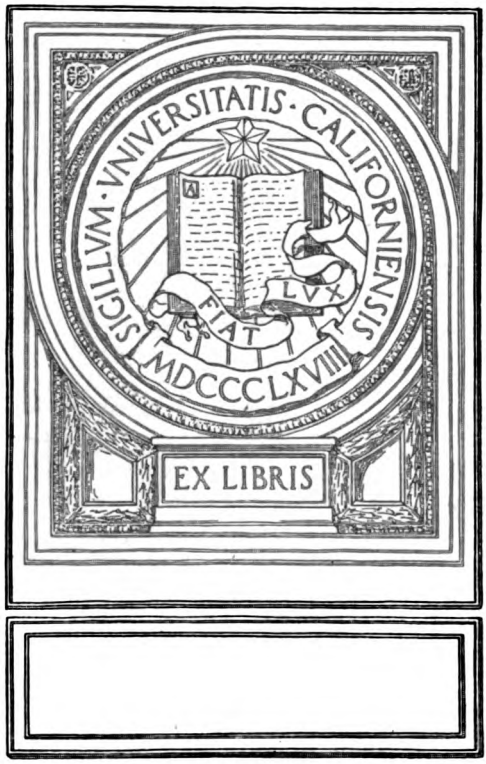



SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Годъ VIII-й. № 2-й.

UNIV. OF CALIFORNIA

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ФЕВРАЛЬ

1899 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1899.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

		стр.
1.	ИДЕЯ НРАВСТВЕННАГО ОПРАВДАНІЯ, ЕЯ ПРОИСХОЖДЕНІЕ И РАЗВИТІЕ. Проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскаго.	1
2.	СТИХОТВОРЕНІЕ. ИРЛАНДСКІЕ МОТИВЫ. (Изъ «Пѣсенъ ирландца»—Патрика Виллогуби). К. Михайленко	34
3.	НОЧНАЯ СМѢНА. (Очеркъ). А. Куприна.	37
4.	ЧАРЛЬЗЪ ПАРНЕЛЬ. (Страница изъ исторіи Англіи и Ирландіи). (Продолженіе). Евг. Тарле.	58
5.	СТИХОТВОРЕНІЕ ***. Allegro.	90
6.	РЁСКИНЪ И РЕЛИГІЯ КРАСОТЫ. Роберта Сизеранна. Переводъ съ французскаго Т. Богдановичъ. (Продолженіе)	91
7.	ОБЪ ИЗМѢРЕНІИ ПСИХИЧЕСКИХЪ ЯВЛЕНІЙ. Проф. Г. И. Челпанова. (Окончаніе).	116
8.	СТУДЕНТКА. Романъ Грэхэмъ Трэверса. Переводъ съ англійскаго З. Журавской. (Продолженіе)	136
9.	РАЗСКАЗЫ АЛЛЕНА УАЙТА. Переводъ съ англійскаго. Л. Давыдовой.	171
10.	РАВНОДУШНЫЕ. Романъ. (Продолженіе). К. Станюковича.	183
11.	ПИСАРЕВЪ, ЕГО СПОДВИЖНИКИ И ВРАГИ. («Молодая Россія» шестидесятыхъ годовъ). (Продолженіе). Ив. Иванова.	209
12.	КАРАНДАШОМЪ СЪ НАТУРЫ. (Изъ путешествія вокругъ свѣта чрезъ Корею и Манджурію). Н. Гарина.	233

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

13.	КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. Послѣднія произведенія Ан. Чехова: «Случай изъ практики», «Новая дача», «По дѣламъ службы».—Тревожно-грустное настроеніе этихъ разсказовъ.—Гармоничное сліяніе художника и мыслителя.—Напряженность творчества и энергія въ изображеніи темныхъ сторонъ жизни.—Общественное значеніе этихъ произведеній. А. Б.	1
14.	РУССКІЕ ПЕРЕВОДЫ I ТОМА «КАПИТАЛА» МАРКСА. (Замѣтка). М. Туганъ-Барановскаго.	10
15.	РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Изъ голодающихъ губерній. — Отходъ и грамотность (по даннымъ ярославской статистики).—Школьное дѣло на Алтаѣ.—Городскія безплатныя читальни Петербурга.—Павловскіе кустари. — Памяти М. С. Коредина. (Некрологъ).—Чествованіе памяти Мицкевича.	16

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1899 ГОДЪ

НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ

УШ-й г. изд.

МІРЪ БОЖІЙ.

УШ-й г. изд.

Выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца въ размѣрѣ не менѣе 25 печ. листовъ.

Въ 1899 году журналъ будетъ издаваться по той же программѣ и при томъ же составѣ редакціи и сотрудниковъ, причемъ для напечатанія предполагается, между прочимъ, слѣдующее:

Беллетристика: стихотворенія г.г. **Allegro, Бунина, Ладыженскаго, П. Я., О. Чюминой, Яхонтова** и другихъ. «Освободилась», романъ **А. Вербицкой**; «Риштау», повѣсть **В. Сѣрошевскаго**; «Карандашомъ съ натуры» (Кругомъ свѣта черезъ Корею въ Манджурію), **Н. Гарина**; «Душная ночь» (Изъ степныхъ очерковъ), разск. **Ю. Безродной**; «Безъ роду-племени», разсказъ **И. Бунина**; «Каинъ и Артемъ» (Изъ жизни босяковъ), разск. **М. Горькаго**; «Въ ночной смѣнѣ», разсказъ изъ военнаго быта **А. Куприна**; разсказы г.г. **Потапенко, Станюковича, Чирикова.**

Научныя статьи и сочиненія. ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ: «Антропологическіе очерки», проф. **Брандта**; «Современное положеніе вопроса о гипнотизмѣ», **В. Витгера**.—ИСТОРІЯ И БІОГРАФІИ: «Чарльзъ Парнель», **Ев. Тарле**; «Судебная ошибка въ XVIII в.» (дѣло Каласовъ и Вольтеръ), **Э. Моргулиса**; «Очерки по исторіи русской культуры», часть III, **П. Милюкова**; «Александръ I и его время», **А. Пѣшехонова**.—КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ: «А. С. Пушкинъ» (юбилейная статья). **Ив. Иванова**; «Алчущія души» (Паскаль, Руссо, Гоголь), **Ив. Иванова**; «Писаревъ, его сподвижники и враги», **Ив. Иванова**; «Ада Негри», **В. Фритче**.—СОЦІОЛОГІЯ: «Общественныя ученія и историческія теоріи XVIII и XIX вѣковъ въ связи съ общественнымъ движеніемъ на Западѣ», проф. **Р. Ю. Виппера**. (Вопросы общественной и исторической мысли около 1700 года, Джанбатиста Вико и его «Новая наука».—Общественныя условія начала XVIII вѣка на Западѣ. Идеализація «натуральнаго человѣка». Робинзонъ Дефо. — Сближеніе англійскаго и французскаго общества. Монтескье, какъ представитель аристократическаго общества. Его историческіе взгляды. «Духъ Законовъ».—Просвѣтительное движеніе. «Философы», среда ихъ воздѣйствія, отношеніе ихъ къ народной массѣ. Философія исторіи у Вольтера.—Демократическія идеи XVIII вѣка. Руссо. Критика культуры и призывъ къ природѣ.—Проповѣдь гуманности и теорія безконечнаго прогресса, Лессингъ. Гердеръ. Кондорсе.—Общественная философія индивидуализма. Промышленный переворотъ въ Англіи. Адамъ Смитъ, Бентамъ, Мальтусъ, Рикардо.—Реакція и ея общественныя идеи. Жозефъ де-Местръ. Бональдъ, Галлеръ.—Органическія теоріи. Сенъ-Симонъ.—Католическое движеніе въ XIX в. Ог. Контъ.—Философія исторіи Гегеля. Развитіе теоріи историческаго прогресса и основныя идеи ея.—Натурализмъ въ общественныхъ и историческихъ ученіяхъ. Гербертъ Спенсеръ). «Н. К. Михайловскій, какъ соціологъ», **Л. Крживицкаго**; «Очерки по соціальной экономіи», прив.-доц. **М. Туганъ-Барановскаго**.—ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ: «Помѣщикъ и крестьянинъ въ крѣпостной Россіи XIX в.», **П. Струве**; «Послѣдствія переворота въ земледѣліи» (I. Паденіе поземельной ренты и судьбы крестьянства.—II. Крестьянскія кооперація и ихъ значеніе), **Л. Крживицкаго**; «Причины сокращенія роста населенія Франціи», д-ра **І. Гольдштейна**; «Положеніе труда въ Англіи», **Л. Давыдовой**.—ФИЛОСОФІЯ И ПСИХОЛОГІЯ: «Рихардъ Авенаріусъ и эмпиріокритицизмъ», проф. **Г. Челпанова**; «Экспериментальная психологія, ея настоящее и будущее, д-ра философіи **В. Аврн.**

ПЕРЕВОДНЫЯ СОЧИНЕНІЯ. «Религія красоты» (Джонъ Рёскинъ и его идеи), **Сперана**, пер. съ французскаго Т. Богдановичъ; «XIX вѣкъ въ различныхъ областяхъ

науки, техники и общественной жизни», компилятивныя статьи; «Изъ исторіи тайныхъ обществъ у различныхъ народовъ», компил. работа Э. Пименовой; «Герои и сцены дореволюціонной Франціи» (по мемуарамъ Сенъ-Симона), переводъ съ французскаго.

Постоянные отдѣлы. Критическія замѣтки. Разборъ выдающихся произведеній русской и переводной литературы; обзоръ русскихъ журналовъ.

Изъ западной культуры. Разборъ выдающихся произведеній иностранной литературы.

На родинѣ. Свѣдѣнія и сообщенія о различныхъ событіяхъ и явленіяхъ русской жизни. Дополненіемъ къ нему служатъ статьи и корреспонденціи о текущихъ событіяхъ, дѣятельности разныхъ обществъ, съѣздовъ и т. п.

За границей. Свѣдѣнія и сообщенія изъ заграничной жизни. Дополненіемъ къ нему служатъ рефераты статей особенно интересныхъ **Изъ иностранныхъ журналовъ**, а также статьи и корреспонденціи о текущихъ выдающихся явленіяхъ иностранной жизни.

Научный обзоръ. Статьи и рефераты по различнымъ отраслямъ естественныхъ наукъ и техники. Научный фельетонъ. Дополненіемъ къ этому отдѣлу служатъ **Текущія научныя новости**, составляемыя по русскимъ и иностраннымъ научнымъ изданіямъ.

Библіографія. Рецензіи о русскихъ, переводныхъ и иностранныхъ книгахъ по изящной литературѣ, публицистикѣ и всѣмъ отраслямъ наукъ, кромѣ исключительно-спеціальныхъ сочиненій, недоступныхъ для общеобразованной публики. **Новости иностранной литературы**, входящія въ библіографическій отдѣлъ, какъ самостоятельная часть, составляется по библіографическимъ иностраннымъ изданіямъ, съ цѣлью дать сжатые отзывы о важнѣйшихъ, появляющихся за границей, новыхъ книгахъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на годъ . .	8 руб.
Безъ доставки на годъ	7 »
За границу на годъ	10 »

Вмѣсто разсрочки допускается подписка:

По полугодіямъ:

Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на полгода . 4 р.

За границу . . . . . 5 »

Безъ доставки по соглашенію съ конторой.

По третямъ года:

Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи:

въ январѣ	3 р.
» маѣ	3 »
» сентябрѣ	2 »
За границу: въ январѣ	4 »
» » » маѣ	3 »
» » » сентябрѣ	3 »

Адресъ: С.-Петербургъ, Лиговка, 25.

Подписавшіеся на полгода или на треть года продолжаютъ подписку **безъ повышенія** подписной цѣны.

Книжные магазины при годовой и полугодовой подпискѣ пользуются обычной уступкой 5% съ подписной цѣны. **Подписка по третямъ года черезъ магазины не принимается. Уступки съ подписной цѣны никому не дѣлается.**

Издательница **А. Давыдова.** Редакторъ **В. П. Острогорскій.**

Ежемѣсячный, иллюстрированный, литературный и научно-популярный

IV ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

12 №№ въ годъ.

Журналъ ДЛЯ ВСѢХЪ

ОДИНЪ РУБЛЬ въ годъ
съ дост. и перес.
СПБ. Лиговская, 9.

Выходитъ ежемѣсячными книжками не менѣе 4 печатныхъ листовъ плотнаго шрифту, въ 2 столбца, равняющихся 10 обычнымъ печатнымъ листамъ.

Содержаніе № 1. 1. Леонардо да Винчи. Профессора *Н. Сумцова*. 2. Среди людей. Разск. *Н. Тимковскаго*. 3. «Землю окутали сумерки хмурыя». Стих. *Боанэ*. 4 Чего не сказалъ Маркъ Иванычъ. Разск. *К. Баранцевича*. 5. На хуторѣ. Стих. *Ив. Бунина*. 6. Первогодокъ. Очеркъ изъ былой морской жизни. *К. Станюковича*. 7. «Я вижу ихъ передъ собою...». Стих. *Н. Тимковскаго*. 8. Маленькая учительница. Дорожныя встрѣчи. *В. Радича*. 9. Изъ А. Мицкевича. Забытый храмъ. Стих. *К. Бальмонта*. 10. Адамъ Мицкевичъ (1798—1898 г.). *П. Конскаго*. 11. Какъ воспитывать дѣтей. I. Страхъ и наказаніе. *В. Вахтерова*. 12. Всеобщая воинская повинность. (1874—1899 г.). *К. Лебедева*. 13. Чему учитъ геологія. *Вл. Д. Соколова*. 14. Вымирающія животныя. *Вл. А. Вагнера*. 15. Историческіе силуэты. Артемій Петровичъ Волынскій. *А. Кизеветтера*. 16. Мозгъ человѣка. Профессора *Ю. Н. Вагнера*. 17. *Иностранное обозрѣніе*. Минувшій годъ. Мытари и фарисеи. Новый защитникъ сабли. Положеніе дѣлъ на Филиппинскихъ островахъ. Политика высылокъ. Помилованіе осужденныхъ за миланскіе безпорядки. Положеніе дѣлъ въ Венгріи. *Вильде*. 18. Внутреннее обозрѣніе. 19. Библіографія.

Въ этомъ номерѣ были помѣщены **снимки съ картинъ**: 1. *Леонардо да Винчи*. Тайная вечеря. 2. *К. А. Савицкаго*. На войну. **Рисунки** *Шпехта*: Тарпаны. Зубръ. **Портреты**: Леонардо да Винчи. Адамъ Мицкевичъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА **1899** г. ЦѢНА

Одинъ рубль въ годъ

съ доставкой и пересылкой; за границу **2** р. или **5** франковъ.

Желающіе могутъ выписать журналъ и съ наложеннымъ платежомъ, для чего они должны прислать въ контору редакціи (С.-Петербургъ, Лиговская, 9) простое открытое письмо съ обозначеніемъ: 1) ближайшей почтовой станціи и 2) обычнаго почтоваго адреса. За наложеніе платежа взимается 25 к. сверхъ подписной цѣны.

За прежніе годы изданія журнала въ продажѣ не имѣется.

С.-Петербургъ, Лиговская, № 9.

Редакторъ-издатель П. В. Голяховскій. Издатель В. С. Миролюбовъ

Новый иллюстрированный литературный и научно-популярный журналъ для дѣтей старшаго возраста.

„Юный Читатель".

Содержаніе 4-хъ январскихъ нумеровъ.

№ 1. На запретномъ пути. Путешествіе по Тибету Г. Ландора, въ излож. Э. Пименовой. **№ 2. Къ нашимъ читателямъ. Ив. Иванова.—Шахъ Надиръ и мудрецъ Али Керимъ**, восточн. сказаніе П. Засодимскаго.—**Елка**, стих. Я. Полонскаго.—**Я. П. Полонскій**, М. Бунина. **№ 3. Рождество въ африканской степи**, съ англ.—**Завоеваніе Уссурійск. края**, по Шрейдеру. З. Журавской. — **Тигръ**, разсказъ Рони, пер. съ франц.—**Какъ сдѣлать настоящіе часы за полтинникъ.** Н. Ш. **№ 4. Архитектурныя чудеса природы** съ англ. М. Сабининой.—**Паво**—идиллія Рунеберга.—**Голодныя дѣти. — Мое первое воздушное путешествіе,**

Продолжается подписка на 1899 г.

Журналъ будетъ выходить 4 раза въ мѣсяцъ: 1-го числа каждаго мѣсяца *книжкой* небольшого формата, отъ 6 – 10 листовъ, заключающей одно, по возможности цѣльное, беллетристическое или научно-популярное произведеніе, а въ слѣдующія 3 недѣли по одному номеру въ размѣрѣ печатнаго листа большого формата съ разнообразнымъ литературнымъ содержаніемъ.

Программа журнала: 1) Повѣсти, разсказы, біографіи, легенды, стихотворенія (оригинальные и переводные). — 2) Путешествія. — 3) Очерки изъ исторіи отечественной и всеобщей. — 4) Научно-популярныя статьи, знакомящія съ жизнью природы.—5) Разборъ книгъ.—6) Смѣсь: свѣдѣнія о разныхъ событіяхъ въ Россіи и заграницей, новости изъ міра наукъ; занятія, анекдоты и пр.

Цѣна 2 рубля въ годъ

съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи, причемъ допускается слѣдующая разсрочка: **1 р.** при подпискѣ и **1 р.** 1-го мая.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Спб. Греческій пр., д. № 15, кв. 31, въ книжномъ складѣ А. Калмыковой, въ редакціи журнала „Образованіе" и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Издательница женщина-врачъ **Е. Казакевичъ-Стефановская.**

Редакторъ женщина-врачъ **Э. Пименова.**

Годъ VIII-й. № 2-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Могил. Центр. Гор. Публ. Библиотека им. К. Маркса
Из. кат. № 18190
Сист. кат. № М. 8
Пор. № 1898 II

ФЕВРАЛЬ

1899 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1899.

Дозволено цензурою 26 января 1898 г. С.-Петербургъ.

AP50
M47
1899:2
MAIN

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

		стр.
1.	ИДЕЯ НРАВСТВЕННАГО ОПРАВДАНІЯ, ЕЯ ПРОИСХОЖДЕНІЕ И РАЗВИТІЕ. Проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскаго.	1
2.	СТИХОТВОРЕНІЕ. ИРЛАНДСКІЕ МОТИВЫ. (Изъ «Пѣсенъ ирландца»—Патрика Виллогуби). К. Михайленко.	34
3.	НОЧНАЯ СМѢНА. (Очеркъ). А. Куприна.	37
4.	ЧАРЛЬЗЪ ПАРНЕЛЬ. (Страница изъ исторіи Англіи и Ирландіи). (Продолженіе). Евг. Тарле.	58
5.	СТИХОТВОРЕНІЕ ***. Allegro.	90
6.	РЁСКИНЪ И РЕЛИГІЯ КРАСОТЫ. Роберта Сизеранна. Переводъ съ французскаго Т. Богдановичъ. (Продолженіе)	91
7.	ОБЪ ИЗМѢРЕНІИ ПСИХИЧЕСКИХЪ ЯВЛЕНІЙ. Проф. Г. И. Челпанова. (Окончаніе).	116
8.	СТУДЕНТКА. Романъ Грэхэмъ Трэверса. Переводъ съ англійскаго З. Журавской. (Продолженіе)	136
9.	РАЗСКАЗЫ АЛЛЕНА УАЙТА. Переводъ съ англійскаго. Л. Давыдовой.	171
10.	РАВНОДУШНЫЕ. Романъ. (Продолженіе). К. Станюковича.	183
11.	ПИСАРЕВЪ, ЕГО СПОДВИЖНИКИ И ВРАГИ. («Молодая Россія» шестидесятыхъ годовъ). (Продолженіе). Ив. Иванова.	209
12.	КАРАНДАШОМЪ СЪ НАТУРЫ. (Изъ путешествія вокругъ свѣта чрезъ Корею и Манджурію). Н. Гарина.	233

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

13.	КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. Послѣднія произведенія Ан. Чехова: «Случай изъ практики», «Новая дача», «По дѣламъ службы».—Тревожно-грустное настроеніе этихъ разсказовъ.—Гармоничное сліяніе художника и мыслителя.—Напряженность творчества и энергія въ изображеніи темныхъ сторонъ жизни.—Общественное значеніе этихъ произведеній. А. Б.	1
14.	РУССКІЕ ПЕРЕВОДЫ I ТОМА «КАПИТАЛА» МАРКСА. (Замѣтка). М. Туганъ-Барановскаго.	10
15.	РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Изъ голодающихъ губерній. — Отходъ и грамотность (по даннымъ ярославской статистики).—Школьное дѣло на Алтаѣ.—Городскія безплатныя читальни Петербурга.—Павловскіе кустари. — Памяти М. С. Корелина. (Некрологъ).—Чествованіе памяти Мицкевича.	16

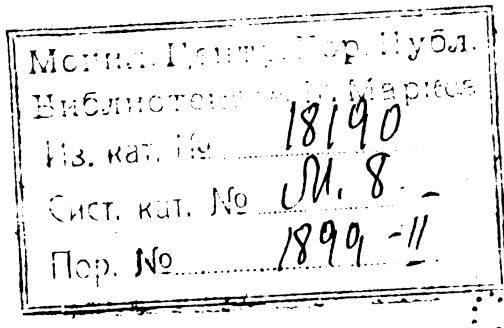
884303

стр

16. ДОМЪ ТРУДОЛЮБІЯ ВЪ САМАРѢ И ЕГО ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ. (Письмо изъ Самары). **Н. Ш.** 27
17. **За границей.** Народные театры въ Нью-Іоркѣ.—У президента Трансваальской республики.—Публичная лекція Эрнеста Лависса.—Тагалы. — Двухсотлѣтній юбилей княжества Лихтенштейнъ.—Женское университетское поселеніе въ Лондонѣ.—Дѣятельность народныхъ библіотекъ и народное образованіе въ Австріи. 32
18. **Изъ иностранныхъ журналовъ.** «The Geographical Journal».—«Revue des Revues».—«Revue de Paris».—«Review of Reviews». 41
19. ДОКТРИНА МОНРОЭ («АМЕРИКА ДЛЯ АМЕРИКАНЦЕВЪ»). **Д. Неточаева.** 45
20. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. Десятичное дѣленіе часа и универсальное время.—Отчетъ о засѣданіи коммиссіи для составленія интернаціональнаго научнаго каталога.—Общества покровительства растеній и альпійскіе сады для сохраненія рѣдкихъ и вымирающихъ видовъ растеній горныхъ областей.—Медицинскія суевѣрія у китайцевъ.—Смертная казнь посредствомъ электричества въ Америкѣ. **Н. М.** 52
21. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Русскія и переводныя книги: Беллетристика.—Публицистика.—Исторія литературы.—Исторія культуры.—Философія и психологія.—Народныя изданія.—Новыя книги, поступившія въ редакцію. 62
22. ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ. Культурная задача грядущаго вѣка. **Ив. Иванова.** 89
23. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 110

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

24. ВЕРОНИКА. Историческій романъ **Шумахера.** Переводъ съ нѣмецкаго **З. А. Венгеровой.** (Продолженіе). 23
25. МИКРОКОСМОСЪ, ИЛИ МІРЪ ВЪ МАЛОМЪ ПРОСТРАНСТВѢ, описанный **Морицомъ Вилькомомъ,** покойнымъ профессоромъ пражскаго университета. Переводъ съ нѣмецкаго **Н. М. Могилянскаго.** Съ многочисленными иллюстраціями въ текстѣ. (Продолженіе) 33



Москов. Центр. Гор. Публ. Библиотека им. Маркса
Из. кат. № 18190
Сист. кат. № М. 8
Пор. № 1899-II
UNIV. OF CALIFORNIA

Идея нравственнаго оправданія, ея происхожденіе и развитіе.

Проф. **Ѳ. Ф. Зѣлинскаго.**

Великія нравственныя идеи въ своемъ распространеніи среди людей раздѣляютъ участь великихъ научныхъ истинъ: переходя изъ рукъ генія, впервые сдѣлавшаго ихъ доступными, въ руки посредственностей, онѣ на видъ остаются тѣмъ же, чѣмъ были вначалѣ, но теряютъ то, что въ нихъ было самымъ дорогимъ для насъ—ту незримую магнетическую силу, которая притягивала къ нимъ сердца. Въ настоящее время—не безъ гордости замѣчаютъ друзья прогресса—любой школьникъ знаетъ то, что нѣкогда стоило Копернику тридцати трехлѣтнихъ трудовъ; это вѣрно, и эта гордость справедлива. Всё же астрономъ-мыслитель предпочтетъ книгу de revolutionibus orbium coelestium великаго гуманиста самому изящному изъ новѣйшихъ изложеній коперниковской системы. Правда, что осилить ее будетъ стоить немалаго труда, правда и то, что ея читатель не обезпеченъ отъ многочисленныхъ заблужденій, которыя еще раздѣлялъ Коперникъ и которыя исправила позднѣйшая наука. Но эти неудобства искупаются однимъ громаднымъ, незамѣнимымъ преимуществомъ: читая ее, мы дѣлаемся свидѣтелями гигантскихъ усилій человѣческаго духа, отъ которыхъ не сохранилось болѣе слѣда въ ходячихъ изложеніяхъ того, что̀ было ихъ результатомъ; мы видимъ въ полной дѣятельности вулканъ, по давно потухшей лавѣ котораго теперь безопасно гуляютъ прохожіе.

То же относится и къ нравственнымъ идеямъ: разница лишь въ томъ, что, будучи именно только идеями, а не истинами, научно доказанными и неопровержимыми, онѣ гораздо болѣе страдаютъ отъ того, что ароматъ оригинальностя въ нихъ выдохся, и его смѣнилъ тотъ не всѣмъ пріятный запахъ жилого помѣщенія, которымъ посредственность неизбѣжно заражаетъ все то, къ чему она касается. Пускай геліоцентрическая система составляетъ достояніе всякаго школьника, пускай она развивается въ скучныхъ произведеніяхъ убогихъ компиляторовъ—никто, вслѣдствіе этого, отъ нея не отвернется, не назоветъ ее «избитой», «заѣзженной», «пошлой», не обратится отъ нея

къ другой, болѣе новой и интересной системѣ. Здѣсь не то. Эпитетъ пошлости, безвредный для научной истины, убійственъ для нравственной идеи; и вотъ начинается скитаніе мыслей и чувствъ; жажда новизны, желаніе во что бы то ни стало избѣгнуть пошлости заставляетъ людей отъ здороваго обращаться къ болѣзненному и вымученному, отъ простого къ замысловатому, отъ яснаго къ туманному; все хорошо, лишь бы оно было новымъ или, по крайней мѣрѣ, казалось такимъ. Придетъ время, и это новое станетъ старымъ, избитымъ, пошлымъ и подвергнется двойному осужденію, и за болѣзненность, и за пошлость; и то забытое старое воскреснетъ и найдетъ себѣ восторженныхъ поклонниковъ. Такъ было, такъ будетъ всегда.

И дурного тутъ нѣтъ ничего: всякая эпоха живетъ своей жизнью, и всякая жизнь интересна. Все же обреченному жить въ эпоху скитанія мыслей и чувствъ пріятно и отрадно обращаться къ тому времени, когда здоровое не было еще пошлымъ, а интересное—болѣзненнымъ, когда идеи, ставшія позднѣе ходячею монетой, еще только вырабатывались и, появляясь на свѣтъ, были насыщены той магнетической силой, которую создаетъ соединеніе двухъ элементовъ: здоровья и новизны. Въ этомъ именно и заключается прелесть античности для тѣхъ, кто умѣетъ ее понимать. Конечно, и античность не была той сплошной и однородной массой, какъ ее себѣ представляютъ многіе у насъ; и она жила и развивалась, и въ ея предѣлахъ здоровое могло состариться и вызвать жажду новаго, хотя бы и болѣзненнаго. Все же въ своей совокупности она была сводомъ здоровыхъ темъ, повторявшихся съ тѣхъ поръ въ неисчислимыхъ варіаціяхъ до нашихъ временъ и имѣющихъ повторяться, пока живъ будетъ міръ. Съ одной изъ этихъ темъ я намѣренъ познакомить читателя въ нижеслѣдующихъ главахъ.

I.

Когда у насъ ставили «Орестею» Танѣева, либретто которой цѣликомъ заимствовано изъ трилогіи того же имени Эсхила, наша публика отнеслась довольно-таки холодно къ творенію великаго греческаго трагика; нашлись даже наивные люди, порицавшіе родоначальника европейской драмы за «избитость» обработаннаго имъ сюжета. Невѣрная жена боится возвращенія съ похода своего царственнаго мужа; когда же онъ возвращается, она убиваетъ его съ помощью своего новаго друга. Сынъ убитаго мститъ за его гибель; но проклятія его матери, воплощенныя въ богиняхъ-мстительницахъ—Эринніяхъ, изгоняютъ его изъ родины, и онъ обрѣтаетъ покой лишь послѣ того, какъ его оправдываетъ учрежденный божествомъ строгій и правый судъ. Какъ это все просто, ясно, здорово, т.-е., выражаясь на современномъ языкѣ, какъ шаблонно, избито, неинтересно!.. Конечно, отъ либреттиста нельзя было и требовать, чтобы онъ въ своей скромной передѣлкѣ сохранилъ

тѣ черты подлинника, которыми болѣе всего дорожитъ мыслящій читатель, чтобы онъ сохранилъ слѣды усилій гиганта-пахаря, впервые работающаго на дѣвственной нивѣ человѣческой мысли. Онъ сдѣлалъ, что могъ: оставилъ и въ общемъ, и въ частностяхъ развитіе эсхиловой фабулы, прибавилъ отъ себя нѣсколько сценъ и ради ясности, и ради эффекта,—и вышло то, что могло и должно было выйти.

Наша точка зрѣнія однако другая. Насъ преданіе объ Орестѣ-матереубійцѣ интересуетъ не какъ преданіе и не какъ сюжетъ трагедіи или оперы, а исключительно какъ *«носитель» одной ихъ важнѣйшихъ и величайшихъ нравственныхъ идей—идеи оправданія преступника*. Дѣйствительно, что такое нравственное оправданіе? Оправданіе—это возстановленіе душевнаго равновѣсія, утраченнаго при совершеніи грѣха или преступленія, это—выздоровленіе заболѣвшей души. Подобно идеѣ выздоровленія, и идея оправданія—идея вѣчная и не старѣющаяся; она такъ же дѣйствительна для насъ, какъ дѣйствительна небесная Лира, ласкающая насъ по ночамъ тѣмъ же тихимъ, таинственнымъ свѣтомъ, какимъ много вѣковъ назадъ она ласкала болѣе чувствительные глаза современниковъ Перикла. И если читатель при чтеніи нижеслѣдующихъ страницъ не почувствуетъ, что рѣчь идетъ о непосредственно близкихъ его сердцу интересахъ, что передъ нимъ раскрывается книга его собственной души, то пусть онъ винитъ лишь неумѣлость толкователя, не справившагося со своею задачей, не смогшаго правильно передать то, что онъ правильно вычиталъ и уразумѣлъ.

Само собою разумѣется, что, говоря о происхожденіи и развитіи идеи оправданія, мы должны перенестись въ тѣ времена, когда вообще зародились и развивались нравственныя идеи, т.-е. въ античность; но, быть можетъ, покажется страннымъ, что авторъ, собираясь прослѣдить происхожденіе и развитіе нравственной идеи, обращается не къ философамъ-моралистамъ, а къ миѳологіи, что онъ беретъ ее не въ отвлеченномъ видѣ, а въ оболочкѣ ея миѳа-носителя. Чтобы выяснить это, необходимо сказать нѣсколько словъ о томъ, что представляетъ эта античная, т. е. греческая миѳологія, и какъ ее слѣдуетъ понимать.

Греческая «миѳологія», какъ ее обыкновенно называютъ, т. е. повѣствовательная часть греческой религіи, представляетъ удивительное, единственное въ своемъ родѣ явленіе; плохо о ней судятъ тѣ, которые видятъ въ ней нѣчто единое, установившееся, недвижное; въ ней все живетъ, все движется, все растетъ, расцвѣтаетъ и вянетъ; отъ величавыхъ концепцій Эсхила до изящныхъ арабесокъ Овидія очень далеко, едва ли не дальше, чѣмъ отъ Овидія до опереточной миѳологіи Оффенбаха. Былъ у древнихъ народовъ красивый обычай, перешедшій позднѣе и къ христіанскимъ,—посвящать трофеи своихъ побѣдъ надъ врагами въ храмъ своего роднаго божества, такъ что этотъ храмъ давалъ въ вещественныхъ свидѣтельствахъ внѣшнюю исторію дан-

наго народа. Но кромѣ этихъ каменныхъ храмовъ, былъ у нихъ и храмъ незримый, нерукотворный, въ который они посвящали трофеи не внѣшнихъ, а внутреннихъ побѣдъ, живыя свидѣтельства своего нравственнаго и умственнаго прогресса; этимъ храмомъ была ихъ родная миѳологія. Миѳъ—естественная, необходимая форма, въ которую облекалась идея, не находившая еще для выраженія самой себя готоваго отвлеченнаго языка; всякое измѣненіе въ міросозерцаніи имѣло послѣдствіемъ органическое измѣненіе миѳовъ; кто съумѣлъ бы представить намъ греческую миѳологію въ ея историческомъ развитіи, тотъ далъ бы этимъ самымъ—въ иносказательной формѣ—исторію эволюціи греческой народной души. Въ нижеслѣдующемъ данъ опытъ такого развитія на одномъ изъ многочисленныхъ миѳовъ греческой религіи—на миѳѣ объ Орестѣ-матереубійцѣ. Правда, работа, которую я имѣю въ виду, должна быть изслѣдованіемъ, изслѣдованіемъ филологическимъ; здѣсь же дано, для удобства читателей нефилологовъ, не изслѣдованіе, а повѣствованіе. Изслѣдователь отъ извѣстнаго переходитъ къ менѣе извѣстному, руководясь въ нашей области данными этимологіи, исторіи литературы и культуры, сравнительной миѳологіи; повѣствователь переходитъ отъ болѣе ранняго къ болѣе позднему, пользуясь результатами трудовъ изслѣдователя. Въ данномъ же случаѣ именно болѣе позднее является болѣе извѣстнымъ и наоборотъ; нашъ путь, поэтому, прямо противоположенъ тому пути, котораго долженъ былъ бы держаться изслѣдователь. Прошу это помнить при чтеніи нижеслѣдующихъ страницъ.

II.

Первой идеей, представившейся младенческому уму человѣка, когда для него, наконецъ, занялась заря сознательной жизни, была идея его зависимости отъ силъ природы; эти послѣднія, въ сумеркахъ зарождающагося сознанія, стояли предъ нимъ туманными великанами со сверхчеловѣческой мощью, но съ человѣческими страстями и стремленіями. Таковы были боги первобытнаго человѣчества. Ихъ могло быть много; но особенно близкими были ему тѣ, дѣйствія которыхъ, вслѣдствіе своей повторяемости, сильнѣе всего вліяли на его жизнь, власть которыхъ онъ чувствовалъ надъ собой съ особенной силой. Ежедневно ночь убиваетъ день, ежегодно зима убиваетъ лѣто; ежедневно человѣкъ долженъ былъ искать убѣжища отъ страховъ ночи, ежегодно отъ страданій зимы; онъ дѣлалъ это съ твердой надеждой, что царство обоихъ этихъ жизневраждебныхъ началъ будетъ непродолжительно: придетъ Солнце-богатырь и сорветъ сверкающіе доспѣхи побѣжденной ночи; придетъ Солнце-богатырь и разрушитъ туманную твердыню побѣжденной зимы. Таковы были главные миѳы первобытнаго человѣчества; мы встрѣчаемъ ихъ на всемъ протяженіи земного шара.

Новая эра началась тогда, когда человѣчество, оставивъ колею чисто животной, физической эволюціи, вступило на путь сознательнаго умственнаго прогресса; началась только для тѣхъ народовъ, которымъ, по неисповѣдимымъ законамъ природы, былъ назначенъ этотъ путь. Для арійскихъ народовъ этотъ моментъ наступилъ, насколько мы можемъ судить, уже послѣ отдѣленія восточной ирано-индійской вѣтви; вотъ почему тѣ миѳы, о которыхъ рѣчь будетъ тотчасъ, встрѣчаются у греческихъ и германскихъ, но не у персидскихъ и индійскихъ племенъ.

Соотвѣтствующая новой эрѣ новая идея была послѣдовательнымъ развитіемъ тѣхъ двухъ старыхъ идей, перенесеніемъ ихъ въ болѣе высокую, умственную сферу; и здѣсь мы имѣемъ ту же борьбу жизнетворнаго и жизневраждебнаго началъ, дня и ночи, лѣта и зимы, только еще ступенью выше. Временной единицей новой идеи были уже не сутки и не годъ, а болѣе крупный періодъ, относящійся къ году приблизительно такъ же, какъ годъ относится къ суткамъ. *Все, что имѣло начало, будетъ имѣть и конецъ; но за концомъ будетъ новое начало*; эта великая идея, на которую навела человѣка смерть дня подъ натискомъ ночи и смерть лѣта подъ натискомъ зимы съ ожидаемымъ въ обоихъ случаяхъ торжествомъ Солнца-богатыря — эта идея была перенесена на великое лѣто жизни человѣчества. И оно имѣло свое начало: было время, когда и люди, подобно всѣмъ прочимъ животнымъ, жили по законамъ своей родительницы Земли; она ихъ одѣвала, она ихъ кормила, она ихъ надѣляла всѣмъ тѣмъ знаніемъ, въ которомъ они нуждались для того, чтобы, проживъ положенный имъ вѣкъ, передать «факелъ жизни» другому поколѣнію,—тѣмъ загадочнымъ для біолога, чудеснымъ для простого мыслящаго человѣка знаніемъ, которое мы называемъ инстинктомъ. Такъ было нѣкогда, но уже давно, очень давно; то былъ «золотой вѣкъ», царство Земли и ея силъ. Теперь не то: остальныя твари живутъ еще по законамъ Земли, за что и вкушаютъ ея дары и пользуются исходящимъ отъ нея знаніемъ, но человѣкъ ихъ нарушаетъ. Человѣкъ живетъ въ открытой враждѣ съ Землей: онъ остріемъ заступа и плуга разрываетъ широкую грудь Земли, заставляя ее производить посѣянные имъ плоды; онъ остріемъ сѣкиры разрушаетъ ея вѣковой зеленый плащъ; онъ остріемъ кирки пробиваетъ себѣ доступъ въ ея внутренности—in viscera Terrae. Не Земля его научила такъ насиловать ее; это было дѣломъ мятежнаго Духа, возставшаго противъ Земли и ея силъ. Побѣда Духа надъ Землей и ея силами положила начало человѣческой культурѣ; тогда разгнѣванная вѣщая Земля скрыла свое знаніе. Ощупью ищи вѣрнаго пути, страдай, чтобы твой мучительный опытъ пошелъ тебѣ впрокъ, погибай, чтобы твоя смерть послужила урокомъ другимъ,—таковъ былъ новый законъ Духа, за которымъ послѣдовалъ человѣкъ. Этого Духа древніе греки называли Зевсомъ или, вѣрнѣе, возвели въ роль этого Духа своего древнѣйшаго бога неба и дня, предвѣчнаго (выражаясь миѳологиче-

ски) супруга предвѣчной Земли. «Это ты,—говоритъ Эсхилъ въ своей глубокомысленной молитвѣ Зевсу,—повелъ человѣка по пути сознанія, ты повелѣлъ, чтобы слово: «*страданіемъ учись*» стало закономъ».

Итакъ Зевсъ во главѣ своихъ силъ одержалъ побѣду надъ Землей и ея силами—Титанами; Земля смирилась, но не навсегда. Она знаетъ, что великое лѣто человѣческой культуры, имѣя начало, должно имѣть и конецъ; зная это, она «задумала славное дѣло» предательства и убійства противъ своего побѣдоноснаго супруга. Онъ вѣдь не знаетъ, что онъ «обреченъ»; свое знаніе она оставила при себѣ; и вотъ она тайно лелѣетъ своего Змѣя—змѣй былъ у древнихъ символомъ гибельной силы Земли—или своихъ Змѣевъ (число безразлично), своихъ Гигантовъ. Придетъ время, и Зевсъ со своими силами падетъ подъ натискомъ Гигантовъ, наступитъ великая зима въ жизни человѣчества. Но и она не будетъ вѣчной; предсказывая неизбѣжную гибель человѣческой культуры, древняя мудрость и тутъ, какъ это было естественно, открывала ей надежду на возрожденіе; придетъ Солнце-богатырь, придетъ сынъ того убитаго Духа; онъ отмститъ за отца, онъ поразитъ Землю и взлелѣяннаго ею Змѣя—и наступитъ новое свѣтлое царство духа, новое великое лѣто.

Такова общая мысль древнѣйшей германской и греческой миѳологіи; несмотря на открывавшуюся въ далекой перспективѣ надежду, ихъ характеръ былъ грустный, такъ какъ гибель представлялась болѣе близкой, чѣмъ возрожденіе, и эта гибель была неотвратима. Да, неотвратима; для выраженія этой неотвратимости былъ созданъ тоже общій обѣимъ миѳологіямъ миѳъ о Геракѣ-Сигурдѣ, намѣченномъ рокомъ спасителѣ боговъ, который гибнетъ, не успѣвъ совершить свой подвигъ, гибнетъ не отъ руки враговъ, а отъ руки той Дѣвы, для которой онъ дороже всего на свѣтѣ. Германцы покорились неотвратимости своихъ «сумерекъ боговъ», своей Götterdämmerung, но греки преодолѣли ее путемъ новаго прогресса, наступившаго много времени послѣ ихъ отдѣленія отъ остальныхъ вѣтвей арійскаго племени и принадлежащаго поэтому имъ однимъ. Объ этомъ будетъ рѣчь тотчасъ; теперь же окинемъ еще разъ взоромъ только что развитый нами главный миѳъ религіи Зевса, общій германскому и греческому племени.

Земля, «задумавшая славное дѣло» (по гречески: Клитемнестра), живетъ усмиренной, но въ душѣ мятежной супругой Зевса, «обреченнаго» (по гречески Агамемнона). Задумала она свое дѣло при помощи Змѣя-Эгисѳа; придетъ время, когда подъ ихъ ударами погибнетъ Агамемнонъ, и Клитемнестра съ Эгисѳомъ будутъ царствовать надъ людьми. Но и этому царству наступитъ конецъ; придетъ сынъ Агамемнона, Солнце-богатырь, мститель за убитаго; отъ его руки падутъ и Эгисѳъ, и Клитемнестра, и онъ унаслѣдуетъ царство своего отца. Уже въ этой формѣ миѳа мы имѣемъ и мужеубійство, и матереубійство, но оба они еще не ощущаются, какъ нарушенія нравственнаго закона.

Пока названныя лица хоть смутно сознавались, какъ олицетворенія физическихъ началъ, нравственная сторона дѣла оставалась надъ порогомъ сознанія. Нуженъ былъ великій религіозный переворотъ въ жизни греческаго народа для того, чтобы физическая сторона была предана забвенію, и нравственная, въ силу которой нашъ миѳъ сдѣлался носителемъ идеи оправданія, выступила на первый планъ; этимъ переворотомъ была *реформа религіи Зевса подъ вліяніемъ религіи Аполлона.*

III.

Всякая религія, содержащая ученіе о мессіи, содержитъ именно въ немъ зародышъ своего собственнаго разрушенія; рано ли, поздно ли, но обѣщанный мессія долженъ явиться и увлечь за собою сердца. Мессіанскіе элементы древнегерманской религіи подготовили почву для торжества христіанства; для греческой же религіи Зевса необходимость реформы, соотвѣтственно болѣе быстрому росту греческой культуры, явилась много ранѣе. Въ неопредѣлимое точнѣе время, въ эпоху возникновенія древнѣйшихъ гомерическихъ поэмъ, культъ свѣтлой божественной четы, Аполлона и Артемиды (Діаны) сталъ распространяться по Греціи. Проникъ онъ туда съ Востока: для Гомера Аполлонъ еще троянскій богъ. Быть можетъ, его родина еще восточнѣе; по крайней мѣрѣ, персы, вторгаясь въ Элладу, оказывали уваженіе Аполлону и Артемидѣ, признавая въ нихъ своихъ родныхъ боговъ. Но какъ бы тамъ ни было, древнѣйшіе слѣды указываютъ на Трою: тамъ за неприступными утесами Иды есть блаженная страна вѣчнаго свѣта, Ликія (Lycia=Lucia), населенная благочестивымъ «загорнымъ» народомъ—гиперборейцами. Тамъ обычное мѣстопребываніе Аполлона; съ этой своей святой горы спускается онъ къ смертнымъ.

Оттуда его культъ распространился на западъ; въ греческую территорію онъ проникъ чрезъ ту же историческую тѣснину, чрезъ которую и позже вторгались побѣдоносные враги—черезъ Ѳермопилы. Эта мѣстность была полна воспоминаній о Геракліе, безвременно погибшемъ спасителѣ боговъ; воспоминанія эти были отличной почвой для воспріятія новой религіи: гдѣ погибъ Геракль, тамъ торжествовалъ Аполлонъ. Изъ Ѳермопилъ культъ новаго бога двинулся далѣе на юго-западъ, въ срединную часть Греціи; здѣсь была гора Парнассъ и на ней самое древнее святилище Земли. Его-то и занялъ Аполлонъ, являясь во всѣхъ смыслахъ обѣщаннымъ религіей Зевса мессіей; здѣсь онъ убилъ Змѣя, взлелѣяннаго Землей, исторгъ у нея знаніе, которое она скрывала, и основалъ свой древнѣйшій дельфійскій храмъ и оракулъ. Парнассъ сталъ святой горой Аполлона, главнымъ центромъ его культа рядомъ съ Ѳермопилами. Связь между этими двумя центрами существовала и въ историческое время: всегда собранія такъ называемыхъ амфиктіоновъ (т.-е. представителей отъ государствъ, обязавшихся защищать

Дельфійскій храмъ) начинались въ Θермопилахъ или, какъ ихъ проще называли, въ Пилахъ, но продолжались на святой горѣ въ Дельфахъ. Эта же связь получила и миѳологическое выраженіе, довольно своеобразное,—въ раздвоеніи личности Аполлона на Аполлона-представителя Пилъ и Аполлона-представителя горы; первый былъ нареченъ Пиладомъ, второй (отъ греческаго oros—«гора») Орестомъ. Такъ-то возникла въ фантазіи грековъ эта знаменитая и по нынѣ чета.

Подъ вліяніемъ культа Аполлона, древнѣйшая религія Зевса была реформирована. Аполлонъ убилъ Змѣя, взлелѣяннаго Землей, Змѣя, грозившаго гибелью Зевсу,—стало быть, этой гибели не бывать: вѣчность обезпечена царству Зевса. Но все, что̀ началось, должно и кончиться; царство Зевса кончиться не должно,—значитъ, оно не могло имѣть и начала. Зевсъ предвѣченъ и вѣченъ. Нѣтъ ему гибели; нѣтъ и причинъ гибели, нѣтъ вражды между нимъ и Землей; когда религія Аполлона проникла и въ древнѣйшій центръ культа Зевса, въ Додону, она устами вдохновенной жрицы—пророчицы новаго бога—вмѣстила въ двухъ стихахъ сущность происшедшей реформы:

Есть Зевсъ, былъ онъ и будетъ; воистину молвлю, великъ Зевсъ!
Зиждетъ плоды вамъ Земля, величайте же матерью Землю!

Конечно, дореформенная религія, имѣвшая въ своемъ основаніи борьбу Духа и Земли, была глубокомысленнѣе новой, но зато новая была жизнерадостнѣе: можно было свободнѣе вздохнуть, не чувствуя близъ себя пасти Змѣя, не думая о тяготѣющей надъ богами и надъ культурой человѣчества гибели.

Что же касается стариннаго миѳа религіи Зевса, миѳа о Зевсѣ-Агамемнонѣ и Землѣ-Клитемнестрѣ, то и онъ былъ дополненъ подъ вліяніемъ новой религіи. Обѣщанный Солнце-богатырь сталъ, конечно, Аполлономъ, а именно Аполлономъ святой горы, гдѣ былъ убитъ Змѣй, Орестомъ; Аполлонъ же привелъ съ собою и свою сестру, «лучезарную» Артемиду-Электру. Все же роль этой послѣдней была довольно неопредѣленной, такъ какъ она не была органической, первоначальной частью миѳа. Но со всѣми этими дополненіями нашъ миѳъ не могъ долѣе оставаться богословскимъ миѳомъ: Зевсъ-Агамемнонъ вѣдь погибаетъ отъ руки Земли-Клитемнестры; по религіи же Аполлона, Зевсъ былъ вѣченъ и жилъ въ мирѣ съ матерью Землей. И вотъ божественные элементы миѳа мало по малу предаются забвенію: передъ нами уже не Зевсъ-Агамемнонъ, не Земля-Клитемнестра, а просто Агамемнонъ, Клитемнестра, Эгисеъ, Орестъ, Электра;—къ счастью, въ Спартѣ сохранился до историческихъ временъ культъ «Зевса-Агамемнона», какъ живое доказательство первоначальнаго богословскаго характера всего миѳа. Вмѣстѣ съ Зевсомъ, и царство его спустилось съ неба на землю: тотъ Асгардъ греческой религіи—«бѣлый» городъ боговъ, въ которомъ былъ царемъ Зевсъ-Агамемнонъ, былъ локализированъ въ Греціи то какъ пелазгическій, то какъ ахейскій «Аргосъ». Весь масштабъ

измѣнился: разъ гигантскіе и туманные образы сѣдой старины были низведены до человѣческой нормы и стали ясны и пластичны—къ ихъ дѣяніямъ стала приложима и человѣческая оцѣнка: съ утратой богословскаго элемента выдвинулся на первый планъ элементъ нравственный. Клитемнестра стала просто невѣрной женой, замыслившей вмѣстѣ со своимъ любовникомъ убійство своего супруга; Орестъ сталъ вѣрнымъ сыномъ, отомстившимъ за смерть своего отца... Кстати: онъ сдѣлалъ это по приказанію Аполлона, подъ святой горой котораго онъ воспитывался; въ этомъ сохранился слѣдъ первоначальнаго тожества Ореста съ Аполлономъ святой горы. Всѣ эти человѣческія дѣйствія требовали человѣческой мотивировки; ее далъ первый поэтъ, обработавшій нашъ миѳъ—авторъ такъ называемой киклической поэмы «о возвращеніяхъ богатырей» (Nostoi), приписываемой въ древности Гомеру. Человѣческая же мотивировка разсчитана на возбужденіе человѣческихъ же чувствъ симпатіи и антипатіи; весь миѳъ построенъ такъ, чтобы наши симпатіи были на сторонѣ предательски убитаго царя и его мстителя, юнаго богатыря Ореста; но съ матереубійцей мы симпатизировать не можемъ. Вотъ почему въ поэзіи замѣчается тенденція выдвинуть убійство Орестомъ *Эгисѳа*, безчестнаго обольстителя супруги своего царя, и предать забвенію убійство имъ самой Клитемнестры. «Или ты не слышалъ», говоритъ въ Одиссеѣ Аѳина Телемаху,—

«Славу какую стяжалъ среди смертныхъ Орестъ богоравный
Тѣмъ, что Эгисѳа сразилъ нечестивца, который однажды
Смерти Атрида предалъ? За отца своего отомстилъ онъ;
Такъ же и ты, дорогой,—ты не даромъ могучъ и прекрасенъ—
Мужественъ будь, дабы добрымъ тебя также словомъ почтили».

И мы можемъ быть увѣрены, что современемъ нравственность взяла бы свое. Клитемнестра была бы устранена изъ миѳа и какъ непосредственная исполнительница казни надъ своимъ супругомъ, и какъ жертва мести со стороны своего сына; и тутъ, и тамъ ея мѣсто занялъ бы Эгисеъ, а ей досталась-бы второстепенная роль—роль кающейся грѣшницы, которую не трудно было бы простить побѣдоносному сыну. Это, повторяю, несомнѣнно случилось бы, если бы не религіозная реакція восьмого и седьмого вѣковъ. Нашъ миѳъ имѣлъ счастье или несчастье попасть въ это реакціонное теченіе, и оно, сохраняя его въ его первоначальной формѣ, придало ему новое содержаніе, такое, о которомъ до тѣхъ поръ и рѣчи не было.

Центромъ этой религіозной реакціи былъ тотъ же дельфійскій оракулъ на святой горѣ Аполлона.

IV.

Въ гомерическомъ гимнѣ въ честь Аполлона-делосскаго богиня острова Делоса, которому суждено было сдѣлаться мѣстомъ рожденія новаго бога, говоритъ по этому поводу родильницѣ:

Властолюбивъ, говорятъ, будетъ сынъ Аполлонъ твой, Латона,
Первымъ онъ быть пожелаетъ боговъ среди сонма безсмертныхъ,
Первымъ средь смертныхъ людей.

Властолюбіе было отличительной чертой культа Аполлона въ Греціи или, говоря правильнѣе, той небольшой кучки жрецовъ и жрицъ, которая вѣдала этотъ культъ въ Дельфахъ. Исторія не сохранила памяти объ индивидуальныхъ дѣяніяхъ каждаго и каждой изъ нихъ, и это жаль: она лишила насъ этимъ знакомства съ цѣлымъ рядомъ выдающихся своимъ умомъ и силой, беззавѣтно преданныхъ своему дѣлу и вѣрующихъ людей... подлинно ли вѣрующихъ? Прошли, къ счастью, тѣ времена, когда передовые люди могли представлять себѣ умныхъ руководителей религіозной силы человѣчества только лицемѣрами; мы знаемъ теперь (или, по крайней мѣрѣ, могли бы знать), что искренней вѣрѣ легко поддержать въ человѣкѣ тотъ священный огонь, благодаря которому его жизнь становится сплошнымъ подвигомъ на благо человѣчества, но что выдержанное въ теченіе цѣлой жизни (не говоря уже о цѣломъ радѣ поколѣній) лицемѣріе есть нѣчто чудовищное, превосходящее человѣческія силы. И если бы дельфійскій храмъ сохранилъ портреты своихъ верховныхъ жрецовъ, мы безъ труда признали бы въ одномъ изъ нихъ—Григорія Великаго, въ другомъ—Григорія VII, въ третьемъ—Иннокентія III. Святая гора въ Дельфахъ и святой престолъ въ Римѣ—поразительно схожія явленія; объ этомъ сходствѣ намъ не разъ придется вспоминать.

Но, какъ я сказалъ, индивидуальныя дѣянія дельфійскихъ жрецовъ забыты; мы можемъ судить только о коллективныхъ дѣяніяхъ дельфійскаго бога. Ихъ цѣлью была, съ одной стороны, духовная гегемонія надъ эллинами и, если возможно, также и надъ другими людьми (по скольку тутъ роль играла политика, о ней рѣчь будетъ ниже); съ другой стороны сочетаніе нравственнаго элемента съ религіознымъ, чуждое древней дореформенной религіи Зевса. Положимъ, въ этомъ отношеніи религія Аполлона стоитъ не особнякомъ—ту же цѣль поставили себѣ и обѣ другія новыя религіи, религія Деметры (Цереры) и Діониса (Вакха). Разница состоитъ однако въ томъ, что эти двѣ религіи старались достигнуть своей цѣли путемъ тайныхъ обществъ; ихъ адепты должны были дать посвятить себя въ элевсинскія или орфическія *таинства*. Напротивъ, религія Аполлона стремилась къ своей цѣли открыто, не зная никакихъ таинствъ; дельфійскій храмъ былъ открытъ для всѣхъ, всѣхъ одинаково встрѣчалъ вырѣзанный надъ его дверями глубокомысленный девизъ: «познай самого себя».

Радостной вѣстью новой религіи былъ, какъ мы видѣли, миръ Зевса и Земли. Самъ дельфійскій храмъ стоялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда находилось самое славное святилище вѣщей Земли; умилостивленіе Земли стало главнымъ требованіемъ Аполлоновой религіи. Но Земля была не только кормилицей смертныхъ, той, которая «зиждетъ

имъ плоды»: она же принимала ихъ души, когда наступала ихъ смерть. Вотъ почему *культъ душъ* сдѣлался главнымъ предметомъ вниманія Аполлона. Удивительна была въ этомъ отношеніи безпечность въ эпоху паденія религіи Зевса, изображенную въ Гомеровскихъ поэмахъ. Ея главное правило—«мертвый въ гробѣ мирно спи, жизнью пользуйся живущій»,—пока очередь не дойдетъ и до тебя; а тамъ и тебя приметъ обитель Аида, и ты будешь навѣки отдѣленъ отъ міра живыхъ. Убьютъ у тебя сына или близкаго родственника—это причинитъ тебѣ извѣстное огорченіе, въ возмѣщеніе котораго ты можешь требовать отъ убійцы соотвѣтствующей суммы наслажденій, другими словами—виры; но онъ имѣетъ дѣло исключительно съ тобой и съ твоимъ огорченіемъ, а не съ убитымъ. Убитый самъ по себѣ никакихъ правъ не имѣетъ, онъ «въ гробѣ мирно спи».

Теперь не то. Подъ легкимъ слоемъ гомеровской безпечности въ народѣ сохранились смутныя представленія первобытной эпохи анимизма, согласно которымъ мертвый не спитъ мирно въ гробѣ, а требуетъ себѣ дани отъ живущихъ, страшно карая тѣхъ, которые ему въ ней отказываютъ; согласно которымъ онъ, въ случаѣ убійства, не довольствуется ролью простого объекта сдѣлки между убійцей и своимъ ближайшимъ родственникомъ, а требуетъ крови убійцы, страшно карая тѣхъ, которыя ему въ ней отказываютъ. Вотъ эти-то представленія (мы встрѣчаемъ ихъ въ видѣ непонятыхъ пережитковъ даже въ гомеровскихъ поэмахъ) дали религіи Аполлона точку опоры для реформы, которую мы, именно по этой причинѣ, можемъ назвать религіозною реакціей. *Право души* было объявлено священнымъ, независимо отъ правъ пережившихъ покойнаго родственниковъ; принимать виру стало безнравственнымъ. Если гдѣ-нибудь въ Греціи приключалось какое-либо несчастье, будь то чума, или неурожай, или какое-нибудь страшное преступленіе, и люди обращались съ запросомъ въ дельфійскій храмъ, то это несчастье объявлялось карой со стороны души какого-нибудь погибшаго мужа, разгнѣванной за то, что ей отказывали въ уходѣ или что ея убійцы остались безнаказанными. Въ теченіе ближайшихъ за реформой столѣтій вся Греція покрылась могилами такихъ «героевъ», какъ ихъ называли, культъ которыхъ былъ государственнымъ дѣломъ. Спѣшу прибавить, что въ этой примѣси къ новой религіи не было ничего мрачнаго. Правда, живущіе должны были удѣлять часть своихъ заботъ мертвымъ, но зато они сами съ большимъ спокойствіемъ могли думать о своей собственной смерти, зная, что и о нихъ не забудутъ. Этого было для начала достаточно; дальнѣйшіе шаги были сдѣланы религіями Деметры и Діониса, провозгласившими безсмертіе души и вѣчное блаженство добрыхъ и передавшими эти свѣтлые догматы Платону, а черезъ Платона—намъ.

Въ культѣ душъ, повторяю, ничего мрачнаго не было; но вотъ гдѣ была опасность возникновенія мрачнаго, анти-соціальнаго института.

Вѣдь, если убитый могъ быть умилостивленъ только кровью убійцы, пролитой своимъ мстителемъ, то это значило, что теперь мститель долженъ былъ сдѣлаться убійцей, крови котораго вправѣ требовать убитый имъ первый убійца, и такъ далѣе; это значило, что каждое убійство должно сдѣлаться первымъ звеномъ цѣпи убійствъ, имѣющихъ прекратиться лишь съ уничтоженіемъ всего племени, гдѣ оно произошло. А между тѣмъ какой же другой исходъ оставался, разъ принятіе виры считалось безнравственнымъ? Исходъ былъ придуманъ Аполлономъ; онъ былъ такого рода, что, благодаря ему, Аполлонъ дѣйствительно сталъ первымъ среди сонма безсмертныхъ боговъ, руководителемъ совѣсти смертныхъ. Исходъ этотъ гласилъ такъ: «Нельзя откупиться деньгами отъ пролитой крови; *одинъ только Аполлонъ можетъ отпустить человѣку совершенное имъ убійство, очищая его отъ его грѣха*». Самъ Аполлонъ убилъ взлелѣяннаго Землей Змѣя, спустился къ царю преисподней и несъ у него рабскую службу въ теченіе одного «великаго года». Этой службой онъ очистилъ себя и пріобрѣлъ право очищать другихъ. Такимъ образомъ, *религія* устами Аполлона объявляла себя посредницей между человѣкомъ и его совѣстью; чистъ тотъ, кому Аполлонъ отпустилъ его грѣхъ; преступенъ тотъ, кому онъ его не отпустилъ.

Таковы были двѣ новыя истины аполлоновой религіи. Первая объявляла священнымъ право убитаго на кровавую месть; вторая обѣщала убійцѣ прощеніе при посредничествѣ дельфійскаго бога. Или, говоря правильнѣе, таково отвлеченное выраженіе этихъ истинъ; но въ ту эпоху, о которой идетъ рѣчь, люди не были еще пріучены думать отвлеченно—они думали миѳологически. Новыя истины требовали для своего выраженія миѳологической формы.

V.

Шло ли на встрѣчу этому требованію преданіе, которому посвященъ настоящій очеркъ, преданіе объ Орестѣ-матереубійцѣ?

У грековъ, какъ это, впрочемъ, естественно, мать считалась самымъ священнымъ для человѣка существомъ. Когда въ «Облакахъ» Аристофана сынъ, нравственно развинченный новомоднымъ софистическимъ воспитаніемъ, доказываетъ отцу, что, съ точки зрѣнія разума, онъ, сынъ, имѣетъ полное право наставлять своего отца побоями, отецъ его внимательно слушаетъ и даже, не будучи въ состояніи справиться съ его софистикою, соглашается съ нимъ; но когда молодой человѣкъ пытается доказать то же самое и по отношенію къ своей матери, чаша терпѣнія переполняется: отецъ его проклинаетъ и въ отчаяніи отправляется поджечь домъ его учителя. Матереубійство было, поэтому, изъ всѣхъ физически возможныхъ преступленій самымъ страшнымъ, самымъ возмутительнымъ. И вотъ причина, почему миѳъ объ Орестѣ, имѣющій своимъ центромъ матереубійство, былъ какъ нельзя болѣе пригоднымъ для выраженія новыхъ истинъ аполлоновой религіи.

Роковая непреложность какого-нибудь требованія выступаетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ непреодолимѣе представляется то препятствіе, надъ которымъ оно въ концѣ-концовъ торжествуетъ. Въ данномъ случаѣ первое требованіе гласитъ такъ: «сынъ убитаго долженъ умилостивить справедливый его гнѣвъ кровью его убійцы». Возникалъ вопросъ: безусловно ли? «Да,—отвѣчалъ Аполлонъ,—безусловно». Даже если убійцей была родная мать мстителя? «Да». Второе требованіе гласитъ такъ: «если убійца хочетъ, чтобы его грѣхъ былъ отпущенъ, пусть онъ обратится къ Аполлону; кого очиститъ Аполлонъ, тому нечего бояться гнѣва убитаго». Опять возникаетъ вопросъ: безусловно ли? И опять Аполлонъ долженъ былъ отвѣтить: «да, безусловно». Даже если убитой была родная мать? «Да». Эти два отвѣта долженъ былъ заключать миѳъ-носитель новыхъ истинъ аполлоновой религіи. Первый изъ нихъ уже былъ данъ миѳомъ объ Орестѣ, но только въ его первоначальной формѣ, а не въ той, которую, подъ вліяніемъ нравственно-поэтическихъ соображеній, придали ему пѣвцы гомеровской школы. Что касается второго отвѣта, то въ самомъ миѳѣ онъ еще не заключался, но очень легко могъ быть внесенъ въ него; для этого Дельфамъ нужно было только подвергнуть его соотвѣтственной редакціи, что́ они и сдѣлали. Вотъ какимъ образомъ миѳъ объ Орестѣ-матереубійцѣ попалъ въ реакціонно-реформенное теченіе восьмого вѣка, исходившее изъ дельфійскаго храма; выборъ Дельфовъ долженъ былъ остановиться на немъ тѣмъ болѣе, что онъ уже и безъ того, въ послѣднемъ развитіи своей богословской формы, содержалъ въ себѣ аполлоновскій элементъ въ лицѣ Ореста и его сестры Электры, изъ которыхъ первый былъ, какъ мы видѣли, первоначально самимъ Аполлономъ святой горы, а вторая—сестрой его, Артемидой.

Отношеніе другъ къ другу обѣихъ редакцій нашего миѳа, гомеровской и дельфійской, лучше всякихъ отвлеченныхъ разсужденій покажетъ намъ существенность религіозной реформы, состоявшейся между той и другой; будетъ, поэтому, полезнымъ представить читателю ту и другую. Первую мы можемъ разсказать словами самого Гомера въ «Одиссеѣ»; вторая намъ не сохранилась, но, такъ какъ подъ ея вліяніемъ находились и нѣкоторыя позднѣйшія поэмы, и въ особенности фигурные памятники, то мы имѣемъ и о ней довольно точное представленіе.

Что касается, прежде всего, гомеровской редакціи, то она состоитъ въ слѣдующемъ. Отправляясь подъ Трою, Агамемнонъ оставилъ своего младенца-сына Ореста и свое царство, Аргосъ, подъ властью своей жены Клитемнестры. Воспользовавшись его отсутствіемъ, его двоюродный братъ Эгисѳъ сталъ склонять ее къ измѣнѣ. Она долго сопротивлялась ему: «сердцемъ она одарена была добрымъ», говоритъ Гомеръ, явно стремящійся выгородить ее; къ тому же ея мужъ, уѣзжая, оставилъ ее подъ охраной пѣвца—да, именно пѣвца; въ этой малень-

кой подробности сказывается гордость эпическихъ поэтовъ, чувствовавшихъ себя нравственной силой до тѣхъ поръ, пока этой роли не потребовала для себя религія. Но вотъ неизбѣжное совершилось: пѣвецъ-хранитель былъ удаленъ на пустынный островъ, гдѣ онъ сталъ добычею хищныхъ птицъ, а Клитемнестра стала супругой Эгисѳа. Нѣкоторое время спустя Троя пала; Агамемнонъ съ добычей, среди которой находилась троянская царевна Кассандра, вернулся въ свой родной Аргосъ. Эгисѳъ, увѣдомленный объ его прибытіи, вышелъ къ нему на встрѣчу и пригласилъ его на пиръ; и вотъ, за дружеской трапезой онъ убилъ его, «какъ быка убиваютъ за яслями». Умирая, Агамемнонъ услышалъ жалобный голосъ—голосъ Кассандры, пораженной на смерть ударомъ Клитемнестры; долго металася онъ на землѣ, Клитемнестра же ушла, не закрывъ даже глаза убитому мужу. Вотъ, значитъ, въ чемъ ея преступленіе; убійцей мужа она по этой редакціи не была. Семь лѣтъ царствовалъ Эгисѳъ надъ Аргосомъ; на восьмой годъ Орестъ вернулся изъ Аѳинъ (какъ онъ туда попалъ, объ этомъ ниже, § 7), убилъ Эгисѳа и торжественно со всѣми аргосцами отпраздновалъ тризну по «преступной матери и безсильномъ Эгисѳѣ». Это послѣднее мѣсто очень характерно. Лишь вскользь упоминаетъ пѣвецъ о томъ, что и Клитемнестра погибла, онъ не хочетъ дѣлать изъ нея предмета вниманія; главное—Эгисѳъ, онъ былъ и убійцей Агамемнона, и жертвой мести со стороны его сына. Итакъ, тризна отпразднована; что же дальше? Орестъ сталъ царемъ и прославился какъ мститель за своего отца; его ставили въ примѣръ и другимъ, какъ добраго и вѣрнаго сына. А Клитемнестра съ Эгисѳомъ? О нихъ далѣе и рѣчи нѣтъ; «спящій въ гробѣ мирно спи». Такова гомеровская редакція; разсмотримъ теперь вслѣдъ за ней редакцію дельфійскую.

Клитемнестра дала себя обольстить Эгисѳу и съ нимъ вмѣстѣ задумала убійство Агамемнона, живя въ Лаконикѣ, въ городѣ Амиклахъ, близъ Спарты (эта новая локализація была введена подъ вліяніемъ политической эволюціи, о которой рѣчь будетъ ниже). У Эгисѳа, однако, главнымъ побужденіемъ была не любовь и не жажда власти; на немъ лежалъ долгъ кровавой мести за своихъ маленькихъ братьевъ, варварски убитыхъ отцомъ Агамемнона; ихъ тѣнь требуетъ возмездія; за убійцу, котораго уже нѣтъ, долженъ пасть его сынъ. Преступленіе было совершено непосредственно послѣ того, какъ Агамемнонъ со своимъ вѣрнымъ глашатаемъ Талѳибіемъ вернулся изъ-подъ Трои; когда онъ вошелъ въ купель, чтобы омыться послѣ долгаго путешествія, Клитемнестра надѣла на него длинный плащъ, на подобіе рубашки безъ рукавовъ, чтобы онъ не могъ защищаться, а затѣмъ сѣкирой убила его; Эгисѳъ же непосредственнаго участія въ преступленіи не принималъ. Онъ дѣйствовалъ черезъ Клитемнестру; поэтъ дельфійской Орестеи нарочно выдвигаетъ на первый планъ ее, чтобы объектомъ кровавой мести для сына была родная мать—мы видѣли, почему

именно этотъ пунктъ былъ драгоцѣненъ для Дельфовъ. Сынъ этотъ былъ тогда еще малолѣтнимъ. Разумѣется, Эгисеъ бы его не пощадилъ, его, въ которомъ онъ долженъ былъ видѣть будущаго мстителя за смерть отца и постоянную угрозу для себя самого; къ счастью, кормилица мальчика во время тайно увела его и передала Талѳибію, а этотъ увезъ его изъ страны къ давнишнему кунаку Агамемнона, царю фокейской Крисы у подножія святой горы Аполлона; тотъ и воспиталъ его вмѣстѣ съ собственнымъ сыномъ, Пиладомъ. Когда онъ выросъ, онъ обратился къ дельфійскому богу съ вопросомъ, что ему дѣлать; богъ пригрозилъ ему страшнымъ наказаніемъ, въ случаѣ, если бы онъ уклонился отъ долга кровавой мести, и велѣлъ ему хитростью бороться съ силой. Послѣ этого отвѣта Орестъ съ Пиладомъ и Талѳибіемъ отправились въ Амиклы. Въ то же время и Клитемнестрѣ приснился страшный сонъ: будто она своей грудью кормитъ маленькаго змѣя, и этотъ змѣй впивается зубами въ ея грудь и вмѣсто молока высасываетъ ея кровь. Встревоженная сномъ, виновникомъ котораго она считаетъ своего покойнаго мужа, она посылаетъ свою дочь Электру вмѣстѣ со старой кормилицей принести умилостивительныя возліянія на его могилу. И вотъ, у могилы Агамемнона, гнѣвная тѣнь котораго незримо стоитъ въ центрѣ событій, происходитъ тайный разговоръ между братомъ и сестрой; цѣль его—открыть троимъ посланцамъ дельфійскаго бога доступъ въ царскія палаты. Это удается; увидѣвъ Эгисеа на престолѣ своего отца, Орестъ бросается на него съ мечомъ въ рукѣ. Тщетно царскіе тѣлохранители спѣшатъ ему на помощь: Пиладъ не даетъ имъ приблизиться къ царю. Тогда Клитемнестра, съ сѣкирой въ рукахъ,—той самой, которой она раньше убила мужа,—заступается за Эгисеа; но Талѳибій вырываетъ ее изъ ея рукъ, а Орестъ, покончивъ съ Эгисеомъ, тутъ же убиваетъ и свою мать, несмотря на всѣ ея мольбы.

А дальше?.. Въ этомъ и заключается характерная черта дельфійской редакціи, что она ставитъ этотъ вопросъ, не существующій для гомеровской эпохи. Убійство матери сыномъ вызываетъ изъ преисподней богинь-мстительницъ Эринній; онѣ преслѣдуютъ убійцу, не давая ему покоя; онъ не можетъ оставаться въ Амиклахъ, онъ бѣжитъ на сѣверъ, къ храму того бога, который руководилъ его душой. И Апполонъ не оставилъ его и далъ ему лукъ и стрѣлы, чтобы защищаться отъ преслѣдованія Эринній. Преисподняя безсильна противъ стрѣлъ, отъ которыхъ нѣкогда погибъ великій Змѣй; Эринніи вернулись въ свою мрачную обитель, и Орестъ окончательно занялъ престолъ своего отца.

VI.

Съ точки зрѣнія аполлоновой религіи преданіе объ Орестѣ было установлено навсегда въ только что представленной формѣ и болѣе

развиваться не могло; вся Грецiя, видѣвшая въ Аполлонѣ «бога» вообще, приняла ее въ этомъ видѣ. Дальнѣйшее видоизмѣненіе нашего преданія было послѣдствіемъ дальнѣйшей эволюціи нравственныхъ идей, которая состоялась, однако, не на почвѣ аполлоновой религіи, а какъ протестъ противъ нея. Исходнымъ пунктомъ для этого протеста были Аѳины; такъ какъ ему способствовала политическая эволюція ближайшихъ за дельфійской реакціей столѣтій, то мы должны здѣсь прежде всего поговорить о ней, и въ связи съ ней—*о политическомъ значеніи преданія объ Орестѣ вообще.*

Подъ вліяніемъ эпической поэзіи Агамемнонъ давно успѣлъ превратиться для грековъ въ историческое лицо; это былъ тотъ царь, который, въ силу унаслѣдованной отъ отцовъ власти, призвалъ прочихъ греческихъ царей къ общему походу противъ варваровъ. Всѣ они тогда послушно явились на его зовъ: и престарѣлый владыка мессенскаго Пилоса, и ретивый вождь ѳессалійскихъ мирмидонянъ, и юные начальники аѳинскаго народа, и царь сосѣдней братской Спарты, и хитроумный князь далекой Ѳаки. Иначе и быть не могло: на то у Агамемнона былъ священный, богоданный жезлъ, происхожденіе котораго было прекрасно извѣстно пѣвцамъ-гомеридамъ:

Тотъ жезлъ былъ Гефеста работой;
Мастеръ Гефестъ его Зевсу поднесъ, повелителю неба;
Зевсъ же Гермесу вручилъ, своему быстроногому сыну;
Тотъ его Пелопу-князю, наѣзднику отдалъ лихому;
Пелопъ Атрею оставилъ, народовъ чтобъ былъ властелиномъ;
Царь же Атрей, умирая, богатому отдалъ Ѳіесту;
Тотъ, наконецъ, Агамемнону далъ, дабы правилъ державно,
Многихъ царемъ острововъ и всего его Аргоса ставя.

Такъ-то Агамемнонъ сталъ царемъ надъ царями, управляя «всѣмъ Аргосомъ», т.-е. всей Грецiей, земнымъ отраженіемъ небеснаго Аргоса-Асгарда, «бѣлаго города» боговъ. По смерти Агамемнона, богоданный жезлъ захватилъ Эгисеъ, и народы съ ропотомъ повиновались ему; послѣ Эгисеа онъ достался законному наслѣднику Оресту, освободившему отъ позора отчій домъ; но что же съ нимъ случилось дальше? Кому, послѣ Ореста, достался богоданный жезлъ, «многихъ царемъ острововъ и всего его Аргоса ставя»? Этого никто не зналъ; по изложеннымъ выше причинамъ имя Ореста было послѣднимъ именемъ генеалогіи Атридовъ.

Греческая исторія начинается съ переселенія племенъ, разрушившихъ доисторическую героическую культуру, о которой намъ дали представленіе раскопки Шлимана—точно такъ же, какъ исторія новой Европы начинается съ великаго переселенія народовъ, разрушившихъ римскую имперію. И здѣсь, и тамъ за эпохой переселенія послѣдовала долгая эпоха броженія, во время которой о главенствѣ одного народа или царя надъ другимъ не могло быть и рѣчи; но мало-по-малу изъ числа племенъ выдѣлилось одно, самое сильное и могущественное, и

выставило требованіе, чтобы другія подчинились ему. Это требованіе поддерживалось прежде всего силою, какъ это и естественно; но не менѣе естественнымъ было и желаніе къ силѣ присоединить право. Право состояло въ возстановленіи связи между новой гегемоніей и старой; чѣмъ для королей франковъ была римская корона, дѣлавшая ихъ наслѣдниками Цезарей и Августовъ, тѣмъ для новыхъ властителей въ Греціи былъ богоданный жезлъ Агамемнона и Ореста, послѣднихъ царей надъ царями, послѣднихъ носителей гегемоніи въ героической Греціи. Тутъ переходъ совершился даже еще естественнѣе: вѣдь замокъ Агамемнона, по разсказамъ поэтовъ, стоялъ въ «златомъ обильныхъ Микенахъ», на восточномъ полуостровѣ Пелопоннеса—немудрено, что ореолъ его славы озарилъ тотъ народъ, который занялъ этотъ полуостровъ. Здѣсь, недалеко отъ разрушенныхъ Микенъ, былъ построенъ городъ Аргосъ, одно имя котораго дѣлало его наслѣдникомъ власти надъ гомеровскимъ Аргосомъ, т.-е. Греціей; первый періодъ греческой исторіи былъ періодомъ преобладанія Аргоса надъ другими племенами—по крайней мѣрѣ, въ Пелопоннесѣ. Оно продолжалось до седьмого вѣка, когда аргивскій царь Фидонъ въ послѣдній разъ воплотилъ въ своей особѣ величіе Аргоса, какъ перваго среди пелопоннескихъ государствъ; но уже при его ближайшихъ потомкахъ Аргосъ потерялъ гегемонію. Она никогда болѣе къ нему не вернулась; отъ всего минувшаго величія ему ничего не осталось, кромѣ воспоминаній и звучавшаго горькой ироніей славнаго имени «бѣлаго города» боговъ.

Паденіе Аргоса было возвышеніемъ Спарты; оно состоялось въ послѣднюю половину седьмого вѣка. Будучи политически единой,—а не раздѣленной на удѣлы, подобно Аргосу,—завладѣвъ, къ тому же, сосѣдней Мессеніей, она была безъ всякаго сомнѣнія самымъ могущественнымъ въ Греціи государствомъ и могла помышлять о гегемоніи. Сила для этого у нея была; но было ли право? Нѣтъ; право было тамъ, гдѣ стояли развалины древняго города Атридовъ, въ Аргосѣ... Въ этомъ затруднительномъ положеніи Спарта поступила точно такъже, какъ въ средніе вѣка поступали саксонскіе и швабскіе герцоги, мечтавшіе объ императорской коронѣ. Тѣ обращались въ Римъ; Спарта обратилась въ Дельфы. Соперничество германскихъ князей доставило святому престолу въ Римѣ, кромѣ духовной, и свѣтскую власть; соперничество греческихъ племенъ доставило святой горѣ Аполлона, кромѣ духовной гегемоніи, о которой рѣчь была выше, и гегемонію свѣтскую. Спарта стала на два безъ малаго столѣтія мечомъ Эллады; но рука, поднимавшая этотъ мечъ, находилась въ Дельфахъ.

Дѣйствительно, гегемонія Спарты была гораздо болѣе на руку Дельфамъ, нежели гегемонія Аргоса, который, сильный своимъ правомъ, могъ прекрасно обходиться безъ нихъ. Право это имѣло основаніемъ не допускающую никакого сомнѣнія гомеровскую традицію, согласно которой Агамемнонъ, вождь эллиновъ, княжилъ именно въ Аргосѣ и

Микенахъ; недвусмысленность этой традиціи дозволяла аргосцамъ признать въ древнѣйшихъ героическихъ гробницахъ Микенъ гробницы Агамемнона, Клитемнестры и Кассандры. Всему этому съ помощью Дельфовъ былъ созданъ противовѣсъ. Прежде всего была сочинена, въ противовѣсъ гомеровской традиціи, та *дельфійская Орестея*, о которой рѣчь была выше; главная цѣль ея, какъ мы видѣли, была нравственно религіозная, но не трудно было заодно удовлетворить и политическимъ требованіямъ минуты, что̀ и было сдѣлано: вопреки Гомеру, ни Аргосъ, ни Микены, а спартанскія Амиклы были объявлены столицей Агамемнона. Именно Амиклы были очень удобны для этой цѣли; это былъ очень древній городъ; въ немъ были старинныя героическія гробницы, которыя со временемъ могли пригодиться. Все же Дельфы дѣйствовали медленно, исподволь. Въ Амиклахъ правился древній культъ богини Александры: ее-то отожествили съ пророчицей Кассандрой, которая была убита вмѣстѣ съ Агамемноном̀ъ. Спартанскій культъ Зевса Агамемнона, восходившій еще къ космогонической формѣ миѳа, тоже долженъ былъ сослужить свою службу, хотя мы объ этомъ ничего точнаго не знаемъ. Все это было хорошо, но недостаточно: вѣдь богоданный жезлъ Агамемнона по праву перешелъ къ Оресту, онъ былъ послѣднимъ носителемъ эллинской гегемоніи; что же случилось съ Орестомъ? Слабость Аргоса состояла именно въ томъ, что онъ на этотъ вопросъ никакого отвѣта дать не могъ; а Спарта съ помощью Дельфовъ могла. Мы видѣли, что именно въ дельфійской традиціи Орестъ, какъ носитель дельфійской идеи оправданія, игралъ первенствующую роль; его очистилъ Аполлонъ—въ чемъ же состояло это очищеніе? Знать это могли одни только Дельфы, и они это знали: онъ велѣлъ ему привезти изъ Таврической земли кумиръ своей божественной сестры, Артемиды. Теперь дѣло обстояло очень просто; гдѣ находился этотъ кумиръ, тамъ и Орестъ провелъ свои послѣдніе дни. Гдѣ же онъ находился? Въ Греціи было нѣсколько древнѣйшихъ кумировъ этой богини; который же изъ нихъ былъ Таврическимъ? Рѣшить этотъ вопросъ могли одни Дельфы, какъ высшій авторитетъ въ духовныхъ дѣлахъ, и они рѣшили его въ пользу Спарты. Спартанскій кумиръ былъ объявленъ тѣмъ, который нѣкогда былъ привезенъ Орестомъ; въ подтвержденіе этого новаго откровенія была пущена въ оборотъ благочестивая легенда. Кумиръ этотъ, вѣщали Дельфы, былъ забытъ во время всеобщаго смятенія, послѣдовавшаго за переселеніемъ племенъ, но вотъ (въ 9-мъ в.) нѣкто Астрабакъ со своимъ братомъ его открыли и, неосторожно его коснувшись, сошли съ ума; учредите же культъ «герою» Астрабаку! Культъ былъ учрежденъ и подлинность спартанскаго кумира этимъ всенародно засвидѣтельствована. Орестъ кумиръ Таврической Артемиды привезъ въ Спарту—значитъ, онъ царствовалъ здѣсь; любители Гомера могли построить себѣ золотой мостъ предположеніемъ, что онъ здѣсь женился на дочери спартанскаго царя

Менелая. Теперь недоставало только одного, самаго главнаго, недоставало самого Ореста. Гдѣ находились останки послѣдняго носителя всеэллинской гегемоніи? Знать и указать это могъ только Аполлонъ, которому было извѣстно все. Наконецъ, въ 6-мъ вѣкѣ онъ рѣшился выдать Спартѣ великую тайну: по указаніямъ Дельфовъ состоялось «перенесеніе останковъ» Ореста въ Спарту, разсказъ о которомъ, интересный не одной только своей наивностью, сохранился у Геродота.

Такъ-то Дельфы и покровительствуемая ими Спарта шествовали все дальше и дальше по наклонной плоскости, первымъ шагомъ по которой была замѣна Микенъ Амиклами въ дельфійской Орестеѣ; все болѣе и болѣе вѣчные интересы вѣры и нравственности сковывались съ переходящими интересами политики. Дельфійская Орестея облетѣла всю Элладу, находя себѣ распространителей въ лицѣ первостепенныхъ поэтовъ шестого вѣка Стесихора, Симонида, Пиндара, не говоря о художникахъ; въ рукахъ Спарты находились оба палладіума всеэллинской гегемоніи, кумиръ Таврической Артемиды и останки Ореста,—что значило противъ такихъ вѣскихъ доказательствъ свидѣтельство свѣтскихъ пѣвцовъ, прославлявшихъ Аргосъ и Микены? И вотъ священное право Спарты, какъ законной наслѣдницы Агамемнона и Ореста, становится догматомъ въ Элладѣ; когда, въ виду персидскаго погрома, сиракузскій царь Гелонъ условіемъ помощи, о которой его просили, поставилъ требованіе, чтобы его избрали начальникомъ греческихъ войскъ,— спартанскій посолъ гордо отвѣтилъ ему: «застонетъ же Пелопидъ Агамемнонъ, узнавъ, что спартанцы дали отнять у себя гегемонію Гелову и сиракузянамъ!» Такова была незыблемая опора священнаго права Спарты.

Со Спартой торжествовали и Дельфы; ихъ духовная гегемонія въ Элладѣ была неоспорима, мало того: въ качествѣ главнаго распорядителя греческой колонизаціи они въ значительной мѣрѣ руководили внѣшней политикой Греціи. Одно было нехорошо, и дельфійскіе жрецы при своей политической мудрости врядъ ли могли ошибаться на этотъ счетъ: отдавъ Спартѣ Ореста, Дельфы навѣки связали себя съ ней и лишили себя возможности, на случай, если бы этотъ ихъ мечъ притупился, прибѣгнуть къ другому.

VII.

Притупился онъ въ началѣ пятаго вѣка, въ эпоху персидскаго погрома, когда Спарта была вынуждена подѣлиться своей гегемоніей съ новымъ и маловліятельнымъ до тѣхъ поръ государствомъ—Аѳинами. Легко было себѣ представить, что этотъ дѣлежъ не болѣе, какъ временная мѣра, что Аѳины, гордыя своими заслугами и сознаніемъ своей физической и интеллектуальной силы, будутъ стремиться къ тому, чтобы весь богоданный жезлъ Агамемнона оказался въ ихъ рукахъ. При

такомъ положеніи дѣлъ ихъ отношеніе къ Дельфамъ не могло быть дружелюбнымъ: къ нравственному антагонизму, о которомъ рѣчь будетъ въ слѣдующей главѣ, прибавился антагонизмъ политическій.

Въ этомъ отношеніи роль Аѳинъ сильно напоминаетъ роль Венеціи къ исходу среднихъ вѣковъ. Какъ извѣстно, Венеція вовсемъ, что касается религіи, была вѣрной дочерью католической церкви—врядъ ли гдѣ-либо можно было найти такое обиліе и богатство храмовъ, такую глубокую и щепетильную набожность, какъ въ городѣ св. Марка; это, однако, не мѣшало ему быть самымъ ярымъ противникомъ расширенія свѣтской власти папъ. Не иначе и «богобоязненныя Аѳины», какъ ихъ называли, относились къ святой горѣ Аполлона. Нигдѣ не было такого количества храмовъ, нигдѣ праздники не обходились съ такимъ благолѣпіемъ, какъ въ городѣ Паллады, мало того—врядъ ли гдѣ-либо такъ часто обращались въ религіозныхъ дѣлахъ къ дельфійскому богу, новый храмъ котораго былъ отстроенъ въ значительной мѣрѣ на аѳинскія деньги. И все это ничуть не мѣшало Аѳинамъ въ политическихъ вопросахъ выступать противъ интересовъ Дельфовъ. Ничто не характеризуетъ лучше оригинальности этого двойственнаго положенія, какъ счастливый для Аѳинъ исходъ «священной войны» пятаго вѣка: этимъ исходомъ, съ одной стороны, уничтожалась свѣтская власть Дельфовъ, т.-е. независимость ихъ территоріи отъ окружающаго ее государства, съ другой стороны аѳинскимъ посламъ выговаривалось право первымъ быть допускаемыми къ дельфійскому оракулу.

Нечего говорить, что Аѳинамъ въ ихъ стремленіи къ гегемоніи на поддержку Дельфовъ нельзя было разсчитывать, а все же было желательно узаконить эти стремленія возстановленіемъ связи между древней гегемоніей Атридовъ и новой, о которой мечтали Аѳины. Было желательно, да, но не болѣе. Время брало свое, и политическая миѳологія начинала терять кредитъ. Все же нѣкоторые шаги въ этомъ направленіи были сдѣланы, хотя, насколько мы можемъ судить, не государствомъ. Въ ближайшемъ сосѣдствѣ со Спартой все еще стоялъ поруганный ею царственный Аргосъ, увѣнчанный ореоломъ своихъ великихъ воспоминаній; стали помышлять о томъ, чтобы по возможности ближе связать его съ Аѳинами. Первый, въ головѣ котораго возникла эта мысль, былъ въ то же время первый аѳинянинъ, задумавшій осуществить идею аѳинской гегемоніи — тиранъ Писистратъ; имѣя уже власть въ своихъ рукахъ, онъ женился на аргивянкѣ и далъ сыну, котораго она ему родила, гордое имя «начальникъ войска» (Гегесистратъ), воскрешая этимъ память о героическомъ начальникѣ греческаго войска Агамемнонѣ; а что эта аргивянка была изъ царскаго рода, видно изъ того, что, вслѣдствіе ихъ брака, аргосцы стали союзниками аѳинянъ. Правда, гомеровская традиція, на которой Аргосъ основывалъ свои права, была вытѣснена дельфійской; тѣмъ желательнѣе было для Писистрата водворить первую во всѣхъ ея правахъ. Его заботы объ

очищеніи и распространеніи гомеровскихъ поэмъ извѣстны; взамѣнъ ихъ онъ могъ требовать, чтобы слѣпой пѣвецъ подтвердилъ своимъ свидѣтельствомъ нѣкоторыя, не вполнѣ достовѣрныя, но любезныя аѳинянамъ вѣрованія. Мы знаемъ о нѣкоторыхъ «поправкахъ», введенныхъ въ текстъ Гомера именно въ правленіе Писистрата и въ Аѳинахъ, и врядъ ли ошибемся, относя къ нимъ и затронутое выше (§ 5) загадочное мѣсто, согласно которому Орестъ вернулся въ Аргосъ не изъ Дельфовъ, а изъ Аѳинъ. А если Аѳины вскормили юнаго птенца убитаго микенскаго орла, то не естественно ли, что, покинувъ Аргосъ послѣ убійства имъ своей матери и давъ себя очистить Аполлону, онъ *вернулся въ Аѳины?* Такъ-то въ Аѳинахъ зарождается вѣрованіе: не въ Аргосъ и подавно не въ Спарту вернулся очищенный богомъ Орестъ, носитель идеи всеэллинской гегемоніи, а въ Аѳины; въ Аѳинахъ богоданный жезлъ Атридовъ пустилъ новые отпрыски. Вернулся же онъ, какъ мы видѣли выше (§ 6), съ древнимъ кумиромъ Таврической Артемиды: и вотъ такой кумиръ, которымъ обладала одна аттическая деревня, былъ объявленъ тожественнымъ съ тѣмъ, который Орестъ привезъ изъ Тавриды; для вящшей вразумительности Писистратъ учредилъ этому кумиру культъ на аѳинскомъ кремлѣ.

Случилось это въ VI вѣкѣ, когда политическая миѳологія еще пользовалась кредитомъ. Дельфы были встревожены; очень вѣроятно, что упомянутое выше «перенесеніе останковъ» Ореста въ Спарту, состоявшееся именно въ эпоху Писистрата, было отвѣтомъ Дельфовъ, на его новшества. Но этого было мало. Писистратъ и его родъ сталъ ненавистенъ Дельфамъ и они настояли на его изгнаніи изъ Аѳинъ. А когда, съ благословенія дельфійскаго бога, состоялся походъ персовъ на Элладу, то въ числѣ добычи, увезенной персами изъ разоренной Аттики, находился мнимо-таврическій кумиръ Артемиды. Ясно, что безобразный чурбанъ ничѣмъ не могъ прельщать царя золотой Персіи, но зато его устраненіе изъ Аттики было очень желательно для Дельфовъ, дѣйствовавшихъ тогда заодно съ персами.

Но и удаленіе кумира не могло ослабить вѣру въ событіе, о которомъ онъ нѣкогда свидѣтельствовалъ; пускай Таврическая Артемида теперь вторично попала къ варварамъ—все же до тѣхъ поръ она была въ Аттикѣ, будучи оставлена въ ней Орестомъ. Аѳинская трагедія пятаго вѣка охотно занималась Орестомъ, намѣренно подчеркивая его связь съ Аѳинами въ пику Дельфамъ и Спартѣ—въ этомъ состоялъ для Аѳинъ *политическій* интересъ преданія объ Орестѣ-матереубійцѣ, независимо отъ *нравственнаго*, къ которому перейдемъ вскорѣ. Понятно, что интересъ этотъ увеличился въ ту войну, которая должна была рѣшить споръ о гегемоніи между Аѳинами и Спартой,—въ войну пелопоннесскую. Спарта все еще владѣла останками, которыя она съ согласія Дельфовъ выдавала за останки Ореста; это безпокоило набожную часть аѳинскаго населенія. Могъ ли Орестъ доставить побѣду тому городу,

который до сихъ поръ еще не учредилъ культа въ его честь? И вотъ требованіе объ учрежденіи культа герою Оресту стало раздаваться все настоятельнѣе; мотивировалось оно тѣмъ, чѣмъ обыкновенно мотивировались такія требованія: гнѣвомъ героя, отъ котораго терпѣли въ глухую полночь запоздалые прохожіе по пустыннымъ неосвѣщеннымъ улицамъ Аѳинъ. Но врѣмена были уже не тѣ: просвѣщеніе свило себѣ прочное гнѣздо въ Аѳинахъ конца V вѣка, и то, что столѣтіемъ назадъ показалось бы важнымъ дѣломъ, теперь возбуждало только смѣхъ; къ сильному огорченію набожныхъ людей, слово: «герой Орестъ» стало кличкой ночныхъ безобразниковъ, надѣлявшихъ робкихъ обывателей побоями съ очень матеріальною цѣлью—стянуть у нихъ хитонъ или плащъ.

Со всѣмъ тѣмъ страна Паллады чувствовала себя дочерью повелителя эллиновъ Агамемнона и законной наслѣдницей его власти. Отчаянно боролась она за нее, но успѣхъ не былъ на ея сторонѣ. Тотъ самый Геллеспонтъ, который видѣлъ нѣкогда торжество Агамемнона, былъ свидѣтелемъ уничтоженія послѣднихъ аѳинскихъ силъ; вскорѣ городъ сдался спартанскому военачальнику Лисандру и его союзникамъ, отдавая въ его руки свою судьбу. Жестокія предложенія дѣлались тогда въ палаткѣ Лисандра и на военномъ совѣтѣ, и за товарищеской трапезой. Чѣмъ болѣе кто раньше дрожалъ передъ могуществомъ Аѳинъ, тѣмъ болѣе желалъ онъ теперь стереть ненавистный городъ съ лица земли, жителей продать въ рабство, а страну обратить въ пастбища. Тогда, говоритъ Плутархъ, одинъ изъ сотрапезниковъ запѣлъ первую хорическую пѣснь изъ Эврипидовой Электры:

Агамемнона славная дочь!
Мы приходимъ, Электра, къ тебѣ,
Въ твой убогій, нецарственный домъ...

Намекъ былъ понятъ; онъ тронулъ присутствующихъ до слезъ. Аѳины не были разрушены, но гегемонію они потеряли: жезлъ Агамемнона перешелъ къ тому городу, въ которомъ находилась признанная могила его сына.

Вторично Спарта стала мечомъ Эллады; подъ ея предводительствомъ возобновилась война съ вѣковымъ восточнымъ врагомъ. Чтобы засвидѣтельствовать передъ всѣми историческую связь спартанской гегемоніи съ героической гегемоніей Атридовъ, спартанскій царь Агесилай вздумалъ открыть походъ, по примѣру Агамемнона, жертвоприношеніемъ въ Авлидѣ. Но Авлида была на беотійской территоріи; Ѳивы, которымъ было суждено пожать плоды раздора между обоими могущественными греческими государствами, воспротивились затѣѣ Агесилая, и она не удалась. Это авлидское жертвоприношеніе—послѣдняя попытка эксплуатировать обаяніе легенды о гегемоніи Атридовъ, о которой мы знаемъ; въ послѣдовавшее время она окончательно отошла въ область поэзіи: миѳотворная способность греческаго народа изсякла, и кредитъ политической миѳологіи былъ подорванъ навсегда.

VIII.

Изложеніе наше зашло впередъ, чтобы до конца прослѣдить вліяніе политической эволюціи на развитіе интересующаго насъ миѳа; теперь прошу читателя вернуться къ тому мѣсту, гдѣ у насъ оборвалась нить развитія нравственныхъ идей въ связи съ развитіемъ того же миѳа. Дельфійская Орестея должна была возвѣстить міру двѣ новыя истины: во первыхъ, что право души на кровавую месть есть право священное и неукоснительное, чѣмъ бы ни приходился убійца мстителю; во-вторыхъ, что Аполлонъ можетъ очистить преступника во всякомъ случаѣ, какимъ бы грѣхомъ онъ ни запятналъ себя. Опасныя послѣдствія первой истины предупреждались второй: мститель терялъ право на кровавую месть, если убійца былъ очищенъ Аполлономъ; но вторая истина дѣлала Аполлона и его дельфійскихъ замѣстителей руководителями совѣсти всѣхъ вѣрующихъ эллиновъ. Не встрѣть дельфійскій богъ отпора этимъ своимъ притязаніямъ, вся исторіи греческой культуры получила бы сакральный, теократическій характеръ; политикой Греціи стала бы воля дельфійской коллегіи, ея философіей—дельфійскія славословія въ честь побѣды свѣтлокудраго бога надъ великимъ Змѣемъ, взлелѣяннымъ Землей.

Но онъ встрѣтилъ отпоръ; встрѣтилъ его со стороны Аѳинъ. Аѳиняне по своему справились съ пережитками анимизма въ своихъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ. Съ одной стороны, врожденная ихъ вдумчивость не дозволяла имъ одобрить исходъ, найденный безпечной и легкомысленной Іоніей Гомера, исходъ, при которомъ душа убитаго являлась только объектомъ сдѣлки между его убійцей и его ближайшимъ родственникомъ, и причиненное послѣднему огорченіе уравновѣшивалось соотвѣтственной суммой наслажденій: принимать виру считалось въ Аѳинахъ такимъ же безнравственнымъ поступкомъ, какъ и въ Дельфахъ. Но, съ другой стороны, и найденный въ Дельфахъ исходъ не соотвѣтствовалъ аѳинскому міросозерцанію, такъ какъ онъ оставлялъ безъ вниманія одно изъ важнѣйшихъ началъ аѳинской души, то самое, которое сдѣлало Аѳины источникомъ человѣческой культуры—*гражданственность*. При всемъ своемъ коренномъ различіи, іонійскія и дельфійскія рѣшенія задачи сходились въ одномъ: согласно имъ, человѣкъ былъ въ принципѣ чѣмъ-то обособленнымъ и самодовлѣющимъ. У іонійцевъ убійца имѣлъ дѣло исключительно съ ближайшимъ родственникомъ убитаго; по дельфійскому ученію къ этимъ двумъ сторонамъ прибавлялась третья—душа убитаго, требовательная и мстительная; но ни тамъ, ни здѣсь не принималась во вниманіе община, къ которой принадлежалъ и убитый, и убійца, и мститель. Въ Аѳинахъ именно эта община заявляла о своихъ правахъ. Она говорила убійцѣ: «человѣкъ, котораго ты убилъ, былъ моимъ гражданиномъ; убивая его, ты оскорбилъ меня»; она же говорила и мстителю: «человѣкъ, котораго ты

преслѣдуешь, мой гражданинъ и стоитъ подъ моимъ покровительствомъ; прежде чѣмъ допустить его преслѣдованіе, я должна убѣдиться, что онъ виновенъ. Поэтому, я намѣрена быть судьей между тобой и имъ; если я признаю его виновнымъ, то онъ мною же будетъ наказанъ, но если я его оправдаю, то ты долженъ его простить». Этимъ въ древнюю этику вводилось новое начало; вопреки притязаніямъ дельфійскаго-бога, община себѣ присвоивала отомщеніе и право воздать

Вещественнымъ символомъ этого права былъ аѳинскій *Ареопагъ* великое значеніе этого стариннаго судилища состояло въ томъ, что оно, творя строгій и правый судъ по убійствамъ, дѣлало невозможнымъ и взаимное истребленіе гражданъ, требуемое древнѣйшимъ анимизмомъ, и нравственное ихъ растлѣніе приниманіемъ виры у свѣжей могилы убитаго, дозволяемое іонійскимъ раціонализмомъ, и, наконецъ, униженіе человѣческой совѣсти передъ волей бога и его замѣстителя-жреца, проповѣдываемое въ Дельфахъ. Произошло убійство,—убійца и мститель являлись на Аресовъ холмъ; убійца становился на «камень Обиды», мститель на «камень Непримиримости»; оба излагали дѣло кратко, сухо, безъ всякихъ попытокъ выставить себя въ хорошемъ свѣтѣ и разжалобить судей—такъ требовалъ обычай. Выслушавъ обоихъ, коллегія судей - ареопагитовъ постановляла свой приговоръ по большинству голосовъ; если голоса раздѣлялись, то полагали, что незримо присутствующая богиня - покровительница города, Паллада-Аѳина, присоединяла свой голосъ къ тѣмъ, которые были поданы въ пользу обвиняемаго, и этотъ «голосъ Аѳины» его спасалъ. Вообще же, предвидя осужденіе, преступникъ могъ еще до конца преній оставить городъ: жалкая участь изгнанника была почти равносильна смерти. Но если онъ былъ оправданъ, то онъ возвращался къ своему очагу и продолжалъ состоять подъ покровительствомъ законовъ.

А душа убитаго? Неужели аѳинскій исходъ былъ возвращеніемъ къ іонійскому раціонализму? Нѣтъ, душа убитаго или, вѣрнѣе, ея замѣстительницы и заступницы Эриніи предполагались присутствующими тутъ же, въ мрачной пещерѣ подъ Аресовымъ холмомъ. Вырывая у нихъ убійцу, община сознавала, что она навлекаетъ на себя ихъ гнѣвъ, что процессъ между убійцей и мстителемъ еще не конченъ, а лишь возведенъ на болѣе высокую ступень, на которой сторонами будутъ—она, сама община, и «благосконныя богини» (Эвмениды), какъ ихъ изъ уваженія называли. Чтобы умилостивить ихъ, имъ учредили культъ и этотъ культъ былъ дѣломъ государства; отъ оправданнаго обычай требовалъ только краткаго жертвоприношенія въ пещерѣ Эвменидъ, послѣ чего онъ могъ спокойно вернуться домой, въ увѣренности, что государство, оправдывая его, беретъ на себя его отвѣтственность передъ грозными силами преисподней.

Таковъ былъ исходъ, найденный въ Аѳинахъ: гуманность, гражданственность и религіозность были имъ одинаково удовлетворены.

Зато же и гордились Аѳины своимъ Ареопагомъ: казалось невозможнымъ, чтобы такое великое, благодѣтельное учрежденіе было создано людьми ради людей; сама Аѳина, гласило преданіе, учредила въ своемъ любимомъ городѣ этотъ судъ, чтобы разсудить двухъ боговъ, Посидона и Ареса, изъ которыхъ первый обвинялъ второго въ убійствѣ своего смертнаго сына. Такъ-то Аресъ согласился предстать передъ судомъ; оттого-то, заключали далѣе, и само судилище получило имя «Аресова холма».

Сознавали-ли благочестивые аѳиняне VII-го и VI-го вѣковъ, что, прославляя свой Ареопагъ, они подкапывались подъ самое основаніе могущества всѣми чтимаго дельфійскаго бога? Очень вѣроятно, что нѣтъ: совмѣстимость противорѣчащихъ другъ другу религіозныхъ понятій свойственна человѣку въ эпоху юности его умственной культуры. Но долго она продолжаться не могла; при тщательности и глубинѣ аѳинскаго мышленія должна была наступить пора, когда противорѣчіе сдѣлалось очевиднымъ, когда совѣсти аѳинянъ былъ предоставленъ выборъ одного изъ двухъ—либо отказаться отъ суда Паллады, либо, удерживая его, вступить въ открытую борьбу съ дельфійскимъ богомъ. Пора эта наступила тогда, когда нравственный антагонизмъ между Аѳинами и Дельфами обострился антагонизмомъ политическимъ. Послѣ всего, что было сказано выше, намъ не покажется удивительнымъ, что сраженіе было дано на почвѣ все того-же преданія объ Орестѣ-матереубійцѣ; знаменосцемъ Паллады былъ въ этомъ сраженіи родоначальникъ трагедіи Эсхилъ.

IX.

Нѣтъ нужды пересказывать содержаніе всей эсхиловой Орестеи. Само-собою разумѣется, что права царственнаго Аргоса были возстановлены аѳинскимъ поэтомъ: не лаконскія Амиклы, какъ твердили Дельфы въ угоду своей союзницѣ Спартѣ, а аргосскія Микены были признаны столицей вождя эллиновъ. Но, впрочемъ, Эсхилъ старался держаться гдѣ только можно было, дельфійской Орестеи, чтобы тѣмъ рѣзче оттѣнить различіе въ основномъ пунктѣ. Ради этой своей главной цѣли, онъ пожертвовалъ даже невинной передержкой, внесенной Писистратомъ въ гомеровскую Орестею: не въ Аѳинахъ, а у подножія святой горы Аполлона воспитывался Орестъ. Нужно было представить его любимцемъ и ставленникомъ дельфійскаго бога для того, чтобы немощь этого бога выступила потомъ тѣмъ разительнѣе.

Душа убитаго Агамемнона взываетъ о мщеніи; Аполлонъ возлагаетъ эту обязанность на его сына. Узнавъ о волѣ бога, чистый юноша безропотно идетъ исполнить свой тяжелый подвигъ; на него, на своего владыку и покровителя, уповаетъ онъ въ минуту сомнѣній и душевной борьбы:

Не выдастъ насъ державный Аполлонъ!
Его глаголъ, раскатамъ грома равный,
Святую месть изгнаннику внушилъ.
Ему внималъ я; въ сердцѣ леденѣла

Живая кровь; и онъ мнѣ такъ вѣщалъ:
«За казнь отца убійцъ казнить ты долженъ
И жизнь за жизнь, и кровь за кровь взыскать;
Не то—своей отвѣтишь ты душою
И тяжкихъ бѣдъ обузу понесешь».
Онъ мнѣ сказалъ, какъ родичей караетъ
Убитаго разгнѣванная тѣнь;
Я знаю все: таинственный недугъ
Свирѣпою тутъ челюстью съѣдаетъ
Всю кожу имъ; лишай покроетъ блѣдный
Повисшую, изорванную плоть,
И зацвѣтетъ все тѣло въ язвахъ гнусныхъ.
Другую месть Эринніи нашлютъ.
За кровь отца ослушника терзая:
Нѣтъ болѣ сна мнѣ; рой видѣній страшныхъ
Въ полночной тьмѣ предстанетъ предо мной,
На ложѣ думъ покой мнѣ отравляя.

И все-таки онъ не увѣренъ въ себѣ; вернувшись тайно со своимъ другомъ на родину, онъ хочетъ прежде всего помолиться на могилѣ своего отца,—этимъ начинается дѣйствіе средней драмы эсхиловой трилогіи, вся первая часть которой, происходя у гробницы Агамемнона, насквозь проникнута тяжелымъ, могильнымъ воздухомъ. Но и убитый почуялъ приближеніе мстителя: изъ своей подземной обители онъ наслалъ страшный сонъ на невѣрную жену, и она въ первый разъ рѣшается умилостивить его душу: по ея приказанію, ея дочь Электра съ прислужницами отправляется почтить возліяніями прахъ покойнаго.

Все это мы знаемъ уже изъ дельфійской Орестеи. Но тамъ роль Электры могла оставаться неопредѣленной, такъ какъ она служила лишь внѣшнимъ рычагомъ дѣйствія; здѣсь же мы имѣемъ передъ собой драму, а драма нуждается въ характеристикѣ, въ психологическомъ обоснованіи того, что въ ней происходитъ. Характеристику Электры можно дать въ немногихъ словахъ: въ ней живетъ душа ея убитаго отца. Только въ одномъ чувствуетъ она себя дочерью своей матери: «Точно волкъ кровожадный,—говоритъ она,—неумолима моя душа: въ этомъ мое материнское наслѣдіе». Она знаетъ за собой эту черту и боится ея; трогательна ея молитва на могилѣ отца: «Родитель мой! Не дай мнѣ сдѣлаться такой, какова моя мать; сохрани въ смиреніи мое сердце, въ чистотѣ мои руки». Да, это трагическая фигура; читая ея слова, мы чувствуемъ, что она имѣетъ всѣ данныя для того, чтобы со временемъ самой сдѣлаться героиней трагедіи. Но здѣсь ея роль второстепенная; герой—Орестъ, отъ него зависитъ все. Покорный волѣ бога, онъ рѣшился исполнить возложенный на него подвигъ; но устоитъ ли эта рѣшимость противъ впечатлѣній родной земли, противъ вида дворца, въ которомъ живетъ его мать? Опять сомнѣнія овладѣли его душой; чтобы побороть ихъ, онъ пошелъ помолиться на могилѣ отца. И отецъ внялъ его мольбѣ и выслалъ ему на встрѣчу ту, въ которой живетъ его душа,—Электру. Встрѣча брата и сестры обставлена нѣсколько

сложнѣе, чѣмъ въ дельфійской Орестеѣ; подробности этой обстановки вызвали позднѣе насмѣшку Эврипида, но на современниковъ Эсхила онѣ произвели сильное впечатлѣніе. Электра не знаетъ ни сомнѣній, ни колебаній; жажда мести за отца—основная черта ея характера, она наполняетъ все ея существо. Она рада прибытію брата, но лишь по стольку, по скольку она видитъ въ немъ «возстановителя дома ея отца»; она не чуждается и дѣвичьихъ мечтаній о замужествѣ, о собственномъ домѣ, но потому только, что она надѣется въ день своей свадьбы принести на могилу отца обильныя пожертвованія изъ того отцовскаго наслѣдія, котораго ей теперь не выдаютъ. Такъ-то теперь у гробницы Агамемнона происходитъ свиданіе Ореста и Электры; она (вмѣстѣ со старшей прислужницей) разсказываетъ брату объ участи отца, о своей собственной жалкой жизни, наконецъ о снѣ, навѣянномъ убитымъ на ихъ мать; подъ вліяніемъ этихъ разсказовъ прежняя рѣшимость возвращается къ Оресту.

Этимъ роль эсхиловой Электры кончена; исполнивъ то, чего отъ нея требовалъ отецъ, она возвращается въ домъ матери. На сценѣ остается Орестъ со своимъ другомъ. Планъ ихъ простъ: вызвать изъ чертоговъ царя и царицу, сообщить имъ лживую вѣсть о смерти мстителя и, обманувъ этимъ ихъ подозрительность, добиться возможности исполнить волю бога и убитаго. Но Эгисѳа нѣтъ; къ пришельцамъ выходитъ Клитемнестра, высокая и блѣдная, горделивая въ сознаніи того неслыханнаго, неизгладимаго позора, которымъ она окружила себя. Не радостна ей сообщенная вѣсть; и мы сознаемъ, что не одно только материнское чувство въ ней зашевелилось. Жизнь научила ее гордо носить передъ чужими бремя своего грѣха, но въ уединеніи оно тяготило ее, и къ страху, съ которымъ она вспоминала о Дельфахъ и растущемъ въ нихъ мстителѣ, примѣшивалась нѣкоторая слабая надежда. Вѣдь этотъ мститель—то самое дитя, которое она нѣкогда родила, будучи честной супругой славнаго мужа; онъ былъ единственнымъ символомъ ея потерянной чистоты, онъ одинъ не былъ забрызганъ той «кровавой грязью», въ которую ея новый бракъ втянулъ и ее, и ея дочь, и весь ея домъ. Пока живъ былъ Орестъ, жила надежда на конечное примиреніе съ міромъ чести и добра; его смерть увѣковѣчила ея позоръ.

Все же она не забываетъ и о долгѣ гостепріимства; солнце зашло, пора путникамъ на покой. Посылаютъ за Эгисѳомъ; тѣмъ временемъ сумерки увеличиваются; когда онъ приходитъ, густой мракъ покрылъ всю сцену—самая подходящая обстановка для того, что имѣетъ теперь свершиться. Полный радостнаго нетерпѣнія, Эгисѳъ спѣшитъ во дворецъ къ чужестранцамъ, чтобы услышать подтвержденіе пріятной вѣсти; тамъ его и настигаетъ смерть. Все это происходитъ быстро, какъ нѣчто побочное и маловажное; главное—впереди. Вызванная поднявшимся крикомъ, Клитемнестра выходитъ на сцену: «что случилось?» «Мертвые убиваютъ живыхъ!» слышитъ она въ отвѣтъ. Слова эти

объясняютъ ей все; рѣшившись защищаться до послѣдней возможности, она посылаетъ слугу за сѣкирой—той проклятой сѣкирой, которой она нѣкогда убила мужа. Поэтъ нарочно упоминаетъ объ этой чертѣ дельфійской Орестеи, чтобы оттѣнить свое отступленіе отъ нея въ слѣдующемъ. Еще до возвращенія слуги Орестъ выходитъ изъ мужской половины дворца; въ рукахъ у него обагренный кровью Эгисѳа мечъ, предъ нимъ безоружная мать.

Безоружная, да,—но зато мать. Она знаетъ это. «Остановись!» кричитъ она изступленному сыну, разрывая одежду, покрывающую ея грудь; «пощади лоно, на которомъ я такъ часто тебя убаюкивала, пощади грудь, молокомъ которой я тебя вскормила!» Передъ этимъ видомъ рѣшимость вторично оставляетъ Ореста: «Что дѣлать, Пиладъ?—спрашиваетъ онъ,—могу я пощадить свою мать?» Пиладъ стоитъ тутъ же при немъ; онъ неотступно и молчаливо сопровождалъ его, какъ нѣмой свидѣтель того, о чемъ знали только они, да святая гора Аполлона; здѣсь онъ въ первый и единственный разъ нарушаетъ свое молчаніе. «А воля Феба?—говоритъ онъ,—а клятва твоя? Всякую вражду предпочти враждѣ бога». Вотъ, значитъ, что даетъ рукѣ Ореста рѣшительный толчекъ: не голосъ сердца, не воспоминаніе объ отцѣ, не увѣщанія сестры—все это пересилилъ видъ обнаженной материнской груди; первымъ и послѣднимъ двигателемъ кроваваго дѣла остается воля дельфійскаго бога.

Наконецъ, все свершено; при первомъ свѣтѣ утренней зари мы опять видимъ Ореста, передъ нимъ съ одной стороны—трупы казненныхъ, съ другой—роковой плащъ, въ которомъ былъ убитъ Агамемнонъ. Кругомъ народъ; прежде чѣмъ занять опять престолъ отца, Орестъ долженъ оправдать передъ аргосцами свой поступокъ. Взволнованнымъ голосомъ произноситъ онъ краткое, но сильное слово; народъ его одобряетъ. Да, убійство царя было возмутительнымъ дѣломъ; да, убійцъ постигла поздняя, но справедливая кара. Итакъ, всѣ сочувствуютъ Оресту; что же онъ не сходитъ съ амвона, не возвращается въ свой дворецъ?.. Онъ продолжаетъ стоять на томъ же мѣстѣ, неувѣренно смотря то на убитую мать, то на окровавленный плащъ отца; точно не сознавая, гдѣ онъ находится, слѣдуетъ онъ за своей блуждающей мыслью:

Виновна ты? Иль нѣтъ? Но вотъ свидѣтель,
Кровавый плащъ изобличитъ тебя:
Эгисѳа мечъ оставилъ слѣдъ на ткани,
И бурое старинное пятно
Понынѣ блескъ порфиры разрушаетъ.
Въ чужой землѣ изгнанникомъ я выросъ,
Но этотъ день сознанье мнѣ вернулъ.
Твою, отецъ, оплакалъ я кончину,
Ты отомщенъ; но горю нѣтъ конца—
И въ траурѣ стоятъ передо мною
Сестра и мать и весь мой родъ,—и вашъ
Побѣдный кликъ терзаетъ сердце мнѣ!

Напрасно голоса изъ народа стараются успокоить юношу,—что значатъ ихъ блѣдныя утѣшенія! Да, всякая жизнь полна печалей, никто не вышелъ чистымъ изъ ея омута, но причемъ все это здѣсь?

Нѣтъ, нѣтъ, постойте, дайте досказать!
Чѣмъ кончится все это, я не знаю—
Внѣ колеи умчался конь ретивый
Души моей, поводья ускользаютъ
Изъ рукъ; умомъ не въ силахъ управлять я.
Я слышу: Ужасъ пѣснь свою играетъ,
И сердце пляшетъ подъ ея напѣвъ...
Пока въ умѣ сознанья искры тлѣютъ,
Взываю къ вамъ; я въ правѣ былъ, друзья,
Ее убить, противную богамъ
Преступницу, что мнѣ отца сгубила.
Самъ *Аполлонъ* отвагу мнѣ внушилъ;
«Послушавшись грѣха не сотворишь ты»,
Сказалъ онъ мнѣ; «послушавшись...», но нѣтъ!
Тѣхъ ужасовъ языкъ не перескажетъ.
Смотрите же: паломникомъ иду я,
Святую вѣтвь десницей поднимая,
Въ срединный храмъ, на очагъ гдѣ Феба
Его огонь горитъ неугасимый.
Васъ я прошу, все видѣнное вами
Въ своей душѣ, друзья, запечатлѣть
И разсказать въ тотъ день, когда со странствій
На родину вернется Менелай.
Простите жъ всѣ; оставить васъ я долженъ:
Я мать свою своей убилъ рукою—
Ни жизнь, ни смерть той славы не сотрутъ!

Вотъ, гдѣ впервые изъ подъ дельфійской концепціи мелькаетъ новое невѣдомое доселѣ начало. Самъ богъ внушилъ юношѣ, что онъ не сотворитъ грѣха, исполняя его волю, и юноша повѣрилъ ему; всѣ одобряютъ его: и сестра, и другъ, и весь народъ; всѣ признаютъ волю бога непогрѣшимой, и все же онъ не чувствуетъ себя спокойнымъ. Тщетно старается онъ опереться о тотъ свой посохъ, который до тѣхъ поръ служилъ ему столь надежной опорой,—посохъ ускользаетъ у него изъ рукъ; какая-то таинственная сила говоритъ ему, что онъ все-таки неправъ, что есть нѣчто, противъ чего самъ богъ безсиленъ.

Еще одно мгновеніе—и расшатанный умъ Ореста уступаетъ напору этой новой силы; овладѣвающее имъ *безуміе* поэтъ, слѣдуя народнымъ представленіямъ, воплотилъ въ образъ ужасныхъ богинь-мстительницъ подземной тьмы. Не паломникомъ, нѣтъ, точно звѣрь, преслѣдуемый стаей псовъ, мчится Орестъ къ храму-средоточію Земли, гдѣ надъ останками сраженнаго Змѣя горитъ неугасимый огонь на очагѣ Феба.

X.

И всетаки до сихъ поръ протестъ противъ дельфійской Орестеи заключался въ одномъ только настроеніи, вызванномъ поэтомъ; сама

фабула измѣнена не была. И тамъ Орестъ оставлялъ свою родину, гонимый Эринніями; спасаясь отъ нихъ, онъ бѣжалъ въ Дельфы и Аполлонъ, очистивъ его, далъ ему свои стрѣлы, съ помощью которыхъ онъ отогналъ отъ себя своихъ мучительницъ. Согласится-ли Эсхилъ увѣковѣчить въ своей поэмѣ торжество дельфійскаго бога надъ силами Земли и смутной совѣстью человѣка? Согласится ли онъ подтвердить дельфійскій догматъ, что Аполлонъ властенъ отпускать человѣку его грѣхъ?

Орестъ въ Дельфахъ, но Эринніи съ нимъ; Аполлонъ очистилъ своего просителя, но Эринніи не удаляются; онѣ только заснули и дали преступнику нѣсколько вздохнуть и опомниться, но онѣ не оставляютъ его и готовы вновь его преслѣдовать, лишь только онъ покинетъ священную обитель. И Аполлонъ сознаетъ свое безсиліе. «Бѣги,—говоритъ онъ Оресту,—и не давай усталости побѣдить тебя; онѣ не отстанутъ отъ тебя, все равно, будешь ли ты держать путь по материку, или чрезъ море. Но *иди къ городу Паллады и, подойдя къ ея храму, ухватись обѣими руками за ея старинный кумиръ. Тамъ найдемъ мы судей надъ тобой и ими; властвуя надъ убѣдительнымъ словомъ, мы обрѣтемъ спасеніе для тебя*».

Вся дальнѣйшая драма только развитіе этой новой исторической мысли, которою аѳинская гражданственность восторжествовала надъ дельфійскимъ теократизмомъ. Не полновластнымъ господиномъ совѣсти, нѣтъ,—защитникомъ преслѣдуемаго преступника является Апполонъ въ Аѳины, передъ судъ Паллады. Вняла Паллада рѣчамъ обѣихъ сторонъ; но и она не рѣшается произнести приговоръ, который явился бы закономъ, извнѣ навязаннымъ человѣческой совѣсти. *Пускай человѣческая личность ищетъ себѣ опоры и оправданія во мнѣніи совокупности лучшихъ изъ равныхъ себѣ*,—вотъ завѣтъ Паллады грядущимъ временамъ—*всѣмъ временамъ*, какъ она сама объявляетъ. Учреждается судъ на «Аресовомъ холмѣ»; сходятся двѣнадцать ареопагитовъ, избранныхъ изъ числа лучшихъ аѳинскихъ гражданъ; выслушавъ увѣщанія обѣихъ сторонъ—Эринній и Аполлона,—они молча подаютъ свои голоса. При счетѣ голосовъ число оказывается равнымъ за и противъ Ореста; но Паллада присоединила свой голосъ къ тѣмъ, которые были поданы въ его пользу, и онъ признается оправданнымъ. Остается одно: умилостивить гнѣвъ Эринній, собирающихся проклясть страну, которая пріютила и оправдала матереубійцу; сама Паллада ихъ умилостивляетъ учрежденіемъ имъ культа на томъ же Аресовомъ холмѣ.

Орестъ чувствуетъ, что грѣхъ ему отпущенъ; съ жаромъ благодаритъ онъ богиню, спасшую его и его домъ, и обѣщаетъ на вѣки вѣчные ей и ея городу дружбу и помощь своихъ потомковъ, т.-е. аргосцевъ. Оставимъ политическій характеръ этихъ послѣднихъ обѣщаній; для насъ достаточно одного: что, будучи оправданъ судомъ Ареопага, Орестъ чувствуетъ себя свободнымъ отъ грѣха; оправданъ же онъ былъ даже не большинствомъ, а только равенствомъ голосовъ. Для

чего понадобилась поэту эта послѣдняя фикція? Почему, желая представить въ своей драмѣ оправданіе Ореста, не представилъ онъ его единогласнымъ? Потому, что онъ хотѣлъ противопоставить рѣзкой и безусловной аксіомѣ дельфійскаго теократизма столь же рѣзкую и безусловную аксіому аѳинской гражданственности. «Ты найдешь себѣ опору и оправданіе во мнѣніи совокупности лучшихъ изъ равныхъ тебѣ», гласилъ завѣтъ Паллады. И тутъ возникалъ вопросъ: безусловно ли? И Паллада отвѣчала: «да, безусловно». Даже если мнѣніе выразится только большинствомъ, даже—если только равенствомъ голосовъ? «Да».

Итакъ одинъ голосъ рѣшаетъ участь подсудимаго и, что̀ важнѣе, сомнѣнія совѣсти грѣшника въ ту или другую сторону. Но если это такъ, то гдѣ же совокупность? Сознавалъ ли поэтъ это затрудненіе? О да, сознавалъ. «Честно ведите счетъ голосамъ, чужестранцы,—говоритъ Аполлонъ ареопагитамъ,—тщательно слѣдя, чтобы при разборѣ не случилось ошибки. Отсутствіе одного голоса можетъ причинить великое горе; прибавленіе одного голоса можетъ вновь поднять пошатнувшійся домъ». Но, говоря такъ, онъ только подчеркиваетъ затрудненіе, а не разрѣшаетъ его. И снова возникаетъ томительный, проклятый вопросъ: «могу ли я считать, что нашелъ себѣ опору и оправданіе во мнѣніи совокупности лучшихъ изъ равныхъ мнѣ, если эта совокупность сводится къ одному лишь голосу?» И на этотъ вопросъ Эсхилъ отвѣта не нашелъ.

Но поэтъ Паллады можетъ утѣшить себя сознаніемъ, что и тѣ двадцать слишкомъ вѣковъ, которые прошли со времени постановки его трагедіи, искомаго отвѣта не нашли. Пока процвѣтала античная культура, идея аѳинской гражданственности росла и крѣпла, заслоняя собой потухающій ореолъ святой горы Аполлона и не давая ожить тлѣющимъ подъ золой искрамъ іонійскаго индивидуализма. Пришло время, пала и она; данный на вѣчныя времена завѣтъ Паллады былъ забытъ; возникъ новый принципъ, который мы, такъ какъ онъ сознательно отдѣлилъ правосудіе отъ нравственности, имѣемъ полное право, именемъ исторіи, назвать безнравственнымъ: принципъ, что правосудіе должно блюсти исключительно интересы государства и его главы и имѣть поэтому своимъ единственнымъ органомъ чиновника, получающаго свою власть отъ главы государства. Возникъ, говоря проще, инквизиціонный судъ императорской эпохи. Въ сравненіи съ нимъ, даже іонійскій индивидуализмъ могъ быть названъ прогрессомъ; гнѣвно стучался онъ въ распатанныя стѣны римскаго государства, въ лицѣ сѣверныхъ племенъ съ ихъ правомъ сильнаго, съ ихъ вирой. Когда эти стѣны рушились, когда германскіе варвары наводнили всю область римской культуры отъ Каледонскихъ горъ до Сахары, тогда первый циклъ въ исторіи цивилизаціи былъ завершенъ. Человѣчество вернулось на ту ступень своего развитія, на которой мы застали его въ эпоху гомеровскихъ поэмъ. Начинается новый циклъ, новый кругъ:

не смотря на значительное различіе въ радіусахъ, эти два круга концентричны.

Затронутое здѣсь мнѣніе объ отношеніи новой культуры къ древней находится въ полномъ согласіи съ теоріями новѣйшей исторической науки; но оно самымъ рѣзкимъ образомъ противорѣчитъ взглядамъ, усердно распространяемымъ тѣми, которые привыкли черпать свои историческія свѣдѣнія изъ третьихъ и десятыхъ рукъ: согласно этимъ взглядамъ, культура древняго міра представляется—какъ бы дѣтствомъ, культура среднихъ вѣковъ — какъ бы юностью, культура новыхъ временъ—какъ бы возмужалостью человѣчества. Взглядъ этотъ однако ошибоченъ, а такъ какъ ошибка, которую онъ содержитъ, ошибка въ высшей степени вредная, дѣлающая невозможнымъ самое пониманіе исторіи развитія человѣчества, то онъ долженъ быть опровергаемъ самымъ энергичнымъ образомъ. Нѣтъ, древняя культура обнимаетъ всю жизнь южнаго человѣчества, его дѣтство, юность, возмужалость и старость; именно въ этой завершенности заключается ея цѣнность для насъ и еще въ томъ, что она не стоитъ отдѣльно отъ нашей культуры, а заключается въ ней, какъ изъ двухъ концентрическихъ круговъ меньшій заключается въ большемъ. Впрочемъ, указанный выше ошибочный взглядъ, какъ уже было замѣчено, давно оставленъ историками; онъ держится среди экономистовъ, но исключительно вслѣдствіе ихъ недостаточнаго знакомства съ культурой древняго міра. Несомнѣнно правильное мнѣніе, что экономическое развитіе античной эпохи прошло чрезъ всѣ стадіи, которыя суждено было пройти и экономическому развитію новой Европы, уже нашло себѣ авторитетныхъ и энергичныхъ поборниковъ и вскорѣ, надѣюсь, окончательно восторжествуетъ.

Что въ области нравственности дѣло обстоитъ не иначе—на это указываетъ уже самый фактъ связи и взаимодѣйствія культурныхъ силъ. И если бы кто взялся прослѣдить развитіе идеи нравственнаго оправданія въ исторіи культуры сѣвернаго человѣчества, начавшейся съ эпохи переселенія народовъ,—онъ нашелъ бы, конечно, большое число варіацій, подчасъ очень замысловатыхъ, обусловливаемыхъ множествомъ и разнообразіемъ боровшихся между собою въ различныя времена теченій. И если онъ въ этомъ множествѣ и разнообразіи потеряетъ прямую нить органическаго развитія, то вотъ ему нашъ совѣтъ—обратиться отъ новаго міра къ древнему, гдѣ онъ найдетъ, вмѣсто несмѣтнаго числа смущающихъ и утомляющихъ зрѣніе узоровъ—простые и отчетливые контуры рисунка; если онъ твердо запечатлѣвъ въ своей памяти этотъ рисунокъ, затѣмъ вернется къ новому міру, ему такъ же легко будетъ разобраться въ его замысловатыхъ узорахъ, какъ мы въ музыкальныхъ композиціяхъ, помня основную тему, легко разбираемся въ самыхъ трудныхъ и сложныхъ ея варіаціяхъ.

Позволимъ же себѣ, прежде чѣмъ окончательно разстаться съ нашей темой, прослѣдить ее среди того лабиринта узоровъ, которымъ новый міръ покрылъ унаслѣдованныя отъ античности простыя и ясныя нравственныя идеи.

Въ началѣ его развитія, повторяемъ, мы опять встрѣчаемъ идею оправданія въ той безпечной и неглубокомысленной формѣ, которую мы знаемъ еще по гомеровской Іоніи,—согласно ей, оправданіе сводится къ простому возмѣщенію причиненнаго ущерба, къ вирѣ. И трудно сказать, сколько времени продержалась бы эта примитивная форма, если бы германцы продолжали сидѣть за рубежемъ романскаго міра; но, вступивъ на почву романизма, они вступили въ область, озаряемую солнцемъ культуры. Подъ лучами этого солнца и развитіе нравственныхъ идей новыхъ властелиновъ міра пошло быстрѣе; успѣхъ, выпавшій на долю первобытному германскому индивидуализму, оказался непрочнымъ. Дельфійскій ореолъ, потухшій на Парнассѣ, вновь засіялъ на Ватиканской горѣ; снова раздался давнишній кличъ, такъ сладко убаюкивающій человѣческую совѣсть: «чистъ тотъ, кому я отпускаю его грѣхъ; грѣшенъ тотъ, кому я его не отпускаю». И миріады паломниковъ, потянувшихся въ Римъ съ единственной цѣлью получить отпущеніе грѣховъ и вновь обрѣсти утерянную чистоту, дали ясное, непреложное свидѣтельство о могуществѣ нравственной силы, живущей въ сердцѣ человѣка. Ореолъ этотъ сіяетъ и понынѣ, но блескъ его уже не тотъ; разладъ, внесенный эпохой Возрожденія въ единство средневѣковаго міросозерцанія, далъ свои плоды и тутъ. Правда, понадобилось не мало времени, чтобы слабое деревцо, взошедшее въ туманахъ крайняго сѣвера, но подкрѣпленное жизнетворнымъ сокомъ возродившейся античной культуры, могло вырости и осѣнить весь цивилизованный міръ—для насъ это время наступило всего лѣтъ тридцать тому назадъ. Но, какъ бы тамъ ни было, это—наше время; послѣ двухъ слишкомъ тысячелѣтій мы встрѣчаемъ величайшій изъ всѣхъ нравственныхъ вопросовъ на томъ же мѣстѣ, на которомъ его оставилъ Эсхилъ. И мы повинуемся данному на вѣчныя времена завѣту Паллады: «Ищи себѣ опоры и оправданія, человѣческая личность, во мнѣніи совокупности лучшихъ изъ равныхъ тебѣ!» Даже, робко спрашиваетъ наша совѣсть, даже если эта совокупность сводится къ одному только голосу, давшему перевѣсъ тому или другому мнѣнію?—«Что дѣлать—да!»

ИРЛАНДСКІЕ МОТИВЫ.

(Изъ „Пѣсенъ ирландца“ — Патрика Виллогуби)

Переводъ посвящается Л—ё.

I.

Два поколѣнія.

Въ эти ненастные дни
Не унывай, дорогая,
Хоть и суровы они,
Осени ты не кляни,
Сходство въ природѣ съ судьбою своей замѣчая!
Также печально прошла
Жизнь въ безобразные годы:
Кромѣ обмана и зла,
Ты ничего не нашла
Средь удручавшей и душу, и тѣло невзгоды...
И за ударомъ ударъ
Грубо вражда наносила:
Стылъ увлеченія жаръ
И обаятельныхъ чаръ
Въ рабствѣ заглохла отважная, гордая сила...
Гибли другіе... А мы
Выйти тогда не съумѣли—
Въ бой противъ гнета и тьмы
Изъ добровольной тюрьмы,
Братьямъ на помощь, въ защиту возвышенной цѣли...
Но не боязнь, а недугъ
Вѣчно мѣшалъ намъ съ тобою,
Бѣдный, усталый мой другъ,—
Тамъ, гдѣ за правду вокругъ
Скромныхъ героевъ не мало легло головою...

Пусть себѣ плачутъ дожди,—
Ты жъ удержи свои слезы:
О, потерпи, погоди,—
Могутъ для насъ впереди
Снова воскреснуть святыя убитыя грезы!
Вѣрь мнѣ, что люди нужны
И пригодятся на свѣтѣ,
Если у нихъ для страны
Вырости въ домѣ должны
Съ дружескимъ чувствомъ къ народу любимыя дѣти!
Въ дѣтяхъ вернется весна,—
Словно бы молодость наша!
Послѣ побѣды она
Будетъ съ удачей дружна,—
Милыхъ намъ устъ не коснется проклятая чаша...
Солнце желаннаго дня
Ярко блеснетъ надъ дорогой,
Гдѣ и тебя, и меня,
Жажду свободы кляня,
Зло подавляло сомнѣньемъ, тоской и тревогой...
Только зачѣмъ унывать,
Если въ другомъ поколѣньи
Будешь съ восторгомъ опять
Видѣть, счастливая мать,
Нѣкогда намъ дорогія мечты и стремленья!
Ихъ и въ народъ проведутъ
Бодрыя, юныя руки,—
И за оконченный трудъ
Дѣти награду найдутъ
Тамъ, гдѣ родители вынесли жгучія муки!..

II.

Цвѣтъ папоротника.

Всякій знаетъ: не мало,
Подъ Ивана-Купала,
Злыхъ чудесъ въ темной чащѣ бываетъ,—
И, среди этой ночи,
Лѣзетъ страшное въ очи
И людей боязливыхъ пугаетъ!
Прямо къ лѣсу родному
Только смѣлый изъ дому
Выйдетъ нынѣ, смущенья не зная:

Напугать, хуже смерти.
Тамъ съ вѣтвей могутъ черти,
Совъ и жабъ, и нетопырей стая...
Стерегутъ они клады,—
Человѣку не рады
Эти гнусныя адскія силы...
Прячутъ въ черной постели,
Что̀ землею одѣли,
Старыхъ дней погреба да могилы...
Заворо̀жены—воля
И мужицкая доля
Здѣсь, должно быть, самимъ сатаною,
И лежатъ онѣ кладомъ
Всюду съ золотомъ рядомъ:
Только жаль, не ухватишь рукою!..
Но надѣются братья,
Затаивши проклятья,
Вновь дождаться могучаго друга:
Путь открыть для насъ новый,
Разбивая оковы,—
Ждетъ героя святая заслуга!
Такъ иди же, спаситель,
За обиженныхъ мститель,
Ты скорѣе въ глухую дубраву;
А, чтобъ нечисть пропала
Подъ Ивана-Купала,
Бѣсъ узна̀етъ крутую расправу!
На благую дорогу,
Коль имѣешь въ подмогу
Божій крестъ въ своемъ сердцѣ, ты вступишь
И тогда лишь вернешься,
Какъ побѣды добьешься,—
Ею счастье Ирландіи купишь!
Не роскошную розу
А завѣтную грезу—
Принесешь намъ изъ чащи свободу:
Отдадутъ злыя силы
Цвѣтокъ, огненный, милый,—
Долженъ вновь онъ достаться народу!

К. Михайленко.

НОЧНАЯ СМѢНА.

(ОЧЕРКЪ).

Въ казармѣ четырнадцатой роты давно окончили вечернюю перекличку и пропѣли молитву. Уже одиннадцатый часъ въ началѣ, но люди не спѣшатъ раздѣваться. Завтра воскресенье, а въ воскресенье всѣ, кромѣ должностныхъ, встаютъ часомъ позже.

Дневальный — Лука Меркуловъ, только что „заступилъ на смѣну". До двухъ часовъ пополуночи онъ долженъ не спать, ходить по казармѣ въ шинели, въ шапкѣ и со штыкомъ на боку и слѣдить за порядкомъ: за тѣмъ, чтобы не было покражъ, чтобы люди не выбѣгали на дворъ раздѣтыми, чтобы въ помѣщеніе не проникали постороннія лица. Въ случаѣ посѣщенія начальства, онъ обязанъ рапортовать о благополучіи и о всемъ происшедшемъ...

Меркуловъ дневалитъ не въ очередь, а въ наказаніе,—за то, что въ прошедшій понедѣльникъ, во время „подготовительныхъ къ стрѣльбѣ упражненій", его скатанная шинель была обвязана не ременнымъ „трынчикомъ" (который у него украли), а веревочкой. Дневалитъ онъ черезъ день, вотъ уже третій разъ, и все ему достаются самые тяжелые ночные часы.

Меркуловъ плохой фронтовикъ. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ лѣнивъ и не старателенъ. Просто, ему не дается сложное искусство „чисто" дѣлать ружейные пріемы, вытягивать при маршировкѣ внизъ носокъ ноги, „подаваясь всѣмъ корпусомъ впередъ", и, въ должной степени, „затаивать дыханіе въ моментъ спуска ударника" при стрѣльбѣ. Тѣмъ не менѣе, онъ извѣстенъ за солдата серьезнаго и обстоятельнаго; въ одеждѣ наблюдаетъ опрятность; сквернословитъ сравнительно мало; водку пьетъ только казенную, какую даютъ по большимъ праздникамъ, а въ свободное время медленно и добросовѣстно тачаетъ сапоги,—не болѣе пары въ полгода, но зато какіе сапоги,—огромные, тяжеловѣсные, не знающіе износа,—„меркуловскіе" сапоги.

Лицо у него шершавое, сѣрое, въ одинъ тонъ съ шинелью, но съ оттѣнкомъ той грязной блѣдности, которую придаетъ про-

стымъ лицамъ воздухъ казармъ, тюремъ и госпиталей. Странное и какое-то неумѣстное впечатлѣніе производятъ на меркуловскомъ лицѣ выпуклые глаза, удивительно нѣжнаго и чистаго цвѣта,— добрые, дѣтскіе и до того ясные, что они кажутся сіяющими. Губы у Меркулова простодушныя, толстыя, особенно верхняя, надъ которой точно прилизанъ рѣдкій бурый пушокъ.

Въ казармѣ гомонъ. Четыре длинныхъ, сквозныхъ комнаты еле освѣщены коптящимъ, красноватымъ свѣтомъ четырехъ жестяныхъ ночниковъ, висящихъ въ каждомъ взводѣ у стѣны, ручкой на гвоздикѣ. По серединѣ комнатъ тянутся въ два ряда сплошныя нары, покрытыя сверху сѣнниками. Стѣны выбѣлены известкой, а снизу выкрашены коричневой, масляной краской. Вдоль стѣнъ стоятъ въ длинныхъ деревянныхъ стойкахъ, красивыми, стройными шеренгами, ружья; надъ ними висятъ въ рамкахъ олеографіи и гравюры, изображающія въ грубомъ, наглядномъ видѣ всю нехитрую солдатскую науку.

Меркуловъ медленно ходитъ изъ взвода во взводъ. Ему скучно, хочется спать, и онъ чувствуетъ зависть ко всѣмъ этимъ людямъ, которые копошатся, галдятъ и хохочутъ въ тяжелой мглѣ казармы. У всѣхъ у нихъ впереди такъ много часовъ сна, что они не боятся отнять у него нѣсколько минутъ. Но всего томительнѣе, всего непріятнѣе—сознаніе, что черезъ полчаса вся рота замолкнетъ, уснетъ, и только Меркуловъ остается бодрствовать,—тоскующій и забытый, одинокій среди ста человѣкъ, перенесенныхъ какою-то ужасной, таинственной силой въ невѣдомый міръ.

Во второмъ взводѣ тѣсно сбились въ кучу около десяти или двѣнадцати солдатиковъ. Они такъ близко разсѣлись и разлеглись другъ возлѣ друга на нарахъ, что сразу не разберешь, къ какимъ головамъ и спинамъ принадлежатъ какія руки и ноги. Въ двухъ, трехъ мѣстахъ то и дѣло вспыхиваютъ красные огоньки „цыгарокъ“. Въ самой серединѣ сидитъ, поджавъ подъ себя ноги, старый солдатъ Замошниковъ,—„дядька-Замошниковъ“, какъ его называетъ вся рота. Замошниковъ маленькій, худой, подвижной солдатикъ, общій любимецъ, запѣвало и добровольный увеселитель. Мѣрно покачиваясь взадъ и впередъ и потирая колѣни ладонями, онъ разсказываетъ сказку, держась все время пониженнаго, медленнаго и, какъ будто бы, недоумѣвающаго тона. Его слушаютъ въ сосредоточенномъ молчаніи. Изрѣдка, одинъ изъ присутствующихъ, захваченный интересомъ разсказа, вдругъ вставитъ, не вытерпѣвъ, торопливое, восхищенно-ругательное восклицаніе.

Меркуловъ останавливается подлѣ кучки и равнодушно прислушивается.

— И посылаетъ этта ему турецкій салтанъ большущую бочку мака и пишетъ ему письмо: „Вашее пріасхадительство, славный и

храбрый генералъ Скобелевъ! Даю я тебѣ три дня и три ночи строку, чтобы ты пересчиталъ весь этотъ макъ, до единаго зерна. И сколько, значитъ, ты зеренъ насчитаешь, столько у меня въ моемъ войскѣ есть солдатовъ". Прочиталъ генералъ Скобелевъ салтаново письмо и вовсе даже отъ этого не испужался, а только сейчасъ посылаетъ обратно турецкому салтану горсточку стручковаго перцу.—„У меня, говоритъ солдатовъ куда противъ твоего меньше, всего-на-всего одна малая горстка, а, ну-ко-ся, попробуй-ка,—раскуси!.."

— Ловко повернулъ!—одобряетъ голосъ за спиной Замошникова. Другіе слушатели сдержанно смѣются.

— Да... На-ко, говоритъ, раскуси, попробуй!—повторяетъ Замошниковъ, жалѣя разстаться съ „выигрышнымъ" мѣстомъ.—Салтанъ-то ему, значитъ, бочку мака, а онъ ему горсть перцу: „на-ко-сь, говоритъ, выкуси!" Это Скобелевъ-то нашъ салтану-то турецкому.—У меня, говоритъ, солдатовъ всего одна горсточка, а попробуй-ка, поди-ка, раскуси!..

— Вся, что ли, сказка то, дядька Замошниковъ?—робко спрашиваетъ какой-то нетерпѣливый слушатель.

— А ты... погоди, братецъ мой,—досадливо замѣчаетъ ему Замошниковъ.—Ты не подталдыкивай... Сказку сказывать,—это, братъ, тоже не блохъ ловить... Да...—Затѣмъ, помолчавъ немного и успокоившись, онъ продолжаетъ сказку.—Да... „Хоть и малая, говоритъ, горсточка, а поди-ка, раскуси..." Прочиталъ турецкій салтанъ скобелевское письмо и опять ему пишетъ: „Убери ты, по добру, по здорову, свое храброе войско изъ моей турецкой земли... А ежели ты своего храбраго войска убрать не захочешь, то дамъ я своимъ солдатамъ по чаркѣ водки, солдаты мои отъ этого разсердятся и выгонятъ въ три дня всю твою армію изъ Турціи". А Скобелевъ ему сейчасъ отвѣтъ: „Великій и славный турецкій салтанъ, какъ это смѣешь ты, турецкая твоя морда, мнѣ такія слова писать? Нашелъ чѣмъ тращать: „по чаркѣ водки дамъ!"—А я, вотъ, своимъ солдатушкамъ три дня лопать ничего не дамъ, и они тебя, распротакого-то сына, со всѣмъ твоимъ войскомъ живьемъ сожруть, и назадъ не вернутъ, такъ ты безъ вѣсти и пропадешь, собачья образина, свиное твое ухо!.." Какъ услышалъ эти слова турецкій салтанъ, сильно онъ, братцы мои, въ ту пору испужался и сейчасъ подался на замиренье.—„Ну, говоритъ, тебя совсѣмъ къ Богу и съ войскомъ съ твоимъ. Вотъ тебѣ мельонтъ рублей денегъ, и отвяжись ты отъ меня, пожалуйста..." Замошниковъ молчитъ съ минутку и потомъ добавляетъ коротко: „вся сказка, ребята".

Слушатели оживляются и кучка начинаетъ шевелиться. Со всѣхъ сторонъ раздается одобрительная ругань патріотическаго характера:

— Важно онъ яво, братцы!..

— Н-да-а, саданулъ... нѣчего сказать...

— На что лучше... Я, гритъ, своимъ солдатамъ три дни ѣсть не дамъ, такъ они тебя, мерзавца, живьемъ слопаютъ. Какъ онъ ему сказалъ, дядька Замошниковъ? А, дядька Замошниковъ?

Замошниковъ повторяетъ ту же самую фразу слово въ слово.

— Куда жъ противъ нашихъ! — подхватываютъ хвастливые голóса.

— Ку-у-да-а!.. Противъ руцкихъ-то!

— Ежели противъ нашихъ, такъ это еще, братъ, погодить надоть.

— Да еще и какъ погодить-то... Это такое дѣло, что надо благословимшись, да каши сперва поѣмши...

Замошниковъ въ это время тянется къ огоньку „цыгарки“, то вспыхивающему, то погасающему подлѣ него, и говоритъ небрежно:

— Дай-ко-сь, братецъ, потянуть разочекъ. Что-й-то смертъ покурить хоцца.

Онъ нѣсколько разъ подъ рядъ торопливо и глубоко затягивается, пуская дымъ изъ носа двумя прямыми, сильными струями. Лицо его, особенно подбородокъ и губы, поперемѣнно то озаряются краснымъ блескомъ, то мгновенно тухнутъ, пропадаютъ въ темнотѣ. Чья-то рука протягивается къ его рту за цыгаркой, и чей-то голосъ проситъ:

— А ну-ка, дядька Замошниковъ, оставь, я покурю немножко.

— Кто покýрить, а кто и поплюить,—отрѣзаетъ Замошниковъ. Солдаты смѣются. „Ужъ этотъ Замошниковъ... всегда такое ввернетъ!..“ Поощренный Замошниковъ продолжаетъ шутить:

— Знаешь, братъ, какъ нонче курятъ? Табачекъ вашъ, бумажку дашь, вотъ и покуримъ.

Однако онъ тутъ же суетъ въ протянутую руку окурокъ, сплевываетъ на сторону, перегнувшись черезъ чью-то спину, и говоритъ:

— А, вотъ, тоже, ребята, знаю я еще одну исторію. Може, кто слышалъ изъ васъ? Про то, какъ солдатъ прицѣпилъ себѣ желѣзные когти и лазилъ къ царевнѣ на башню? Если знаетъ, такъ я лучше и сказывать не буду.

— Не знаетъ... Нѣтъ, нѣтъ... Валяй, дядька Замошниковъ. Никто не слыхалъ.

— Начинается это такъ, что жилъ-былъ на свѣтѣ солдатъ Яшка, мѣдная пряжка. И былъ, братцы мои, этотъ солдатъ удивительный человѣкъ на свѣтѣ.

Меркуловъ вяло отходитъ прочь. Въ другое время онъ самъ съ живымъ удовольствіемъ слушалъ бы сказки Замошникова, но теперь ему даже кажется страннымъ, какъ это другіе могутъ

слушать съ такимъ интересомъ вещи незанимательныя, скучныя и, главное, завѣдомо вымышленныя.

— „Ишь, черти, и ко сну ихъ не манитъ!—злобно думаетъ Меркуловъ.—Будутъ себѣ цѣлую ночь дрыхнуть“...

Онъ подходитъ къ окну. Стекла изнутри запотѣли и по нимъ то и дѣло быстро и извилисто сбѣгаютъ капли. Меркуловъ протираетъ рукавомъ шинели стекло, прижимается къ нему лбомъ и загораживаетъ глаза съ обѣихъ сторонъ ладонями, чтобы не мѣшало отраженіе ночника. На дворѣ осенняя, дождливая, черная ночь. Свѣтъ, падающій изъ окна, лежитъ на землѣ косымъ, вытянутымъ четыреугольникомъ, и, видно, какъ въ этой свѣтлой полосѣ морщится и рябится отъ дождя большая лужа. Далеко впереди и внизу, точно на краю свѣта, чуть-чуть, блестятъ огни мѣстечка. Больше ничего не различаетъ глазъ въ темнотѣ ненастной ночи.

Постоявъ немного у окна, Меркуловъ идетъ дальше, въ четвертый взводъ, обходитъ его и медленно бредетъ по другой сторонѣ казармы, вдоль оконъ. На самомъ концѣ наръ, по бокамъ угла усѣлись, спустивъ внизъ ноги, двое солдатъ—Панчукъ и Коваль. Между ними стоитъ маленькій деревянный сундучекъ, съ замкомъ на кольцахъ. На сундукѣ лежитъ цѣльный хлѣбъ, накроенный толстыми ломтями во всю длину, пятокъ луковицъ, кусокъ свиного сала и крупная, сѣрая соль въ чистой тряпкѣ. Панчукъ и Коваль связаны между собою странной, молчаливой дружбой, основанной на необычайномъ обжорствѣ. Имъ не хватаетъ казенныхъ шести фунтовъ хлѣба; они прикупаютъ его каждый день у товарищей и всегда поѣдаютъ его вмѣстѣ, обыкновенно вечеромъ, не обмѣниваясь при этомъ ни единымъ словомъ. Оба они изъ зажиточныхъ семействъ и ежемѣсячно получаютъ изъ дому по рублю и даже по два...

Каждый изъ нихъ, поочередно, узкимъ ножикомъ, источеннымъ до того, что его остріе даже вогнулось внутрь, отрѣзаетъ нѣсколько тонкихъ, какъ папиросная бумага, кусочковъ сала и аккуратно разпластываетъ ихъ между двумя ломтями хлѣба, круто посоленными съ обѣихъ сторонъ. Потомъ они начинаютъ, молча и медленно, поѣдать эти огромные буттерброды, лѣниво болтая спущенными внизъ ногами.

Меркуловъ останавливается противъ нихъ и тупо смотритъ, какъ они ѣдятъ. Видъ сала вызываетъ у него подъ языкомъ острую слюну, но просить онъ не рѣшается: все равно, ему отвѣтятъ отказомъ и хлесткой насмѣшкой. Однако онъ, все-таки, произноситъ срывающимся голосомъ, въ которомъ слышится почти просьба:

— Хлѣбъ да соль, ребята.

— Ѣмъ, да свой, а ты рядомъ постой,—отвѣчаетъ совершенно серьезно Коваль и, не глядя на Меркулова, обчищаетъ ножемъ отъ

коричневой шелухи луковицу, рѣжетъ ее на четыре части, обмакиваетъ одну четверть въ соль и жуетъ ее съ сочнымъ хрустѣніемъ. Панчукъ ничего не говоритъ, но смотритъ прямо въ лицо Меркулову тупыми, сонными, неподвижными глазами. Онъ громко чавкаетъ, и на его массивныхъ скулахъ, подъ обтягивающей ихъ кожей, напрягаются и ходятъ связки челюстныхъ мускуловъ.

Нѣсколько минутъ всѣ трое молчатъ. Наконецъ, Панчукъ съ трудомъ проглатываетъ большой кусокъ и сдавленнымъ голосомъ равнодушно спрашиваетъ:

— Что, братъ, днивалишь?

Онъ и безъ того отлично знаетъ, что Меркуловъ дневалитъ, и предложилъ этотъ вопросъ ни съ того, ни съ сего, безъ всякаго интереса: просто, такъ себѣ, спросилось. И Меркуловъ также равнодушно испускаетъ, вмѣсто отвѣта, длинное ругательство, неизвѣстно кому адресованное: двумъ ли солдатамъ, которые имѣютъ возможность объѣдаться хлѣбомъ съ саломъ, или начальству, заставившему Меркулова не въ очередь дневалить.

Онъ отходитъ отъ пріятелей, продолжающихъ свою молчаливую, медленную ѣду, и бредетъ дальше. Сырая казарма быстро нагрѣвается человѣческимъ дыханіемъ; Меркулову даже становится жарко въ его шинели. Нѣсколько разъ кряду онъ обходитъ всѣ взводы, со скукой прислушиваясь къ разговору, громкому смѣху, руготнѣ и пѣнію, долго не смолкающимъ въ ротѣ. Ничто его не смѣшитъ и не занимаетъ, но въ душѣ ему сильно хочется, чтобы еще долго, долго, хоть всю ночь, не затихалъ этотъ шумъ, чтобы только ему, Меркулову, не оставаться одному въ ужасной тишинѣ спящей казармы.

Въ концѣ перваго взвода стоитъ отдѣльная нара унтеръ-офицера Евдокима Ивановича Ноги, ближайшаго начальника Меркулова. Евдокимъ Ивановъ—большой франтъ, бабникъ, говорунъ и человѣкъ зажиточный. Его нара поверхъ сѣнника покрыта толстымъ ватнымъ одѣяломъ, сшитымъ изъ множества разноцвѣтныхъ квадратиковъ и треугольниковъ; въ головахъ, къ деревянной спинкѣ прилѣплено хлѣбомъ маленькое, круглое, треснутое посрединѣ зеркальце въ жестяной оправѣ.

Евдокимъ Ивановичъ, безъ мундира и босой, лежитъ сверхъ своего великолѣпнаго одѣяла, на спинѣ, заложивъ за голову руки и задравъ кверху ноги, изъ которыхъ одна уперлась пяткой въ стѣну, а другая черезъ нее перекинута. Изъ угла рта торчитъ у него камышевый мундштукъ со вставленной въ него дымящейся „крученкой“. Передъ унтеръ-офицеромъ, въ понурой, печальной и покорной позѣ большой обезьяны стоитъ рядовой его взвода Шангирей Камафутдиновъ, — бѣдный, грязный, глуповатый татаринъ, не выучившій за три года своей службы почти ни одного

русскаго слова,—посмѣшище всей роты, ужасъ и позоръ инспекторскихъ смотровъ.

Ногѣ не спится и, пользуясь минутой, онъ „репетитъ“ съ Камафутдиновымъ „Словесность“. У татарина отъ умственнаго напряженія виски и конецъ носа покрылись мелкими каплями пота. Время отъ времени онъ вытаскиваетъ изъ кармана грязную ветошку и сильно третъ ею свои зараженные трахомой, воспаленные, распухшіе, гноящіеся глаза.

— Идіётъ турецкій! Морда! Что я тебя спрашиваю? Ну! Что я тебя спрашиваю, идолъ?—кипятится Нога.

Камафутдиновъ молчитъ.

— Эфіёпъ неумытый! Какъ твое ружье называется? Говори, какъ твое ружье называется, скотина подлая!

Камафутдиновъ третъ свои больные глаза, переминается съ ноги на ногу, но продолжаетъ молчать.

— Ахъ ты... Нѣтъ съ тобой никакой моей возможности! Ну, повторяй за мной...—И Нога произноситъ, громко отчеканивая каждый слогъ: ма-ло-ка-ли-бер-на-я, ско-ро-стрѣль-на-я...

— Малякарлй... карастй...—испуганно и торопливо повторяетъ Камофутдиновъ.

— Дура! Не спѣши... Еще разъ: малокалиберная, скорострѣльная...

— Малякалй... скарлястйль...

— У-я! Образина татарская!—И Нога дѣлаетъ на него злобно-искаженную физіономію.—Ну, чортъ съ тобой... Дальше повторяй: пѣхотная винтовка...

— Пихдтъ бинтдфкъ...

— Со скользящимъ затворомъ...

— Заскальзяситвдромъ...

— Системы Бердана, номеръ второй...

— Ссемъ бирданъ, номеръ тардй.

— Такъ... Ну, катай сначала.

Татаринъ вяло мнется и опять лѣзетъ въ карманъ за тряпкой.

— Ну же!.. Чортъ!

— К... к... калй... к... калибрй... заскальзй... — Камафутдиновъ наугадъ подбираетъ первые попадающіеся ему звуки.

— Заскальзи-и! — перебиваетъ его унтеръ-офицеръ.—Самъ ты—заскальзй. Вставать мнѣ только не хочется, а то бы я тебѣ вытюжилъ морду-то! Весь фасонъ ты у меня во взводѣ нарушаешь!.. Ты думаешь, съ меня изъ-за тебя не зискуется? Строго, братъ, зискуется... Ну, повторяй опять: малокалиберная, скорострѣльная...

Въ концѣ перваго взвода, близъ желѣзной печки, разлеглись на нарахъ, головами другъ къ другу, трое старыхъ солдатъ и

поютъ вполголоса, но съ большимъ чувствомъ и съ видимымъ удовольствіемъ вольную, „свою“, деревенскую пѣсню. Первый голосъ высокимъ, нѣжнымъ фальцетомъ выводитъ грустную мелодію, небрежно выговаривая слова и вставляя въ нихъ, для пѣвучести, лишнія гласныя. Другой пѣвецъ старательно и бережно вторитъ ему въ терцію сиплымъ, но пріятнымъ и точнымъ теноркомъ, немного въ носъ. Третій поетъ въ октаву съ первымъ глухимъ и невыразительнымъ голосомъ, въ иныхъ мѣстахъ онъ нарочно молчитъ, пропускаетъ два такта и вдругъ сразу подхватываетъ и догоняетъ товарищей въ своеобразной фугѣ.

Прощай радость моя и покой,—
Слышу уѣзжаетъ отъ меня милой.
Ахы намы должно
Съ та-або ой...

согласно и красиво вытягиваютъ первые голоса, а третій, отставшій отъ нихъ послѣ слова „должно“, вдругъ присоединяется къ нимъ рѣшительнымъ, крѣпкимъ подхватомъ

Съ тобой разстаться...

И затѣмъ всѣ трое поютъ вмѣстѣ:

Тебя мнѣ больше не видать,
Темною ночкой вмѣстѣ не гулять.

Закончивъ куплетъ, голосъ, пѣвшій мелодію, вдругъ беретъ страшно высокую ноту и долго, долго тянетъ ее, широко раскрывъ при этомъ ротъ, зажмуривъ глаза и наморщивъ отъ усилія носъ. Потомъ, сразу оборвавъ, точно отбросивъ эту ноту, онъ дѣлаетъ маленькую паузу, откашливается и начинаетъ снова:

Ахы темною ночикой
Мнѣ-ѣ не сыпится
Сама я не знаю по-оче-ему...

— Сударь почему!—ввертываетъ вдругъ третій увѣреннымъ речитативомъ, и опять всѣ втроемъ продолжаютъ:

Ахъ буду помнить я
Твои ласковые взоры,
Твой веселый разговоръ..

Пѣсня эта знакома Меркулову еще съ деревни, и поэтому онъ слушаетъ ее очень внимательно. Ему кажется, что хорошо было бы теперь лежать раздѣтымъ, укрывшись съ головой шинелью, и думать про деревню и про своихъ, думать до тѣхъ поръ, пока сонъ тихо и ласково не заведетъ ему глазъ.

Пѣвцы вдругъ замолкаютъ. Меркуловъ долго дожидается, чтобы они опять запѣли. Ему нравится неопредѣленная грусть и жалость къ самому себѣ, которую всегда вызываютъ въ немъ печальные мотивы. Но солдаты лежатъ, молча, на животахъ, голо-

вами другъ къ другу: должно быть, заунывная пѣсня и на нихъ навѣяла молчаливую тоску. Меркуловъ глубоко вздыхаетъ, долго скребетъ подъ шинелью зачесавшуюся грудь, сдѣлавъ при этомъ страдающее лицо, и медленно отходитъ отъ пѣвцовъ.

Казарма затихаетъ постепенно. Только во второмъ взводѣ слышатся, то и дѣло, взрывы буйнаго хохота. Замошниковъ уже окончилъ исторію про солдата съ желѣзными когтями и теперь начинаетъ „приставлять“. Онъ самъ—и актеръ, и импровизаторъ. Его любимый номеръ (который онъ сейчасъ и разыгрываетъ)—это полковой смотръ, производимый строгимъ генераломъ Замошниковымъ. Здѣсь онъ является поочередно и толстымъ генераломъ съ одышкой, и полковымъ командиромъ, и штабсъ-капитаномъ Глазуновымъ, и фельдфебелемъ Тарасомъ Гавриловичемъ, и старухой-хохлушкой, которая только что пришла изъ деревни и „восемнадцать лѣтъ москаліевъ не бачила“, и кривоногимъ, косымъ рядовымъ Твердохлѣбомъ и, плачущимъ ребенкомъ, и сердитой барыней съ собачкой, и татариномъ Камафутдиновымъ, и цѣлымъ батальономъ солдатъ, и музыкой, и полковымъ врачемъ. Навѣрно, каждый изъ слушателей не менѣе десяти разъ присутствовалъ на „приставленьяхъ“ Замошникова, но интересъ вовсе не ослабѣваетъ отъ этого, тѣмъ болѣе, что Замошниковъ всегда на-ново разукрашиваетъ свои діалоги бойкими риѳмами и, то и дѣло, загибаетъ поговорки, одна другой неожиданнѣй и непристойнѣй... Замошниковъ ведетъ сцену, стоя въ проходѣ между нарами и окномъ; зрители разсѣлись и разлеглись на нарахъ.

— Муз-зыканты по мѣст-а-а-амъ!—командуетъ Замошниковъ хриплымъ, нарочно задушеннымъ голосомъ, преувеличенно разѣвая ротъ и тряся закинутой назадъ головой (онъ, конечно, боится кричать громко, и этими пріемами имитируетъ, до извѣстной степени, оглушительность команды полкового командира). По-олкъ! Слуша-а-ай! На крау-улъ! Музыка играй... Трамъ, па-пимъ, тати-ра-рамъ...

Замошниковъ трубитъ маршъ, раздувая щеки и хлопая себя по нимъ ладонями, какъ по барабану. Затѣмъ онъ говоритъ бойкой скороговоркой:

— Вотъ ѣдетъ на бѣломъ конѣ храбрый генералъ Замошниковъ. Смотритъ соколомъ, грудь колесомъ. Весь мундиръ въ орденахъ, посмотришь — прямо тибѣ береть страхъ. — „Здорово, молодцы, славные нижнеломовцы-ы!“ — „Здра-жела-вассс!“ — „Молодцы, ребята!“ — „Ради стараться, вассс!..“ Сейчасъ полковой къ нему съ рапортомъ: — „Вашему пріасходительству, славному и храброму генералу Замошникову имѣю честь лепортовать... Въ нижнеломовскомъ развеселомъ полкѣ все обстоитъ благополучно. По списку солдатовъ цѣлая тыща. Сто человѣкъ

въ лазаретѣ валяется, сто по кабакамъ шатается, да сто въ бѣгахъ обрѣтаются. Пятдесятъ подъ заборомъ лежатъ, пятдесятъ подъ арестомъ сидятъ, а пятдесятъ—пьяные—на ногахъ не стоятъ... Двѣсти по міру пошли побираться, а другіе и совсѣмъ никуда не годятся. Не стрижены, не бриты, морды у нихъ не умыты, подъ глазами синяки подбиты. Цѣлый годъ ничего не ѣли, не пили, а только все по дѣвкамъ ходили. Нѣтъ нашего полка на свѣтѣ веселѣе!"—„Молодцы, ребята, спасибо красавцы!"—„Ради стараться, васс..."—„Претензій не имѣете?"—„Никакъ нѣтъ, вассс..."—„Хлѣба много ѣдите?"—„Точно такъ, вассс... очинно много: какъ ѣдимъ, такъ за ушами трещитъ, а съѣдимъ, такъ въ брюхѣ пишшыть".—„Молодцы, братцы. Такъ и надоть. Пой пѣсни, хоть тресни, гляди орломъ, а ѣсть не проси. Выдать кажному солдатику по манеркѣ водки, да по фунту табаку, да деньгами полтинникъ".—„Покорнѣйше благодаримъ вассс"...

„А тутъ с'часъ полковой впередъ выѣзжаетъ.—„По цирмуріальному маршу, по-ротно, на двухвзводную дистанцію...—Первая рота шагомъ!" Музыка. Ту-ру-румъ, ту-румъ... Идуть—ать, два! ать, два... лѣвой... лѣвой... Вдругъ: „сто-ой! на-за-адъ! отстави-ить!"—„Что-т-такое за исторія?"—„Это у васъ какая рота, полковникъ?—„Четырнадцатая-нарѣзная, вассс..."—„А это что за морда кривая стоитъ въ строю?"—„Рядовой Твердохлѣбъ, вассс..."—„Прогнать со смотра и всыпать пятдесятъ"...

Солдаты хохочутъ, и всѣхъ громче рядовой Твердохлѣбъ, котораго со всѣхъ сторонъ толкаютъ подъ бока локтями. Дальше обыкновенно слѣдуетъ разсказъ о томъ, какъ послѣ смотра генералъ Замошниковъ обѣдаетъ у полкового командира.—„Вамъ борщу, или супу, вассс?..—„Мнѣ бы того и другого... поболѣ..."—„А водочки, васс?.."—„Гм... можно и водочки... стаканчикъ". Затѣмъ идетъ изысканный разговоръ съ полковничьей дочкой.—„Барышня, угостите поцѣлуйчикомъ".—„Ахъ что вы-съ... нешто это можно при папашахъ?.. они увидаютъ...—Нельзя значитъ?—Аххъ... никакъ невозможно.—Въ такомъ разѣ предпожалуйте ручку.—Ручку извольте.—Ну, и скусно же!.."

Но Замошниковъ не успѣваетъ докончить „приставленья". Внезапно растворяется дверь казармы и въ просвѣтѣ показывается фигура фельдфебеля, Тараса Гавриловича, въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, въ туфляхъ на босу ногу и въ очкахъ.

— Чего вы гогочете, словно жеребцы на овесъ?—раздается его сердитый старческій окрикъ.—Когда вы утихомиритесь?! Вотъ я васъ всѣхъ сейчасъ по мордамъ разкассирую. Ну!.. живо... расходись!..

Солдаты медленно, неохотно расходятся по своимъ мѣстамъ. Необыкновенно быстро, въ какихъ-нибудь пять минутъ казарма

совсѣмъ стихаетъ. Гдѣ-то среди наръ слышится торопливый шепотъ молитвы: „Господи, Сусе Христе... Сыне Божій, помилуй насъ... Пресвятая Троица помилуй насъ“.—Гдѣ-то звучно падаютъ одинъ за другимъ на асфальтовый полъ сброшенные съ ногъ сапоги. Кто-то кашляетъ глухо, съ надсадой по овечьи... Жизнь сразу прекратилась.

Меркуловъ продолжаетъ ходить по казармѣ. Онъ идетъ вдоль стѣны, машинально обдирая ногтемъ большого пальца масляную краску. Солдаты лежатъ на нарахъ, покрытые сверху сѣрыми шинелями, тѣсно прижавшись другъ къ другу. При тускломъ, коптящемъ свѣтѣ ночниковъ очертанья спящихъ фигуръ теряютъ рѣзкость, сливаются, и кажется, будто это лежатъ не люди, а сѣрые однообразные и неподвижные вороха шинелей.

Отъ нечего дѣлать, Меркуловъ присматривается къ спящимъ. Одинъ лежитъ на спинѣ, поднявъ и согнувъ подъ острымъ угломъ ноги; онъ полураскрылъ ротъ и дышитъ глубоко и ровно; съ лица его не сходитъ спокойное, глупое выраженіе. Другой спитъ на животѣ, уткнувшись головой въ сгибъ лѣвой руки, между тѣмъ какъ правая протянута вдоль тѣла и выворочена ладонью наружу. Голыя ноги высунулись изъ-подъ короткой шинели; икры на нихъ напружились, а концы пальцевъ сведены, какъ въ судорогѣ. Вотъ, скорчился солдатъ Естифеевъ, землякъ Меркулова и сосѣдъ его по строю. Кажется, нарочно не примешь такой неестественной позы: голова глубоко засунута подъ кумачевую, засаленную подушку, ноги прижаты чуть не къ самому подбородку. Должно быть, кровь прилила Естифееву къ головѣ, потому что изъ-подъ подушки раздаются медленные, мучительные стоны.

Меркулову жутко и тягостно. Всего нѣсколько минутъ назадъ всѣ эти сто человѣкъ ходили, смѣялись, разговаривали, бранились... и вотъ они, всѣ до одного, лежатъ неподвижные, стонущіе и храпящіе, объятые и унесенные какой-то *другой*, непонятной, таинственной жизнью. Для каждаго изъ нихъ уже нѣтъ болѣе ни военной службы съ ея тягостями и напускнымъ весельемъ, ни скучнаго мрака казармы, ни сосѣда, безпокойно мечущагося у него на груди головой, ни одиноко бродящаго со своей тоской Меркулова. И мистическій ужасъ заползаетъ понемногу въ сердце Меркулова, съеживаетъ кожу на его черепѣ и волной холодныхъ мурашекъ бѣжитъ по его спинѣ.

Онъ останавливается противъ часовъ, висящихъ въ третьемъ взводѣ подъ ночникомъ, и долго, пристально смотритъ на нихъ. Меркуловъ плохо разбираетъ время, но онъ знаетъ (это ему терпѣливо и пространно объяснялъ сегодня дежурный), что когда большая стрѣлка станетъ прямо вверхъ, а маленькая почти перпендикулярно къ ней вправо, то тогда надо ему смѣняться. Это—

обыкновенные, двухрублевые часы съ бѣлымъ квадратнымъ циферблатомъ, разрисованнымъ по угламъ розонами, съ мѣдными гирьками, къ одной изъ которыхъ подвязаны веревкой камень и желѣзный болтъ, съ избитымъ отъ времени, точно изжеваннымъ, мѣднымъ маятникомъ.

— Ти-та, ти-та,—отсчитываетъ среди тишины маятникъ, и Меркуловъ внимательно прислушивается къ его ходу. Первый ударъ слабѣе и чище, а второй звучитъ глухо и выбивается съ трудомъ, какъ будто бы его что-то задерживаетъ внутри, и слышно, какъ между обоими ударами въ серединѣ часовъ передергивается какая-то цѣпочка. — Ти-к-та, ти-к-та... И Меркуловъ шепчетъ вслѣдъ за ходомъ часовъ: тягота, тягота... Странная духовная связь есть между этими часами и ночнымъ бодрствованіемъ Меркулова: точно оба они—одни въ казармѣ—осуждены какой-то жестокой силой тоскливо отсчитывать секунды и томиться долгимъ одиночествомъ.—„Тягота, тягота“, монотонно и устало шепчетъ маятникъ. Въ казармѣ скучно и жутко, ночники еле свѣтятъ, въ углахъ громоздятся безобразныя тѣни, и Меркуловъ сонно шепчетъ вмѣстѣ съ маятникомъ: Тяго-та, тя-го-та...

Потомъ онъ идетъ въ дальній уголъ перваго взвода и садится между печкой и ружейной пирамидой на высокомъ табуретѣ съ залосненнымъ и почернѣвшимъ отъ времени сидѣньемъ. Отъ желѣзной печки идетъ легкое тепло вмѣстѣ съ запахомъ угара. Меркуловъ глубоко засовываетъ руки въ рукава шинели и задумывается.

Вспоминается ему письмо, полученное третьяго дня „съ родины“. Это письмо читали ему вслухъ: сначала взводный унтеръ-офицеръ, потомъ ротный писарь, потомъ всѣ грамотные земляки, такъ что текстъ письма Меркуловъ успѣлъ выучить наизусть и даже подсказывалъ чтецамъ неразборчивыя мѣста.

„Письмо солдатское, пѣхотное, очень нужное. Письмо пущено съ родины 20-го сентября настоящаго года. Село Мокрые Верхи, отъ отца вашего.

„Любезный сынокъ нашъ Лука Моисеевичъ!

„Во первыхъ строкахъ сего письма посылаемъ тебѣ родительское наше благословеніе и желаемъ отъ Господа Бога скораго и счастливаго успѣха въ дѣлахъ вашихъ, и увѣдомляемъ васъ, что мы съ матушкой вашей Лукерьей Трофимовной, слава Богу, живы и здоровы, чего и вамъ желаемъ. Еще кланяется вамъ любящая супруга Татьяна Ивановна и посылаетъ свое искренно любящее супружеское почтеніе, съ любовію низкій поклонъ и желаетъ вамъ отъ Бога всего хорошаго. Еще кланяется тебѣ любезный тестечикъ твой Иванъ Ѳедосѣевичъ съ супругой и съ дѣтками и желаетъ вамъ успѣха въ дѣлахъ вашихъ. Еще кла-

няется вамъ братецъ вашъ Николай Моисеевичъ съ супругой и съ дѣтками и съ низкимъ поклономъ желаютъ вамъ отъ Бога всего хорошаго.

„А у насъ все, слава Богу, благополучно, чего и тебѣ отъ всей души желаемъ. Въ деревнѣ у насъ все по старому. На Пречистую сгорѣлъ у насъ Николай Ивановъ съ большой дороги. Безпремѣнно никто, какъ Матюшка спалилъ; такъ и урядникъ сказалъ. Милый Лукаша, прошу я тебя, пропиши пояснѣе, я въ вашемъ письмѣ ничего не поняла, потому что плохо писано, никто не можетъ прочитать, и пропиши, кто ее писалъ и кто писалъ адресъ, нельзя понять, чья это рука писала, но приблизительно вы пишите такую чушь, что не можно и вѣрить такой ерундѣ. За симъ остаюсь любящій отецъ М. Меркуловъ, а за него, безграмотнаго, расписался Ананій Климовъ".

— Ахъ, бѣда, бѣда,—шепчетъ Меркуловъ и при этомъ качаетъ головой и горестно прищелкиваетъ языкомъ. Думаетъ онъ о томъ, что еще два года слишкомъ осталось ему „сполнять долгъ отечества", о томъ, какъ трудно и тяжело жить на чужой сторонѣ, думаетъ и о своей женѣ Татьянѣ Ивановнѣ.—„Бабочка она молодая, веселая, балованная. Тоже, поди, не легко жить четыре-то года безъ мужа, въ чужой семьѣ... Солдатка... Извѣстно, какія онѣ, солдатки-то эти самыя... Вотъ, поручикъ Забіякинъ всегда смѣются...— „Ты женатый?" спроситъ.—„Точно такъ, вашбродь, женатый". — „Ну, такъ погоди, погоди, говоритъ, воротишься со службы — въ домѣ новые работники прибудутъ". Гм... Хорошо ему смѣяться. Толстый, да гладкій... Всталъ утречкомъ — чайку съ булочкой напился... деньщикъ ему сапожки чистые подалъ. Вышелъ на ученье—знай себѣ, папиросочки попаливаетъ. А ты, вотъ, сиди цѣлую ночь... Эхъ, бѣда, бѣда, бѣда-а-а",—шепчетъ Меркуловъ, оканчивая послѣднее слово длиннымъ глубокимъ зѣвкомъ, отъ котораго у него даже слезы выступаютъ на глазахъ.

Никогда еще Меркуловъ не чувствовалъ себя такимъ покинутымъ, затерянным, жалкимъ... Хочется ему поговорить съ какимъ-нибудь добрымъ и молчаливымъ человѣкомъ, объяснить ему жалостными словами всѣ свои горести и заботы, и чтобы этотъ добрый и молчаливый человѣкъ слушалъ внимательно, все бы понималъ и всему сочувствовалъ... Да гдѣ жъ его найдешь, этого человѣка? Каждому до себя, до своей заботушки. Горько, братецъ мой, думаетъ, покачивая головой Меркуловъ и, вслѣдъ за тѣмъ, произноситъ вслухъ протяжнымъ пѣвучимъ голосомъ: о-охъ и го-о-орько-о...

И вотъ, понемножку, вполголоса, Меркуловъ начинаетъ напѣвать. Сначала въ его пѣснѣ почти нѣтъ словъ. Выходитъ что-то

заунывное, печальное и безтолковое, но размягчающее и пріятно шевелящее душу. „Э-э-а-ахъ ты-ы, да э-э-охъ го-о-орько-о“... Потомъ начинаютъ подбираться и слова—все такія хорошія, трогательныя слова:

О-охъ да ты-ы моя матушка,
Э-охъ да моя родименька-я-а...

Тутъ Меркуловъ окончательно проникается глубокой жалостью къ бѣдному, забытому солдату Лукѣ Меркулову. Кормятъ его впроголодь, наряжаютъ не въ очередь дневалить, взводный его ругаетъ, отдѣленный ругаетъ,—иной разъ и кулакомъ ткнетъ въ зубы,—ученье тяжелое, трудное... Долго ли заболѣть, руку ли, ногу сломать, отъ глазной болѣзни ослѣпнуть—вонъ, у половины роты глаза гноятся? А то, можетъ, и умереть на чужой сторонѣ придется... Что-то горестное подступаетъ Меркулову къ самой глоткѣ, что-то начинаетъ слегка пощипывать ему вѣки, а въ груди подъ ложечкой онъ ощущаетъ приливъ искусственной, замирающей, томной, сладковатой тоски. И еще больше трогаютъ его печальныя слова импровизированной пѣсни, еще нѣжнѣе и прекраснѣе кажется ему свой собственный мотивъ:

Охъ ты моя мамынька,
Положижъ ты минѣ во гро-опъ,
Положи во сосновый да во гропъ,
Во сосновый гропъ, да во осиновый...

Воздухъ въ казармѣ сгустился и сталъ невыносимо тяжелъ. Точно въ банѣ, сквозь завѣсу пара слабыми, расплывчатыми пятнами свѣтятъ ночники, у которыхъ стекла почернѣли сверху отъ копоти. Меркуловъ сидитъ, сгорбившись, переплетя ноги за табуретную перекладину и глубоко вдвинувъ руки въ рукава шинели. Тѣсно, жарко и неловко ему въ шинели,—воротникъ третъ затылокъ, крючки давятъ горло, и спать ему хочется страшно. Вѣки у него точно распухли и зудятъ, въ ушахъ стоитъ какой-то глухой, непрерывный шумъ, а гдѣ-то внутри, не то въ груди, не то въ животѣ, все не проходитъ тягучая, приторная, физическая истома. Меркуловъ не хочетъ поддаваться сну, но, временами, что-то мягкое и властное пріятно сжимаетъ его голову: тогда вѣки вдругъ задрожатъ и сомкнутся съ усталой рѣзью, приторная истома сразу пропадаетъ, и уже нѣтъ больше ни казармы, ни длинной ночи, и на нѣсколько секундъ Меркулову легко и покойно до блаженства. Онъ самъ не замѣчаетъ въ это время, что голова его короткими, внезапными толчками падаетъ все ниже и ниже, и вдругъ... сильно качнувшись всѣмъ тѣломъ впередъ, онъ съ испугомъ открываетъ глаза, выпрямляется, встряхиваетъ головой, и опять вступаетъ ему въ грудь приторная, сосущая истома безсонья.

А память Меркулова въ эти короткія секунды неожиданной полудремоты все не можетъ оторваться отъ деревни, и пріятно ему, и занимательно, что о чемъ бы онъ ни вспомнилъ, такъ сейчасъ же это и видитъ передъ глазами,—такъ ярко, отчетливо и красиво видитъ, какъ никогда не увидишь на яву. Вотъ его старый, бѣлый, весь усѣянный „гречкой“ меринъ. Стоитъ онъ на зеленомъ выгонѣ со своими согнутыми передними ногами, съ торчащими костяжками на крестцѣ, съ выступающими рѣзко на бокахъ ребрами. Голова его уныло и неподвижно опущена внизъ, дряблая нижняя губа, съ рѣдкими, прямыми и длинными волосами, отвисла, глаза, цвѣта линялой бирюзы, съ бѣлыми рѣсницами, смотрятъ тупо и удивленно.

А тутъ, сейчасъ же, за выгономъ идетъ проѣзжая широкая дорога. И кажется Меркулову, что теперь—теплый вечеръ ранней весны и что вся дорога, черная отъ грязи, изборождена слѣдами копытъ, а въ глубокихъ колеяхъ стоитъ вода, розовая и янтарная отъ вечерней зари. Пересѣкая дорогу, вьется изъ подъ бревенчатаго мостка узкая рѣченка, точно сжатая въ невысокихъ, но крутыхъ изумрудно-зеленыхъ берегахъ, гладкая, какъ зеркало, и уже чуть-чуть подернутая вдали легкимъ туманомъ. Вѣрно и рѣзко отразились въ ней, внизъ верхушками, прибрежныя, круглыя, покрытыя желто-зеленымъ лукомъ ветлы и самые берега, которые кажутся въ водѣ еще свѣжѣй, еще изумруднѣй. А, вонъ, вдалекѣ, на ясномъ небѣ стройно и четко рисуется колокольня церкви, деревянная, бѣлая съ розовыми продольными полосами и съ крутой зеленой крышей. Сейчасъ же, рядомъ съ церковью и меркуловскій огородъ: вонъ, даже видно покривившееся на бокъ и точно падающее впередъ чучело въ старомъ отцовскомъ картузѣ, съ растопыренными рукавами, висящею бахрамой на концахъ, навсегда застывшее въ рѣшительной и напряженной позѣ...

И кажется Меркулову, что онъ самъ ѣдетъ по этой черной, грязной дорогѣ, возвращаясь съ пашни. Онъ бокомъ сидитъ на бѣломъ меринѣ, мотая спущенными внизъ ногами и ерзая при каждомъ шагѣ лошади взадъ и впередъ на ея хребтѣ. Ноги лошади звучно чмокаютъ, вылѣзая изъ грязи. Легкій вѣтерокъ чуть задѣваетъ лицо Меркулова, принося съ собой глубокій, свѣжій ароматъ земли, еще не высохшей послѣ снѣга, и хорошо, радостно на душѣ у Меркулова. Усталъ онъ, выбился изъ силъ, взодравъ за нынѣшній день чуть-ли не цѣлую десятину земли; ноетъ у него все тѣло, ломитъ руки, трудно разгибать и сгибать спину, а онъ, небрежно болтая ногами, знай заливается во всю грудь:

Вы сады-ы-ль мои са-ады!...

Ахъ какъ хорошо ему будетъ сейчасъ, когда онъ уляжется въ прохладной ригѣ, на саломѣ, вытянувъ и свободно разбросавъ натруженныя руки и ноги!...

Голова Меркулова опять падаетъ внизъ, чуть не касаясь колѣнъ, и опять Меркуловъ просыпается съ приторнымъ томящимъ ощущеніемъ въ груди.—„Никакъ я вздремалъ?—шепчетъ онъ въ удивленіи.—Вотъ такъ штука!“. Ему страшно жаль только что видѣнной черной, весенней дороги, запаха свѣжей земли и нарядnаго отраженія прибрежныхъ ветлъ въ гладкомъ зеркалѣ рѣчки. Но онъ боится спать и, чтобы ободриться, опять начинаетъ ходить по казармѣ. Ноги его замлѣли отъ долгаго сидѣнья, и при первыхъ шагахъ онъ совсѣмъ не чувствуетъ ихъ.

Проходя мимо часовъ, Меркуловъ смотритъ на циферблятъ. Большая стрѣлка уперлась прямо вверхъ, а маленькая отошла отъ нея чуть-чуть вправо. — „Послѣ полуночи“, соображаетъ Меркуловъ. Онъ сильно зѣваетъ, быстрымъ движеніемъ нѣсколько разъ кряду креститъ ротъ и бормочетъ что-то вродѣ молитвы: „Господи... Царица Небесная... еще, небось, часа два съ половиной осталось... Святые угодники... Петра, Алексѣя, Іоны, Филиппа... добропожившихъ отцовъ и братій нашихъ“...

Керосинъ догораетъ въ ночникахъ, и въ казармѣ становится совсѣмъ темно. Позы у спящихъ мучительно-напряженныя, неестественныя. Должно быть, у всѣхъ на жесткихъ сѣнникахъ обомлѣли руки и затекли головы. Отовсюду, со всѣхъ сторонъ раздаются жалобные стоны, глубокіе вздохи, нездоровый, захлебывающійся храпъ. Что-то зловѣщее, удручающее, таинственное слышится въ этихъ не человѣческихъ звукахъ, идущихъ среди печальнаго мрака изъ подъ сѣрыхъ однообразныхъ вороховъ.

Обойдя вокругъ казармы, Меркуловъ опять подходитъ къ часамъ и смотритъ на нихъ. Теперь обѣ стрѣлки совпали вмѣстѣ. Меркуловъ пробуетъ сообразить, сколько разъ ему надо обойти всѣ нары, чтобы большая стрѣлка сдѣлала полный оборотъ. Но вычисленіе выходитъ слишкомъ сложнымъ и превосходитъ математическія познанія Меркулова.

— На дворъ выттить, что-ль?—спрашиваетъ онъ самаго себя вслухъ и медленно идетъ къ дверямъ. На дворѣ—густая темень и льетъ не переставая мелкій, частый дождь. На другомъ концѣ двора едва обрисовывается рядъ слабо-освѣщенныхъ оконъ: это казармы пятнадцатой и шестнадцатой ротъ. Дождикъ глухо барабанитъ по крышѣ, стучитъ въ оконныя стекла, стучитъ по меркуловской фуражкѣ. Гдѣ-то вблизи вода бѣжитъ со звономъ и торопливымъ журчаніемъ изъ желоба и потомъ плещется по какимъ-то камнямъ. Сквозь этотъ шумъ Меркулову слышатся порою странные звуки! Точно кто-то идетъ къ нему вдоль казарменной стѣны, часто и тяжело шлепая по лужамъ ногами. Меркуловъ оборачивается въ эту сторону и напрягаетъ зрѣніе. Шлепанье тотчасъ же прекращается. Но едва Меркуловъ отвернется, какъ опять

начинаютъ шлепать по водѣ грузные, спѣшные шаги. „Мерещится!“ рѣшаетъ Меркуловъ и подымаетъ кверху голову, подставляя лицо подъ частыя капли... На небѣ нѣтъ ни одной звѣзды...

Вдругъ, рядомъ, въ казармѣ тринадцатой роты, быстро раскрывается наружу входная дверь, и дверной блокъ пронзительно взвизгиваетъ на весь дворъ. На секунду въ слабомъ свѣтѣ распахнутой двери мелькаетъ фигура солдата въ шинели и въ шапкѣ. Но дверь тотчасъ же захлопывается, увлекаемая снова взвизгнувшимъ блокомъ, и въ темнотѣ нельзя даже опредѣлить ея мѣста. Но вышедшій изъ казармы солдатъ стоитъ на крыльцѣ: слышно, какъ онъ крякаетъ отъ свѣжаго воздуха и сильно потираетъ руками одна о другую.

— Тоже дневальный, должно быть,—думаетъ Меркуловъ, и его страстно тянетъ подойти къ этому бодрствующему, *живому* человѣку, посмотрѣть на его лицо, или хоть послушать его голосъ.

— Эй, землячекъ!—окликаетъ Меркуловъ невидимаго въ темнотѣ солдата.—А нѣтъ ли у васъ, землячекъ, спички?

— Кажись, должны быть,—отвѣчаетъ съ крыльца глухой и сиплый голосъ.—Постой... я сейчасъ...—И Меркуловъ слышитъ, какъ солдатъ долго охлопываетъ себя по карманамъ, и какъ, наконецъ, тарахтятъ въ коробкѣ найденныя спички.

Оба солдата сходятся на серединѣ между обѣими казармами, у колодца, отыскивая другъ друга по звуку сапогъ, шлепающихъ по мокрой, скользкой глинѣ.

— Вотъ вамъ спички,—говоритъ солдатъ, и такъ какъ Меркуловъ не можетъ сразу найти его протянутой руки, то онъ слегка погромыхиваетъ коробкой.

Но Меркулову спички вовсе не нужны — онъ не куритъ — ему только хотѣлось хоть минуту побыть около живого человѣка, не охваченнаго этой странной, сверхъестественной силой сна.

— Спасибо вамъ,—говоритъ Меркуловъ,—мнѣ только парочку. У меня въ казармѣ есть коробка, да, вотъ, спички-то, признаться, вышли.

Оба солдата заходятъ подъ высокій навѣсъ, устроенный надъ колодцемъ. Меркуловъ для чего-то трогаетъ огромное деревянное колесо, приводящее въ движеніе валъ. Колесо жалобно скрипитъ и дѣлаетъ мягкій размахъ. Солдаты облокачиваются на верхній срубъ колодца и, свѣсивъ внизъ головы, пристально глядятъ въ зіяющую темноту.

— Спать хочется, братецъ мой,—страсть!—говоритъ Меркуловъ и громко зѣваетъ. Зѣваетъ тотчасъ же и другой солдатъ. Ихъ голоса и зѣвки глухо, раскатисто и усиленно отдаются въ пустотѣ глубокаго колодца.

— Часъ, должно, первый въ началѣ?—спрашиваетъ нехотя, вялымъ голосомъ солдатъ 13-й роты.—Вы съ какого года?

По измѣнившемуся звуку голоса Меркуловъ догадывается, что солдатъ повернулся къ нему лицомъ. Повертывается и Меркуловъ, въ темнотѣ не видитъ даже фигуры своего собесѣдника.

— Я съ девяностаго. А вы?

— И я съ девяностаго. Вы—тоже, орлоцкіе?

— Мы—кромскіе,—отвѣчаетъ Меркуловъ. — Наша деревня Мокрые Верхи прозывается. Можетъ, слышали?

— Не... Мы дальніе... мы изъ подъ самаго Ельца. И скука же, братецъ ты мой!—Послѣднія слова онъ произноситъ вмѣстѣ съ зѣвкомъ, глухимъ, нутрянымъ голосомъ и неразборчиво, такъ что у него выходитъ: „ы гугу ы аатецъ ты мой!“

Оба они замолкаютъ на нѣкоторое время. Солдатъ изъ Ельца плюетъ сквозь зубы прямо въ колодецъ. Проходитъ около десяти секундъ, въ теченіе которыхъ Меркуловъ съ любопытствомъ прислушивается, наклонивъ голову на-бокъ. Вдругъ изъ темноты доносится необычайно чистый и ясный—точно ударъ двухъ гладкихъ камней другъ объ друга,—звукъ шлепка.

— И глыбоко же тута!—говоритъ солдатъ изъ Ельца и опять плюетъ въ колодецъ.

— Грѣхъ въ воду плевать. Не годится это,—поучительно замѣчаетъ Меркуловъ и тотчасъ же самъ плюетъ въ свою очередь. Обоихъ солдатъ чрезвычайно занимаетъ то, что между плевкомъ и звукомъ, раздающимся потомъ изъ колодца, проходитъ такъ много времени.

— А что, ежели туда сигануть?—вдругъ спрашиваетъ солдатъ изъ Ельца.—Небось, покамѣсть, долетишь, такъ объ стѣнки головой изобьешься?

— Какъ не избиться... Изобьешься,—увѣренно отзывается Меркуловъ.—Въ лучшемъ видѣ изобьешься.

— Бяда!—говоритъ другой солдатъ, и Меркуловъ догадывается, что онъ качаетъ головой.

Опять наступаетъ долгое молчаніе и опять солдаты плюютъ въ колодецъ. Вдругъ Меркуловъ оживляется.

— Вотъ штука-то была, братецъ мой! Сижу я сейчасъ въ казармѣ и того... задремалъ, должно быть, немножко... И какой мнѣ, это... чудной сонъ приснился.

Ему хочется разсказать свой сонъ со всей прелестью мелкихъ поэтическихъ подробностей, съ чарующимъ колоритомъ родной земли и далекой, привычной, любимой жизни. Но у него выходитъ что-то слишкомъ простое, блѣдное и неинтересное.

— Вижу я—будто бы я, значитъ, у себя въ деревнѣ. И, какъ

будто бы, вечеръ... И все мнѣ скрозь видно... то-есть, такъ видно, такъ видно, точно и не во снѣ...

— Н-на... это бываетъ,—равнодушно и небрежно вставляетъ другой солдатъ, почесывая щеку.

— А я самъ, какъ будто бы ѣду верхомъ на лошади... на меринѣ... Есть у насъ такой меринъ бѣлый, годовъ двадцать ему, небось, будетъ... Можетъ, ужъ поколѣлъ теперь...

— Лошадь видѣть,—это означаетъ ложь... Омманетъ тебя кто-нибудь,—замѣчаетъ солдатъ.

— А я, будто бы, ѣду на меринѣ и все мнѣ скрозь видно... Ну вотъ просто какъ на яву... То-есть, такой это чудной сонъ мнѣ приставился...

— Н-на... разные сны бываютъ,—лѣниво вставляетъ солдатъ.— Одначе прощенья просимъ,—говоритъ онъ, подымаясь со сруба.— У насъ фитьфебель-чортъ по ночамъ шляется. До свиданья вамъ.

— До свиданьичка... Ночь-то, ночь какая... ахъ ты, Господи, Боже мой. Зги не видно.

Со свѣжаго воздуха казарменная атмосфера въ первыя минуты кажется просто невыносимой. Воздухъ весь пропитанъ тяжелыми человѣческими испареніями, ѣдкимъ дымомъ махорки, кислой затхлостью шинельнаго сукна и густымъ запахомъ невыпеченнаго хлѣба. Люди спятъ неспокойно, мечутся, стонутъ и такъ храпятъ, какъ будто бы имъ каждый вздохъ стоитъ громадныхъ усилій. Когда Меркуловъ проходитъ третьимъ взводомъ, какой-то солдатъ быстро вскакиваетъ и садится на нарахъ. Онъ нѣсколько секундъ дико озирается вокругъ, точно въ недоумѣніи, и долго чавкаетъ губами. Потомъ онъ начинаетъ яростно скрести пятерней: спачала голову, затѣмъ грудь и вдругъ, точно подкошенный сномъ, мгновенно падаетъ на бокъ. Другой—деревяннымъ и хриплымъ голосомъ быстро бормочетъ длинную фразу. Меркуловъ прислушивается съ суевѣрнымъ страхомъ и разбираетъ отдѣльныя слова: „не обрывай!.. завяжи узломъ!.. узломъ завяжи, говорятъ тебѣ!..“ Въ бредѣ, раздающемся среди ночи, всегда есть что-то ужасное для Меркулова. Ему кажется, что эти отрывочныя, внезапныя слова произноситъ не человѣкъ, а кто-то другой, *незримый*, вселившійся въ его душу и овладѣвшій ею.

Часы попрежнему тикаютъ неровно, точно задерживая второй ударъ, по стрѣлки ихъ, повидимому, остались все въ томъ же положеніи. Въ головѣ Меркулова вдругъ проносится ужасное, нелѣпое, фантастическое предположеніе, что, можетъ быть, время совсѣмъ остановилось и что цѣлые мѣсяцы, цѣлые года—вѣчно будетъ длиться эта ночь; будутъ такъ же тяжело дышать и бредить спящіе, такъ же тускло будутъ свѣтить умирающіе ночники, такъ же равнодушно и медлительно стучать маятникъ. Это темное, быстрое,

непонятное самому Меркулову ощущеніе переполняетъ его душу злобой и тоской. И онъ грозитъ въ пространство крѣпко сжатымъ кулакомъ и шепчетъ, не раскрывая стиснутыхъ челюстей:

— У-у, дьяволы!.. Погодите ужо-тко!

Онъ опять садится на то же самое мѣсто между печкой и ружейной пирамидкой и почти тотчасъ же мягко и нѣжно сжимаетъ его виски дремота. „О чемъ? О чемъ я теперь?—спрашиваетъ себя шепотомъ Меркуловъ, зная, что теперь въ его власти вызвать передъ глазами что-то очень пріятное и знакомое. — Ахъ— да! деревня... рѣчка... А ну-ка, ну-ка... Ну, пожалуйста, ну, прошу тебя...“

И снова змѣится въ зеленой, свѣжей травѣ рѣчка, то скрываясь за бархатными холмами, то опять блестя своей зеркальной гладью, снова тянется широкая, черная, изрытая дорога, благоухаетъ талая земля, розовѣетъ вода въ поляхъ, вѣтеръ съ ласковой, теплой улыбкой обвѣваетъ лицо, и снова Меркуловъ покачивается мѣрно взадъ и впередъ на остромъ лошадиномъ хребтѣ, между тѣмъ какъ сзади тащится по дорогѣ соха, перевернутая сошникомъ вверхъ.

Вы сады-ыль мои са-ады!..

громко во всю мочь голоса поетъ Меркуловъ и съ удовольствіемъ думаетъ о томъ, какъ сладко ему будетъ сейчасъ вытянуться усталымъ тѣломъ на высоко взбитой охапкѣ соломы. По обѣимъ сторонамъ дороги идутъ вспаханныя поля, и по нимъ ходятъ, степенно переваливаясь съ боку на бокъ черно-сизые, блестящіе грачи. Лягушки въ болотцахъ и лужахъ кричатъ дружнымъ, звенящимъ, оглушительнымъ хоромъ. Тонко пахнетъ цвѣтущая верба.

Ахъ и вы сады-ы-ль мои са-ады!..

Одно только кажется Меркулову страннымъ: какъ-то ужъ очень неровно идетъ сегодня бѣлый меринъ. Такъ и шатаетъ его изъ стороны въ сторону... Ишь какъ качнуло. Насилу удержался Меркуловъ, чтобы не полетѣть съ лошади впередъ головой. Нѣтъ, надо усѣсться верхомъ, какъ слѣдуетъ. Пробуетъ Меркуловъ перебросить правую ногу на другую сторону, но нога не шевелится, отяжелѣла—точно къ ней кто привязалъ страшную тяжесть. А лошадь такъ и ходитъ, такъ и шатается подъ нимъ.—„Но, ты, че-ортъ! Засну-улъ!..“

Меркуловъ стремглавъ падаетъ съ лошадиной спины, съ размаху ударяется лицомъ объ землю и... открываетъ глаза.

— Чортъ! заснулъ! — кричитъ надъ Меркуловымъ чей-то голосъ.

Меркуловъ вскакиваетъ съ табуретки и растерянно нащупываетъ на головѣ фуражку. Передъ нимъ стоитъ со взлохмаченной головой, въ одномъ нижнемъ бѣльѣ фельдфебель Тарасъ Гаври-

ловичъ. Это онъ разбудилъ сейчасъ Меркулова, ткнувъ его кулакомъ въ щеку.

— Заснулъ!—повторяетъ грозно фельдфебель.—Ахъ ты!.. Спать на дневальствѣ? Я-т-тебѣ покажу, какъ спать!..

Меркуловъ отшатывается назадъ отъ быстраго удара по скулѣ, встряхиваетъ головой и хрипло бормочетъ:

— Намаялся, господинъ фитьфебель...

— А-а! Намаялся? Такъ вотъ, чтобы ты не маялся, будешь еще два раза не въ очередь дневалить. Когда смѣняешься?

— Въ два, господинъ фитьфебель.

— Ахъ, мерзавецъ... Ты и смѣну-то свою проспалъ! Ну!.. живо, буди очередного... Маршъ!..

Фельдфебель уходитъ. Меркуловъ бѣгомъ бросается къ той нарѣ, гдѣ спитъ очередной дневальный—старый солдатъ Рябошапка. — „Спать, спать, спать, спать!“ —кричитъ въ душѣ Меркулова какой-то радостный, ликующій голосъ.—„Два лишнихъ дневальства? Это—пустяки, это *потомъ*, а теперь спать, спать!..“

— Дядька Рябошапка, а, дядька Рябошапка,—пугающимъ шепотомъ вскрикиваетъ Меркуловъ, теребя за ногу спящаго солдата.

— Мрмр... брайсь...

— Дядька Рябошапка, вставайте... Смѣна...

— Поди ссе...

Безсонница такъ измучила Меркулова, что у него больше не хватаетъ терпѣнія будить Рябошапку. Онъ бѣжитъ къ своему мѣсту на нарахъ, торопливо раздѣвается и протискивается между двумя сосѣдями, которые тотчасъ же грузно, безжизненно наваливаются на него боками...

На секунду встаетъ въ воображеніи Меркулова колодецъ, густая темнота ночи, мелкій дождикъ, журчанье воды, бѣгущей изъ желоба, и шлепанье по грязи чьихъ-то таинственныхъ ногъ. О! Какъ тамъ теперь холодно, непріятно и жутко... Все тѣло, все существо Меркулова проникается блаженной животной радостью. Онъ крѣпко прижимаетъ локти къ тѣлу, съеживается, уходитъ поглубже головой въ подушку и шепчетъ самому себѣ:

— Ну, а теперь... поскорѣе—дорогу... дорогу...

Снова передъ его глазами отчетливо и красиво извивается черная изрытая дорога, снова смотрится въ зеркало рѣки нѣжная зелень вѣтелъ... И внезапно Меркуловъ летитъ со страшной, но пріятной быстротой въ какую-то глубокую, мягкую мглу.

А. Купринъ.

ЧАРЛЬЗЪ ПАРНЕЛЬ.

(Страница изъ исторіи Англіи и Ирландіи).

(*Продолженіе* *).

Парнеллизмъ и фенiанство были явленіями, выросшими на одной и той же политической и экономической почвѣ, и нужно признать, что оба эти движенія давали другъ другу весьма значительную моральную поддержку. Никогда еще парламентскіе гомрулеры не были такъ рѣзко радикально настроены, какъ во времена Парнеля и никогда финіанское движеніе не проявлялось болѣе сильно и послѣдовательно, какъ именно въ эти годы, въ концѣ 70-хъ и въ 80-хъ годахъ. Та борьба, которую затѣялъ Парнель, была войною à outrance, должна была вестись всей ирландской націей противъ англійскаго государства и требовала отъ ирландцевъ, чтобы всѣ они, безъ исключенія, принимали въ ней участіе. «Кто можетъ, пусть идетъ въ парламентъ, кто не можетъ—пусть бойкоттируетъ измѣнниковъ и устраиваетъ демонстраціи, кто желаетъ приложить свои силы въ открытой борьбѣ—пусть начинаетъ её». Вотъ какой лозунгъ давалъ Парнель Ирландіи; при немъ въ первый разъ фенiанство почувствовало себя регулярной частью арміи гомрулеровъ и, можетъ быть, тутъ кроется одна изъ причинъ оживленія фенiевъ въ эпоху расцвѣта парнеллизма. Главными же причинами нужно, конечно, считать послѣдовательный рядъ неурожаевъ картофеля въ концѣ 70-хъ и началѣ 80 г.г. и обострившуюся нищету и озлобленность населенія. Аграрныя преступленія, въ которыхъ видѣли руку фенiевъ, слѣдовали въ 1880 году одно за другимъ, и дали Форстеру, автору законопроэкта объ усмиреніи Ирландіи—богатый цифровой матеріалъ.

Дѣло началось съ того, что 6-го января 1881 года при открытіи сессіи лордъ канцлеръ прочелъ тронную рѣчь королевы, въ которой говорилось слѣдующее **): «Милорды и джентльмены! къ сожалѣнію, я

*) См. «Міръ Божій», № 1, январь.

**) The Quen's Speech, January 6. 1881 (Parliament. Deb., 44-й парл. Викторіи, т. 257, стр. 5; изд. Lond. 1881),

должна констатировать, что положеніе Ирландіи приняло тревожный характеръ. Число аграрныхъ преступленій увеличилось на много сравнительно съ предшествующими годами. Широкая система террора воцарилась въ разныхъ частяхъ страны»... Рѣчь кончалась указаніемъ на то, что назрѣла потребность въ новыхъ законодательныхъ мѣрахъ относительно Ирландіи.

Тотчасъ вслѣдъ за прочтеніемъ тронной рѣчи началось обсужденіе отвѣтнаго адреса; это обсужденіе, благодаря парнеллитской обструкціи, длилось ровно двѣ недѣли. Только 24 января законопроектъ Форстера «о защитѣ личности и собственности въ Ирландіи» былъ внесенъ въ палату общинъ *). Форстеръ заявилъ, что, въ общемъ, аграрныхъ преступленій (убійствъ лендлордовъ, поджоговъ, нападеній на лендлордскіе дома) было въ 1880 году—2.590 случаевъ. Мало того, что по процентному отношенію къ общему количеству населенія Ирландіи въ 1880 году аграрныхъ преступленій случилось больше, нежели когда бы то ни было, но на самые послѣдніе мѣсяцы—октябрь, ноябрь и декабрь 1880 года выпало ихъ больше, чѣмъ во всѣ остальные мѣсяцы съ января до октября: изъ 2.590 въ послѣдніе мѣсяцы совершено около 1.700 преступленій. Но и этого мало: въ декабрѣ, аграрныхъ преступленій больше, чѣмъ въ октябрѣ и ноябрѣ, вмѣстѣ взятыхъ **)! Дальше такъ идти не можетъ, потому что цифры говорятъ, что аграрныя преступленія растутъ въ ужасающей прогрессіи; на этомъ основаніи онъ, Форстеръ, секретарь кабинета по ирландскимъ дѣламъ, давно уже ищетъ корни зла и теперь нашелъ ихъ. Аграрныя преступленія суть не что иное, какъ послѣдствія совѣта, даннаго мистеромъ Парнелемъ въ его рѣчи въ Эннисѣ о необходимости не на жизнь, а на смерть бороться съ лендлордами и наказывать отлученіемъ отъ общества всякаго, кто займетъ ферму послѣ изгнанія арендатора. Вмѣсто законовъ настоящихъ въ Ирландіи царятъ неписанные законы (unwritten laws) земельной лиги и ея предсѣдателя Парнеля. Въ виду всего этого Форстеръ полагаетъ, что слѣдуетъ возобновить старые порядки и снабдить лорда-намѣстника Ирландіи правомъ арестовывать иностранцевъ, не могущихъ представить удовлетворительные документы о личности и, вообще, всѣхъ лицъ, которыя будутъ захвачены ночью при обстоятельствахъ, внушающихъ подозрѣніе ***). Кромѣ того, нужно дать лорду намѣстнику полномочія прекращать временно habeas corpus въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ онъ найдетъ необходимымъ это сдѣлать.

Парнель и его товарищи протестовали противъ билля. Засѣданіе

*) Parliam. Deb. т. 257, стр. 1209: protection of person and property Ireland bill.

**) Parl. Deb., т. 257, стр. 1210 (рѣчь Форстера): it is also right to say, that the number, which occured in the month of December, was more, than those for october and November *pat tagether*.

***) Annual Register 1881, part. I, стр. 27.

24 января окончилось ничѣмъ, и вопросъ былъ перенесенъ на 27 число. Засѣданіе 27 длилось безъ перерыва 8, 10, 12, 15 часовъ—и, благодаря Парнелю, законопроектъ былъ такъ же далекъ отъ вотированія, какъ и 24 числа. Наконецъ, всталъ Гладстонъ и въ длинной рѣчи, страшно волнуясь, бросилъ Парнелю въ лицо обвиненіе въ томъ, что онъ своими словами о бойкоттированіи въ Эннисѣ воспламенилъ народныя страсти въ Ирландіи. Парнель началъ его прерывать каждую минуту, говоря, что Гладстонъ подтасовываетъ его слова *). Тогда раздались со всѣхъ сторонъ крики: «къ порядку, къ порядку!» Спикеръ обратился къ Парнелю со внушеніемъ, что прерывать чужую рѣчь нельзя. Но Парнель, не обращая вниманія на спикера, продолжалъ мѣшать Гладстону. А Гладстонъ, разгорячаясь все болѣе и болѣе, говорилъ: «дѣятельность земельной лиги стоитъ въ прямомъ отношеніи къ аграрнымъ преступленіямъ; въ 1879 году митинговъ лиги было мало—и преступленій случилось мало; въ 1880 году митинговъ было много, и преступленій произошло много». Тутъ парнеллитъ о'Гили прервалъ премьера: «а сколько было въ 1880 году изгнаній арендаторовъ? Тоже много?»—По существу парнеллиты не спорили съ министерствомъ. Парнель полагалъ, что, пока Гладстонъ, отрицательно относится къ гомрулю и требованіямъ земельной лиги,—до тѣхъ поръ они съ нимъ говорятъ на разныхъ языкахъ и столковаться не могутъ. Избѣгая общихъ исповѣданій вѣры, онъ только продолжалъ мѣшать прохожденію билля черезъ парламентъ. Послѣ двадцати двухъ часовъ раздраженныхъ дебатовъ палата разошлась, отложивши обсужденіе законопроекта Форстера на 31 января **).

Знаменитое въ парламентскихъ лѣтописяхъ засѣданіе 31 января 1881 года началось съ того, что часть либеральной англійской партіи объявила себя противъ билля объ усмиреніи. Послѣ преній между этими временными союзниками ирландцевъ и министерствомъ,—опять явилась обструкція. Парнель изощрялъ свое остроуміе въ придумываніи новыхъ и новыхъ вопросовъ и задержекъ. Онъ изложилъ весьма подробно чуть ли не всю исторію Ирландіи ***), говорилъ о совершенно посторонникъ вещахъ, затѣвалъ въ шутку маленькіе споры съ членами своей партіи, вмѣшивался въ чужія рѣчи и заставлялъ еще разъ ихъ говорить,—и наконецъ, объявилъ, что теперь всѣ парнеллиты (30 человѣкъ) произнесутъ каждый отъ имени своего округа по одной рѣчи.

Прошелъ вечеръ понедѣльника (31 янв.), ночь, вторникъ, еще одна ночь и, наконецъ, въ среду, 2-го февраля, послѣ засѣданія, непрерывно длившагося въ продолженіе сорока одного часа, поднялся спикеръ и произвелъ свое coup d'état ****). Онъ заявилъ, что Парнель и его приверженцы

*) Parliam. Debates, т. 257 стр. 1691, 1692, 1693, 1694.

**) Parliam. Deb. т. 257 стр. 1702.

***) Parliam. Debates, т. 257, стр. 1961 и сл.

****) См. Annual Register 1881, p. I, стр. 47, 48 и 49. (The speaker's coup d'état).

нарочно затягиваютъ засѣданіе, что этимъ наносится оскорбленіе парламенту, что большинство стоитъ за принятіе билля и, поэтому, онъ, спикеръ, прекращаетъ дебаты и предлагаетъ приступить къ баллотировкѣ *). Громъ рукоплесканій консерваторовъ и либераловъ встрѣтилъ это заявленіе. Ирландцы были поражены: они никакъ не ожидали такого оборота дѣлъ. Предложеніе спикера было принято. Тогда ирландцы съ сжатыми кулаками и горящими глазами **) стали выкрикивать угрозы по адресу парламента. Явился Гладстонъ, блѣдный, какъ смерть, и сѣлъ на министерскую скамью. Неизвѣстно, на что рѣшились бы ирландцы, еслибъ не Парнель. Онъ счелъ почву для дальнѣйшихъ протестовъ слишкомъ невыгодной и убѣдилъ всѣхъ своихъ приверженцевъ удалиться изъ палаты. Какъ только они ушли, законопроектъ Форстера былъ единогласно принятъ въ первомъ чтеніи.

Второе чтеніе было назначено на слѣдующій день, 3 февраля, въ четвергъ. Сильное и смѣшанное впечатлѣніе произвело въ Англіи извѣстіе о засѣданіи 31 января—2 февраля и о томъ, что случилось въ концѣ его. Не въ англійскихъ правахъ нарушать законы и обычаи, а поступокъ спикера былъ именно нарушеніемъ парламентскихъ традицій. Правда, благодаря этому была сломлена обструкція Парнеля, билль, наконецъ, могъ быть пущенъ на голоса, но все-таки побѣда весьма многимъ казалась купленною слишкомъ дорогой цѣной. Что касается до Ирландіи, по телеграфу узнавшей о происшедшемъ, то здѣсь Парнель окончательно превратился въ національнаго героя, а въ выходкѣ спикера видѣли оправданіе всякихъ насилій со стороны феніевъ и доказательство, что кабинетъ самъ толкаетъ людей на преступленія, не давая имъ пользоваться легальными средствами борьбы. Министерство, съ своей стороны, рѣшило не щадить враговъ и вотъ, 3 февраля какъ разъ за немного времени до начала парламентскаго засѣданія, Парнель получилъ извѣстіе, что Михаилъ Дэвиттъ, иниціаторъ земельной лиги, арестованъ въ Ирландіи за преступныя рѣчи. Послѣ обѣда (3 февраля) началось засѣданіе и билль Форстера долженъ былъ пройти черезъ второе чтеніе.

Но раньше, чѣмъ приступили къ законопроекту, Парнель спросилъ у сэра Вильяма Гаркура ***), правда ли, что Дэвиттъ арестованъ. Сэръ Гаркуръ отвѣтилъ, что это правда, и прибавилъ, что Дэвиттъ, какъ бывшій каторжникъ, освобожденъ условно и теперь онъ нарушилъ условія, на которыхъ былъ выпущенъ ****).

Вслѣдъ за тѣмъ слово было предоставлено премьеру. Гладстонъ только что началъ рѣчь, какъ вдругъ всталъ Диллонъ, одинъ изъ пар-

*) Parliam. Deb. т. 257, стр. 2033.

**) Nemours Godré, Parnell, p. 70—71.

***) Annual, Register 1881, part I, стр. 54.

****) His conduct was not compatible with the ticket of leave of which he was a holder etc, (An. Reg. 1881, 54).

нелитовъ, и принялся съ своей стороны что-то говорить въ одно время съ Гладстономъ. Поднялся страшный шумъ [1]); палата увидѣла, что Парнель выдумалъ нѣчто совсѣмъ новое въ отвѣтъ на вчерашнее coup d'état. Спикеръ громко прокричалъ Диллону, что теперь слово принадлежитъ Гладстону. Но Диллонъ отказался сѣсть на мѣсто и продолжалъ стоять, скрестивши руки и крича во весь голосъ: «я имѣю право говорить!» Наступило полное смятеніе. Раздались крики: «вонъ его, прогнать его!» Спикеръ объявилъ: «мистеръ Диллонъ, я васъ удаляю за неповиновеніе мнѣ». Затѣмъ согласно съ закономъ, вопросъ объ удаленіи Диллона былъ поставленъ на баллотировку и большинствомъ 395 голосовъ противъ 35 было рѣшено предложить Диллону удалиться до конца засѣданія. Но Диллонъ, при аплодисментахъ парнеллитовъ заявилъ, что онъ «почтительнѣйше отказывается удалиться». Тогда спикеръ велѣлъ приставу вывести Диллона силой [2]). Приставъ подошелъ къ Диллону, положилъ руку на его плечо и предложилъ идти съ нимъ. Диллонъ отказался, и приставъ долженъ былъ позвать пять сторожей, чтобы вытащить Диллона въ переднюю. Когда служители явились, Диллонъ, наконецъ, ушелъ.

Какъ только Диллонъ вышелъ, всталъ другой парнеллитъ Сюлливанъ (извѣстный авторъ «Новой Ирландіи») и въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ протестовалъ противъ изгнанія Диллона. Спикеръ оправдывался, Сюлливанъ нападалъ [3]), сравнивалъ гладстоновскій режимъ съ режимомъ имперіи Наполеона III [4]), — и довольно много времени прошло, пока, наконецъ, Гладстонъ получилъ возможность говорить. Но только что онъ произнесъ одну фразу, какъ всталъ Парнель и съ обычною своей невозмутимостью сказалъ спикеру: «Я прошу поставить на баллотировку предложеніе—не слушать дальше этого почтеннаго джентльмэна» [5]). При этомъ онъ указалъ на стоявшаго Гладстона. На секунду палата остолбенѣла, но потомъ раздались яростные крики: «вонъ Парнеля! вонъ Парнеля!» Шумъ и смятеніе продолжались очень долго. Парнель все время стоялъ и скучающимъ взоромъ обводилъ палату. Какъ только начало воцаряться нѣкоторое спокойствіе, спикеръ провозгласилъ: «слово принадлежитъ г. Гладстону». Тогда Парнель снова заявилъ: «я настаиваю на томъ, чтобы мое предложеніе было пущено на голоса».

Спикеръ возразилъ, что онъ принужденъ будетъ удалить Парнеля, если тотъ не перестанетъ мѣшать Гладстону. Спикеру пришлось еще немного препираться съ однимъ парнеллитомъ (о'Доннохомъ) и, наконецъ, онъ опять

---

[1]) Parliam. Deb. m. 258, стр. 67 и 68.

[2]) Parliam. Deb. т. 258, стр. 68.

[3]) Parliam, debates, т. 258, pag. 69, 70.

[4]) I say on my own responsability that we have become a mere parody of third (?) Empire (parliam. Deb. т. 258, стр. 71).

[5]) Parl. Deb. т. 258, стр. 72.

таки объявилъ, что слово за Гладстономъ. Гладстонъ началъ: «Я хочу послѣ тяжелыхъ сценъ, бывшихъ только что, продолжать свою мысль, прерванную въ началѣ. Долгъ, который на мнѣ лежитъ, весьма важенъ...» Но тутъ опять встала громадная фигура Парнеля, и Гладстонъ умолкъ. «Я предлагаю не слушать дальше г. перваго министра». Теперь уже Спикеръ безъ дальнѣйшихъ околичностей предложилъ палатѣ на голосованіе вопросъ объ удаленіи Парнеля. Громаднымъ большинствомъ голосовъ было рѣшено удалить Парнеля до конца засѣданія. Парнель отказался, позвали пристава, тотъ взялъ его за плечо и тогда Парнель ушелъ *).

Тутъ всѣмъ стало ясно, что выдумалъ Парнель въ отвѣтъ на прекращеніе спикеромъ дебатовъ 2 февраля: для того, чтобы выгнать изъ залы депутата, нужно предупрежденіе, голосованіе, подсчетъ голосовъ, да еще призывъ пристава, если изгоняемый не хочетъ добромъ уйти; вся эта процедура можетъ занять около получаса (а съ преніями и больше). Если всѣхъ парнеллитовъ 30 человѣкъ, то вотъ уже на пятнадцать часовъ засѣданіе оттягивается, и это если совсѣмъ не пытаться говорить,—а съ произнесеніемъ рѣчей можно занять и двадцать и двадцать пять часовъ. Дѣйствительно, какъ только послѣ ухода Парнеля Гладстонъ началъ говорить,—та же исторія повторилась послѣдовательно со всѣми парнеллитами, бывшими на засѣданіи. Всѣ они предлагали не слушать премьера и всѣ они были выведены **). Вслѣдъ затѣмъ билль объ усмиреніи прошелъ во второмъ чтеніи.

Министерство рѣшило измѣнить старыя парламентскія порядки такъ, чтобы сдѣлать обструкцію невозможной. Новыхъ правилъ было выработано семнадцать ***); главное нововведеніе заключалось въ томъ, что спикеръ получилъ право собственной властью прервать оратора и немедленно поставить вопросъ на баллотировку. Порядокъ удаленія изъ палаты также значительно упрощался. При такихъ условіяхъ обструкція, по крайней мѣрѣ, вполнѣ откровенная, становилась весьма трудной, если не совершенно невозможной. Билль объ усмиреніи былъ принятъ и въ третьемъ чтеніи, прошелъ въ палатѣ лордовъ и 2 марта 1881 года былъ подписанъ королевою.

Но Гладстонъ не былъ бы тѣмъ Гладстономъ, котораго знаетъ исторія, если бы онъ думалъ, что биллемъ объ усмиреніи можно въ самомъ дѣлѣ успокоить Ирландію. Онъ твердо рѣшилъ тотчасъ же поднять аграрный вопросъ, и 7-го апрѣля (черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ билль объ усмиреніи вошелъ въ силу) министерство внесло въ палату проэктъ объ урегулированіи отношеній между фермерами и лендлордами ****). Билль предлагалъ учредить спеціальные земельные суды, которые бы устанавливали справедливый размѣръ арендной

*) Parliam. debates, т. 258, стр. 78.

**) Parl. deb., томъ 258, стр. 71—80.

***) Annual Register 1881, p. 50. (Lond. 1882).

****) Land Law Greland Bill, Nausard, т. 260 стр. 890—939.

платы въ томъ случаѣ, если лендлордъ и фермеръ не приходятъ къ соглашенію, Другіе пункты билля ограничивали право лендлорда по усмотрѣнію прогонять арендатора съ земли и строго опредѣляли права и обязанности обѣихъ сторонъ. Фермеръ получалъ право продавать свой участокъ на весь арендный срокъ, если найдетъ это выгоднымъ *).

Въ общемъ билль превосходилъ самыя смѣлыя чаянія ирландской партіи 70-хъ годовъ, временъ Исаака Бьюта. Но Парнель съумѣлъ такъ повысить требованія и идеалы ирландцевъ, что теперь, въ 1881 г. законопроэктъ Гладстона разсматривался довольно холодно.—Вождь ирландской партіи обрушился на земельный билль съ такою силою, что привелъ въ недоумѣніе даже многихъ своихъ приверженцевъ. Но главный принципъ его практической политики заключался въ томъ, чтобы становиться требовательнѣе по мѣрѣ уступчивости врага. Парнель желалъ перехода ирландской земли въ руки ирландцевъ и не хотѣлъ рѣшительно ни на чемъ другомъ мириться. Земельная лига требовала, чтобы въ арендной платѣ заключалось и погашеніе стоимости арендуемаго участка такъ, чтобы въ тридцать лѣтъ земля была выкуплена; Гладстонъ этого въ свой билль не внесъ, и Парнель счелъ себя вправѣ назвать проэктъ Гладстона «жалкой хитростью» и «половинчатымъ лѣкарствомъ» **). Онъ требовалъ отъ ирландцевъ, чтобы они воздержались отъ голосованія, тридцать пять человѣкъ (тридцать парнеллитовъ и пять ирландцевъ, до сихъ поръ не примыкавшихъ) послѣдовало его совѣту, остальные голосовали за проэктъ. Билль былъ принятъ и, пройдя черезъ палату лордовъ безпрепятственно, сталъ закономъ. Королева подписала земельный билль 22 августа, а 27 числа того же мѣсяца окончилась эта сессія.

Съ января до августа Парнель держалъ въ напряженіи палату общинъ, и въ то время, какъ члены ея готовились отдыхать, самъ онъ тотчасъ же уѣхалъ для агитаціи въ Ирландію.

VI.

Задача, стоявшая передъ Парнелемъ во второй половинѣ 1881 г., была довольно сложна. Земельный билль Гладстона произвелъ на фермеровъ и на нѣкоторые другіе слои ирландскаго народа впечатлѣніе самое отрадное. Парнель, глубочайшимъ образомъ не довѣряя никакому англійскому правительству, былъ склоненъ думать, что кабинетъ сдѣлалъ эту уступку изъ страха предъ парламентской обструкціей, а еще болѣе предъ аграрными преступленіями и предъ дѣятельностью фенівъ. Онъ опасался, что, если Ирландія успокоится окончательно, тогда на какое бы то ни было движеніе законодательства въ ея пользу нечего и

*) Qhe irish law, part. I, ordinary conditions of tenancies § 1.

**) miserable dole, a half remeby. An. Reg. 1881. p. I стр. 99.

разсчитывать. Война и военныя отношенія, запугиваніе врага и постоянная готовность къ битвѣ—вотъ что нужно было ирландцамъ по мнѣнію ихъ вождя. Но съ другой стороны, когда слишкомъ ярые его аденты предлагали пропагандировать между фермерами ту мысль [1]), что нужно воздерживаться отъ всякихъ дѣлъ съ вновь учрежденными посредническими судами, [2]) Парнель объявилъ, что это было бы непрактично: пусть фермеры все-таки пользуются тѣмъ, что сдѣлалъ для нихъ Гладстонъ, лишь бы только они не забывали, что все это «жалкія хитрости» кабинета и что главная цѣль впереди. Основанная въ 1881 году по настоянію Парнеля газета «Лиги» ревностно распространяла эти мысли. Разъѣзды его по странѣ начались при шумныхъ овацiяхъ въ началѣ сентября. 15-го сентября собрался огромный митингъ въ Дублинѣ; на митингѣ присутствовало 1.700 депутатовъ отъ членовъ «земельной лиги», живущихъ въ разныхъ частяхъ Ирландіи [3]); предсѣдательствовалъ Парнель. Онъ произнесъ длинную рѣчь, въ которой убѣждалъ присутствующихъ не вѣрить добрымъ намѣреніямъ министерства и ни на минуту не допускать мысли, что ирландское населеніе можетъ удовлетвориться земельнымъ биллемъ. Мало того, что билль не разрѣшаетъ аграрнаго вопроса, по мнѣнію Парнеля правительство съ умысломъ не хочетъ его разрѣшить, потому что если классовая борьба въ Ирландіи утихнетъ, тогда всѣ жители острова и лендлорды, и фермеры соединенными силами будутъ требовать гомруля, а этого Англія и боится больше всего. «Пока аграрный вопросъ будетъ открытъ»,—сказалъ ораторъ: «онъ постоянно будетъ представлять источникъ недовольства и раздора между классами [4]), и у меня нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что англійское правительство, предлагая земельный актъ, который оставляетъ вопросъ открытымъ, который ничего не упорядочиваетъ, который напередъ дѣлаетъ необходимымъ періодическое возобновленіе этого вопроса черезъ каждыя 15 лѣтъ,—что англійское правительство, предлагая такую мѣру, имѣло цѣлью [5]) разъединить общественные классы въ Ирландіи и не позволить намъ воспользоваться нашими соединенными силами для пріобрѣтенія утраченныхъ правъ, правъ на самоуправленіе».

Парнель этой рѣчью ясно показалъ, что стоитъ не на исключительно національстической точкѣ зрѣнія, и смотритъ на гомруль какъ на дѣло не только природныхъ ирландцевъ, но всего населенія Ирландіи. Продолжая

---

[1]) См. воспоминанія О'Коннора, parn. movement. стр. 234 (Lond. 1889).

[2]) Между лендлордами и фермерами.

[3]) См. превосходный стенографическій отчетъ о митингѣ въ Times 1881, Friday, 16 September стр. 8-я, статья «The national convention» (помѣчена 15 сентября, неподписана).

[4]) as long as his landquestion is left open, it will prove a continuous source of discontent and strife between classes in this country etc., отчетъ, стр. 8-я въ концѣ 1-го столбца.

[5]) had as their object (loco cit).

свою мысль, онъ заявилъ, что пока ирландцы платятъ аренду лендлордамъ — ирландскимъ или англійскимъ все равно — до тѣхъ поръ вопросъ о гомрулѣ будетъ на второмъ планѣ. Твердое экономическое положеніе должно, такимъ образомъ, стать основою и базисомъ для независимаго политическаго существованія. Обращаясь затѣмъ съ угрозами къ кабинету Гладстона, Парнель сказалъ [1]): «ничего, у насъ есть надежные принципы, пригодность которыхъ мы испытали и доказали за послѣдніе два года, и эти принципы представятъ для насъ драгоцѣнное руководство въ нашемъ будущемъ поведеніи. Какъ бы ни дѣйствовали фермеры при условіяхъ, созданныхъ земельнымъ биллемъ, пусть они дѣйствуютъ единодушно, какъ одинъ человѣкъ. Избѣгайте разрозненныхъ дѣйствій [2]), пусть ни одинъ фермеръ не будетъ доволенъ, пока всѣ не будутъ удовлетворены».

Митингъ и эта рѣчь произвели большое впечатлѣніе въ Англіи; Парнель уничтожилъ ту моральную побѣду, которую готовило себѣ министерство земельнымъ биллемъ; оставалось только сдерживать слишкомъ яркія проявленія недовольства въ Ирландіи, а на смягченіе самого недовольства разсчитывать было нельзя. Каждому слову Парнеля вѣрили, какъ Евангелію [3]), и дѣйствія правительства получали среди народныхъ массъ именно ту мотивировку и то освѣщеніе, какими снабжалъ ихъ агитаторъ. Броженіе въ странѣ замѣтно усилилось со времени пріѣзда Парнеля. Намѣстникъ Ирландіи Форстеръ, облеченный въ силу билля объ усмиреніи, правомъ отмѣнять, гдѣ захочетъ, habeas corpus и арестовывать, кого нужно, пользовался своими прерогативами вполнѣ энергично, такъ что болѣе или менѣе безпокойные люди попадали въ свое время въ тюрьму. Аресты и репрессаліи со стороны Форстера и его помощника Борка быстро смѣняли другъ друга; но отвѣтомъ на рѣчь Парнеля они служить не могли. Парнель былъ дѣйствительно «некоронованнымъ королемъ» Ирландіи и отвѣтить ему d'égal à égal могъ только самъ глава англійскаго правительства.

Ровно черезъ три недѣли послѣ рѣчи Парнеля, 7 октября (1881) Гладстонъ произнесъ въ Лидсѣ, на собраніи представителей либеральныхъ ассоціацій, большой спичъ, который былъ прямо направленъ противъ ирландскаго агитатора и его дѣйствій [4]). «М-ръ Парнель хочетъ убѣдить ирландцевъ, что они нами обмануты [5]). Если этотъ законъ (земельный билль), чистый отъ несправедливостей, все-

---

[1]) Отчетъ, 8-я стр., 2-й столбецъ.

[2]) Avoid isolated action! (loco cit).

[3]) См. признаніе по этому поводу Форстера, Tim. Monday 19 sept. 1881. стр. 9

[4]) Лучшая стенографическая запись первой половины этой рѣчи въ Daily News (Saturday, October 8, 1881, стр. 2-я. столбцы 2, 3, 4 и 5-й), а второй половины въ Times (Mr. Gladstone's speeches at Leeds).

[5]) Times, 8 oct, стр. 7, столбецъ 3-й.

таки не будетъ исполняться, то я безъ колебанія, джентльмены, говорю: «еще не истощены всѣ средства борьбы, которыя даетъ намъ цивилизація». Тутъ въ общихъ выраженіяхъ намекалось на возможность принятія репрессивныхъ мѣръ противъ Парнеля. Аудиторія много разъ прерывала премьера громкими аплодисментами. Консервативная пресса часто и сильно упрекала кабинетъ въ попустительствѣ ирландцамъ, но лидская рѣчь сразу дала Гладстону много приверженцевъ среди консерваторовъ.

Парнель отвѣчалъ на рѣчь перваго министра черезъ два дня послѣ ея произнесенія. 10 октября онъ прибылъ въ Уэксфордъ. Городъ былъ декорированъ самымъ блестящимъ образомъ *), и торжественная многотысячная процессія встрѣтила Парнеля со всѣми знаками горячей признательности и преданности. Вечеромъ того же дня состоялся банкетъ, на которомъ агитаторъ произнесъ одну изъ самыхъ многозначительныхъ своихъ рѣчей. «Первая необходимость для процвѣтанія Ирландіи заключается въ томъ, чтобы выбросить вонъ изъ нея англійское хозяйничаніе» **),—сказалъ онъ. Какъ сдѣлать это? вотъ какъ: демократія, рабочіе классы должны освободить Ирландію. «Если вы съумѣете повиноваться неписаннымъ законамъ, если вы докажете, что меньшинство не можетъ угнетать большинство, вы тѣмъ самымъ обнаружите, способны ли вы къ самоуправленію. Намъ нужно, чтобы ирландцы получали всѣ хорошее и справедливое вознагражденіе за талантъ, умъ и физическую силу, и мы этого не достигнемъ, пока не выгонимъ м-ра Гладстона съ компаніей и его баши-бузуковъ» ***).

Все это Парнель говорилъ въ волнующейся странѣ, гдѣ аграрныя преступленія не прекращались и гдѣ все предвѣщало близкое оживленіе феніанства. Собственно, Форстеръ на основаніи билля объ усмиреніи имѣлъ право арестовать Парнеля немедленно, однако Гладстонъ медлилъ прибѣгать къ такимъ мѣрамъ противъ своего врага, не давши ему сначала рѣшительнаго предостереженія. 12 октября премьеръ опять говорилъ въ Гильдголлѣ, въ Лондонѣ, подчеркивая и повторяя фразу о неистощенныхъ еще средствахъ борьбы съ Парнелемъ, предоставляемыхъ цивилизаціей. Но Парнель все равно уже не могъ оставаться на свободѣ.

Теперь намъ нужно оставить отчеты о политическихъ спичахъ и обратиться къ другого рода источнику. Въ октябрѣ 1892 года появилась въ Лондонѣ книжка подъ названіемъ: «Двадцать пять лѣтъ въ тайной полиціи. Воспоминанія сыщика». Эта книжка въ шесть дней

*) См. Daily News, Tuesday 11 oct. 1881, стр. 6, столбецъ 3.

**) The first necessity for the obtainment of prosperity in Ireland is the banishment of english misrule from Ireland. (Daily N., 11 oct.). Слово misrule нѣсколько сильнѣе понятія «дурное управленіе».

***) ...Until we have banished Messrs Gladstone and company and his Bashi-bazouks (l. c.).

потребовала трехъ изданій, а за годъ разошлась въ 16-ти изданіяхъ: такъ силенъ былъ возбужденный ею интересъ. Принадлежитъ она перу Томаса Бича *), который подъ названіемъ майора Лекарона служилъ въ свое время въ англійской тайной полиціи и завѣдывалъ тамъ ирландскимъ вопросомъ. Онъ успѣлъ проникнуть въ нѣкоторые фенiанскіе кружки, былъ коротко знакомъ съ главнѣйшими дѣятелями легальной и нелегальной оппозиціи и оказалъ англійскому правительству цѣлую массу неоцѣненныхъ услугъ. Что онъ въ своей книжкѣ не лжетъ, явствуетъ изъ того, что она не вызвала никакихъ сколько-нибудь существенныхъ опроверженій, хотя огромное большинство названныхъ въ ней личностей еще живо: что Томасъ Бичъ много зналъ и видѣлъ, это должны были признать даже тѣ, которымъ знакомство и откровенность съ нимъ не принесли особенной выгоды. Итакъ, эти мемуары являются необходимымъ подспорьемъ при изученіи ирландскаго движенія въ 80-хъ годахъ; насъ же они интересуютъ постольку, поскольку касаются Парнеля и его судьбы въ 1881 году.

Томасъ Бичъ познакомился, какъ онъ разсказываетъ, съ Парнелемъ въ 1880 году и, такъ какъ Бича рекомендовали Парнелю суровымъ и фанатическимъ революціонеромъ, то агитаторъ былъ съ нимъ откровененъ вполнѣ. Тогда-то Бичъ и узналъ о томъ, что Парнель находится въ связи съ тайнымъ ирландскимъ республиканскимъ обществомъ и его филіаціей въ Америкѣ **). Въ 1881 году Бичъ по обязанностямъ службы старался держаться поближе къ Парнелю, и тотъ былъ настолько тронутъ интересомъ, который выказывалъ къ его особѣ Томасъ Бичъ, что подарилъ ему даже свой портретъ съ собственноручною надписью: «искренно вашъ Чарльзъ Парнель» ***). Въ 1881 году отношенія между Парнелемъ и разными подозрительными людьми оживились; осенняя агитація заставила его войти въ дѣловыя сношенія съ «революціоннымъ управленіемъ», сидѣвшимъ въ Америкѣ, и Томасу Бичу было поручено передать этому обществу нѣкоторыя инструкціи отъ Парнеля ****). «А между тѣмъ правительство вовсе не было такъ мало освѣдомлено о Парнелѣ, какъ это ему казалось»,—задумчиво замѣчаетъ Бичъ.

Такимъ образомъ намѣстникъ Ирландіи Форстеръ имѣлъ цѣлый рядъ свѣдѣній и документовъ относительно нелегальныхъ сношеній агитатора, какъ разъ въ это время произносившаго запальчивыя рѣчи противъ министерства. 12-го октября, какъ было сказано, происходилъ дублинскій митингъ и Парнель еще разъ обрушился на Гладстона, а на другой день, 13-го, онъ былъ арестованъ по приказанію Форстера. Парнель не обнару-

*) Twenty five Jears in the secret service. Recollections of a spy, by Majer Henri Le Caron (Thomas Beach). London 1893. Я пользовался 16-мъ изданіемъ.

**) Twenty five Jears, стр. 172—173.

***) Бичъ очень гордится этимъ подаркомъ, какъ доказательствомъ своего профессіональнаго искусства.

****) Twenty five Jears, 190.

жилъ при арестѣ даже тѣни волненія [1]), но встрѣтилъ это, какъ вещь давно ожидаемую. Тотчасъ послѣ арестованія онъ былъ отвезенъ и заключенъ въ Кильмангэмскую тюрьму. Въ приказѣ Форстера говорилось, что Парнель арестуется за возбужденіе людей къ неуплатѣ арендныхъ денегъ и пр. Истинныя, непосредственныя причины не были преданы гласности.

Это былъ первый ударъ; второй поразилъ уже «земельную лигу» 18-го октября она была объявлена правительствомъ закрытою [2]) Какъ справедливо говоритъ умный и тонкій наблюдатель всего, что тогда творились въ Великобританіи [3]), двѣ націи теперь стояли другъ противъ друга и обѣ были единодушны. «Ни одинъ голосъ не раздался въ Англіи въ защиту Парнеля; ни одинъ голосъ не раздался въ Ирландіи въ защиту Форстера» [4]). Вслѣдъ за тѣмъ были арестованы въ нѣсколько дней Биггаръ, О'Гили и другіе наиболѣе активные члены закрытой лиги.

Но движеніе въ Ирландіи не прекращалось, хотя Парнель сидѣлъ въ тюрьмѣ. До его осенняго путешествія страна была сравнительно спокойна, но теперь движеніе не хотѣло останавливаться и внушало Форстеру самыя серьезныя опасенія. Онъ самъ и его помощникъ Боркъ были заняты розысканіемъ непосредственныхъ причинъ броженія и примѣняли билль объ усмиреніи въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Подъ предсѣдательствомъ сестры Парнеля, миссъ Анны Парнель, образовалась [5]) «женская земельная лига», которая рѣзко нападала на премьера и намѣстника. Аграрныя преступленія шли своимъ чередомъ. Въ самомъ Лондонѣ собралась 23-го октября громадная толпа ирландцевъ съ цѣлью протестовать публично противъ ареста Парнеля [6]). Съ наступленіемъ весны 1882 года положеніе дѣлъ нисколько не улучшилось; избіенія лендлордовъ и поджоги все увеличивались въ числѣ. Всѣ политическіе круги Лондона сходились на томъ [7]), что билль объ усмиреніи не послужилъ ни къ чему, что Форстеръ и его секретарь Боркъ не могутъ достигнуть цѣли несмотря, на всю свою энергію. Въ это время капитанъ О'Ши, одинъ изъ парнеллитовъ, написалъ Гладстону и Чемберлену письмо, въ которомъ говорилъ, что Ирландія волнуется единственно изъ-за бѣдственнаго положенія фермеровъ и изъ-за послѣдствій билля объ усмиреніи. Онъ просилъ, чтобы правительство обратило вниманіе на его письмо. Гладстонъ и Чемберленъ понимали, конечно, что это предложеніе, этотъ первый шагъ, исходитъ отъ са-

---

[1]) См. Treeman's Journal, 14 oct. 1881.
[2]) O'Connor, 240.
[3]) О'Конноръ.
[4]) Parnell-movement 139 (London. 1889).
[5]) Annual Register 1881, стр. 205.
[6]) Chronicle, oct. 1881, стр. 3.
[7]) О полит. кругахъ см. Dictionary of. nat. biogr. т. 43, стр. 330.

мого Парнеля. У нихъ было два выхода: отвѣтать молчаніемъ или предложить свои условія Парнелю. Отвѣтить молчаніемъ для Гладстона значило быть поставленнымъ въ необходимость продолжать желѣзный режимъ въ Ирландіи и компрометтировать этимъ окончательно всю либеральную партію и ея традиціи, притомъ безъ всякой реальной пользы.

Итакъ, оставалось начать мирные прелиминаріи, дѣлать уступки; первый министръ Великобританской имперіи вошелъ въ переговоры, какъ равный съ равнымъ, съ человѣкомъ, сидѣвшимъ въ одиночномъ заключеніи въ Кильмангэмской тюрьмѣ. Парнель могъ поздравить себя съ побѣдою. То, о чемъ и не мечталъ Исаакъ Бьютъ, всю жизнь старавшійся заслужить для Ирландіи сочувствіе англичанъ, досталось Парнелю послѣ четырехлѣтней ожесточенной борьбы съ ними. 10-го апрѣля 1882 г., послѣ полугодового заключенія Парнель былъ выпущенъ изъ тюрьмы на честное слово: ему нужно было присутствовать при похоронахъ племянника. Онъ видѣлся на свободѣ съ очень многими своими политическими друзьями, но исполняя условіе, не говорилъ съ ними о дѣлахъ. Затѣмъ, 26-го апрѣля, одинъ изъ парнеллитовъ внесъ въ палату предложеніе, касавшееся облегченія участи фермеровъ, которые связали себя арендным договоромъ до изданія земельнаго билля. Гладстонъ съ живымъ сочувствіемъ отнесся къ этому проекту, и проектъ прошелъ *).

Поведеніе премьера во время обсужденія этого билля могло бы многое сказать и не такой чуткой публикѣ, какъ англійская. Поднялись толки о союзѣ между Парнелемъ и Гладстономъ; консерваторы забили тревогу, намѣстникъ Ирландіи Форстеръ, Боркъ и многіе члены либеральной партіи также не были довольны поворотомъ министерской политики. Парнель, видя свою побѣду, дѣлалъ все, отъ него зависѣвшее, чтобы не оскорбить самолюбія Гладстона. Исполняя слово, онъ вернулся въ тюрьму и оттуда написалъ капитану О'Ши письмо **), въ которомъ говорилъ въ неопредѣленныхъ по формѣ, не вполнѣ ясныхъ по внутреннему смыслу выраженіяхъ объ умиротвореніи Ирландіи, какъ необходимомъ послѣдствіи благопріятныхъ для ирландцевъ реформъ. Затѣмъ Парнель передалъ Глодстону еще слѣдующее дополнительное условіе: Дэвиттъ долженъ быть выпущенъ на свободу; Шериданъ, бѣжавшій агитаторъ, долженъ получить позволеніе вернуться, такъ же, какъ Бойтонъ. Форстеръ возражалъ, что, вѣдь, эти люди собственно и употребляли всѣ силы, чтобы взволновать Ирландію, но Парнель оставался непоколебимъ. «Если они вліятельны»,— говорилъ онъ;—«то пусть только министерство проведетъ нужныя реформы, и они употребятъ свое вліяніе на дѣло мира». Наконецъ, Парнель желалъ удаленія Форстера и прекращенія усмирительнаго режима. Премьеръ согласился.

*) Annual Register 1882, p. I. стр. 12 и 113.

**) The treaty of Kilmaingham (въ An. Reg. 82).

2-го мая (1882 г.) Парнель и съ нимъ нѣкоторые другіе политическіе заключенные были выпущены изъ Кильмангэмской тюрьмы. Они вышли оттуда побѣдителями; министерство было покорно Парнелю; проекты гомруля, аграрныхъ реформъ казались въ эти первые дни мая дѣломъ ближайшихъ мѣсяцевъ. Въ тотъ же день, какъ Парнель вышелъ изъ тюрьмы, Гладстонъ заявилъ въ палатѣ общинъ, что Форстеръ выходитъ въ отставку. Его секретарь Боркъ удержалъ свой постъ; новымъ же намѣстникомъ былъ назначенъ лордъ Кавендишъ. Только и было рѣчи, что о «Кильмангемскомъ договорѣ» между премьеромъ и агитаторомъ; но на первыхъ же порахъ этому договору пришлось выдержать одно изъ тѣхъ испытаній, послѣ которыхъ отъ самыхъ торжественныхъ трактатовъ остаются иногда одни клочки.

Если Ирландія и Англія уже прекрасно знали въ общихъ чертахъ, что Парнель и Гладстонъ вошли въ соглашеніе, если освобожденіе ирландскихъ арестантовъ и отставка Форстера сами по себѣ были фактами въ достаточной мѣрѣ яркими, то назначеніе лорда Кавендиша, человѣка, извѣстнаго своими симпатіями къ Ирландіи, прямо указывало на наступленіе новой эры. Кавендишъ тотчасъ же отправился на мѣсто назначенія *) и, прибывши въ Дублинъ 6-го мая, принесъ утромъ обычную присягу должностныхъ лицъ, а послѣ обѣда поѣхалъ по направленію къ Фениксъ-Парку, гдѣ была приготовлена для него квартира. Увидѣвши на улицѣ Борка (секретаря Форстера), Кавендишъ вышелъ изъ кареты и пошелъ вмѣстѣ съ Боркомъ въ Фениксъ-Паркъ пѣшкомъ. Бульваръ былъ полонъ народа; когда Кавендишъ и Боркъ проходили по главной аллеѣ, изъ-за кустовъ выбѣжали вооруженные люди, бросились на сановниковъ и начали наносить имъ удары кинжалами **) Раньше, чѣмъ кто-нибудь могъ опомниться, нападавшіе скрылись, а Кавендишъ и Боркъ лежали на аллеѣ мертвые.

Трудно передать впечатлѣніе, произведенное этимъ кровавымъ дѣломъ въ Англіи. Самое бурное негодованіе охватило и консерваторовъ, и либераловъ. Приверженцы Форстера могли торжествовать: всего четыре дня прошло послѣ его отставки, всего три недѣли миновало со времени перемѣны режима—и вотъ плоды этихъ измѣненій. «Times» и другіе вліятельные органы (нѣтъ надобности напоминать, что «Times» 1882 года былъ гораздо вліятельнѣе, чѣмъ теперь) указывали на отставку Форстера и примиреніе съ Парнелемъ, какъ на грубѣйшія ошибки премьера; консервативная пресса требовала немедленной отставки либеральнаго кобинета. Общественное мнѣніе было въ особенности возмущено тѣмъ, что убійцы Кавендиша и Борка оставались пока неразысканы. Самые фантастическіе слухи ходили насчетъ участія Парнеля въ преступленіи 6-го мая; но, хотя этимъ слухамъ врядъ ли вѣрили даже лица, рас-

*) Lord Frederick Cavendish, 345 (Dict. of nat. b. vol. IX).

**) Annual Register 1882, стр. 190—191

пускавшія ихъ, однако, для всѣхъ политическихъ партій въ Великобританіи, для общественнаго мнѣнія Европы, для членовъ англійскаго кабинета было ясно, что осуществить теперь хоть какія-нибудь условія «кильмангэмскаго договора» будетъ страшно трудно.

Что касается до настроенія парнеллитовъ, то предоставимъ слово человѣку, близко къ нимъ стоявшему и съ ними пережившему эти дни [1]: «тѣ, которые могутъ вспомнить роковое воскресенье, когда вѣсть объ убійствѣ пришла въ Лондонъ, которые видѣли ирландскаго вождя и его товарищей въ этотъ день, — могутъ найти утѣшеніе въ сознаніи, что никогда болѣе они не переживали такого мрачнаго и тяжелаго момента». Другіе очевидцы говорятъ, что ирландцы-депутаты растерялись совершенно и не знали, что дѣлать.

Только Парнель сохранялъ спокойствіе и самообладаніе. Убійство въ Фениксъ-Паркѣ разомъ уничтожило всѣ его усилія за послѣдніе мѣсяцы. Либеральный кабинетъ, если онъ не хотѣлъ быть уничтоженъ поднявшейся бурей, не могъ и думать о реформахъ для Ирландіи. Понимая это очень хорошо, Парнель тѣмъ не менѣе рѣшилъ сдѣлать все отъ него зависящее, чтобы затруднить для Гладстона отступленіе. 7-го мая 1882 года, на другой день послѣ происшествія въ Фениксъ-Паркѣ, онъ обнародовалъ манифестъ, въ которомъ называлъ убійство Кавендиша ничѣмъ не вызваннымъ и возмутительнымъ дѣломъ. Это заявленіе было подписано (кромѣ Парнеля) Диллономъ Дэвиттомъ и перепечатано всѣми газетами Великобританіи. Черезъ день, 8-го мая, Гладстонъ въ парламентѣ предложилъ [2]) закрыть засѣданіе и этимъ почтить память усопшихъ. Вслѣдъ за нимъ поднялся Парнель и произнесъ маленькую, но очень выразительную рѣчь, въ которой подчеркивалъ, что всякій ирландецъ почувствуетъ, навѣрное, отвращеніе къ дѣлу, совершенному въ Фениксъ-Паркѣ [3]). Затѣмъ Парнель позволялъ себѣ надѣяться, что убійцы Кавендиша не заставятъ министерство свернуть съ того новаго пути, на который оно только что вступило [4]).

Формальность была выполнена, но ирландскій лидеръ былъ слишкомъ опытнымъ политикомъ (несмотря на свою молодость), чтобы ожидать отъ своихъ заявленій какой-нибудь реальной пользы. Кабинетъ палъ бы въ одни сутки, если бы позволилъ себѣ дѣйствовать несогласно съ настроеніемъ парламента, а это настроеніе требовало не примиренія съ Ирландіей, но репрессалій. Черезъ три дня послѣ отсроченнаго въ честь убитыхъ засѣданія, 11-го мая, членъ кабинета Гаркуръ внесъ билль «о предупрежденіи преступленій въ Ирландіи [5]). Тогда Парнель, всегда лю-

[1]) O'Connor, p. 249: those, who remember etc.

[2]) Parliam. Deb; 45 парл. Викторій, т. 269, стр. 322.

[3]) Iwish to express on the part of my Friends and on mz own part, and Ibelieve on the part of every Irishman... my most inqualibied detestation etc. (Parl. deb. т. 269, стр. 323).

[4]) Ibid.

[5]) Prevention of crime Ireland bill. Parliam. Deb. т. 269, стр. 462.

бившій опредѣленность въ отношеніяхъ сразу сталъ прежнимъ Парнелемъ, врагомъ Гладстона и Англіи. Онъ нападалъ на билль Гаркура съ большою силою. «Съ этимъ биллемъ», сказалъ онъ: «вы провалитесь въ десять разъ, во сто разъ хуже, чѣмъ вы провалились съ биллемъ объ усмиреніи. Эти проекты показываютъ только, что Англія не открыла еще секрета разрѣшенія неразрѣшимой задачи: какъ одна нація должна управлять другою» *).

Началась обструкція; два мѣсяца Парнель путемъ запросовъ, рѣчей и придирокъ къ формальной сторонѣ дѣла задерживалъ проведеніе проекта Гаркура; два мѣсяца продолжалась эта изнурительная для обѣихъ сторонъ кампанія. Наконецъ, Парнель истощилъ всѣ средства обструкціи, возможной при тѣхъ правахъ, которыя какъ было сказано, получилъ спикеръ. Билль прошелъ во всѣхъ чтеніяхъ и былъ утвержденъ. Въ Ирландіи учреждались особые суды для политическихъ преступленій и полиціи давалось неограниченное право арестовывать подозрительныхъ лицъ. Вся весенняя сессія почти всецѣло пропала изъза Парнеля, такъ что палата рѣшила укоротить свои осеннія каникулы, чтобы поздней осенью еще успѣть кое-что сдѣлать изъ наиболѣе важныхъ и спѣшныхъ дѣлъ **).

Когда палата расходилась въ августѣ 1882 года, положеніе дѣлъ было такое же, какъ въ августѣ 1881 года: та же пропавшая изъ-за обструкціи сессія, тѣ же (только въ усиленной степени) усмирительные законы, та же смертельная вражда между министерствомъ и Парнелемъ и, наконецъ, на заднемъ планѣ, та же голодающая и волнующаяся Ирландія. Ново было лишь разочарованіе, сознаніе, что самыя гордыя надежды готовы были осуществиться,—и одного несчастнаго момента оказалось достаточно, чтобы онѣ разсѣялись, какъ дымъ.

Та трагедія, которая развертывалась въ Ирландіи въ восьмидесятыхъ годахъ, оказала огромное вліяніе на парламентскую политику Ирландской партіи. Мы уже видѣли, какія послѣдствія имѣло убійство въ Фениксъ-Паркѣ; оно было только началомъ феніанскаго движенія 80-хъ годовъ. Парнелю нужно было стать въ опредѣленную позицію относительно феніевъ. Являясь ирландскимъ національнымъ героемъ, сознавая себя несомнѣннымъ кумиромъ своей страны, онъ долженъ былъ отдать отчетъ въ томъ, какъ онъ смотритъ на феніанство. Мы знаемъ, что, когда онъ былъ студентомъ 2-го курса, его потрясло извѣстіе о манчестерскихъ казняхъ; мы знаемъ также, что въ самомъ началѣ свей политической дѣятельности онъ навлекъ на себя подозрѣніе Исаака Бьюта въ тайномъ сочувствіи феніямъ и не особенно старался оправдаться въ этомъ. Теперь наступило время высказаться,—а онъ молчалъ. Его манифестъ объ убійствѣ въ Фениксъ-Паркѣ былъ англичанами

*) Parliam. Deb. т. 269, стр. 483.

**) Annual Reg, p. I.

такъ же холодно принятъ, какъ Парнелемъ редактированъ, его устныя заявленія въ парламентѣ обращали на себя вниманіе тѣмъ, что усиленно подчеркивали невызванность, немотивированность убійства лорда Кавендиша и оставляли въ тѣни принципіальную сторону вопроса о феніяхъ. Ожесточенная борьба съ Гладстономъ, въ которую немедленно вступилъ Парнель, какъ только убѣдился въ неосуществимости «Кильмангэмскаго договора», не могла конечно, заставить забыть объ его двусмысленномъ поведеніи въ майскіе дни. И хотя обвиненія и намеки сыпались на Парнеля со столбцовъ англійскихъ газетъ, какъ изъ рога изобилія, онъ продолжалъ молчать о феніяхъ и феніанствѣ.

Замѣчательна та ligne de conduite, отъ которой Парнель не отступалъ до самой могилы: чѣмъ болѣе ожесточался врагъ, тѣмъ активнѣе и яростнѣе становилась оппозиція ирландскаго лидера. Онъ разъ навсегда отказался понимать и принимать въ соображеніе ту круговую поруку, которая какъ-то невольно установилась въ англійскомъ парламентѣ относительно ирландской партіи: когда заговаривали о Фениксъ-Паркѣ, онъ предлагалъ розыскать убійцъ Кавендиша и Борка и съ ними поговорить обо всемъ, касающемся этого дѣла, а тона своего не думалъ понижать и отъ требованій своихъ не собирался отступать только потому, что и онъ стоитъ за Ирландію, и феніи борятся за нее. Конфузиться и извиняться за кого бы то нибыло не входило въ программу поведенія у Парнеля. Ведя себя такъ въ парламентѣ, онъ, по пріѣздѣ въ Ирландію, медлилъ высказаться. А время стояло тяжелое: новый билль о предупрежденіи преступленій вошелъ въ силу и давалъ уже себя чувствовать; съ весны началась длинная вереница аграрныхъ преступленій. Убійства и поджоги, нападенія и выстрѣлы изъ за угла не давали покою. 17-го августа (1882 г.), т. е. какъ разъ когда кончалась сессія парламента, въ Ирландіи было убито семейство Джонсъ, состоявшее изъ шести человѣкъ *). Они были убиты потому, что знали виновниковъ нѣсколько раньше происшедшаго убійства двухъ судей, и феніи боялись, что Джонсы ихъ выдадутъ. Такимъ образомъ, одно убійство влекло за собой другое и конца этому не предвидилось. На терроръ правительство отвѣчало казнями; убійства, и висѣлицы, и снова убійства—вотъ какіе факты доминировали **) въ ирландской общественной жизни въ тѣ дни, когда Парнель явился въ Ирландію осенью 1882 года.

Онъ сразу постарался перевести испуганное и мятущееся общество на свою точку зрѣнія: легальной оппозиціи не приходится отвѣчать за феніанство, и требованія гомруля и земельныхъ реформъ нужно заявить громко и открыто, не стѣсняясь тѣмъ, что и феніи хотятъ этихъ двухъ вещей. Всѣ заботы его были направлены на то,

*) Ireland since the union. coercion, 306 (Iuiu Ml Casthy, Lond, 1887).

**) Ireland since the union, стр. 307, 308, 389, 310.

чтобы снова создать лигу для борьбы за аграрную реформу на подобіе закрытой Форстеромъ въ 1881 году «земельной лиги» *). Помимо давившаго Ирландію кошмара борьбы между феніями и правительствомъ, огромному большинству ирландскихъ фермеровъ приходилось испытывать произволъ со стороны лендлордовъ. Многіе лендлорды злоупотребляли обостренностью политическихъ отношеній и позволяли себѣ самыя беззаконныя выходки относительно фермеровъ; если же послѣдніе дѣлали даже самую слабую попытку протеста, лендлорды, не теряя времени, требовали полицію и войска.

Поэтому, когда ирландцы увидѣли послѣ полугодовой разлуки дорогого имъ человѣка и когда онъ на митингахъ и сходкахъ своимъ увѣреннымъ и спокойнымъ голосомъ сталъ говорить, что незачѣмъ себя запугивать, что за феніанство только сами феніи отвѣтственны и никто больше, что, наконецъ, надо основать новую лигу для борьбы съ лендлордами, когда опять начались разъѣзды его по странѣ, населеніе снова отвѣтило ему тѣмъ же взрывомъ энтузіазма и любви, какъ и въ 1880 году и опять слова — «ирландскій король» въ саркастическихъ ковычкахъ стали украшать столбцы англійскихъ газетъ. Отъ словъ Парнель быстро приступилъ къ дѣлу. 17-го октября въ Дублинѣ состоялось собраніе; **) на немъ сначала парнелиты громили тѣхъ ирландскихъ членовъ парламента, которые все время не рѣшались принять участіе въ обструкціи, а затѣмъ Парнель еще разъ подвергъ самой разрушительной критикѣ «земельный билль» Гладстона.

Рѣшено было основать ирландскую національную лигу, которая бы поставила своей задачей, во-первыхъ, достиженіе національнаго самоуправленія и, во-вторыхъ, коренную реформу земельныхъ отношеній (т. е. обязательнаго перехода арендуемыхъ участковъ въ руки арендаторовъ), въ-третьихъ, широкаго мѣстнаго самоуправленія, въ-четвертыхъ, расширенія избирательнаго права въ Ирландіи (пока еще приходится посылать депутатовъ въ англійскую палату), и въ-пятыхъ, поощренія и развитія труда и промышленности въ Ирландіи. Нужно замѣтить, что раздавались въ собраніи также голоса въ пользу націонализаціи земли; Парнель, соціально-экономическія воззрѣнія котораго никогда не получили вполнѣ опредѣленной формулировки, склонялся къ мысли сдѣлать изъ Ирландіи страну мелкихъ собственниковъ. Это мнѣніе восторжествовало ***).

Прежде всего опять-таки нужно было собрать деньги для «національной лиги»; когда зарождалась земельная лига, Парнель поѣхалъ собирать деньги въ Америку, но теперь времена были слишкомъ бурныя, чтобъ ирландскій лидеръ могъ отлучиться изъ своей

*) См. 6-ю главу настоящаго этюда..

**) Отчетъ цит. по «Times» Wednesdau, Octob. 18, 1882, стр. 9-я столбцы 2 и 3.

***) Ireland since the union, 309.

страны. Онъ ограничился воззваніемъ къ американскому народу и къ американскимъ ирландцамъ, и деньги полились оттуда. Агитація ирландской «національной лиги» длилась всю осень и зиму 1882—1883 года. Лордъ намѣстникъ (Спенсеръ) и его помощникъ (Тревеліянъ), имѣя въ рукахъ такое страшное орудіе, какъ билль о предупрежденіи преступленій, употребляли всѣ усилія, чтобъ положить конецъ дѣятельности лиги **). Но со времени пріѣзда Парнеля атмосфера бодрости и надежды охватывала все шире и шире ирландское общество и запугать его было уже трудно. Борьба локализовалась именно такъ, какъ хотѣлъ Парнель: происходило единоборство только между мѣстной администраціей и феніями, а вся масса ирландскаго народа, имѣя право и возможность открыто поддерживать легальныхъ дѣятелей гомруля и аграрной реформы, дѣлала именно то дѣло, которое было для новой лиги прямо необходимо.

Бѣлый и красный терроръ усиливались, питая и поддерживая другъ друга. Особенную тревогу въ правительственныхъ кругахъ возбуждало новое направленіе революціонной мысли: феніи стали чаще и чаще говорить въ своемъ органѣ, издававшемся въ Америкѣ *), что они намѣрены перенести борьбу въ самую Англію. При такихъ зловѣщихъ предзнаменованіяхъ Великобританія встрѣтила 1883-й годъ. Въ январѣ, наконецъ, полиція арестовала одного изъ лицъ, принимавшихъ участіе въ убійствѣ Борка и Кавендиша. Этотъ человѣкъ, Кэри, разсказалъ, что феніи намѣтили еще рядъ жертвъ, между прочимъ, Форстера, бывшаго намѣстника. Не успѣла публика придти въ себя отъ этихъ откровеній, какъ въ Глэзго былъ произведенъ феніями динамитный взрывъ. Сравнительно болѣе мелкія преступленія уже не обращали на себя вниманія общества. Динамитные взрывы около правительственныхъ мѣстъ и покушенія на должностныхъ лицъ усилили строгости въ Англіи, но фенianство не сдавалось. Въ парламентѣ съ самымъ явнымъ недоброжелательствомъ продолжали относится къ парнеллитамъ и, какъ всегда въ такихъ случахъ, Парнель чувствовалъ себя, повидимому, особенно хорошо и обнаруживалъ всѣ признаки непоколебимой самоувѣренности. 22 февраля (1883 г.) въ палатѣ общинъ обсуждался проектъ адреса въ отвѣтъ на тронную рѣчь, открывшую сессію, и Форстеръ счелъ этотъ случай удобнымъ, чтобы изложить свои воззрѣнія на состояніе страны, въ которой онъ былъ когда то намѣстникамъ.

Никто не можетъ отрицать, что рѣчь его отличалась во многихъ мѣстахъ рѣзко запальчивымъ топомъ ***); онъ и оправдывалъ свою политику, и дѣлалъ колкіе намеки премьеру, лишившему его мѣста, и

*) Diction. of nat biography, т. 43-iй, стр. 331.

**) «Irish World». Это любопытное изданіе является очень интереснымъ источникомъ для исторіи фенianства.

***) Отвѣтъ на милостивую рѣчь Ея Величества стр. 607—608 (Parl. Deb. 46-й парл. Викторіи I т. 276).

обвинялъ гомрулеровъ въ нарушеніи законовъ. Конечно, вся инвектива Форстера вращалась вокругъ личности Парнеля, ораторъ иронизировалъ надъ разными некоронованными королями, говорилъ о людяхъ, наталкивающихъ ирландскій народъ на безумныя выходки,—а Парнель только и дѣлалъ, что издавалъ въ самыхъ щекотливыхъ пунктахъ рѣчи восклицаніе: «слушайте!» Наконецъ Форстеръ съ документами въ рукахъ, держа передъ собою номера газеты Irish World, сталъ читать оттуда выдержки [1]), касавшіяся динамитныхъ покушеній и другихъ фактовъ феніанской дѣятельности. Выдержки были, дѣйствительно, такъ подобраны, что выходила довольна рѣшительная апологія феніанизма. Но Irish World былъ эмигрантскій листокъ, издававшійся въ Америкѣ; доказать сочувствіе къ нему Парнеля являлось затруднительнымъ,—поэтому Форстеръ перешелъ къ другому изданію: «Объединенная Ирландія» [2]). Парнелль состоялъ однимъ изъ дѣятельныхъ руководителей этой газеты. «Въ «Объединенной Ирландіи» аграрныя преступленія назывались обыкновенно «деревенскими случаями» [3]), а иногда отчеты о нихъ печатались подъ общимъ названіемъ «настроеніе страны». Мало того, отношеніе газеты къ жертвамъ преступленій было всегда самое суровое, а къ виновникамъ самое снисходительное.

Форстеръ прямо обратился къ Парнелю съ вопросомъ: «читали вы эти статьи?» Парнель отвѣтилъ: «Читалъ»—«Одобряете вы ихъ?»—«Одобряю». Нѣкоторые члены ирландской партіи пробовали прервать этотъ діалогъ, но безуспѣшно [4]). Форстеръ зналъ, что ему было нужно. «Я хочу поставить вопросъ принципіально. Очень много разъ было констатировано, что аграрныя преступленія слѣдовали за митингами земельной лиги. Что же, почтенный джентльменъ будетъ это отрицать, опровергать? Я снова повторяю, какое обвиненіе я возвожу противъ него; вѣроятно никогда еще одинъ членъ парламента не возводилъ болѣе серьезнаго обвиненія противъ другого: не то, чтобы самъ онъ, г. Парнелль, замышлялъ и упорно осуществлялъ насилія и убійства [5]), но онъ или склонялся къ нимъ, или же»... Тутъ Парнель прервалъ его, крикнувъ на всю залу: «это ложь!» Послѣдовалъ шумъ: одинъ изъ парнеллитовъ продолжалъ кричать: «это ложь, ложь, ложь!» пока его не вывели вонъ [6]).

---

[1]) Отвѣтъ на милостивую рѣчь Ея Величества, стр. 626 и 627. (Parl. Deb., vol. 276-й).

[2]) The United Ireland (изд. 1881—1888 гг.).

[3]) Incidents in the campaign. Форстеръ подчеркнулъ это особенно тщательно (Parl. Deb., vol. cit. стр. 627.

[4]) Parliam. Deb., стр. 627, (томъ 276-й).

[5]) It is not that he himself directly planned or perpetrated outrages and murders... (Рѣчь Форстера, Parl. Deb. l. c., стр. 628).

[6]) Счетъ голосовъ при баллотировкѣ объ изгнаніи О'Келли показываетъ, что парнеллитовъ было въ этотъ день въ палатѣ всего 20. (Parl. Deb. m. 276, стр. 629: Ayes 305. Noes 20).

Характеристично дальнѣйшее поведеніе Парнеля: онъ и не думалъ отвѣчать на рѣчь Форстера немедленно, а ограничился только своимъ энергичнымъ восклицаніемъ, защиту же отложилъ до слѣдующаго засѣданія, къ общему удивленію и раздраженію англичанъ. Они увидали въ этой медлительности умышленное оскорбленіе обвинителя и трибунала, предъ которымъ раздалось обвиненіе. На слѣдующій день Парнель постарался сдѣлать все, чтобы укрѣпить въ нихъ это предположеніе. «Сэръ», обратился онъ къ спикеру [1]): «я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ по поводу вчерашняго инцидента. Я могу почтительнѣйше увѣрить палату общинъ, что дѣлаю это вовсе не вслѣдствіе убѣжденія, что мои слова будутъ имѣть хотя бы даже слабое вліяніе на палату или на общественное мнѣніе Англіи. Я уже привыкъ за свою политическую жизнь заботиться только о мнѣніи тѣхъ, кому я желаю помочь и съ помощью кого я работаю для счастья и свободы Ирландіи». Послѣ такого начала Парнель съ свойственной ему холодной и презрительной ироніей, которая была тѣмъ больнѣе, что не казалась ничуть аффектированною, коснулся обвиненій Форстера, сказалъ, что бывшій намѣстникъ втеченіе всей своей карьеры умѣлъ пользоваться невѣжествомъ палаты въ ирландскихъ дѣлахъ [2]); и, подаривши еще нѣсколько разъ своимъ вниманіемъ Форстера и палату, перешелъ къ существенной сторонѣ вопроса. Онъ сказалъ, что не раздѣляетъ мнѣній феніанскихъ обществъ о пригодности тѣхъ средствъ, которыя они пускаютъ въ ходъ, и что въ частности, не симпатизируетъ динамитнымъ покушеніямъ, къ которымъ феніи начали прибѣгать очень часто въ послѣдніе мѣсяцы (1882 года).

Итакъ, Парнель, наконецъ, высказался; но опять-таки объясненіе вышло какое-то глухое и условное, изобиловавшее оговорками и тѣми фразами въ скобкахъ, которыя иногда мѣняютъ тонъ и характеръ рѣчи. Весь 1883 г. прошелъ въ ожесточенной борьбѣ между феніями и правительствомъ; въ январѣ были дни, когда въ одномъ Дублинѣ арестовывалось больше 20 человѣкъ—цифра, съ англійской точки зрѣнія весьма высокая; въ февралѣ и мартѣ происходилъ рядъ феніанскихъ процессовъ, изъ которыхъ многіе оканчивались казнями. Въ іюлѣ былъ убитъ Джемсъ Кэри, оставившій партію феніевъ и давшій правительству много указаній относительно своихъ бывшихъ товарищей [3]); въ концѣ того же года его убійца былъ повѣшенъ въ Дублинѣ [4]). Всѣ эти происше-

[1]) Отвѣтъ на милостивую рѣчь Ея Величества, заявленіе Парнелля (засѣд. 23 февр. Parl. Deb. m. 276, стр. 716, 717, 718).

[2]) It is a conduct, which marked his career ever since he became chief secretary to take advantage of the ignorance of the members of this house on irish questions. (Рѣчь Парнелля, Parl D. l. c. 718).

[3]) Объ этомъ см. Annual Register, 1883, стр. 197—198—199 (изд. Lond. 1884).

[4]) См. очень интересныя и содержательныя записки фенія Патрика Тинана объ этой эпохѣ и о казни О'Доннеля: The irish invincibles and their times by P. Tynnan (Chatam 1894), стр. 340.

ствія не исключительно приковывали къ себѣ вниманіе ирландскаго общества.

Молодая «національная лига», основанная Парнелемъ въ октябрѣ 1882 года интересовала всѣхъ, кто сочувствовалъ дѣятельности покойной «земельной лиги» и жалѣлъ объ ея закрытіи. Ненормальное положеніе дѣлъ сильно препятствовало дѣйствіямъ новаго общества, но тѣмъ не менѣе, легальная пропаганда была возможна. Что касается до личной популярности Парнеля, то можно сказать, что въ этомъ году она еще увеличилась, если только еще могла увеличаться. Ни для кого не было тайной, что Парнель сильно разстроилъ свои денежныя дѣла *), и ирландское общество рѣшило устроить такъ, чтобы для него не оказалось слишкомъ роковымъ то самоотверженіе, съ которымъ онъ, идя прямо къ раззоренію, работалъ въ парламентѣ и внѣ его. Была устроена подписка для поднесенія ему денежнаго подарка. Во время подписки обнаружилось, что между ирландскимъ духовенствомъ существуетъ нѣкоторый расколъ: архіепископы и, вообще, высшіе сановники католической церкви были противъ Парнеля, а священники за него. Самъ папа счелъ нужнымъ вмѣшаться въ ирландскія дѣла и, по его непосредственному повелѣнію, кардиналъ Симеони написалъ посланіе, въ которомъ указывалось на участіе въ подпискѣ въ пользу Парнеля, какъ на дѣло неподходящее и не подобающее католическому клиру. Несмотря на это посланіе, ирландское духовенство въ огромномъ количествѣ внесло свою лепту на подарокъ человѣку, за котораго оно молилось еще тогда, когда папа не удостоивалъ его своимъ вниманіемъ.

Въ результатѣ письма кардинала Симеони оказалось сильное паденіе папскаго авторитета въ Ирландіи, обостреніе національныхъ чувствъ среди духовенства и, въ особенности, усиленіе любви къ Парнелю и вѣры въ него. Если мы примемъ это къ свѣдѣнію, то согласимся, что благосклонное отношеніе англійскихъ правительственныхъ сферъ къ римской куріи могло, въ самомъ дѣлѣ, показаться папѣ плохой компенсаціей всѣхъ этихъ моральныхъ потерь **). Если даже папскій авторитетъ оказывался неравносильнымъ авторитету Парнеля, то дальнѣйшія событія 1883 года показали, что уже нѣтъ вещи, на которую не могъ бы отважиться ирландскій агитаторъ въ своей странѣ, что нѣтъ ему отказа ни въ чемъ. Эльстерскій округъ, населенный преимущественно англичанами, считался всегда противникомъ парнелизма, и вотъ Парнель поставилъ тамъ кандидатуру свою ревностнѣйшаго приверженца О'Гили. Это было въ глазахъ многихъ просто дерзкимъ вызовомъ судьбѣ. «Если бы»,—говоритъ безпристрастный и безстрастный обозрѣватель Annual Register'a: «если бы кто-нибудь хоть шесть мѣсяцевъ тому назадъ сказалъ, что парнеллитъ можетъ стать предста-

*) Annal Rgister, 1883, стр. 201.

**) Annal Register 1883, стр. 202—203.

вителемъ эльстерскаго округа, то такой человѣкъ подвергся бы осмѣянію за свою глупость» [1]). Но Парнель поѣхалъ въ Эльстеръ, произнесъ тамъ рядъ рѣчей, въ которыхъ просилъ выбрать О'Гили—и О'Гили прошелъ.

Эта побѣда произвела въ Англіи самое сильное и тревожное впечатлѣніе. Уже даже «Times», вѣчный врагъ Парнеля, не скрывалъ отъ своихъ читателей, что этотъ человѣкъ не только силенъ, но просто всемогущъ въ Ирландіи. Послѣдній мѣсяцъ 1883 года окончательно сдѣлалъ его годомъ парнелевскихъ тріумфовъ. Закончилась подписка на подарокъ,—и оказалось, что за девять мѣсяцевъ собрали не четырнадцать тысячъ фунтовъ, какъ разсчитывали, а тридцать восемь тысячъ, т. е. около 380.000 рублей. 11 декабря собрался торжественный митингъ въ Дублинѣ, и здѣсь деньги были вручены Парнелю.

Многіе думали, что въ въ виду безцвѣтной парламентской сессіи этого года, онъ не будетъ слишкомъ нападать въ своей рѣчи на правительство [2]), но жестоко ошиблись. Парнель всегда жилъ не столько парламентской, сколько обще-національной жизнью и для него 1883 годъ не былъ поэтому тихимъ и безцвѣтнымъ. Онъ жестоко обрушился на ирландскихъ управителей, лорда Спенсера и его помощника Тревеліяна [3]), назвалъ ихъ бездарными индивидуумами [4]) и затѣмъ, перейдя къ общему положенію дѣлъ, замѣтилъ, что наступйющій годъ нужно будетъ посвятить введенію реформы парламентскихъ выборовъ въ Ирландіи, такъ чтобы Ирландія могла высылать больше депутатовъ, нежели до сихъ поръ и этимъ вліять на перемѣну министерствъ. «Если мы»,—сказалъ онъ: «не можемъ управлять собою сами,—то по крайней мѣрѣ сможемъ заставить ихъ управлять такъ, какъ мы захотимъ» [5]). Намѣтивши низверженіе Гладстона, какъ цѣль, желательную и осуществимую послѣ реформы выборной системы, онъ закончилъ рѣчь словами, вызвавшими бурю энтузіазма и восторга: «мы имѣемъ право быть гордыми, энергичными, полными надеждъ, разъ мы твердо рѣшили, что наше поколѣніе не должно сойти со сцены, не обезпечивши за потомками великаго прирожденнаго права—національной независимости и благосостоянія».

Призывъ къ надеждѣ и бодрости являлся далеко нелишнимъ: кровавая феніанская борьба, кончавшаяся на глазахъ ирландскаго общества висѣлицами и ничѣмъ инымъ, дѣйствовала на политическую атмосферу крайне тяжело. 10-го декабря повѣсили фенія О'Доннеля; 11 де-

---

[1]) Annual Reg. 1883, стр. 204: would be laughed at heartily for his folly.

[2]) Чего ожидали отъ дублинской рѣчи см. An. Reg. 1883, 207.

[3]) The parnell testimonial (Times, Wednesday, December 13, 1883, стр. 6-я, столицы 1-й и 2-й).

[4]) Individuals characterized by greater incapacity... Times l. c.).

[5]) If we cannot rule ourselves, we cann at least cause them to beruled as we choose («Tim.» l. c.).

кабря, въ Дублинѣ, въ самый день парнелевскаго митинга, повѣсили фенія Джозефа Пулля [1]). Каждый день можно было ожидать новыхъ покушеній и новыхъ казней.

VIII.

До 1884 года министерство Гладстона не преслѣдовало принципіальной политики либеральной партіи; осложненія во внѣшнихъ дѣлахъ, вызванныя борьбою въ Суданѣ и Египтѣ и поступательнымъ движеніемъ русскихъ войскъ въ Средней Азіи, терроръ и борьба съ нимъ въ Ирландіи не давали старому премьеру возможности осуществить одинъ изъ главныхъ пунктовъ либеральной программы—распространить избирательныя права на возможно большее число англійскихъ гражданъ. Но близился срокъ, когда кабинетъ долженъ былъ отдать отчетъ избирателямъ въ томъ, что онъ сдѣлалъ, приближались выборы [2]). Нужно было торопиться съ проведеніемъ избирательной реформы которую давно и настойчиво требовала либеральная партія отъ своего правительства. Гладстонъ самъ по себѣ былъ человѣкомъ слишкомъ крупнаго калибра, слишкомъ твердыхъ и опредѣленныхъ традицій и слишкомъ устойчивыхъ убѣжденій, чтобы довольствоваться ролью главы «дѣлового министерства», вродѣ австрійскаго кабинета Кильмансегга и жить изо дня въ день.

Въ виду всего этого въ февралѣ 1884 года Гладстонъ внесъ въ нижнюю палату билль о реформѣ. По закону 1867 года (или, правильнѣе 1867—69 гг.) каждый подданный королевы, платящій за квартиру въ городѣ 10 фунтовъ въ годъ или арендующій земельный участокъ, который приноситъ 12 фунтовъ годового дохода, имѣетъ право избирать членовъ нижней палаты [3]). Этотъ законъ исключалъ такимъ образомъ изъ числа избирателей массу крестьянъ, не имѣющихъ арендаго участка съ 12 фунтами дохода. Гладстонъ, внося свой билль, предложилъ, чтобы избирательныя права распространялись на всѣхъ главъ семействъ безъ исключенія; женщины все-таки не получали правъ, даже если онѣ стояли во главѣ дома [4]). Другими словами устанавливалось нѣчто весьма близкое къ suffrage universel. Разумѣется, эти слова не были произнесены, и

---

[1]) The Irish invincibles and their times, by P. Tynnan, Chatam. 1894), стр. 344.

[2]) Вотъ слова внимательнаго наблюдателя этого политическаго момента (т. е. начала 1884 года): il faut donc, que M. Gladstone se mette en mesure de repondre à cette question: qu'avez-vous fait de la majorité que nous vous avons donnée en 1880? Et si le old great man répond simplemant: «Des conquêtes en Afrique et les lois coercitives en Irlande, l'imbroglio de l'Afrique du sud... ça sera fini de sa popularité. (M. Gladstone et son gouvernement en 1884, ch. Gavard. Paris, 1884. стр. 12-я).

[3]) Избирательныя реформы эпохи Викторіи изложены очень сжато, но хорошо въ книгѣ Барнета Смита (Barneth Smith, History of the english parliament, 2-ой томъ, 545—546. (London 1892).

[4]) Barneth Smith, Hist. of engl. parl. (vol II, book XIII стр. 547).

законопроэктъ былъ приведенъ въ связь съ прежними избирательными законами [1]), но никто не обманывался относительно истиннаго смысла министерскаго билля.

Консерваторы напали на проэктъ съ тою горячностью, которая отличала ихъ и въ 1830 и въ 31-мъ, 32-мъ и въ 67-мъ годахъ: кажется не было дѣйствія, которое заставило бы ихъ съ большимъ раздраженіемъ отзываться о своемъ наслѣдственномъ противникѣ, чѣмъ именно расширеніе избирательнаго права. Реформъ 1867 и 1884 годовъ они никогда не прощали Гладстону и любопытный консервативный памфлетъ трехъ звѣздочекъ [2]) довольно вѣрно передаетъ чувства своей партіи къ творцу избирательной реформы, когда говоритъ [2]): «по истинѣ, кто можетъ такъ дѣйствовать противъ своей страны, тому слѣдуетъ быть удаленнымъ отъ свѣта и людей такъ,-чтобы даже тѣнь его имени навсегда погрузилась во мракъ забвенія». Три звѣздочки обрушиваются на Гладстона за проведенный имъ принципъ: «одинъ человѣкъ—одинъ вотумъ»,— такъ какъ по ихъ мнѣнію этотъ принципъ можетъ разрушить британскую имперію [3]). Никакого добра, говоритъ памфлетъ, нельзя ждать отъ переполненія палаты уличными политиками [4]).

Три звѣздочки, при всей ихъ суровой рѣшительности, до такой степени являются перомъ консервативной партіи, что мы можемъ не останавливаться больше на характерѣ возраженій, приводившихся противъ гладстоновской реформы. Если у законопроэкта была оппозиція, то у него же была и поддержка, и притомъ очень сильная. Прежде всего либералы единодушно ее поддерживали; за ними шли парнеллиты. Нѣтъ нужды много говорить, почему Парнель считалъ своимъ долгомъ стоять на сторонѣ премьера: билль Гладстона увеличивалъ число англійскихъ избирателей на 1.300.000 человѣкъ, шотландскихъ на 200.000 человѣкъ и ирландскихъ на 400.000 человѣкъ. Въ общемъ же вмѣсто прежнихъ трехъ милліоновъ избирателей, новый билль давалъ Великобританіи пять милліоновъ [5]). Реформа, глубоко демократизующая все государственное устройство, въ особенности должна была отозваться на Ирландіи: здѣсь впервые допускалось къ избирательной урнѣ 400.000 бѣднѣйшихъ гражданъ. Конечно эти новые голоса должны были могущественно содѣйствовать росту парнеллизма. Противъ соединенныхъ усилій либераловъ и парнеллитовъ консерваторы

---

[1]) Рѣчь Гладстона (Parliam. Debates, 1884, (см. 1-ый т. сессіи, зас. 29 февраля).

[2]) M-r W. E. Gladstone, a life misspent, a series of letrets to and on the ubove by *** (London 1893) стр. 90, глава: The right honorable and the house of commons and electorate.

[3]) Три звѣздочки, стр. 90: one man, one vote can crush the empire.

[4]) Три звѣздочки, стр. 89.

[5]) Подсчетъ самого Гладстона. or, in the main fo the present aggregate constituency of the United Kingdom, now taken at 3.000.000 it will add 2.000.000 more. Рѣчь Гладстона, parliam. deb. 1884, 1 vol. сессіи, засѣд. 29 февраля).

устоять не могли, но все, что были въ состояніи сдѣлать съ цѣлью помѣшать осуществленію реформы, они сдѣлали. Имѣла мѣсто даже попытка исключить Ирландію изъ сферы воздѣйствія новаго закона, но она осталась вполнѣ безуспѣшной *).

Пораженіе, понесенное консерваторами, не помѣшало имъ поднять вопросъ о томъ, когда билль долженъ войти въ силу? Парнеллиты и правительство хотѣли, чтобы какъ можно скорѣе, а консерваторы предлагали **) отложить до 1887 года,—и опять потерпѣли неудачу. Наконецъ, билль прошелъ въ трехъ чтеніяхъ и поступилъ въ палату лордовъ; здѣсь его отвергли, но когда по всей странѣ стали устраиваться митинги и печататься адресы негодованія, направленные противъ верхней палаты, и когда Гладстонъ обнаружилъ непоколебимое желаніе провести свой проэктъ во что бы то ни стало,—лорды въ Декабрѣ 1884 года приняли билль. Весною 1885 года избирательная реформа была дополнена закономъ о распредѣленіи мандатовъ **), по которому Англія и Уэльсъ получили право выбирать 495 депутатовъ ***), Шотландія 72 и Ирландія 103 (по прежнему); въ общемъ палата должна была состоять изъ 670 депутатовъ.

Хотя, какъ ужъ было сказано, для Парнеля эта реформа была всецѣло нужна и выгодна, но онъ ограничился исключительно пассивною ея поддержкой. Онъ не сблизился съ Гладстономъ, хотя почва для этого была самая благопріятная; онъ держалъ себя по отношенію къ кабинету, какъ временный и случайный союзникъ, на доброе отношеніе котораго въ будущемъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія разсчитывать. Повидимому, со времени убійства въ Фениксъ-Паркѣ и послѣдовавшаго затѣмъ разрыва между парнеллитами и правительствомъ, Парнель покинулъ всякое намѣреніе сблизиться съ кабинетомъ Гладстона. Низвергнуть премьера собственными силами онъ не могъ; союза съ консерваторами для спеціальной цѣли низвергнуть министерств онъ до 1885 года не искалъ. Но 1884 годъ съ его избирательною реформою такъ расширилъ пропасть, отдѣлявшую консерваторовъ отъ либеральнаго кабинета и такъ обострилъ отношенія партій, что немедленное удаленіе Гладстона отъ власти стало на очередь среди другихъ пунктовъ практической программы торіевъ. Въ виду этого временная торійско-парнеллитская комбинація для низверженія министерства перестала съ самой весны 1885 года считаться невозможностью. Дѣла кабинета къ тому же приходили все болѣе и болѣе въ затруднительное положеніе. Побѣда генерала Комарова надъ афганцами при Кушкѣ страшно осложнила русско-англійскія отношенія; возстаніе Араби-паши

*) The three reforms of parliament by W. Heaton (London 1885), стр. 233.

**) Annual Register 1884, стр. 125.

***) См. текстъ закона; The redistribution of seats act (48 и 49 парл. Викторіи Parl. Deb. 25 іюня 1885); полностью напеч. также въ приложеніи къ книгѣ Heaton'a (The three reform, стр. 280).

****) Цифры въ текстѣ закона, l. c. стр. 303.

въ Египтѣ разрослось до необычайныхъ размѣровъ, на министерство посыпались обвиненія и въ парламентѣ [1]), и внѣ его [2]); говорили объ излишней уступчивости англійской политики, о необходимости имѣть болѣе энергичныхъ руководителей внѣшнихъ дѣлъ. Большинство въ палатѣ еще было въ распоряженіи правительства, но общественное мнѣніе явно охладѣвало къ нему.

Въ 1885 году истекалъ трехлѣтній срокъ дѣйствія билля о предупрежденіи преступленій въ Ирландіи, изданнаго послѣ убійства Борка и Кавендиша; ирландскую партію очень интересовало, будетъ ли билль продолженъ. Премьеръ удовлетворилъ этому любопытству 15 мая, когда онъ по поводу интерпелляціи Бульвера заявилъ, что главныя положенія билля будутъ скоро предложены опять на разсмотрѣніе палаты, чтобы сдѣлать ихъ окончательнымъ закономъ [3]). Тогда Парнель сталъ быстро сближаться съ консерваторами. Правда, для побѣды нуженъ былъ особенно счастливый случай, и то результаты ея могли быть сомнительны, но все устроилось такъ, какъ желалъ Парнель. Его партія [4]) въ полномъ составѣ присутствовала на засѣданіяхъ, поджидая удобнаго времени для предложенія вотума недовѣрія,—и случай представился: 8-го іюня обсуждался министерскій проэктъ о налогахъ на спиртные напитки. Вопросъ нельзя было назвать особенно животрепещущимъ, и поэтому далеко не всѣ либералы находились въ палатѣ. Пренія Гладстона съ оппозиціей приняли неожиданно очень страстный характеръ, парнеллиты обрушились на проэктъ съ поразительною для такого сюжета горячностью [5]), консерваторы поддержали ихъ, и вопросъ былъ немедленно поставленъ на баллотировку. За проэктъ высказалось 252 человѣка, противъ него 264 (изъ этихъ 264-хъ—225 консерваторовъ и 39 парнеллитовъ) [6]). Правительство осталось въ меньшинствѣ, и Гладстонъ на другой же день подалъ прошеніе объ отставкѣ.

Согласно съ конституціонными обычаями Викторія поручила главѣ оппозиціи маркизу Салисбюри сформировать кабинетъ. Все это было такъ неожиданно, что и въ Англіи, и на континентѣ многіе думали, что Гладстонъ все-таки останется у власти, несмотря на случайное пораженіе. Либеральное большинство было на лицо, такъ что министерство могло продержаться. Но Гладстонъ сразу и наотрѣзъ отказался. Можетъ быть онъ дѣйствительно хотѣлъ, какъ предпола-

[1]) Parliamentary Deb. 1885, vol. 297 (5-ый т. сессіи), стр. 1474; этотъ же томъ стр. 32, 33, 34; Parl. Deb. томъ 295 (3-ій т. сессіи) стр. 1085, 1086.

[2]) Times, 18—25 march 1885; 1—18 Apr. 1885.

[3]) Рѣчь Гладстона, Parliament business othe house (Parl. Deb., томъ 298-й 6-й т. сессіи, стр. 627-я.

[4]) Она состояла изъ 39 человѣкъ (въ 1885 г.), такъ какъ дополнительные выборы въ Ирландіи неизмѣнно кончались въ пользу парнеллитовъ.

[5]) См., напр., пренія Сюлливана и Гладстона о пивѣ и виски. (Parliam. Debates, 298 т., стр. 1.510.

[6]) Parl. Deb. т. 298, стр. 1510—11.

гали нѣкоторые вліятельные органы *), избавиться отъ внутреннихъ и внѣшнихъ затрудненій и свалить запутанныя дѣла на плечи маркиза Салисбюри, можетъ быть ему хотѣлось предъ близкими выборами занять мѣсто оппозиціи, мѣсто въ такихъ случаяхъ болѣе удобное, и обезпечить за собою въ будущей палатѣ рѣшительное большинство, но, такъ или иначе, а либеральный кабинетъ ушелъ.

Консерваторы и парнеллиты остались лицомъ къ лицу; до выборовъ нужно было подождать нѣсколько мѣсяцевъ, и эти мѣсяцы Салисбюри могъ держаться только если онъ имѣлъ опору въ парнеллитахъ. И вотъ началась погоня правительства за благосклонностью Парнеля. Прежде всего, послѣдовало назначеніе намѣстникомъ Ирландіи графа Кэрнарвона; Кэрнарвонъ тотчасъ послѣ пріѣзда на мѣсто назначенія объявилъ, что его задача заключается въ примиреніи Ирландіи съ англичанами. Чтобы понять значеніе этихъ словъ, нужно вспомнить что они были сказаны черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ знаменитаго путешествія въ Ирландію принца Уэльскаго, когда наслѣдникъ престола былъ много разъ встрѣченъ самыми несомнѣнными признаками вражды **). Ясно было, что министерство Салисбюри желаетъ непремѣнно выиграть расположеніе ирландской партіи: Далѣе, 14 августа (1885 г.) кончался трехлѣтній срокъ билля о предупрежденіи преступленій, того самого билля, за возобновленіе котораго громогласно высказался павшій премьеръ. Салисбюри сразу заявилъ, что онъ этого закона возобновлять не будетъ и, дѣйствительно, сдержалъ слово. Наконецъ, прошелъ черезъ палату съ замѣчательной быстротой билль, касавшійся облегченія для ирландскихъ фермеровъ пріобрѣтенія земли изъ государственнаго земельнаго фонда.

Въ срединѣ августа парламентъ былъ распущенъ, выборы были назначены на декабрь. Выборная кампанія началась тотчасъ же послѣ закрытія парламента и отличалась особенною живостью и энергіей всѣхъ трехъ партій, принимавшихъ въ ней участіе. Либералы желали отнять власть у консерваторовъ; консерваторы — создать прочное большинство; парнеллиты надѣялись пройти въ такомъ количествѣ, чтобы имѣть возможность держать въ своихъ рукахъ либераловъ и торіевъ, склоняясь то на ту, то на другую сторону ***).

---

*) См., напр., франц. «Temps», 11 іюня 1885.

**) Напр. при его встрѣчѣ вмѣсто офиціальнаго гимна: «Боже спаси королеву»,— пѣли: «Боже, спаси Ирландію»; слышались свистки. Въ Коркъ, представителемъ котораго состоялъ Парнель, принцъ не поѣхалъ вслѣдствіе угрожающаго настроенія народа.

***) Политическій моментъ изображенъ въ большой каррикатурѣ Punch'a (см. «Punch» 5-го декабря 1885, стр. 271). Нарисованы Гладстонъ, Салисбюри и Парнель въ видѣ трехъ макбетовскихъ вѣдьмъ; вѣдьмы ведутъ между собою діалогъ о положеніи дѣлъ въ будущемъ и настоящемъ. Вѣдьма, изображающая Парнеля, говоритъ, чтобы двѣ другія не безпокоились ни о чемъ: она уже позаботится о томъ, чтобы держать ихъ въ равновѣсіи.

Агитація всѣми тремя группами велась тѣмъ болѣе горячо, что не было рѣшительно никакой возможности предугадать результаты голосованія. Либералы имѣли много шансовъ вслѣдствіе проведенной только что демократической реформы; консерваторы—вслѣдствіе неудачной внѣшней политики либераловъ. Парнель обставилъ дѣло такъ, что въ этотъ предвыборный сезонъ консервативная партія, знавшая до какой степени онъ ненавидитъ либераловъ, все таки вполнѣ опредѣленно не могла сказать, будетъ ли ирландскій лидеръ ее поддерживать *).

Загадочность положенія заставила консервативный кабинетъ прибѣгнуть къ переговорамъ съ Парнелемъ. Намѣстникъ Ирландіи лордъ Кэрнарвонъ имѣлъ свиданіе съ нимъ; о чемъ было говорено во время этого свиданія, до сихъ поръ опредѣленно неизвѣстно. Впослѣдствіи Парнель утверждалъ, что Кэрнарвонъ именемъ лорда Салисбюри обѣщалъ Ирландіи особый парламентъ и радикальную земельную реформу, въ случаѣ если Парнель будетъ поддерживать консерваторовъ во время выборовъ и послѣ нихъ. Кэрнарвонъ отрицалъ это и говорилъ, что онъ опредѣленныхъ обѣщаній не давалъ, а такъ только, разговаривалъ о гомрулѣ. Въ виду того, что Парнель и Кэрнарвонъ имѣли удовольствіе бесѣдовать другъ съ другомъ tête-à-tête,—споръ этотъ врядъ ли окончательно разрѣшимъ; такъ или иначе, все поведеніе кабинета по отношенію къ парнеллитамъ заставляетъ думать, что заключеніе союза съ ирландцами на извѣстныхъ условіяхъ входило въ миссію Кэрнарвона.

А Парнель, дѣйствительно могъ въ это время дорого продать свой союзъ. Овацiи, которыя ему устраивались во всѣхъ избирательныхъ округахъ, показывали, что его кандидаты имѣютъ полное основаніе надѣяться на побѣду. За его благосклонностью гнался маркизъ Салисбюри; съ нимъ въ примирительномъ тонѣ заговаривали либеральныя газеты и либеральные политики. Въ такіе моменты у самыхъ далекихъ отъ компромисса дѣятелей можетъ явиться тенденція до поры до времени не подчеркивать наиболѣе радикальные пункты своей программы, скорое осуществленіе которой можно предвидѣть. Но если мы присмотримся къ образу дѣйствій Парнеля осенью 1885 года, то увидимъ, что онъ ни на іоту не смягчилъ общаго тона своего поведенія. Онъ являлся предъ своею страной въ качествѣ побѣдителя. Земельный билль 1880 года, билль о покупкѣ земли фермерами 1885 года, смѣна Форстера, смѣна лорда Спенсера, назначеніе Кэрнарвона—вотъ были вполнѣ осязательные плоды его дѣятельности. Но мало того, не въ матеріальныхъ пріобрѣтеніяхъ, не въ политикѣ результатовъ лежалъ центръ тяжести пар-

*) См. Sir Richard Temple, life in parliament being the experience of a member in the house of commons from 1886 to 1892 inclusive. (Lond. 1893) Вотъ что пишетъ этотъ консерваторъ:... *The balance was held by the irish party...*; but their attitide was *very dubious.*

нелевскаго престижа: своею обструкціей, упорной борьбой съ Гладстономъ, умѣлымъ лавированіемъ между двухъ великихъ англійскихъ фракцій, онъ низвергнулъ либеральное министерство и заставилъ консерваторовъ смотрѣть на ирландцевъ, какъ на желанныхъ союзниковъ, безъ которыхъ немыслимо оставаться у власти. Вмѣсто ничтожной группы, разрозненной и вялой, вмѣсто полутора десятка джентльменовъ Исаака Бьюта, онъ сформировалъ небольшую, всего въ 39 человѣкъ, но дисциплинированную партію, съумѣвшую заставить считаться съ собой. Наконецъ, онъ и онъ одинъ повысилъ политическіе и экономическіе идеалы страны, поднялъ духъ ирландскаго народа и, впервые послѣ О'Коннеля, т. е. послѣ промежутка въ сорокъ лѣтъ заставилъ Европу смотрѣть на Ирландію, какъ на страну съ національнымъ самосознаніемъ, съ историческимъ прошлымъ и съ готовностью бороться за лучшее будущее.

Вотъ что могъ отвѣтить Парнель на вопросъ, чѣмъ ему обязана Ирландія. Но, повторяемъ, врядъ ли можно опредѣленно уяснить себѣ, почему онъ такъ сразу сталъ первымъ человѣкомъ въ Ирландіи, почему народъ вѣрилъ ему почти такъ же, какъ св. Патрику, почему не только молодежь, но и пожилые люди приходили въ неистовое возбужденіе отъ восторга, когда онъ произносилъ всегда ровнымъ и спокойнымъ голосомъ свои рѣчи на митингахъ и собраніяхъ. Причины той власти, какую онъ съ самаго начала получилъ надъ милліонами людей, кроются въ значительной мѣрѣ въ условіяхъ массовой психологіи, которая еще слишкомъ темна и неизвѣстна. Мы можемъ со словъ лицъ, предъ которыми прошла жизнь Парнеля, констатировать самый фактъ—и только.

Имѣя за собою поддержку всей страны, онъ никогда не соблазнялся заискиваніями англійскихъ партій и, какъ уже было замѣчено, въ 1885 году также не думалъ пойти имъ навстрѣчу, скрадывая наиболѣе непріятные термины своего политическаго символа. Реформа 1884 года еще усиливала его могущество и увѣренность въ себѣ. Нельзя оспаривать тѣхъ государствовѣдовъ, которые говорятъ *), что эта реформа сдѣлала палату общинъ «народной палатой», а въ народной палатѣ народный любимецъ могъ ожидать увидѣть себя сильнымъ человѣкомъ. И Парнель высказывался самымъ положительнымъ образомъ въ пользу полной независимости Ирландіи отъ Англіи, независимости, идущей дальше самоуправленія. «Никто не имѣетъ права,—повторялъ онъ,—сказать своей странѣ: вотъ до какихъ поръ ты должна идти, а дальше не смѣй! Я никогда не пытался ставить грань (to fix the plus ultra) успѣхамъ ирландской національности и никогда не буду пытаться это дѣлать». Добровольнаго съуженія идеаловъ онъ боялся

*) См. James Murdoh, History of the constitutional reform (London 1885). стр. 401: the act of 1884 admitting the agricultural and mining classes has made the house of commons in reality *the people's house*.

больше всего. 24 августа въ Дублинѣ Парнелю дали банкетъ и онъ произнесъ на немъ большую рѣчь, въ которой благодарилъ свою партію за все, что она сдѣлала въ послѣднія пять лѣтъ, и обращалъ вниманіе присутствующихъ на то, что коренная задача ждетъ своего разрѣшенія. Ирландія еще не имѣетъ особаго парламента. «Я убѣжденъ,—сказалъ онъ,—что единственная наша великая работа въ новой палатѣ заключается въ возстановленіи нашего собственнаго, національнаго парламента *). Но когда мы получимъ его, каковы будутъ его задачи? Мы требуемъ себѣ особаго парламента, чтобы уничтожить несправедливыя изгнанія фермеровъ съ земли, угнетеніе со стороны лендлордовъ, и чтобы сдѣлать каждаго фермера собственникомъ его участка. Вотъ зачѣмъ намъ нуженъ парламентъ прежде всего. Мы требуемъ его еще и затѣмъ, чтобы поднять промышленность въ нашей странѣ и чтобы не только земледѣльцы, но и ремесленники и городскіе рабочіе имѣли возможность жить и дышать. Итакъ, намъ предстоитъ много дѣла и въ англійской палатѣ общинъ—временно, и въ будущей ирландской палатѣ—постоянно. Я надѣюсь, что у насъ будетъ только одна палата а палаты лордовъ не будетъ!» **).

За этой рѣчью слѣдовали другія, въ которыхъ Парнель настаивалъ на необходимости закрыть Ирландію для ввоза англійскихъ продуктовъ; это онъ считалъ однимъ изъ важнѣйшихъ дѣлъ, предстоящихъ будущему ирландскому парламенту. Этотъ тонъ вывелъ изъ себя англійскую прессу, еще очень недавно старавшуюся ласково относиться къ парнеллизму, чтобы привлечь его благосклонное вниманіе: «Daily News» съ горечью вопрошала, намѣрены ли и впредь консерваторы и либералы сносить «тираннію» Парнеля ***)? «Manchester Guardian» надѣялся, что нѣтъ въ Англіи партіи, которая не заклеймитъ дерзость ирландскаго лидера. «Standart» считалъ себя вынужденнымъ заявить, что просто позоръ (a shame) для либераловъ и торіевъ ссориться на потѣху и пользу опаснаго врага.

Но Парнель, не взирая на эти рѣчи, нашелъ въ себѣ рѣшимость повторить свои слова 5-го октября въ Уиклоу. Здѣсь онъ къ раньше высказаннымъ мыслямъ прибавилъ очень любопытное поясненіе: онъ сказалъ, что ни за что не помирится на какой-нибудь пустой уступкѣ, если, напримѣръ, Ирландіи дадутъ парламентъ съ ограниченными правами: ирландская палата должна имѣть безусловную власть въ дѣлахъ острова. Она должна получить, между прочимъ, право облагать чужіе (т. е. и англійскіе) продукты какими угодно высокими пошлинами. Другими словами онъ требовалъ полнѣйшаго политическаго и экономическаго отдѣленія Ирландіи отъ Англіи.

Часть либераловъ сразу возстала противъ Парнеля; цѣна союза казалась слишкомъ высокой. Лордъ Гартингтонъ на одномъ изъ митинговъ

*) См. отчетъ въ «Times», 25 aug. 1885.

**) For I hope it will be a single chamber etc. «Times», 25 aug. 1885.

***) «Daily News» 26—30 aug. 1885.

въ своемъ избирательномъ округѣ заявилъ, что такой гомруль, котораго желаетъ Парнель, немыслимъ, и что ирландцы его не получатъ. Тогда Парнель въ новой рѣчи замѣтилъ: «Я думаю, что если хотятъ сдѣлать для насъ невозможнымъ полученіе гомруля, то мы сдѣлаемъ невозможными всѣ дѣла» *). Угроза обструкціей, даже при измѣненныхъ парламентскихъ правилахъ, была не шуткой въ устахъ этого человѣка и произвела большое впечатлѣніе на либераловъ. Консерваторы тоже порицали революціонизмъ Парнеля, но не такъ рѣшительно, какъ либералы: они болѣе страшились результатовъ голосованія.

Чѣмъ ближе подходили выборы, тѣмъ мягче становилось отношеніе обѣихъ боровшихся фракцій къ Парнелю: либералъ Морлей **) заявилъ, что онъ ничего не имѣетъ противъ ирландскаго самоуправленія въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Либералъ Чайльдерсъ выразилъ мнѣніе, что ирландцы могутъ управляться какъ пожелаютъ, лишь бы таможенная политика находилась въ рукахъ англичанъ. Но Гладстонъ не любилъ вступать въ откровенныя сдѣлки подъ вліяніемъ необходимости и 17 ноября онъ объявилъ на собраніи въ Уэстъ-Кэльдерѣ ***), что Парнель, пока только Парнель и отождествлять его съ Ирландіей не слѣдуетъ; пусть Ирландія выскажется во время голосованія и тогда можно будетъ обсуждать такіе важные вопросы, какъ вопросъ о гомрулѣ. Черезъ четыре дня послѣ заявленія Гладстона, 21 ноября, Парнель издалъ манифестъ, въ которомъ дѣлалъ воззваніе къ Ирландіи, чтобы она голосовала противъ либераловъ безусловно. Что касается до лорда Салисбюри, то онъ не допустилъ такой неосторожности, какъ Гладстонъ. 7-го октября въ Ньюпортѣ и въ ноябрѣ въ другихъ мѣстахъ онъ, не высказываясь въ пользу гомруля, такъ хорошо построилъ свою рѣчь, что, съ одной стороны, никакой сотрудникъ «Times'a» не могъ найти тамъ ничего противорѣчащаго имперіализму, а съ другой — никакой парнеллитъ не былъ въ состояніи обвинить маркиза во враждѣ къ идеѣ ирландскаго самоуправленія.

Въ декабрѣ состоялись выборы; либераловъ было выбрано 335 человѣкъ, консерватовъ 249 и парнеллитовъ 86 (вмѣсто прежнихъ 39-ти). Если бы Парнель примкнулъ къ консерваторамъ, тогда либераловъ, съ одной стороны, и соединенныхъ парнеллитовъ и торіевъ съ другой было бы поровну, по 335 человѣкъ, и правительство Салисбюри могло бы кое-какъ продержаться; если бы онъ сталъ на сторону Гладстона, тогда консерваторы немедленно должны были бы уйти отъ власти. Цѣль Парнеля была достигнута; онъ явился господиномъ положенія.

Евг. Тарле.

(Окончаніе слѣдуетъ)

---

*) Annual Register 1885, стр. 149. (Изд. Lond. 1886).

**) Объ отношеніяхъ къ Ирландіи см. между прочимъ De Labra, Estudios biografico-politicos, Madrid 1887, стр. 349.

***) Annual Register, 180 (1885). Рѣчь Гладстона.

**
*

Въ часъ ночи поздній и ненастный,
Въ пустынной улицѣ порой,
Поднявши взоръ свой безучастный,
Я вижу свѣтъ передъ собой.

—

Тамъ высоко, во мглѣ туманной
Мигаетъ блѣдный огонекъ,
Онъ кротокъ, какъ привѣтъ нежданный
И такъ уныло-одинокъ.

—

Меня невольно привлекаетъ
Его неясный, блѣдный свѣтъ,
Тому, кого онъ озаряетъ,
Я сердцемъ шлю нѣмой привѣтъ.

—

Быть можетъ, въ этой жизни блѣдной
Судьба насъ не сведетъ съ тобой
И оба мы пройдемъ безслѣдно,
Исчезнемъ, какъ туманъ ночной,

—

Но въ этотъ мигъ я понимаю
Тебя, мой неизвѣстный другъ,
Съ тобой люблю, съ тобой страдаю,
Мнѣ близокъ тайный твой недугъ.

—

За всю любовь, за всѣ мученья,
Мой братъ усталый и больной,
Я шлю тебѣ благословенья
Среди ненастья, въ часъ ночной.

Allegro.

РЁСКИНЪ И РЕЛИГІЯ КРАСОТЫ.

Роберта Сизеранна.

Переводъ съ французскаго.

Продолженіе *).

Глава III.

Искренность.

При такой широкой и многообразной дѣятельности, этотъ человѣкъ улыбается даже въ минуты страданія, привлекателенъ даже въ своемъ деспотизмѣ и благороденъ даже въ ненависти. Мы видѣли его въ порывахъ экстаза, когда онъ напоминалъ одну изъ фигуръ Анжелико, ослѣпленную цвѣтами на какомъ-нибудь лугу. Мы видѣли его въ пылу битвы, когда онъ напоминалъ одного изъ героевъ Микель Анджело, останавливающаго силою своихъ желѣзныхъ мускуловъ напоръ цѣлой толпы. Посмотримъ на него теперь, какъ смотрятъ на фигуры Гольбейна, до такой степени спокойныя и ясныя, что на ихъ лицахъ можно разсмотрѣть сѣть мельчайшихъ морщинокъ. Быть можетъ, наблюдая его въ частной жизни, въ личныхъ непосредственныхъ отношеніяхъ, мы найдемъ, что и о немъ Данте могъ бы сказать: «И если бы люди узнали, какое сердце билось въ немъ, преклоненіе, которымъ его окружали, смѣнилось бы еще болѣе глубокимъ преклоненіемъ».

Но люди не узнали этого. Ихъ тревожилъ этотъ вѣчно боровшійся энтузіастъ, и они упрекали его въ нетерпимости, ихъ возмущала наивная радость, съ какою онъ возвѣщалъ новыя истины и новую красоту, и они обвиняли его въ гордости. Съ одинаковымъ увлеченіемъ онъ переходилъ отъ одного открытія къ другому, а его уличали въ противорѣчіяхъ; его преклоненіе предъ всѣми великими произведеніями называли непостоянствомъ, его рвеніе—деспотизмомъ, великодушіе—эгоизмомъ. Но кто хочетъ понятно и вѣрно опредѣлить эти особенности, тотъ употребитъ одно лишь слово, которое характеризуетъ всего Рёскина и составляетъ третью отличительную черту его личности,—искренность.

---

*) См. «Міръ Божій», № 1, январь.

«Быть ἐλεύθερος, свободнымъ, или искреннимъ,—говоритъ онъ,—значитъ научиться управлять своими страстями и, убѣдившись, что поступаешь правильно, стоять на своемъ, не смущаясь ничѣмъ, ни общественнымъ мнѣніемъ, ни страданіями, ни радостями. Пренебрегать мнѣніемъ толпы, угрозами противниковъ и искушеніемъ дьявола, вотъ что всякій великій народъ называетъ *быть свободнымъ*. И единственное условіе этой внутренней свободы указано въ псалмахъ: «Я свободенъ, ибо я слѣдовалъ Твоими путями».

Эта грубая прямота въ отношеніяхъ къ другимъ заставляетъ его иногда утрачивать всякое чувство мѣры и забывать всякую вѣжливость. Когда одинъ изъ читателей говоритъ ему, что его произведенія очень заинтересовали его, Рёскинъ рѣзко отвѣчаетъ: «Мнѣ нѣтъ ни малѣйшаго дѣла, интересуютъ ли они васъ! Принесли ли они вамъ пользу,—вотъ что важно».—Одна дама, предсѣдательница общества борьбы за эмансипацію женщинъ, обратилась къ нему съ просьбою о поддержкѣ. «Вы просто глупы съ этимъ вашимъ обществомъ!»—грубо отвѣчаетъ онъ. Студенты Гласго, желающіе избрать его ректоромъ вмѣсто м-ра Фаусетта и маркиза Бута, обращаются къ нему съ просьбою выяснить свои политическія убѣжденія или, по крайней мѣрѣ, сказать, за кого онъ подаетъ голосъ—за Дизраэли или за Гладстона. «Какое вамъ, чортъ возьми, дѣло до Дизраэли и Гладстона?»—пишетъ онъ имъ въ отвѣтъ.—«Вы—студенты университета, и политикой вы должны интересоваться не больше, чѣмъ охотой на крысъ! Если бы вы когда-нибудь прочли и поняли хоть десять строкъ изъ того, что я писалъ вы бы знали, что для меня м-ръ Дизраэли и м-ръ Гладстонъ все равно, что двѣ старыя волынки, и я ровно столько же о нихъ думаю, но что либерализмъ я ненавижу, какъ Вельзевула, и одинъ во всей Англіи, кромѣ Карлейля, стою за Бога и королеву!»

Онъ говоритъ все, что́ думаетъ, не заботясь о впечатлѣніи, какое это можетъ произвести, не щадя даже своихъ поклонниковъ. Одно духовное лицо, вошедшее въ долги при постройкѣ церкви въ Ричмондѣ, обратилось къ нему за помощью. Вотъ письмо, которое посылаетъ ему Рёскинъ въ отвѣтъ:

«Брантвудъ, Конистонъ, Ланкаширъ, 19 мая 1886 г.

«Милостивый государь!

«Вы меня очень насмѣшили, обратившись именно ко мнѣ, человѣку, менѣе всѣхъ расположенному дать вамъ хоть одинъ фартингъ! Первое, что я говорю всѣмъ, кто придаетъ значеніе моимъ совѣтамъ, какъ взрослымъ, такъ и дѣтямъ: «Не дѣлайте долговъ! Умирайте съ голоду—вы попадете въ рай,—но не занимайте. Пробуйте раньше просить милостыню,—я не запретилъ бы даже и украсть, въ случаѣ дѣйствительной крайности. Только не покупайте вещей, за которыя вы не можете заплатить!» И изъ всѣхъ видовъ должниковъ самые ненавистные для меня глупцы—это благочестивые люди, строющіе церкви, не имѣя чѣмъ

заплатить за нихъ. Развѣ вы не можете молиться и проповѣдывать во дворѣ, въ каменоломнѣ, въ угольномъ сараѣ?

«А изъ всѣхъ скверно построенныхъ церквей, желѣзныя церкви по моему хуже всѣхъ.

«И изъ всѣхъ религіозныхъ сектъ, нуждающихся въ храмахъ: индусовъ, турокъ, идолопоклонниковъ, почитателей Мумбо-Жумбо или огнепоклонниковъ,—ваша теперешняя евангелическая секта самая невозможная, нелѣпая и невыносимая! Все это можно найти въ моихъ книгахъ, и членъ всякой другой секты, кромѣ вашей, сдѣлалъ бы это, вмѣсто того, чтобы заставлять меня писать вторично.

«Не смотря на все это, вашъ покорный слуга

«Джонъ Рёскинъ».

Вотъ шероховатая сторона этой искренности; тутъ мы находимъ больше терніевъ, чѣмъ полезной, хорошей травы. Надо, впрочемъ, отмѣтить, что, нападая на другихъ, Рёскинъ не щадитъ и себя. Очень часто въ *Praeterita* онъ говоритъ о глупостяхъ и безумствахъ своей молодости, смѣется надъ напыщеннымъ стилемъ *Современныхъ Живописцевъ*; говоритъ, что если бы въ то время ему пришлось сообщить кому-нибудь, что его домъ горитъ, онъ никогда не сказалъ бы: «Сэръ, вашъ домъ горитъ», а навѣрно началъ бы такъ: «Сэръ, то жилище, въ которомъ, какъ мнѣ извѣстно, протекали лучшіе годы вашей жизни, объято пламенемъ»... Онъ смѣло перепечатываетъ неудачныя мѣста, охотно признается въ своихъ ошибкахъ; выразившись съ своей обычной безцеремонностью о Гладстонѣ, не зная его какъ слѣдуетъ, онъ въ слѣдующемъ же изданіи вычеркиваетъ всѣ рѣзкія фразы, но оставляетъ пустое мѣсто, въ воспоминаніе, какъ онъ говоритъ, несправедливаго мнѣнія. Сознавая свои недостатки, онъ признаетъ и безсиліе литературы вообще. Въ 1870 году друзья убѣждаютъ его написать прусскому королю въ надеждѣ спасти отъ нѣмецкихъ пушекъ готическіе соборы Франціи, которыми Рёскинъ такъ восхищался; но онъ рѣшительно отказывается, называя своихъ друзей «фальшивыми друзьями, которые воображаютъ, будто писатель имѣетъ какое-то право предстательства» передъ германскимъ государемъ, далеко не отличающимся сантиментальностью. Въ то же время онъ вмѣстѣ съ епископомъ Манингомъ, Джономъ Леббокомъ и Гёксли устраиваетъ подписку для снабженія Парижа припасами.

Наконецъ, въ тотъ день, когда онъ приходитъ къ убѣжденію, что критика искусства не можетъ серьезно содѣйствовать процвѣтанію искусства, не можетъ даже передать впечатлѣнія отъ великаго произведенія искусства, онъ открыто объявляетъ это, не смущаясь тѣмъ, что подобное заявленіе можно обратить противъ него же, противъ тѣхъ тридцати томовъ, въ которые онъ вложилъ всю свою жизнь. «Вы пригласили меня говорить съ вами объ искусствѣ, — начинаетъ онъ, — и повинуясь вамъ, я пришелъ. Но прежде всего я долженъ сказать вамъ,

что объ искусствѣ совсѣмъ не надо говорить. Ни одинъ великій художникъ никогда не говоритъ, никогда не говорилъ много о своемъ искусствѣ. А величайшій не говоритъ ничего»... Это одна изъ многихъ фразъ, за которую Рёскина упрекали въ противорѣчіи, называли автора *Камней Венеціи*—Боньи или Чемберленомъ въ эстетикѣ. И дѣйствительно, онъ противорѣчилъ себѣ, потому что въ разное время у него были разныя мысли относительно одного и того же предмета. Мы всѣ это испытываемъ на себѣ, только не признаемся въ этомъ. Кромѣ того, мы не начинаемъ печатать съ пятнадцати лѣтъ, и рѣдкіе изъ насъ продолжаютъ писать въ шестьдесятъ восемь лѣтъ, сохранивъ всю силу и ясность ума. Рёскинъ спѣшилъ высказывать то, что думалъ, и не переставалъ думать. Онъ началъ писать, не ожидая, чтобы мнѣнія его окончательно установились, и не бросилъ писать, когда они измѣнились. Онъ всегда устремлялся туда, гдѣ, какъ ему казалось, загорался новый свѣтъ. Онъ шелъ впередъ безъ опасеній и, не смущаясь, отступалъ, имѣя передъ собой одну цѣль—истину. Многіе проявили бы его неустойчивость, если бы обладали его искренностью. Каждый изъ насъ противорѣчитъ себѣ въ мысляхъ, не будемъ же осуждать его за то, что онъ противорѣчилъ себѣ и въ словахъ.

Но бываютъ случаи, когда его искренность сама по себѣ благотворна. Она открываетъ ему глаза на тѣ бѣдствія, которыя окружаютъ со всѣхъ сторонъ убѣжище дилетанта, эстетика, и на его обязанность выйти оттуда и помогать имъ. Мы видѣли, какъ эта искренность приводила его къ желчнымъ выходкамъ, посмотримъ, какъ она приводитъ его къ дѣламъ любви. Въ мартѣ 1863 года, живя въ Альпахъ посреди спокойной, великолѣпной природы, Рёскинъ задается вопросомъ, имѣетъ ли онъ право мирно наслаждаться своей страстью къ природѣ. Онъ пишетъ одному изъ своихъ друзей. «Я живу въ полномъ уединеніи, а между тѣмъ я испытываю не больше спокойствія, чѣмъ если бы я лежалъ въ травѣ на полѣ сраженія, залитомъ кровью; стоитъ мнѣ приподнять голову, какъ до ушей моихъ достигаетъ крикъ земли. Я чувствую себя очень плохо; меня мучитъ съ одной стороны жажда покоя и счастливой жизни, а съ другой—этотъ страшный голосъ человѣческихъ преступленій, съ которыми надо бороться, и человѣческихъ бѣдствій, которымъ надо помогать»...

И онъ отрывается отъ эгоистическаго созерцанія; вспоминаетъ, что, кромѣ пейзажей, есть люди, и не только пейзажисты. Онъ не хочетъ больше любоваться Тернеромъ. Онъ читаетъ экономистовъ, находитъ нелѣпой ихъ идею всеобщаго благополучія и въ самомъ центрѣ манчестерства даетъ рѣшительную битву теоріи «laissez faire, laissez passer». Онъ пишетъ свои «*Fors Clavigera*»—ежемѣсячныя письма къ рабочимъ всѣхъ классовъ, и развиваетъ тамъ свои соціальныя идеи. Но онъ не изъ тѣхъ людей, которые принимаютъ слова за дѣла. Онъ открыто признаетъ, что ошибался, давая совѣты, вмѣсто того, чтобы пода-

вать примѣръ. Въ это именно время онъ основываетъ *Гильдію св. Георга*; жертвуетъ миссъ Октавіи Гилль дома для устройства жилищъ рабочихъ; оказываетъ помощь всякаго рода соціальнымъ предпріятіямъ. Наконецъ, наступаетъ день, когда оставленные ему отцомъ пять милліоновъ исчезаютъ, превратившись въ сокровища музеевъ и въ хлѣбъ въ лачугахъ. Тогда онъ принимается за своихъ Тернеровъ и бросаетъ ихъ въ бездну нищеты. Это даетъ возможность его почитателямъ устроить въ честь его благородную манифестацію и спасти отъ крушенія два, три лучшихъ произведенія. Имъ не удается спасти великолѣпнаго *Наполеона* Мейссонье, украшавшаго его комнату,—онъ исчезаетъ вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ. Пока у него остается хоть что-нибудь, онъ считаетъ, что сдѣлалъ мало, что не уплатилъ своего «долга».

Его жестокая искренность прорывается иногда наружу въ очень сильныхъ выраженіяхъ. «Я занимаюсь переустройствомъ міра,—говоритъ онъ однажды въ своей оксфордской квартирѣ одному изъ друзей,—а между тѣмъ мнѣ слѣдовало бы начать съ себя. Я хочу поступать, какъ св. Бенедиктъ, но прежде нужно было бы стать святымъ. А вмѣсто того я сижу здѣсь, любуясь Тиціаномъ и ковромъ Терки и пью чай,—при этомъ онъ налилъ себѣ вторую чашку,—сколько захочется».

«И мы замѣчаемъ это,—написала ему одна изъ его ученицъ.—Я войду въ Гильдію св. Георга, когда вы сами въ нее войдете. Вы внушаете намъ, кромѣ всего прочаго, исполнять свой долгъ по отношенію къ родинѣ, къ родной мѣстности, къ роднымъ полямъ—жить тамъ, обрабатывать ихъ. А гдѣ же,—простите мнѣ мою нескромность,—гдѣ же вашъ домъ, вашъ садъ? Я знаю,—вы покупали дома, но вы въ нихъ не живете. Чуть не каждый мѣсяцъ вы помѣчаете свои письма новыми мѣстами,—которыя для насъ всегда останутся прекрасной мечтой,—а мы между тѣмъ сидимъ по своимъ домамъ и заботимся о порученныхъ намъ живыхъ существахъ. И когда мы читаемъ ваши упреки, намъ кажется, что мы точно солдаты въ севастопольскихъ траншеяхъ, получающіе распоряженія отъ генерала, обѣдающаго въ своемъ Лондонскомъ клубѣ. Далѣе, я вполнѣ раздѣляю вашу ненависть къ желѣзнымъ дорогамъ, но я подозрѣваю, что иногда вы ими пользуетесь и ѣздите по нимъ. Я этого никогда не дѣлаю. Вы въ вашихъ книгахъ—точно священникъ на амвонѣ. Онъ можетъ упрекать свою паству, а паства не можетъ отвѣчать ему. Но вотъ она отвѣчаетъ!»

Противъ этого страстнаго нападенія онъ не защищается. Въ первомъ же номерѣ «Fors Clavigera» онъ помѣщаетъ письмо непримиримаго члена своей общины и отвѣчаетъ на него.

«Меня обвиняютъ въ томъ, что у меня нѣтъ своего «дома». Это болѣе, чѣмъ справедливо. Причина въ томъ, что мой отецъ, моя мать и моя кормилица умерли, что женщина, которую я надѣялся назвать своей женой,—умираетъ, что мѣстность, гдѣ я мечталъ жить, сдѣла-

лась совершенно необитаемой, благодаря жестокости сосѣдей, уничтожившихъ поля, безъ которыхъ я не могу думать, и свѣтъ, безъ котораго я не могу работать...

«Что касается желѣзной дороги, то я пользуюсь ею постоянно; немногіе, вѣроятно, пользуются ею чаще. Я стараюсь извлекать пользу изъ всего, что мнѣ доступно. Если бы дьяволъ очутился сейчасъ около меня, я употребилъ бы его въ качествѣ чернаго пятна на моей картинѣ. Мудрость заключается въ томъ, чтобы уничтожать то зло, какое можешь, и пользоваться неизбѣжнымъ зломъ въ возможно лучшихъ цѣляхъ. Я пользуюсь своей болѣзнью для такой работы, какой я пренебрегаю, пока здоровъ; я пользуюсь своими врагами, изучая на нихъ философію, благословенія и проклятія, а желѣзной дорогой—поскольку она можетъ служить мнѣ, ожидая съ надеждой то время, когда желѣзнодорожное полотно найдутъ погребеннымъ въ нашихъ англійскихъ поляхъ, какъ древній римскій лагерь».

Иронія—плохой отвѣтъ на этотъ крикъ горя, но онъ не скрываетъ ничего, что можетъ разжечь неослабѣвающій пылъ его враговъ.

Ту же благородную и смѣлую прямоту онъ вносилъ въ вопросы сердца и совѣсти, въ ту область невысказанныхъ чувствъ и неизвѣданныхъ сомнѣній, гдѣ всякій свѣтъ наноситъ рану, а всякая рана убиваетъ. Онъ примѣнялъ ее тамъ, куда всего труднѣе проникнуть анализу—въ любви и въ вѣрѣ. Въ своихъ *Praeterita* онъ въ холодныхъ и острыхъ, какъ сталь, словахъ, говоритъ о своей первой любви. «Я воображаю себѣ,—восклицаетъ онъ съ отчаяньемъ страстнаго человѣка,—чѣмъ бы я могъ стать, если бы въ тотъ день любовь была со мной, а не противъ меня, если бы я узналъ радость дозволенной любви, невыразимое счастье ея симпатіи, ея одобренья!» Но вслѣдъ затѣмъ онъ прибавляетъ, отдавая справедливость судьбѣ: «Такія вещи не случаются въ нашемъ мірѣ. Тѣхъ, кто способенъ на самую высокую страсть, всегда сокрушаютъ ея бурныя волны. Тихія и спокойныя воды находятъ въ ней люди другой породы...» Онъ сохранилъ еще свою вѣру, не ту, конечно, которую онъ почерпалъ въ чтеніи псалмовъ, подъ хернъ-хильскими кустами, а ту, какая явилась у него впослѣдствіи во время восхищенія Джоржемъ Гербертомъ и Ватландцами. Онъ не забываетъ, что однажды нарушилъ четвертую заповѣдь, совершивъ въ воскресенье экскурсію въ свои любимыя горы. И эта побѣда страсти къ природѣ надъ религіозными обязанностями осталась для него навсегда тяжелымъ воспоминаніемъ. Двѣнадцать лѣтъ спустя онъ осмѣлился рисовать въ воскресенье. Позднѣе, отвращеніе къ узкой прямолинейности сектъ, которыя его учили любить, знакомство съ красотами католицизма, который его учили ненавидѣть, и сомнѣнія, которыя сѣетъ на нашемъ пути наука,—все это вмѣстѣ привело его въ состояніе неувѣренности въ себѣ, обрисованное его ученикомъ Маллокомъ въ *Новой Республикѣ*. «Вѣрую ли я? Нѣтъ, такъ

какъ я въ то же время сомнѣваюсь. Раньше я могъ молиться каждое утро и принимался за свою дневную работу укрѣпленный и ободренный. Но теперь я не могу больше молиться... Вы унесли моего Бога и я не знаю, куда вы его спрятали....» По странной случайности, въ самый моментъ этихъ непрестанныхъ, тайныхъ страданій любовь придала ему силу заглянуть въ себя и придти съ своей обычной прямотой къ рѣшенію, котораго онъ больше всего боялся. Это было въ Оксфордѣ. Одна молодая женщина, пользовавшаяся его привязанностью и даже слывшая его невѣстой, умирала. Она была очень религіозна; за послѣдніе годы жизни эта религіозность особенно усилилась и она не хотѣла больше слышать о бракѣ съ «невѣрующимъ». Онъ попросилъ позволенія увидѣть ее послѣдній разъ. Тогда она спросила его: «Осталось ли въ васъ хоть настолько вѣры, чтобы сказать твердо, что вы любите Бога больше, чѣмъ меня?» Онъ внимательно всматривался въ глубь своего сознанія. Какъ морякъ во время труднаго пути, онъ не видѣлъ нигдѣ спасительнаго огня, ни на покинутыхъ имъ берегахъ пресвитерьянства, ни на берегахъ «католическаго христіанства», къ которымъ онъ присталъ нѣсколько лѣтъ спустя. Съ благородной, героической прямотой онъ отвѣтилъ: «Нѣтъ!» И дверь осталась для него закрытой.

Человѣкъ, признающійся съ такой искренностью въ своихъ недостаткахъ, безъ колебаній выражалъ радость по поводу своихъ дѣлъ, когда считалъ ихъ хорошими. Это также можно назвать скромностью, понимая подъ скромностью не то, что подразумѣваетъ подъ ней свѣтское лицемѣріе, а то, что подразумѣвалъ онъ самъ. Для Рёскина скромность состояла не въ томъ, чтобы сомнѣваться въ своихъ способностяхъ и не рѣшаться стоять за свои убѣжденія, а въ томъ, чтобы ясно понимать отношеніе между своими способностями и способностями другихъ людей и правильно оцѣнивать самого себя. «Такъ какъ скромность есть чувство *степени* и *границы*, то Арнольфо остается скромнымъ, говоря, что онъ можетъ выстроить прекрасный соборъ во Флоренціи, а Дюреръ, отвѣчая критику, нашедшему ошибку въ его картинѣ: «Этого нельзя сдѣлать лучше»; онъ ясно сознавалъ это и всякій другой отвѣтъ былъ бы неискрененъ. Истинно скромный человѣкъ прежде всего смотритъ на другихъ взглядомъ, полнымъ восторга; ему доставляетъ такое наслажденіе восхищаться дѣлами другихъ, что онъ не хочетъ тратить времени на стоны и вздохи о себѣ самомъ; въ то же время, испытавъ сладкое чувство удовлетворенія, онъ не боится любоваться на свои собственныя произведенія, какъ и на произведенія другихъ. Онъ говоритъ просто: «Кто бы ни сдѣлалъ это—вы, я или кто-нибудь другой, все равно!—это хорошо сдѣлано!»

Написавъ эти строки, Рёскинъ думалъ, что онъ только высказалъ свою мысль, но онъ проявилъ весь свой характеръ. Трудно найти человѣка, который былъ менѣе скупъ на восхищеніе и болѣе щедръ на

ободреніе. *Современные живописцы* были посвящены авторомъ не какому-нибудь принцу или великому писателю, а «Англійскимъ пейзажистамъ ихъ искреннимъ почитателемъ». «Сравнивая дѣятельность Рёскина, какъ критика,—пишетъ м-ръ Коллингвудъ,—съ дѣятельностью Жеффри и Жиффорда, вы увидите, что ошибки его всегда состояли въ томъ, что онъ слишкомъ легко ободрялъ, но никакъ не въ томъ, что онъ слишкомъ скоро разочаровывалъ». Въ глазахъ молодыхъ критиковъ это, быть можетъ, не составляетъ заслуги, они всегда готовы однимъ почеркомъ пера уничтожить плоды цѣлой жизни труда художника, но это должно служить для нихъ урокомъ.

Когда Рёскинъ считалъ себя обязаннымъ сказать что-нибудь дурное о художникѣ, котораго онъ уважалъ, какъ человѣка, онъ говорилъ это, но въ то же время писалъ ему частное письмо, выражая ему свое сожалѣніе и высказывая надежду, что это «не испортитъ ихъ дружескихъ отношеній». Однажды на подобное письмо онъ получилъ отъ художника слѣдующій отвѣтъ: «Дорогой Рёскинъ, первый разъ, когда я васъ встрѣчу, я убью васъ, но, я надѣюсь, это не испортитъ нашихъ дружескихъ отношеній».

Наивная непосредственность его увлеченій положительно баснословна. Всякій разъ, когда онъ начинаетъ изучать новаго художника или анализировать новое значительное произведеніе, онъ внушаетъ своимъ слушателямъ, что художникъ этотъ величайшій изъ жившихъ на землѣ художниковъ, а это произведеніе самое прекрасное изъ всѣхъ существующихъ, забывая, что на это единственное мѣсто онъ уже помѣщалъ раньше сотню другихъ художниковъ и другихъ произведеній. Одно время въ Оксфордѣ вошло въ обычай спрашивать у *рёскиньянцевъ*: «Кто у васъ сегодня величайшій художникъ въ мірѣ? Вчера былъ Карпаччіо»...

Съ такимъ же увлеченіемъ относился Рёскинъ и къ работамъ своихъ учениковъ. Однажды онъ встрѣтилъ молодую американку, которая рисовала прекрасно, такъ прекрасно, что, если раньше онъ воображалъ, будто ни одна женщина не можетъ хорошо рисовать, то теперь склоненъ думать, что только женщина и можетъ дѣйствительно хорошо рисовать. Въ то же время онъ открылъ двухъ молодыхъ итальянцевъ, которые были до такой степени проникнуты духомъ своего стариннаго искусства, что «со временъ Люини и Леонардо подобныя руки еще не касались бумаги»...

Иногда этотъ энтузіазмъ проявляется у него въ комической формѣ. Извѣстно, какую ненависть чувствовалъ Рёскинъ къ односторонне и педантичному преподаванію въ народныхъ школахъ, не развивающему ни ловкости, ни эстетическаго вкуса работника. Однажды каменщикъ, занимавшійся какими-то работами въ Брантвудѣ, попросилъ у него денегъ впередъ. Рёскинъ даетъ ему деньги и вслѣдъ затѣмъ протягиваетъ квитанцію, чтобы онъ расписался на ней. Этотъ простой жестъ

вызываетъ замѣтное смущеніе рабочаго, онъ мнется, колеблется и, наконецъ, заявляетъ на своемъ своеобразномъ нарѣчіи, что не умѣетъ писать. Тогда Рёскинъ подымается, протягиваетъ обѣ руки изумленному каменщику и говоритъ ему: «Я горжусь знакомствомъ съ вами! Теперь я понимаю, почему вы такой прекрасный рабочій».

По нѣкоторымъ изъ этихъ чертъ, неожиданныхъ и парадоксальныхъ, можно было бы вообразить, что великій писатель въ сущности носитъ маску, что онъ облекается въ тогу оригинальности подобно своимъ заклятымъ врагамъ *эстетикамъ*, на которыхъ онъ всегда такъ жестоко нападалъ. Но на дѣлѣ нѣтъ ничего подобнаго. Искренность, вызывавшая его на самыя очевидныя противорѣчія и на самыя странные поступки, предохраняла его отъ всякой афектаціи. Никто, быть можетъ, не жилъ болѣе буржуазной семейной жизнью англійскаго фермера; любезный и внимательный сосѣдъ, онъ слѣдилъ за тѣмъ, чтобы погребъ его всегда былъ холоденъ, а оранжерея тепла, чтобы онъ могъ предложить сосѣдямъ льду или винограду всегда, когда имъ нужно; ни въ своемъ костюмѣ, ни въ манерахъ, ни въ домѣ онъ не допускалъ ничего, что могло бы удивить деревенскихъ жителей. Ни въ одеждѣ, ни въ мебели, ни въ архитектурѣ онъ не дѣлаетъ никакихъ «эстетическихъ» нововведеній. Онъ не носитъ на головѣ громадную шляпу Вильяма Морриса и въ рукѣ подсолнечника Вивіани. Онъ любитъ, чтобы каждая вещь была красива, но, главное, чтобы она отвѣчала своему назначенію. «Не употребляйте золотыхъ плуговъ и не украшайте эмалью переплетовъ счетныхъ книгъ. Не молотите хлѣбъ рѣзными цѣпами и не дѣлайте барельефовъ на мельничныхъ жерновахъ», говоритъ онъ своимъ ученикамъ. Въ его домѣ стоитъ мебель краснаго дерева, доставшаяся ему отъ родителей. Когда онъ строитъ мельницу въ Лаксеѣ, онъ хлопочетъ, чтобы она была возможно прочнѣе и удобнѣе и могла бы съ честью исполнять свое назначеніе, но не дѣлаетъ на ней ни малѣйшихъ украшеній. Его собственный домъ въ Брантвудѣ совершенно простъ, удобенъ, весь увитъ вьющимися растеніями, но не имѣетъ ни малѣйшей претензіи на стиль. Въ немъ нѣтъ ничего безвкуснаго, но и ничего искусственнаго.

Эта улыбающаяся простота, эта скромность въ личной жизни всегда поражала тѣхъ, кто ближе съ нимъ сталкивался. «Скажу вамъ, — пишетъ м-ръ Джемсъ Сметамъ своему другу послѣ посѣщенія Денмаркъ-Хилля въ 1858 г., — что у него большой домъ со швейцарской, съ лакеемъ и кучеромъ и съ большими залами, наполненными прекрасными картинами, главнымъ образомъ, Тернера. Отецъ его — красивый старикъ съ большой гривой сѣдыхъ волосъ, съ густыми всклокоченными бровями; у него особая манера выходить къ вамъ на встрѣчу, заложивъ руки въ карманы и сразу же ободрить васъ, отвѣчая на ваши замѣчанія: «Да, да, сочиненія въ прозѣ Джона довольно порядочны». Его мать пожилая дама семидесяти пяти лѣтъ, съ прекраснымъ цвѣ-

томъ лица, величественная и богато одѣтая; она знаетъ Шамуни лучше Кембервиля и, повидимому, дѣйствительно хорошая старушка. Съ «Джономъ» она обращается строго, стоитъ за свои мнѣнія и открыто противорѣчитъ ему. Онъ принимаетъ это съ такой мягкой почтительностью и деликатностью, что пріятно смотрѣть. Мнѣ бы хотѣлось разсказать вамъ, какое хорошее впечатлѣніе производитъ здѣсь «Джонъ», дать вамъ почувствовать его доброту и скромность. Конечно, иногда онъ горячится, возражая вамъ или дѣлая какое-нибудь замѣчаніе, но исключительно потому, что онъ убѣжденъ въ истинѣ своихъ словъ, а никакъ не изъ догматизма и самомнѣнія. Дома онъ совсѣмъ не тотъ, какъ въ собраніяхъ передъ смѣшанной публикой. Въ его глазахъ, нѣсколько застѣнчивыхъ, свѣтится умъ и доброта; когда онъ привѣтствуетъ васъ или пьетъ «за ваше здоровье» его взглядъ—я до сихъ поръ вижу его—какъ будто затуманенъ слезой...»

Но и въ общественномъ собраніи онъ привлекаетъ къ себѣ слушателей тѣмъ особеннымъ, свойственнымъ ему личнымъ очарованіемъ, которое создало ему столько друзей среди лондонскихъ рабочихъ и конистонскихъ крестьянъ. Вотъ онъ всходитъ на каѳедру,—это было въ 1870 году въ Оксфордѣ. Зала уже давно вся переполнена; каждый уголокъ берется съ бою студентами; чтобы послушать его, они уходятъ съ другихъ лекцій, бросаютъ свой завтракъ и, что еще невѣроятнѣе, свой крикетъ. Они сидятъ на окнахъ, на шкафахъ даже. Тутъ и тамъ видны дамы, иногда ихъ не меньше, чѣмъ студентовъ, американки, переѣхавшія Атлантику, чтобы видѣть того, кого Карлейль называетъ *ethereal Ruskin* *). Двери остаются открытыми, ихъ осаждаетъ все приливающая толпа. Когда появляется учитель, весь Оксфордъ привѣтствуетъ его. Тѣ, кто никогда не видалъ его, приподымаются на цыпочки и видятъ высокаго, стройнаго человѣка; за нимъ, какъ за аѳинскимъ философомъ, слѣдуетъ толпа учениковъ. Это, быть можетъ, нарушаетъ правила, но онъ всегда былъ живымъ протестомъ противъ всякой правильности. У него русые волосы, густые и длинные; лучезарные голубые глаза, измѣнчивы какъ волны, тонкій, насмѣшливый ротъ, подвижнѣе, чѣмъ лукъ, пускающій стрѣлу; цвѣтъ лица яркій, брови рѣзко очерчены. Вся его фигура кажется одинаково созданной, чтобы выражать энтузіазмъ и сарказмъ, пламенную страсть и спокойное созерцаніе,—фигура воина и восторженнаго созерцателя. Онъ сдержанно кланяется, обмѣнивается улыбками съ разсѣянными среди публики друзьями и раскладываетъ около себя кучу разнообразныхъ предметовъ: минералы, монеты, рисунки, фотографіи,—«діаграммы», какъ онъ ихъ называетъ, для доказательства своихъ положеній; потомъ онъ откидываетъ свой черный профессорскій плащъ и кажется, что вмѣстѣ съ нимъ слетаетъ съ него вся университетская

*) Небесный Рёскинъ.

ортодоксальность. На немъ синій сюртукъ, широкіе бѣлые рукавчики, воротникъ съ отогнутыми концами à la Гладстонъ, и пышскій синій галстухъ—его отличительный признакъ, въ общемъ одѣтъ онъ просто, безъ брелоковъ и колецъ, но съ строгимъ и нѣсколько старомоднымъ изяществомъ.

Онъ говоритъ, и сначала кажется, будто въ залу вошелъ священникъ и началъ духовное чтеніе. И дѣйствительно, онъ читаетъ тщательно написанные періоды: онъ говоритъ размѣреннымъ голосомъ, сдерживаетъ жесты, угашаетъ взглядъ. Мало-по-малу, вчитываясь, онъ одушевляется. Его охватываетъ снова то увлеченіе, какое онъ испытывалъ, когда писалъ. Онъ забываетъ смотрѣть на мертвые листки на столѣ, онъ смотритъ на живыя лица слушателей. Соглашаются ли они съ нимъ? Онъ не можетъ продолжать, пока не убѣдится въ этомъ. Онъ спрашиваетъ ихъ объ этомъ, заставляетъ ихъ подымать руки въ знакъ согласія. Ободренный, онъ обращается къ самому существу вопроса, импровизируетъ, останавливается, показываетъ свои діаграммы. Вотъ, напримѣръ, голова льва, одного псевдоклассическаго скульптора, а вотъ голова тигра изъ зоологическаго сада, нарисованная Миллэ. Аудиторія разражается смѣхомъ при видѣ подобнаго контраста. Но и этого мало: надо давать художественное представленіе о предметахъ. Тутъ уже онъ весь охваченъ увлеченіемъ, благоразумная сдержанность оставляетъ его. Если онъ говоритъ о птицѣ, онъ изображаетъ, какъ она летаетъ и какъ важно прохаживается. Если онъ объясняетъ, что гравированіе есть искусство царапанья, онъ подражаетъ кошкѣ, царапающей когтями. Аудиторія освистала бы всякаго другого на его мѣстѣ, но здѣсь невольно чувствуется, что онъ весь во власти своей идеи. Онъ не декламируетъ, онъ провозглашаетъ истину, ту самую, которую онъ сейчасъ только открылъ; онъ не себя показываетъ, онъ доказываетъ свои положенія. Онъ передаетъ наблюденія, онъ усиливаетъ доводы. Ботаника, геологія, экзегетика, философія,—все служитъ для доказательства его идеи. Но вотъ онъ уже кончилъ убѣждать—онъ пророчествуетъ, и тѣ, кто собирались записывать лекцію, окончательно теряютъ связующую нить. Онъ позабылъ свой планъ, но онъ завладѣлъ своей аудиторіей. Этотъ безпорядочный хаосъ мыслей, ясныхъ и остроумныхъ, захватываетъ и покоряетъ. Что это? инстинктъ или наука, паясничество или геніальность? Никто не можетъ сказать этого, но всѣ слушаютъ, слѣдуютъ за нимъ черезъ рытвины и ухабы по этой извилистой дорогѣ, при каждомъ поворотѣ которой открывается новая долина, неожиданный горизонтъ. Наконецъ, цѣль уже близка, вы подымаетесь выше, горизонтъ все болѣе и болѣе расширяется и посреди дружныхъ аплодисментовъ, лекція, начавшаяся съ микроскопическихъ фактовъ, оканчивается широкой идеей. Изъ скромной деревеньки, пріютившейся на днѣ долины, вашъ проводникъ, съ цвѣткомъ эдельвейса на шляпѣ, вывелъ васъ черезъ тысячу переходовъ на вершину, съ которой открывается весь міръ.

Но, наконецъ, однажды самъ проводникъ остановился у подножія тѣхъ горъ, на которыя онъ столько разъ восходилъ. Посмотримъ, какое впечатлѣніе производитъ теперь этотъ старикъ, голосъ котораго уже не раздается болѣе въ многолюдныхъ собраніяхъ; со смерти своихъ родителей онъ живетъ отшельникомъ въ Брантвудѣ, въ своемъ домикѣ, затерявшемся среди скалъ и лѣсовъ на берегу Конистонскаго озера, тамъ, гдѣ ничто не нарушаетъ его грезы. «Мнѣ кажется,—пишетъ м-ссъ Текерей Ритчи,—что въ молодости Рёскинъ не былъ такъ живописенъ, какъ въ эти послѣдніе дни своей жизни. Быть можетъ, волнистые сѣдые волосы идутъ къ нему больше, чѣмъ темные кудри, но жгучіе, говорящіе гдаза, должно быть, всегда были тѣ же, также какъ и звукъ его прекраснаго голоса съ нѣсколько иностраннымъ произношеніемъ «р»; во второе наше посѣщеніе Конистона, долго спустя послѣ перваго, этотъ голосъ уже казался намъ близкимъ, роднымъ. Увидавъ его снова послѣ пятнадцати лѣтъ, я была поражена происшедшей въ немъ перемѣной къ лучшему, тѣмъ величавымъ блестящимъ видомъ, какой пріобрѣтаетъ человѣкъ, живущій среди горъ, лѣсовъ и чистаго воздуха... Въ этотъ вечеръ, первый, который мы проводили въ Брантвудѣ, комнаты были освѣщены косыми лучами заходящаго солнца, отражавшагося въ озерѣ. М-ссъ Севернъ (двоюродная сестра Рескина) заняла свое мѣсто за самоваромъ, а хозяинъ дома, сидя спиной къ окну, предлагалъ гостямъ то оригинальное и разнообразное угощеніе, которое могутъ представить себѣ только бывавшіе у него въ гостяхъ: прекрасный пшеничный хлѣбъ, поджаристые шотландскіе пирожки, хрустящіе на зубахъ, форель изъ озера и земляникy, какая растетъ только на брантвудскихъ холмахъ. Былъ ли этотъ напитокъ—чай или фантазія, чувство, вдохновеніе? И выпивая его медленными глотками, мы прислушивались къ своеобразной музыкѣ, переходившей отъ важныхъ, торжественныхъ звуковъ къ легкимъ и нѣжнымъ переливамъ... Можно ли запомнить пріятный разговоръ? Вы можете помнить комнату, гдѣ онъ происходилъ, форму креселъ, но слова улетаютъ на крыльяхъ... Мы говорили о томъ, что земляника должна быть нѣжной и зрѣлой и эту же мѣрку можно примѣнять ко всякимъ явленіямъ жизни; и съ легкимъ, добродушнымъ, порой безпощаднымъ юморомъ, онъ сталъ прилагать эту мѣрку къ людямъ, къ костюмамъ, къ кушаньямъ, къ книгамъ...»

Уже теперь вокругъ этого великаго волшебника слагаются легенды. Разсказываютъ, что однажды въ Лондонѣ онъ зашелъ случайно къ ювелиру. Его узнали и разложили передъ нимъ всѣ драгоцѣнные камни, прося раскрыть ихъ тайный смыслъ. Тогда, стоя посреди внимательныхъ покупательницъ, авторъ *Девкаліона* заговорилъ. Онъ говорилъ съ глубокимъ знаніемъ гнома, похитившаго золото у Рейна, и съ очарованіемъ тѣхъ ундинъ, которыя его стерегли *). Онъ раскрылъ

*) Изъ легенды въ «Кольцѣ Нибелунговъ».

имъ тайный смыслъ рубина—*кроваваго цвѣта* въ геральдикѣ—этой персидской розы цвѣта земной жизни, земной любви и радости, бутонъ которой послужилъ моделью для той вазы съ благовоніями, изъ которой Магдалина поливала ноги Спасителя, и тайну сафира—*голубого поля* въ геральдикѣ—символа небесной любви и радости, камня подобнаго рубину, но другого цвѣта: «подъ ногами его былъ сафиръ», говоритъ писаніе; и тайну жемчуга—этого смягченнаго и побѣжденнаго свѣта, символа терпѣнія, цвѣта голубя, принесшаго вѣсть о томъ, что воды побѣждены,—*маргаритки* въ нормандской геральдикѣ,—сѣраго цвѣта, стоящаго ниже на геральдической лѣстницѣ, но тѣмъ не менѣе очень высоко, такъ какъ смиреніе открываетъ врата рая; говорятъ, что стѣны рая сдѣланы изъ яшмы, а каждыя ворота изъ жемчужины. Онъ разсказалъ имъ о ихъ медленномъ и темномъ зарожденіи въ нѣдрахъ земли или на днѣ морей, потомъ, окинувъ взглядомъ этихъ свѣтскихъ красавицъ, онъ продолжалъ: «Благоразумно ли съ нашей стороны привязываться къ этимъ камнямъ, любить ихъ, считать драгоцѣнными? Да, конечно, если только мы любимъ и считаемъ драгоцѣнными ихъ, а не самихъ себя. Любить черный камень, потому что онъ упалъ съ неба, быть можетъ, не вполнѣ мудро, но все-же это на полъ-пути къ мудрости, такъ какъ мудрость состоитъ въ томъ, чтобы любить само небо. Не вполнѣ безумно думать, что камни видятъ, но думать, что глаза не видятъ—совершенное безуміе. Не вполнѣ безумно думать, что въ день, когда будутъ собраны всѣ драгоцѣнности, стѣны дворца возведены будутъ на нихъ, какъ на краеугольныхъ камняхъ, но безумно воображать, что въ послѣдній день души обратятся въ прахъ вмѣстѣ съ изумрудомъ, и никакой духъ не будетъ безстрашно парить надъ развалинами. Да, прекрасныя дамы, любите драгоцѣнные камни и заботьтесь о нихъ, но еще болѣе любите души ваши и заботьтесь о нихъ, чтобы приготовить ихъ къ тому дню, когда Господь соберетъ всѣ свои сокровища!»

Прекрасныя кліентки ювелира слушали еще эти слова, какихъ не говорилъ имъ ни одинъ изъ ихъ кавалеровъ, но самого пророка уже не было среди нихъ. Онъ направился въ grill room, тамъ, завтракая, онъ все еще продолжалъ говорить, мало-по-малу присутствующіе оставили свои сандвичи и молча столпились вокругъ него, принимая ту духовную пищу, которую онъ раздавалъ имъ.

Итакъ, легенда говоритъ, что онъ проповѣдывалъ не только въ синагогахъ, но и на торжищахъ, среди повседневной жизни и ея мелочныхъ заботъ. Далѣе легенда утверждаетъ, что онъ всегда появлялся неожиданно тамъ, гдѣ какой-нибудь художникъ нуждался въ поддержкѣ или гдѣ надо было не дать угаснуть вдохновенію. Однажды въ Луврѣ два внимательныхъ читателя его произведеній, не знакомые съ нимъ лично, стояли передъ картиной *Ученики въ Эммаусѣ*, которую одинъ изъ нихъ копировалъ. Откуда-то къ нимъ подходитъ старикъ, всту-

паетъ въ разговоръ, говоритъ имъ о картинѣ Рембрандта, признается, что нѣкогда самъ копировалъ ее, одушевляется, точно молодѣетъ при воспоминаніи о героической эпохѣ въ искусствѣ и вдругъ въ глазахъ его вспыхиваетъ молнія, и они ощущаютъ невольный трепетъ... Потомъ онъ приглашаетъ ихъ завтракать въ свой отель и когда онъ преломляетъ хлѣбъ, они узнаютъ, что передъ ними самъ учитель: *Рёскинъ!* И возвращаясь отъ него, они говорили, какъ ученики на старинной картинѣ, которую они разсматривали утромъ: «Не горѣло ли въ насъ сердце наше, когда онъ говорилъ, намъ и когда онъ объяснялъ намъ святое искусство?»

Разсказываютъ также, какъ однажды ночью въ Римѣ онъ увидѣлъ во снѣ, что сдѣлался францисканскимъ монахомъ и посвятилъ себя этому ордену, который онъ прославлялъ при описаніи церкви Santa Crosce. Нѣсколько времени спустя, когда онъ поднимался по лѣстницѣ въ Пинчо, у него попросилъ милостыни старикъ, сидѣвшій на ступеняхъ. Онъ подалъ ему и хотѣлъ идти далѣе, но тотъ схватилъ его руку и поцѣловалъ. Рёскинъ быстро наклоняется и обнимаетъ старика. На другой день тотъ же нищій входитъ къ нему и со слезами на глазахъ проситъ его принять кусокъ коричневаго сукна, принадлежавшаго, по его словамъ, Франциску. Быть можетъ, это былъ самъ святой, говоритъ одинъ изъ его біографовъ, явившійся своему ученику, получившему отъ него въ даръ искусство объяснять голосъ природы? Какъ бы то ни было, Рёскинъ вспомнилъ свой сонъ и тотчасъ же предпринялъ паломничество въ монастырь ассизскаго святого, мечтая совершить тамъ какое-нибудь великое дѣло. Это было время покоса, и тамъ... онъ косилъ сѣно.

Онъ не могъ болѣе удачно выбрать себѣ патрона, и мы бы не могли найти для него болѣе чистаго образца. Какъ и святой Францискъ, Рёскинъ совершалъ красивыя чудеса, онъ заставлялъ слушать свои философскія разсужденія не птицъ, правда, но свѣтскихъ женщинъ, что, быть можетъ, еще труднѣе. По слову его розы не разцвѣтали на снѣгу, но онъ бросилъ въ холодныя британскія сердца красный цвѣтокъ энтузіазма, и мы теперь съ изумленіемъ открываемъ его тамъ. Онъ не могъ управлять временами года, но когда онъ однажды выразилъ желаніе, чтобы художники рисовали яблони въ цвѣту, всѣ стѣны академіи покрылись цвѣтущими яблонями. По крайней мѣрѣ существуетъ такое преданіе. Трогательныя воспоминанія, которыя онъ оставилъ въ сердцахъ однихъ и восторженныя улыбки на губахъ другихъ, могли породить много легендъ. Во всякомъ случаѣ, даже среди великихъ людей, быть окруженнымъ при жизни ореоломъ красивыхъ легендъ—участь не совсѣмъ обыкновенная. Облака собираются лишь вокругъ самыхъ высокихъ вершинъ.

Быть можетъ, Конистонская вершина, the Old man of Coniston *), пока-

*) Старый человѣкъ изъ Конистона.

жется намъ еще выше, когда смерть наброситъ свой высшій таинственный покровъ на созданія человѣческой фантазіи. Быть можетъ, тогда безчисленные пилигримы, для которыхъ Рёскинъ превратилъ въ хлѣба камни Венеціи и въ цвѣты сокровища Аѳины Паллады, захотятъ увидѣть то мѣсто, гдѣ жилъ человѣкъ, призвавшій къ жизни столько человѣческихъ душъ, гдѣ горѣлъ огонь, у котораго зажглось столько факеловъ. Быть можетъ, тогда желѣзныя дороги, съ которыми онъ велъ такую непримиримую борьбу, будутъ привозить туда изъ всѣхъ странъ свѣта этихъ пилигримовъ эстетики. Быть можетъ, наконецъ, если, при помощи науки, безобразіе восторжествуетъ въ мірѣ, мы будемъ считать легендарнымъ героемъ того человѣка, который боролся одинъ противъ всего міра не во имя истины, у которой есть свои пророки, не во имя справедливости, у которой есть свои апостолы, не во имя религіи, у которой есть свои мученики,—а во имя той идеи, у которой нѣтъ другихъ защитниковъ и не будетъ, быть можетъ, другихъ побѣдъ—во имя красоты.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Слова.

Какъ ни удивительна сама по себѣ личность Рескина, но популярность, какую онъ завоевалъ себѣ, вызываетъ въ насъ еще большее изумленіе. Философъ, который въ XIX вѣкѣ съумѣлъ заставить толпу читать себя—это явленіе далеко не обычное. Но если этотъ философъ притомъ же эстетикъ и если предметомъ или поводомъ для его работъ служатъ произведенія искусства, то это становится прямо невѣроятно. Изъ всѣхъ видовъ литературы, по странной случайности писатели всего охотнѣе берутся за критику искусства, между тѣмъ какъ читатели менѣе всего довѣряютъ ей; продолжительный опытъ убѣдилъ ихъ, что по большей части они находятъ въ ней скучную и поверхностную болтовню. Но если для объясненія популярности книгъ Рескина даже среди женщинъ и дѣтей, мы прибавимъ, что въ дѣйствительности онѣ трактуютъ даже не о вопросахъ искусства, а о самыхъ сложныхъ задачахъ политической экономіи, то явленіе это положительно представится намъ чудомъ и объясненіе окажется еще болѣе поразительнымъ, чѣмъ самый фактъ.

Чтобы отыскать какое-нибудь другое объясненіе, послушаемъ его слова. Послушаемъ ихъ не съ тѣмъ, чтобы найти одну основную мысль, управляющую ими, но сначала безъ всякой системы, съ тѣмъ, чтобы подмѣтить, какими новыми пріемами, какими своеобразными способами, какими незамѣтными уловками привлекъ Рескинъ къ этой эстетической идеѣ, къ этой религіи красоты націю, менѣе всѣхъ въ мірѣ склонную къ эстетикѣ. Послушаемъ всякія слова его безъ различія, слова двад-

цатилѣтняго юноши и семидесятишестилѣтняго старца; слова, стремящіяся убѣдить, описать, тронуть; слова писателя, оратора и путеводителя; слова, которыя вы будете читать зимнимъ вечеромъ, прислушиваясь къ треску дровъ въ каминѣ; слова, которыя были произнесены въ шумномъ собраніи, возбуждавшемъ самого оратора, или слова, которыя вы прочтете у подножія далекихъ памятниковъ, на ступеняхъ колоколень, на уступахъ горъ—слова, поучающія, возбуждающія, увлекающія, или, наоборотъ, слова, послѣ которыхъ вы молча остановитесь подъ сводомъ, скрывающимъ безконечность, или надъ могилой, скрывающей небытіе. Разобравъ нѣкоторыя изъ этихъ словъ, мы поймемъ, быть можетъ, почему ихъ слушали съ такимъ вниманіемъ.

Глава I.

Анализъ.

Говорятъ, въ 1851 году шотландскіе фермеры, увидѣвъ на окнахъ книжныхъ магазиновъ брошюру, озаглавленную *Замѣчанія объ устройствѣ овчарни* Джона Рескина, подумали, что найдутъ въ ней полезныя указанія, какъ устроить хорошее помѣщеніе для своихъ овецъ, и купили ее за два шиллинга. Они нашли въ ней богословское разсужденіе на текстъ «едино стадо и единъ пастырь», выражающее надежду, что Англія станетъ новымъ Іерусалимомъ.

Итакъ, уже заглавіе произведенія Рескина возбуждаетъ интересъ и путаетъ всѣ соображенія. Названіе у него всегда красиво и непонятно. *Девкаліонъ*, напримѣръ,—что можетъ быть красивѣе и короче, оно часто служитъ адресомъ для телеграммъ автору; или *Королева воздуха*, *Minera Pulveris*, *Оливковый вѣнокъ*, *Сезамъ и лиліи*, *Пентеликоскій плугъ* (Aratra Pentelici), *Флорентійская Аріадна* или *На старыхъ дорогахъ*, *Отцы наши говорили намъ*...! Но какъ неясно все это! Можно ли догадаться, что скрывается за этими пестрыми вывѣсками. Если мы перейдемъ къ оглавленію, то и изъ него узнаемъ немногое. Вотъ, напримѣръ, оглавленіе *Сезама и лилій:* 1) *О сокровищахъ королей*; 2) *О садахъ королевъ;* 3) *Тайны и искусства жизни.* Или подзаголовокъ *Замкнутаго сада*: *Посланія лѣса къ саду.* Но человѣческій умъ стремится всегда найти объясненіе всякаго непонятнаго явленія или слова, и въ данномъ случаѣ онъ ищетъ и по большей части находитъ. Иногда смыслъ заглавія выясняется уже изъ предисловія, а иногда надо прочитать книгу до послѣдней страницы, чтобы понять его. Иногда заглавіе заимствовано изъ какой-нибудь оды Горація, иногда изъ Евангельской притчи. *Успокоеніе св. Марка* должно напоминать о реликвіяхъ Венеціанскаго собора, а *La Mesnie de l'Amour*,—опытъ орнитологіи,—заимствовано изъ *Романа Розы*, гдѣ говорится про любовь, что «она была покрыта птицами». Иногда оно взято изъ старинной флорентійской

гравюры (*Флорентійская Аріадна*), иногда изъ поэмы Китса (*Вѣчная радость*). Рескинъ самъ чувствовалъ, какъ часто его заглавія сбиваютъ съ толку читателей, и порой онъ пытается помочь имъ разобраться въ нихъ. Такъ, въ его *Fors Clavigera*—ежемѣсячныхъ письмахъ къ рабочимъ отъ 1871 до 1884 года,—три страницы посвящены этому неблагодарному труду. Въ концѣ концовъ мы узнаемъ только, что Fors происходитъ отъ того же корня, какъ и *fortuna* (судьба), что *Clavi* значитъ въ одно и то же время и ключъ отъ дверей истины (Clavis), и палицу Геркулеса, необходимую для борьбы со зломъ (Clava), и руль, управляющій теченіемъ жизни (Clavus); наконецъ, *gera* означаетъ «носящій». Но къ чему столько этимологіи? Названіе работъ писателя, борющагося во имя искусства и противъ современнаго общественнаго строя, представляетъ собой военный кличъ. Пусть только онъ раздается, не все ли равно, что онъ значитъ? Понимали ли всѣ тѣ, кто шли на приступъ съ крикомъ *Montjoie et Saint Denis*—его смыслъ?

Если отъ заглавія мы перейдемъ къ внутреннему содержанію, насъ будетъ также смущать его безпорядочность и привлекать его богатство. Никакого общаго плана, никакой послѣдовательности, самое большее—извѣстное «стремленіе, проявляющееся какъ законъ кристаллизація». «Предметъ, о которомъ я хочу говорить съ вами, такъ разростается, и не только разростается ,но развѣтвляется во столькихъ направленіяхъ, что я съ трудомъ могу рѣшить, за какимъ отросткомъ слѣдить, къ какому узлу прицѣпиться». И онъ сразу цѣпляется за всѣ. Однимъ скачкомъ вы попадаете въ самый центръ вопроса; но оглушенные паденіемъ, вы съ трудомъ можете разобраться въ немъ. Попавъ на эту всемірную ярмарку идей, вы начинаете осматриваться во всѣ стороны, боясь заблудиться, но невольно поддаваясь очарованію этой прогулки. Не то, чтобы вы ощущали недостатокъ въ ярлыкахъ; ихъ, пожалуй, больше, чѣмъ у всякаго другого писателя. Чуть не каждая фраза занумерована; рескиньянцы говорятъ другъ другу: «Помните вы параграфъ 25-й, VI главы II тома *Камней Венеціи*?» или «Обдумаемъ параграфъ 243-й *Пентеликосскаго плуга*». Вы замѣчаете со всѣхъ сторонъ всевозможныя загородки, рѣшетки, подраздѣленія, которыя, повидимому, строго разграничиваютъ разные вопросы: не вѣрьте этому. Нѣкоторыя главы вы найдете перепечатанными нѣсколько разъ въ различныхъ томахъ; другія—то повторяютъ предъидущія, то забѣгаютъ впередъ, нарушая стройность книги. «Это,—заявляетъ онъ отъ времени до времени,—относится къ другой части моего труда». Его произведенія переплетаются, какъ наши бюджеты, его изложеніе запутано, какъ расписанія поѣздовъ на станціяхъ, которыя тщетно пытаются разобрать путешественники. «Одинъ изъ моихъ друзей горько упрекаетъ меня за безпорядочный характеръ моихъ *Fors Clavigera*, и уговариваетъ меня написать вмѣсто нихъ систематическую книгу, но онъ съ такимъ же успѣхомъ могъ бы убѣждать березу, растущую въ расщелинѣ скалы,

опредѣлить заранѣе направленіе своихъ вѣтвей. Вѣтры и горные потоки распсложатъ ихъ по своей причудливой фантазіи: дерево можетъ только рости—весело, если это возможно, печально, если веселость невозможна, предоставивъ чернымъ зубамъ и рубцамъ прокусывать свой розовато-бѣлый стволъ, гдѣ угодно судьбѣ...»

Въ его первыхъ произведеніяхъ: *Современные живописцы*, *Семь лампъ архитектуры*, *Камни Венеціи*, можно подмѣтить нѣкоторый планъ изложенія, довольно поверхностный, впрочемъ, матеріалы располагаются если не систематически, то все же съ нѣкоторой внѣшней симметріей. Но далѣе, послѣ этихъ крупныхъ ступеней его труда, планъ уже отсутствуетъ и изложеніе вполнѣ безпорядочно. Рёскинъ всегда говоритъ обо всемъ: *of many things* *), какъ озаглавлена одна часть его *Современныхъ живописцевъ*; надъ этимъ много смѣялись, но въ сущности это единственное подходящее заглавіе для его произведеній. Если вы ожидаете найти въ книгѣ цѣльную связную мысль и опредѣленное содержаніе, если вы не можете, принимаясь за нее, отложить въ сторону всякое стремленіе къ логикѣ, всякую склонность къ классификаціи, не пускайтесь лучше въ этотъ дивный лабиринтъ. *Сезамъ* не сможетъ ввести васъ въ него, и нить *Аріадны* не укажетъ вамъ пути.

Тѣмъ не менѣе, многіе отваживаются пускаться туда; пусть цѣлое смутно и безпорядочно, зато каждая идея въ отдѣльности болѣе опредѣленна и ясна, чѣмъ во всякомъ другомъ эстетическомъ трактатѣ. Вамъ не предложатъ тутъ размышлять надъ аксіомами въ родѣ слѣдующей: «Цѣль искусства открыть во внѣшнихъ предметахъ свое собственное я», «толкованіе прекрасной природы и прекрасной силы посредствомъ самыхъ яркихъ ихъ проявленій», или дѣлать рядъ выводовъ изъ той мысли, что «прекрасное есть сіяніе истиннаго»—предложенія, которыя читатель будетъ тѣмъ болѣе остерегаться оспаривать, чѣмъ менѣе онъ ихъ понимаетъ. Нѣтъ. Здѣсь передъ нимъ всегда простая и ясная мысль, въ родѣ слѣдующей:

«Творчество Беллини выражается всего ярче въ двухъ картинахъ въ Венеціи: одна—Мадонна въ ризницѣ церкви Фрари съ двумя святыми по сторонамъ и двумя ангелами у ногъ; другая—Мадонна съ четырьмя святыми надъ вторымъ алтаремъ церкви св. Захаріи.

«По поводу ихъ замѣтьте слѣдующее:

«Прежде всего матеріалы для написанія обѣихъ картинъ взяты были вполнѣ прочные и надежные. Золото на нихъ живописное, а не настоящее. А между тѣмъ живопись оказалась столь устойчивой, что прошло четыреста лѣтъ, не причинивъ имъ, на мой взглядъ, ни малѣйшаго изъяна.

«Во-вторыхъ, фигуры на обѣихъ картинахъ исполнены идеальнаго спокойствія. Тамъ нѣтъ мѣста никакому движенію, кромѣ движенія маленькихъ ангеловъ, играющихъ на музыкальныхъ инструментахъ,

*) О многихъ вещахъ.

но непрерывно и безъ усилій, какъ бы во снѣ. Хоръ поющихъ ангеловъ у Ля-Роббіа или Донателло прислушивался бы къ музыкѣ внимательно или отдавался ей съ минутнымъ, но пламеннымъ увлеченіемъ. Въ маленькихъ хорахъ херувимовъ у Люини на *Поклоненіи пастырей* въ соборѣ Комо мы даже чувствуемъ по ихъ робкой старательности, что они могли бы сдѣлать ошибку, если бы не были такъ внимательны. Но ангелы Беллини, даже самые юные, поютъ съ тѣмъ спокойствіемъ, съ какимъ прядутъ Парки.

«Замѣтьте, пожалуйста, что это спокойствіе есть принадлежность самаго высокаго искусства. Вводя элементъ напряженности и волнующаго безпокойства, художникъ признается въ своей слабости.

«Таковы два главныя свойства наилучшаго искусства. Безупречное исполненіе и совершенная ясность, если дѣйствіе то только непрерывное, а не мгновенное—или полное отсутствіе дѣйствія. Васъ должна интересовать сама жизнь живыхъ существъ, а не то, что съ ними случается.

«Далѣе, третье свойство наилучшаго искусства въ томъ, что оно побуждаетъ васъ размышлять о душѣ живыхъ существъ, слѣдовательно, о ихъ лицѣ болѣе, чѣмъ о тѣлѣ.

«И четвертое заключается въ томъ, что въ лицѣ оно должно показывать вамъ только красоту и радость и никогда не низость, порокъ или страданіе.

«Таковы четыре необходимыя условія величайшаго искусства. Чтобы вамъ ихъ хорошенько заучить, я повторяю ихъ:

«1) Безупречная техника и прочность.

«2) Полная ясность въ покоѣ и въ дѣйствіи.

«3) Главное вниманіе должно устремляться на лицо, а не на тѣло.

«4) Лицо должно быть освобождено отъ порока или страданія».

Вотъ ясно высказанныя положенія. Всякій читатель понимаетъ, о чемъ будетъ рѣчь, къ какимъ ощутимымъ пластическимъ результатамъ, къ какимъ измѣненіямъ въ его сужденіяхъ и дѣлахъ приведетъ въ будущемъ данная точка зрѣнія. Онъ предвидитъ, что это опредѣленіе совершеннѣйшаго искусства исключаетъ и Микель Анджелло съ напряженностью его академическихъ фигуръ, и Рафаэля съ его безстрастными нѣмыми лицами и говорящими тѣлами, и Рибера съ выраженіемъ страданія на лицахъ; а старинные мастера и нѣкоторые художники эпохи возрожденія будутъ считаться образцовыми. Если ему болѣе всего нравятся свободныя движенія членовъ, столкновенія человѣческихъ группъ, глубокія морщины, рѣзкія сокращенія личныхъ мускуловъ,—онъ не согласится съ авторомъ. Но не соглашаясь съ его положеніями, онъ отдастъ справедливость ясности его мыслей. Онъ не соглашается съ нимъ, слѣдовательно, онъ его понялъ.

Понявъ его, онъ охотно послѣдуетъ за нимъ и дальше, если учитель поможетъ ему проникнуть еще глубже въ вопросъ и освѣтитъ его собственныя эстетическія впечатлѣнія, которыя онъ долженъ будетъ

выяснить себѣ, чтобы отстоять свое мнѣніе. Въ одной изъ его книгъ мы находимъ, напримѣръ, утвержденіе, что худшій изъ видовъ архитектурной поддѣлки есть поддѣлка работы, т.-е. замѣна ручной формовки машинной. Такого рода обманъ, по его мнѣнію, безчестенъ. Почему? Обратитесь къ своимъ собственнымъ впечатлѣніямъ, онѣ вамъ отвѣтятъ:

«Впечатлѣніе красоты, производимое орнаментомъ, проистекаетъ изъ двухъ совершенно различныхъ источниковъ: одинъ—отвлеченная красота его формъ,—допустимъ на минуту, что онѣ остаются одинаковыми, сдѣланы ли онѣ рукой человѣческой или машиной,— и другой—мысль о трудѣ и вниманіи человѣка, затраченныхъ на него. Насколько велико послѣднее условіе, мы можемъ судить, обративъ вниманіе на то, что всякій пучекъ сорной травы, выросшій изъ щели развалинъ, почти во всѣхъ отношеніяхъ равняется, а въ нѣкоторыхъ безконечно превосходитъ по красотѣ скульптуру этихъ самыхъ развалинъ, и что нашъ интересъ къ произведенію скульптора, наше сужденіе о его красотѣ, хотя оно въ десять разъ менѣе красиво, чѣмъ былинки травы, выросшія рядомъ съ нимъ, о его тонкости, хотя оно въ тысячу разъ менѣе тонко, о его великолѣпіи, хотя оно въ милліонъ разъ менѣе великолѣпно,—зависитъ отъ того, что мы вспоминаемъ о творцѣ его—бѣдномъ, неумѣломъ, но трудолюбивомъ человѣческомъ существѣ. Его истинная красота заключается именно въ томъ, что мы открываемъ въ немъ слѣды мыслей и стремленій, попытокъ и разочарованій сердца, а также утѣшенія и радости успѣха: опытный глазъ можетъ замѣтить все это, но, допуская даже, что это остается скрытымъ, оно во всякомъ случаѣ подразумѣвается... Я предположилъ, что орнаментъ, сдѣланный рукой человѣческой, нельзя отличить отъ орнамента, сдѣланнаго машиной, также какъ бриллiантъ нельзя отличить отъ страза. Я допускаю, что на одинъ моментъ онъ можетъ обмануть глазъ каменщика, также какъ стразъ можетъ обмануть глазъ ювелира, и что узнать это можно только послѣ внимательнаго анализа. Тѣмъ не менѣе, точно также, какъ женщина, обладающая вкусомъ, не станетъ носить фальшивыхъ драгоцѣнностей, такъ и строитель, уважающій себя, пренебрегаетъ поддѣльнымъ орнаментомъ».

Вы поняли теперь, что происходитъ въ васъ при видѣ того или другого произведенія, но это еще не все. Нужно понять, что происходило въ душѣ того, кто его создалъ. Не слѣдуетъ предполагать въ немъ мыслей и чувствъ, какихъ у него никогда не было, что Рёскинъ считаетъ наивностью,—хотя въ теченіе пятидесяти лѣтъ это составляло обычный пріемъ цѣлой критической школы,—нужно опредѣлить только основное направленіе его дѣятельности, внимательно изучивъ его произведенія. Чтобы убѣдить васъ въ томъ, что современные архитекторы поступаютъ неправильно, замѣняя человѣка машиной, Рёскинъ приглашаетъ читателя заглянуть въ самого себя и отдать себѣ ясный отчетъ

въ своихъ впечатлѣніяхъ при видѣ того или иного произведенія,—такъ сказать, допросить свою эстетическую совѣсть. Чтобы почувствовать величіе художниковъ древности, ихъ миѳовъ, ихъ религіозныхъ представленій, надо рѣшить еще болѣе трудную задачу—возстановить эстетическую психологію древнихъ грековъ, напримѣръ. Рёскинъ сравниваетъ древняго грека съ ребенкомъ и задается вопросомъ, что видитъ, къ чему стремится, чего желаетъ, о чемъ мечтаетъ ребенокъ:

«Поскольку я могъ замѣтить, отличительная черта ребенка состоитъ въ томъ, что онъ всегда живетъ въ настоящемъ; воспоминанія приносятъ ему мало удовольствія, а ожиданія доставляютъ только мученье; размышленіе и предвидѣніе почти отсутствуютъ у него, но зато онъ со всей полнотой отдается настоящему,—съ такой полнотой, что одинъ день прекраснаго дѣтства тянется дольше, чѣмъ двадцать дней впослѣдствіи; всѣ силы своего сердца и воображенія онъ прилагаетъ къ маленькимъ событіямъ и предметамъ, окружающимъ его, и съ ними онъ можетъ совершать какія угодно превращенія. Запертый въ маленькомъ садикѣ, онъ не мечтаетъ очутиться въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ, но въ воображеніи онъ превращаетъ его въ большой садъ. Найдя чашечку желудя, онъ не отброситъ ея съ презрѣніемъ и не пожелаетъ имѣть вмѣсто нея золотую чашу. Объ этомъ мечталъ бы юноша. Ребенокъ бережетъ чашечку желудя, какъ сокровище, и въ умѣ превращаетъ ее въ золотую чашу; при видѣ его взрослому человѣку не придетъ въ голову спросить по поводу этихъ сокровищъ: «Чего бы тебѣ хотѣлось вмѣсто нихъ?» — у него явится желаніе спросить: «Что можешь ты въ нихъ видѣть?» Когда за нимъ наблюдаешь, то невольно поражаешься удивительнымъ несоотвѣтствіемъ между его словами и дѣйствительностью. Держа въ рукахъ чашечку желудя, маленькое существо пресерьезно говоритъ, что это «корона королевы или лодка волшебницы», и съ очаровательной дерзостью ожидаетъ, что вы ему повѣрите. Но не забудьте, что желудь долженъ быть тутъ, у него въ рукѣ: «Дайте мнѣ его и я превращу его во что-нибудь другое»,—такъ всегда говоритъ ребенокъ.

«Такъ же говоритъ и грекъ: «Дайте мнѣ его. Дайте мнѣ сюда, въ руки, какую-нибудь опредѣленную вещь и я превращу ее во что-нибудь другое, лучшее».

Примѣръ очень убѣдителенъ и ясенъ и въ то же время полонъ прелести; эти маленькія экскурсіи въ область психологіи облегчаютъ задачу писателя и помогаютъ читателю слушать безъ утомленія. Не отступая отъ своей темы, Рёскинъ даетъ намъ отдохнуть отъ эстетики и послушать дѣтскихъ игръ и свободныхъ разговоровъ. Итакъ, проникнуть въ тайный смыслъ произведенія искусства совсѣмъ не трудно и не утомительно, напротивъ, это пріятно—умъ приходитъ на помощь глазамъ и пониманіе—чувству. Устаешь смотрѣть и восхищаться внѣшними предметами, не зная ничего о ихъ строеніи, ихъ исторіи, ихъ на-

значеніи и ихъ символахъ. Когда вы стоите на берегу моря и нѣсколько часовъ подъ-рядъ смотрите, какъ по гавани взадъ и впередъ снуютъ рыбацкія лодки, яхты, корабли и барки, и безсознательно любуетесь ими, вы не испугаетесь, если эстетикъ подойдетъ къ вамъ и начнетъ объяснять причины вашего безсознательнаго восхищенія и невольной симпатіи:

«Носъ лодки представляетъ собой образецъ наивнаго совершенства и безсознательной законченности. Человѣкъ, сдѣлавшій его, не думалъ, что, придавая доскамъ безконечно разнообразные, таинственные изгибы, онъ создаетъ нѣчто прекрасное. Подъ его руками носъ лодки получаетъ сходство съ морской раковиной, точно морской приливъ и великія теченія океана оставили свой слѣдъ на его стройномъ изгибѣ. Когда лодка готова, онъ оставляетъ ее безъ малѣйшаго ощущенія гордости: это простая работа, но она помѣшаетъ водѣ затопить лодку; съ этихъ поръ всякая доска пріобрѣтаетъ характеръ судьбы, она несетъ человѣческія жизни, вплетенныя въ свою древесную ткань, человѣческую смерть, скрытую въ складкахъ своихъ парусовъ.

«Если подумать о величіи исполненнаго дѣла, то оно поразитъ насъ, какъ чудо. Ни одно произведеніе человѣческихъ рукъ не приносило такихъ важныхъ результатовъ. Паровыя машины и телеграфы служатъ дѣйствительно для передвиженія и сообщенія людей; они поднимаютъ тяжести и переносятъ вѣсти съ меньшимъ трудомъ, чѣмъ раньше. Но это сбереженіе труда не представляетъ новой силы: оно только увеличиваетъ наши прежнія силы. Лодка составляетъ даръ иного міра; безъ нея никакія тюремныя стѣны не давили бы на насъ съ такою тяжестью, какъ эта бѣлая, рокочущая кайма морскихъ волнъ! Какими несовершенными существами были бы мы, прикованные, какъ Андромеда, къ своимъ скаламъ. Мы скитались бы вдоль безконечныхъ береговъ, растрачивая безъ пользы для другихъ свои силы и съ тоской окидывая взоромъ непокоренныя волны! Гвозди, связывающіе доски корабля, служатъ узами братства всего міра. Ихъ желѣзо не низводитъ на землю небесную молнію, оно дѣлаетъ больше—оно прокладываетъ любви дорогу въ міръ»...

И когда вы бродите по горамъ, покрытымъ богатой и разнообразной растительностью, встрѣчая на каждомъ шагу, и на высокихъ вершинахъ, и въ расщелинахъ скалъ, и въ сырыхъ пещерахъ, и на берегахъ ручьевъ разнообразныя растенія, на которыхъ не красуются дощечки съ надписями, какъ на садоводныхъ выставкахъ, вамъ хочется не только видѣть, но и знать ихъ. Истинный художникъ можетъ съ удовольствіемъ гулять среди растеній и цвѣтовъ, зная о нихъ только то, что они прекрасны, или проходить по заламъ, наполненнымъ прекрасными незнакомками, но обыкновенный прохожій любитъ освѣдомляться объ именахъ. Среди этихъ неизвѣстныхъ вамъ растеній вы сожалѣете, что рядомъ съ вами нѣтъ ботаника, который далъ бы на-

званія цвѣтамъ и вложилъ мысль въ ихъ формы. Зрѣніе удовлетворено: оно долго наслаждалось, и цвѣтокъ выпадетъ изъ рукъ, если умъ не найдетъ въ немъ себѣ пищи. Но вотъ изъ-за выступа скалы появляется историкъ и начинаетъ говорить:

«Ни одно семейство цвѣтовъ не оказало такого большого и благотворнаго вліянія на человѣка, какъ группа дрозаидъ; вліяніе это зависитъ не отъ того, что нѣкоторые изъ его цвѣтовъ сверкаютъ бѣлизной, а другіе яркостью окраски, оно коренится въ свойствѣ ихъ лепестковъ, принимающихъ безупречно стройныя формы: то въ видѣ чаши, какъ шафранъ, то въ видѣ распустившихся колокольчиковъ, какъ лиліи, то въ видѣ колокольчиковъ, похожихъ на верескъ, какъ гіацинты, то въ видѣ великолѣпныхъ звѣздъ, какъ птицемлечникъ. Поставьте рядомъ съ ними ихъ водяныхъ сестеръ—кувшинокъ, и вы узнаете тогда происхожденіе самыхъ совершенныхъ формъ орнамента и самыхъ распространенныхъ цвѣточныхъ мивовъ, какіе до сихъ поръ слагалъ человѣкъ на берегахъ Ганга, Нила, Арно или Авона.

«Обратите вниманіе, какое значеніе для человѣка имѣла каждая изъ этихъ группъ. Благородныя лиліи дали лилію Благовѣщенья; златоцвѣтъ — цвѣтокъ Елисейскихъ полей; ирисъ — символъ рыцарства; амарилисъ—«полевую лилію» Христа; между тѣмъ какъ тростникъ, вѣчно попираемый ногами, сталъ эмблемой униженія. Царскій вѣнецъ и лиліи всѣхъ родовъ составляютъ первую группу, лилія мадонны представляетъ типъ ихъ совершенной чистоты; ихъ изящныя формы оказывали постоянное вліяніе на декоративный рисунокъ итальянскаго религіознаго искусства, между тѣмъ какъ французская и флорентійская лиліи обогащали собой военный орнаментъ; трудно опредѣлить размѣръ ихъ вліянія въ средніе вѣка, частью, какъ символъ характера женщины, частью какъ символъ блестящаго и утонченнаго рыцарства, достигшихъ своего высшаго развитія въ томъ городѣ, который былъ цвѣтомъ городовъ».

Прямо съ поля вы входите въ музей, что легко можетъ случиться въ одномъ изъ маленькихъ итальянскихъ мѣстечекъ—на цвѣтущемъ холмѣ Фьезоле или на безлюдномъ островѣ Торчелло; отъ согрѣтыхъ солнцемъ нивъ вы переходите прямо къ старымъ холоднымъ камнямъ, на которыхъ не хочетъ расти даже мохъ. Они также говорятъ сначала только взору. Вы любуетесь формами и линіями, игрою свѣта и тѣней на этихъ обломкахъ, порой смѣлымъ изгибомъ тѣла или благородными складками одежды, но наконецъ ваше вниманіе утомляется, если въ васъ не пробужденъ умственный интересъ. Эти обломки на черныхъ мраморныхъ пьедесталахъ въ холодныхъ залахъ британскихъ музеевъ или въ нишахъ нѣмецкихъ глиптотекъ такъ далеки отъ жизни! Они такъ чужды всему, что насъ интересуетъ въ жизни людей, ихъ страстямъ и страданіямъ, ихъ радостямъ... Нѣтъ, они не чужды! отвѣчаетъ намъ эстетикъ; онъ оставляетъ лиліи и кладетъ палецъ на

холодный мертвый камень, на обломокъ статуи, извлекая изъ него искры оживлявшей его нѣкогда мысли:

«Всякая благородная одежда и въ скульптурѣ, и въ живописи (мы не говоримъ ни о цвѣтѣ, ни о свойствѣ ткани),—поскольку она представляетъ нѣчто большее, чѣмъ простую необходимость, исполняетъ два великія назначенія. Она служитъ выраженіемъ движенія и тяжести. Она помогаетъ изобразить движеніе, которое совершаетъ или только что совершила фигура, и въ то же время только при ея помощи можно дать почувствовать силу тяжести, которую должно преодолѣть это движеніе. Греки злоупотребляли такими складками матеріи, которыя подчеркиваютъ легкость одежды и какъ бы слѣдуютъ за всякимъ движеніемъ тѣла. Христіанскіе скульпторы обращали мало вниманія на тѣло или презирали его и заботились исключительно о выраженіи лица; на одежду они смотрѣли сначала только какъ на покровъ, но скоро они замѣтили, что она можетъ также выражать одну идею, которой греки пренебрегали. Основнымъ элементомъ этого новаго назначенія одежды было полное подавленіе движенія въ томъ, что по самому существу своему способно къ движенію. Съ высоты человѣческаго тѣла одежда прямыми тяжелыми складками падала на землю, скрывая ноги, между тѣмъ какъ греческая одежда часто отлетала въ сторону, начиная съ бедра. Толстыя и тяжелыя матеріи монашескихъ одѣяній, прямо противоположныя легкимъ тканямъ древнихъ, вызывали представленіе о простотѣ линій и о тяжести паденія. Итакъ, мало-по-малу одежда стала выражать идею покоя,—какъ прежде она выражала идею движенія,—покоя строгаго и святого. Вѣтеръ былъ безсиленъ надъ этой одеждой, также какъ страсти надъ душой. Движеніе тѣла придавало только болѣе мягкости спокойнымъ линіямъ ниспадающей ткани; одежда слѣдовала за человѣкомъ, какъ медленный дождь за тихимъ облакомъ. Только сопровождая танцы ангеловъ, ткань ложилась болѣе легкими складками.

«Съ этой точки зрѣнія одежда пріобрѣтаетъ истинное благородство; она становится выраженіемъ иныхъ, болѣе возвышенныхъ идей. Выражая собой силу тяжести, она пріобрѣтаетъ особое значеніе, такъ какъ она является буквально единственнымъ способомъ изобразить эту естественную силу земли (падающая вода менѣе пассивна и менѣе опредѣленна въ очертаніяхъ). Въ парусахъ она также прекрасна, такъ какъ выражаетъ силу другой невидимой стихіи».

Эти слова расширяютъ сферу мысли, раздвигаютъ горизонтъ. Чтобы заставить насъ понять произведеніе искусства, задержать на минуту передъ скульптурнымъ обломкомъ, Рёскинъ обращается къ основнымъ законамъ физическаго міра, также какъ раньше онъ обращался къ нравственнымъ законамъ. Здѣсь въ складкѣ одежды, въ ея паденіи онъ видитъ проявленіе таинственнаго закона, управляющаго міромъ, тамъ—въ изгибѣ лепестка онъ узналъ цвѣтокъ, возвѣщающій при-

шествіе Бога. Всѣ научныя и нравственныя понятія, накопленныя вѣками, постепенно группируются вокругъ предмета, который онъ изучаетъ вмѣстѣ съ вами. Для него, болѣе чѣмъ для всякаго другого, «въ раковинѣ вмѣщается весь шумъ Океана», и всякая пылинка есть волшебный Сезамъ для дворца знанія. Его воспринимающій аппаратъ охватываетъ все сразу, какъ въ фотографической панорамѣ. Съ какой бы точки онъ ни смотрѣлъ, онъ видитъ всю совокупность явленій природы и чувствъ человѣка; надъ какой бы чашечкой цвѣтка онъ ни склонялся, въ ней отражается для него все, что происходитъ вверху надъ нашими головами. Здоровая, разумная поэзія возникаетъ изъ этихъ простыхъ сопоставленій. Онъ не создаетъ, не выдумываетъ, не открываетъ и не предполагаетъ,—онъ только связываетъ идеи и быстро переходитъ отъ одной точки зрѣнія къ другой, близость которой никто не подозрѣвалъ; смутныя влеченія онъ соединяетъ въ одно цѣлое. Онъ стоитъ въ центрѣ, гдѣ сходятся выводы науки, искусства, религіи и философіи, и внезапно, однимъ ударомъ, какъ замыкаютъ электрическій токъ, онъ приводитъ въ соприкосновеніе эти различныя идеи. Вспыхиваетъ искра... Вы спрашиваете себя: Что это за новая сила? Эти двѣ идеи лежали неподвижно, лишенныя полета, лишенныя поэзіи. Ничего новаго не произошло, онѣ только сблизились, эти идеи, переполненныя безконечностью, и жизнь возникла тамъ, гдѣ были лишь мертвыя понятія.

19 апрѣля 1861 года Карлейль писалъ: «Прошлую пятницу меня уговорили идти въ Альбермэльскій институтъ слушать лекцію Рёскина о *древесныхъ листьяхъ*, разсматриваемыхъ съ точки зрѣнія физіологической, художественной, нравственной и символической. Считается, что лекція потерпѣла фіаско, но развѣ вслѣдствіе слишкомъ большого обилія идей—случай довольно рѣдкій. Рёскинъ громилъ насъ мыслями по поводу листьевъ, мыслями разнообразными, интересными, геніальными; я не помню, чтобы въ этой знаменитой залѣ какая-нибудь красивая, хорошо построенная лекція понравилась мнѣ такъ, какъ этотъ безпорядочный хаосъ». Дѣйствительно, при такой методѣ нельзя избѣжать хаоса, и вниманіе наконецъ утомляется, воспринимая этотъ непрерывный потокъ идей. Въ своемъ стремленіи все обнять Рёскинъ напоминаетъ иногда того ребенка, котораго встрѣтилъ на морскомъ берегу блаженный Августинъ,—онъ выкопалъ ямку и думалъ, что держитъ въ ней все море. Утомляешься переходить отъ одного понятія къ другому. Подавленные этимъ напоромъ всевозможныхъ знаній и истинъ, напитанный ими умъ и отягощенная память отказываются отъ дальнѣйшаго напряженія. Вы пресытились идеями.

Тогда встаютъ образы...

Т. Богдановичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОБЪ ИЗМѢРЕНІИ ПСИХИЧЕСКИХЪ ЯВЛЕНІЙ.

Профес. Г. И. Челпанова.

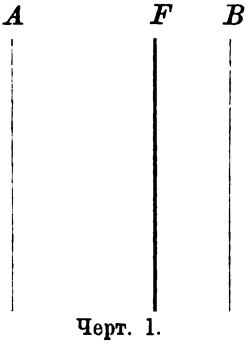
(*Окончаніе* *).

Статья II.

Въ прошлой статьѣ мы разсмотрѣли, какимъ образомъ измѣряется *интенсивность* ощущеній, теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію того, какимъ образомъ измѣряется *скорость* психическихъ процессовъ.

Существуетъ народное воззрѣніе, что «нѣтъ ничего быстрѣе мысли». Но этотъ взглядъ совсѣмъ не вѣренъ. Какъ мы увидимъ, существуютъ процессы, которые протекаютъ гораздо быстрѣе, чѣмъ даже самые простые акты мысли, что скорость мысли собственно даже значительно меньше, чѣмъ скорость многихъ общеизвѣстныхъ явленій.

Было время, когда и ученые думали, что психическіе процессы совершаются внѣ времени или въ безконечно малый промежутокъ времени, но изъ астрономическихъ наблюденій оказалось, что этотъ взглядъ совершенно неоснователенъ. Ознакомленіе съ исторіей этого вопроса, на мой взглядъ, не лишено интереса. Въ прежнее время въ астрономіи моментъ прохожденія звѣзды черезъ меридіанъ данной мѣстности опредѣлялся при помощи телескопа слѣдующимъ образомъ. Въ окулярѣ телескопа помѣщался рядъ вертикальныхъ нитей, изъ которыхъ среднюю, совпадающую съ меридіаномъ даннаго мѣста, назовемъ черезъ F (см. черт. I).



Черт. 1.

*) См. «Міръ Божій» № 1, январь.

Задача астронома заключается именно въ томъ, чтобы опредѣлить часъ, минуты и секунды, въ которыя звѣзда проходитъ черезъ нить *F*. Само собою разумѣется, что опредѣлить часъ и минуты не составляетъ никакой трудности, но за то довольно трудно опредѣлить секунды и дробныя части секунды, въ которыя звѣзда проходитъ черезъ нить *F*. Для рѣшенія этой послѣдней задачи астрономъ направляетъ телескопъ на движущуюся звѣзду, смотритъ на часы, опредѣляетъ минуты, затѣмъ отсчитываетъ секунды по ударамъ секуднаго маятника и въ то же время слѣдитъ за движеніемъ звѣзды. Если бы положеніе звѣзды въ *F* точно совпало съ ударомъ секуднаго маятника, то можно было бы прямо сказать, что звѣзда прошла черезъ данный меридіанъ во столько то часовъ, минутъ и секундъ, но въ большинствѣ случаевъ такого совпаденія не происходитъ, и звѣзда проходитъ черезъ линію *F* въ дробное число секундъ. Чтобы опредѣлить именно это дробное число секундъ, астрономъ долженъ, прослѣживая положеніе звѣзды во время перваго удара и второго, замѣчать, съ какими линіями совпадаютъ эти удары. Положимъ, они совпадаютъ съ линіями *A* и *B* и, положимъ, что разстояніе отъ *A* къ *F* два раза больше, чѣмъ разстояніе отъ *F* къ *B*. Отсюда онъ дѣлаетъ заключеніе, что звѣзда находилась на линіи *F* спустя $^2/_3$ секунды послѣ того, какъ она находилась на линіи *A* потому что разстояніе отъ *A* къ *B* она проходитъ въ $^3/_3$ или 1 секунду.

Въ Гринвичской обсерваторіи въ концѣ прошлаго столѣтія помощникъ астронома Maskelyne'а, наблюдая такимъ способомъ прохожденіе звѣздъ черезъ меридіанъ, получалъ время, отличное отъ времени, которое получалось въ наблюденіяхъ Maskelyne'а, и именно изъ наблюденій помощника Maskelyne'а получалось, что звѣзда проходила на $^1/_2$ секунды *позже*, чѣмъ по наблюденіямъ самого Maskelyne'а. Такого рода разница между его наблюденіями и наблюденіями помощника происходила, по мнѣнію Maskelyne'а, вслѣдствіе небрежности со стороны его помощника, за что, какъ говорятъ, онъ даже удалилъ этого послѣдняго со службы. Но Maskelyne ошибался, приписывая разницу во времени наблюденія небрежности помощника.

Какъ оказалось впослѣдствіи, наблюденія двухъ астрономовъ вообще никогда не могутъ находиться въ полномъ согласіи другъ съ другомъ. Это было бы возможно только въ томъ случаѣ, если бы между дѣйствительнымъ прохожденіемъ звѣзды черезъ точку *A* и воспріятіемъ этого прохожденія не было бы никакого промежутка времени. На самомъ же дѣлѣ оказалось, что такой промежутокъ времени существуетъ и что при томъ онъ различенъ для различныхъ наблюдателей. Другими словами, что воспріятіе момента прохожденія звѣзды различными астрономами совершается съ различной скоростью *). Это неизбѣжно привело

*) Вундтъ. «Душа человѣка и животныхъ». Гл. XVIII.

къ выводу, что мыслительные процессы имѣютъ опредѣленную продолжительность, и, разумѣется, съ этого момента тотъ взглядъ, что психическіе процессы совершаются внѣ времени, былъ оставленъ и усилія ученыхъ были направлены на то, чтобы опредѣлить быстроту психическихъ процессовъ, и это имъ блистательно удалось.

Но какъ измѣряется скорость психическихъ процессовъ? Когда произносятъ фразу «измѣрять скорость психическихъ процессовъ», то, пожалуй, кому-нибудь можетъ представиться такая картина: ученый, сидя съ часами въ рукахъ, наблюдаетъ чьи нибудь психическіе процессы и опредѣляетъ ихъ скорость приблизительно такъ, какъ опредѣляется скорость бѣга лошади на гипподромѣ или что-нибудь въ этомъ родѣ. Въ дѣйствительности измѣреніе скоростей психическихъ процессовъ совершается далеко не такъ непосредственно, какъ въ только что указанномъ примѣрѣ. Намъ, впрочемъ, посредственное измѣреніе скоростей извѣстно и изъ другихъ областей, напр., измѣреніе скорости распространенія звука, скорости паденія тѣлъ и т. п.

Чтобы объяснить, какимъ образомъ происходитъ измѣреніе скорости психическихъ процессовъ, я сначала объясню, что вообще разумѣется подъ словомъ *реакція* на языкѣ психофизіологовъ. Для того, чтобы можно было измѣрить скорость психическихъ процессовъ нужно, чтобы субъектъ, надъ которымъ производится изслѣдованіе, совершалъ реакцію, т. е. производилъ то или иное *движеніе*. Процессъ изслѣдованія располагается слѣдующимъ образомъ. Субъекту говорятъ, что вотъ сейчасъ начнетъ дѣйствовать то или другое возбужденіе, напр., звуковое, свѣтовое, т. е. раздастся какой-нибудь внезапный звукъ, покажется какой-нибудь внезапный свѣтъ и т. под. и онъ долженъ, какъ только воспримѣтъ это возбужденіе, тотчасъ произвести опредѣленное движеніе, какъ знакъ того, что онъ воспринялъ это возбужденіе. Такое движеніе называется реакціей. Время, протекающее между началомъ дѣйствія возбужденія и тѣмъ моментомъ, когда было прозведено движеніе, называется временемъ *реакціи* и именно простой реакціи.

Слѣдовательно, задача экспериментатора заключается именно въ томъ, чтобы опредѣлить время между началомъ дѣйствія *возбужденія* и моментомъ, когда было произведено *движеніе*. Для этого существуютъ различные приборы, но самый употребительный изъ нихъ называется *хроноскопомъ Гиппа*. Чтобы сдѣлать для читателя понятнымъ устройство этого прибора, я сначала опишу его въ самыхъ общихъ чертахъ. Прежде всего замѣчу, что устройство его напоминаетъ обыкновенные часы съ тою только разницею, что стрѣлки хроноскопа могутъ показывать тысячныя доли секунды. Кромѣ того хроноскопъ отличается отъ обыкновенныхъ часовъ еще и тѣмъ, что въ немъ есть приспособленіе, благодаря которому можно сдѣлать то, что часовой механизмъ приходитъ въ дѣйствіе, а стрѣлки могутъ въ то же время оставаться неподвиж-

ными. Самая существенная часть хроноскопа состоитъ именно въ томъ, что мы можемъ дѣлать стрѣлки независимыми отъ дѣйствія часового механизма. Какимъ образомъ это достигается читатель легко пойметъ, если вспомнитъ, напр., устройство электрическихъ звонковъ; онъ знаетъ, что если, напр., онъ нажимаетъ пуговку звонка, то вслѣдствіе того, что электрическій токъ замкнутъ, слышенъ звукъ. Если онъ не нажимаетъ пуговки, токъ не замкнутъ, и звука нѣтъ. Посредствомъ аналогичнаго приспособленія мы можемъ и въ хроноскопѣ то приводить въ движеніе стрѣлки, то останавливать, замыкая и размыкая электрическій токъ.

Именно въ хроноскопѣ есть приспособленіе такого рода, что если мы желаемъ, чтобы стрѣлки двигались (разумѣется, въ то время, когда часовой механизмъ приходитъ въ движеніе), то мы *замыкаемъ* токъ, если же мы желаемъ, чтобы стрѣлки остановились, то мы *размыкаемъ* токъ. Теперь замѣтимъ слѣдующее.

Положимъ, передъ началомъ опыта мы пускаемъ въ ходъ хроноскопъ, т. е. часовой механизмъ, тогда гиря спускается, но стрѣлки остаются неподвижными.

Но пусть начинаетъ дѣйствовать какой-нибудь звукъ и пусть *въ тотъ же самый моментъ* замкнется токъ, тогда, разумѣется, стрѣлки начнутъ *двигаться*. Пусть субъектъ, надъ которымъ мы производимъ опытъ, какъ только услышитъ звукъ, произведетъ такое движеніе руки, посредствомъ котораго онъ разомкнетъ токъ. Разумѣется, движеніе стрѣлокъ тотчасъ же *прекратится*. Слѣд., стрѣлки начали идти въ тотъ моментъ, когда стало дѣйствовать звуковое возбужденіе и перестали идти въ тотъ моментъ, когда субъектъ произвелъ движеніе. Тогда мы можемъ прочесть на циферблатѣ хроноскопа то *время, которое прошло между началомъ дѣйствія звукового возбужденія и движеніемъ, которое произвелъ субъектъ*. Это время называется временемъ *простой реакціи*.

Замыканіе и размыканіе тока въ аппаратѣ, который изображенъ на рис. 2, происходитъ при помощи двухъ такъ-называемыхъ телеграфныхъ ключей. На одинъ изъ нихъ накладываетъ палецъ субъектъ, надъ которымъ производится опытъ, а другой служитъ для того, чтобы производить звуковое возбужденіе (это можно сдѣлать при помощи удара, замыкающаго ключъ). Субъекту говорятъ, что какъ только раздастся звукъ, то онъ долженъ на него реагировать, т. е. въ данномъ случаѣ онъ долженъ отнять руку отъ ключа. При началѣ опыта субъектъ замыкаетъ свой ключъ. Экспериментаторъ пускаетъ въ ходъ часовой механизмъ хроноскопа. Но стрѣлки находятся въ неподвижномъ состояніи, потому что еще не замкнутъ ключъ экспериментатора. Но когда послѣдній производитъ звуковое возбужденіе при помощи удара, замыкающаго ключъ, то токъ замыкается и стрѣлки хроноскопа приходятъ въ движеніе. Субъектъ, воспринявъ звуковое возбужденіе, отнимаетъ

палецъ отъ ключа, токъ размыкается и стрѣлки въ тотъ же моментъ останавливаются. Послѣ этого экспериментаторъ смотритъ на циферблатъ и видитъ на немъ то время, которое прошло *между началомъ дѣйствія звукового возбужденія и дѣйствіемъ реакціи*. Такимъ образомъ опредѣляется время простой реакціи при воспріятіи звукового ощущенія.

Точно такимъ же образомъ нужно поступать, когда мы желаемъ опредѣлить время реакціи на какое-нибудь звуковое возбужденіе и т. п.

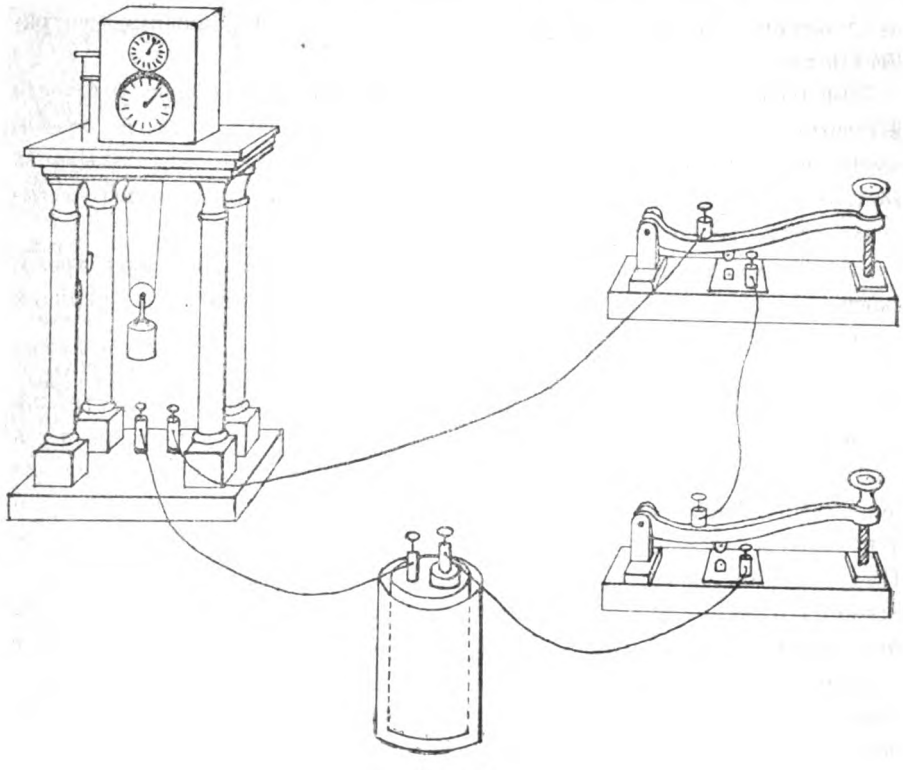


Рис. 2.

Гипповскій хроноскопъ съ приспособленіями для изслѣдованія времени простой реакціи (баттарея и два телеграфныхъ ключа, при помощи которыхъ можно замыкать и размыкать токъ). Въ хроноскопѣ, позади циферблатовъ, изъ которыхъ одинъ показываетъ тысячныя доли секунды, а другой десятыя, находится электромагнитъ съ якоремъ (не видны на рисункѣ), притягиваніе и отталкиваніе котораго при замыканіи и размыканіи тока, производитъ то, что стрѣлки одинъ разъ *включаются* въ часовой механизмъ, а въ другой выключаются.

Мы должны только сдѣлать такъ, чтобы стрѣлки хроноскопа приходили въ движеніе въ тотъ моментъ, когда начинаетъ дѣйствовать свѣтовое возбужденіе, т. е. чтобы появленіе свѣтового возбужденія точно совпадало съ замыканіемъ тока.

Но читатель не долженъ думать, что если намъ удалось измѣрить время *простой реакціи*, то этимъ самымъ мы уже опредѣлили и продолжительность психическихъ процессовъ, потому что вѣдь процессъ

простой реакціи, т. е. совершеніе движеній съ цѣлью показать, что въ насъ совершился извѣстный психическій процессъ, на самомъ дѣлѣ не есть процессъ *чисто психологическій*. Этотъ процессъ складывается какъ изъ элементовъ психологическихъ, такъ и изъ физіологическихъ. Когда мы реагируемъ на какое-либо возбужденіе, то въ насъ происходятъ слѣдующіе процессы:

1) Физіологическое возбужденіе отъ органа чувствъ проходитъ по чувствующему нерву до мозга.

2) Начинается возбужденіе мозговыхъ центровъ. Въ этотъ моментъ возбужденіе сознается, но еще не вполнѣ.

3) Когда затѣмъ возбужденіе доходитъ до лобныхъ долей мозга, то возбужденіе сознается вполнѣ.

Затѣмъ 4) начинается волевое возбужденіе, благодаря которому рождается импульсъ къ движенію.

Наконецъ 5) возбужденіе проводится къ мускуламъ и происходитъ сокращеніе этихъ послѣднихъ.

Отсюда легко видѣть, что процессъ простой реакціи есть собственно не чисто психологическій процессъ, а психофизіологическій, такъ какъ первый и пятый членъ его представляютъ собою чисто физіологическіе процессы, то тому, кто желаетъ измѣрить какой-нибудь чисто психическій процессъ, необходимо прежде всего опредѣлить именно время *простой* реакціи; такъ какъ это время содержится и въ сложныхъ реакціяхъ на чисто психическіе процессы. Если же мы изъ всего времени сложной реакціи вычтемъ время простой реакціи, то мы такимъ образомъ опредѣлимъ *время чисто психическаго процесса*.

Изъ наиболѣе интересныхъ результатовъ изслѣдованій этого рода отмѣтимъ слѣдующіе:

Время простой реакціи доходитъ среднимъ числомъ до $^1/_8$—$^1/_5$ секунды, если только возбужденіе будетъ умѣренной интенсивности. Времена реакцій на впечатлѣнія различныхъ органовъ чувствъ обнаруживаютъ нѣкоторую разницу. Вотъ, напр., времена реакціи, полученные у Вундта.

На звукъ.	0,167 сек.
» свѣтъ.	0,222 »
Электрическое возбужденіе кожи. . .	0,201 »
Осязательное возбужденіе.	0,213 »

Винтчгау и Гёнигшмидъ опредѣляли время реакціи на вкусовыя ощущенія и нашли, что при употребленіи солей онъ равняется 0,159 сек., при употребленіи сахара—0,163, при употребленіи кислотъ—0,167, при употребленіи хинина— 0,235. Времена простой реакціи, полученныя при обонятельныхъ возбужденіяхъ отъ масла:

Мятнаго	0,247 сек.
Бергамотнаго.	0,268 »
Сосноваго.	0,267 »

Оказалось также, что время реакціи находится въ зависимости отъ самыхъ различныхъ причинъ, такъ, напр., оно находится въ зависимости отъ индивидуальности и возраста. У стариковъ и у неинтеллигентныхъ время реакціи доходитъ почти до секунды. У дѣтей оно также очень значительно.

Части дня вліяютъ на время реакціи. Такъ время реакціи утромъ меньше, чѣмъ вечеромъ.

Время года вліяетъ на продолжительность реакціи: наименѣе продолжительно время реакціи зимою. Настроеніе тоже вліяетъ на реакцію, напр., удручающая эмоція удлиняетъ время реакціи; у меланхоликовъ иногда это время бываетъ въ три раза больше, чѣмъ у нормальныхъ *).

Теперь, послѣ того, какъ мы показали, какъ опредѣляется время простой реакціи намъ слѣдуетъ показать, какъ опредѣляется время чисто психическаго процесса, именно процесса *различенія*. Этотъ процессъ отличается отъ простой реакціи, именно, въ этомъ случаѣ наблюдатель долженъ воспринять не то опредѣленное возбужденіе, которое ему уже заранѣе извѣстно, какъ это было въ простой реакціи, но долженъ ожидать два или нѣсколько различныхъ впечатлѣнія. Ему говорятъ, напр., что можетъ появиться впечатлѣніе чернаго и бѣлаго цвѣтовъ, но онъ долженъ реагировать только на бѣлое. Очевидно, что онъ можетъ произвести движеніе только въ томъ случаѣ, если онъ совершилъ процессъ *различенія* надъ двумя впечатлѣніями. Очевидно также, что этотъ процессъ болѣе сложный, чѣмъ процессъ простой реакціи.

Для опытовъ съ простымъ различеніемъ, напр., между двумя свѣтовыми впечатлѣніями, поступаютъ слѣдующимъ образомъ. Пусть въ качествѣ возбужденія употребляются бѣлый и черный цвѣтъ (бѣлый кругъ на черномъ полѣ и черный кругъ на бѣломъ полѣ). Они въ неправильной смѣнѣ наносятся на стѣнку темнаго ящика, черезъ переднее отверстіе котораго смотритъ наблюдатель. Въ извѣстный моментъ гесслеровская трубка, находящаяся въ ящикѣ, освѣщаетъ предметъ, и одновременно съ этимъ приводятся въ движеніе стрѣлки хроноскопа. Въ тотъ самый моментъ, когда наблюдатель окончилъ «различеніе», онъ посредствомъ движенія руки, или посредствомъ реакціи прекращаетъ освѣщеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и движеніе стрѣлокъ хроноскопа и такимъ образомъ на хроноскопѣ получается указаніе, сколько времени нужно для *реакціи* въ процессѣ различенія. Если же мы изъ этого времени вычтемъ время простой реакціи, то получимъ время, нужное для самаго акта *различенія* **).

Оказалось, что время различенія между двумя впечатлѣніями равняется приблизительно 0,050—0,079 сек. Вотъ это уже есть время для чисто *психическаго* процесса.

---

*) Подробности объ этомъ см. *Вундтъ*. Grundz. d. physiol. Psych. B. II, гл. XVI.

**) О другихъ пріемахъ изслѣдованія того же процесса см. *Wundt*. «Phys. Psychologie». B. II. Гл. XVI.

Процессъ различенія можно усложнить. Именно, можно сдѣлать такъ, чтобы субъектъ производилъ различеніе не между двумя впечатлѣніями, а между нѣсколькими. Можно взять, напр., четыре цвѣта: черный, бѣлый, красный и зеленый. Субъектъ долженъ реагировать только въ томъ случаѣ, если появится одинъ изъ этихъ четырехъ цвѣтовъ. Конечно и въ этомъ случаѣ требуется опредѣлять время простой реакціи и затѣмъ время реакціи послѣ различенія; вычтя изъ этого послѣдняго времени—время простой реакціи, мы получимъ время акта различенія. Само собою разумѣется, что время сложнаго акта различенія должно быть больше. Именно оно колеблется между 0,73—0,157.

До сихъ поръ мы разсмотрѣли, какъ опредѣляется время чисто интеллектуальнаго процесса различенія, но можно еще изслѣдовать время *волевыхъ* явленій. Здѣсь опять могутъ быть какъ простыя, такъ и сложныя явленія.

Если, напр., я долженъ произвести одно опредѣленное движеніе на заранѣе извѣстное впечатлѣніе, то это будетъ простой волевой актъ. Такой простой волевой актъ составляетъ часть простой реакціи. Какъ процессъ воспріятія усложняется тѣмъ, что вводится вмѣсто одного заранѣе извѣстнаго впечатлѣнія два или нѣсколько, такъ и для акта воли вмѣсто одного извѣстнаго движенія предлагается нѣсколько, изъ которыхъ должно произвести *выборъ*. Назначаютъ, напр., выбрать въ движеніи реакціи правую или лѣвую руку, при чемъ опредѣляютъ, что на одно изъ двухъ данныхъ впечатлѣній можно отвѣчать правою рукой, а на другое—лѣвою. Субъекту, надъ которымъ производятъ опытъ, говорятъ, напр., что онъ получитъ одно изъ двухъ впечатлѣній: или бѣлаго цвѣта или чернаго; если онъ получитъ впечатлѣніе бѣлаго цвѣта, то онъ долженъ реагировать лѣвой рукой, если же получитъ впечатлѣніе чернаго цвѣта, то онъ долженъ реагировать правой. Очевидно, что эти реакціи отличаются отъ простыхъ реакцій тѣмъ, что въ нихъ входятъ: 1) *различеніе* впечатлѣній и 2) *выборъ* опредѣленнаго органа движенія. Если изъ времени, потребнаго для реакціи различенія и выбора (какъ только что было указано), вычесть время простой реакціи и различенія, то, очевидно, мы получимъ время необходимое для выбора между различными способами движенія. Это и будетъ, то, что называютъ *временемъ выбора*. Время выбора между двумя движеніями равняется приблизительно 0,080 сек.

Наиболѣе интересными являются опыты надъ *ассоціаціей представленій*. Извѣстно, что ни одно изъ представленій не появляется въ нашемъ сознаніи самостоятельно, а всегда въ связи съ какимъ нибудь другимъ представленіемъ. Эта связь называется ассоціативною. Само собою разумѣется, что для того, чтобы данное представленіе вызвало другое, требуется извѣстное количество времени. Вотъ это время и принято называть временемъ *воспроизведенія представленій*.

Чтобы опредѣлить это время, поступаютъ слѣд. образомъ. Экспери-

ментаторъ произноситъ односложное слово и въ то же время замыкая токъ пускаетъ въ ходъ стрѣлки хроноскопа; субъектъ долженъ подождать того момента, когда у него явится какое-нибудь представленіе по ассоціаціи и тогда реагировать; въ этотъ моментъ стрѣлки хроноскопа останавливаются и на циферблатѣ можно прочитать время реакціи. Реакція на воспроизведенное представленіе составляется изъ слѣдующихъ звеньевъ: 1) проведеніе нервнаго возбужденія къ центрамъ: 2) перцепція; 3) различеніе слова; 4) появленіе воспроизведеннаго по ассоціаціи представленія, 5) волевое возбужденіе; 6) проведеніе нервнаго возбужденія къ двигательнымъ мускуламъ. Если мы изъ всего времени, нужнаго для совершенія этого процесса, вычтемъ время простой реакціи и время различенія, то получимъ время, нужное для *репродукціи* или *ассоціаціи*.

Изъ этихъ изслѣдованій оказалось, что нѣкоторыя ассоціаціи требовали мало времени, другія—много. Это зависѣло отъ характера самихъ ассоціацій. Всѣ ассоціаціи могутъ быть раздѣлены приблизительно на 3 класса:

1) *Словесныя ассоціаціи*, въ которыхъ извѣстное слово вызываетъ другое только въ силу частаго соединенія съ нимъ, какъ, напр., слова домъ, домашній.

2) *Внѣшняя ассоціація* представленій, въ которой представленіе, соотвѣтствующее слову, вызываетъ другое представленіе, находящееся съ нимъ во внѣшней связи, напр., домъ и окно.

3) *Внутренняя ассоціація* представленій, въ которой представленіе, вызванное словомъ, вызываетъ другое представленіе, находящееся съ нимъ въ какомъ-либо отношеніи подчиненія, соподчиненія, зависимости и т. п., какъ напр. собака и плотоядное.

Для этихъ классовъ получились въ среднемъ слѣдующія времена, напримѣръ:

для словесной ассоціаціи	0,737
» внѣшней »	0,810
» внутренней »	0,730

Есть группа ассоціацій, въ которыхъ дѣло идетъ собственно о логическихъ актахъ сужденія. И здѣсь, разумѣется, характеръ представленій, съ которыми мы оперируемъ, имѣетъ вліяніе на величину временъ. Такъ скорѣе всего ассоціація совершаются въ сужденіяхъ о *конкретныхъ* предметахъ (напр. сужденіе: «мачта есть часть корабля»), нѣсколько медленнѣе въ понятіяхъ *дѣятельности* и *состоянія*, и медленнѣе всего—въ *абстрактныхъ понятіяхъ* (напр. сужденіе: «искусство есть эстетическая дѣятельность человѣка»).

Такъ напр., у одного изъ наблюдателей получились слѣдующія цифры:

Для конкретныхъ понятій	0,823
» понятія состояній	0,854
» абстрактныхъ понятій	1,317

Я не могу останавливаться долѣе надъ изслѣдованіями продолжительности еще другихъ умственныхъ процессовъ *); это могло бы насъ завести слишкомъ далеко, но я надѣюсь, что уже приведеннаго мною вполнѣ достаточно, чтобы видѣть, что мыслительные процессы дѣйствительно имѣютъ опредѣленную продолжительность и что эта продолжительность вовсе не такъ мала, какъ это принято думать.

Если мы сравнимъ скорость простѣйшихъ актовъ мысли со скоростью распространенія свѣта и электричества, то продолжительность простѣйшаго психическаго процесса уже довольно значительная. Посмотрите, о какихъ цифрахъ идетъ рѣчь, когда говорятъ, напр., о скорости распространенія свѣта, 288.000 верстъ въ секунду!

Было время, когда думали, что голова преступника, уже отдѣленная отъ туловища, можетъ не только ощущать страданіе отъ своего отдѣленія отъ тѣла, но иногда даже можетъ разсуждать о своемъ ужасномъ положеніи. Подобнаго рода соображенія въ настоящее время нужно считать совершенно неосновательными. Какъ бы ни были велики тѣ страданія, которыя предшествуютъ моменту казни, но обезглавленный преступникъ уже не чувствуетъ ихъ болѣе. Когда мечъ сдѣлаетъ свое дѣло, то мозгъ уже не ощущаетъ прикосновенія къ кожѣ, потому что давленіе крови, подъ которымъ долженъ находиться мозгъ для того, чтобы могло сохраняться сознаніе, прекращается скорѣе, чѣмъ сколько необходимо времени для воспріятія впечатлѣнія **).

Итакъ, мы видѣли, что психическіе процессы могутъ измѣряться. Можетъ измѣряться ихъ скорость и ихъ интенсивность, хотя конечно, по отношенію къ измѣренію интенсивности, какъ мы видѣли, понятіе измѣренія употребляется въ совершенно особенномъ смыслѣ. Измѣреніе производится не непосредственно, а посредственно, можно сказать, путемъ умозаключенія и именно при предположеніи, что ощущеніе представляетъ изъ себя нѣчто сложное изъ безконечно малыхъ элементовъ. Я, разумѣется, очень далекъ отъ мысли подвергать критикѣ этотъ взглядъ; я исхожу изъ того положенія, что *измѣреніе возможно* и хочу только отвергнуть неправильные выводы относительно природы психическихъ процессовъ, основанные на возможности ихъ измѣренія.

Мы видѣли, что по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, если психическіе процессы могутъ быть измѣряемы, то это значитъ, что они обладаютъ матеріальной природой, но этотъ выводъ, какъ я сейчасъ покажу, совершенно неправиленъ.

Разберемъ прежде всего то положеніе, что психическіе процессы обладаютъ матеріальной природой, потому что можетъ быть измѣрена ихъ скорость. Такой выводъ можетъ сдѣлать только тотъ, кто не замѣчаетъ

*) Объ измѣреніи скоростей см. Wundt, «Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ», Спб. 1894. гл. XVIII. Vorlesungen über die Menschen und Thierseele 3-е изд., 1896. Wundt. Grundzüge d. Psychologie. Изд. 4-е, 1892, гл. XVI.

**) *Wundt.* (Essays стр. 169. Die Messung psychischer Vorgänge).

двусмысленности выраженій: «измѣрять мѣрами протяженности *пространственной*» и «мѣрами протяженности временной». Между явленіями, совершающимися въ пространствѣ и между явленіями, совершающимися *только* во времени, существуетъ различіе, которое совершенно не дозволяетъ отождествлять ихъ другъ съ другомъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, разсмотримъ вопросъ о *природѣ времени*.

Что такое время и существуетъ ли оно реально? Тѣ, которые ставляютъ такой вопросъ, думаютъ, что на него можно отвѣтить только въ томъ смыслѣ, что время существуетъ такъ же, какъ существуютъ матеріальныя вещи, напр., камни, растенія, животныя, вода, воздухъ и т. п. Въ существованіи этихъ послѣднихъ вещей никто не рѣшился бы усомниться, а между тѣмъ, если спросить, существуетъ ли время въ томъ же смыслѣ, въ какомъ существуютъ только что поименованныя вещи, то едва ли можно дать утвердительный отвѣтъ. Получается такимъ образомъ нѣчто парадоксальное. Съ одной стороны несомнѣнно, что время существуетъ, потому что мы о немъ говоримъ, мы имъ пользуемся, мы его измѣряемъ, мы посредствомъ его измѣряемъ. Мы говоримъ, что оно можетъ быть больше, можетъ быть и меньше. Слѣд., несомнѣнно, что оно существуетъ. Съ другой стороны, кажется, что оно вовсе даже не существуетъ. Но если разсмотрѣть этотъ вопросъ ближе, то окажется, что время существуетъ, что оно реально, но что его существованіе отличается отъ существованія такъ называемыхъ объективныхъ вещей.

Если бы спросить человѣка, который никогда не занимался философскими вопросами, существуютъ ли, напр., цвѣта, звуки, твердость и т. п. под. объективно-реально, то онъ навѣрно даже не понялъ бы, что этотъ вопросъ имѣетъ какой-нибудь смыслъ. «Конечно, скажетъ онъ, для меня несомнѣнно, что цвѣта и звуки существуютъ реально. Вотъ я вижу голубое небо, зеленое дерево; и голубой и зеленый цвѣта для меня имѣютъ несомнѣнно реальное существованіе. Неужели кто-нибудь могъ бы сказать, что цвѣта не существуютъ реально? Или, напр., звукъ: онъ, конечно, имѣетъ также реальное существованіе; вотъ колоколъ: при ударѣ въ него получается звукъ, который распространяется во всѣ стороны и между прочимъ достигаетъ и моего уха. Я могу сказать, что сладость, напр., существуетъ въ сахарѣ» и т. д. На это ему слѣдуетъ, конечно, отвѣтить, что на самомъ дѣлѣ ни цвѣтъ, ни звукъ не имѣютъ *объективнаго* существованія, а имѣютъ только лишь *субъективное* существованіе, а объективно имъ соотвѣтствуетъ нѣчто другое.

Чтобы это утвержденіе сдѣлалось для читателя понятнымъ, я приведу ему общеизвѣстный примѣръ изъ физики.

Проведемъ въ темную комнату сквозь узкую щель лучъ солнечнаго свѣта; на пути этого луча поставимъ трехгранную призму. Какъ извѣстно, солнечный лучъ разложится и образуетъ то, что мы назы-

ваемъ спектромъ, состоящимъ изъ ряда цвѣтовъ (краснаго, оранжеваго, желтаго, зеленаго, синяго, фіолетоваго).

Физики говорятъ, что различіе въ цвѣтахъ спектра происходитъ отъ того, что лучи спектра состоятъ изъ волнъ эфира, длина которыхъ различна. Такъ напр., волны эфира, благодаря которымъ созидается фіолетовый цвѣтъ спектра, значительно *короче*, чѣмъ тѣ волны, благодаря которымъ созидается красный цвѣтъ. Волны перваго рода дѣлаютъ въ одно и то же время больше колебаній, чѣмъ волны второго рода: въ то время, какъ первыя дѣлаютъ приблизительно 667 билліоновъ колебаній въ секунду, вторыя дѣлаютъ 456 билліоновъ. Такимъ образомъ ясно, что всѣ лучи спектра отличаются другъ отъ друга только длиной колебаній волнъ эфира.

Спектръ на обоихъ своихъ концахъ не имѣетъ никакихъ опредѣленныхъ границъ, но постепенно переходитъ въ черный цвѣтъ. Не слѣдуетъ думать, что въ черной части спектра не дѣйствуютъ никакіе свѣтовые лучи. Правда, мы ихъ не можемъ видѣть, но доказать ихъ существованіе можно. Именно эти невидимые лучи оказываютъ химическое дѣйствіе на іодистое и хлористое серебро.

Гельмгольцъ показалъ, что при извѣстныхъ условіяхъ мы въ состояніи даже простымъ глазомъ воспринимать ту темную часть спектра, которая лежитъ за фіолетовымъ цвѣтомъ. Такимъ образомъ, физика имѣетъ всѣ основанія предполагать, что и невидимые лучи спектра, т. е. лежащіе по ту сторону краснаго и фіолетоваго состоятъ изъ колебаній свѣтового эфира. Но нашъ глазъ устроенъ такимъ образомъ, что на него могутъ дѣйствовать только лишь волны средней длины; слишкомъ короткія волны и слишкомъ длинныя на него дѣйствовать не могутъ.

Если читатель это ясно понялъ, то онъ согласится съ тѣмъ, что воспріятіе цвѣтовъ находится въ тѣсной зависимости отъ устройства нашего зрительнаго аппарата и что мы можемъ легко представить себѣ существо, зрительный органъ котораго былъ бы такъ устроенъ, что на него дѣйствовали бы очень короткія и очень длинныя волны и не дѣйствовали бы волны средней длины. Для такого существа міръ представился бы въ совсѣмъ другомъ видѣ, чѣмъ намъ.

Теперь легко понять, существуютъ ли, напр., цвѣта *объективно*. Конечно, нѣтъ. Объективно, во внѣшнемъ мірѣ существуютъ только эфирныя волны различной длины. Представьте себѣ, что вы стоите на берегу озера съ спокойной поверхностью и бросаете камни различной величины. Конечно образуются волны: однѣ большія, другія малыя. Онѣ будутъ сталкиваться другъ съ другомъ, сливаться и т. д. Вы видите волны и ничего больше. Вотъ если бы явилось существо, устроенное иначе, чѣмъ мы, то оно въ нашемъ мірѣ восприняло бы только эфирныя волны и ничего больше. Если же мы воспринимаемъ цвѣта, то это объясняется только лишь тѣмъ, что эфирныя волны производятъ то или

иное воздѣйствіе на наши органы. Уже изъ этого примѣра ясно, что то, что мы называемъ цвѣтомъ, не существуетъ объективно, реально.

Намъ кажется, что «цвѣтъ» находится гдѣ-то внѣ насъ и что именно онъ оказываетъ воздѣйствіе на наше сознаніе. На самомъ же дѣлѣ, если мы разсмотримъ, какимъ образомъ возникаетъ въ насъ ощущеніе цвѣта, то мы увидимъ, что ощущеніе цвѣта порождается въ насъ самыми различными способами и что возникаетъ въ насъ только потому, что нашъ зрительный органъ устроенъ такимъ образомъ, что опредѣленное возбужденіе его всегда вызываетъ ощущеніе цвѣта.

Если мы станемъ возбуждать нашъ зрительный органъ какимъ нибудь возбужденіемъ, то мы замѣтимъ, что каково бы то ни было это возбужденіе. всегда будетъ получаться ощущеніе *свѣта*.

Такъ напр., при мгновенномъ *ударѣ* о глазъ возникаетъ подобный молніи яркій свѣтовой образъ на всемъ зрительномъ полѣ. Если придавить глазное яблоко, то получится свѣтящійся образъ, такъ называемый фосфенъ. Если у человѣка перерѣзывается зрительный нервъ съ оперативной цѣлью, то въ моментъ перерѣзки возникаетъ сильный свѣтъ. При возбужденіи при помощи электрическаго тока, когда одинъ полюсъ ставится на верхнее вѣко, а другой на затылокъ, возникаетъ сильный молніеобразный свѣтъ, обнимающій все поле зрѣнія. Слѣд., какъ ни различны всѣ эти возбужденія, они вызываютъ одно и тоже ощущеніе—ощущеніе свѣта.

То же самое справедливо и относительно органа *слуха*. Ощущеніе звука порождается не только раздраженіемъ слухового нерва при помощи воздушныхъ волнъ, но оно получается также при механическихъ, электрическихъ и т. п. раздраженіяхъ слухового нерва.

Для вопроса о *субъективности* ощущеній весьма поучительными являются обратные примѣры, примѣры именно того, что *одно и то же* возбужденіе, дѣйствующее на различные органы чувствъ, вызываетъ различныя ощущенія. Напр., уксусъ, имѣющій на языкѣ вкусъ кислаго, на открытой части кожи или на нѣжной слизистой оболочкѣ производитъ осязательное ощущеніе болевого жженія. Тотъ же самый гальваническій токъ, проведенный черезъ языкъ, вызываетъ кислый вкусъ, черезъ глазъ—ощущеніе краснаго или голубого цвѣта, черезъ кожный нервъ ощущеніе щекотанія, черезъ слуховой нервъ—ощущеніе звука. Тѣ же самыя колебанія эфира, которыя глазъ воспринимаетъ какъ цвѣтъ, кожа воспринимаетъ какъ теплоту.

Изъ этихъ примѣровъ, я думаю, вполнѣ ясно, что качество ощущенія не есть свойство ощущаемаго объекта, но извѣстный видъ *ощущенія*. Каждый нервъ по своей природѣ, когда онъ возбуждается какимъ либо образомъ, обладаетъ способностью отвѣчать совершенно опредѣленнымъ ощущеніемъ; этимъ онъ отвѣчаетъ всегда приблизительно такъ, какъ струна опредѣленной толщины и эластичности отвѣ-

чаетъ всегда однимъ и тѣмъ же тономъ, все равно потянемъ ли мы ее пальцемъ, или проведемъ по ней смычкомъ.

Совокупность нашихъ чувствъ походитъ на клавиши фортепіано; на нихъ играетъ внѣшній міръ; тоны—это качественно отличныя ощущенія, съ этимъ играющимъ внѣшнимъ міромъ не имѣютъ ни малѣйшаго подобія и находятся въ зависимости и опредѣляются своеобразной природой и чувствительностью затронутаго органа чувства *).

Цвѣта, тоны, вкусовыя свойства не существуютъ реально, объективно; они имѣютъ только *субъективное* существованіе, существуютъ только благодаря особенному устройству нашихъ органовъ чувствъ; безъ такого ихъ устройства не было бы ни цвѣтовъ, ни звуковъ, ни иныхъ качествъ. Въ этомъ смыслѣ нужно считать вполнѣ справедливымъ выраженіе, что «солнце нуждается въ глазѣ, чтобы свѣтить». А изъ этого легко сдѣлать выводъ относительно объективной реальности.

Во внѣшнемъ мірѣ существуютъ совсѣмъ не цвѣта, а только лишь различныя колебанія эфира, а цвѣтъ собственно есть лишь своеобразное *ощущеніе*. Это есть нѣчто психическое, на самомъ дѣлѣ во внѣшнемъ мірѣ не существующее. Точно такимъ же образомъ и относительно звука мы должны сказать, что во внѣшнемъ мірѣ существуютъ только воздушныя волны, а звукъ, какъ таковой, существуетъ только лишь въ нашемъ сознаніи. Это разсужденіе можно продолжать и дальше и распространить его и на качества теплоты, твердости, вкуса, запаха и т. д. Обобщая затѣмъ, мы можемъ сказать, что все, нами воспринимаемое во внѣшнемъ мірѣ, есть не болѣе какъ только лишь наше *представленіе*, слѣд. нѣчто *психическое*.

Совершенно такимъ же образомъ я могъ бы утверждать и относительно *пространства* и *времени*. Я могъ бы сказать, что если бы я былъ устроенъ иначе, то пространство, а можетъ быть и время представилось бы мнѣ совсѣмъ въ иномъ видѣ, чѣмъ теперь. Нѣкоторые философы въ послѣднее время, чтобы сдѣлать убѣдительнымъ это воззрѣніе, допускали какъ возможное, что существа, устроенныя иначе, чѣмъ мы, могли бы воспринимать пространство въ четыре, пять и больше измѣреній и этимъ хотѣли сдѣлать наглядныимъ то, что пространство представляетъ собой нѣчто такъ же *субъективное*, какъ цвѣта, звуки и т. под. **).

Итакъ, очевидно, что все нами воспринимаемое обусловливается нашей организаціей и вообще причинами субъективнаго характера. Цвѣтовъ, звуковъ и проч. качествъ въ объективномъ мірѣ нѣтъ: они только лишь въ нашемъ сознаніи. Мы можемъ, слѣдовательно, сказать, что когда мы мыслимъ обо объективномъ, внѣшнемъ такъ называе-

*) См. *Helmholtz*. Physiol. Optik § 17. Его же Thatsachen in der Wahrnehmung (Vorträge u. Reden 1884 стр. 222—226). *Liebmann*. Analysis d. Wirklichkeit. 1880 (Ueber die Phenomenalität des Raumes стр. 36—68).

**) См. приведенную статью Либмана.

момъ физическомъ мірѣ, то мы собственно *оперируемъ съ состояніями нашего сознанія.* Въ этомъ смыслѣ, подобно тому, какъ наши психическія состоянія, т. е. наши чувства, желанія, волевыя рѣшенія представляютъ собой нѣчто субъективное, т. е. состоянія сознанія, такъ и качества: цвѣтъ, звукъ и т. под. представляютъ собой нѣчто *субъективное.*

Отсюда, я думаю, для читателя сдѣлается ясной та мысль, что міръ какъ духовный, такъ равнымъ образомъ и матеріальный составляютъ (для нашего познанія) *только лишь содержаніе нашего сознанія.*

Но если все нами познаваемое есть только содержаніе моего сознанія, то вѣдь тогда всякое различіе между міромъ психическимъ и міромъ физическимъ должно было бы уничтожиться. Если бы это было такъ, то какимъ образомъ я могъ бы отличить то, что есть *только* лишь мое представленіе, отъ того, что принадлежитъ міру физическому. Такъ можетъ, конечно, подумать читатель. Но такого сомнѣнія въ дѣйствительности не можетъ быть, потому что между тѣмъ содержаніемъ сознанія, которое мы называемъ міромъ психическимъ и между тѣмъ содержаніемъ сознанія, которое мы называемъ міромъ физическимъ, имѣется огромное различіе, существующее въ сознаніи каждаго. Какимъ образомъ устанавливается это различіе, трудно показать въ элементарной формѣ. Но я попытаюсь вкратцѣ это сдѣлать, чтобы хоть въ самыхъ общихъ чертахъ показать, какъ этотъ вопросъ понимаютъ нѣкоторые изъ современныхъ выдающихся писателей.

Постараемся себѣ представить душевную жизнь ребенка на самой элементарной стадіи развитія, представимъ себѣ, что онъ что-нибудь воспринимаетъ и спросимъ себя, можетъ ли онъ воспринимать, что нибудь какъ вещь, какъ что нибудь находящееся внѣ его, какъ нѣчто *объективное?* Конечно, нѣтъ. Для того, чтобы что-нибудь воспринимать какъ объективное или какъ субъективное, нужно, чтобы существовало какое нибудь представленіе о субъектѣ и объектѣ, а этого мы относительно первоначальнаго сознанія допустить никакъ не можемъ. Но какъ же все-таки назвать то, что воспринимается въ такую эпоху, когда нѣтъ сознанія ни субъекта, ни объекта? Мы назовемъ это просто *содержаніемъ*: оно ни объективно, ни субъективно *). Вотъ это недифференцированное содержаніе и есть то единственное, что составляетъ предметъ первоначальнаго сознанія. Но такъ, конечно, не можетъ дѣло всегда оставаться. Начинается дифференціація содержанія. Это происходитъ такимъ образомъ, что часть этого *содержанія* составляетъ отдѣльный *комплексъ* чисто *субъективнаго* характера, часть—комплексъ

*) См. *Wundt.* «System d. Philosophie». 2-е изд. 1897. Abschn. 2. *Avenarius.* «Der menschlizhe Weltbegriff». 1891. *Mach.* «Zur Analyse d. Empfindungen». 1886. *Külpe.* («Einbeitung in die Philosophie». 1894. стр. 223). Первоначальное содержаніе называетъ просто «переживаніемъ» Erlebniss.

чисто *объективный*. По всей вѣроятности это происходитъ оттого, что у развивающагося индивидуума составляется представленіе о его физическомъ «я». Возлѣ этого физическаго «я» группируется рядъ представленій, чувства, ощущенія, связанныя съ дѣятельностью организма, напр., чувство движенія, боли, усталости и т. под. На ряду съ этимъ выдѣленіемъ въ одну группу нашихъ представленій, концентрирующихся вокругъ нашего физическаго «я», составляется и представленіе о мірѣ объективномъ. Напр., мы замѣчаемъ, что нѣкоторыя представленія возникаютъ и продолжаютъ свое существованіе независимо отъ того, совершаетъ ли нашъ организмъ какое-нибудь движеніе или нѣтъ; отсюда получается впечатлѣніе о чемъ-то независимомъ отъ нашего «я». Такого рода представленія, въ свою очередь, выдѣляются въ особую группу, относимую нами къ объекту. Такимъ образомъ получается двѣ группы представленій: *объективныхъ* и *субъективныхъ*; такъ какъ это разграниченіе произошло изъ одного общаго содержанія, то само собою разумѣется, что каждое представленіе можетъ сдѣлаться и субъективнымъ и объективнымъ, смотря по тому, въ какую связь представленій мы его введемъ. Напр., какое нибудь цвѣтовое ощущеніе можетъ быть объективнымъ, если мы будемъ его мыслить въ группѣ объективныхъ представленій, какъ это дѣлаетъ физикъ, который мыслитъ его находящимся въ извѣстной части пространства, или мы можемъ мыслить его безъ этой связи, какъ это дѣлаетъ, напр., психологъ, когда онъ говоритъ о цвѣтѣ какъ о чемъ-то чисто психическомъ.

Такъ, приблизительно, мы можемъ психологически изобразить возникновеніе *субъективнаго* и *объективнаго* міра; но какъ тотъ, такъ и другой (съ точки зрѣнія нашего познанія) есть не что иное, какъ содержаніе сознанія. Конечно, читатель не долженъ думать, что философъ, разсуждающій такимъ образомъ, не признаетъ существованія объективнаго міра. Философъ этого не отрицаетъ, но онъ хочетъ сказать только, что *все*, нами воспринимаемое, есть непосредственно содержаніе нашего сознанія, наши представленія, при чемъ эти представленія другъ отъ друга отличаются тѣмъ, что одинъ разъ мы ихъ связываемъ съ пространствомъ, относимъ въ пространство, въ другой разъ эта связь съ пространствомъ отсутствуетъ. Въ одномъ случаѣ мы говоримъ о чисто психическихъ состояніяхъ, въ другой разъ мы говоримъ о вещахъ, внѣ насъ, въ *пространствѣ* существующихъ. Если, напр., философъ говоритъ, о какой нибудь *идеѣ* (воды напр.). то онъ представляетъ ее себѣ существующей внѣ связи съ пространствомъ, если же онъ говоритъ, напр., о водѣ, какъ о вещи, то онъ опять имѣетъ въ виду тѣ же представленія цвѣта, прозрачности, твердости и т. д., но только приводитъ ихъ въ связь съ пространствомъ. Такимъ образомъ, въ человѣческомъ сознаніи существуетъ различеніе между міромъ физическимъ и міромъ психическимъ. Мы можемъ сказать, что разница между

ними только лишь та, что одинъ разъ представленія приводятся въ связь съ пространствомъ, въ другой разъ не приводятся.

Мы, конечно, не можемъ сказать, что представленія возникаютъ въ насъ безъ воздѣйствія внѣшняго міра, а отсюда для насъ становится понятнымъ, какъ мы должны отвѣтить на вопросъ о природѣ времени *). *Оно реально, но существуетъ только лишь въ нашемъ сознаніи.* Мы могли бы сказать, что оно имѣетъ психическое существованіе, хотя, разумѣется, порождается явленіями внѣшняго міра: оно реально, хотя его реальность ничего общаго не имѣетъ съ реальностью міра физическаго, потому что оно не приводится въ связь съ пространствомъ. И такъ, я утверждаю, что время имѣетъ *субъективное существованіе* и это могу пояснить при помощи слѣдующихъ соображеній.

Мы можемъ сказать, что время есть величина, потому что оно уменьшается и увеличивается, напр., день, проведенный въ интересномъ путешествіи, кажется намъ очень продолжительнымъ, между тѣмъ какъ тотъ же день, проведенный въ однообразномъ дѣйствіи, кажется намъ значительно короче. Отчего же это одинъ и тотъ же день кажется намъ то бо́льшимъ, то меньшимъ? Психологи говорятъ, что это находится въ зависимости отъ количества представленій или *образовъ*, которые находятся въ нашемъ сознаніи. Когда мы находимся въ путешествіи, то мы сталкиваемся съ массой новыхъ, интересныхъ вещей, которыя въ насъ вызываютъ тѣ или другія представленія. Когда послѣ этого мы вспоминаемъ о днѣ, проведенномъ въ путешествіи, то всѣ эти многочисленныя представленія появляются въ нашемъ сознаніи. Оттого день кажется продолжительнымъ. День, проведенный среди обыкновенныхъ занятій, не вызываетъ большого количества представленій и оттого кажется короткимъ. Это обстоятельство дало поводъ психологамъ думать, что вообще время въ нашемъ сознаніи *измѣряется количествомъ образовъ*. Чѣмъ больше образовъ, тѣмъ болѣе продолжительнымъ кажется время; чѣмъ менѣе образовъ, тѣмъ менѣе кажется продолжительнымъ время. Это подтверждается также тѣмъ общеизвѣстнымъ явленіемъ, что мы не имѣемъ никакого точнаго представленія о времени, которое мы пережили во снѣ. Существуетъ разсказъ относительно одного господина, который однажды впалъ въ летаргическій сонъ, длившійся короткій промежутокъ времени. Послѣ пробужденія ему казалось, что онъ спалъ чрезвычайно долго, потому что въ этомъ снѣ ему привидилось, что онъ совершилъ продолжительное путешествіе, видѣлъ массу городовъ и т. п.

Этихъ примѣровъ, я надѣюсь, достаточно, чтобы сдѣлать яснымъ для читателя, что время въ нашемъ сознаніи обусловливается количествомъ образовъ или представленій. Но, само собою разумѣется, что эта сово-

*) Объ этомъ см. мою статью «О природѣ времени». «Вопросы философіи и психологіи». № 19.

купность представленій сама по себѣ еще не составляетъ того, что мы называемъ временемъ. Необходимо, чтобы мы отдѣльныя представленія привели въ связь другъ съ другомъ. Если бы у насъ было три представленія *A*, *B*, *C*, которыя существовали бы въ нашемъ сознаніи отдѣльно, безъ всякой связи, то у насъ еще не было бы никакой идеи времени. Если бы, напр., представленіе *A* исчезло изъ сознанія въ тотъ моментъ, когда появляется представленіе *B*, и представленіе *B* исчезало изъ сознанія въ тотъ моментъ, когда появляется представленіе *C*, то у насъ идеи времени не было бы. Необходимо, чтобы эти представленія были такъ связаны другъ съ другомъ, чтобы когда въ нашемъ сознаніи есть представленіе *B*, то въ немъ же находилось бы и представленіе *A* и *C*, при томъ въ одномъ и томъ же порядкѣ.

Но смѣна и опредѣленная связь представленій сами по себѣ опять-таки не были бы въ состояніи создать представленіе времени. Какъ мы уже видѣли раньше, представленія въ человѣческой душѣ не могутъ рождаться сами по себѣ. Они рождаются вслѣдствіе воздѣйствія внѣшнихъ событій или впечатлѣній. Для представленія времени нужно, чтобы внѣшнія событія измѣнялись однообразно и періодически, и эта именно смѣна и созидаетъ первое представленіе о времени, напр., смѣна дня и ночи является первымъ импульсомъ для созиданія идеи времени, правда грубой, элементарной. Въ такомъ видѣ эта идея находится только у мало культурныхъ народовъ и, можетъ быть, у высшихъ животныхъ. Для точнаго же представленія и опредѣленія времени необходимо какое-нибудь равномѣрное движеніе, различные моменты котораго и служатъ для оцѣнки времени. Періодическое движеніе небесныхъ свѣтилъ, движеніе воды въ водяныхъ часахъ, движеніе стрѣлки въ обыкновенныхъ часахъ и т. п. могутъ являться средствомъ для болѣе точной оцѣнки времени.

Но слѣдуетъ замѣтить, что хотя эти равномѣрныя *движенія* и служатъ для оцѣнки времени, тѣмъ не менѣе временемъ мы считаемъ совокупность тѣхъ *субъективныхъ* образовъ, которые могутъ заполнить собою промежутки между отдѣльными моментами равномѣрнаго движенія. Время все-таки остается субъективнымъ, находящимся въ зависимости отъ количества образовъ нашего сознанія.

Въ какой мѣрѣ оно субъективно, можно показать еще и тѣмъ соображеніемъ, что, по всей вѣроятности, для различныхъ организмовъ оцѣнка времени совершается вполнѣ отлично, что одинъ и тотъ же промежутокъ времени человѣку можетъ казаться совсѣмъ инымъ, чѣмъ, напр., собакѣ, птицѣ; инымъ, чѣмъ какому-нибудь насѣкомому. Новѣйшія экспериментально-психологическія изслѣдованія показываютъ, что оцѣнка времени находится въ зависимости отъ кровообращенія, отъ быстроты пульса, дыханія и т. под. Слѣдовательно, мы въ этомъ еще разъ видимъ подтвержденіе того, что представленіе времени есть нѣчто совершенно субъективное.

Если бы теперь предложили вопросъ, существуетъ ли время реально, то мы получили бы, конечно, утвердительный отвѣтъ. Изъ приведенныхъ соображеній ясно, что реальностью называется не только то, что можно «ощупать руками», не только то, что существуетъ на подобіе матеріальныхъ вещей; къ такого-то рода реальностямъ относится и время.

Теперь мы можемъ отвѣтить на вопросъ, поставленный нами въ началѣ статьи относительно того, могутъ ли психическія явленія измѣряться, и что изъ этого слѣдуетъ? На этотъ вопросъ мы должны отвѣтить: «Конечно, психическія явленія могутъ быть *измѣрены*, но здѣсь понятіе *измѣренія* употребляется совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, который далъ бы намъ право отождествлять явленія психическія съ явленіями физическими. Для измѣренія скоростей психическихъ процессовъ употребляется обычная единица времени, но, въ виду субъективнаго характера времени, измѣренія при помощи временной протяженности совсѣмъ не доказываетъ тождества явленій психическихъ съ явленіями физическими. Конечно, мы должны сказать, что психическія явленія совершаются во времени, *измѣряются* мѣрами времени, но такъ какъ время имѣетъ только лишь субъективное существованіе, оно существуетъ только лишь въ нашемъ сознаніи, можно было бы сказать въ нашей душѣ, то очевидно, что сказать, что что-либо измѣряется мѣрами времени еще вовсе не значитъ сказать, что явленіе имѣетъ пространственное существованіе, а только въ этомъ послѣднемъ случаѣ и могла бы быть рѣчь о тождествѣ явленій психическихъ съ матеріальными. Сказать, что психическія явленія измѣряются единицами времени значитъ другими словами сказать, что они совершаются въ сознаніи, что они имѣютъ только субъективную реальность, а изъ этого слѣдуетъ, что психическіе процессы не матеріальны».

Мы видѣли, что интенсивность ощущеній несомнѣнно можетъ быть измѣряема. Мы даже видѣли, что отношеніе между ощущеніями и возбужденіями можетъ выразиться посредствомъ точной математической формулы. Но читатель самъ легко можетъ отвѣтить на вопросъ, имѣетъ ли это измѣреніе что-нибудь общее съ измѣреніями физическихъ явленій? Имѣется ли здѣсь какая нибудь мѣра въ родѣ той, которая употребляется при измѣреніи физическихъ явленій?

Разсмотрѣніе способа измѣренія интенсивности психическихъ явленій показываетъ, что какъ разъ наоборотъ, психологи предполагаютъ совершенно особенную природу психическихъ процессовъ; они предполагаютъ, что эти послѣдніе измѣняются параллельно физическимъ процессамъ и при томъ совершенно своеобразнымъ способомъ и именно, что между измѣненіемъ однихъ и другихъ не существуетъ пропорціональности, что, слѣд., въ ходѣ психическихъ процессовъ замѣчается какъ бы нарушеніе закона равенства дѣйствія противодѣйствію, которое примѣняется ко всей остальной природѣ. И изъ этого не трудно

было сдѣлать выводъ относительно совершенно особенной природы психическихъ процессовъ, каковой выводъ и сдѣланъ былъ именно *Фехнеромъ*, впервые занимавшимся изслѣдованіемъ этого вопроса. Онъ предложилъ ученіе о душѣ, которое не имѣетъ ничего общаго съ матеріалистическимъ ученіемъ *).

Слѣдовательно, измѣреніе интенсивности психическихъ процессовъ не только не приводитъ къ выводу о ихъ матеріальности, а какъ разъ наоборотъ, къ выводу о ихъ нематеріальности. Скажу больше. Есть философъ, о которомъ слѣдуетъ сказать, что онъ является защитникомъ матеріализма въ единственно возможномъ въ настоящее время видѣ—это именно *Дюрингъ*. Онъ, говоря о возможности измѣренія ощущеній, находитъ нужнымъ замѣтить, что это измѣреніе собственно ничего общаго не имѣетъ съ измѣреніемъ физическихъ явленій. Вотъ его подлинныя слова:

«Приложеніе механическихъ принциповъ къ субъективному ощущенію кажется невозможностью потому, что въ ощущеніи нѣтъ ничего такого, что, подобно объективному предмету, могло бы быть понимаемо съ точки зрѣнія матеріи и движенія... Поэтому было бы совершенно неправильно переносить механику матеріи непосредственно на составныя части сознанія, разсматриваемыя сами по себѣ». (Dühring. Kritische Geschichte der Principien d. Mechanik § 190).

Такимъ образомъ мы можемъ ясно видѣть, что психическія явленія могутъ измѣряться, но что терминъ «измѣреніе» въ данномъ случаѣ примѣняется совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ примѣняется къ явленіямъ физическимъ, а это, другими словами, означаетъ, что изъ того обстоятельства, что психическія явленія могутъ измѣряться, нельзя дѣлать никакихъ выводовъ относительно родства психическихъ явленій съ физическими.

*) См. его Elemente d. Psychophysik, B. II.

СТУДЕНТКА.

Романъ Грэхэмъ Трэверса.

Переводъ съ англійскаго З. Журавской.

(*Продолженіе* *).

VIII.

Bons camarades.

— Вздоръ!

— Не вздоръ, дружище, а фактъ. Я зналъ это раньше, чѣмъ встрѣтился съ ней, а то и я бы не повѣрилъ. Это живое опроверженіе моихъ теорій, взглядовъ на женственность и тому подобное. Я думалъ объ этомъ до того, что усталъ, и все ничего не придумалъ; но, что бы вы тамъ ни говорили, клянусь душой, она славная дѣвушка!

— Я вполнѣ въ этомъ увѣренъ, увѣренъ также, что у нея ума и способностей хватитъ на все.

— О да, она умна! Но развѣ умная женщина непремѣнно должна... Впрочемъ, стопъ, я не хочу опять начинать съизнова. Довольно съ меня. Я прямо сдаюсь; это выше моего пониманія. Пожалуйста, не будемъ больше говорить объ этомъ.

— Вы знаете, я страшно стою за женщинъ-врачей. Когда моя сестра была больна,—помните?—нашъ станціонный докторъ сказалъ, что она на всю жизнь останется калѣкой, и штабный врачъ, проѣздомъ навѣстившій насъ, подтвердилъ это. Я рѣшился на послѣднее средство: съѣздилъ за сто миль за женщиной-врачемъ, и она въ три недѣли поставила Лену на ноги. Эта докторша отлично знала свое дѣло, но она была совсѣмъ не похожа на миссъ Маклинъ.

— Ну вотъ! То-то и дѣло! Я вѣдь знаю, что это необходимое зло. Развѣ я рѣшился бы показать свою Эвелину мужчинѣ-врачу, помимо тѣхъ случаевъ, когда у нея болитъ горло, или порѣзанъ палецъ. Я всегда стоялъ за самый принципъ, несмотря на жертвы, связанныя

*) См. «Міръ Божій», № 1, январь.

съ нимъ, но могъ ли я предвидѣть, что за это дѣло возьмется моя родственница? Видите ли, она была слишкомъ долго предоставлена самой себѣ, бѣдняжка! Некому было предостеречь ее. Теперь я горько упрекаю себя, что не слѣдилъ за ней, но можно ли было ожидать, что она изберетъ именно эту профессію? Когда я подумаю, что эта дѣвушка *обязана* знать, меня тошнитъ, прямо тошнитъ; но когда я говорю съ ней, клянусь душой, мнѣ кажется, что это нисколько ей не повредило!

Разговоръ былъ прерванъ появленіемъ Моны и Эвелины и скоро перешелъ на менѣе серьезныя темы. Утреннее солнышко весело свѣтило въ окна столовой; на столѣ уже ждалъ завтракъ—форель и кофе.

— Вотъ форель, это иное дѣло!—говорилъ сэръ Дугласъ.—Противъ форели я ничего не имѣлъ и не имѣю. Зато, еслибы не форель, отъ насъ до сихъ поръ остались бы кожа да кости. Эвелина, гдѣ же твоя мать?

Было уже восемь часовъ, и коляска ждала у дверей, когда появилась леди Мунро, ясная, улыбающаяся; Эвелина съ Моной побѣжали укладывать ея вещи.

— Вы знаете, я уже давнымъ давно встала,—объяснила она, привѣтливо кивнувъ головкой Сагибу,—но сѣла писать письма...

— Гмъ!—Сэръ Дугласъ пожалъ плечами и, круто повернувшись на каблукахъ, вышелъ изъ комнаты.

Когда, наконецъ, запоздавшій чемоданъ крѣпко привязали веревкой сзади коляски, и *портье* отворилъ дверь, къ леди Мунро подошла хозяйка гостиницы, молодая норвежка, и застѣнчиво выговорила ломанымъ англійскимъ языкомъ, протягивая ей большую фотографію:

— Хотите получить?

Леди Мунро наградила ее самой очаровательной своей улыбкой.

— Неужели это мнѣ? Какъ вы добры! Не умѣю вамъ сказать, какъ я буду дорожить этимъ воспоминаніемъ о чудныхъ дняхъ, проведенныхъ въ вашемъ отелѣ. Какъ хорошо! Да здѣсь всѣхъ можно узнать,—повторяла она, улыбаясь собравшимся слугамъ, которые смотрѣли на нее чуть не съ обожаніемъ.

Минуту спустя Нуббоо торжественно водворился на козлахъ и коляска тронулась. Дикинсонъ-сагибъ слѣдовалъ за ними въ пресловутомъ *карiолѣ*, т. е. попросту въ норвежской таратайкѣ.

Было чудное лѣтнее утро. Ни слѣда облаковъ или тумана не осталось на горахъ. Нэродаль мирно спалъ словно грѣясь на солнышкѣ.

— Я увѣрена, что мы не скоро забудемъ Штальгеймъ,—замѣтила леди Мунро.—Здѣсь испытываешь совсѣмъ новыя ощущенія.

Всѣ согласились съ ней. Отъ этой поѣздки ждали многаго, такъ какъ дорога изъ Фосса въ Эйде, одна изъ красивѣйшихъ въ Норвегіи, но впечатлѣніе было испорчено тѣмъ, что на днѣ одного ущелья порвалась упряжь, и ее пришлось долго чинить; затѣмъ пошелъ дождь и весь послѣдній часъ пути лилъ, не переставая.

Въ отеляхъ Эйде существуетъ милый и примитивный обычай — всѣмъ туристамъ, проживающимъ въ отелѣ, собираться, особенно въ дождливую погоду, на входной верандѣ и въ широкихъ сѣняхъ, для встрѣчи новоприбывшихъ.

— Если бы мы были выставлены за плату и спеціально для ихъ удовольствія, они не могли бы болѣе безцеремонно разглядывать насъ, не правда-ли?—смѣялся Сагибъ, высаживая дамъ изъ коляски.—Они ничуть не скрываютъ своего любопытства.

— Какая честь служить для нихъ предметомъ развлеченія!—ворчалъ сэръ Дугласъ.

— Не хотите ли пройтись по саду? — предложилъ Сагибъ Монѣ, когда всѣ они устроились въ своихъ номерахъ.—До ужина осталось еще пять минутъ. А тамъ съ одного мѣстечка открывается чудный видъ на фіордъ.

— Увы! Какъ это непохоже на милый первобытный Штальгеймъ!— сказала Мона, когда они вышли на крутой берегъ.—Мнѣ такъ и кажется, что мы въ Интерлакенѣ.

— Правда? Но взгляните на фіордъ.

Передъ ними раскинулся заливъ, позолоченный лучами заката; у ногъ ихъ мелкія волны тихо плескались о мраморныя ступени.

У Моны загорѣлись глаза, но выразить словами свой восторгъ она не сочла нужнымъ.

— И все же,—выговорила она минуту спустя,—эти жестокія волны вернутъ насъ обратно въ лоно цивилизаціи.

При этомъ словѣ она едва удержалась отъ смѣха. Цивилизація— ужъ подлинно! Цивилизація въ какой-то лавченкѣ въ Борроунессѣ!

Онъ быстро покосился на нее. Что это значитъ? Она уже жалѣетъ, что избрала этотъ родъ жизни?

— Въ вашей сокровищницѣ знаній заключается и геологія?—спросилъ онъ, блуждая взглядомъ по далекимъ вершинамъ.

— Нѣтъ, не заключается; да и знаній у меня настоящихъ нѣтъ, а есть только обрывки знаній,—отвѣтила Мона, думая про себя:—Ахъ, сэръ Дугласъ, сэръ Дугласъ, какой же вы невѣрный рыцарь!

Дикинсонъ продолжалъ зондировать почву.

— Здѣсь въ гостиницѣ выставлена коллекція старинныхъ серебряныхъ колецъ и другихъ норвежскихъ древностей; между ними есть прелюбопытныя. Интересно, что̀ вы о нихъ скажете; вы, кажется, въ этихъ вещахъ компетентный судья.

— Вовсе нѣтъ; но мнѣ интересно взглянуть на нихъ и сравнить то, что мнѣ нравится съ тѣмъ, что должно бы мнѣ нравиться. Пожалуйста,—прибавила она, какъ ребенокъ, глядя на него умоляющими глазами,—не давайте вы себя убѣдить, что я ученая женщина. Я всѣмъ сердцемъ желала бы, чтобъ это было, но этого нѣтъ, а я терпѣть не могу чувствовать себя лицемѣркой.

— Не думаю, чтобъ кто-нибудь могъ упрекнуть васъ въ *этомъ*— сказалъ онъ, улыбаясь.

— Должно быть, я сама виновата, что меня принимаютъ за ученую, продолжала она, поддаваясь желанію высказаться и не слыша его отвѣта.—У меня должно быть такая ужъ манера говорить: догматическая, самоувѣренная. Но что же мнѣ дѣлать? Когда я чѣмъ-нибудь заинтересуюсь, я право не могу думать о тонѣ.

— Если мнѣ дозволено будетъ дать вамъ совѣтъ, я, конечно, скажу: и не старайтесь!

На слѣдующій день отплыли въ Одде. Вѣтра не было ни малѣйшаго. Въ зеркальной глади фіорда явственно отражались лѣса и деревушки, ютившіяся по склонамъ горъ. Въ такіе дни пріятнѣе мечтать, чѣмъ говорить, и наши путники обмѣнивались замѣчаніями только въ тѣхъ случаяхъ, когда передъ ними внезапно открывалась покрытая льдомъ бухта, или проливчикъ—явный слѣдъ близости ледника.

Около часу дня они прибыли въ Одде, красивѣйшій уголокъ Норвегіи, лежащій на самомъ берегу фіорда, въ объятіяхъ высокихъ лѣсистыхъ холмовъ, съ его красивыми яхтами и пароходами, стоящими на якорѣ въ заливѣ, съ его могучимъ величественнымъ ледникомъ, который, возвышаясь среди огромной ледяной пустыни, холодно глядитъ внизъ съ своей неприступной высоты!

— Вотъ мы и опять какъ-будто въ Англіи,—сказала леди Мунро, когда они сѣли завтракать.

— Дѣйствительно,—отозвался сэръ Дугласъ.—Цивилизованные порядки: полдюжины знакомыхъ въ отелѣ, двѣ — цѣлыхъ *двѣ*— лавки, и *обѣды!* Эвелина, ты бы взяла таратайку и лакея и съѣздила на бульваръ что-нибудь купить на память.

— Я только что хотѣла попросить у васъ денегъ, папа̀,—спокойно сказала Эвелина;—мнѣ нужно купить множество разныхъ разностей.

Кончилось тѣмъ, что всѣ отправились дѣлать покупки, *en famille*, и пошло швырянье деньгами направо и налѣво. Сэръ Дугласъ накупилъ кучу подарковъ «дѣвочкамъ», какъ онъ называлъ Мону съ Эвелиной; леди Мунро готова была, кажется, закупить всю лавку.

— Эти старинныя серебряныя издѣлія такъ красивы!—оправдывалась она съ дѣтской наивностью.

— Въ крайнемъ случаѣ, онѣ пригодятся для базаровъ,— подсказала Эвелина.

Продавщица дѣлалась все любезнѣе и любезнѣе; она пріобрѣла уже большой навыкъ въ обращеніи съ туристами, которые, памятуя свои опыты въ Италіи и Швейцаріи, по большей части торговались съ ней изъ-за каждой копѣйки, и потому была вначалѣ немного рѣзка, но, какъ опытный человѣкъ, скоро поняла, съ кѣмъ имѣетъ дѣло.

Мона наблюдала за ней съ любопытствомъ и сочувствіемъ. — Надо

подмѣчать, какъ она себя держитъ,—думала она, улыбаясь,—я врядъ-ли найду лучшаго учителя.

— Покажите-ка! Вы говорите, одинадцать съ половиною кронъ?—спрашивалъ пестро одѣтый господинъ, вынимая изъ кармана горсть золота и серебра.—Я дамъ вамъ десять шиллинговъ!

Отвѣта не было.

— Хотите десять шиллинговъ?

— Нѣтъ, сэръ (самымъ спокойнымъ тономъ).

Покупатель нахмурилъ брови.

— Одинадцать шиллинговъ? Угодно?

— Нѣтъ, сэръ.

— Сколько же вы спустите?

— Ни одного пенни, сэръ.—Это было сказано тихо, но очень рѣшительно.

Покупатель демонстративно вышелъ, хлопнувъ дверью.

Ни одна жилка не дрогнула въ лицѣ молодой женщины. Она спокойно поставила назадъ на полку хорошенькія игрушки, разбросанныя на прилавкѣ.

— Браво!—сказала себѣ Мона.

— Даю пенни за ваши мысли, милочка!—услыхала она за спиной спокойный голосъ Эвелины.—М-ръ Дикинсонъ уже два раза спрашивалъ васъ, какъ вамъ нравится эта цѣпочка. Онъ хочетъ купить ее въ подарокъ своей сестрѣ.

Мона засмѣялась и покраснѣла.

— Мои мысли стоятъ дороже пенни,—возразила она,—по крайней мѣрѣ, для меня.

Она думала о томъ, будетъ ли входить въ ея обязанности говорить своимъ покупателямъ: «сэръ» и «мадамъ»?

Мунро встрѣтили множество друзей и знакомыхъ; слѣдующіе дни были посвящены разнымъ экскурсіямъ и прошли очень весело. Каждый вечеръ всѣ возвращались домой загорѣлые и утомленные, но усталость не мѣшала веселой болтовнѣ за ужиномъ. Замѣчанія не отличались глубиной, темы серьезностью; собесѣдники предпочитали перепархивать съ одного предмета на другой, но вѣдь міръ и не ждалъ отъ нихъ откровеній. Зато они чувствовали себя прекрасно и были счастливы.

Недѣля пролетѣла незамѣтно; наступило воскресенье; до отъѣзда оставался всего одинъ день; въ понедѣльникъ семейство Мунро должно было уже отплыть въ Бергенъ. Мона сидѣла одна на верандѣ, наблюдая обывателей, отправлявшихся въ церковь. Фіордъ сверкалъ въ лучахъ солнца; отъ прибрежныхъ деревушекъ и хуторовъ то и дѣло отплывали лодки, полныя нарядныхъ пассажировъ; это крестьяне и крестьянки ѣхали къ обѣднѣ въ Одде. Праздничные наряды женщинъ, ярко-красные лифы, пышные бѣлые рукава и широкіе головные уборы,

расходящіеся лучами, выдѣлялись красивыми свѣтлыми пятнами на фонѣ лѣтняго сѣвернаго ландшафта.

Мона слѣдила за ними, не отрываясь. Но вдругъ, въ самый разгоръ удовольствія, изъ груди ея вырвался глубокій, протяжный, унылый вздохъ.

IX.

Дорисъ.

Пароходъ быстро приближался къ Ньюкэстлю.

Въ началѣ пути погода стояла очень свѣжая, но теперь море было гладко, какъ мельничный прудъ, и вся компанія сидѣла на палубѣ, подъ парусиновымъ тентомъ.

— Ужъ и не знаю, какъ мы разстанемся съ тобой, Мона, милая,— начала леди Мунро.

— Ради Бога, не надо!—взмолилась Мона.—Не заставляйте меня искать словъ, чтобы благодарить васъ: я положительно не нахожу ихъ.

Губы ея дрожали; сэръ Дугласъ издалъ сочувственное ворчаніе.

— Ты непремѣнно должна провести у насъ Рождество на Ривьерѣ,— продолжала лэди Мунро.—Отказа мы не примемъ.

— *Пожалуйста!*—поддержала Эвелина, обнявъ кузину за талію.

— Вообще, мы сдѣлали огромную ошибку,—сказалъ сэръ Дугласъ, взглянувъ на жену;—намъ слѣдовало взять къ себѣ Мону десять лѣтъ тому назадъ, когда умерла ея мать.

— Не думаю, чтобы Мона была согласна съ тобой,—сказала леди Мунро, улыбнувшись племянницѣ.

— Нѣтъ, я иного мнѣнія,—сказала Мона, и краска, выступившая у нея на щекахъ, показывала, что эта откровенность стоила ей нѣкотораго усилія.—Человѣку не мѣшаетъ въ молодости побывать подъ ярмомъ. Еслибъ я не испытывала лишеній иногда и одиночества очень часто, я не могла бы оцѣнить, какъ слѣдуетъ, всю прелесть этихъ двухъ недѣль, проведенныхъ въ вашемъ обществѣ. Меня никогда въ жизни такъ не баловали и не ласкали.

— Вы-то ужъ слишкомъ долго были подъ ярмомъ,—возразилъ ея дядя.—Господи прости, вѣдь вы и теперь еще дѣвочка, вѣдь молодость-то въ жизни бываетъ только одна. А вы собираетесь опять цѣлый годъ коптѣть надъ книгами.

— Вы же знаете, что я сначала поѣду къ кузинѣ.

— Да, на нѣсколько недѣль. Кстати, нельзя ли этотъ визитъ по боку? Я увѣренъ, что намъ вы гораздо нужнѣе, чѣмъ ей.

— О нѣтъ! Отъ этого я не могу освободиться, если бы даже и хотѣла.

— Будь вы обыкновенная, дюжинная дѣвушка, я ничего бы не говорилъ, — продолжалъ сэръ Дугласъ; — но съ вашими дарованіями... Знаете ли, что вы имѣли бы страшный успѣхъ въ свѣтѣ?

— Полноте!—вскричала Мона.—Съ вами мнѣ такъ хорошо и легко, что я совершенно забываю о себѣ и болтаю все, что на умъ взбредетъ. Но когда мои друзья хотятъ похвастаться мной и заставляютъ меня говорить, я, при всемъ желаніи, не въ состояніи произнести ни слова.

— Это не удивительно при вашей затворнической жизни. Но стоитъ вамъ захотѣть...

Мона открыла ротъ, чтобы возражать, но раздумала. Къ чему говорить этому человѣку, что успѣха въ свѣтѣ не стоитъ добиваться, что издали онъ, безспорно, заманчивъ, но, добившись его, человѣкъ перестаетъ его цѣнить; что это слишкомъ жалкая награда за цѣлые годы усилій?..

— Сейчасъ же по пріѣздѣ телеграфируй намъ, благополучно ли ты доѣхала; слышишь, Мона, непремѣнно телеграфируй,—говорила леди Мунро.—Ты, вѣроятно, будешь слишкомъ занята, чтобы часто писать намъ зимой, да и мы всѣ плохіе корреспонденты; но слѣдующее лѣто проведемъ вмѣстѣ,—это ужъ рѣшено,—а, если можно, то и раньше пріѣзжай.

— Дальше Эдинбурга вамъ сегодня не уѣхать,—сказалъ сэръ Дугласъ, останавливаясь передъ ними и глядя на часы.

— Боюсь, что нѣтъ, хотя мнѣ очень бы хотѣлось не останавливаться въ Эдинбургѣ.

— Не знаю, почему бы намъ всѣмъ вмѣстѣ не двинуться на сѣверъ?—продолжалъ сэръ Дугласъ, обращаясь къ женѣ.—Вѣдь еще можно успѣть. Вещи твои потомъ привезетъ горничная.

— Голубчикъ, какъ можно такъ говорить! Намъ съ Эвелиной нужно пріобрѣсти массу вещей, прежде чѣмъ отправиться дѣлать визиты.

Сэръ Дугласъ пожалъ плечами и возвелъ глаза къ небу въ знакъ покорности.

— Но нельзя же Монѣ ночевать одной въ гостиницѣ!

— Милый, добрый дядя! Не забывайте, что вы не всегда были со мной, чтобы заботиться обо мнѣ. Притомъ же въ данномъ случаѣ не о чемъ и тревожиться. Если мнѣ придется ночевать въ Эдинбургѣ, я остановлюсь у подруги.

— У какой подруги? Кто она такая?

— Званіемъ нѣсколько ниже герцогини, но даже такой строгій критикъ, какъ вы, не нашелъ бы, къ чему въ ней придраться. Ее зовутъ Дорисъ Колькхунъ.

Сэръ Дугласъ улыбнулся и кивнулъ головой. Въ общемъ, онъ былъ доволенъ, что можетъ провести нѣсколько дней въ своемъ клубѣ, хотя знакомые его почти всѣ разъѣхались.

— По крайней мѣрѣ, я провожу васъ и усажу въ вагонъ,—заключилъ онъ.

Сагибъ разсчитывалъ, что эта обязанность падетъ на него, и въ

томъ, какъ онъ взялъ протянутую ему руку Моны, проглядывалъ чуть замѣтный оттѣнокъ оскорбленнаго достоинства.

— Я буду часто-часто вспоминать о нашихъ прогулкахъ,—сказала Мона, глядя на него съ своей открытой ясной улыбкой, которая такъ красила ея лицо. Дикинсонъ не нашелъ подходящаго отвѣта и молча склонился надъ ея рукой.

— Помните, дитя мое,—говорилъ сэръ Дугласъ, подавая Монѣ въ окно вагона цѣлую кипу газетъ,—если вамъ что-нибудь понадобится, напишите мнѣ или, еще лучше, пріѣзжайте. Можете даже не телеграфировать,—развѣ пожелаете, чтобъ я встрѣтилъ васъ на станціи. Прямо садитесь въ первый попавшійся поѣздъ и пріѣзжайте къ намъ на квартиру, какъ къ себѣ домой. Мы вѣчно рыщемъ по всему свѣту, но, гдѣ бы мы ни были, нашъ домъ всегда будетъ вашимъ.

Мона не отвѣтила. Глаза ея были полны слезъ.

Поѣздъ тронулся; сэръ Дугласъ слѣдилъ за нимъ, пока онъ не скрылся изъ виду. Тогда онъ выругалъ мальчишку-газетчика, который настойчиво предлагалъ ему свой товаръ, и въ отвратительнѣйшемъ настроеніи духа вернулся домой, негодуя на міръ вообще и на свою жену и дочь въ частности.

Мона сидѣла одна въ купэ, но ни на минуту не позволила себѣ уйти мыслью въ жизнь, оставленную ею позади, находя это роскошью. Она отерла слезы и геройскимъ усиліемъ воли заставила себя сосредоточиться на газетахъ. Напрасный трудъ! Передъ нею танцовали залитыя солнцемъ волны фіорда, съ уступа на уступъ прыгали водопады, въ торжественномъ безмолвіи тянулись къ небу выси горъ—синія колонны, поддерживавшія ледяное море;—всѣ эти образы прочно запечатлѣлись въ ея глазахъ и стояли передъ ней, какъ живые.

Ихъ смѣнили человѣческія лица,—образы людей, о которыхъ она *не должна* была позволять себѣ думать.

Съ самаго дѣтства Мона еще ни разу не страдала отъ отсутствія друзей,—друзей вѣрныхъ и преданныхъ. Порой она испытывала странную потребность довѣриться, излить душу; при всемъ томъ ея обычная гордая сдержанность, происходившая наполовину отъ избытка чувствительности, держала на почтительной дистанціи даже неугомонную Люси. Никому изъ ея друзей и въ голову бы не пришло предъявлять на нее какія-либо права, какъ это сдѣлалъ сэръ Дугласъ; и, можетъ быть именно потому, что это было для нея такъ странно и ново, его грубоватая доброта казалась чуткой дѣвушкѣ пріятнѣе утонченно-тактичнаго обхожденія тетки.

Уже смеркалось, когда поѣздъ остановился на станціи Вэверлей. Мона кликнула носильщика.

— Мнѣ нужно въ Борроунессъ. Успѣю я сѣсть на поѣздъ?

Носильщикъ задумался; станція, названная пассажиркой, не пользовалась всемірной извѣстностью.

— Борроунессъ? Да это, сударыня, рукой подать. Если у васъ багажа нѣтъ, то успѣете. Только поторопитесь.

— Ничего подобнаго вы не сдѣлаете,—сказалъ спокойный женскій голосъ, и маленькая рука въ перчаткѣ легла на руку Моны.—Я въ жизнь свою не слыхала болѣе нелѣпыхъ рѣчей.

— Дорисъ!—воскликнула Мона.—Зачѣмъ вы пришли? Я вѣдь писала, что заѣду къ вамъ только въ томъ случаѣ, если пропущу послѣдній поѣздъ.

— Тѣмъ болѣе было основаній пріѣхать сюда, чтобы хоть поглядѣть на васъ. Это мнѣ не часто удается. Но если вы думаете ѣхать дальше съ такимъ усталымъ лицомъ и безъ обѣда, вы очень ошибаетесь.—Мона, я поражена,—*вы*, именно *вы*, одна изъ всѣхъ...

— Если вы это знали, вамъ не слѣдовало пріѣзжать. Это невеликодушно.

— Вовсе нѣтъ. Я буду соблюдать всѣ ваши условія: не стану ни спорить, ни убѣждать васъ, даже не напомню вамъ о вашемъ послѣднемъ письмѣ, пока вы сами о немъ не заговорите; ваша воля будетъ для меня закономъ. Если вы мнѣ скажете, что собираетесь полетѣть на луну съ вершины Монумента, я только пожелаю вамъ пріятнаго пути. И право же, милая, я увѣрена, что вашъ поѣздъ уже ушелъ.

—. Дайте мнѣ по крайней мѣрѣ послать телеграмму кузинѣ.—со вздохомъ выговорила Мона.

Дорисъ Колькхунъ была не мало изумлена тѣмъ, что побѣда досталась ей такъ легко; но, правду сказать, Мона была слишкомъ измучена, чтобы противорѣчить.

— Я довезу васъ на своихъ пони,—сказала Дорисъ.—Это такая прелесть! вы еще ихъ не видали. Не расхохочитесь, когда увидите моего грума. Отецъ нарочно выискалъ для меня такого. Онъ настоящій мальчикъ съ пальчикъ.

Она привычной рукой схватила возжи, «мальчикъ съ пальчикъ» необычайно величественно дотронулся до своей шляпы, Мона сѣла, и они помчались.

— Вашъ «мальчикъ съ пальчикъ» несомнѣнно шедевръ въ своемъ родѣ,—начала Мона,—боюсь только, что, въ случаѣ чего-нибудь, онъ не будетъ вамъ особенно полезенъ.

— Такъ и отецъ говоритъ. Но что же можетъ случиться? Лошадки надежныя; править я умѣю; чего бояться? Отецъ радъ потакать всѣмъ моимъ капризамъ, лишь бы я не настаивала на одномъ своемъ желаніи, которое далеко не капризъ.

Мона не отвѣтила. Они подъѣзжали къ ярко освѣщенному дому. Дорисъ, ловко обогнувъ уголъ, остановила лошадокъ передъ крыльцомъ.

Мона знала, что въ этомъ домѣ она желанная гостья, и, очутившись въ уютной столовой, гдѣ огонь весело трещалъ въ каминѣ, въ

обществѣ отца и дочери, непритворно радовавшихся ея пріѣзду, она невольно развеселилась.

М-ръ Колькхунъ былъ типъ шотландскаго стряпчаго, сердитаго съ виду и очень добродушнаго на дѣлѣ. Среди товарищей по профессіи онъ пользовался большимъ авторитетомъ, кромѣ того онъ былъ диллетантомъ въ искусствѣ и былъ твердо убѣжденъ, что изъ него могъ бы выйти выдающійся ученый. По части тщеславія у него было множество разныхъ мелкихъ грѣшковъ, но все искупала врожденная доброта сердца. Красавица дочь, умная, серьезная, съ твердой волей, была его радостью и гордостью. Одинъ только разъ онъ отказался исполнить ея просьбу, и то она, въ своей преданности отцу, готова была простить ему даже это.

— По лицу миссъ Маклинъ я вижу, что она бы не прочь выпить пипучаго,—замѣтилъ м-ръ Колькхунъ, отдавая лакею соотвѣтствующее приказаніе.

Мона улыбнулась.

— Какъ пріятно быть среди людей, которыя знаютъ ваши маленькія слабости!

— Какъ пріятно быть съ людьми, которые умѣютъ отличить одно вино отъ другого! Дорисъ покорно пьетъ мой редереръ, но въ душѣ предпочитаетъ имбирное пиво.

Дорисъ запротестовала.

— Пожалуйста, не воображай, что это оттого, что ты нетронутая натура,—продолжалъ отецъ, глядя на нее съ безконечной гордостью. Въ тебѣ только одно хорошо,—что ты любишь лошадей и собакъ. Много вы рисунковъ привезли изъ Норвегіи, миссъ Маклинъ?

— Очень мало. Норвегія для меня слишкомъ величественна. Впрочемъ, у меня есть нѣсколько *жанровъ:* наброски женщинъ въ національномъ костюмѣ; хижина съ деревомъ, растущимъ на крышѣ, и козой, пасущейся у подножія дерева.

— Какъ? и коза, и дерево на крышѣ?

— И коза, и дерево на крышѣ. Дерево, растущее на крышѣ, тамъ вещь обыкновенная; коза—случайность.

— Я такъ и думала,—сказала Дорисъ. Какъ бы мнѣ хотѣлось взглянуть на этотъ рисунокъ!

— Вы лучше скажите, долго ли вы можете остаться у насъ, миссъ Маклинъ. Во всякомъ случаѣ, до завтрака я васъ не отпущу. Къ завтраку у меня соберутся нѣсколько человѣкъ пріятелей,—товарищей по научнымъ изслѣдованіямъ,—посмотрѣть удивительный микроскопъ, недавно купленный мною. Дорогонько онъ мнѣ обошелся. Профессоръ Муррей называетъ его стофунтовымъ орудіемъ. Интересно будетъ услыхать ваше мнѣніе, какъ особы, работавшей въ одной изъ лучшихъ физіологическихъ лабораторій цѣлаго свѣта.

На губахъ Моны уже вертѣлся учтивый отказъ, но описаніе микро-

скопа показалось ей подозрительнымъ. Ей была извѣстна страсть м-ра Колькхуна ко всякимъ научнымъ приборамъ; случалось ей и любоваться его покупками. Она догадывалась, что и на этотъ разъ онъ купилъ фунтовъ за пятьдесятъ громоздкій старинный инструментъ, когда можно за десять купить новый болѣе простого и лучшаго устройства. Она рѣшила, насколько это будетъ отъ нея зависѣть, не дать «товарищамъ» поднять на смѣхъ своего стараго друга. Если мнѣніе «особы, работавшей въ одной изъ лучшихъ физіологическихъ лабораторій цѣлаго свѣта», дѣйствительно что-нибудь значитъ, она можетъ позволить себѣ даже маленькую передержку; въ данномъ случаѣ и это будетъ извинительно.

— Завтракать я останусь, и съ большимъ удовольствіемъ,—объявила она;—но на вечерній поѣздъ я ужъ обязательно должна попасть.

Простившись со старикомъ, обѣ дѣвушки пошли въ комнату, приготовленную для Моны, и нѣсколько времени болтали о разныхъ пустякахъ.

— Ну, я вижу, вы устали,—сказала, наконецъ, Дорисъ.—Спокойной ночи.

Отвѣта не было.

— Все ли у васъ есть. Не лучше ли придвинуть это кресло поближе къ газовому рожку? Вотъ такъ будетъ хорошо. Спокойной ночи.

Отвѣта опять таки не было.

— Вы уже уснули, Мона, или не хотите пожелать мнѣ спокойной ночи?

— Ахъ вы, скверная притворщица!—вскричала Мона, придвигая кресло къ огню и безцеремонно усаживая въ него подругу. Ну, валите! Выкладывайте все, что у васъ на душѣ. Разъ ужъ я здѣсь, надо намъ до чего-нибудь договориться. Беру назадъ всѣ условія. Выскажемся, и дѣлу конецъ.

Дорисъ была поражена стремительностью этихъ рѣчей.

— Вы, конечно, знаете, Мона,—начала она неувѣренно,—что *это* было для меня большимъ огорченіемъ.

— Мой провалъ? Разумѣется. Мнѣ самой онъ достался не очень легко.

— Я не то хотѣла сказать. Провалъ меня ничуть не безпокоитъ; непріятно только, что изъ-за него откладывается моментъ, когда вы начнете практиковать. Что подѣлаешь! Не повезло, и только. Меня тревожитъ другое: я нахожу, что вы теперь поступаете очень дурно.

— Чѣмъ это?

— Тѣмъ, что намѣрены похоронить въ деревнѣ свои рѣдкія способности, или размѣнять ихъ на мелочи.

— Дорисъ, голубушка, я добросовѣстно слушаю васъ, хотя измѣнить свое рѣшеніе я теперь уже не могу, еслибы и хотѣла,—а я вовсе этого не хочу; но, пожалуйста, оставьте вы въ покоѣ мои «рѣдкія способности». Кажется, факты могли бы убѣдить васъ въ противномъ.

— Всѣ экзаменаторы въ мірѣ не могли бы измѣнить моего мнѣнія... Но оставимъ споры. Беру васъ такой, какой вы сейчасъ стоите передо мною...

— Пяти футовъ и пяти дюймовъ росту, въ чулкахъ...

— Пожалуйста, не дурачьтесь. Беру васъ такой, какъ вы есть,— женщина образованная, развитая, хорошо воспитанная...

— Обладающая молодостью, красотой и несмѣтнымъ богатствомъ... Продолжайте! Слова вѣдь дешевый товаръ.

— Вы сказали, что выслушаете меня терпѣливо.

— Я же и слушаю. Простите, дорогая!

— Вы когда-то любили говорить, что «человѣкъ живетъ лишь до тѣхъ поръ, пока онъ играетъ подобающую ему роль въ жизни, т. е. находитъ полное примѣненіе своимъ способностямъ».

— Я и теперь такъ думаю. *Après?* *).

— Ахъ, Мона, вы отлично знаете, что я хочу сказать. Вамъ открытъ доступъ къ такому святому, высокому дѣлу;—я бы отдала все, что имѣю, лишь бы мнѣ только позволили служить ему;—а вы добровольно отворачиваетесь и теряете шесть драгоцѣнныхъ мѣсяцевъ, отдаете ихъ людямъ, которые васъ не поймутъ и не съумѣютъ оцѣнить васъ.

— Мнѣ нравится это выраженіе: «открытъ доступъ»; оно такъ умѣстно по отношенію къ человѣку, у котораго дважды захлопнули дверь передъ носомъ. Но, какъ вы выражаетесь, оставимъ споры. Вы говорите о моей поѣздкѣ, какъ будто я отправляюсь просвѣщать готтентотовъ. Я вѣдь ѣду къ роднымъ. Если я и выше кузины Рэчели, то лишь настолько, насколько Мунро выше меня.

— Вздоръ! пустяки!

— Но вѣдь должны же вы допустить, что это моя родственница по крови. Вы не можете отрицать, что она имѣетъ нѣкоторыя права на меня?

— Я не могу отрицать родства, хотя и родство-то дальнее, но правъ я безусловно не признаю. У всѣхъ у насъ есть такъ-называемые «бѣдные родственники».

— Дорисъ, Дорисъ, да вы сами ни за какія блага въ мірѣ не отреклись бы отъ своихъ бѣдныхъ родственниковъ.

— Ну, не знаю. Дамы по большей части очень милыя, но мужчины!.. Еслибъ я ни съ кѣмъ изъ нихъ не встрѣтилась вторично, это, право, не разбило бы моего сердца.

— Вы говорите, что всѣ женщины «очень милыя»; значитъ, и кузина Рэчель «милая». Полноте, полноте: разсказывайте это другимъ,— развѣ я васъ не знаю!

— Но, Мона, обѣщайте мнѣ, по крайней мѣрѣ, что вы уѣдете оттуда, по истеченіи этихъ несчастныхъ шести мѣсяцевъ.

---

*) Что же дальше?

Моня сдвинула брови.

— Не имѣю ни малѣйшаго понятія о томъ, что̀ я буду дѣлать черезъ полгода.

— Взяли вы съ собой книгъ?

— Да, классиковъ, и нѣсколько нѣмецкихъ,—ничего больше.

— А изъ медицинскихъ ни одной?

— Ни единой.

Дорисъ глубоко вздохнула.

— Не смотрите на меня такъ грустно, дорогая. Я отъ души желаю вамъ самой сдѣлаться докторомъ.

— Не будемъ объ этомъ говорить. Отецъ никогда не дастъ своего согласія. Зато вы должны учиться за двоихъ. Я живу вашей жизнью. Смотрите, не измѣните мнѣ.

— Вы такъ говорите, какъ будто страждущее человѣчество не въ состояніи обойтись безъ меня.

— Я такъ и думаю,—конечно, до извѣстной степени. Ахъ, Мона,— Дорисъ тяжело перевела дыханіе, и все лицо ея зардѣлось,—объ этомъ мнѣ трудно говорить даже съ вами... Недавно одна моя ученица, молоденькая дѣвушка, заболѣла и слегла,—ничего особеннаго, такихъ случаевъ тысячи; ее отправили въ больницу; еслибъ вы слышали, что̀ она мнѣ разсказывала! Понятно, я знаю, что это обыкновенная вещь. Во всѣхъ госпиталяхъ дѣлается то же самое, но вѣдь отъ этого же не легче. Она говоритъ, что скорѣе умретъ, чѣмъ опять ляжетъ въ больницу. Хуже этого ничего быть не можетъ.

— Голубушка моя, Дорисъ, неужели вы думаете, что я этого не знаю? Но не говорите, что хуже ничего быть не можетъ. Хуже всего нравственный вредъ, а нравственнаго вреда не можетъ быть тамъ, гдѣ не участвуетъ наша воля.

— Вредъ!—гнѣвно повторила Дорисъ.—Нравственный вредъ! А если дѣвушка утратитъ дѣвичій стыдъ,—это не вредъ?—Лицо ея пылало, грудь часто вздымалась.—Вся эта молодежь,—продолжала она, едва слышно,—студенты, мальчишки... Я съ ума схожу,—думая объ этомъ.

Мона встала и поцѣловала ее.

— Родная моя, вы настоящій *preux chevalier* своего пола, и я за это люблю васъ всѣмъ сердцемъ. Вы совершенно правы, но, съ теченіемъ времени, привыкаешь не говорить объ этомъ и даже не думать больше, чѣмъ это необходимо... А все-таки вы напрасно мучаете себя. Среди молодыхъ людей, о которыхъ вы отзываетесь такъ презрительно, есть много беззавѣтно преданныхъ наукѣ; многіе изъ нихъ обладаютъ мягкимъ, добрымъ сердцемъ и очень гуманно обращаются съ больными...

— Не будемъ говорить объ этомъ. Это выше моихъ силъ. Но вы, Мона, *должны* продолжать; умоляю васъ, не оставляйте вашего дѣла!

Дорисъ горячо, почти страстно обняла подругу и вышла изъ комнаты.

X.

Борроунессъ.

На другой день подъ вечеръ сѣрыя пони отвезли Мону въ Грантонъ.

Странно было очутиться снова на палубѣ парохода,—какъ будто то же, что вчера, и вмѣстѣ съ тѣмъ совсѣмъ другое! Вчера она была центромъ своего маленькаго кружка: всѣ ласкали ее, баловали, восхищались ею; сегодня—она никто и ничто, молодая особа, путешествующая безъ провожатыхъ. Мона усердно увѣряла себя, что это «вчера» было аномаліей, исключеніемъ; сегодня же все въ порядкѣ вещей, и жизнь вошла въ свою обычную колею.

Въ головѣ у нея бродили невеселыя мысли, да и странно было бы ожидать другого, а сильная качка, само собой, не улучшала ея настроенія.

Рѣзкій, холодный восточный вѣтеръ пронизывалъ до костей. Мона благодарила Бога, когда они, наконецъ, доѣхали до Бёрнтайлэнда, и она очутилась въ грязномъ и неудобномъ, но защищенномъ отъ вѣтра вагонѣ третьяго класса.

— Когда ѣдешь въ Борроунессъ,—сказалъ ей на прощанье м-ръ Колькхунъ,—вопросъ не въ томъ, пріѣдешь ли туда раньше или позже, а въ томъ, доѣдешь ли вообще до мѣста.—Значеніе этихъ словъ Мона скоро поняла: на каждой маленькой станціи поѣздъ стоялъ цѣлую вѣчность; но ей и не хотѣлось пріѣхать скорѣе. Путь отъ Эдинбурга до Борроунесса казался ей очень короткимъ, въ сравненіи съ разстояніемъ, отдѣлявшимъ ея прошлую жизнь отъ жизни, которая ждала ее впереди.

— Я не имѣю права вступать въ нее мученицей, хотя бы даже отъ этого мнѣ было легче на душѣ,—говорила себѣ Мона.—Худо ли, хорошо ли мнѣ будетъ, все это—дѣло моихъ рукъ, моей воли. И я вовсе не намѣрена предаваться воспоминаніямъ и мечтамъ; напротивъ, намѣрена жить полной жизнью и каждый день хватать обѣими руками, извлекая изъ него все, что можно.

Уже смеркалось, когда, наконецъ, кондукторъ крикнулъ: «Станція Борроунессъ!» Мона вскочила съ мѣста и выглянула въ окно.

Станція была маленькая, тихая и скучная. Нѣсколько мужчинъ, съ виду рыбаковъ, стояли на платформѣ и, поодаль отъ нихъ, одна женщина.

Нѣтъ, не можетъ быть, чтобъ это была кузина Рэчель!

Живя въ Лондонѣ, Мона нерѣдко встрѣчала пожилую даму, настолько эксцентрично одѣтую, что она обращала на себя вниманіе даже въ «богоспасаемомъ Блумсбёри». Короткая юбка, суконная кофта безъ таліи и черная шляпка грибомъ представляли разительный кон-

трастъ съ существующей модой. По какой-то странной ассоціаціи идей, оригинальная фигура старушки обязательно вставала въ памяти Моны каждый разъ, какъ она думала о кузинѣ.

Но женщина, стоявшая на платформѣ, была совсѣмъ въ другомъ родѣ. Лицо у нея было румяное и добродушное; костюмъ ея представлялъ собой безобразную каррикатуру на прошлогоднюю моду. Всѣ характерныя особенности этой моды были подчеркнуты здѣсь до комизма. Такихъ женщинъ Мона встрѣчала сотни на улицѣ и даже не замѣчала, что на нихъ было надѣто, но этотъ неуклюжій покрой юбки, эта кричащая шляпка, всѣ подробности этого пестраго, безвкуснаго наряда запечатлѣлись въ ея памяти навсегда.

— Безъ сомнѣнія, дама, которую я встрѣчала въ Лондонѣ, была герцогиня,—не безъ горечи подумала Мона,—но *не можетъ же быть*, чтобы это была кузина Рэчель.

Она позвала носильщика, вышла изъ вагона и остановилась въ ожиданіи—сама не зная, чего. Она была единственной молодой женщиной, высадившейся на этой станціи, такъ что Рэчели Симпсонъ легко было узнать ее, если только Рэчель вышла ей навстрѣчу.

Такъ оно и случилось.

Но Рэчель подошла не сразу; Мона, въ своемъ изящномъ дорожномъ костюмѣ, смотрѣла недотрогой и напомнила ей знатныхъ молодыхъ лэди, иногда проѣздомъ останавливавшихся въ Тоуэрсѣ.

Поѣздъ, пыхтя, медленно отошелъ отъ станціи; тогда маленькая женщина приблизилась къ Монѣ съ жеманной улыбкой на загорѣломъ румяномъ лицѣ, слегка наклонивъ голову на бокъ и протягивая ей руку въ дешевой перчаткѣ. Впослѣдствіи Мона убѣдилась, что ея кузина всегда такъ держала себя въ обществѣ и находила свои манеры самыми изысканными.

— Миссъ Маклинъ?—освѣдомилась она полузастѣнчиво, полуфамильярно.

— Да, я Мона Маклинъ. А вы, вѣроятно, кузина Рэчель?

Онѣ поцѣловались; затѣмъ наступило неловкое молчаніе.

Рэчель Симпсонъ не безъ удовольствія вспомнила, что видѣла Мону въ окнѣ вагона третьяго класса. Сама она всегда ѣздила во второмъ, и это сознаніе своего превосходства надъ столичной кузиной, хотя бы въ одной только области, было въ данный моментъ очень пріятно и кстати. Впрочемъ, намекнуть объ этомъ она не рѣшилась, не зная, какъ это приметъ Мона; ей, пожалуй, будетъ непріятно, что ее видѣли впервые при такихъ невыгодныхъ условіяхъ.

Кузины пошли домой пѣшкомъ. Дорога была грязная отъ недавнихъ дождей; приходилось все время смотрѣть себѣ подъ ноги, что не особенно способствуетъ оживленному разговору; тѣмъ не менѣе онѣ говорили безъ умолку о погодѣ, урожаѣ, ѣздѣ по желѣзной до-

рогѣ, вообще о самыхъ неинтересныхъ вещахъ. Мона не обмолвилась и словомъ ни о семействѣ Мунро, ни о своей поѣздкѣ въ Норвегію.

Черезъ пять минутъ онѣ были уже на мѣстѣ. Домъ оказался совсѣмъ-таки недуренъ и выходилъ въ крошечный, но хорошо содержащійся садикъ. Два окна въ нижнемъ этажѣ были пожертвованы подъ «витрины»; проходя, Мона мелькомъ видѣла въ одномъ какія-то необыкновенныя наколки и шляпки, въ другомъ—залежавшіеся и пыльные товары—предметы мелочной торговли.

Отворилась стеклянная дверь, рѣзко зазвонилъ прикрѣпленный къ ней колокольчикъ; изъ кухни выглянула неряшливо одѣтая служанка, коротко замѣтила: «Это вы!» и снова скрылась.

Рэчель Симпсонъ ни за что на свѣтѣ не позволила бы себѣ отдать приказаніе по хозяйству въ присутствіи гостьи; поэтому она пошла въ кухню, а Мона осталась ждать въ корридорѣ. До нея доносились шушуканье госпожи со служанкой и громкое тиканье старомодныхъ часовъ; воздухъ въ корридорѣ былъ спертый; пахло сушеными розовыми лепестками и сыростью. Очевидно, здѣсь было не въ обычаѣ провѣтривать комнаты, и окна открывали только въ видѣ исключенія. Прибоя не было слышно; домъ стоялъ, вѣроятно, очень далеко отъ моря, что̀ показалось Монѣ даже страннымъ, въ виду миніатюрности городка.

— Если только изъ окна моей спальни видно море, я буду счастлива и на чердакѣ,—подумала Мона.

Но кузина отвела ее не на чердакъ, а въ большую комнату надъ кухней, всю заставленную безобразной старинной мебелью; изъ окна этой комнаты открывался широкій видъ, но, увы! не на море, а на капустныя гряды.

— Какъ разоблачитесь, приходите въ гостиную попить чайку,— сказала Рэчель.

— Благодарю,—ласково отвѣтила Мона.

Оставшись одна, она въ изнеможеніи опустилась въ кресло, но вдругъ опять вскочила на ноги.

— Это что такое?—съ досадой прикрикнула она сама на себя.— Хандрить! *Теперь*! Ну ужъ нѣтъ! Изволь-ка вставать да мыть руки,— живо!

Но прежде она взяла на себя смѣлость отворить окно. Это оказалось затруднительнымъ. Верхняя рама совсѣмъ не поддавалась; нижняя, каждый разъ, какъ Мона подымала ее, съ грохотомъ падала внизъ. Мона напрасно искала глазами чего-нибудь, чѣмъ бы придержать ее.

— Ты у меня будешь стоять, хотя бы мнѣ пришлось подложить подъ тебя мою собственную голову!—гнѣвно воскликнула дѣвушка;— но прежде попробуемъ обойтись вотъ этой семейной библіей,—добавила она, замѣтивъ на комодѣ толстую книгу.

Въ концѣ концовъ она свернула въ клубокъ свой дорожный плащъ и подложила его подъ раму, говоря:

— Нѣсколько капель дождя тебѣ не повредятъ, а чистый воздухъ пойдетъ этой затхлой дырѣ очень и очень на пользу.

Дѣвушка поискала глазами горячей воды, но ея не было, и она, вздрагивая отъ непріятнаго ощущенія, умылась холодной. Потомъ, поглядѣвъ на себя въ зеркало, чтобъ убѣдиться, что волосы ея лежатъ гладко и выраженіе лица достаточно привѣтливо, она спустилась въ гостиную.

Въ каминѣ огня не было. Пока на окнахъ висѣли бѣлыя занавѣси, т.-е. съ мая до октября, въ этомъ домѣ не принято было топить каминъ. Въ холодные вечера Рэчель нерѣдко позволяла себѣ скромную роскошь погрѣться у камелька въ кухнѣ, и, знай это Мона, она съ радостью сдѣлала бы то же; но Рэчель свято чтила «хорошій тонъ» и пришла бы въ ужасъ при одной мысли предложить такую вещь чужому человѣку. Когда Мона попривыкнетъ, обживется въ домѣ, тогда, пожалуй, можно будетъ и вернуться къ прежнимъ порядкамъ, замѣнить парадный чайникъ старымъ коричневымъ, спрятать въ комодъ накладного серебра ложки и праздничную шляпу надѣвать лишь по воскресеньямъ.

Парадный чайникъ, красовавшійся теперь на столѣ, представлялъ собой, поистинѣ, нѣчто удивительное, и Рэчель преисполнилась гордости, замѣтивъ, что Мона безпрестанно смотритъ на него. Мона же смутно думала, что она въ жизнь свою не видала предмета, который бы такъ абсолютно противорѣчилъ всѣмъ элементарнымъ требованіямъ художественной работы.

Но вдругъ ей припомнились ласковыя письма Рэчели, и сердце ея смягчилось. Эта женщина, съ своей лавкой и безобразной мебелью, съ своимъ добрымъ сердцемъ и вульгарной жеманностью обращенія вдругъ показалась Монѣ такой милой и трогательной, что усталые, черезчуръ натянутые нервы не выдержали, и дѣвушка должна была закусить губы, чтобы не расплакаться.

— Знаете ли, дорогая,—сказала она горячо:—вы очень добры, что выписали меня сюда.

— О, я такъ рада, что вы пріѣхали! Лишь бы только вамъ жилось здѣсь хорошо и счастливо.

— Объ этомъ не безпокойтесь. Дайте мнѣ денекъ-другой, чтобы осмотрѣться, устроиться, и я буду счастлива, какъ царица.

— Да, къ новымъ порядкамъ и къ новымъ людямъ не сразу привыкнешь; ну да ничего, кровь не вода,—я это всегда говорю. Племянница со мной отлично уживалась; мы съ ней такъ подошли другъ къ другу. Она изучила всѣ мои привычки, да и шляпы мастерить была большая искусница; это, должно быть, не по вашей части?

Мона засмѣялась.

— Я хотѣла отвѣтить, какъ въ анекдотѣ, — не знаю, потому что не пробовала, но потомъ вспомнила, что я всегда сама отдѣлываю себѣ

лѣтнія шляпы. Я съ наслажденіемъ займусь этимъ—и приложу всѣ старанія (добавила она про себя), чтобы затмить прелести, выставленныя въ окнѣ.

— Боюсь, — нерѣшительно замѣтила Рэчель, — что мы не можемъ продавать такихъ простенькихъ шляпъ, какъ та, что на васъ была надѣта. Это, безъ сомнѣнія, очень мило и практично, но здѣсь всѣ больше любятъ перья и цвѣты.

— О, я не стану и пытаться дѣлать такія шляпы, какъ моя. Чтобы сдѣлать что-нибудь дѣйствительно изящное и простое, нужно быть прямо геніемъ,—не правда ли?

Рэчель засмѣялась, не зная, принимать ли это въ серьезъ или въ шутку.

— А теперь, кушайте хорошенько; съ дороги-то вы, должно быть, проголодались. Вотъ яйца, ветчина, а вотъ горячія тартинки, — все простыя кушанья, какъ видите. Я вамъ заварила чаю покрѣпче; это васъ подбодритъ.

— Прощай, сонъ!—подумала Мона, и ей показалось, что нѣтъ музыки восхитительнѣе шипѣнья шампанскаго, искрящагося въ бокалѣ. Она густо покраснѣла, когда кузина спросила ее минуту спустя:

— Вы навѣрное членъ общества трезвости? Теперь всѣ записываются въ эти общества. Просто удивительно! даже въ помѣщичьихъ домахъ не подаютъ вина за столомъ,—все больше чай. Оно и лучше: одно стоитъ другого, а для кармана не такъ накладно.

— Не правда-ли?—сочувственно отозвалась, Мона радуясь, что ей не пришлось отвѣчать на первый вопросъ.—Въ сущности,—думала она,—когда живешь одной жизнью съ капустой на огородѣ, такая безумная роскошь и неумѣстна.

— Надѣюсь, вы ничего не имѣете противъ *магазина*?—продолжала Рэчель.—Теперь онъ мнѣ, собственно говоря, ни къ чему, да и раньше я имъ не особенно дорожила; у насъ дѣла всегда хорошо шли и безъ того; да вотъ привыкла: вѣчно народъ толчется, оно и веселѣе; перестали бы ходить, все бы не хватало чего-то. Вѣдь со мной компанію водятъ и настоящіе лэди—жена священника, докторша,—то поболтать зайдутъ, то напиться чайку, и ничуть не считаютъ меня менѣе благородной оттого, что я держу магазинъ. Но я всѣмъ говорю, что я это дѣлаю не по нуждѣ, а по привычкѣ. Это всѣ въ Борроунессѣ знаютъ, и это, конечно, составляетъ разницу.

— Мнѣ кажется,—замѣтила Мона, припоминая письмо Люси,— «благородство» той или другой профессіи зависитъ отъ того, кто ею занимается и почему, а не отъ самой профессіи.

— Вотъ именно. Меня здѣсь всѣ знаютъ, и знаютъ, что я въ сущности къ этой лавкѣ вовсе не привержена. Иной разъ я запираю дверь на замокъ и ухожу на цѣлый день; это же всѣ видятъ.

Мона прикусила губу и на этотъ разъ ужъ не пыталась отвѣчать.

Было еще рано, когда она простилась съ кузиной и ушла въ свою комнату. Нѣсколько минутъ она шагала изъ угла въ уголъ, потомъ вдругъ остановилась передъ зеркаломъ. Живя въ одиночествѣ, она привыкла обращаться къ своему собственному лицу, какъ бы къ постороннему собесѣднику.

— Это не то, что ужасно,—выговорила она съ грустью;—я почти желала бы, чтобы оно было хуже; бѣда въ томъ, что все это такъ страшно вульгарно. О Люси, *я*, *дѣйствительно*, *идіотка*!

И, подобно героинямъ добраго стараго времени, когда передовыхъ женщинъ не было еще и въ поминѣ, она бросилась на широкую кровать съ четырьмя колонками и горько разрыдалась.

XI.

Магазинъ.

Нѣтъ, съ этой спальней, очевидно, ничего не подѣлаешь! Надо терпѣть. Оглядѣвшись кругомъ, при свѣтѣ утренняго солнышка, Мона обрадовалась, что не привезла съ собой картинъ, статуэтокъ и драпировокъ, безъ которыхъ находитъ почти невозможнымъ путешествовать нынѣшняя молодежь. Тяжелую, неуклюжую мебель еще можно было бы разставить такъ, чтобъ она не бросалась въ глаза, но всѣ нѣжные тона драпировокъ, всѣ краскв картинъ поблекли бы и стушевались на рѣзкомъ, кричащемъ фонѣ старинныхъ обоевъ.

Мона твердо рѣшила, что «этому вытью» надо положить конецъ и что «вчерашнее» больше не повторится. Она откинулась на стоячія жесткія подушки дивана, заложила руки за голову и мужественно взглянула въ лицо положенію. Привлекательнаго въ немъ, безспорно, было мало, но Мона была молода, полна энтузіазма и рѣшимости.

— Хорошій работникъ во всякой области будетъ полезенъ.—думала она,—а дурной нигдѣ. Все зависитъ отъ меня. Всѣ карты у меня въ рукахъ. Помоги мнѣ, Боже!

— Надѣюсь, вы хорошо выспались?—спросила кузина Рэчель, когда она вышла въ гостиную, гдѣ былъ накрытъ столъ для завтрака.

—Я никогда въ жизни лучше не спала,—сердечно отвѣтила Мона.

— Вотъ это хорошо!

Сама Рэчель проснулась на разсвѣтѣ; ее мучили сомнѣнія, она готова была даже допустить страшную ересь, что кровь не всегда и не при всякихъ обстоятельствахъ гуще воды; слова Моны ободрили ее и вернули ей прежнюю вѣру. Ей все еще трудно было допустить, что она когда-нибудь будетъ чувствовать себя съ Моной такъ же легко, какъ съ племянницей; зато Мона была такая воспитанная, «стильная», «совсѣмъ лэди»; ничего, если она и не выучится отдѣлывать шляпы; будетъ «стоять за конторкой»; это совсѣмъ по ней; у нея такой «приличный», «порядочный» видъ.

— Вы сегодня выйдете?—спросила Рэчель.

— Я сдѣлаю, какъ вы хотите. У меня нѣтъ еще никакихъ плановъ на сегодня.

— Я думала,—погода нынче такая хорошая,—не сходить ли мнѣ въ Киркстоунъ. У меня тамъ пріятельница, м-рсъ Смитъ; ея мать ужъ съ мѣсяцъ, какъ умерла, а я съ тѣхъ поръ и не была у нея. А она мнѣ, видите ли, сродни: моя сестра Дженъ была замужемъ за двоюроднымъ братомъ ея мужа. Такъ вотъ я и боюсь, какъ бы она не обидѣлась: скажетъ, не по сосѣдски...

— И вы хотите, чтобъ я посидѣла въ лавкѣ, пока васъ не будетъ дома? Съ удовольствіемъ. Это будетъ очень забавно.

— Нѣтъ, въ лавкѣ-то вамъ сидѣть незачѣмъ, да никто, вѣрно и не придетъ, хотя, впрочемъ, сказать трудно. Вы можете сидѣть у окна въ гостиной и смотрѣть на прохожихъ; какъ колокольчикъ зазвонитъ, вы и услышите. А если кто-нибудь придетъ, Салли вамъ скажетъ цѣну каждой вещи; она знаетъ.

— Благодарю васъ.

— Конечно, я могла бы взять васъ съ собой и приѣсить замокъ на дверь, или оставить Салли присматривать за лавкой. Я увѣрена, что м-рсъ Смитъ въ другое время была бы очень рада видѣть васъ, но въ такомъ горѣ....

— О, само собой. Ей пріятнѣе будетъ увидаться съ вами наединѣ и поговорить по душѣ; всякій на ея мѣстѣ думалъ бы также.

— Вотъ именно. Если продержится хорошая погода, такъ чтобъ можно было одѣться понарядпѣе, я сведу васъ на будущей недѣлѣ ко всѣмъ моимъ друзьямъ. А то что за удовольствіе, когда приходится подбирать платье и снимать ватерпруфъ у каждой двери.

— Совершенно вѣрно,—поддержала ее Мона,—красивыя вещи только тогда и пріятно надѣвать, когда можно носить ихъ съ комфортомъ. Боюсь только,—прибавила она съ искреннимъ сожалѣніемъ,—что ни одно изъ моихъ платьевъ не придется вамъ по вкусу.

— О, это ничего. Вы всегда будете хорошо одѣты. Самое главное—имѣть видъ лэди.

Онѣ, молча, кончили завтракать; потомъ Рэчель сказала:

— Послѣ обѣда вы, вѣроятно, пойдете прогуляться на холмы или къ морю. Съ кѣмъ бы вамъ пойти?—не придумаю. Мэри Дженъ Андерсонъ живетъ черезъ дорогу; она всегда рада услужить мнѣ, но у нихъ какъ разъ теперь портниха работаетъ на дому.

— Благодарю васъ, дорогая, мы не будемъ безпокоить миссъ Андерсонъ. Я предпочитаю гулять по новымъ мѣстамъ одна, а потомъ, когда вернусь, разскажу вамъ свои впечатлѣнія. Вы не повѣрите, какое для меня наслажденіе жить возлѣ моря. Оно одно можетъ замѣнить мнѣ общество.

— Что жъ, это очень хорошо, когда человѣкъ малымъ доволенъ.

И вотъ еще что,—Рэчель видимо колебалась,—если кто зайдетъ, вы, душенька, уже не говорите, что собираетесь быть докторшей, а?

Это показалось Монѣ очень забавнымъ.

— И не подумаю. Можете быть спокойны, кузина Рэчель. Пока я живу здѣсь, я и не заикнусь никому о своихъ планахъ на будущее.

Онѣ встали изъ-за стола и, послѣ долгихъ сборовъ, кузина Рэчель ушла, разряженная въ пухъ и прахъ, не боясь дождя. Уже закрывъ за собой дверь, она снова пріотворила ее и заглянула въ комнату, говоря:

— Вы устройтесь поудобнѣе. Садитесь въ качалку; въ гостиной вы найдете нѣсколько переплетенныхъ томовъ «Воскресныхъ Досуговъ», почитаете...

— Благодарю васъ. Я увѣрена, что въ качалкѣ я буду чувствовать себя отлично.

Когда кузина ушла, Мона первымъ дѣломъ велѣла Салли положить хорошую охапку дровъ въ каминъ и растворила настежь всѣ окна, затѣмъ произвела подробный и тщательный осмотръ «магазина».

Привыкшая къ лондонскимъ магазинамъ, гдѣ торговля идетъ бойко, гдѣ, благодаря періодическимъ «распродажамъ» и конкурренціи, товаръ всегда свѣжій и модный, гдѣ малѣйшее жирное или пыльное пятнышко значительно понижаетъ цѣнность вещи, она была поражена при видѣ пыльныхъ, измятыхъ и вышедшихъ изъ моды товаровъ, разложенныхъ въ лавкѣ кузины.

Пока она раздумывала, зазвонилъ колокольчикъ и вошла пожилая женщина.

— Добраго утра,—любезно начала Мона.

Женщина удивилась. Она не желала быть грубой, но не желала быть и смѣшной, а такая чрезмѣрная учтивость со стороны совершенно незнакомаго человѣка, да еще въ такомъ будничномъ дѣлѣ, показалась ей странной; поэтому она промолчала.

— На пенни резиновой тесьмы,—выговорила, наконецъ, покупательница, оправившись отъ изумленія.

Мона поклонилась и достала съ полки коробку съ требуемымъ товаромъ.

— Если вы не получили свѣжей съ тѣхъ поръ, какъ я была у васъ, то не трудитесь и показывать.—объявила старуха, подозрительно косясь на старую изломанную коробку. — Та, старая, только на видъ хороша, а возьмешь въ руки, вся расползется.

Мона критическимъ взоромъ окинула содержимое ящика.

— Этой я, правда, не могу рекомендовать; она слишкомъ стара. Но,—она съ трудомъ удерживалась отъ смѣха, душившаго ее,—но на будущей недѣлѣ мы получимъ свѣжій товаръ.

— Я ужъ два мѣсяца это слышу,—строго выговорила женщина.— А продаете все время старье; вотъ ужъ это не дѣло.

— Совершенно вѣрно,—искренно согласилась Мона.—Мы какъ-то упустили это изъ виду. Вѣроятно, здѣсь есть другіе магазины, гдѣ вы можете получить желаемое. А если не найдете, то ровно черезъ недѣльку приходите къ намъ. Не могу ли предложить вамъ еще что-нибудь? (Хотя въ цѣлой лавкѣ нѣтъ ничего, что я могла бы предложить съ чистой совѣстью,—добавила она мысленно).

Старуха озабоченно наморщила лобъ.

— Мнѣ нужны еще вязальныя спицы вотъ такого размѣра,—сказала она, кладя на конторку наполовину связанный чулокъ,

Мона вздохнула съ облегченіемъ. Вязальныя спицы не могутъ испортиться, какъ резиновая тесьма; если онѣ заржавѣли, она вычиститъ ихъ наждакомъ.

Она выдвинула ящикъ, но, къ ужасу своему, увидала, что спицы всѣхъ величинъ были здѣсь перемѣшаны между собой, а желѣзной палочки съ зарубками, по которой торговцы опредѣляютъ мѣрку, нигдѣ не оказывалось. Она чувствовала, что требовательная старуха не позволитъ ей подобрать спицы на глазъ и шарила по всѣмъ ящикамъ, но напрасно. Снаружи она была спокойна, но въ душѣ страшно волновалась, и у нея уже испарина выступила на лбу, когда ей, наконецъ, посчастливилось найти въ кассѣ пропавшее мѣрило. Бѣдная Мона! При видѣ его она испытала такое же чувство облегченія, какъ, бывало, въ анатомическомъ театрѣ, когда какой-нибудь нервъ, который она уже отчаявалась найти, выступалъ вдругъ подъ ея ножомъ цѣлымъ и невредимымъ.

Не безъ труда она отыскала четыре спицы одинаковой величины, аккуратно завернула ихъ въ бумагу и подала покупательницѣ. Она хотѣла уже отворить ей дверь, но старуха не спѣшила уходить.

— Я привыкла имѣть дѣло съ миссъ Симпсонъ, — сказала она. — Чего вы тамъ такъ долго искали? Вы, кажется, еще новичекъ въ дѣлѣ?

— Это правда, но я очень хочу научиться. Имѣйте со мной терпѣніе; вы увидите, что я скоро исправлюсь.

Мона говорила совершенно искренно. Она забыла, что жизнь ея вовсе не ограничивается этой жалкой лавчонкой, и чувствовала себя именно тѣмъ, чѣмъ она была въ данный моментъ,—очень неопытной продавщицей.

— Это конечно; что и говорить. Такъ я зайду черезъ недѣльку.

Таковъ былъ первый опытъ Моны. По уходѣ покупательницы она съ минуту стояла молча, въ мрачной думѣ, сосредоточено глядя себѣ на ноги, и наконецъ выговорила вслухъ:

— Ну, если мнѣ кто-нибудь скажетъ, что торговать въ лавкѣ—шуточное дѣло, я ему покажу!

Не успѣла она сѣсть, какъ колокольчикъ зазвонилъ снова. На этотъ разъ покупательницей оказалась молоденькая служанка, пестро одѣтая, но съ симпатичнымъ лицомъ, хотя и не обличавшимъ большого ума

или критическаго отношенія къ окружающему. Можетъ быть, именно потому оно сразу понравилось Монѣ. Покупательница видимо чувствовала себя неловко и робко ждала, чтобы съ ней заговорили.

— Чѣмъ могу служить?—спросила Мона.

— Мнѣ нужна новая шляпка.

— Охъ!—вырвалось у Моны. Это было сопряжено съ тяжелой отвѣтственностью.—Вы уже рѣшили, что̀ взять, или желаете, чтобы я вамъ посовѣтовала?

— Мнѣ хотѣлось бы посмотрѣть, что у васъ есть.

— Вы желаете шляпу на каждый день, или праздничную.

— Чтобы ходить къ обѣднѣ. Еще недавно у миссъ Симпсонъ были выставлены въ окнѣ крупныя красныя розы. Мнѣ кажется, если бы взять ихъ парочку, къ нимъ хорошо пошло бы вотъ это перо.

Мона взяла изъ рукъ ея небольшой свертокъ, развернула его и принялась такъ же внимательно разсматривать его содержимое, какъ, бывало, она разсматривала препараты подъ микроскопомъ. Предметъ, завернутый въ бумагу, несомнѣнно, былъ нѣкогда страусовымъ перомъ, но теперь онъ больше походилъ на хребтовую кость селедки.

— Д-да,—начала Мона, осторожно зондируя почву,—перо придется поправить; но не думаете ли вы, что жаль класть на одну шляпу и цвѣты, и перья.

Дѣвушка вытаращила на нее глаза. Это была какая-то неслыханная ересь.

— Перо-то вѣдь жиденькое; ну, а если его прикрыть наполовину цвѣтами, оно и выйдетъ наряднѣе.

Мона посмотрѣла на перо, потомъ на покупательницу и снова углубилась въ размышленіе.

— Вы живете въ услуженіи?—спросила она вдругъ.

— Да.

— Здѣсь, въ Борроунессѣ?

— Нѣтъ; меня отпустили съ матерью повидаться; я живу въ судомойкахъ въ Тоуэрсѣ.

— Плохія настали времена, если въ хорошемъ домѣ позволяютъ такъ одѣваться служанкѣ, хотя бы и судомойкѣ,—подумала Мона.

Вслухъ она сказала:

— Въ Тоуэрсѣ? Это большое для васъ счастье, что вы попали въ такой домъ. Если вы приложите все стараніе, современемъ вы можете сдѣлаться первоклассной кухаркой.

Дѣвушка просіяла.

— Знаете ли,—продолжала раздумчиво Мона,—въ Лондонѣ служанка дѣйствительно изъ хорошаго дома сочла бы ниже своего достоинства носить на шляпѣ цвѣты или перья. Она взяла бы хорошенькій фасонъ вродѣ этого,—Мона достала одну изъ немногихъ изящ-

ныхъ шляпъ, выставленныхъ въ окнѣ,—и отдѣлала бы ее просто, хорошей лентой, или бархатомъ,—вотъ такъ!

Мина приложила къ шляпѣ спереди кусокъ бархата и надѣла ее себѣ на голову. Какъ дополненіе къ простому, но хорошо сшитому платью съ безукоризненнымъ воротничкомъ и рукавчиками, шляпка выглядѣла очень красиво и, къ немалому удивленію Моны, понравилась покупательницѣ.

— Это очень прилично,—одобрила она,—и, должно быть, будетъ дешевле.

— Нѣтъ, она не будетъ стоить дешевле, если вы возьмете хорошую солому, зато продержится дольше полудюжины шляпъ съ цвѣтами и перьями. Надо одѣваться умѣючи. Дешевый атласъ, цвѣты и кружева черезъ недѣлю потеряютъ всякій видъ. Какая-нибудь глупышка одѣнетъ такую нарядную шляпку и воображаетъ, что похожа на лэди. Но за лэди ее никто не приметъ, а между тѣмъ она не смотритъ и служанкой изъ хорошаго дома. Дѣйствительно же порядочная разсудительная служанка покупаетъ вещи простыя, но добротныя, и въ нихъ гораздо больше похожа на лэди, чѣмъ та, другая!

Дѣвушка колебалась.

— Эта-то шляпочка, пожалуй, дольше проносится?

— Конечно, дольше. Но вы не торопитесь, подумайте хорошенько.

— Нѣтъ, ужъ я возьму.

Онѣ сговорились насчетъ подробностей и дѣвушка собралась уходить.

— А когда будете дѣлать себѣ новое платье,—сказала ей вслѣдъ Мона,—сдѣлайте такое, чтобы подходило къ шляпкѣ,—простое, темно-синее или черное. Оно вамъ никогда не надоѣстъ, и вы понятія не имѣете, какая вы въ немъ будете милочка.

Дѣвушка бросила полный восхищенія взглядъ на простенькое платье самой Моны и ушла, улыбаясь.

— Если всѣ мои кліентки будутъ въ этомъ же родѣ, я, пожалуй, готова разбить мой шатеръ въ Борроунессѣ и остаться здѣсь навсегда.

Дождь, какъ зарядитъ, такъ ужъ надолго. Такъ и здѣсь. Не успѣла Мона затворить дверь за № 2, какъ появился № 3, и № 3 оказался мужчиной.

— Здравствуйте,—началъ онъ вѣжливо.

— Здравствуйте, сэръ.

— Не найдется ли у васъ резины—только хорошей, мягкой резины?

Мона взяла съ окна нѣсколько кусковъ, но резина отъ времени сдѣлалась твердой и хрупкой.

— Эта не годится,—сказала она,—но у меня наверху есть еще.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ онѣ съ Люси напали въ одномъ магазинѣ на «цѣлую мину», какъ выразилась Люси, чудеснѣйшей резины, мягкой, эластичной, нарѣзанной маленькими косыми кусочками. Мона въ то время трудилась надъ гистологическими рисунками, тре-

бовавшими большой аккуратности, и купила себѣ большой запасъ ея, которымъ теперь и воспользовалась.

— Этой вы, я думаю, останетесь довольны,—сказала она, кладя передъ покупателемъ листъ бумаги и карандашъ.

Онъ попробовалъ.

— Да я въ жизнь свою не имѣлъ лучшей резины!—воскликнулъ онъ, съ изумленіемъ поднявъ глаза. Взоры ихъ встрѣтились, и оба невольно улыбнулись другъ другу сочувственно, какъ улыбаются люди, когда они сойдутся во мнѣніяхъ, хотя бы и въ пустякахъ.

— Я пользуюсь праздникомъ, чтобы изготовить нѣсколько діаграммъ, а когда спѣшишь, хлѣбъ—весьма плохая замѣна резины.

Діаграммъ! Слово звучало такъ знакомо. Монѣ страстно хотѣлось спросить, что это были за діаграммы, изъ какой области?—ботаники? анатоміи? физіологіи?—но она воздержалась, и покупатель съ вѣжливымъ «До свиданія!» вышелъ изъ лавки.

— Отличилась ты, нечего сказать!—корила себя Мона.—Хорошая продавщица! Во-первыхъ, обѣщала выписать новый товаръ, не зная навѣрное, можно ли будетъ это сдѣлать. Во-вторыхъ, взялась отдѣлывать шляпу и по всей вѣроятности не съумѣешь. Въ-третьихъ, назначила за шляпу такую цѣну, что за работу не останется и шести пенсовъ. Въ-четвертыхъ, продала кусокъ собственной резины, не получивъ за это ни фартинга. Нѣтъ, душа моя, надо сознаться, что послѣ сегодняшняго экзамена ты потеряла въ моихъ глазахъ, по крайней мѣрѣ, пятьдесятъ процентовъ.

XII.

Замокъ Маклинъ.

Поверхность моря вся искрилась и сверкала въ лучахъ солнца; высокія цвѣтущія травы на дюнахъ, словно въ пляскѣ, клонились то въ одну, то въ другую сторону, колеблемыя вѣтромъ. Мѣстами прибрежную полосу песку и гравія перерѣзывали морщинистыя обнаженныя скалы, вдававшіяся въ море; длинные стебли *фукуса* всплывали и прятались съ каждой новой волной.

Мона задыхалась отъ восторга. Первый ранній обѣдъ въ домѣ кузины былъ для нея порядочнымъ испытаніемъ. «Серебро» не отличалось блескомъ, а «хрусталь» чистотой; скатерть была чиста, но лишена всякаго лоска и такъ плохо выглажена, что походила скорѣе на простыню. А здѣсь ей просто не вѣрилось, что въ какой-нибудь сотнѣ шаговъ отъ пыльной лавки и затхлой гостиной кузины разстилался цѣлый міръ свѣжести и красоты. Нѣтъ, нельзя сдѣлаться узкимъ и мелочнымъ тамъ, гдѣ стоитъ только сказать: «Сезамъ, отворись!», чтобы природа величественная, яркая и прекрасная раскрыла вамъ свои объятія.

— Все это мое, мое, мое!—говорила себѣ Мона.—Никто въ мірѣ не

можетъ отнять этого у меня,—пѣла она тихонько на мелодію собственнаго сочиненія.

Эта полоса берега была для нея тѣмъ же, чѣмъ для Монте-Кристо келья аббата; совмѣщала въ себѣ все знаніе, мудрость, общество, неисчислимыя сокровища.

Невдалекѣ на самомъ краю берега высилась скала; къ великому своему удовольствію, Мона открыла, что на нее не трудно взобраться съ помощью грубой естественной лѣстницы, образовавшейся съ одной стороны. Наверху скала была вся изъѣдена моремъ и вѣтромъ, изрыта впадинами и ямками, устлана волшебнымъ ковромъ изъ мелкихъ раковинъ, водорослей и валуновъ. Передъ нею, на цѣлыя мили вокругъ лежало сверкающее, плещущее море; позади высились дюны; палѣво солнце лило потоки свѣта на красныя кровли, играло на окнахъ музея и флюгерахъ Киркстоуна. Мона отыскала роскошное кресло, устроенное самой природой, и комфортабельно расположилась въ немъ.

Старые стѣнные часы били пять, когда Мона вернулась домой.

— Надѣюсь, я не опоздала къ чаю? Я такъ прелестно провела время.

— Вижу, вижу!—невольно улыбнулась Рэчель при видѣ возбужденнаго, сіяющаго личика дѣвушки.—Раздѣвайтесь скорѣе и приходите сюда.

— Смотрите, какое сокровище я нашла,—начала Мона, входя,—кроваво-красный гераніумъ!

— Какъ вы сказали?—Экъ вы его чудно-то зовете! Да у насъ этихъ цвѣтовъ не оберешься—и на берегу они растутъ, и у дороги, въ полѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Можетъ быть, вы говорите о луговомъ гераніумѣ? Онъ очень похожъ на этотъ, только другого оттѣнка, скорѣе пурпуровый, и у него два цвѣтка на одномъ стеблѣ вмѣсто одного.

Рэчель принадлежала къ очень многочисленному классу людей, которые не съумѣли бы отвѣтить, еслибъ ихъ спросили, сколько лепестковъ у лютика и у буквицы—шесть или четыре?—и потому предпочла промолчать. Но,—странное дѣло,—искреннее, дѣтски-неподдѣльное восхищеніе Моны моремъ и цвѣтами болѣе всего прочаго сблизило ее съ кузиной. Рэчель сразу почувствовала себя легче въ ея присутствіи.

— Вотъ что значитъ,—думала она про себя,—для дѣвушки, выросшей въ городѣ, попасть въ деревню, да еще къ кровнымъ роднымъ. Бѣдная дѣвочка, должно быть, порядкомъ скучала въ Лондонѣ, одна одинешенька.

— Когда вы захотите освободиться отъ меня на цѣлый день,—продолжала Мона,—я думаю предпринять ботаническую экскурсію по берегу. Я увѣрена, что найду множество сокровищъ, которыя растутъ невидимками.

— Мы предпримемъ кое-что получше,—сказала Рэчель послѣ минутнаго колебанія; ей не хотѣлось сразу выкладывать свои лучшія карты.—Выберемъ хорошій денекъ, съѣздимъ въ дилижансѣ въ Сентъ-

Рульсъ и осмотримъ все, что тамъ есть хорошаго. Тамъ, на Южной улицѣ есть лавка, гдѣ можно достать пирожковъ и лимонаду, а, вернувшись домой, велимъ сварить себѣ яичекъ къ чаю.

— Мнѣ страшно хотѣлось бы увидать Сентъ-Рульсъ. Мнѣ всѣ уши прожужжали этимъ замкомъ на морѣ, а обѣщанное «яичко къ чаю» дѣлаетъ эту перспективу еще болѣе привлекательной. Это будитъ во мнѣ столько веселыхъ воспоминаній дѣтства—о пикникахъ въ лѣсу, лазаньи на утесы, головоломныхъ экскурсіяхъ по горамъ и т. п., и т. п.

Мона не прибавила, что «пирожки и лимонадъ» не играли никакой роли въ этихъ веселыхъ воспоминаніяхъ, но, по правдѣ говоря, мысль о подобномъ завтракѣ, въ обществѣ Рэчели, въ какой-то грязной лавченкѣ, угнетала ее больше, чѣмъ это можно было бы предположить: съ такими вещами ей было труднѣе мириться, чѣмъ съ настоящими лишеніями.

— Вы что себѣ готовили на ужинъ въ Лондонѣ?—спросила Рэчель.— Я всегда ужинаю похлебкой, но ее не всякій можетъ ѣсть.

— О, пожалуйста, сдѣлайте къ ужину похлебку! Мнѣ кажется, шотландца всегда можно узнать по двумъ характернымъ чертамъ, по его пристрастію къ похлебкѣ и къ волынкѣ. Надѣюсь оказаться достойной своей національности.

— Вы какую же любите, жидкую или густую?

— Волынку? Ахъ да, похлебку. Мнѣ кажется, это вопросъ большой важности и, если вы не возьметесь рѣшить его сами, мнѣ придется отвѣтить наудачу. Я думаю,—лучше бы сдѣлать жидкую.

Рэчель вздохнула съ облегченіемъ.

— Я сама всегда ѣмъ жидкую, а вотъ нѣкоторые—вы неповѣрите!—любятъ такую густую, чтобъ ложка стояла коломъ по серединѣ! Удивительно, какіе разные бываютъ вкусы! Впрочемъ, и то сказать: сколько головъ, столько умовъ!

— Совершенно вѣрно!—серьезно подтвердила Мона.—Но теперь я вамъ разскажу о своемъ первомъ опытѣ. Вы даже не спросите, были ли у меня покупатели, а я, смѣю васъ увѣрить, не имѣла ни минуты покоя.

— Да что вы? Развѣ кто-нибудь заходилъ? А мнѣ и невдомекъ. Очень ужъ мнѣ жалко было м-рсъ Смитъ, бѣдняжки.

— Еще бы. Ну-съ, да будетъ вамъ извѣстно, во-первыхъ, что ко мнѣ явилось цѣлыхъ трое кліентовъ.

И Мона подробно разсказала о своемъ первомъ опытѣ.

— Это навѣрное м-рсъ Диксонъ,—я ужъ догадываюсь. Вздорная, придирчивая старуха. Пусть покупаетъ въ другомъ магазинѣ, мнѣ наплевать. Выдумаетъ тоже: товаръ не хорошъ! Торговаться, небось, умѣетъ: я съ нея за годъ шести пенсовъ не нажила—скареда этакая!

— Вполнѣ вамъ вѣрю,—возразила Мона,—но, знаете ли, дорогая, резиновая тесьма въ самомъ дѣлѣ вся испортилась, и старуха имѣла основаніе быть недовольной. Намъ надо на этой недѣлѣ выписать свѣжую.

— Что такое? Ну ужъ нѣтъ! Вотъ какъ-нибудь зайдетъ разносчикъ, такъ и возьмемъ у него, но ради удовольствія Бетси Диксонъ я пальцемъ не пошевельну. Она отлично знаетъ, что мнѣ нѣтъ необходимости держать магазинъ.

— Но, милая,—Мона сѣла на скамеечку у ногъ кузины и положила свою бѣлую ручку на морщинистую красную руку.—Я не вижу, причемъ тутъ необходимость. Разъ ужъ мы держимъ магазинъ, надо вести дѣло какъ слѣдуетъ.

— А кто же смѣетъ сказать, что я плохо веду его? Никто, кромѣ старой ворчуньи Бетси. Я покупаю все самое лучшее, а не мишурную дрянь, которую у васъ въ Лондонѣ выставляютъ въ магазинахъ только чтобъ заманить покупателя. Вы не умѣете отличить съ перваго взгляда хорошій корсетный шнурокъ или тесьму отъ дурной, а то бы не говорили такъ.

— По всей вѣроятности. Но, знаете ли, дорогая, вѣдь въ Лондонѣ можно достать всякій товаръ, и дурной, и хорошій, притомъ совсѣмъ свѣжій и удивительно дешево. Когда намъ понадобится сразу много разныхъ разностей, вы позвольте мнѣ съѣздить въ Лондонъ. Я увѣрена, что я все куплю дешевле и лучше, чѣмъ вы у своего разносчика и еще привезу вамъ кучу всякихъ модныхъ бездѣлушекъ; тамъ онѣ стоятъ пустяки, а въ провинціи за эти вещи платятъ дорого. Вотъ увидите, наша лавочка прославится на весь околодокъ.

— Господи, помилуй, дѣвочка, что она выдумала!—разсмѣялась Рэчель; идея Моны показалась ей такой же дикой, какъ если бы та предложила съѣздить къ сѣверному полюсу.—Да, вы не въ меня,—прибавила она, снова испытывая пріятное сознаніе своего превосходства надъ Моной;—вы рождены быть магазинщицей! А кто же еще заходилъ?

Мона сдѣлала важное лицо и съ иронической торжественностью протянула:

— *Мужчина.*

— О! Кто бы это могъ быть? Какой онъ изъ себя?

— Высокій,—перечисляла Мона, загибая пальцы,—худой, тощій, некрасивый. Въ общемъ,—она засмѣялась,—производитъ впечатлѣніе человѣка, которому, по выраженію одного изъ нашихъ лекторовъ, «не удалось достичь анатомическаго и физіологическаго идеала». Онъ весь какой-то развинченный, и платье на немъ виситъ, какъ на вѣшалкѣ. (Послѣднее было совершенно несправедливо, какъ могъ бы удостовѣрить портной, одѣвавшій молодого человѣка, но свѣжее воспоминаніе о сагибѣ заставляло Мону относиться ко всѣмъ мужчинамъ слишкомъ критически). Верхняя губа его носитъ нѣкоторые слѣды возмужалости, но нельзя сказать, чтобы слишкомъ обильные; его очки...

— Ахъ, онъ носитъ очки!—Рэчель вздохнула съ облегченіемъ, ощутивъ наконецъ твердую почву подъ ногами.—Неужели же... Это былъ джентльменъ?

*

— Я думаю. Да.

— Такъ бы вы и сказали. Я бы тогда сразу догадалась. А то говоритъ: мужчина!

— Богъ создалъ его такимъ, за такого я и выдаю его,—какъ отвѣтила Порція. Или вы находите, что это эпитетъ для него слишкомъ лестный?

Рэчель засмѣялась.

— Онъ былъ въ темно-синемъ саржевомъ сюртукѣ?

— Кажется. Да, да, теперь я припоминаю, въ темно-синемъ.

— И обхожденіе у него такое простое, пріятное?

— Да.

— Это, должно быть, докторъ Дудлей. Что ему понадобилось?

— Резина.

— Ну, этого добра у насъ хоть отбавляй. Я какъ-то купила цѣлый ящикъ, ужъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ; ея давно ужъ никто и не спрашиваетъ.

— Я думаю,—мысленно вставила Мона.—Кто разъ попался, въ другой не спроситъ.

— Это мѣстный врачъ?—спросила она вслухъ.

— О нѣтъ! Онъ не здѣшній; онъ изъ Лондона. Вы, какъ ходили на дюны, не замѣтили такого большого бѣлаго дома съ большимъ садомъ и со сторожкой, у самаго поворота на Киркстоунъ?

— Да, красивый домъ.

— Тамъ живетъ его старая тетка, м-рсъ Гамильтонъ. Прежде она пріѣзжала только на лѣто и привозила съ собой кучу гостей, но теперь живетъ почти круглый годъ, если только ея не пошлютъ въ Спа, или еще куда-нибудь. Она говоритъ, что ей здѣшній воздухъ всего полезнѣе. Онъ ея единственный наслѣдникъ. Носится она съ нимъ страшно; я думаю, она никого на свѣтѣ и не любитъ, кромѣ него. Онъ всѣ вакаціи живетъ у нея, а когда ей случится прихворнуть, такъ и среди зимы пріѣзжаетъ: въ пятницу къ вечеру пріѣдетъ, а въ воскресенье вечеркомъ обратно.

— Ну, должно быть, у него въ Лондонѣ практика не обширная, если онъ можетъ такъ разъѣзжать.

— Да онъ и совсѣмъ не практикуетъ. Онъ былъ сколько-то лѣтъ докторомъ, а теперь опять еще чему-то учится, я его и не пойму. А только онъ знающій: далъ мнѣ порошки отъ ревматизма, такъ въ нѣсколько дней какъ рукой сняло, а докторъ Бёрнсъ пичкалъ меня чуть не всю зиму обмываньями, да припарками, да лимоннымъ сокомъ, да...

— ...щелочами,—мысленно докончила Мона.—Гораздо болѣе научный способъ лѣченія, чѣмъ общепринятая салицилка.

Надо помнить, что Мона была молода и никогда не страдала ревматизмомъ.

— ...бандажами и т. п.—продолжала Рэгель.—Я ужъ давненько не

видала его. Тетка его все лѣто была заграницей, и домъ стоялъ закологченнымъ.

— У меня была еще кліентка...

И Мона не безъ внутренней тревоги разсказала о судомойкѣ и заказанной ею шляпкѣ.

— Была охота брать на себя такой трудъ!—замѣтила Рэчель.—Не все ли равно, что онѣ носятъ, а нарядныя шляпки лучше окупаются. Извѣстно, молоденькой хочется принарядиться; я, съ своей стороны, не вижу, зачѣмъ маю смотрѣть декабремъ.

Мона вздохнула.

— Можетъ быть, мнѣ не слѣдовало этого дѣлать. Вообще я не имѣю привычки навязывать свои совѣты, но эта дѣвушка показалась мнѣ такой умненькой и симпатичной, несмотря на свой идіотскій нарядъ. Я не привыкла видѣть служанокъ въ такихъ костюмахъ. Впрочемъ, можетъ быть, я, какъ ребенокъ, построила плотину изъ песку, чтобы преградить путь приливу.

— Я одного не понимаю: изъ-за чего вы безпокоитесь. Не все ли вамъ равно, какъ она одѣта? Подумаешь, дѣло идетъ о чести или религіи.

Мона опять вздохнула, потомъ засмѣялась не безъ горечи.

— Здѣшніе обыватели, безъ сомнѣнія, могутъ быть моими наставниками въ области чести и религіи; но нынче утромъ мнѣ показалось, что я могу научить кое-чему эту дѣвочку въ области искусства отдѣлывать шляпы.

— Я увѣрена, что она не дальше, какъ въ понедѣльникъ, придетъ и скажетъ, что передумала.

Наступила пауза, довольно длинная. Рэчель первая нарушила молчаніе:

— Душа моя, откуда у васъ такое необыкновенное имя? Я его первый разъ слышу. Вѣдь вашу мать, кажется, звали Маргаритой?

— Да, и мое второе имя—Маргарита, но меня никто такъ не называетъ. По моему, чѣмъ короче имя, тѣмъ оно лучше.

— Гм.! А я бы на вашемъ мѣстѣ не стала зваться Моной. Чудно́е какое-то имя. Я его и выговорить-то не могу.

И дѣйствительно, во все время, что Мона жила у кузины, та ее не называла иначе, какъ «душа моя».

XIII.

Церковь.

На слѣдующій день утро выпало чудесное; солнце ярко сіяло на безоблачномъ небѣ и прогулка въ Киркстоунъ обѣщала Монѣ много удовольствія. Дорога шла вдоль берега, отдѣленная отъ моря полосой желтыхъ сжатыхъ полей. Ландшафтъ былъ самый будничный и не блиставшій красками, но, послѣ массивнаго величія Норвегіи, взоръ Моны съ удовольствіемъ останавливался на лежавшей передъ ней

шахматной доскѣ пашень, перегороженной на клѣтки живыми изгородями и мшистыми канавами.

Онѣ прошли уже полдороги, когда пріятный баритонъ позади ихъ сказалъ:

— Добраго утра, миссъ Симпсонъ.

— Ахъ, докторъ, здравствуйте. Душа моя, это докторъ Дудлей.

Докторъ приподнялъ шляпу и пошелъ рядомъ съ ними, стараясь приноровить свою размашистую походку къ мелкимъ степеннымъ шажкамъ Рэчели.

— Ну, что нашъ ревматизмъ?

— Удивительное дѣло, докторъ: какъ только заноетъ гдѣ, или заколетъ, сейчасъ я въ аптеку за вашими порошками и вмигъ какъ рукой сниметъ.

— Очень хорошо, отлично. Вы не откажетесь дать мнѣ удостовѣреніе?

— Конечно! отъ всего сердца готова услужить вамъ. Какъ же это вы нынче измѣнили м-ру Юингу? Что онъ скажетъ?

— Дѣйствительно, измѣнилъ, миссъ Симпсонъ. Къ счастью, м-ръ Юингъ въ этомъ отношеніи не особенно обидчивъ. Вашъ м-ръ Стюартъ такъ мило и довѣрчиво просилъ меня придти послушать его, что я, при первомъ же удобномъ случаѣ, воспользовался его приглашеніемъ.

— И очень рада. По крайней мѣрѣ услышите проповѣдь, совсѣмъ не похожую на тѣ, которыя говоритъ м-ръ Юингъ.

Докторъ засмѣялся.

— М-ръ Юингъ безспорно не Златоустъ, но онъ славный малый и джентльменъ, и въ этомъ отношеніи имѣетъ несомнѣнно облагораживающее вліяніе на свою паству.

— Такъ-то оно такъ, докторъ; но не думаете ли вы, что пріятнѣе имѣть воду живую въ красивомъ сосудѣ?...

Докторъ внезапно перешелъ въ серьезный тонъ.

— Ахъ, дали бы намъ только воду живую, а сосудъ не все ли равно, какой!

— Погодите, вотъ послушайте м-ра Стюарта; тогда посмотримъ, что вы скажете.

Чуть замѣтная улыбка скользнула по губамъ доктора. Онъ взглянулъ на Мону и поймалъ ея пристальный взглядъ, устремленный на него, но дѣвушка тотчасъ же отвела глаза. Ей не хотѣлось, чтобъ Рэчель могла упрекнуть ее хотя бы въ самомъ невинномъ предательствѣ; но лицо ея говорило достаточно краснорѣчиво, а его глаза, не смотря на близорукость, были очень зорки.

— *Que diable allait elle faire dans cette galère?* *)—подумалъ онъ про себя.

---

*) Какъ она сюда попала?

— Душа моя,—обратилась Рэчель къ Монѣ таинственнымъ тономъ, который обязательно принимаютъ люди извѣстнаго сорта, когда говорятъ о вещахъ священныхъ;—мы обыкновенно причащаемся послѣ обѣдни. Вы останетесь?

— А вы хотѣли бы, чтобъ я осталась?

— Вы удивитесь, когда узнаете, какъ мы широко смотримъ на вещи.—Рэчель возвысила голосъ.—У м-ра Стюарта вышли даже непріятности съ другими священниками изъ-за его либерализма. Онъ говоритъ, что считаетъ себя не вправѣ оттолкнуть ни одного обращеннаго христіанина.

Искорки смѣха запрыгали въ глазахъ доктора Дудлея.

— Смѣю думать, что обращенный язычникъ былъ бы еще любезнѣе сердцу Стюарта.

— Разумѣется, разумѣется, докторъ. Вы понимаете, что я хочу сказать. М-ръ Стюартъ находитъ, что въ наше время недостаточно называться просто христіаниномъ, потому что многіе, именующіе себя такъ, боятся самаго слова «обращенный».

Докторъ Дудлей опять взглянулъ на Мону, но на этотъ разъ она была на сторожѣ и не дала поймать себя.

— Я считаю это слово однимъ изъ самыхъ высокихъ по смыслу,— гордо выговорила она, глядя прямо передъ собой.—Но все же сегодня я врядъ ли останусь. Подождать васъ, дорогая?

— Какъ хотите, душа моя, какъ хотите. Изъ церкви всегда есть съ кѣмъ вернуться домой.

Они шли теперь по улицамъ Киркстоуна, маленькаго городка съ старинными зданіями причудливой архитектуры; сильный запахъ рыбы и водорослей ударилъ имъ въ носъ, когда они свернули направо и стали спускаться къ морю. Спускъ былъ крутой; внизу, по берегу, вдоль гавани тянулся рядъ лавокъ и складовъ; гавань смотрѣла весело и оживленно, вся расцвѣченная флагами; контуры искусно заштопанныхъ парусовъ живописно вырисовывались на синемъ фонѣ неба; на самомъ припекѣ грѣлись загорѣлые бѣлоголовые ребятишки; двухколесный гигъ—единственный экипажъ, виднѣвшійся на берегу,—катился по камнямъ съ грохотомъ, совершенно не соотвѣтствовавшимъ его размѣрамъ и виду; мѣстные обыватели, съ молитвенниками въ рукахъ, не спѣша, направлялись въ церковь, бесѣдуя по дорогѣ о послѣднемъ уловѣ селедки.

Рэчель шла впереди, остальные за нею. Свернувъ въ сторону, противоположную морю, и взобравшись на небольшой крутой холмикъ, они вступили въ узкую темную улочку, гдѣ стояла простенькая церковь, напротивъ огромнаго и вонючаго кожевеннаго завода.

Новый уголокъ міра открылся Монѣ, когда она вошла въ церковь. Чистенькая, заново выкрашенная и отлакированная, съ красными бархатными подушками на лавкахъ, она смотрѣла опрятной и респекта-

бельной; большинство молящихся были въ нарядныхъ праздничныхъ платьяхъ: женщины въ старинныхъ шаляхъ и чепцахъ съ красными бридами, дѣвочки въ голубыхъ лентахъ и съ розами у корсажа, мальчики въ наглухо застегнутыхъ, плохо сидящихъ воскресныхъ курточкахъ, съ избыткомъ помады на неровно остриженныхъ дома волосахъ. Въ воздухѣ уже замѣтно попахивало пеперментами; раскрытые молитвенники и библіи были переложены ноготками и полузавядшими вѣточками божьяго дерева.

Ни служба, ни проповѣдь не представляли собой ровно ничего замѣчательнаго. Тысячи точно такихъ же проповѣдей произносились въ этотъ самый часъ по другимъ деревнямъ и селамъ. Люди, симпатизировавшіе проповѣднику, находили въ ней чѣмъ восхищаться, не симпатизировавшіе ему—надъ чѣмъ посмѣяться; но не было въ ней ни единаго слова, которое кого-нибудь поразило бы неожиданностью, или всколыхнуло бы чье-нибудь сердце.

Къ полудню солнце стало припекать. Въ церкви было нестерпимо душно; все сильнѣе пахло свѣжей краской и пеперментами. Мальчуганъ рядомъ съ Моной уснулъ послѣ перваго же псалма, и его обильно уснащенная масломъ головенка то и дѣло покушалась опуститься на рукавъ Моны, но докторъ Дудлей, сидѣвшій позади, каждый разъ удерживалъ его во́-время. Мона была несказанно рада, что не обѣщала ждать Рэчель, и тотчасъ же послѣ благословенія поспѣшила вырваться на свѣжій воздухъ, какъ птичка изъ клѣтки.

Скоро ее нагналъ докторъ Дудлей.

— Ну-съ, — началъ онъ,—вамъ, безъ сомнѣнія, пріятно будетъ узнать, что ваша резинка оказала мнѣ бездну услугъ.

Мона наклонила голову, не отвѣчая. Такое начало разговора ей не понравилось. Онъ, конечно, воображаетъ себѣ, что такое снисхожденіе очень лестно для «магазинщицы».

Но Дудлей былъ слишкомъ заинтересованъ ея лицомъ, чтобы обратить вниманіе на ея молчаливость. Такое лицо не часто встрѣтишь. Онъ все время изучалъ его въ церкви и теперь не могъ удержаться отъ искушенія позондировать почву.

— Жалкій человѣкъ!—началъ онъ осторожно.

— М-ръ Стюартъ?—равнодушнымъ тономъ спросила Мона.

— Да. Я давно уже наблюдаю за нимъ. Онъ все усиливается выбраться изъ болота посредственности, но смѣло могъ бы себя избавить отъ этого труда.

Мона невольно улыбнулась. Этой мимолетной, но тонкой усмѣшки было достаточно, чтобы докторъ Дудлей не колебался болѣе.

— Пройдя черезъ агонію сомнѣній и основательно изучивъ Іосифа Кука, онъ, наконецъ, рѣшилъ держаться «эволюціи въ границахъ», какъ онъ выражается. Я думаю, онъ каждый разъ, всходя на каѳедру, испытываетъ чувство удовольствія и вмѣстѣ обиды отъ сознанія, что

онъ могъ бы, еслибъ захотѣлъ, наэлектризовать свою аудиторію и что онъ вынужденъ расточать сокровища своего знанія передъ горстью жалкихъ рыбаковъ.

Дудлею было самому смѣшно, что онъ говоритъ съ такимъ жаромъ, но въ данный моментъ онъ былъ въ такомъ настроеніи, что могъ бы говорить о священникѣ съ его лошадью, или собакой, будь та или другая его единственной спутницей; къ тому же, ему интересне было знать, какъ отнесется Мона къ этой характеристикѣ. Пойметъ ли она этотъ жаргонъ конца вѣка?

— Онъ, должно быть, человѣкъ разумный и сдержанный,—спокойно отвѣтила Мона.

Это было умно и ни къ чему не обязывало.

— Да, само собой, онъ не проповѣдываетъ выживанія наиболѣе приспособленныхъ и вліянія среды, но потому-то онъ и жалокъ. Будь онъ тѣмъ, чѣмъ онъ себя считаетъ, онъ не могъ бы удержаться, чтобы не проповѣдовать *этого; это* бы у него сквозило во всемъ. Дѣло въ томъ, что онъ за всю свою жизнь вполнѣ усвоилъ себѣ только двѣ доктрины: оправданіе вѣрой,—или та же доктрина въ его собственной версіи—и крещеніе посредствомъ погруженія, какъ исповѣданіе вѣры. Все же остальное, что онъ пріобрѣлъ или еще пріобрѣтетъ, будетъ только наноснымъ, но не сдѣлается частью его самого, не войдетъ въ его плоть и кровь.

— Другими словами, онъ таковъ же, какъ девяносто девять сотыхъ человѣческой расы?

Дудлей засмѣялся.

— Можетъ быть. Бѣдный Стюартъ! Я увѣренъ, что онъ въ каждомъ новомъ слушателѣ зритъ интереснаго молодого скептика, на которомъ ему хочется попробовать свои силы. Это—*Ultima Thule* *) его честолюбія.

— Жаль, что ему это не удается. Интересный молодой скептикъ въ наше время—видъ довольно распространенный и обыкновенно онъ бываетъ не прочь выступить открыто въ качествѣ такового.

Докторъ Дудлей не даромъ изучалъ лицо Моны. Тонъ ея рѣзнулъ его по уху, и онъ быстро окинулъ ее внимательнымъ испытующимъ взглядомъ.

— Интересно знать, давно ли...—началъ онъ и запнулся: это было ужъ совершенно непозволительно.

Чопорность Моны растаяла въ тихомъ смѣхѣ.

— Давно ли я сама была интереснымъ молодымъ скептикомъ?—докончила она.—Не смущайтесь, вопросъ заслуженъ, и я отвѣчу на него совершенно искренно. О, это было очень, очень давно! Не легко построить новый Римъ на развалинахъ разрушеннаго.

---

*) Крайній предѣлъ.

— Вы думаете? А мнѣ такъ кажется наоборотъ. Такъ ужасно совсѣмъ не имѣть Рима.

Build thee more stately mansions, O my soul,

— Продолжайте,—сказала Мона.

«Build thee more stately mansions, O my soul,
As the swift seasons roll!
Leave thy low vaulted past.
Let each new temple, nobler than the least,
Shut thee from heaven by a dome more vast;
Till thou at length art free,
Leaving thine outgrown shell by life's unresting sea!» *).

Мона вдругъ сообразила, въ чемъ его главная привлекательность: у него былъ необыкновенно звучный и пріятный голосъ.

— Не спуститься ли намъ къ берегу и не вернуться ли домой по дюнамъ? Это было бы гораздо пріятнѣе.

— Не сегодня, когда-нибудь въ другой разъ,—сказала Мона, но это означало въ сущности: не въ вашемъ обществѣ.

Они такъ увлеклись разговоромъ, что и не замѣтили, какъ дошли до воротъ дачи м-рсъ Гамильтонъ. Дудлей уже хотѣлъ предложить своей спутницѣ проводить ее до дому, но вспомнилъ, кто она, и передумалъ. Соображеніе, остановившее его, было не особенно благородно, съ точки зрѣнія вѣчности, но и лучшіе изъ насъ не всегда смотрятъ на жизнь съ этой точки зрѣнія.

— Кто эта молодая особа, которая живетъ у миссъ Симпсонъ?—спросилъ онъ у тетки за завтракомъ. Онъ хотѣлъ было сказать: молодая лэди, но удержался, зная, какъ щепетильна на этотъ счетъ м-съ Гамильтонъ.—Она замѣчательно умна.

— Племянница ея, кажется. Да, толковая дѣвушка. Я въ этомъ году еще не видала ихъ.

— Неужели она дочь сестры миссъ Симпсонъ?

— Кажется, что такъ. А почему бы ей и не быть дочерью миссъ Симпсонъ второй?

— Почему? Да это необычайная игра природы. Эта дѣвушка какой-то скрытый геній.

— Полно, Ральфъ! — засмѣялась старуха, подмигнувъ ему однимъ глазомъ.—Въ Борроунессѣ кумушками хоть прудъ пруди; точатъ язычки и насчетъ племянницы миссъ Симпсонъ, но *этого* о ней навѣрное никто еще не говорилъ!

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

*) Быстрой чередою смѣняются года; ты же, душа моя, съ каждой смѣной строй себѣ жилище обширнѣй и выше. Покинь низкіе своды минувшаго; пусть каждый новый храмъ будетъ благороднѣе предъидущаго и обширнѣе куполъ его, закрывающій отъ тебя небо,—пока, наконецъ, ты не освободишься, сбросивъ въ вѣчно волнующееся море жизни, оболочку, которая стала для тебя слишкомъ тѣсной.

РАЗСКАЗЫ АЛЛЕНА УАЙТА.

Переводъ съ англійскаго.

I.

Возвращеніе домой.

Небольшая повозка, обтянутая бѣлой парусиной, завернула налѣво по Калифорнійской дорогѣ и направилась къ маленькой степной рѣчкѣ, ютившейся у подошвы длиннаго низкаго холма. У одного изъ изгибовъ этой рѣчки бѣлая повозка остановилась. Изъ нея вышли мужчина и женщина; нѣкоторое время они стояли молча и смотрѣли на луга, поросшіе дикою, зеленою травой, и на далекіе холмы. Онъ былъ очень молодъ, но, не смотря на юношескую внѣшность, въ немъ чувствовалась мужская сила. Она была воплощеніемъ цвѣтущей, здоровой молодости. Въ глазахъ ея блеснули слезы, когда она, взглянувъ на мужа, проговорила:

— Вотъ и кончилось наше свадебное путешествіе, и... и медовый мѣсяцъ, единственный за всю нашу жизнь, прошелъ.

Лошади, начавшіе нетерпѣливо двигаться въ своей пыльной упряжи, помѣшали ему отвѣтить. Онъ поспѣшилъ къ нимъ и, вернувшись, засталъ жену, вынимавшую изъ повозки кухонную посуду, и для нихъ началась обыденная жизнь—суровая и тревожная,

Такъ молодой капитанъ Гёксъ привезъ въ Канзасъ свою жену.

Они были молоды, сильны, бодры, и — побѣдили пустыню. На берегу рѣчки появился домъ. Дѣвственные луга превратились въ распаханныя, засѣянныя хлѣбомъ поля. Лѣтомъ на поляхъ золотилась рожь, вышиною съ лошадиный ростъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ съ холма уже открывался видъ на садъ и огородъ фермы, напоминавшій шахматную доску; все было выравнено, подстрижено и улыбалось на солнцѣ.

Маленькія дѣти бѣгали по саду и отправлялись въ школу по вновь проложеннымъ дорожкамъ, обсаженнымъ съ обѣихъ сторонъ молодыми тополями.

Случалось, огонь въ кухнѣ горѣлъ всю ночь и двѣ головы склонялись надъ счетами, стараясь свести концы съ концами. Въ эти годы

дѣвическая фигура молодой женщины сгорбилась и огонь потухъ въ ея глазахъ; мужъ ея тоже склонился подъ тяжестью борьбы. Временами они ожесточались противъ непосильнаго креста, выпавшаго имъ на долю, потомъ примирялись со своей участью и бодро продолжали работать. Такъ шла жизнь, молодость смѣнилась зрѣлымъ возрастомъ, а потомъ наступила старость. Дѣти выросли и разошлись въ разныя стороны искать счастья.

Въ это-то время Гёксы особенно часто вспоминали покинутую родину. По вечерамъ, сидя вдвоемъ въ опустѣвшемъ домѣ, они любили говорить о родныхъ мѣстахъ, среди которыхъ прошла ихъ молодость. За все время имъ ни разу не удалось съѣздить домой въ Огіо. Отецъ и мать полковника умерли. Родныхъ его жены также уже не было въ живыхъ. И тѣмъ не менѣе, имъ обоимъ хотѣлось съѣздить домой. Много лѣтъ толковали они о красотахъ своего родного уголка. Дѣти ихъ воспитывались въ убѣжденіи, что на свѣтѣ нѣтъ болѣе прекраснаго мѣста, чѣмъ штатъ Огіо. Канзасская трава казалась короткой и лишенной красоты въ сравненіи съ великолѣпіемъ огійскихъ полей. Черныя канзасскія равнины представлялись полковнику и его женѣ безобразными, когда они сравнивали ихъ съ тѣнистыми холмами родины. У м-съ Гёксъ тоска по родинѣ временами мучительно обострялась и не давала ей покою.

Когда они выдали замужъ свою послѣднюю дочь, поселившуюся съ мужемъ въ сосѣдней деревнѣ, м-съ Гёксъ свела всѣ счеты и убѣдилась, что въ банкѣ у нихъ отложено достаточно долларовъ, и они могутъ себѣ позволить маленькій праздникъ.

Въ этомъ году урожай былъ очень хорошъ. М-съ Гёксъ возобновила переписку съ одной изъ кузинъ мужа, жившей въ Огіо, и добилась отъ нея приглашенія погостить на нѣсколько недѣль. Затѣмъ она же осчастливила своего мужа, заказавъ ему для этого торжественнаго случая новый сюртукъ—первый, сшитый имъ со времени свадьбы. Полковникъ Гёксъ охотно согласился на поѣздку, для которой, благодаря экономіи его жены, не пришлось дѣлать никакихъ займовъ и выходить изъ бюджета.

Отъѣздъ ихъ былъ назначенъ въ одинъ изъ свѣтлыхъ осеннихъ дней, какіе бываютъ въ Канзасѣ въ началѣ октября. Лѣтняя пыль, носившаяся надъ полями, была смыта дождемъ и всѣ предметы отчетливо рисовались въ прозрачномъ воздухѣ. Лѣсъ на берегу маленькой рѣчки, протекавшей около фермы, былъ покрытъ яркой зеленой листвой. Хлѣбные колосья на поляхъ отливали сверкающимъ золотомъ, Небо сіяло яркой синевой и большія пушистыя облака, лѣниво плывущія въ глубинѣ его, казались близкими и почти доступными прикосновенію.

М-съ Гёксъ въ послѣдній разъ передъ отъѣздомъ убрала посуду послѣ завтрака и вдругъ почувствовала, что старый домъ опустѣетъ,

когда они уѣдутъ. Молчаніе, которое должно наступить здѣсь, уже охватывало ее, и ей стало немного грустно. Для м-съ Гёксъ каждая мелочь въ домѣ была связана съ особыми воспоминаніями, и въ кухнѣ до сихъ поръ еще стоялъ складной стулъ, который пріѣхалъ съ ними въ бѣлой повозкѣ изъ Огіо. М-съ Гёксъ чувствовала, что она не сможетъ разстаться съ этимъ стуломъ. Мужъ ея въ это время хлопоталъ около риги, въ двадцатый разъ повторяя одному изъ сосѣдей инструкціи насчетъ того, какъ слѣдуетъ беречь хлѣбъ.

Наконецъ, насталъ часъ отъѣзда. Старички вышли на крыльцо и полковникъ заперъ дверь на ключъ.

— Помнишь, отецъ,—сказала м-съ Гёксъ, сходя со ступенекъ,—помнишь, какъ мы пріѣхали съ тобой сюда, 30 лѣтъ тому назадъ? Сколько воды утекло съ тѣхъ поръ, сколько всего было и прошло, и вотъ мы съ тобой опять остались одни.

— Я, матушка...—началъ было полковникъ, но м-съ Гёксъ перебила его:

— Помнишь, какая я была въ тотъ день? О, Вильямъ, ты былъ тогда такой стройный и красивый! Что сталось съ моимъ мальчикомъ, съ моимъ милымъ, молодымъ, сильнымъ мальчикомъ?

Глаза м-съ Гёксъ были влажны и голосъ ея оборвался на послѣднихъ словахъ.

— Подожди минутку, матушка,—сказалъ полковникъ, уходя за уголъ дома,—я посмотрю, заперта ли дверь въ кухню.

Дорогой м-съ Гёксъ и ея мужъ были преисполнены заботами о покинутомъ домѣ. Въ ихъ отрывочномъ разговорѣ сказывалось гораздо больше безпокойства по поводу мѣста, которое они покидали, чѣмъ радости по поводу ожидаемаго возвращенія на родину. Красоты Огіо, ослѣпительная зелень его холмовъ, прохлада луговъ, прорѣзанныхъ журчащими ручьями,—вся эта картина какъ бы померкла передъ духовными очами стариковъ, когда они повернули за уголъ и ихъ канзасскій домъ скрылся изъ виду. М-съ Гёксъ вспоминала свою спальню, которую она оставила въ безпорядкѣ, и эта мысль такъ занимала ее, что для предвкушенія будущихъ удовольствій въ душѣ уже не оставалось мѣста. Въ вагонѣ полковникъ Гёксъ сразу началъ разговоръ о Канзасѣ со своимъ спутникомъ, который оказался обитателемъ Цинцинати. На станціи Канзасъ-Сити они поужинали привезенной изъ дому провизіей; м-съ Гёксъ вспомнила, что они ѣдятъ маленькаго бѣлаго цыпленка Кохинхины, и почувствовала сильную тоску по дому; полковникъ, которому она сообщила о цыпленкѣ, также задумался.

Къ вечеру они пріѣхали къ мѣсту своего назначенія. М-съ Гёксъ возобновила старое знакомство съ женскою половиною семьи, удалившись въ спальню, а полковникъ съ мужчинами сидѣли въ гостиной и перебирали умершихъ и отсутствующихъ родственниковъ и знакомыхъ. Утромъ, въ ожиданіи завтрака, полковникъ отправился побродить по

лугамъ. Ему показалось, что ручеекъ, протекающій по лугу—некрасивъ и маловоденъ. Онъ отыскалъ камень, съ котораго, будучи мальчикомъ, ловилъ рыбу. Камень этотъ представлялся ему въ воспоминаніяхъ чуть ли не утесомъ, и онъ разсказывалъ своимъ дѣтямъ удивительныя вещи про его необычайные размѣры. Теперь же ему казалось, что за 30 лѣтъ камень сталъ вдвое меньше. Мохъ на берегу рѣки былъ выцвѣтшій и старый, и красота, которую онъ искалъ, омрачалась тысячью неправильностей, которыхъ не было въ той картинѣ мѣстности, сохранившейся въ его памяти.

Полковникъ Гёксъ бродилъ по берегу рѣчки, заложивъ руки за спину и насвистывая старую пѣсенку, и старался примирить то, что онъ видѣлъ, съ тѣмъ, что ожидалъ здѣсь найти. За завтракомъ онъ ничего не сказалъ о своемъ разочарованіи, но когда они на минутку остались вдвоемъ съ женою, въ то время какъ ихъ хозяева готовились устроить прогулку въ экипажѣ, м-съ Гёксъ заявила ему:

— Знаешь, я смотрѣла изъ окна, до чего у нихъ здѣсь все засушено. Что это за трава — сухая и короткая! Земля кажется болѣе выжженной и сухой, чѣмъ въ Канзасѣ.

— Гм, да,—отвѣтилъ полковникъ.—Я и самъ тоже замѣтилъ. Хотя урожай здѣсь кажется недуренъ въ этомъ году.

Когда коляска, въ которой сидѣли обѣ семьи, проѣзжала черезъ мостъ, полковникъ, сидѣвшій спереди, обернулся къ женѣ и сказалъ:

— Посмотри-ка, матушка, у нихъ теперь новая мельница, которая будетъ поменьше старой.

На это двоюродный братъ его возразилъ:

— Биль Гёксъ, что съ тобой приключилось? Неужели ты не узнаешь старой мельницы, въ которой мы съ тобой когда-то охотились за голубями?

Полковникъ сталъ ближе присматриваться и пробормоталъ:

— Ахъ, чортъ! почему же она какъ будто стала меньше? Вѣдь правда, она кажется меньше?—обратился онъ къ женѣ.

Такъ они ѣхали съ полчаса, болтая о томъ и о семъ, когда м-съ Гёксъ, внимательно присматривавшаяся къ мѣстности, вдругъ дернула мужа за рукавъ и проговорила:

— Вотъ оно, отецъ! Вотъ то мѣсто.

— Какое мѣсто?—спросилъ полковникъ, увлекшійся разговоромъ о тарифахъ.

— Неужели ты не помнишь, Вильямъ?—проговорила его жена съ дрожью въ голосѣ, которая была замѣчена сидѣвшею рядомъ съ нею кузиною.

Всѣ замолкли, ожидая отвѣта полковника. Тотъ повернулся къ кузинѣ и сказалъ:

— Это то мѣсто, гдѣ я однажды чуть не опрокинулъ повозку, спускаясь съ холма. Намъ съ матерью оно почему-то запомнилось.

Старикъ погладилъ свою сѣдѣющую бороду и многозначительно улыбнулся, и м-съ Гёксъ почувствовала себя очень счастливой. Въ теченіе получаса даже высохшая трава, которая въ воспоминаніяхъ казалась ей такой свѣжей, не могла омрачить ея настроенія духа.

Когда обитатели Канзаса остались вечеромъ наединѣ, полковникъ спросилъ:

— Тебѣ не кажется, что все здѣсь совсѣмъ не то, что мы ожидали увидѣть? Какъ будто все полиняло и сморщилось и постарѣло. Трова какая-то пыльная. Деревья, которыя были такими высокими и тѣнистыми, теперь стали просто ни на что не похожи. Холмы, которые я считалъ чуть ли не горами, оказываются, по правдѣ сказать, даже меньше того пригорка... у насъ дома.

Въ Канзасѣ стало для нихъ теперь «дома». Тридцать лѣтъ изнемогающіе въ борьбѣ люди въ далекой преріи утѣшали себя мыслью «возвращеніи домой» въ Огіо. И вотъ, вернувшись въ Огіо, они оба сразу почувствовали, что здѣсь они не дома.

— Ты жалѣешь, что мы пріѣхали?—спросила м-съ Гёксъ у полковника, начинавшаго уже впадать въ дремоту.

— Не знаю,—отвѣчалъ онъ.—А ты?

— Я, пожалуй, что и жалѣю. Какъ-то мнѣ все здѣсь не нравится и жаль той картины, которая столько лѣтъ хранилась въ памяти и теперь пропала. Лучше бы ужъ не пріѣзжать, чѣмъ видѣть все такимъ измѣнившимся—совсѣмъ не тѣмъ, что было раньше!

Такъ они смотрѣли старыми глазами на обстановку своей юности. Какъ выцвѣли всѣ краски! Какая трагическая разница между сіяніемъ утренней зари и прощальными лучами заката!

По прошествіи перваго дня, полковникъ Гёксъ не въ силахъ былъ болѣе сдерживаться и принялся нестерпимо хвастать своей канзаской фермой; а, слушая его, м-съ Гёксъ тоже дала волю своей хозяйской гордости. Раньше она питала затаенное презрѣніе къ канзасскимъ хвастунамъ и даже желала отправить ихъ всѣхъ въ Огіо, чтобы они могли убѣдиться, до какой степени въ Канзасѣ все ничтожно и недостойно вниманія. Теперь же м-съ Гёксъ ловила себя на разговорахъ о томъ, «какая у васъ въ Огіо плохая рожь», и пр., и пр.

Со второго дня м-съ Гёксъ ощутила непреодолимую тоску по дому. Ее заботила мысль о кладовой, полковникъ же безпокоился главнымъ образомъ о своей собакѣ. Пятый день ихъ пребыванія въ гостяхъ былъ и послѣднимъ. Когда они ѣхали въ экипажѣ на станцію, м-съ Гёксъ услышала, что ея мужъ говорилъ со своимъ двоюродныиъ братомъ, приблизительно, слѣдующимъ образомъ:

— Долженъ сказать тебѣ, Джимъ, я лучше бы сдѣлался чернорабочимъ, чѣмъ маяться всю жизнь, какъ ты маешься съ этимъ хозяйствомъ. Я знаю только одно,—у насъ, въ Канзасѣ, налоги ниже, школы лучше и во всѣхъ отношеніяхъ жизнь легче, чѣмъ здѣсь. А что ка-

сается травяной кобылки, которая будто бы, уничтожаетъ наши луга, мнѣ просто смѣшно слушать такіе разговоры! Да вотъ тебѣ мой сынъ Билль—онъ родился и выросъ въ Канзасѣ и теперь служитъ въ судѣ. Онъ за всю свою жизнь не видѣлъ ни одной кобылки—не съумѣлъ бы отличить ее отъ простого кузнечика, если бы она ему попалась по дорогѣ.

И сама м-съ Гёксъ поймала себя на слѣдующемъ разговорѣ съ кузиной:

— Фруктовъ у насъ въ этомъ году было столько, что я кормила яблоками свиней; я продала вишень только съ одного дерева, которое растетъ у самаго дома, и ихъ оказалось 16 четвертей.

Когда они усѣлись въ поѣздъ, уносившій ихъ домой, м-съ Гёксъ сказала мужу:

— Не понимаю, какъ они здѣсь ухитряются жить. Я бы хотѣла, чтобы Мэри пріѣхала къ намъ и посмотрѣла, какъ у меня въ кухнѣ проведена прямо горячая и холодная вода. Она чуть въ обморокъ не упала, когда я ей про это разсказала. Но у нихъ такая рутина, они не признаютъ ничего новаго.

Такіе разговоры очень нравились полковнику и онъ охотно поддерживалъ ихъ. Старички чувствовали себя очень счастливыми. Они искали родственныхъ душъ и очень обрадовались, когда, проснувшись на другое утро, услышали рядомъ съ собой пискливый женскій голосъ, говорившій:

— И вотъ, сэръ, когда наконецъ дожди наступили, м-ръ Моррисъ думалъ, что не останется уже ни одной травинки на сѣно, и вдругъ оказалось, что мы собрали больше 40 бушелей съ акра на этомъ полѣ.

Полковникъ окончательно проснулся и подмигнулъ женѣ, между тѣмъ какъ женскій голосъ продолжалъ:

— М-ръ Моррисъ такъ боялся, что за зиму пшеница погибнетъ. Во всѣхъ газетахъ объ этомъ писали. А потомъ настали поздніе морозы и всѣ думали, что ужъ хлѣбъ совсѣмъ погибнетъ. А между тѣмъ оказалось...

М-съ Гёксъ дольше не могла выдержать. Она подсѣла къ дамѣ съ пискливымъ голосомъ и спросила ее:

— Извините, пожалуйста, ма'мъ, вы изъ какой части Канзаса?

Произошло нѣчто подобное встрѣчѣ между дорогими родственниками. Остальную часть пути вся компанія занималась непрерывнымъ славословіемъ Канзаса. Когда они въѣхали въ предѣлы своего штата, полковникъ съ гордостью обращалъ вниманіе своихъ спутниковъ на большіе школьные дома, возвышающіеся въ каждой деревнѣ, и указывалъ на ихъ архитектурныя красоты. Онъ разсказывалъ исторію каждой дороги, проложенной между Кау и Топеко, краснорѣчиво объяснялъ значеніе угольныхъ копей Озажа и съ гордостью указывалъ на многочисленныя природныя богатства Канзаса.

Когда полковникъ и его жена выѣхали изъ Канзасъ-Сити домой

по равнинѣ, на которой ложились длинныя черныя тѣни и голубоватая дымка застилала далекіе холмы, молчаніе объяло ихъ сердца. Каждый изъ нихъ вспоминалъ пройденный жизненный путь. Лай собаки за изгородью не прерывалъ ихъ грёзъ. Безпокойный скотъ, блуждавшій по склону холма, дополнялъ для нихъ ту картину, которую они любили.

— Скоро солнце сядетъ, отецъ,—сказала м-съ Гёксъ, кладя свою руку на руку мужа.

Отъ ея прикосновенія и тона, какимъ она сказала эти слова, что-то дрогнуло въ сердцѣ старика.

Онъ повторилъ, избѣгая ея взгляда:

— Да, скоро солнце сядетъ, скоро!..

— Это былъ длинный день, Вильямъ, но мнѣ было хорошо съ тобой. А ты, Вильямъ, былъ ли ты счастливъ?

Полковникъ отвернулся. Онъ боялся сказать что-нибудь, чтобы не выдать своего волненія. Когда же они въѣхали во дворъ, полковникъ обнялъ свою жену, прижался щекой къ ея лицу и проговорилъ съ усмѣшкой:

— Взгляни на эту собаку—лаетъ, какъ будто никогда не видала бѣлыхъ людей.

Такъ полковникъ Гёксъ вернулся съ женой «домой» въ Канзасъ.

II.

Исторія одной могилы.

Въ большой американской пустынѣ есть одно мѣстечко, гдѣ растетъ зеленая трава. Около устья высохшей рѣки, гдѣ длинная полоска бѣлаго алкали вьется у подножія горъ, стоитъ маленькая гостинница. Она построена на холмѣ. У подножья его находится садъ, въ которомъ мѣстный садовникъ съ помощью привезенной воды, совершилъ настоящее чудо: въ этомъ исскуственномъ оазисѣ растутъ деревья, трава, красивые, яркіе цвѣты. Дѣти и молодежь бродятъ по лужайкѣ, а наверху, на террасѣ передъ домомъ грѣются на солнцѣ усталые, ослабѣвшіе обитатели гостинницы, и смотрятъ внизъ, на безконечную даль бѣлаго песка, причудливыя, волнистыя очертанія котораго сливаются на горизонтѣ съ синевой неба.

Большинство нѣжащихся на террасѣ, посѣтителей гостинницы,—больные люди. Гостинница вообще является прибѣжищемъ для инвалидовъ. Здѣсь собираются сотни измученныхъ людей, преисполненныхъ трагическою любовью къ жизни. Здѣсь они присутствуютъ при мерцаніи и угасаніи чужихъ жизней и все-таки надѣются и ждутъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ солнце и ясный свѣжій воздухъ возвращаютъ къ жизни, но многіе умираютъ. На широкой верандѣ происходитъ ожесточенная борьба жизни и смерти.

Главный клеркъ Гаукинсъ былъ всецѣло поглощенъ этой борьбой. Онъ былъ дѣятельнымъ человѣкомъ, твердымъ, молчаливымъ, сдержаннымъ и отталкивающимъ. Теперь онъ сидѣлъ на террасѣ и съ презрительной усмѣшкой смотрѣлъ на своихъ сосѣдей, старавшихся отнять у вѣчности еще нѣсколько минутъ жизни. Ему не приходило въ голову, что самъ онъ былъ однимъ изъ солдатъ, принимавшихъ участіе въ этомъ смертномъ боѣ; а его между тѣмъ уже отнесли въ разрядъ безнадежныхъ.

Долгое время Гаукинсъ сидѣлъ такимъ образомъ на террасѣ, пока докторъ не предписалъ ему ежедневныхъ прогулокъ. Гаукинсъ нехотя разстался со своими сожителями, проводящими цѣлые дни на террасѣ. Онъ презиралъ ихъ за ихъ глупую вѣру въ то, что они будто бы борятся со смертью. Во время своихъ ежедневныхъ прогулокъ внизъ съ холма и по окраинѣ великаго, сверкающаго моря песку и пыли, онъ злорадно размышлялъ о томъ, котораго изъ этихъ глупцовъ отвезутъ въ больницу ко времени его возвращенія съ прогулки. Первую недѣлю онъ каждый день проходилъ совершенно одинъ и тотъ же путь, замѣчалъ рѣшительно все на этомъ пути и ничѣмъ не интересовался. По дорогѣ онъ проходилъ мимо высокаго холма, желѣзнодорожнаго моста, каменоломни, зубчатой проволочной ограды, окружавшей чью-то могилу, глиняной хижины пастуха, нѣсколькихъ овецъ, перекрестка и нѣсколькихъ сосенъ. Ни одинъ изъ этихъ предметовъ не запечатлѣвался въ его памяти. Но однажды, пораженный какой-то совершенно незначительной подробностью въ окружающей картинѣ, Гаукинсъ свернулъ съ дороги и подошелъ поближе къ могилѣ, защищенной оградой отъ нападенія степныхъ звѣрей.

Бывали дни, когда Гаукинсъ не говорилъ ни съ кѣмъ изъ обитателей гостинницы и это отсутствіе интереса къ окружающему временами тяготило его. Когда онъ послѣ прогулки сидѣлъ на террасѣ и лѣниво смотрѣлъ на холмы, мелькающіе кое-гдѣ въ пустынѣ, его глаза страннымъ образомъ были прикованы къ тому мѣсту, гдѣ находилась могила. Онъ садился спиною къ этому мѣсту, но оно все-таки вставало въ его воображеніи и онъ зеленѣлъ отъ злости. Тогда онъ уходилъ къ себѣ въ комнату и старался забыть о могилѣ до слѣдующаго дня.

Въ концѣ недѣли эта могила начала уже раздражать его. Она возбуждала въ немъ любопытство, которое было ему въ высшей степени непріятно. Онъ гордился тѣмъ, что его не интересовало ничто, не имѣющее къ нему прямого отношенія. Теперь же броня его равнодушія была пробита и онъ чувствовалъ непреодолимое и, какъ ему казалось, совершенно безсмысленное желаніе увидѣть ее поближе. Онъ боролся съ этой причудой, но ему нѣсколько разъ приходилось сворачивать назадъ на свою тропинку, до такой степени эта могила привлекала его. Она стала преслѣдовать его даже ночью, и онъ видѣлъ ее во снѣ. Наконецъ, онъ рѣшился подойти къ оградѣ, думая, что она пе-

рестанетъ интересовать его, если онъ наконецъ разглядитъ ее во всѣхъ подробностяхъ.

Оказалось, что это была могила взрослаго человѣка и на ней былъ посаженъ кактусъ. У изголовья стоялъ деревянный крестъ. Проволочная ограда съ одной стороны была прорвана—вѣроятно, какимъ-нибудь дикимъ животнымъ, совершимшимъ на нее нападеніе ночью. Гаукинсъ не вошелъ въ ограду, а быстро повернулъ назадъ, какъ будто онъ преодолѣлъ свою слабость, собравъ всѣ эти детали.

На другой день онъ подошелъ ближе, а еще черезъ день, послѣ безсонной ночи, проведенной въ мысляхъ о могилѣ, подошелъ къ самой оградѣ и оглянулся на гостинницу, желая знать, могутъ ли его увидѣть съ веранды. Затѣмъ онъ мелькомъ взглянулъ на имя, написанное на крестѣ и поспѣшилъ уйти. Это было имя единственнаго въ мірѣ человѣка, котораго онъ ненавидѣлъ. Вмѣстѣ съ нимъ въ его душѣ встало воспоминаніе о женщинѣ, которую, казалось, онъ давно забылъ и гордился этимъ забвеніемъ.

Взойдя на холмъ, онъ превозмогъ свое нервное напряженіе и спокойно направился къ гостинницѣ. Но все время передъ его умственнымъ взоромъ стояла полустертая надпись: «Заинъ Твеке».

Гаукинсъ сидѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ на верандѣ, отдыхая послѣ прогулки, и смотрѣлъ на бѣлую равнину, сверкавшую на солнцѣ. То мѣсто, гдѣ была могила, точно гипнотизировало его. Ему казалось, что онъ отсюда видитъ крестъ и надпись на немъ. Онъ старался сбросить съ себя это обаяніе, говорилъ себѣ, что все это была одна случайность, и тутъ-же съ дрожью вспоминалъ, что какая-то неудержимая сила влекла его къ этой заброшенной могилѣ. Придя къ такому выводу, онъ сардонически улыбнулся и зажегъ сигару.

Онъ думалъ, что побѣдитъ свою галлюцинацію, предоставивши ей полный просторъ, но это ему не удалось. До настоящей минуты Гаукинсъ не зналъ, что человѣкъ, отнявшій у него жену, умеръ. Въ немъ воскресла ненависть къ старому врагу и онъ съ удовольствіемъ думалъ о кактусѣ, посаженномъ на его могилѣ. Докторъ, увидя, что Гаукинсъ сидитъ на террасѣ съ сигарою въ зубахъ въ то время, когда солнце заходитъ, остался очень недоволенъ и отправилъ его въ комнату. Мрачный человѣкъ послушался: онъ гордился тѣмъ, что живъ, и эта гордость почти граничила съ радостью.

Эту ночь Гаукинсъ рано легъ спать. Когда огни въ отелѣ были потушены, онъ проснулся послѣ сна о цифрахъ и конторскихъ дѣлахъ и почувствовалъ, что произошло нѣчто важное. Тогда ему вспомнилось недавнее открытіе. Онъ испытывалъ извѣстное нравственное удовлетвореніе при мысли о смерти этого человѣка. Очевидно, есть какая-то высшая справедливость, говорилъ онъ себѣ; иначе почему же его такъ влекло къ этому уединенному пригорку изъ песку, камней и травы пустыни? Что, кромѣ какой-то силы внѣ его, оторвало его отъ всѣхъ его привычекъ

*

и поставило лицомъ къ лицу съ этой надписью на досечкѣ. И въ настоящую минуту досечка съ надписью явственно вырисовывалась на стѣнѣ у его кровати. Что привело его туда?—думалъ онъ въ недоумѣніи. И онъ не рѣшался формулировать другого вопроса, который смутно зарождался въ его душѣ. Онъ мысленно насмѣхался надъ собой за страхъ передъ сверхъестественнымъ, старался думать о чемъ-нибудь другомъ, началъ даже считать въ умѣ, и все-таки не могъ отогнать отъ себя назойливой мысли, которая, наконецъ, вылилась въ формѣ вопроса: «а что, если его все время толкалъ къ этой могилѣ духъ умершаго человѣка?».

Когда онъ всталъ, онъ былъ весь въ поту и во рту у него пересохло. Разсудокъ опять вступилъ въ свои права и ненависть къ умершему врагу загорѣлась съ новою силой. Ему хотѣлось знать, была ли «она» вмѣстѣ съ нимъ въ пустынѣ, гдѣ онъ умеръ. Онъ представлялъ себѣ ихъ вмѣстѣ на террасѣ. Потомъ его больное воображеніе рисовало ему ихъ пребываніе въ этой самой комнатѣ, гдѣ онъ теперь лежалъ. На мгновеніе онъ точно перенесся въ адъ. Онъ позвонилъ, чтобы удостовѣриться, имѣютъ ли его фантазіи какое-нибудь фактическое основаніе, но когда пришелъ слуга, спросилъ у него только воды со льдомъ. Онъ медленными глотками пилъ ее, стоя у окна, смотрѣлъ на тихія звѣзды и луну, слушалъ колокольчики овецъ и лай собакъ, доносившійся издалека, изъ пустыни, окружавшей могилу. Это успокоило его и онъ заснулъ.

Слѣдующіе дни Гаукинсъ подолгу простаивалъ около некрасивой песчаной насыпи, окруженной зубчатой рѣшеткой, и съ упоеніемъ думалъ о смерти этого человѣка. Минуты, которыя онъ проводилъ здѣсь, были почти счастливыми для него. Его воображеніе рисовало ему мрачныя картины, фигуры жены и врага вставали передъ нимъ, какъ ужасный кошмаръ.

Но постепенно, къ этимъ двумъ ненавистнымъ людямъ прибавился третій, и это былъ онъ самъ. Онъ началъ удивляться, за что его жена могла когда-то любить и уважать его. Ему вспоминались злыя слова, которыя онъ говорилъ ей, вспоминалась своя собственная низость и жестокость, вспоминалось блѣдное лицо, съ мольбою смотрѣвшее на него, и дрожащій голосъ, просившій его быть добрымъ къ ней. Онъ съ содроганіемъ вспомнилъ всю эту сцену и взрывъ дикой ревности, которымъ онъ отвѣтилъ на ея мольбу. Раскаяніе зашевелилось въ его душѣ.

Сознаніе непоправимаго зла, причиненнаго имъ другому человѣку, начинало тяготить его. Лицо женщины, которую онъ старался забыть, встало въ памяти и заслонило собою все остальное. Ему слышались разговоры, которые они когда-то вели между собой, и въ каждой сценѣ, въ каждомъ словѣ онъ видѣлъ свой собственный эгоизмъ. Гаукинсъ начиналъ узнавать себя такимъ, какимъ его знали другіе.

Однажды онъ пошелъ къ могилѣ и остался около нея дольше, чѣмъ обыкновенно. Назадъ онъ шелъ, опустивши голову, тихими шагами, отчасти по своему желанію, а отчасти и потому, что силы его уменьшались. На террасѣ всѣ были увѣрены, что дни его сочтены.

Для тѣхъ, кто встрѣчался съ Гаукинсомъ въ его обыденной жизни, онъ сохранялъ прежнюю, холодную внѣшность. Но странныя вещи происходили въ его душѣ. Онъ прожилъ свою жизнь одинъ, и никто, кромѣ него самого, не могъ знать о смягченіи его сердца. Посѣщенія могилы сдѣлались необходимыми для его счастья. Въ первый разъ въ жизни Гаукинсъ почувствовалъ ужасъ своего одиночества. Онъ навѣщалъ могилу, какъ человѣкъ при обыкновенныхъ обстоятельствахъ посѣщалъ бы близкаго друга. Когда силы его упали и ему уже не каждый день можно было выходить, онъ сидѣлъ въ своей комнатѣ и смотрѣлъ изъ окна на далекіе холмы и на приковывающую его взоры маленькую насыпь, затерянную среди песковъ.

Въ эти-то часы Гаукинсъ начиналъ припоминать, какія достоинства могли быть у его мертваго врага. Онъ вспомнилъ, какъ при первомъ же знакомствѣ сурово осуждалъ его за то, что у него не каллиграфическій почеркъ. Вспомнилось ему также, что онъ насмѣхался надъ нимъ за его закрученные усы, особенно же возненавидѣлъ онъ новаго сослуживца за то, что тотъ умѣлъ играть на фортепьяно. Вспомнивъ всѣ эти свои предубѣжденія, Гаукинсъ старался припомнить и какія-нибудь положительныя его качества.

Смерть все ближе и ближе витала вокругъ угрюмаго человѣка, теперь уже почти не покидавшаго своей комнаты, и его страхъ передъ мертвецами исчезалъ. Однажды онъ поймалъ себя на томъ, что ждетъ какого-нибудь знака изъ могилы, и ждетъ не съ ужасомъ, а со страстнымъ желаніемъ. Онъ говорилъ себѣ, что необъяснимая сила, противъ воли привлекавшая его къ этой заброшенной могилѣ, и то вліяніе, которое она на него оказала, указывали на присутствіе какой-то посторонней силы. Онъ создалъ себѣ цѣлую теорію о гипнотическомъ дѣйствіи умершихъ и ожидалъ какого-нибудь матеріальнаго проявленія этого духа, съ которымъ онъ все время находился въ общеніи. Въ этомъ настроеніи онъ не замѣчалъ потери силъ. Онъ сидѣлъ у окна, смотрѣлъ на пустыню и думалъ о жизни и о приближеніи конца. Все существо его смягчилось передъ близкимъ разрушеніемъ тѣла.

Онъ молился о какомъ-нибудь знакѣ, который доказалъ бы ему, что между нимъ и человѣкомъ въ могилѣ установилась связь. Но никакого знака не было. Такъ онъ сидѣлъ молча, прислушивался и ждалъ наступленія великаго молчанія.

Наконецъ настало время, когда ему сдѣлалось совсѣмъ плохо и онъ не могъ больше сидѣть у окна. Тогда его охватило страстное желаніе послѣдній разъ сходить на могилу, прилечь на нее и плакать, какъ ребенокъ. Онъ не могъ объяснить себѣ этого стремленія и не

пробовалъ анализировать его, но смутно чувствовалъ, что именно такъ поступила бы его жена. Солнце весело сіяло надъ пустыней, но ему было холодно на верандѣ. Тѣмъ не менѣе, онъ началъ гулять по ней взадъ и впередъ и его сожители находили, что онъ какъ будто опять сталъ поправляться. Однажды онъ два раза обошелъ кругомъ отеля. Это былъ для него день торжества. Ночью онъ строилъ планы, что на другой день отправится къ могилѣ.

Нравственное возбужденіе временно точно задержало болѣзнь. На другой день онъ, не говоря никому ни слова, ушелъ изъ дому. Медленно, очень медленно спустился онъ съ холма. По дорогѣ онъ нѣсколько разъ присаживался. Мысль о томъ, что онъ совершаетъ своего рода паломничество, и что «она» навѣрное одобрила-бы его, если бы знала, согрѣвала его угрюмое сердце и вызывала въ немъ нѣчто похожее на нѣжность. Онъ былъ очень слабъ и съ трудомъ шелъ шагъ за шагомъ, но мальчишеская радость сжимала его горло, когда онъ думалъ о томъ, что навѣрное она осталась бы имъ довольна. Онъ зналъ, что послѣдній разъ увидитъ могилу, но не грустилъ объ этомъ. Онъ былъ радъ, что идетъ туда во имя ея. Гордость исчезла изъ его души, онъ чувствовалъ себя ребенкомъ, и бормоталъ безумныя, отрывочныя молитвы, прося Бога дать ему силу дойти до цѣли. Когда онъ достигъ ея, онъ вошелъ за проволочную рѣшетку и прилегъ въ изнеможеніи. На другой день тамъ нашли Гаукинса, такого же угрюмаго и одинокаго, какъ при жизни. Люди говорили, что это была достойная его смерть.

Л. Давыдова.

РАВНОДУШНЫЕ.

РОМАНЪ.

(Продолженіе *)

Глава четвертая.

I.

Эту стройную, изящную молодую женщину лѣтъ двадцати пяти, шести на видъ, съ пепельными волосами, причесанными въ древне-греческомъ стилѣ, съ сверкающими зубами, слегка возбужденную и отъ сознанія своей привлекательности, и отъ того, что на нее обращено общее вниманіе,—нельзя было назвать красавицей. Черты ея лица не отличались правильностью, но въ немъ было что-то чарующее, невольно притягивающее. И этимъ магнитомъ были, конечно, глаза, большіе, сѣрые, ласково улыбающіеся глаза, осѣненные длинными рѣсницами.

Инна Николаевна поздоровалась съ матерью съ нѣжностью ласковаго ребенка. Она цѣловала ея руку, потомъ лицо нѣсколько разъ.

— Что такъ поздно, Инночка? — спрашивала растроганная Антонина Сергѣевна, любуясь своей нарядной красивой дочерью.

— Изъ Александринскаго театра. Были съ Иртеньевыми. Но что за глупая пьеса, мама!

— А мужъ?

— Вѣрно скоро пріѣдетъ. Онъ повезъ Иртеньеву домой.

— А какъ же ты?

— Меня сюда довезъ Иртеньевъ...

И, оставивъ мать, молодая женщина стала обходить гостей. Всѣ движенія ея хорошо сложенной фигуры были мягки и полны граціи. Здороваясь, она всѣхъ дарила ласковымъ, улыбающимся взглядомъ, точно всѣ были одинаково ей симпатичны, и она хотѣла всѣхъ очаровать.

---

*) См. «Міръ Божій», № 1, январь.

Разцѣловавшись съ сестрой, она шепнула, указывая на Гобзина:

— Папинъ кандидатъ?

Татьяна Николаевна кивнула головой и, смѣясь, спросила:

— Хорошъ экземпляръ?

— Невозможный...

— Но не хуже твоего супруга.

— Ну нѣтъ. Мой хоть и глупъ, но все-таки не похожъ на поросенка...

Бросивши эти слова, Инна Николаевна прошла въ кабинетъ.

Когда она подошла къ отцу, партнеры встали и поклонились. Никодимцевъ чуть не замеръ отъ восхищенія при видѣ молодой женщины.

— Наконецъ-то?—воскликнулъ Козельскій, оглядывая довольнымъ взглядомъ элегантный костюмъ Инны.

Ни отецъ, ни дочь, казалось, не были смущены, увидѣвшись послѣ недавней щекотливой встрѣчи.

Инна Николаевна поцѣловала отца въ щеку. Онъ прикоснулся пушистыми усами ея лба и проговорилъ:

— Садись, пожалуйста, за меня, Инна... Вы позволите, господа?

Толстый полковникъ генеральнаго штаба и высокій, худощавый инженеръ сказали, что будутъ очень рады. Никодимцевъ почтительно наклонилъ свою черную остриженную голову...

— Инна Николаевна отлично играетъ!—замѣтилъ инженеръ, цѣлуя протянутую ему руку.

Полковникъ подтвердилъ слова инженера.

Козельскій представилъ дочери Никодимцева и шутя примолвилъ:

— Смотри, играй внимательно... Григорій Александровичъ превосходный игрокъ. Тебѣ съ Григорьемъ Александровичемъ играть.

— А вы не будете бранить меня? — спросила Инна Николаевна, протягивая ему руку.

Никодимцевъ густо покраснѣлъ и застѣнчиво произнесъ:

— Я... помилуйте...

— Ну тогда я сажусь за тебя, папа, но не на долго... На одинъ, два роббера.

— Только-то! —воскликнулъ инженеръ.

— Боюсь, что вамъ, господа, будетъ неинтересно играть съ такой неумѣлой партнершей! — сказала молодая женщина, опускаясь на стулъ.

Инженеръ и полковникъ горячо протестовали, взглядывая на Инну Николаевну загорѣвшимися глазами. Никодимцевъ строго взглянулъ на нихъ.

Молодая женщина замѣтила впечатлѣніе, произведенное ею на Никодимцева, перехватила недовольный взглядъ его темныхъ

глазъ и не безъ пріятнаго удивленія посмотрѣла на этого серьезнаго, корректнаго господина съ умнымъ усталымъ лицомъ, который не разглядывалъ ее, какъ большая часть мужчинъ.

Она сняла перчатки, и всѣ партнеры невольно взглянули на ея красивыя холеныя руки съ длинными породистыми пальцами, на которыхъ сверкали кольца, и въ ту же минуту почувствовали тонкій ароматъ духовъ.

Никодимцевъ сдѣлался еще серьезнѣе. А между тѣмъ радостное чувство охватило его, благодаря присутствію Инны Николаевны. И онъ украдкой взглядывалъ во время игры на красивую молодую женщину и вдругъ словно бы почувствовалъ прелесть жизни и понялъ, что эта жизнь не въ одномъ только департаментѣ, которому онъ отдавалъ все свое время. Понялъ и безъ обычной внимательности слушалъ переговоры.

— Я сказала четыре трефы, Григорій Александровичъ.

— Виноватъ... Простите... Я... Пять трефъ!..—вдругъ стремительно проговорилъ онъ.

— Пять безъ козырей! — вымолвила Инна Николаевна и словно бы приласкала партнера своими ласково улыбающимися глазами.

— Малый шлемъ въ трефахъ!—объявилъ Никодимцевъ.

И ему вдругъ стало весело, какъ школьнику.

Но онъ тщательно скрывалъ свое душевное настроеніе и, серьезный, казалось весь отдавался игрѣ.

Шлемъ былъ выигранъ.

Инженеръ значительно проговорилъ:

— Вамъ во всемъ везетъ, Инна Николаевна!

— Вы думаете?

— Увѣренъ.

— И даже увѣрены?.. Впрочемъ, вы, кажется, вообще самоувѣренный человѣкъ!—не безъ иронической нотки сказала Инна Николаевна.

И затѣмъ, обратившись къ Никодимцеву, спросила:

— Я не очень скверно разыграла шлемъ?

— Напротивъ... Превосходно, Инна Николаевна.

— Это комплиментъ или правда, Григорій Александровичъ?

— Я комплиментовъ не умѣю говорить!—серьезно замѣтилъ Никодимцевъ.

— Въ такомъ случаѣ вы оригинальный человѣкъ...

— Ну, какой оригинальный... Самый обыкновенный!—краснѣя, промолвилъ Никодимцевъ.

И подумалъ:

„Вотъ ты необыкновенная красавица! И я буду ѣздить сюда на журъ-фиксы!“

И опять почувствовалъ, что ему отчего-то необыкновенно пріятно. И эта пріятность какая-то особенная, совсѣмъ не похожая на ту, которую онъ испытываетъ отъ своихъ служебныхъ успѣховъ.

Онъ разсѣянно игралъ слѣдующую игру и сдѣлалъ крупную ошибку.

— Выпустили насъ, ваше превосходительство!—не безъ злорадства замѣтилъ инженеръ.

— Дѣйствительно... выпустилъ... Прошу извинить меня, Инна Николаевна!

— Не извиняйтесь, а то и мнѣ придется извиняться! Лучше не будемъ взыскательны другъ къ другу!

Козельскій вышелъ изъ кабинета довольный.

Онъ видѣлъ, что Никодимцевъ, этотъ холостякъ-схимникъ, недоступный никакимъ вліяніямъ, равнодушный къ женскимъ чарамъ и имѣвшій репутацію необыкновенно хорошаго работника и человѣка неподкупной честности, былъ очарованъ Инной.

— „Клюнулъ!"—мысленно проговорилъ его превосходительство и вошелъ въ гостиную.

Тина запѣла „Ночи безумныя".

Пѣла она этотъ затасканный романсъ съ цыганскимъ блескомъ, съ особеннымъ выраженіемъ затягивая ферматы и подчеркивая болѣе пикантныя слова. Ея свѣжій молодой голосъ звучалъ красиво и былъ полонъ нѣги и страсти этихъ безумныхъ ночей. Ея каріе глаза зажглись огонькомъ и въ нихъ было что-то вакхическое.

Разговоры сразу оборвались. Всѣ съ восторгомъ слушали пѣніе. Мужчины такъ и впились глазами въ хорошенькую пѣвицу съ рыжими волосами и ослѣпительно бѣлымъ лицомъ, подернутымъ румянцемъ, которая воспѣвала безумныя ночи и, казалось, призывала къ нимъ.

Молодой артиллеристъ закрылъ лицо руками, чтобы скрыть навертывавшіеся слезы. Ему было жутко отъ этого пѣнія и невыносимо грустно, что Тина, на которую онъ молился и которую любилъ, имѣя нѣкоторыя основанія надѣяться, что и его любятъ, поетъ такъ нехорошо и нисколько не стѣсняется пѣть такъ при публикѣ.

Онъ возмущался не разъ и пробовалъ говорить ей, но она приказывала ему молчать, и онъ молчалъ.

И вспомнивъ объ этомъ, онъ слушалъ Тину, полный тоски и думалъ, что она совсѣмъ его не любитъ... Эти поцѣлуи, которыми она дарила его и послѣ которыхъ смѣялась надъ нимъ, когда онъ просилъ Тину быть его женой, казались ему теперь чѣмъ-то ужаснымъ, оскверняющимъ его любовь...

„Завтра же онъ категорически и въ послѣдній разъ объяснится съ ней!“—рѣшилъ двадцатипятилѣтній красивый поручикъ.

Гобзинъ просто-таки замеръ отъ восхищенія и не спускалъ своихъ маленькихъ, заплывшихъ глазъ съ Татьяны Николаевны и только теперь, когда она пѣла, почувствовалъ, какъ хороша эта „рыжая“. И въ эту минуту онъ совсѣмъ забылъ свою сосѣдку Ольгу Ордынцеву, которая весь вечеръ кокетничала съ нимъ и уже легкомысленно мечтала о побѣдѣ надъ молодымъ милліонеромъ, женой котораго она сдѣлается съ большимъ удовольствіемъ. Гобзинъ уже просилъ позволенія пріѣхать къ Ордынцевымъ съ визитомъ, разсчитывая, конечно, быть у нихъ въ отсутствіе отца.

Теперь Ольга была полна злобнаго, завистливаго чувства къ Тинѣ. Всѣ ея старанія пропали, казалось, даромъ. Этотъ толстякъ даже невѣжливо повернулся къ ней спиной. И веселое настроеніе ея исчезло. Она думала, что она несчастная и что въ этомъ виноватъ отецъ. Онъ скупой и не даетъ денегъ на уроки пѣнія. А, учись она, конечно, она пѣла бы лучше Тины и съ большимъ выраженіемъ.

Его превосходительство стоялъ на порогѣ и съ удовольствіемъ смотрѣлъ, какъ Гобзинъ пожираетъ глазами его дочь.

И въ головѣ его пробѣгали мысли о томъ, какъ хорошо было бы замужество Тины. Стоитъ только ей захотѣть, Гобзинъ женится, и тогда всѣ долги были бы уплачены. Не надо было бы служить въ разныхъ мѣстахъ. Можно устроиться иначе и устроиться отлично. Тина, конечно, не откажетъ отцу въ денежной помощи, имѣя мужа милліонера.

„Захочетъ ли только Тина выти замужъ за Гобзина?..“

Сомнѣніе омрачило пріятное настроеніе его превосходительства, когда онъ подумалъ, что Тина вообще не хочетъ выходить замужъ и, пожалуй, упуститъ такой случай... Совсѣмъ странная эта Тина! Онъ рѣшительно отказывается ее понимать. Надо же выходить замужъ. Гобзинъ хоть далеко не Антиной, но не противенъ. Если послать его въ Карлсбадъ, похудѣетъ и выправится. А милліонера не скоро найдешь. И, наконецъ, у Тины такой характеръ, что мужъ у нея не пикнетъ и, слѣдовательно, можетъ устроить потомъ свою жизнь, какъ хочетъ... И еслибъ она когонибудь любила, тогда еще понятно отказаться отъ милліонера, а то и этого нѣтъ. Бѣднаго артиллериста она только изводитъ и держитъ около себя для флирта... Чего она въ самомъ дѣлѣ хочетъ?

И его превосходительство въ эту минуту досадовалъ на „странную дѣвушку“, бывшую его дочерью, которая, чего добраго, упуститъ случай и не поможетъ отцу поправить его разстроенныя дѣла. Съ добродушной невмѣняемостью эгоиста и циника

онъ даже и не подумалъ о томъ, что желаетъ продать дочь милліонеру. Напротивъ, онъ полагалъ, что заботится объ ея счастьѣ. Для этого онъ и пригласилъ Гобзина.

Когда Тина кончила пѣть, раздался взрывъ рукоплесканій. Гости подходили къ ней, благодарили и просили спѣть еще. Особенно упрашивали мужчины.

— Осчастливьте, Татьяна Николаевна!—восторженно проговорилъ Гобзинъ.

„Эка какъ она сводитъ всѣхъ съ ума этой пошлой цыганщиной!“ не безъ презрѣнія подумалъ Козельскій, большой любитель музыки, посѣщавшій симфоническіе концерты.

Тина обѣщала спѣть еще романсъ. Многіе изъ мужчинъ остались стоять у фортепіано, чтобы ближе видѣть пѣвицу. Гобзинъ тоже остался, и Ольга готова была заплакать отъ зависти и досады.

Когда Тина запѣла „Полюблю разумно“, гости притихли, восхищенные.

Увидавши, что „святая женщина“ вышла изъ гостиной, его превосходительство направился къ Ордынцевой, около которой было пустое мѣсто. Онъ присѣлъ около и, показывая глазами на дочь, будто говорилъ о ней, шепнулъ:

— Завтра придешь?

Анна Павловна утвердительно опустила рѣсницы.

— Въ три часа?

— Да. И мнѣ нужно въ вами поговорить.

Глаза Николая Ивановича слегка затуманились. Онъ не особенно любилъ, когда Анна Павловна обѣщала „поговорить“. Это значило, что ей нужны были деньги сверхъ тѣхъ двухсотъ рублей въ мѣсяцъ, которые Козельскій дарилъ на булавки, не считая подарковъ. А денегъ у него не было. Придется занимать.

— Отлично. Поговоримъ!

И взглядывая на нее, онъ чуть слышно прибавилъ:

— А ты сегодня особенно прелестна. Ты это знаешь?

— Я знаю, что одѣлась и пріѣхала для тебя, не смотря на то, что совсѣмъ разстроена.

— Опять твой благовѣрный?

— Да. Онъ ненавидитъ семью.... Онъ... Однако уходите... Завтра поговоримъ... Ольга все время на насъ смотритъ... И жена можетъ войти... А ты для кого такой нарядный?

— Точно не знаешь?..

Онъ поднялся съ мѣста и подсѣлъ къ Ольгѣ.

— О чемъ задумались, барышня? Вамъ скучно у насъ?

— Напротивъ... У васъ всегда весело...

— То-то... И вамъ еще рано скучать, такой молодой и хорошенькой...

— Какая я хорошенькая, Николай Ивановичъ... Вотъ мама, такъ красавица. Не правда ли?—съ наивнымъ видомъ спросила Ольга, глядя прямо въ глаза Козельскому.

— И вы, и ваша мама... Обѣ вы прелестны... А вы споете намъ?

— Что вы... Послѣ Татьяны Николаевны?

— У васъ чудный голосъ... Спойте... Только не цыганщину... Я ее терпѣть не могу... Споете?

— Ни за что. Вы знаете, я не училась... А мнѣ такъ хотѣлось бы учиться, Николай Ивановичъ... Скажите мамѣ, чтобы она позволила мнѣ учиться... Она васъ послушаетъ...

Его превосходительство обѣщалъ поговорить не только съ мамой, но и съ папой о томъ, что грѣшно зарывать такой талантъ, и не безъ досады подумалъ, что придется прибавить Аннѣ Павловнѣ еще двадцать пять рублей въ мѣсяцъ на развитіе таланта этой лукавой дѣвчонки, умѣвшей, не смотря на свои молодые годы, отлично пользоваться обстоятельствами. Для Козельскаго было ясно, что Ольга догадывается объ его отношеніяхъ къ матери и надо было чѣмъ-нибудь закупить дочь.

И онъ проговорилъ:

— Вѣрьте, что буду горячимъ вашимъ адвокатомъ.

— Вотъ спасибо, Николай Ивановичъ.

И Ольга бросила на его превосходительства быстрый ласковый взглядъ, заставившій Николая Ивановича невольно взглянуть на Анну Павловну. Та смотрѣла на него.

Ольга это замѣтила и усмѣхнулась.

— Вы чему смѣетесь?

— Радуюсь, что, благодаря вамъ, не зарою своего таланта, какъ ваша дочь... Она прелестно поетъ...

— Не въ моемъ вкусѣ... Однако, простите... И то я надоѣлъ вамъ...

— Нисколько... Впрочемъ, идите... идите... А то на васъ разсердятся...

— Кто и за что?..

— Другіе гости, къ которымъ вы еще не подходили... вотъ кто!

„Однако и шельма ты!“ — мысленно проговорилъ Козельскій и сказалъ:

— Вы правы! Надо исполнять долгъ хозяина какъ слѣдуетъ...

И его превосходительство всталъ и направился въ другой конецъ большой гостиной сказать нѣсколько словъ старичку адмиралу.

Тина между тѣмъ окончила романсъ и снова вызвала бурю восторговъ. Не смотря на усиленныя просьбы, она болѣе не хотѣла пѣть. Оживившаяся, съ загорѣвшимися глазами, она подошла къ артиллеристу, сидѣвшему въ уголкѣ, и сказала:

— Что вы, Борисъ Александровичъ, въ печальномъ уединеніи и

въ образѣ рыцаря печальнаго образа? Пройдите въ мою комнату черезъ пять минутъ!—прибавила она чуть слышно и отошла.

Онъ сразу повеселѣлъ и слѣдилъ влюбленными счастливыми глазами за Тиной, которая болтала уже съ какой-то дамой. Черезъ двѣ, три минуты молодая дѣвушка скользнула въ прихожую.

Артиллеристъ прошелъ черезъ столовую въ открытую настежь комнату Тины, и какъ только очутился за портьерой, Тина обвила его шею и страстно прильнула къ его губамъ.

И, оттолкнувъ молодого человѣка, шепнула:

— Ну что, меланхолія прошла? Не сердитесь? Уходите! Завтра утромъ буду у васъ!

И съ этими словами исчезла за драпировкой.

Офицеръ вернулся въ гостиную, ошалѣвшій отъ неожиданнаго счастья и не сомнѣвавшійся, что Тина его любитъ и будетъ его женой. Ея обѣщанный визитъ казался ему знакомъ высокаго довѣрія къ нему.

Безконечно счастливый, онъ не испытывалъ даже мукъ ревности, когда увидалъ, что Тина уже оживленно бесѣдуетъ съ Гобзинымъ.

Былъ первый часъ на исходѣ, а обѣщанный гостямъ баритонъ Нерпи не пріѣзжалъ, и хозяинъ мысленно выругалъ баритона скотиной.

Еще бы!

Николай Ивановичъ, старавшійся, чтобы его фиксы были оживленны, видѣлъ, что наступаетъ тотъ критическій періодъ, когда, въ ожиданіи ужина, гости приходятъ въ удрученное состояніе, томясь отъ скуки. Онъ зналъ, что именно въ это время пѣвцы и пѣвицы являются спасителями, избавляющими гостей отъ каторжной обязанности передавать другъ другу газетныя новости и поднимающими бодрость духа у тѣхъ добрыхъ знакомыхъ, которые пріѣзжаютъ на фиксы исключительно для того, чтобы вкусно поужинать и выпить хорошаго вина.

II.

Извѣстная пьянистка уже уѣхала. Отрывать Тину отъ бесѣды съ молодымъ милліонеромъ заботливый отецъ не хотѣлъ, да и заставить ее пѣть, если она не хочетъ, не такъ-то легко.

Николай Ивановичъ поморщился, когда, вмѣсто жданнаго баритона, явился Лева, его зять, тщедушный маленькій молодой брюнетъ въ смокингѣ, развязный и самоувѣренный, съ нѣсколько выкаченными глазами, придававшими его безцвѣтному, пошловатому лицу съ модными узкими бачками и взъерошенными жидковатыми усами,—глупый и нѣсколько растерянный видъ.

Онъ поцѣловалъ руки тещи и нѣсколькихъ знакомыхъ дамъ и налетѣлъ на Козельскаго. Крѣпко пожавъ ему руку, онъ сталъ подробно разсказывать, чуть взвизгивая, торопясь и захлебываясь, что опоздалъ потому, что его задержали Иртеньевы, у которыхъ онъ пилъ чай.

Словно не понимая, что Козельскій нисколько не былъ бы въ претензіи, еслибъ зять и совсѣмъ не пріѣхалъ, и что тестю не было ни малѣйшаго дѣла до незнакомыхъ ему Иртеньевыхъ, Лева Травинскій извинялся, что пріѣхалъ поздно, и затѣмъ сталъ объяснять, что Иртеньевы вполнѣ приличные люди и платятъ за квартиру тысячу восемьсотъ рублей.

— А самъ Иртеньевъ умный, очень умный... Куда умнѣй меня.

— Неужели?—спросилъ Козельскій, подумавшій въ то же время, что такіе идіоты, какъ зять, встрѣчаются не очень часто.

— Долженъ согласиться... И вообразите—зарабатываетъ до двадцати тысячъ. Онъ предлагаетъ быть его компаньономъ. Какъ вы думаете, дорогой Николай Ивановичъ, сдѣлаться его компаньономъ?—нежиданно спросилъ Лева.

— Мы объ этомъ въ другой разъ лучше поговоримъ.

— Такъ я завтра пріѣду посовѣтоваться, а? Вѣдь не вредно къ шести тысячамъ, которые я получаю, имѣть еще четыре тысячи дополнительнаго заработка... Иртеньевъ говоритъ, что это не трудно... Я хочу съ васъ брать примѣръ и думаю, что умные люди всегда могутъ хорошо устроиться... Не правда ли?

Николай Ивановичъ, не разъ удивлявшійся, что его зять отлично идетъ по службѣ и вообще преуспѣваетъ, все-таки удивился, что такого глупаго болтуна берутъ въ компаньоны, и снова повторилъ:

— Въ другой разъ поговоримъ... Въ другой разъ... А теперь...

Его превосходительство съ удовольствіемъ прибавилъ бы: „убирайся къ чорту!“ если бы только это было возможно.

— А Инна развѣ не здѣсь? Она не была здѣсь?—вдругъ тревожно спросилъ Травинскій, оглядывая гостиную.

— Она играетъ въ карты.

— Въ карты? Удивительно!

И онъ пошелъ въ кабинетъ.

Легкая складочка на лбу обнаружила неудовольствіе Инны Николаевны, когда ея мужъ подошелъ къ ней и, цѣлуя ея руку, проговорилъ:

— Не думалъ, что ты въ карты... А я отъ Иртеньевыхъ... Не пускали...

— Мой мужъ!—проговорила она, обращаясь къ Никодимцеву.—Никодимцевъ... Григорій Александровичъ.

Травинскій поклонился особенно почтительно. Никодимцевъ при-

всталъ, подавая ему руку, и едва скрылъ изумленіе при видѣ этого молодого человѣка—до того ничтоженъ казался онъ передъ своей женой.

„Какъ могла она выйти за такого замужъ?“—невольно пронеслось у него въ головѣ.

— А ты давно здѣсь, Инна?..

— Изъ театра прямо!

— Я думалъ ты каталась... Погода такая хорошая.

— Ты намъ мѣшаешь!—мягко проговорила Инна Николаевна.

— Мужья всегда мѣшаютъ женамъ!—смѣясь, проговорилъ мужъ.

Партнеры переглянулись. Никодимцевъ опустилъ глаза.

— Особенно, когда жены играютъ въ карты,—шутливо замѣтила Инна Николаевна...

— Виноватъ... Я не буду мѣшать!

Травинскій ушелъ.

Никодимцевъ взглянулъ на Инну Николаевну. Ни черточки неудовольствія въ ея лицѣ.

„Неужели она любитъ мужа?“ подумалъ Никодимцевъ.

Подобный вопросъ невольно задавали себѣ всѣ, видѣвшіе Инну Николаевну и ея мужа.

Во второмъ часу позвали ужинать. Передъ тѣмъ, что садиться, Козельскій сказалъ дочери:

— Я посажу около тебя Никодимцева.

Инна охотно согласилась и спросила:

— Кто онъ такой?

— Ты развѣ не знаешь? Директоръ департамента. Человѣкъ съ блестящей будущностью. Говорятъ, его скоро назначатъ товарищемъ министра... Не дай ему скучать... Онъ застѣнчивъ особенно въ дамскомъ обществѣ, и, кажется, избѣгаетъ женщинъ...

— Будто?

— Говорятъ, живетъ схимникомъ...

— Это интересно!—усмѣхнулась Инна Николаевна!

Она дѣйствительно не дала скучать своему застѣнчивому сосѣду. Онъ оживился, слушая ея остроумный пересказъ новой пьесы, которую она видѣла въ этотъ вечеръ, и почти не дотрогивался до форели, лежавшей у него на тарелкѣ.

— А вы любите театръ?—спросила она.

— Люблю, но рѣдко бываю...

— Отчего?

— Во-первыхъ, нечего смотрѣть.

— А во-вторыхъ?

— Некогда. Я очень занятъ, Инна Николаевна.

— И вамъ не скучно все время проводить въ работѣ?

— Работа, я думаю, и спасаетъ отъ скуки... Чѣмъ наполнить иначе жизнь?

— А личное счастье?

— Оно трудно достижимо, Инна Николаевна, особенно теперь, въ мои годы.

— Да развѣ вы старикъ?

— Сорокъ два года... Настоящій старый холостякъ.

— Жениться еще не поздно...

— Поздно, Инна Николаевна... На такую глупость я не согласенъ.

— Отчего глупость?

— Я смотрю на бракъ очень серьезно... Потому-то и счелъ бы глупостью думать о немъ теперь... Жениться, конечно, не трудно, но каково жить потомъ...

— А какъ же вы смотрите на бракъ, Григорій Александровичъ?..

— Я думаю, что жениться можно только тогда, когда дѣйствительно любишь и когда уважаешь того, кого любишь... Когда оба правдивы на столько, чтобы могли честно разстаться, если на несчастье перестанутъ любить и уважать другъ друга... Иначе это... это...

— Договаривайте...

— Безнравственный компромиссъ...

— Вы правы! — проговорила Инна Николаевна и что-то скорбное мелькнуло въ ея глазахъ.

Никодимцевъ замѣтилъ эту внезапную перемѣну. И съ сердечною ноткой въ голосѣ прибавилъ:

— Разумѣется, во всѣхъ такихъ бракахъ виноваты почти всегда мужчины, а не женщины. Для нихъ часто нѣтъ выхода...

— И женщины виноваты! — сказала Инна Николаевна.

— Григорій Александровичъ! Шабли передъ вами! — обратился хозяинъ къ Никодимцеву.

— Благодарю васъ.

Но онъ не налилъ себѣ вина.

— Что жъ вы? Налейте мнѣ и себѣ! — сказала Инна Николаевна.

— Я вообще не пью, но съ удовольствіемъ выпью за ваше здоровье и... счастье! — промолвилъ Никодимцевъ.

И, наполнивъ двѣ рюмки, чокнулся съ сосѣдкой.

— А я пью за то, чтобы вы нашли тотъ идеалъ, о которомъ говорили... Вѣдь и одиночество тоскливо... Или честолюбіе для васъ выше всего?..

Никодимцевъ покраснѣлъ.

— Да, я честолюбивъ. А объ идеалѣ можно только мечтать...

— И стараться осуществить мечты... Полюбить...

— Чтобъ нарушить тотъ покой, какимъ я теперь пользуюсь?.. Это... недоброе пожеланіе, Инна Николаевна.

— Вы, вѣрно, никогда не любили, если такъ заботитесь о своемъ покоѣ... Вѣрно, некогда было?..

— Почти что такъ...

Къ концу ужина между Никодимцевымъ и Инной Николаевной какъ-то самъ собой установился задушевный тонъ. Никодимцевъ говорилъ съ ней о своихъ путешествіяхъ за границу, о своихъ литературныхъ вкусахъ и ни разу ни обмолвился ни однимъ комплиментомъ, которые обыкновенно говорятъ красивымъ женщинамъ. И это очень понравилось Иннѣ Николаевнѣ, до сихъ поръ не встрѣчавшей ни одного мужчины, который говорилъ бы съ ней, какъ равный съ равнымъ, безъ тѣхъ игривыхъ, болѣе или менѣе остроумныхъ любезностей, за которыми скрывается легкое отношеніе къ женщинѣ. Это было въ диковину молодой женщинѣ и льстило ея самолюбію. И когда въ три часа встали изъ-за стола, Никодимцевъ еще нѣсколько времени разговаривалъ съ Инной Николаевной.

Наконецъ онъ поднялся съ дивана и, низко кланяясь, проговорилъ:

— Позвольте сердечно поблагодарить васъ, Инна Николаевна. Я давно не проводилъ такъ пріятно вечера, какъ сегодня.

— Надѣюсь, мы видимся не послѣдній разъ?

— Я былъ бы несказанно радъ.

— Быть можетъ, вы когда-нибудь заглянете ко мнѣ, если не боитесь разочароваться въ моей способности бесѣдовать съ такимъ умнымъ человѣкомъ. Отъ трехъ я почти всегда дома. Моховая, 10.

Никодимцевъ вспыхнулъ отъ радости. Онъ горячо благодарилъ за приглашеніе и сказалъ, что сочтетъ за счастіе воспользоваться имъ.

— И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Не правда ли?—промолвила Инна Николаевна, протягивая свою красивую руку и ласково улыбаясь.

— Если позволите, я надняхъ буду у васъ...

И, почтительно пожавъ руку, онъ пошелъ прощаться съ хозяйкой и хозяиномъ.

Козельскій проводилъ гостя и въ передней, поблагодаривъ за посѣщеніе, сказалъ:

— Не забывайте нашихъ скромныхъ вторниковъ, Григорій Александровичъ, если сегодня не очень проскучали. Партія всегда будетъ.

Никодимцевъ обѣщалъ не забывать.

Когда всѣ гости разъѣхались и Инна Николаевна собиралась

уѣзжать съ мужемъ, Козельскій позвалъ ее на два слова въ кабинетъ.

Инна Николаевна пошла за отцомъ, нѣсколько смущенная, думая, что отецъ будетъ говорить съ ней о недавней встрѣчѣ.

Но вмѣсто того, отецъ съ заискивающей улыбкой сказалъ ей:

— Я къ тебѣ съ большой просьбой, Инна.

— Въ чемъ дѣло, папа?

— Затѣвается одно большое коммерческое предпріятіе, и я въ немъ негласнымъ участникомъ. Если это предпріятіе осуществится, я могу имѣть большія деньги... А онѣ мнѣ нужны, охъ, какъ нужны. Долговъ много, и вы не обезпечены... Такъ вотъ, видишь ли, голубушка, надо провести уставъ, а для этого нужно хлопотать... Мнѣ самому неудобно, а еслибъ ты поѣхала въ департаментъ къ Никодимцеву.

— Мнѣ не надо и ѣздить въ департаментъ... Никодимцевъ будетъ у меня надняхъ.

— Значитъ, еще лучше. Ты сдѣлаешь большое одолженіе, если попросишь объ уставѣ... Онъ будетъ польщенъ твоей просьбой и не откажетъ такой хорошенькой женщинѣ...

— Но, папа... Развѣ это возможно?.. Развѣ ты не понимаешь, о чемъ просишь?.. Нѣтъ, ты, вѣрно, хуже обо мнѣ думаешь, чѣмъ я на самомъ дѣлѣ... Я не буду говорить съ Никодимцевымъ, папа... И мнѣ больно, что отецъ...

Слезы вдругъ брызнули изъ глазъ Инны. Николай Ивановичъ растерялся и полный стыда, виновато проговорилъ, цѣлуя дочь:

— Инночка! Ты не такъ меня поняла... Я... я ничего дурного не имѣлъ въ виду... И наконецъ, Никодимцевъ порядочный человѣкъ... Онъ не обидѣлъ бы тебя оскорбительными подозрѣніями... Не надо... не надо... Не говори ничего... Я самъ съ нимъ поговорю... Не надо... Утри глаза, а то мама... увидитъ и будетъ тревожиться... Если спроситъ, скажи, что я говорилъ съ тобой о... твоихъ семейныхъ дѣлахъ. Вѣдь, я вижу, ты несчастлива съ твоимъ мужемъ.

Иннѣ Николаевнѣ стоило большого труда, чтобъ не разрыдаться...

— Если хочешь, я переговорю съ твоимъ мужемъ.

— Не нужно... Къ чему?

— Инночка!.. Но если въ самомъ дѣлѣ тебѣ не въ моготу, то... можно, наконецъ, и развестись съ нимъ... Конечно, это крайняя мѣра... Но знай, что ты всегда желанная гостья у насъ въ домѣ... Знай это!—проговорилъ отецъ, вытирая слезу.

Инна вытерла слезы и холодно простилась съ отцомъ.

Антонина Сергѣевна, обнимая дочь, спросила:

— О чемъ это отецъ говорилъ?

— О моихъ семейныхъ дѣлахъ, мама... Онъ съ чего-то взялъ, что я несчастлива...

— А развѣ нѣтъ?..

— Въ другой разъ поговоримъ... А теперь перекрести меня, дорогая...

Антонина Сергѣевна перекрестила дочь, и Инна Николаевна уѣхала.

III.

— Ну, что, подковали Никодимцева, а?—спрашивалъ на извозчикѣ мужъ.

— Что это значитъ?

— А значитъ, что твой фатеръ имѣетъ нужду въ Никодимцевѣ и хочетъ при твоей помощи околпачить его... Порадѣй и для меня, Инна...

— Молчи... Не смѣй такъ говорить.

— Чего ты сердишься... Это самое обыкновенное дѣло...

— Для тебя, можетъ быть...

— А ты что жъ?.. Недосягаемая добродѣтель, что ли...

Инна Николаевна молчала.

Когда она пріѣхала домой и, быстро раздѣвшись, расчесывала волосы въ своемъ будуарѣ, у дверей раздался голосъ мужа:

— Инна. Позволь войти...

— Я раздѣта.

— Тѣмъ лучше. Пусти меня... Я, кажется, не чужой... Я твой мужъ и, смѣю думать, очень снисходительный мужъ...

— Уходи...

— Инна... Милая... Я больше не могу терпѣть этой муки... Я люблю тебя, и если ты не хочешь быть моей женой, я...

За дверьми слышны были всхлипыванья...

Инна Николаевна равнодушно стояла у туалета, машинально продолжая расчесывать свои длинные, красивые волосы.

Ея не оскорбляли эти выходки мужа. Она знала, что скажи она слово, и этотъ самый человѣкъ, поносившій ея, будетъ валяться въ ногахъ, вымаливая у нея прощенія. И не о немъ задумалась она въ настоящую минуту.

Она думала о своей жизни. И она чувствовала презрѣніе не только къ мужу, но и къ себѣ и сознавала, что безвольная и безсильная, не можетъ измѣнить жизнь и что нѣтъ на свѣтѣ человѣка, который вырвалъ бы ея изъ болота.

Глава пятая.

I.

Когда Ордынцеву бывало особенно жутко послѣ семейныхъ сценъ, онъ обыкновенно отправлялся къ своей старой знакомой, Вѣрѣ Александровнѣ Леонтьевой, дружба съ которой вызывала въ его женѣ оскорбительныя предположенія и насмѣшки, или къ своему пріятелю Верховцеву, одному изъ тѣхъ немногихъ стойкихъ и убѣжденныхъ литераторовъ, которые остались разборчивы и брезгливы и не шли работать въ журналы мало-мальски нечистоплотные. Онъ былъ изъ „стариковъ“, не умѣвшій утѣшать себя компромиссами. Хотя жизнь его шла далеко не на розахъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ прекратилось изданіе журнала, въ которомъ Верховцевъ былъ постояннымъ сотрудникомъ, и ему нерѣдко приходилось бѣдовать съ женою и двумя дѣтьми, онъ не бросалъ любимаго дѣла. Всю жизнь проработавшій перомъ, онъ отказывался отъ предложеній поступить на службу въ одно изъ министерствъ, въ которое охотно брали смирившихся литераторовъ, и не соблазнялся утѣшительной мыслью проводить свои идеи въ запискахъ и изслѣдованіяхъ, одобренныхъ канцеляріей, предпочитая дѣлать это въ статьяхъ, печатаемыхъ въ журналахъ.

Все это хорошо зналъ Ордынцевъ, и еще болѣе уважалъ стараго пріятеля и вчужѣ завидовалъ ему. То ли дѣло его положеніе! Работа по душѣ. Свободенъ и независимъ. Не знаетъ никакихъ Гобзиныхъ!

Ордынцевъ любилъ отвести душу съ Верховцевымъ за бутылкой, другой дешеваго краснаго вина и хотѣлъ было ѣхать съ Офицерской на Пески. Но, вспомнивъ, что у него въ карманѣ всего два рубля и что у пріятеля до выхода книжки тоже едва ли есть капиталы, отложилъ посѣщеніе Верховцева до двадцатаго числа, когда можно будетъ роспить вмѣстѣ нѣсколько бутылокъ, и поѣхалъ въ Ковенскій переулокъ къ Вѣрѣ Александровнѣ Леонтьевой.

Его отвлекали отъ тяжелыхъ думъ эти визиты къ женщинѣ, къ которой онъ раньше питалъ не одни только дружескія чувства, а нѣчто гораздо большее, что онъ тщательно скрывалъ, хотя разумѣется не скрылъ. И тогда его частыя посѣщенія далеко не были такими спокойными для него. Но со временемъ это чувство улеглось, чему не мало помогъ и отъѣздъ Ордынцева на югъ, гдѣ получилъ мѣсто, и когда онъ вернулся, отношенія ихъ приняли совершенно другой характеръ. Они искренно были привязаны другъ къ другу, полные взаимнаго уваженія. Въ ней онъ

вспоминалъ свою безкорыстную любовь. Леонтьева видѣла въ немъ истиннаго друга и благодарно помнила о самоотверженномъ влюбленномъ поклонникѣ, съумѣвшемъ не испортить отношеній и не внести смуты въ дружную семью. Этого она никогда не забывала, сознаваясь себѣ самой, что была такая полоса, когда и она могла увлечься имъ—не держи онъ себя тогда съ такою рыцарской сдержанностью.

Когда Ордынцевъ вошелъ въ небольшую квартиру на дворѣ' въ которой Леонтьевы жили лѣтъ десять, и очутился въ хорошо знакомой ему гостиной въ три окна съ простенькой зеленой мебелью, съ большимъ шкафомъ съ книгами и множествомъ цвѣтовъ, освѣщенную мягкимъ свѣтомъ лампы подъ краснымъ абажуромъ, на него такъ и повѣяло уютомъ и тѣмъ впечатлѣніемъ порядочности и внутренняго тепла, которое чувствуется не только въ людяхъ, но и въ комнатахъ. И ему сдѣлалось легче на душѣ, когда онъ присѣлъ въ кресло и въ ожиданіи хозяевъ взялъ со стола послѣдній номеръ одного изъ лучшихъ толстыхъ журналовъ.

Ему не удалось даже прочесть оглавленіе, такъ какъ изъ сосѣдней комнаты вышла небольшого роста женщина въ черномъ шерстяномъ платьѣ, не молодая, худощавая, но крѣпкая и сильная, съ темными живыми глазами. Ея лицо съ крупными чертами, еще моложавое и пригожее, свѣтилось одухотворенной красотой чистой натуры, умомъ и чѣмъ-то открытымъ, внушающимъ довѣріе.

— И какъ же не стыдно такъ пропадать!—ласково проговорила Вѣра Александровна.—Отчего не были долго? Что съ вами?—участливо спрашивала она, пожимая Ордынцеву руку и пытливо заглядывая ему въ глаза.—Садитесь и разсказывайте, и будемъ чай пить... Намъ Ариша сюда подастъ...

Ордынцевъ никогда никому не жаловался на свою семейную жизнь, и Вѣра Александровна никогда не спрашивала его объ этомъ. Она, разумѣется, понимала, что Ордынцевъ несчастливъ, но не представляла себѣ той каторги, которую онъ переносилъ. Она давно ужъ не бывала у Ордынцевой. Онѣ съ первой же встрѣчи не понравились другъ другу, и Вѣра Александровна удивлялась, какъ Ордынцевъ могъ жениться на такой женщинѣ. Удивлялась и жалѣла Ордынцева, считая виноватой въ его несчастіи не его, а жену.

— Занятъ, Вѣра Александровна, отъ этого и не былъ давно... Вотъ сегодня выпалъ свободный вечеръ и собрался...

— А здоровье какъ? А живется какъ?

— Здоровье ничего... Скриплю... А живется...

Ордынцевъ попробовалъ было улыбнуться, но, вмѣсто улыбки на его худомъ, болѣзненномъ лицѣ появилась страдальческая гримаса.

— Не особенно хорошо живется, Вѣра Александровна! — уныло произнесъ онъ.

— Отчего не хорошо?—спросила Леонтьева, и въ голосѣ ея звучала тревога.

— Вообще... Да и рѣдко кому хорошо живется.

И, словно бы спохватившись, прибавилъ:

— На службѣ непріятности. Гобзинъ сегодня меня раздражилъ... Великолѣпный образчикъ самодовольнаго животнаго въ современномъ вкусѣ.

— Что такое? Разскажите.

— Обыкновенная исторія по нынѣшнимъ временамъ.

И Ордынцевъ сталъ разсказывать свою „исторію“ съ Гобзинымъ. Разсказывая, онъ снова волновался.

Возмущенная слушала Вѣра Александровна, и когда Ордынцевъ окончилъ, воскликнула, вся раскраснѣвшаяся отъ негодованія:

— Какая гадость!

И, взглядывая съ уваженіемъ на Ордынцева, прибавила:

— И какъ вы хорошо его осадили, Василій Николаевичъ.

— Одобряете?—радостно промолвилъ Ордынцевъ, вспоминая, какъ дома отнеслись къ его поступку и какую нотацію прочелъ ему сынъ.

— Что за вопросъ? Вы иначе не могли поступить!

— О, я знаю, для васъ непонятно, какъ иначе поступить, но для другихъ...

Леонтьева догадалась, кто эти „другіе“, и ничего не сказала.

— И знаете ли что, Вѣра Александровна?

— Что?

— Вы не повѣрите, какъ мнѣ хотѣлось плюнуть въ эту самодовольную физіономію моего принципала... Но не посмѣлъ. Струсилъ. Пять тысячъ, жена и дѣти... Это, я вамъ скажу, большая гарантія для Гобзиныхъ. Ну, а вы какъ живете? Аркадій Николаевичъ гдѣ? Дѣти здоровы? — круто перемѣнилъ Ордынцевъ разговоръ.

— Аркадій только что ушелъ. Сегодня интересный докладъ въ Вольно-Экономическомъ Обществѣ. Дѣтвора учится. А я за переводомъ сидѣла.

— Значитъ, все благополучно?

— Благополучно.

— И вы, по обыкновенію, за кого-нибудь хлопочете, устраиваете безпризорныхъ дѣтей и даете уроки!

— Все, какъ было, по прежнему... Помогаю немножко Аркадію.

— Да... вы не мѣняетесь!—горячо промолвилъ Ордынцевъ.

— Въ мои годы поздно мѣняться, Василій Николаичъ.

Оба примолкли.

Пожилая горничная Ариша, давно жившая у Леонтьевыхъ, принесла чай и варенье.

И то, и другое показалось Ордынцеву необыкновенно вкуснымъ.

„Вотъ это семья!“ думалъ Ордынцевъ не безъ завистливаго чувства... Жена любитъ и уважаетъ мужа. Онъ души не чаетъ въ женѣ и, благодаря ей, легче несетъ тяготу жизни. Она не упрекнетъ его за то, что онъ порядочный человѣкъ. И за прежнія его увлеченія, благодаря которымъ они прокатились въ Иркутскую губернію и бѣдовали три года, она еще болѣе цѣнитъ и бережетъ его. И дѣти у нихъ славныя.

— Коля, не бойсь, хорошо учится? — спросилъ онъ.

— Ничего себѣ...

— И Варя по прежнему. Изъ первыхъ?

— Да...

— Это что... А главное... славные они оба у васъ... добрые... Изъ нихъ современные бездушные эгоисты не выйдутъ... Много теперь такихъ, Вѣра Александровна,

— Да... Жаловаться на дѣтей не смѣю... Добрые они и необыкновенно деликатные... Надѣюсь, что будутъ вѣрными нашими друзьями и не заставятъ краснѣть за себя ни отца, ни мать!—съ горделивымъ материнскимъ чувствомъ проговорила Вѣра Александровна.

Ей тотчасъ же стало совѣстно, что она такъ хвалила дѣтей Ордынцеву. Онъ говорилъ съ ней только объ одной Шурѣ; о другихъ молчалъ. И Леонтьева понимала почему. Она какъ-то встрѣтила у однихъ общихъ знакомыхъ Алексѣя и Ольгу и говорила съ ними.

И Вѣрѣ Александровнѣ стало безконечно жаль Ордынцева. Ей хотѣлось какъ-нибудь утѣшить его, выразить участіе, но она была не изъ тѣхъ друзей, которые, ради участія, безцеремонно бередятъ раны, и притихла.

Но ее безпокоила исторія съ Гобзинымъ и черезъ нѣсколько минутъ она спросила:

— А Гобзинъ не захочетъ отмстить вамъ за свое униженіе?

— Вѣроятно захочетъ.

— И вамъ придется тогда искать другого мѣста?

— Не въ первый разъ... Одна надежда на то, что мной дорожатъ въ правленіи и что Гобзинъ побоится отца... Тотъ умный мужикъ...

— Ну, слава Богу!—вырвалось радостное восклицаніе у Вѣры Александровны.

Ордынцевъ благодарно взглянулъ на нее... Она встрѣтила его взглядъ взглядомъ участія.

„Вотъ съ такой женщиной можно быть счастливымъ“ — невольно пронеслось у него въ головѣ.

Вѣра Александровна заговорила о своихъ дѣлахъ. Она разсказывала, что Аркадій утомляется отъ своей статистики, и знакомый докторъ совѣтуетъ ему отдохнуть. Лѣтомъ они думаютъ поѣхать куда-нибудь въ деревню, подальше отъ Петербурга, если мужъ получитъ отпускъ на два мѣсяца. Должны дать. Онъ три года не бралъ отпуска. И жалованье должныбы прибавить. Но Аркадій, конечно, не пойдетъ выпрашивать. Сами должны догадаться. Разсказывала Вѣра Александровна и о маленькомъ пріютѣ, который она устроила при помощи добрыхъ людей, о своихъ урокахъ, о переводѣ большаго романа, который она получила, благодаря Верховцеву, о томъ, какъ недѣлю тому назадъ напугалъ ее Коля своимъ горломъ.

Обо всемъ она разсказывала просто, скромно, стушевывая себя, точно все то, что она дѣлала, было самымъ легкимъ и обыкновеннымъ дѣломъ, а не большимъ и неустаннымъ трудомъ, отнимавшимъ все ея время.

— Вотъ такъ за своими маленькими дѣлами и не видать, какъ бѣжитъ время!—заключила Вѣра Александровна, словно бы оправдываясь въ чемъ-то.—И не замѣчаешь, какъ старишься и какъ быстро растутъ дѣти. Иногда не вѣрится, что Коля на будущій годъ будетъ студентъ, а Варя окончитъ гимназію.

— А Варя куда потомъ?

— Собирается въ медицинскій институтъ... Иногда и читать какъ слѣдуетъ не успѣваешь, а хочется духовной пищи... Вотъ, недавно вышла книжка журнала, а я еще ничего не читала. А тамъ интересная, должно быть, статья нашего общаго знакомаго Верховцева. Читали?

— Нѣтъ...

— И онъ пропалъ что-то... Вы давно его видали?

— Давно... Не соберешься... День въ правленіи, вечеръ дома работаешь... А въ праздники почитываю...

Ордынцевъ взялъ со стола книгу и сказалъ:

— Хотите прочту статью Сергѣя Павловича?

— Очень буду рада...

И, помолчавъ, прибавила:

— Помните, вы, бывало, часто мнѣ читали?

— Еще бы не помнить!—задушевно промолвилъ Ордынцевъ.

— А теперь... никому не читаете?

— Некому!—грустно отвѣтилъ Ордынцевъ.

Вѣра Александровна вышла и черезъ минуту вернулась съ работой.

— Одѣяло вяжу Колѣ урывками. Вы читайте, а я буду слушать и вязать.

Ордынцевъ вздохнулъ и принялся читать статью Верховцева по поводу самоубійствъ молодыхъ людей отъ безнадежной любви и безнадежнаго пессимизма.

Эта живая, талантливая статья, объясняющая причины самоубійствъ отсутствіемъ серьезныхъ интересовъ, дряблостью характеровъ и печальными условіями жизни, произвела на Вѣру Александровну сильное впечатлѣніе.

— Верховцевъ правъ... Вотъ, тоже, мой братъ, влюбился и... сходитъ съ ума... Точно весь смыслъ жизни для него въ предметѣ его любви!—проговорила она.

— Несчастная любовь, что ли?—освѣдомился Ордынцевъ.

— Право, и не разберешь, какая это любовь, но во всякомъ случаѣ не хорошая. То онъ придетъ ко мнѣ возбужденный и восторженный, то угнетенный и какой-то потерянный и говоритъ, что не стоитъ жить... Это въ двадцать пять лѣтъ!.. Признавался, что до сихъ поръ не знаетъ: любитъ его или нѣтъ эта странная дѣвушка... А безъ нея, онъ, видите ли, жить не можетъ...

— А она можетъ, конечно?

— Она не отпускаетъ его отъ себя, а выйти замужъ за него не хочетъ. И эти странныя отношенія продолжаются у нихъ полгода. Совсѣмъ извела бѣднаго... Играетъ чужой привязанностью и...

— И занимается со своимъ поклонникомъ флиртомъ?.. Это нынче, говорятъ, въ модѣ!—вставилъ Ордынцевъ съ раздраженіемъ въ голосѣ.

— Богъ ихъ знаетъ, но только братъ тревожитъ меня. Онъ, какъ вы знаете, добрый, привязчивый человѣкъ, но неуравновѣшенный, слабовольный, не имѣетъ никакой цѣли въ жизни и ничѣмъ не интересуется, кромѣ своей мучительницы, и, конечно, считаетъ ее необыкновенной... И она, дѣйствительно, необыкновенная...

— Чѣмъ?

— Тѣмъ, что проповѣдуетъ смѣлую этику—этику пріятныхъ впечатлѣній. Что пріятно, то и пусть дѣлаетъ всякій... Свобода наслажденій и никакихъ обязательствъ... Что-то декадентское. Братъ приводилъ ее къ намъ и она поучала насъ съ Аркадіемъ въ этомъ направленіи... Говоритъ бойко, самоувѣренно... И при этомъ умна и хороша собой... Признаюсь, я считала бы несчастіемъ для брата, еслибъ она вышла за него замужъ... Я первый разъ встрѣчаю такую дѣвушку... И это у ней не напускное... вотъ что ужасно!..

— Дѣйствительно ужасно!—проговорилъ Ордынцевъ и вспомнилъ дочь.

— Вы, вѣрно, видѣли эту барышню?.. Ваши знакомы съ ней... Это барышня Козельская...

— Какъ же, имѣлъ честь видѣть, — съ ироніей отвѣчалъ онъ.— Она бываетъ у насъ и вмѣстѣ съ дочерью распѣваетъ цыганскіе романсы... И отецъ ея бываетъ у жены... И наши посѣщаютъ ихъ вторники... Боже избави Бориса Александровича жениться на ней... Остановите его... Посовѣтуйте уѣхать... Что можетъ быть ужаснѣе несчастнаго супружества... А съ такой... Впрочемъ, она, къ счастью вашего брата, не пойдетъ за него замужъ... Для чего ей бѣдный артиллерійскій офицеръ?.. Ей нуженъ мужъ съ состояніемъ... А потомъ для пріятныхъ впечатлѣній любовники.

— Однако, братъ говорилъ, что она отказывала богатымъ женихамъ...

— Вѣрно, недостаточно богаты...

— Нѣтъ, это не то, Василій Николаевичъ... Это что-то другое, нѣчто возмутительно-эгоистичное и распущенное, возведенное въ теорію...

— Да... теперь молодые люди имѣютъ теоріи... довольно паскостныя теоріи!—со злобой проговорилъ Ордынцевъ.—Нѣтъ, вы спасите брата... Спасите... Онъ васъ послушаетъ... Спасите, пока не поздно!—взволнованно прибавилъ Ордынцевъ и закашлялся.

Леонтьева съ участіемъ смотрѣла на него.

Въ эту минуту въ передней затрещалъ электрическій звонокъ.

— Вотъ и Аркадій!—промолвила она.

Въ гостиную вошелъ не одинъ Леонтьевъ, высокій, худощавый брюнетъ въ очкахъ, съ утомленнымъ лицомъ. За нимъ появилась и приземистая, крѣпкая фигура Верховцева, человѣка лѣтъ за сорокъ, съ большой, засѣдѣвшей бородой и бѣлокурыми волнистыми волосами, зачесанными назадъ. Его лицо, съ большимъ облысѣвшимъ лбомъ, было довольно красиво. Прищуренные, близорукіе глаза свѣтились умомъ. Одѣтъ онъ былъ въ поношенный черный сюртукъ.

Оба обрадовались Ордынцеву и расцѣловались съ нимъ.

— Вотъ, что называется, не было ни гроша, и вдругъ алтынъ!—Не правда ли, Вѣра? И Василій Николаевичъ пришелъ, и Сергѣя Павловича я затащилъ съ засѣданія!—весело говорилъ Леонтьевъ.

— А рефератъ интересный былъ?

— Ничего себѣ... А вѣдь мы, Вѣра, ѣсть хотимъ. Не найдется ли чего-нибудь?

— Найдется. Сейчасъ я васъ позову, господа!—проговорила, выходя изъ комнаты, Вѣра Александровна.

— А я красненькаго принесъ, Вѣра!—крикнулъ ей въ догонку Леонтьевъ.

II.

Черезъ нѣсколько минутъ хозяйка позвала мужчинъ въ столовую. На столѣ шумѣлъ самоваръ и на тарелкахъ были разложены закуски, ветчина, колбаса и холодное мясо. Нѣсколько бутылокъ дешеваго краснаго вина и графинчикъ съ водкой пріятно ласкали взоры Ордынцева и Верховцева. И все глядѣло такъ аппетитно на бѣлоснѣжной скатерти.

Ордынцевъ опять невольно подумалъ о „домѣ".

— А Коля и Вѣра?—спросилъ Леонтьевъ.

— Они не хотѣли ужинать и спать легли.

— Ну, господа, приступимъ!

Леонтьевъ налилъ водки въ три рюмки. Пріятели чокнулись и закусили селедкой.

— Отлично у васъ приготовляютъ селедку, Вѣра Александровна!—похвалилъ Ордынцевъ.

— И я присоединюсь къ мнѣнію Василія Николаевича, хотя долженъ замѣтить, что въ чужомъ домѣ все всегда кажется вкуснѣе, чѣмъ въ своемъ!—пошутилъ Верховцевъ.

— Аркадію Дмитріевичу этого не кажется, я думаю!—замѣтилъ Ордынцевъ.

— Ты правъ... не кажется... Вѣра избаловала своими кулинарными талантами.

— И какое множество у васъ талантовъ, Вѣра Александровна!.. Аркадій! Налей еще—мы выпьемъ за таланты Вѣры Александровны!—сказалъ Верховцевъ.

Выпили еще. Потомъ Верховцевъ и Ордынцевъ выпили по третьей рюмкѣ—уже безъ Леонтьева.

Ордынцевъ незамѣтно выпилъ и четвертую.

Верховцевъ оживленно разсказывалъ о засѣданіи, высмѣялъ нѣсколько ораторовъ и одного молодаго профессора, изнемогающаго подъ бременемъ популярности, („Такъ вѣдь и объявилъ мнѣ. И дѣйствительно, имѣлъ изнемогающій видъ отъ жары"!—вставилъ Верховцевъ) и потягивалъ красное вино.

Не отставалъ отъ него и Ордынцевъ и чѣмъ больше пилъ, тѣмъ становился мрачнѣе.

— Ты что это, Василій Николаевичъ, пріунылъ?.. Или твое правленіе доняло тебя... Заработался?—участливо спросилъ Верховцевъ.

— У Василія Николаича сегодня была непріятная исторія съ Гобзинымъ!—вставила Леонтьева...

— Опять?.. Разскажи, братъ, въ чемъ дѣло?

Ордынцевъ снова разсказалъ и прибавилъ:

— Вѣдь этакое животное!

— Ты не кипятись. Нынче спросъ на животныхъ не въ одной твоей лавочкѣ. Вотъ спроси Аркадія Дмитріевича. И у нихъ въ статистикѣ даже не безъ этого... Жаль, что они не ведутъ статистики всѣхъ животныхъ въ образѣ человѣческомъ, населяющихъ Россійскую Имперію... Статистика вышла бы поучительная...

— Вѣдь университетскій и... молодой! Вотъ въ чемъ дѣло... Молодые-то люди... Понимаешь ли... молодость! О, еслибъ вы только знали, Вѣра Александровна, какіе есть молодые люди!— съ какимъ-то страстнымъ возбужденіемъ и со скорбью воскликнулъ Ордынцевъ и хлебнулъ изъ стакана.

Подъ вліяніемъ водки и вина, его такъ и подмывало обнажить свою душу и сказать, какая у него жена, и что за сынокъ и дочка, но стыдливое чувство остановило его. Но онъ все-таки не могъ молчать и продолжалъ:

— На-дняхъ еще я видѣлъ одного студента... племянника.

— Хорошъ? — проговорилъ, усмѣхнувшись, Верховцевъ, не догадываясь, о комъ идетъ дѣло.

Одна только Вѣра Александровна догадалась и съ тревогой ждала, что скажетъ про сына этотъ несчастный мужъ и отецъ.

— Великолѣпенъ! О Боже, какая скотина! И съ какою основательностью говорилъ онъ, что главный принципъ — собственная его натура. И во-первыхъ, и во-вторыхъ, и въ-третьихъ... Все выходило такъ, что самотверженіе, долгъ, любовь къ ближнему—все это пустыя слова, а что есть только законы физіологіи и ничего болѣе... Этотъ экземпляръ получше той барышни будетъ, Вѣра Александровна!

Всѣ молчали.

А Ордынцевъ неожиданно спросилъ, обращаясь къ Верховцеву:

— Что, если бы у тебя да такой сынокъ?

— Это несчастіе.

— То-то и есть... Именно несчастіе. И въ этомъ виноваты отцы... Да, отцы... А вѣдь такихъ молодыхъ стариковъ, какъ мой племянникъ, много.

— Всякіе есть!..

— Нѣтъ, ты возьми средній типъ.

— Положимъ, средній типъ не изъ блестящихъ. Но большинство всегда и вездѣ приспособляется къ даннымъ условіямъ... Есть и теперь, братъ Василій Николаевичъ, славная, честная, работящая молодежь, и напрасно мы, какъ старики, брюзжимъ на нее... Есть она и ищетъ правды... Жадно ищетъ...

— Не видалъ я что-то такихъ!— проговорилъ Ордынцевъ, вспоминая пріятелей сына.

— А я знаю. Да иначе и быть не можетъ... Иначе скотство давно бы заѣло насъ... Кто ѣздилъ на холеру? Кто ѣздилъ на

голодъ? Кто сегодня вотъ толпился на засѣданіи? Кто посѣщаетъ литературные вечера, на которыхъ участвуютъ любимые писатели?.. Все молодежь... И если, быть можетъ, она слишкомъ на вѣру принимаетъ всякія новыя слова только потому, что они кажутся ей новыми, то и въ этомъ развѣ не видно стремленіе найти правду... найти исходъ неразрѣшимымъ загадкамъ жизни, какъ-нибудь согласовать идеалы съ житейской этикой... Вотъ только правда-то эта самая кусается... Не всякую можно говорить... Ну да не всегда же литература будетъ безшабашной... Очнется и она!..

Рѣчь Верховцева звучала бодростью и вѣрой.

— Твоими устами да медъ бы пить, Сергѣй Павловичъ... И счастливый ты, что вѣришь и что можешь перомъ бороться за правду и бодрить людей.

— Ну, голубчикъ, какіе мы борцы!—горько усмѣхнулся Верховцевъ.—Иной разъ пишешь и стыдъ беретъ... Эзопствуй, изворачивайся для того лишь, чтобы сказать элементарныя истины... А ты думалъ: „куда влечетъ свободный геній“?

— Знаю... И вы подъ началомъ... Пиши да оглядывайся....

— То-то оглядывайся... Да еще бойся, какъ бы безъ работы не остаться.

— Но, по крайней мѣрѣ, ты отъ животныхъ, вродѣ Гобзина, не зависишь. У тебя имя... Не смѣютъ.

— Да ты изъ Аркадіи, что ли, пріѣхалъ?.. Да нынче въ литературѣ похуже твоего Гобзина завелись антрепренеры. Теперь ихъ праздникъ. Откроетъ какой-нибудь непомнящій родства литературное заведеніе, пригласитъ повадливыхъ господъ да и начнетъ тебя же, стараго литератора, исправлять да сокращать. Онъ не понимаетъ, скотина, что въ душу твою такъ съ сапогами и лѣзетъ. А тебѣ каково? Ну, отплюйся и бѣги вонъ. А куда убѣжишь? Два-три журнала и шабашъ. А то не угодно ли въ какую-нибудь литературную помойную яму. Молодые литераторы не брезгливы. Куда угодно „поставятъ“ и романъ, и повѣсть, и статью... Получилъ гонораръ и правъ. Ну, а мы, старики, еще конфузимся... А ты говоришь: „Имя. Не смѣютъ!..“ Святилище въ конюшню обратили... Вотъ оно что! Выпьемъ-ка лучше, Василій Николаевичъ!

— Василію Николаевичу вредно пить!—замѣтила Вѣра Александровна.

— Я, Вѣра Александровна, рѣдко позволяю себѣ... И мало ли что вредно... Я еще послѣдній стаканъ, съ вашего позволенія.

И, чокаясь съ Верховцевымъ, Ордынцевъ воскликнулъ:

— И все-таки я завидую твоему положенію.

— Нашелъ чему завидовать!

— Завидую!—съ какимъ-то ожесточеніемъ воскликнулъ Ор-

дынцевъ.—И ты не спорь. Какъ подчасъ ни тяжело, а не уйдешь ты изъ литературы... Я знаю, тебѣ предлагали обрабатывать матеріалы въ одномъ министерствѣ, но ты сказалъ: „очень благодаренъ. Я обработаю ихъ, если захочу, и самъ...“ Вѣдь вѣрно?

— Положимъ, не уйду, и обрабатывать матеріаловъ не стану...

— Вотъ видишь.

— Привыкъ... Давно бумагу извожу... Не уйду, хоть иногда и жутко... Охъ, какъ жутко россійскому писателю, если онъ не переметная сума и уважаетъ свое дѣло... Вѣдь мы живемъ вѣчно въ воздушномъ пространствѣ. Не своевременна статья и... зубы на полку.

— Все это отлично...

— Ну, братъ, отличнаго мало!—засмѣялся Верховцевъ.

— Отлично... Понимаю. Превосходно... И времена, и вашихъ мерзавцевъ, и все такое... все понимаю... И все-таки ты счастливый человѣкъ... И Аркадій Дмитріевичъ счастливый человѣкъ... И оба вы превосходные люди... И Вѣра Александровна святая женщина... И вы умѣли выбрать себѣ женъ... А то другіе женятся... Подруга жизни... Благодарю! Очень благодаренъ! А тянутъ каторгу. Нынче семейная-то жизнь, а?.. Вы, Вѣра Александровна, брата-то вашего остановите!

— Д-да... Надо подумать съ семейной-то жизнью!—согласился и Верховцевъ.—Всяко бываетъ...

— Тутъ не Крейцерова Соната... Нѣтъ, не то... Понимаешь? Сошлись мужчина и женщина... видятъ духовный разладъ. Расходись, пока молоды, а то другъ друга съѣшь. А то какъ люди женятся? Ты какъ женился, Сергѣй Павловичъ?

— Да какъ всѣ. Влюбился въ Вареньку, ну и „такъ и такъ“ по формѣ.

— А вѣдь Варенька могла сказаться и не Варенькой.

— То-есть, какъ?

— А напримѣръ, съ позволенія сказать, Хавроньей.

— Случается.

— И надо бѣжать?

— Обязательно...

— А вы какъ думаете, Вѣра Александровна?..

— И я думаю, что бѣжать обязательно...

— То-то... обязательно? Но ты влюбленъ, то-есть, не любишь, какъ слѣдуетъ, а только физически... Вотъ и не обязательно! А потомъ—поздно. И выходитъ: оба виноваты. Нѣтъ! Мужчина болѣе виноватъ. Онъ... онъ. Она барышня глупая, жизни не понимаетъ, убѣжденій не полагается... Но влюбилась и думаетъ, что ты за ея любовь долженъ сдѣлаться форменнымъ подлецомъ, то-есть, по ея мнѣнію, хорошимъ мужемъ. Ей-то простительно, а мужчина

чего смотритъ? Чего онъ смотритъ, влюбленная каналья? Вѣдь жизнь не прогулка по апельсинной рощѣ... Нѣтъ, тутъ не Соната. Вздоръ... Ты женщину поставь въ уровень съ мужчиной... Тогда...

Ордынцевъ смолкъ и увидѣлъ, что всѣ опустили глаза... Наступило неловкое молчаніе. Верховцевъ пробовалъ было что-то разсказывать, но разсказъ не вышелъ. Скоро онъ поднялся и сталъ прощаться...

Всталъ и Ордынцевъ, и когда Леонтьевъ и Верховцевъ прошли въ переднюю, онъ подошелъ къ Вѣрѣ Александровнѣ и, крѣпко пожимая ей руку, проговорилъ:

— О, еслибъ вы знали, что у меня за жизнь... Еслибъ вы знали!..

— Я знаю теперь...

— Нѣтъ, вы не знаете... Но больше я не могу... Нѣтъ силъ. Я разведусь, а если бы она не захотѣла, я во всякомъ случаѣ не буду жить вмѣстѣ съ ними... Одной только Шуры жаль... Ну, прощайте... и простите, что я выпилъ лишнее....

— Бѣдный!—промолвила Вѣра Александровна.

Когда Ордынцевъ вернулся домой, онъ нѣсколько времени еще просидѣлъ въ своемъ кабинетѣ. Онъ о чемъ-то шепталъ, о чемъ-то вспоминалъ, слышалъ, какъ жена и дочь вернулись, слышалъ, какъ Ольга говорила матери, что Козельскій далъ слово, что она будетъ учиться пѣнію, слышалъ, какъ мать назвала дочь наглой дѣвченкой, и, заткнувъ уши, бросился на отоманку и заснулъ тяжелымъ сномъ нѣсколько захмелѣвшаго человѣка.

К. Станюковичъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ПИСАРЕВЪ, ЕГО СПОДВИЖНИКИ И ВРАГИ

(«МОЛОДАЯ РОССІЯ» ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ).

(*Продолженіе* *).

X.

Имя Писарева въ теченіе всей его дѣятельности окружено необыкновеннымъ блескомъ и шумомъ. Изъ мѣсяца въ мѣсяцъ оно испещряетъ страницы журналовъ, вызываетъ длящіяся волненія среди читателей, превращается въ нарицательное понятіе исключительной и въ высшей степени отважной умственной силы. Можно не признавать ея благодѣтельныхъ вліяній на публику, можно даже отрицать за ней вообще положительныя достоинства, но не считаться съ ней, пренебрегать ею нѣтъ ни малѣйшей возможности. Удивительный писатель ежемѣсячно поставляетъ отъ пяти до семи печатныхъ листовъ, пишетъ о самыхъ разнообразныхъ вопросахъ съ одинаковой легкостью, бойкостью и неотразимой самоувѣренностью. Очевидно, все это жадно поглощается подписчиками, журналъ преуспѣваетъ, его презрѣніе къ противникамъ становится величественнѣе чуть не съ каждымъ днемъ, и вполнѣ основательно. Впослѣдствіи журналъ будетъ прекращенъ, и, по свидѣтельству менѣе всего дружественнаго лица, это событіе вызоветъ небывало-рѣзкое единодушное недовольство общества [27]).

Задолго до катастрофы именно враги успѣютъ вполнѣ опредѣленно засвидѣтельствовать великую роль Писарева. Этихъ свидѣтельствъ безчисленное множество; возьмемъ для примѣра два на разныхъ полюсахъ современной публицистики. Въ началѣ 1862 года, т. е. въ первый же періодъ писаревскихъ подвиговъ въ нигилистическомъ направленіи, журналъ *Время* настойчиво рекомендовалъ читателямъ статью *Схоластика XIX вѣка*. По мнѣнію «почвеннаго» органа Достоевскаго, Писарева слѣдуетъ

*) См. «Міръ Божій», № 1, январь.

[27]) Никитенко. III, 106.

читать: «онъ самое новое, самое выразительное проявленіе нашей современной литературы; въ немъ обнаруживаются глубочайшія ея тайны». Статья Писарева ставится выше даже *Полемическихъ красотъ* Чернышевскаго [28]).

Три года спустя, *Современникъ*, яростно воевавшій съ *Русскимъ Словомъ*, сообщилъ своимъ читателямъ о письмѣ въ редакцію отъ неизвѣстнаго корреспондента. Авторъ письма совѣтовалъ *Русскому Слову* обращаться съ Писаревымъ крайне бережно, поправлять его ошибки «снисходительно, осторожно и со всей деликатностью». Писаревъ — разсуждаетъ корреспондентъ — «можетъ увлекаться, можетъ ошибаться, дѣлать промахи, но все-таки это лучшій цвѣтокъ изъ нашего сада. Грубо сорвавъ его цвѣтъ и неделикатно отнесясь къ нему, вы возстановите окончательно противъ себя всю молодежь» [29]).

Нѣтъ ни малѣйшихъ основаній сомнѣваться въ дѣйствительности этой корреспонденціи: *Современникъ*, дѣлалъ сообщеніе на свою голову и молодежь на самомъ дѣлѣ усердно поддерживала пышный разцвѣтъ Писарева. Такое положеніе вещей ставило Писарева не только на первое мѣсто среди новыхъ людей, но неминуемо должно было создать вокругъ него цѣлую школу. Благосвѣтловъ могъ сообщать своему юному сотруднику какія угодно идейныя вдохновенія, даже производить надъ ними радикальные психологическіе опыты, но онъ не обладалъ публицистическимъ талантомъ. Его отвѣты *Современнику* поражаютъ первобытной грубостью, самымъ откровеннымъ наборомъ ругательствъ, не прикрытыхъ ни остроумнымъ краснорѣчіемъ, ни какими бы то ни было принципіальными соображеніями и доказательствами. Его литературныя способности не шли дальше компилятивнаго отчета о чужой книгѣ или молодецкаго чисто-физическаго размаха сильнаго кулака.

Совершенно другое полемическіе пріемы Писарева. Онъ всегда умѣетъ жестокое издѣвательство надъ противникомъ обставить чрезвычайно живописными подробностями, бранный мотивъ уснастить разнообразными музыкальными фіоритурами, и статья произведетъ на читателя несравненно болѣе пріятное и даже болѣе основательное впечатлѣніе. Писареву, напримѣръ, потребуется заклеймить враждебныхъ критиковъ Базарова. Это значитъ они будутъ осыпаны градомъ вдохновеннѣйшихъ опредѣленій по части ихъ нравственныхъ и умственныхъ качествъ, «Ахъ ты, коробочка доброжелательная! Ахъ ты, обличительница колѣчная! Ахъ ты, лукошко россійскаго глубокомыслія!..» [30]). Превосходно, но въ чи-

---

[28]) *Время*. 1862, январь, авторъ И. Косица (Н. Страховъ).

[29]) *Современникъ*, 1865, апрѣль. *Русская литература*, 280.

[30]) *Реалисты. Сочиненія*. IV, 21.

стомъ, неукрашенномъ видѣ нѣсколько жостко, и Писаревъ подастъ трудносъѣдобное блюдо въ обильномъ соусѣ. На него будутъ потрачены рѣшительно всѣ фигуры, какія только извѣстны теоріи словесности. Чрезвычайно легкая и плавная рѣчь блещетъ сравненіями, иносказаніями, восклицаніями, діалогами съ публикой и героями авторовъ. Читатель не можетъ не поддаться такому стремительному и увлекательному потоку. Самый процессъ чтенія необыкновенно усладителенъ. Писатель не предъявляетъ рѣшительно никакихъ запросовъ къ умственнымъ силамъ читателя. Его задача рѣшить вопросъ возможно *проще* и *легче*, беллетристической формой и доступнѣйшимъ содержаніемъ. Вся полемика—настоящее свободное искусство. Статья, будто лирическое стихотвореніе, переполнена своими художественными и стилистическими красотами, не имѣющими ничего общаго съ самой идеей, своими куплетами, своимъ драматизмомъ и своимъ «безпорядкомъ», и все это существуетъ само по себѣ, независимо отъ логики разсужденія и окончательнаго вывода. Недаромъ авторъ началъ свое поприще беззаботно и весело: начало, достойное свободнаго художника!

И онъ останется на этомъ поприщѣ до самаго конца. Онъ невыразимо счастливъ чисто-внѣшней стороной своей работы. Нанизывать такія звучныя фразы, изобрѣтать такія необыкновенныя изреченія, снабжать противниковъ такими забавными ярлыками и эпитетами, вѣдь это цѣлое блаженство! Ужасно смѣшно представить, какъ бѣдный Антоновичъ почувствуетъ себя вдругъ «лукошкомъ россійскаго глубокомыслія»! Ничего не можетъ быть остроумнѣе и полезнѣе для успѣховъ «реальной» критики. И изобрѣтатель принимается рисовать въ своемъ воображеніи потрясающія трагическія страданія врага, сраженнаго «лукошкомъ».

Дѣйствія сего орудія поразительныя. Оно «подобно шпанской мушкѣ», оно сохраняетъ раздражающую силу въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, съ каждымъ мѣсяцемъ страданія жертвы становятся невыносимѣе и, наконецъ, она впадаетъ въ горячечный бредъ и начинаетъ свои видѣнія принимать за существующіе факты...[31]). Все это въ яркихъ картинахъ возстаетъ предъ умными очами критика, поощряетъ его на дальнѣйшее творчество, и сколько художественныхъ страницъ можно создать при такихъ благодарныхъ обстоятельствахъ! Русскій словарь достаточно богатъ, а русскій читатель безъ мѣры благосклоненъ, и образцовый жанръ критики водворился по всей линіи русской печати.

Жанръ чрезвычайно оригинальный и совершенно-неожиданный. Предъ нами что ни авторъ, то завѣдомый реалистъ, т. е. усерднѣйшій и убѣжденный поклонникъ *факта* и *дѣла*. Ничего фанта-

[31]) *Прогулка по садамъ россійской словесности.* IV, 372—3.

стическаго, ничего ненужнаго, только одна непосредственная и наглядная польза. Слова строгой науки и правила здраваго смысла, все остальное эстетика, невѣжество и умственная ограниченность. Цѣнность каждой печатной страницы соотвѣтствуетъ количеству научныхъ свѣдѣній, сообщаемыхъ авторомъ, все равно, будетъ ли это статья или романъ. Мы не должны забывать о телеграфной проволокѣ: ей не полагается никакихъ извилинъ и арабесокъ, чтобы передавать депеши. Такъ и литература: пусть она учитъ публику прямолинейно и просто, безъ разныхъ хитростей и безполезныхъ изворотовъ.

Правило—вполнѣ ясное и дѣльное. Но, вѣроятно, *теорія* всегда и для всѣхъ—предметъ очень, даже нестерпимо *сухой* и, слѣдовательно, неосуществимый. Реалисты въ этомъ отношеніи не ушли дальше гетевскаго героя, пожалуй, отстали. Гёте сухой теоріи противопоставлялъ «цвѣтущее дерево жизни», т. е. подлинный фактическій реализмъ; русскіе новые люди теорію принесли въ жертву словамъ, отнюдь не дѣлу. Полемическая литература шестидесятыхъ годовъ поражаетъ обиліемъ чисто-словеснаго, идейно совершенно безплоднаго матеріала. На каждомъ шагу эта литература превращается въ искусство для искусства, даже не въ личное взаимное разоблаченіе противниковъ, а въ безсодержательную игру фразами и крѣпкими словами. Мы не желаемъ сказать, будто вся молодая журналистика—сплошной реторическій турниръ. Такой результатъ прямо немыслимъ, независимо отъ личной воли публицистовъ. При какой угодно безцѣльной запальчивости и непозволительномъ пристрастіи къ частнымъ перебранкамъ, имъ, несомнѣнно, по временамъ удавалось бы коснуться вопросовъ общаго, дѣйствительно просвѣтительнаго содержанія.

Такъ это и было, конечно. Но, кромѣ счастливыхъ случайностей, у публицистовъ жило искреннее желаніе учить и просвѣщать своихъ читателей. Доказательство — обиліе популярныхъ статей по исторіи и естествознанію. Оно должно считаться незабвенной исторической заслугой шестидесятыхъ годовъ. Но реалисты отнюдь не желали ограничиться работой компиляторовъ, слишкомъ безличной и скромной. Они—«мыслящія личности» и, слѣдовательно, ихъ назначеніе—самостоятельная философская разработка вопросовъ литературы, науки, личной и общественной нравственности. И вотъ на этомъ-то пути независимаго мышленія безграничнымъ потокомъ разлилась самобытная журнальная полемика, въ теченіе многихъ лѣтъ наносившая тяжкіе удары реальнымъ задачамъ молодыхъ писателей.

Этотъ фактъ долженъ быть выдвинутъ на первый планъ въ нашей исторіи: такое положеніе будетъ вполнѣ соотвѣтствовать

исторической правдѣ. Полемическія красоты играютъ подавляющую роль въ нигилистической литературѣ и не столько существенна рѣзкость, безпримѣрная откровенность ея тона, сколько именно чистая художественность ея пріемовъ и результатовъ. Шестидесятники, послѣдовавшіе Добролюбову и Чернышевскому, безпрестанно полемизировали ради самой полемики, наводняли свои журналы совершенно праздными словопреніями, на десяткахъ и сотняхъ страницъ пережевывали разныя «лукошки» и «бутерброды». Можно удивляться особенной психологіи русской публики, воспринимавшей подобную литераторскую дѣятельность и благодушно терпѣвшей пространныя доказательства, какъ такой-то критикъ удачно смазалъ другого «размазней», обозвалъ «гнилымъ и заразительнымъ бутербродомъ» и «шалопаемъ», а тотъ въ отместку изобличалъ «полемическое шулерство» своего противника, заткнулъ ему ротъ неотразимыми комплиментами. «Ахъ вы, лгунишка! Ахъ вы, сплетникъ литературный! и даже «лгунъ, помноженный на три» [32]). И эти блестки краснорѣчія украшаютъ весь критическій отдѣлъ журналовъ, врываются даже въ *Обозрѣнія*. *Внутреннее*, по крайней мѣрѣ, весьма часто является только продолженіемъ нарочито воинственныхъ *Литературныхъ мелочей* и фельетоновъ подъ всевозможными крылатыми наименованіями.

И Писарева слѣдуетъ считать главой направленія. Въ *Русскомъ Словѣ* онъ представлялъ соблазнительнѣйшій примѣръ для всѣхъ другихъ сотрудниковъ, на *Современникъ* и другія изданія онъ дѣйствовалъ крайне раздражающимъ образомъ. Положимъ, сотрудники *Современника* не нуждались въ особенныхъ внѣшнихъ раздраженіяхъ, чтобы производить свои собственныя посильныя полемическія красоты, но въ хронологіи военныхъ нападеній первенство принадлежитъ *Русскому Слову*. Писаревъ открылъ аттаку на писателей *Современника* и повелъ ее въ высшей степени упорно и безпощадно.

Какъ могло произойти это по истинѣ противоестественное событіе?

Современникъ служилъ органомъ Чернышевскаго и Добролюбова, т. е. признанныхъ учителей молодого поколѣнія. По смерти Добролюбова, мѣсто ихъ главнаго критика занялъ М. А. Антоновичъ, около двухъ лѣтъ работалъ рядомъ съ Чернышевскимъ, а послѣ устраненія его съ литературной сцены сталъ однимъ изъ редакторовъ журнала. Преданія, повидимому, вполнѣ ясныя и свѣжія, и Антоновичъ, казалось бы, никакъ не могъ нарушить ихъ.

По образованію семинаристъ и академикъ, молодой писатель

---

[32]) *Современникъ*. 1865, апрѣль. *Литературныя мелочи*. *Русское Слово*. 1865, февраль.

еще раньше—студентомъ—увлекался идеями *Современника*, началъ писать въ немъ при Добролюбовѣ и удостоился весьма одобрительнаго отзыва Чернышевскаго, какъ человѣкъ передовой и способный къ быстрому умственному развитію. Естественно, основное эстетическое уложеніе молодой критики—диссертація Чернышевскаго, невозбранно признавалось преемникомъ Добролюбова. Впослѣдствіи его статья объ этой книгѣ представитъ чисто ученическое почтительное изложеніе ея содержанія, безъ всякихъ попытокъ сомнѣваться и критиковать священные завѣты учителя [33]).

Та же эстетика царствовала и въ *Русскомъ Словѣ*: по крайней мѣрѣ, такъ заявлялъ Писаревъ, неоднократно и очень краснорѣчиво. И вдругъ то же *Русское Слово* пишетъ статью *Глуповцы, попавшіе въ «Современникъ»*, *Современникъ* сочиняетъ сказаніе *Барскіе лакеи въ «Русскомъ Словѣ»*! Эффектный обмѣнъ любезностями! И онъ длится цѣлые годы, приводя въ смущеніе дружественную публику и въ неподдѣльную радость недоброжелателей и равнодушныхъ.

Расколъ въ нигилистахъ! злобно провозглашали *Отечественныя Записки*, *Эпоха* и прочіе «филистеры»! И они имѣли всѣ основанія торжествовать: нигилистическая междоусобица обильно снабжала ихъ перлами небывалой публицистики въ полемическомъ родѣ. Косица могъ ежемѣсячно сдабривать свои лѣтописныя замѣтки въ изданіи семьи Достоевскихъ нигилистическимъ перцемъ, цѣльными пригоршнями разсыпаннымъ по страницамъ двухъ передовыхъ журналовъ. У Косицы не оказывалось остроумія, соотвѣтствовавшаго траги-комическому приключенію юныхъ борцовъ. Но достаточно было просто отмѣчать факты, чтобы въ сильнѣйшей степени поколебать писательское достоинство яростно поѣдавшихъ другъ друга представителей одного и того же направленія. И на самомъ дѣлѣ, болѣе диковиннаго и болѣе грустнаго зрѣлища русская литература не представляла ни раньше, ни позже. Никакой филистеръ въ мірѣ не могъ бы причинить болѣе глубокаго нравственнаго ущерба передовой публицистикѣ, чѣмъ это совершали наперебой ревностными усиліями публицисты *Современника* и *Русскаго Слова*. И здѣсь одинаково замѣчательны и поводы междоусобицы, и ея характеръ, и ея результаты. Все вмѣстѣ поразительно выпуклыми чертами рисуетъ типъ критика и мыслителя, представляемый личностью перваго человѣка среди «новыхъ людей».

XI.

Мы знаемъ раннюю статью Писарева о Базаровѣ. Она можетъ быть признана наиболѣе удачнымъ произведеніемъ писа

[33]) *Современникъ*. 1865, мартъ.

ревскаго пера. Она, не въ примѣръ прочимъ, носитъ явные слѣды обдуманности, критической проницательности и даже художественнаго вкуса, а главное—личной нравственной независимости критика отъ характеризуемаго героя и спокойнаго, достойнаго отношенія къ автору и его произведенію. Всѣ достоинства, какихъ вскорѣ тщетно станетъ искать иной требовательный читатель въ разсужденіяхъ неограниченно-властнаго публициста! Особенно горько онъ пожалѣетъ объ этихъ навсегда исчезнувшихъ достоинствахъ, когда сравнитъ писаревскую статью съ откликами *Современника* на тургеневскій романъ.

Зрѣлище безпримѣрное даже въ лѣтописяхъ нигилистической журналистики! И виновникъ его, Антоновичъ, отнынѣ сначала затаенный, потомъ открытый врагъ *Русскаго Слова*.

Удивительный артистъ прочиталъ романъ и съ его мыслительными способностями произошло нѣчто непостижимое: будто сказочный герой выпилъ волшебной воды и утратилъ свой естественный образъ. Въ его глазахъ все вывернулось наизнанку и стало вверхъ ногами. Всего нѣсколько дней или даже часовъ тому назадъ существовалъ Тургеневъ, всѣми признанный за писателя, по меньшей мѣрѣ, умнаго, терпимаго и свободомыслящаго. Недаромъ же онъ началъ *Записками охотника* и продолжалъ *Рудинымъ*. Вдругъ настоящая революціонная перемѣна декорацій!

Стоило Тургеневу написать *Отцовъ и дѣтей*, онъ мгновенно сталъ рядомъ съ Аскоченскимъ, издателемъ *Домашней Бесѣды*. Во всей русской литературѣ послѣ Булгарина не было болѣе опозореннаго имени и безнадежнѣе высмѣяннаго изданія. Даже Катковъ призналъ нужнымъ направить на темную и дикую фигуру маньяка-мракобѣса уничтожающіе удары насмѣшки и гнѣва. Аскоченскій превратился въ нарицательное имя, и оно уже давно совмѣщало въ себѣ всѣ рѣшительно понятія, какія только могутъ кровно оскорбить писателя, какъ человѣка и литературнаго дѣятеля. И вотъ этотъ-то Терситъ русской журналистики оказывался предшественникомъ и даже учителемъ Тургенева!

Да, фактъ внѣ сомнѣній. Аскоченскій всего за четыре года до *Отцовъ и дѣтей* написалъ романъ подъ названіемъ *Асмодей нашего времени*. Само собой понятно, какія цѣли могли быть у сочинителя. Онѣ ясны изъ самого заглавія: Асмодей—никто иной, какъ молодой герой, представитель новаго отрицательнаго направленія, однимъ словомъ «нигилистъ». У него только нѣтъ знаменитой клички, а всѣ поступки и всѣ идеи нигилистической вѣры и нравственности предвосхищены въ совершенствѣ Аскоченскимъ. Критикъ *Современника* доказываетъ это обильными сопоставленіями и приходитъ къ выводу, разбивающему въ прахъ

умственныя способности и гражданскіе задатки автора *Отцовъ и дѣтей*.

«Какъ угодно,—пишетъ критикъ,—но г. Аскоченскій болѣе безпристрастенъ къ отрицательному направленію и лучше его понимаетъ, чѣмъ г. Тургеневъ». Это объ авторахъ; то же самое можно сказать и объ ихъ герояхъ. Пустовцевъ, герой Аскоченскаго, «все-таки выше, по крайней мѣрѣ гораздо умнѣе и основательнѣе Базарова». Этого мало. Аскоченскій «гораздо послѣдовательнѣе» Тургенева, т. е., надо понимать, гораздо честнѣе и искреннѣе.

Онъ, не сочувствуя отрицательному направленію, заканчиваетъ свой романъ проклятіями на голову своего Асмодея, а Тургеневъ, такой же ненавистникъ своего Базарова, мечтаетъ о молодыхъ елкахъ, невинныхъ взглядахъ цвѣтковъ и всепримиряющей любви съ «отцами и людьми».

Таковы основныя идеи Антоновича о тургеневскомъ романѣ. Онѣ развиты въ громадной статьѣ, представляющей послѣднее слово разносительной критики. Все, что только можно отыскать отрицательнаго и позорнаго вообще въ какомъ бы то ни было литературномъ произведеніи, все это заполняетъ каждую тургеневскую страницу, бросается въ глаза и угнетаетъ душу скучающаго и раздраженнаго читателя. «Крайне неудовлетворительно въ художественномъ отношеніи», «удушливый зной странныхъ разсужденій», «за исключеніемъ одной старушки, нѣтъ ни одного живого лица и живой души, а все только отвлеченныя идеи и разныя направленія, олицетворенныя и названныя собственными именами», все это для критика стало совершенно ясно, лишь только онъ прочиталъ романъ. Убѣдился онъ также безповоротно и въ другой, еще болѣе роковой для автора истинѣ. Авторомъ руководила единственная цѣль показать публикѣ, какіе *негодяи* его враги и противники. Достигается она часто крайне наивно, по дѣтски. Тургеневъ мститъ Базарову во всѣхъ рѣшительно мелочахъ и пустякахъ, заставляетъ его проигрываться въ карты, обнаруживать предосудительное пристрастіе къ шампанскому. Месть идетъ и дальше: Базаровъ непочтителенъ къ родителямъ, вызываетъ ужасъ и омерзѣніе у *доброй и возвышенной по натурѣ женщины*, всѣхъ, кто подчиняется его вліянію, учитъ безнравственности и безсмыслію. Результаты, конечно, получаются самые плачевные. «Въ цѣломъ выходитъ не характеръ, не живая личность, а каррикатура, чудовище съ крошечной головкой и гигантскимъ ртомъ, съ маленькимъ лицомъ и пребольшущимъ носомъ, и притомъ каррикатура самая злостная».

Прекрасно! Но какъ же всѣ эти ужасы романа и преступленія Тургенева примирить съ прежними его произведеніями. За

Аскоченскимъ вѣдь ничего не числится, кромѣ юридическихъ бумагъ и инквизиторскихъ сысковъ, а вѣдь имя Тургенева съ гордостью помѣщалъ *Современникъ* въ спискѣ своихъ сотрудниковъ, Какъ же это объяснить?

Очень просто, отвѣчаетъ критикъ. Раньше не понимали смысла тургеневскаго творчества, и литераторы и публика *ошибались* въ объясненіи этого смысла. Теперь все объяснилось—*напрямки, безъ околичностей*, въ настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ. Тургеневъ завѣдомый врагъ новыхъ умственныхъ движеній и, слѣдовательно, современнаго молодого поколѣнія. Онъ вмѣстилъ это поколѣніе въ лицѣ изверга и глупца, не понявъ самой сущности дѣла и обрадовавшись случаю сочинить пасквиль на ненавистныхъ людей [34]).

Такъ судилъ передовой журналъ объ *Отцахъ и дѣтяхъ*, судилъ критикъ, рекомендованный Чернышевскимъ, и произведеніе критика печаталось рядомъ со статьей учителя! Какъ могло случиться подобное стеченіе обстоятельствъ? Не могъ же Чернышевскій раздѣлять галлюцинаціи своего юнаго собрата. Невѣроятно, чтобы автору статей о гоголевскомъ періодѣ тургеневскій нигилистъ показался глупцомъ и пошлякомъ, чтобъ въ его картежномъ проигрышѣ онъ усмотрѣлъ злостную месть автора! Не требовалось, повидимому, никакой особенной критической способности, чтобы постигнуть всю безсмыслицу и гомерическую наивность такого обвинительнаго акта. И Чернышевскій, несомнѣнно, постигалъ, но въ данную минуту дѣйствовали болѣе настойчивыя причины политическаго свойства, чѣмъ здравый смыслъ и литературная справедливость.

Современникъ находился въ непримиримой войнѣ съ Тургеневымъ. Она началась немедленно, лишь только *Наканунѣ* было напечатано въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Пламя сначала разгоралось тайно и медленно и вспыхнуло открыто и бурно, когда Тургеневъ съ января 1860 года, послѣ напечатанія въ журналѣ Некрасова рѣчи о Гамлетѣ и Донъ-Кихотѣ, окончательно прервалъ свое сотрудничество въ *Современникѣ*. Журналъ принялся доказывать братьямъ-писателямъ и публикѣ, что разрывъ произошелъ изъ-за убѣжденій, Тургеневъ слишкомъ отсталъ отъ міросозерцанія *Современника:* редакція «уволила» его!... Заявленіе вопіющимъ образомъ извращало факты, и тѣмъ, конечно, ревностнѣе подтверждалось дѣйствіями журнала.

Свистокъ, издававшійся при *Современникѣ*, избралъ Тургенева своей мишенью, не только какъ писателя, но и какъ частную личность, именно его отношенія къ Віардо. По поводу *Рудина*

---

[34]) *Современникъ*. 1862, мартъ.

читателямъ давалось понять, что авторъ желалъ въ своемъ романѣ угодить литературнымъ друзьямъ.

Тургеневъ возмутился и вздумалъ публично отвѣчать *Современнику*. Отвѣтъ не возъимѣлъ желаемаго успѣха: журналъ пользовался непоколебимымъ авторитетомъ среди своей публики и Тургеневу пришлось раскаяться въ своемъ плохо разсчитанномъ рѣшеніи—бороться съ такимъ противникомъ. Впослѣдствіи онъ даже совѣтовалъ «молодымъ литераторамъ» дѣлать свое дѣло и не разстраиваться дрязгами. Совѣтъ подкрѣплялся именно неудачной полемикой съ *Современникомъ*.

Послѣ этого намъ становится понятнѣе упражненіе Антоновича, усилія критика въ конецъ унизить и разбить Тургенева, поставивъ его рядомъ съ Аскоченскимъ. Редакція журнала должна была горячо сочувствовать этому предпріятію. Помимо указанныхъ данныхъ, мы можемъ тоже заключеніе сдѣлать на основаніи сообщеній лица, близкаго редактору *Современника* [35]). Сообщенія эти, вообще преизобилующія неправдами по недоразумѣнію и еще чаще по заранѣе обдуманному намѣренію, и нарочито взвинченной страсти, любопытны, какъ яркій и откровенный показатель воинственныхъ намѣреній редакціи *Современника* по отношенію къ Тургеневу. Антоновичъ явился образцово усерднымъ отголоскомъ этихъ чувствъ и не побоялся статьей объ *Отцахъ и дѣтяхъ* навсегда подписать смертный приговоръ своимъ критическимъ способностямъ и писательскому безпристрастію. Некрасову суждено было испытать жестокое возмездіе за пріятное усердіе его критика. Впослѣдствіи, всего шесть лѣтъ спустя, ему самому пришлось поссориться съ Антоновичемъ, и тотъ отомстилъ ему убійственнымъ *Объясненіемъ*, оставлявшимъ далеко за собой даже *Асмодея*. Личность и вся литературная дѣятельность Некрасова пригвождалась къ позорному столбу, знаменитый поэтъ обвинялся въ тягчайшихъ нравственныхъ и литературныхъ преступленіяхъ, прежде всего—въ торгашескомъ, спекулятивномъ характерѣ своего либерализма и народничества... Столь оказалось удобнымъ и привлекательнымъ пользоваться услугами бойкаго молодого пера съ полемическими цѣлями противъ лично неповиннаго писателя!

Но пока Антоновичъ дѣйствовалъ на полной свободѣ и въ ненарушимомъ единодушіи съ редакціей, онъ не пропускаетъ случая обозвать публично Тургенева излюбленнымъ именемъ Аскоченскаго, пріурочить его къ компаніи Стебницкихъ, Клюшниковыхъ и Писемскихъ, завѣдомыхъ гонителей нигилистическаго направленія. Можно бы, конечно, многое возразить противъ не

---

[35]) *Воспоминанія* Головачевой, *Ист. Вѣст.*

по разуму стремительной наклонности критика сваливать въ одну кучу всѣ цвѣта и оттѣнки изъ лагеря *не нашихъ*, но, очевидно, съ самаго начала вопросъ заключался не въ принципахъ правды и справедливости и не въ интересахъ собственно литературной критики и общественныхъ идеаловъ. *Современникъ* становился на военное положеніе противъ Тургенева и велъ себя *какъ на войнѣ*, т. е. стрѣлялъ и рубилъ направо и налѣво, не разбирая средствъ и не различая въ станѣ противника ни добра, ни зла. Послѣдствія должны были выйти менѣе всего почетныя для запальчиваго воина и для всей современной публицистики.

Современникъ прежде всего столкнулся съ Писаревымъ. Критикъ *Русскаго Слова* не усмотрѣлъ въ лицѣ Тургенева преступника и не призналъ Базарова негодяемъ умственнаго и нравственнаго идіотизма. Это послужило началомъ «раскола» и жесточайшей междоусобицы на нѣсколько лѣтъ. Въ настоящее время подобный поводъ къ журнальной войнѣ можетъ показаться крайне легкомысленнымъ, совершенно безцѣльнымъ и юношески-комическимъ, даже больше, мало вѣроятнымъ съ точки зрѣнія здраваго смысла и самой простой публицистической политики. Въ основѣ лежало или явно вопіющее недоразумѣніе, лишавшее критика *Современника* права на какое бы то ни было серьезное вниманіе со стороны публики, или еще горшее зло—партійная и личная злоба. Изъ-за чего же было ломать оружіе съ подобнымъ героемъ? Доказывать ему, что Тургеневъ не Аскоченскій—не имѣло никакого смысла: человѣкъ, усвоившій эту идею, этимъ самымъ доказывалъ полную безнадежность своего ума и нравственнаго чувства. Поднимать брошенную имъ перчатку—значило цѣнить не по достоинству его особу и его дѣйствія.

Единственное соображеніе могло бы заставить очевидцевъ вступить въ бой съ невмѣняемымъ рыцаремъ—популярность *Современника* среди молодой публики. Популярность не подлежала сомнѣнію и, мы видѣли, Тургеневу пришлось отступить предъ ней, какъ непреодолимой силой. Но именно фактъ отступленія геніальнаго художника показывалъ всю стихійность, всю безотчетность увлеченій *Современникомъ*. Загипнотизированные читатели, очевидно, отказывались даже выслушивать противную сторону. Приговоръ у нихъ былъ составленъ раньше процесса и безповоротно на все время гипнотическаго состоянія. Антоновичъ могъ безнаказанно изъ мѣсяца въ мѣсяцъ совершать какія угодно насилія надъ общечеловѣческой логикой, надъ общедоступными фактами и надъ непосредственнымъ чувствомъ художественной и нравственной красоты: онъ былъ правъ во что бы то ни стало, разсудку вопреки и наперекоръ стихіямъ. Диктатура въ двадцать семь лѣтъ—вещь чрезвычайно заманчивая и авторъ *Асмодея*

быстро потерялъ всякое представленіе о перспективѣ и мѣрѣ, лишь бы пропустила цензура да не притянули къ суду. Недалекое будущее безжалостно возмѣстило воину его азартъ. Фейерверочный шумъ и бенгальскій блескъ, по самой природѣ, скоротечны и безплодны. Имени Антоновича—столь громкому и эффектному въ теченіе трехъ-четырехъ лѣтъ—предстояло печальное, ничѣмъ неотвратимое забвеніе, оскорбительно холодное равнодушіе даже со стороны прежнихъ участниковъ зрѣлища, теперь подросшихъ и созрѣвшихъ. Уже въ 1868 году самъ Некрасовъ отказался отъ литературныхъ услугъ Антоновича въ *Отечественныхъ Запискахъ*, и этого было достаточно, чтобы навсегда похоронить всѣ военные доспѣхи и всю героическую славу бывшаго перваго артиста *Современника*. Краснорѣчивѣйшее доказательство, на какихъ призрачныхъ устояхъ покоилась эта слава и какъ мало заключалось *разума* и *справедливости* въ мимолетной авторитетности неудержимо запальчиваго приговорщика.

Но какъ бы то ни было, запальчивость принесла свои плоды. Тургеневскій романъ сталъ яблокомъ раздора между двумя передовыми органами русской печати, и публика очутилась предъ своего рода бенефиснымъ спектаклемъ нигилистической публицистики.

XII.

Едва успѣла разгорѣться брань изъ-за Базарова и Тургенева, на поле битвы подоспѣлъ новый *casus belli*. На первый взглядъ онъ не представлялся особенно важнымъ: зажигательный снарядъ былъ брошенъ мимоходомъ, случайно, но при высокой температурѣ борцовъ, и онъ быстро наполнилъ сцену дѣйствія огнемъ и дымомъ.

На этотъ разъ виновникъ—Щедринъ, а вина—легкомысленное отношеніе сатирика къ роману *Что дѣлать? Современникъ* и *Русское Слово* уже состояли въ войнѣ другъ съ другомъ и Щедрину было естественно царапнуть идоловъ враждебнаго журнала, только сдѣлалъ онъ это очень неразсчетливо и опрометчиво.

Никакимъ писательскимъ авторитетомъ Щедринъ не владѣлъ въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ, по очень простой причинѣ: онъ все еще *искалъ* своихъ убѣжденій и—мы знаемъ—даже въ лагерѣ крайнихъ славянофиловъ. Смѣхъ сатирика съ трудомъ различалъ толки и направленія и беззаботно разгуливалъ по головамъ нашихъ и вашихъ, лишь бы находилась пожива для болѣе или менѣе забавнаго издѣвательства. Таковъ общій голосъ критики шестидесятыхъ годовъ. Умѣренный и сдержанный Страховъ на этотъ счетъ вполнѣ согласенъ съ Писаре-

вымъ и Зайцевымъ, и нельзя было не согласиться особенно послѣ выходки противъ романа Чернышевскаго.

Зачѣмъ собственно потребовалось Щедрину метнуть стрѣлу своего остроумія въ этотъ романъ—трудно рѣшить, тѣмъ болѣе, что самая стрѣла отнюдь не отличается остротой и пролетѣла она въ сущности мимо цѣли: сатирикъ задѣлъ слишкомъ второстепенный предметъ и притомъ весьма легкомысленно и слишкомъ беззаботно.

Въ *Современникѣ* появилась такая веселая картинка, равно разсчитанная на ядовитость:

«Когда я вспомню, напримѣръ, что «со временемъ» дѣти будутъ рождать отповъ, а яица будутъ учить курицу, что «со временемъ» зайцевская хлыстовщина утвердитъ вселенную, что «со временемъ» милыя нигилистки будутъ безстрастной рукой разсѣкать человѣческіе трупы и въ то же время подплясывать и подпѣвать: «Ни о чемъ я, Дуня, не тужила» (ибо, «со временемъ», какъ извѣстно, никакое человѣческое дѣйствіе безъ пѣнія и пляски совершаться не будетъ), то спокойствіе окончательно водворяется въ моемъ сердцѣ и я забочусь только о томъ, чтобы до тѣхъ поръ совѣсть моя была чиста. Съ чистой совѣстью я надѣюсь прожить сто лѣтъ и ничего, кромѣ чистоты совѣсти, не ощущать» [36]).

Сатирикъ долго распространяется на счетъ чистой и нечистой совѣсти: вопросъ, не подлежавшій обсужденію заинтересованныхъ читателей, они предпочли заподозрѣть у автора другого рода чистоту и въ другомъ смыслѣ, именно полнѣйшую неприкосновенность сатирика къ какому-либо опредѣленному міросозерцанію. *Эпоха* примѣняла къ сатирику *Современника* изреченіе Хлестакова: «у меня легкость въ мысляхъ необыкновенная» [37]). *Русское Слово* выражалось несравненно рѣзче, знакомя своихъ читателей съ понятіями *Современника* о нигилисткахъ. Понятія выяснялись изъ драматической, весьма веселой сценки, уличавшей бѣдныхъ нигилистокъ въ зависти къ богатымъ кокоткамъ. Съ одной изъ этихъ несчастныхъ сатирику довелось вести разговоръ о театрѣ. Нигилистка сидѣла въ пятомъ ярусѣ, а «пресловутая Шарлота Ивановна, вся блестящая и благоухающая, роскошествовала въ бель-этажѣ и безстыдно предъявляла алкающей публикѣ свои обнаженныя плечи и «мятежный груди валъ».

— И какъ она смѣла, эта скверная!—визгливо заключала нигилистка, топая ножкой.

---

[36]) *Современникъ*. 1864, январь, *Наша общественная жизнь*, 26.

[37]) *Эпоха*. 1864, октябрь. *Послѣдніе два года въ петербургской журналистикѣ*. *Русское Слово*. 1864, февраль. *Глуповцы, попавшіе въ Современникъ*, 37.

Авторъ изумился; какое дѣло его собесѣдницѣ до счастья Шарлоты Ивановны?

— Помилуйте! Я, честная нигилистка, задыхаюсь въ пятомъ ярусѣ, а эта дрянь, эта гадость, эта жертва общественнаго темперамента... смѣетъ всенародно показывать свои плечи... гдѣ же тутъ справедливость? И неужели правительство не обратитъ, наконецъ, на это вниманія?

Авторъ въ отвѣтъ принялся развивать ей свою теорію о чистой и нечистой совѣсти и спросилъ у нигилистки:

— Ну согласились бы вы промѣнять вашу чистую совѣсть на ложу въ бэль-этажѣ?

— Конечно, нѣтъ, — отвѣчала она, но какъ-то невнятно. И авторъ долженъ былъ повторить свой вопросъ.

Немедленно вслѣдъ за этой сценкой разсказывалась соотвѣтствующая бесѣда съ нигилистомъ, и нигилистъ, при одномъ намекѣ даже на *Русскій Вѣстникъ*, уже прямо заявлялъ:

— Э, батюшка, всѣ *тамъ* будемъ!..

Такъ упражнялся сатирикъ журнала, гдѣ всего семь мѣсяцевъ назадъ закончилось печатаніемъ *Что дѣлать?* Было отчего придти въ негодованіемъ даже самымъ хладнокровнымъ поклонникамъ Чернышевскаго. Сатирикъ дѣйствительно совершалъ нѣчто несообразное и редакція пускала его по всей волѣ, очевидно, въ явное противорѣчіе своему собственному азарту противъ Тургенева. Если Базаровъ — злостная каррикатура на нигилистовъ, что же остается сказать о нигилисткѣ и нигилистѣ Щедрина? И зачѣмъ же тогда Антоновичъ изъ года въ годъ потрясалъ воздухъ яростными воплями во славу молодого поколѣнія, если одновременно съ нимъ это поколѣніе подвергалось издѣвательству совершенно въ духѣ джентльменовъ изъ *Русскаго Вѣстника*. Это соединеніе естественно несліянныхъ теченій еще ярче оттѣняетъ чисто-полемическій, а не идейный характеръ войны *Современника* съ Тургеневымъ. Къ нашему удивленію, *Русское Слово* не отмѣчало этого противорѣчія, но оно всѣми силами налегло на полное несоотвѣтствіе щедринскаго смѣха направленію *Современника*, какъ бывшаго органа Добролюбова и Чернышевскаго.

И *Русское Слово* было право.

Если Щедрину пришла охота уничтожить нигилизмъ и высмѣять мечтанія и увлеченія молодого поколѣнія,—идти къ этой цѣли надлежало отнюдь не путемъ фантастическихъ веселыхъ діалоговъ, не воздѣйствіемъ на смѣшливыя наклонности веселой публики, не эксплуатаціей забавныхъ словечекъ и еще менѣе— мнимо-остроумной и рѣшительно ничего не означавшей болтовней о чистой и нечистой совѣсти. Съ такими пріемами критики Щедринъ становился ниже Писемскаго. У автора *Взбаломученнаго*

моря и фельетоновъ Никиты Безрылова говорило, по крайней мѣрѣ, сильное и глубокое чувство; онъ, видимо, волновался и мучился, преслѣдуя ненавистное общественное явленіе. А здѣсь—подлинно «легкость необыкновенная», пріятнѣйшее саморазвлеченіе и именно беззаботность сатирика, радостно глумившагося надъ безразличными для него фактами, вызвала ядъ и желчь юношей *Русскаго Слова*. Вопросъ всталъ рѣзко и для обѣихъ сторонъ въ высшей степени отвѣтственно: какъ *Современникъ* относится къ Чернышевскому? Дѣйствительно ли авторъ *Эстетическихъ отношеній* общій учитель двухъ молодыхъ редакцій; или одна изъ нихъ поворачиваетъ направо, влекомая беззавѣтной веселостью и невмѣняемымъ сатирическимъ зудомъ своего фельетониста?

Русское Слово немедленно, по прочтеніи діалоговъ *Современника*, отвѣчало со всей энергіей, какою только обладала полемическая рѣчь Зайцева.

«Омерзительно видѣть самодовольнаго балагура, дошедшаго изъ любви къ безпричинному смѣху, до осмѣиванія того, чѣмъ былъ вчера, и провозглашающаго глуповскую мораль, въ родѣ слѣдующей: «яйца курицу не учатъ!» Ну что жъ, читатели *Современника*, бросайте Добролюбова, отворачивайтесь отъ него—вѣдь онъ принадлежалъ къ числу птенцовъ и осмѣливался учить и даже проучивать такихъ почтенныхъ куръ, какъ г. Погодинъ или г. Аксаковъ, или даже г. Щедринъ, который не можетъ до сихъ поръ простить ему и въ отместку старается ущипнуть его въ своемъ курятникѣ...»

Зайцевъ указывалъ на «скользкій путь», выбранный *Современникомъ* подъ руководствомъ Щедрина, прямо говорилъ о ренегатствѣ, не щадилъ личности самого «эксъ-администратора» и заключалъ свою рѣчь не безъ эффекта и убѣдительности: «совмѣстить въ себѣ тенденціи остроумнаго фельетониста съ идеями Добролюбова журналъ, уважающій себя, не можетъ. Надо выбирать одно изъ двухъ: или идти за авторомъ *Что дѣлать?* или смѣяться надъ нимъ».

Отповѣдь Зайцева—только начало возмездія. Дѣло въ руки взялъ Писаревъ, и быстро возникъ рядъ статей, колебавшихъ всѣ краеугольные камни *Современника*. Прежде всего пришлось поплатиться самому Щедрину. *Цвѣты невиннаго юмора* разсчитывали совершенно уничтожить сатирика, какъ серьезнаго и мыслящаго писателя. Большого труда не предстояло критику. Ранній юморъ Щедрина на самомъ дѣлѣ преисполненъ наивнаго шаржа, манернаго, напряженно-остроумнаго пустословія, усиленно придуманныхъ, до послѣдней степени откровенныхъ, но по существу вполнѣ безплодныхъ словечекъ и прибаутокъ. Писареву оставалось только вязать въ букеты и гирлянды всѣ эти «цвѣты»—

въ родѣ «греческаго человѣка Трефандоса», «фики», «ахъ матушка!»... Задача очень благодарная, и Щедринъ, читая статью, врядъ ли чувствовалъ себя въ сатирическомъ настроеніи. Къ сожалѣнію, Писаревъ не нашелъ лучшаго средства вылѣчить Щедрина отъ легкомысленнаго безотчетнаго глумленія, какъ рекомендовать ему переводить и компилировать сочиненія по естественнымъ наукамъ.

Несомнѣнно, Щедринъ годился на что-нибудь помимо компиляцій, и его Глуповъ не былъ послѣднимъ словомъ его писательской психологіи. Критикъ легко могъ бы придти къ такому заключенію на основаніи уже имѣвшагося подъ его руками матеріала. Но онъ предпочелъ разомъ и навсегда покончить съ противникомъ въ томъ же духѣ, какъ это сдѣлалъ Антоновичъ съ Тургеневымъ. Отъ рѣшительности критика не выигрывала ни истина, ни даже его цѣль. Сатирическій талантъ Щедрина не могъ быть вычеркнутъ изъ русской литературы какой угодно остроумной статьей, и читающая публика, довѣряя критику *Русскаго Слова*, пріобрѣтала только новое недоразумѣніе.

А между тѣмъ, Писаревъ находился въ очень выгодномъ положеніи. *Современникъ* явно подлежалъ уликѣ въ двусмысленности дѣйствій, Щедринъ обнаруживалъ поразительную незрѣлость идей и легковѣсность смѣха: все это представляло богатую пищу для обличительнаго краснорѣчія. Но все это не давало Писареву права обобщать нѣсколько отдѣльныхъ фактовъ, взлетать на олимпійскую высоту предъ своимъ противникомъ и доставлять зрѣлище «филистерамъ».

Они поспѣшили воспользоваться случаемъ, и Достоевскій напечаталъ въ *Эпохѣ* сатирическій разсказъ подъ заглавіемъ: *Господинъ Щедринъ или расколъ въ нигилистахъ*. Онъ прежде всего собралъ крылатыя рѣчи *Русскаго Слова* по адресу Щедрина и *Современника*, а потомъ изобразилъ въ драматической формѣ появленіе *Щедродарова*—«шавки лающей и кусающейся»—въ числѣ сотрудниковъ нигилистическаго органа. Достоевскій искусно воспользовался общими положеніями писаревской реальной критики и высмѣялъ ихъ одновременно съ безпринципностью сатирика. «Филистеры» убивали двухъ зайцевъ, исключительно благодаря безтактности самихъ передовыхъ публицистовъ [38]).

Но для насъ поучительны не столько успѣхи сатиры Достоевскаго, сколько общіе результаты жестокой войны. Ихъ отмѣчала тоже *Эпоха* и вполнѣ основательно. Результаты сводились къ нулю. Полемика не дала «ни единой крупицы пищи для ума и сердца... Что сказалъ или хотѣлъ сказать г. Щедринъ впродол-

[38]) *Эпоха*. 1864, май.

женіе года? Зачѣмъ онъ напалъ на романъ *Что дѣлать?* Какая разница между *Современникомъ* и *Русскимъ Словомъ?*»

Отвѣта не получилось, и фактъ, по мнѣнію *Эпохи*, прекрасно характеризовалъ *стоячее* положеніе петербургской журналистики. «Обнаружилось внутреннее броженіе, не имѣющее никакой цѣли и свидѣтельствующее объ отсутствіи настоящей дѣятельности, настоящихъ интересовъ» [39]).

Интересы, конечно, были, но запальчивые юноши воинственные личные счеты предпочли идейной работѣ. Она, несомнѣнно, выходила болѣе легкой и доставляла болѣе крѣпкое наслажденіе молодому вкусу и воображенію. Оно покупалось за счетъ положительныхъ и прочныхъ задачъ публицистики; но гдѣ же было заниматься этимъ вопросомъ, когда представлялась возможность пошумѣть и подраться безъ всякихъ усилій мышленія, при помощи хлесткаго, болѣе или менѣе терпимаго браннаго словаря!

Къ такимъ же результатамъ привела междоусобица *Русскаго Слова* и *Современника* и въ спорѣ объ *Отцахъ и дѣтяхъ*. Предметъ еще болѣе значительный и явно вызывавшій на приготовленіе пищи для ума и сердца, и обѣ стороны съумѣли свести его къ личной перебранкѣ, даже не затрогивая принциповъ.

XIII.

Писаревъ рѣзко разошелся съ Антоновичемъ въ оцѣнкѣ *Отцовъ и дѣтей* и самого Тургенева: естественно было бы выяснить идейныя основы этого разногласія, доказать, что Тургеневъ дѣйствительно не имѣетъ ничего общаго съ Аскоченскимъ и что въ Базаровѣ заключены подлинныя черты современнаго молодого поколѣнія. Писаревъ *узналъ себя въ Базаровѣ*: это существенный фактъ, и Герценъ, отнюдь не поклоняясь ни Писареву, ни Тургеневу, призналъ его въ высшей степени поучительнымъ; въ своемъ сужденіи о Тургеневѣ, какъ авторѣ романа, повторилъ взглядъ Писарева: Тургеневъ, лично несочувствуя Базарову, какъ художникъ остался правдивымъ и честнымъ изобразителемъ своего героя [40]).

Герценъ могъ бы кое въ чемъ исправить мнѣнія Писарева, особенно послѣ личной близкой освѣдомленности на счетъ тургеневскихъ сочувствій и не-сочувствій, но, несомнѣнно, писаревская статья о Базаровѣ заключала въ себѣ много удачныхъ замѣчаній и мѣткихъ указаній, какъ истинное самопризнаніе молодого критика. На этой почвѣ и предстояло, повидимому, разыграться полемикѣ. Въ дѣйствительности вышло нѣчто совершенно обратное.

Антоновичъ непоколебимо усѣлся на своемъ открытіи, что Ба-

[39]) *Эпоха*. 1864, іюль, октябрь.

[40]) *Еще разъ Базаровъ*. Сочиненія X, 417 etc.

заровъ каррикатура, а Тургеневъ—Аскоченскій. Защищать подобную истину логикой и фактами нѣтъ никакой возможности, и *Современникъ* прибѣгъ совершенно откровенно къ личной брани и даже къ личнымъ сыскамъ съ пристрастіемъ. Онъ поставилъ своей мишенью «критиковъ-дѣтей»—безнадежныхъ глупцовъ и принялся осыпать ихъ отборными укоризнами во всевозможныхъ нравственныхъ изъянахъ. Въ его распоряженіе съ самаго начала попала вѣрная мысль о зависимости Писарева отъ Базарова, о наклонности *Русскаго Слова*, вмѣсто независимой вдумчивости въ вопросы литературы, философіи и русской дѣйствительности, пользоваться нигилистическими уроками изъ романа. На этотъ фактъ указывало *Время* еще раньше Антоновича. Оно находило, что нигилизмъ рѣшительно ничего не сдѣлалъ для себя, не разъяснилъ даже своего міросозерцанія и не опредѣлилъ своего мѣста въ исторіи общественной мысли. Все сдѣлано его противниками, и особенно Тургеневымъ. Именно онъ «изобразилъ живьемъ, съ кровью и плотью, представителя, образцоваго члена загадочной толпы. Мнѣнія и чувства этого представителя были превосходно сгруппированы и доведены до возможной отчетливости и гармоніи. Въ довершеніе всего Тургеневъ открылъ и создалъ самое трудное: онъ угадалъ имя этого человѣка, онъ назвалъ его нигилистомъ» [41]).

Антоновичъ, слѣдовательно, не открывалъ Америки, и Писаревъ, подчиняясь художественному образу, проявлялъ только сущность своей природы, а вовсе не становился въ положеніе случайнаго компилятора. Онъ, по справедливому замѣчанію Герцена, дѣйствовалъ до наивности откровенно, но въ его дѣйствіяхъ заключался извѣстный психологическій и культурный смыслъ. Въ вылазкѣ Антоновича не было ничего, кромѣ личной злобы и непостижимаго непониманія совершенно яснаго предмета. И эти же мотивы критикъ положилъ въ основу своей полемики съ *Русскимъ Словомъ*.

Онъ не могъ или не хотѣлъ понять *органическую* связь Писарева, какъ личности, и Базарова, какъ извѣстнаго типа. Онъ сосредоточилъ все свое вниманіе на исключительно полемической цѣли, т. е. на внѣшней сторонѣ вопроса, притомъ совершенно извращеннаго собственнымъ толкованіемъ. Базаровъ—злостная каррикатура, а Писаревъ рабская копія съ нея: таковъ смыслъ многочисленныхъ страницъ, исписанныхъ Антоновичемъ за все время полемики. Онъ предоставлялъ автору полное раздолье по части все того же поносительнаго словаря, и погоня за энергіей и крѣпостью формы отодвинула на послѣдній планъ сущность разногласія.

Современникъ безповоротно увѣровалъ, что поклонники Базарова и тургеневскаго таланта только «вислоухіе», «дѣти» и «юрод-

[41]) *Время*, 1863, январь, ст. о комедіи О. Устрялова *Слово и дѣло*,—И. Косицы.

ствующіе», больше ничего; *Русское Слово* не стерпѣло удара, хотя бы совершенно безсмысленнаго, и закусило удила. На Антоновича посыпался градъ соотвѣтственныхъ эпитетовъ, въ журнальной атмосферѣ стонъ стоялъ отъ брани и чисто личныхъ препирательствъ. *Современникъ* заявлялъ, что онъ «принялъ за правило наказывать всякую литературную ракалію тѣмъ же орудіемъ, которымъ она сама согрѣшаетъ», а *Русское Слово* усерднѣйше соревновало сопернику и станъ нигилистовъ на цѣлые мѣсяцы превратился въ своего рода гладіаторскую арену.

А между тѣмъ, у обѣихъ сторонъ были безусловно принципіальные поводы спорить и взаимно оправдываться. Писаревъ, по всей справедливости, могъ бы взять на себя оцѣнку таланта и направленія Тургенева. Вмѣсто того, чтобъ опровергать Бѣлинскаго и разносить Пушкина, онъ могъ бы съ точки зрѣнія реальной критики *перерѣшить* вопросъ о Тургеневѣ, остававшійся открытымъ для критиковъ всѣхъ направленій и эстетическаго, и нигилистическаго. Но Писаревъ предпочелъ даже отказаться отъ собственныхъ воззрѣній на Базарова, вступить съ самимъ собой въ рѣзкое противорѣчіе, критическое отношеніе къ герою смѣнить на восторженный культъ. Въ смѣнѣ не было ничего искусственнаго и притворнаго, Писаревъ оставался по-прежнему искреннимъ и увлеченнымъ, но въ ущербъ спокойному проникновенному мышленію. И Антоновичъ получилъ возможность дѣлать параллели и сопоставленія прежнихъ и позднѣйшихъ взглядовъ *Современника* на Базарова и отчасти на Тургенева [42]).

Все это производилось отнюдь не съ цѣлью уяснить вопросъ, представить анализъ психологіи героя и его критика, а исключительно ради пущаго униженія враждебнаго журнала. Писаревъ съ своей стороны, доискивался, читалъ ли редакторъ *Современника* романъ Тургенева до статьи Антоновича объ Асмодеѣ? По соображеніямъ Писарева, не читалъ и «г. Антоновичъ обманулъ довѣріе». Антоновичъ немедленно возопилъ о «пошлой выдумкѣ» и «злонамѣренной клеветѣ» и постарался доконать врага всяческими средствами.

На сцену выступилъ уже вообще Писаревъ, какъ человѣкъ, и его сильнѣйшій авторитетъ—Благосвѣтловъ. Его признанія на счетъ ранняго невѣжества и неразвитія, письмо его матери объ его зависимости отъ поученій и руководства Благосвѣтлова—все это пущено въ ходъ съ самыми откровенными поясненіями и толкованіями. Искренность Писарева, а, можетъ быть, и нѣкоторая рисовка въ изображеніи своихъ школьныхъ испытаній и удручающей незрѣлости ума въ гимназіи и въ университетѣ, сослужили драгоцѣнную службу *Современнику*: «реалистъ» былъ поднятъ

[42]) *Современникъ*. 1865, апрѣль. *Русская литература*, 304 etc.

на смѣхъ, какъ существо едва имѣняемое и до жалости ограниченное. А дальше подъ руку подвернулся Благосвѣтловъ, и здѣсь уже окончательно потонули всѣ принципіальные вопросы въ «черной» и «бѣлой» грязи. Такое распредѣленіе сдѣлано Благосвѣтловымъ для характеристики своихъ разнообразныхъ непріятелей изъ *Отечественныхъ Записокъ* и *Современника*. Характеристика, вполнѣ примѣнимая къ самому *Русскому Слову*.

Благосвѣтловъ бился съ открытымъ лицомъ, Антоновичъ подъ забраломъ Посторонняго сатирика. Это emploi Антоновичъ посвятилъ преимущественно издателю *Русскаго Слова* и цѣлый рядъ статей подъ названіемъ *Литературныя мелочи*. Статьи чрезвычайно обширныя, запальчивыя, безпрестанно утрачивающія литературную форму и украшаемыя бранью, намеками и совершенно откровенными нападеніями на частныя дѣла противника. Вся цѣль обоихъ соратниковъ наговорить возможно больше «поносныхъ словъ» въ глаза другъ другу, и цѣль блистательно достигается. Антоновичъ изъ силъ выбивается доказать, что не его назвали лукошкомъ, а онъ назвалъ Благосвѣтлова бутербродомъ, и что онъ никогда не назоветъ издателя «съ крайней безсовѣстностью» душкой и милашкой, что онъ раскроетъ всю подноготную Благосвѣтлова и повѣдаетъ міру, какъ онъ вдругъ сдѣлался издателемъ журнала и вообще что онъ праздношатающійся шалопай.

Противная сторона также не постѣснится по части военныхъ пріемовъ. Рядомъ съ Антоновичемъ къ слѣдствію будетъ привлеченъ также издатель *Современника*, публика узнаетъ, что этотъ издатель проигрываетъ въ карты деньги своихъ подписчиковъ, заводитъ псовыя охоты. Въ отвѣтъ Антоновичъ сообщитъ, что у Благосвѣтлова имѣются, по слухамъ, двѣ кошки и что у него «прошедшее» самое позорное, у него—графскаго прихлебателя и лакея...

Какое впечатлѣніе подобная литература могла производить на публику? Едва ей удавалось услышать одно-два общихъ замѣчанія, какъ ее немедленно привлекали къ судебному процессу и заставляли присутствовать при перемываніи грязнаго литераторскаго бѣлья. Она могла, повидимому, разсчитывать поучиться у *Современника*, какъ слѣдуетъ смотрѣть на реальную критику, какой практическій смыслъ заключенъ въ книгѣ Чернышевскаго и какія преступленія совершаетъ Писаревъ въ качествѣ разрушителя эстетики?

Обязанность въ высшей степени не хитрая—раскрыть увлеченія и ошибки критиковъ-дѣтей, и *Современникъ* подходилъ совсѣмъ близко къ рѣшенію этой задачи. Онъ брался защищать Добролюбова, желалъ доказывать «лже-реализмъ» *Русскаго Слова*, стремился выставить въ забавномъ свѣтѣ войну Писарева съ эстетикой, но только брался, желалъ, стремился... Въ результатѣ ничего не выходило поучительнаго, заслуживающаго признательности читателей. Защита Добролюбова сводилась къ оправданію

его взгляда на Катерину Островскаго, улика въ лже-либерализмѣ переходила въ брань на Тургенева и *Отцовъ и дѣтей*, покушенія на эстетическое варварство Писарева закончились обвиненіемъ того же критика за его отзывъ о тургеневскомъ романѣ, за «непониманіе самыхъ ясныхъ вещей», т. е. будто Тургеневъ—Аскоченскій, а Базаровъ—Асмодей...

Очевидно, критикъ *Современника* оказывался прямо неправоспособнымъ вести литературную полемику съ *Русскимъ Словомъ* даже на самой для себя благодарной почвѣ. Его ежеминутно обуревалъ неукротимый забіяческій азартъ и на десяткахъ его бойкихъ страницъ можно найти едва нѣсколько строкъ дѣйствительно идейной работы мысли. Мы можемъ указать собственно только на одно цѣнное мѣсто среди всѣхъ критическихъ и фельетонныхъ нашествій Антоновича на *Русское Слово*, именно указаніе, что *Мертвыя души* и *Ревизоръ* принесли обществу несомнѣнно осязательную пользу. Антоновичъ желалъ сказать, что эти художественныя произведенія полезнѣе реалистическихъ статей Писарева и Зайцева. Мысль правильная и, при всей своей непосредственности, очень почтенная въ эпоху писаревскихъ гоненій на эстетику. Весьма кстати также обобщалъ Антоновичъ отдѣльные факты и указывалъ на искусство, какъ на драгоцѣнное средство распространять идеи.

Все это неопровержимо, но, къ сожалѣнію, столь разумныя соображенія высказывались крайне рѣдко, потомъ не принадлежали изобрѣтателю Асмодея и, наконецъ, уснащались попутно исключительно личной бранью и, слѣдовательно, утрачивали свою нравственную цѣну и авторитетность.

Такими средствами боролся Антоновичъ и со всѣми другими противниками, съ тѣми, кто на языкѣ *Русскаго Слова* именовался сплошь «журнальнымъ стадомъ».

Отечественныя Записки стояли здѣсь на первомъ планѣ. Для Антоновича онѣ означали сіамскихъ близнецовъ: Кра-ев-скаго и Ду-дыш-кина, и уже самыя эти фамиліи казались ему нестерпимо позорными звуками. Корыстолюбіе и проходимство Краевскаго не сходятъ со страницъ *Современника*: недобросовѣстность, лживость, безсовѣстность, обманъ, крики объ увеличеніи издержекъ на изданіе журнала—все это обычные метательные снаряды Антоновича противъ близнецовъ. Бросаются они опять, повидимому, ради идеи: Антоновичъ стремится защитить Бокля, Чернышевскаго и Милля, но въ результатѣ для всѣхъ этихъ почтенныхъ именъ несравненно было бы выгоднѣе не имѣть подобнаго защитника. Безпристрастный читатель могъ заключить: плохи, должно быть, дѣла авторитетовъ *Современника*, если для возстановленія ихъ

[43]) *Современникъ*. 1865. іюль. *Русская литература*. 87 etc.

чести требуется такой обширный ругательный словарь и такія беззастѣнчивыя экскурсіи въ область личныхъ дѣлъ враговъ [44]).

Но самый пышный вѣнокъ Антоновичъ сплелъ себѣ въ полемикѣ съ Достоевскимъ. Гнѣвъ вызвала *Эпоха* памфлетомъ на расколъ въ *Современникѣ* и насмѣшками надъ Щедринымъ. Памфлетъ явился безъ подписи, Антоновичъ узналъ автора Ѳедора Достоевскаго и написалъ статью *Стрижамъ—посланіе оберъ-стрижу, господину Достоевскому*. О тонѣ статьи можно судить по обращенію: «Вы оберъ-стрижъ, птица... виноватъ... человѣкъ болѣзненный и больной... Статья ваша точно докторомъ вамъ прописана, по рецепту, и докторъ-то вашъ, видно, такая же «дуракова плѣшь»! Статья ваша пахнетъ аптекой, гофманскими каплями, уксусомъ и лавровишневой водой»...

Дальше слѣдовало изображеніе писателей *Эпохи*, между прочимъ, Аполлона Григорьева подъ именемъ Бельведерскаго. Портретъ его характеризуетъ вообще остроуміе Посторонняго сатирика и, благодаря именно своей откровенности, избавитъ насъ отъ дальнѣйшаго знакомства съ сатирами этого автора.

«Бельведерскій 24 раза испускалъ необыкновенную отрыжку и затѣмъ 5 разъ плюнулъ усиленнымъ и напряженнымъ манеромъ, потому что слюна его была очень густа, прилипала къ языку и губамъ и не отлетала по воздуху прочь, какъ бываетъ обыкновенно, а повисала на усахъ и бородѣ»...

Антоновичъ, видимо, усиливался побить враговъ самыми чувствительными подробностями изъ ихъ личной жизни: нервной болѣзнью—Достоевскаго и пристрастіемъ къ выпивкѣ—Григорьева.

Эпоха горько обидѣлась и обратилась къ публикѣ съ жалобой на столь необыкновенный способъ разрѣшать литературные вопросы. Антоновичъ отвѣтилъ новой статьей *Стрижи въ западнѣ—истинное происшествіе*. Западня означала очень хитрую штуку: Антоновичъ брался доказать, что его пославіе составлено по рецепту *Эпохи*, т. е. вся брань заимствована у журнала Достоевскаго. Для доказательства приводились длинныя параллельныя сопоставленія. Изъ нихъ было ясно, что Достоевскій также не стѣснялся въ эпитетахъ—въ родѣ «шавкающей и кусающейся» по адресу Щедрина. Но еще яснѣе оказывалось, что Антоновичъ далеко оставилъ за собой своего соперника и по части эпитетовъ, и по части слуховъ и сплетенъ. Изъ воображаемой смѣхотворной сцены у Достоевскаго о волненіяхъ критика *Современника* при чтеніи статьи *Эпохи* у Антоновича вышло совсѣмъ не воображаемый и не смѣхотворный укоръ больного въ его болѣзни, и никакія параллели не могли оправдать разыгравшагося фельетониста въ постыдной личной выходкѣ противъ автора *Записокъ*

[44]) *Современникъ*. 1865, февраль. *Русская литература*.

изъ мертваго дома. Не могъ же веселый сатирикъ не знать его біографіи и смысла его недуга! И врядъ ли самыя радикальныя идеи могли когда-либо смыть это пятно съ литературной физіономіи двадцати-восьми-лѣтняго публициста! [45]).

Впрочемъ, вопросъ о какихъ бы то ни было положительныхъ идеяхъ Антоновича—и въ его подлинномъ образѣ, и въ образѣ Посторонняго сатирика—въ высшей степени темный. Въ критикѣ *Асмодей*—самое крупное его произведеніе, а публицистика переполнена извѣстными намъ образчиками полемическаго жанра. *Современникъ* послѣ смерти Добролюбова не внесъ въ русскую критику ни одной идеи, ни одного факта, заслуживающихъ исторической памяти. Участіе Антоновича создало пропасть въ славныхъ преданіяхъ журнала и покровительствовать подобной молодой силѣ со стороны Чернышевскаго было такимъ же практическимъ грѣхомъ, какой знаменитый публицистъ совершилъ въ теоріи статьей *Антропологическій принципъ*. И оба грѣха привели къ одинаково печальнымъ результатамъ. Статья наплодила задорныхъ метафизиковъ-матеріалистовъ, въ теченіе двухъ-трехъ часовъ постигавшихъ всѣ тайны жизни, покровительство осудило журналъ на многолѣтнее безплодное, въ полномъ смыслѣ нелитературное забіячество. И Некрасовъ могъ привѣтствовать свою рѣшимость—избавиться навсегда отъ такого сотрудничества,—какъ истинный актъ здраваго смысла и гражданскаго долга.

И все-таки, какъ бы ни была пустопорожня литературная дѣятельность критика *Современника*, она второстепенное явленіе эпохи. Все буйство Антоновича кажется чисто школьнической шалостью, сравнительно съ отрицательнымъ содержаніемъ критики и публицистики *Русскаго Слова*. Антоновича быстро забыли его же читатели и въ настоящее время только историческая точность и полнота заставляетъ насъ заниматься этимъ героемъ. Не такова судьба Писарева и его сподвижниковъ. Съ ихъ именами неразрывно обычное представленіе о шестидесятыхъ годахъ. Врядъ ли кто когда-либо рѣшится издать сочиненія Антоновича, а Писаревъ числится едва ли не среди *обязательныхъ*, въ извѣстномъ смыслѣ, классическихъ авторовъ. Рѣдкая участь! И вотъ она-то налагаетъ исключительную отвѣтственность на писателя. На Посторонняго сатирика можно указать и пройти мимо, съ Писаревымъ совершенно немыслимо подобное обращеніе. Онъ подлежитъ строгому и всестороннему суду, и не только Писаревъ, какъ отдѣльная личность, а какъ представитель извѣстнаго направленія, вліятельнаго органа печати, вдохновитель другихъ, менѣе одаренныхъ или болѣе скромныхъ. *Современникъ* черпалъ свою общественную силу не въ статьяхъ Антоновича: его первостепенными двигателями и

[45]) *Современникъ*. 1864. іюль, сентябрь.

украшеніями были Некрасовъ, Островскій, Щедринъ. Предъ этими именами, особенно предъ именемъ Некрасова, Антоновичъ являлся артистомъ на вторыя или даже третьи роли, и Некрасову не трудно было замѣнить его въ *Отечественныхъ Запискахъ*.

Другое положеніе *Русскаго Слова*.

Ни одного крупнаго художественнаго таланта. Беллетристика представляется какими-то вѣчными незнакомцами и подающими надежды юными талантами. Въ настоящее время всѣ эти имена не вызываютъ у читателя никакихъ представленій: рѣка забвенія поглотила ихъ безвозвратно. Исключеніе одинъ Г. И. Успенскій и отчасти Рѣшетниковъ.

Весь блескъ журнала сосредоточенъ на критикѣ. Писаревъ и Зайцевъ—звѣзды первой величины въ редакціи *Русскаго Слова*, за ними сіяютъ менѣе яркимъ, но для публики столь же привлекательнымъ свѣтомъ—экономистъ Соколовъ и популяризаторъ Шелгуновъ. Его компиляціи написаны не столь живымъ и энергическимъ языкомъ, какъ статьи Писарева, но онѣ занимаютъ въ журналѣ очень много мѣста; онъ, очевидно, цѣнный и необходимый сотрудникъ, хотя бы по своей искренней вѣрѣ въ реальную мысль, опытную науку и по своему горячему стремленію просвѣщать толпу, быть ей полезнымъ и нравственно-близкимъ. Но всѣ эти dii minores преклонялись предъ Писаревымъ, какъ властной и неотразимой силой. Писаревскій духъ вѣялъ надъ *Русскимъ Словомъ*. Предварительно вдохновленный Благосвѣтловымъ, «реалистъ» самъ превратился въ вдохновителя и вождя, прежде всего благодаря своему литературному таланту.

Этотъ талантъ долженъ былъ глубоко и мучительно волновать товарищей Писарева, и еще больше его соперниковъ. Писаревскій жанръ неизбѣжно становился классическимъ не только для своего времени. Русская публицистика въ теченіе очень многихъ лѣтъ будетъ обнаруживать присутствіе писаревской манеры и доказывать прочность реалистическихъ преданій. Подражатели и послѣдователи долго не переведутся и послѣ смерти главнаго героя, не исчезнутъ окончательно даже до послѣднихъ дней. Такой непреодолимый соблазнъ таится въ героическомъ писательствѣ «самаго послѣдовательнаго» русскаго реалиста!

Естественно, рядомъ съ Писаревымъ пышнымъ цвѣтомъ разцвѣтали однородные таланты, усердно соревнуя образцу и, какъ это всегда водится съ подражателями, воплощая его недостатки въ вящей степени.

Таковъ именно талантъ — Варѳоломей Александровичъ Зайцевъ, въ свое время чрезвычайно громкое имя и, несомнѣнно, достойное вниманія исторіи, какъ имя одного изъ самыхъ породистыхъ птенцовъ писаревскаго гнѣзда. **Ив. Ивановъ.**

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

КАРАНДАШОМЪ СЪ НАТУРЫ.

(Изъ путешествія вокругъ свѣта чрезъ Корею и Манджурію).

9-го іюля 1898 г.

Съ петербургскимъ курьерскимъ поѣздомъ сегодня утромъ мы прибыли въ Москву.

Сегодня же съ прямымъ сибирскимъ поѣздомъ мы выѣхали изъ Москвы.

Нашъ путь далекій: чрезъ всю Сибирь, чрезъ Корею и Манджурію до Портъ-Артура. Оттуда чрезъ Шанхай, Японію, Сандвичевы острова, Санъ-Франциско, Нью-Іоркъ, чрезъ Европу обратно въ Петербургъ.

Главная цѣль путешествія — Портъ-Артуръ и устройство въ немъ дока для одного изъ петербургскихъ судостроительныхъ заводовъ. Передъ самымъ отъѣздомъ явилось еще одно предложеніе со стороны нѣсколькихъ крупныхъ московскихъ фирмъ—ознакомиться съ производительностью мѣстъ между Владивостокомъ и Портъ-Артуромъ. Я съ величайшимъ удовольствіемъ вмѣстѣ съ своими товарищами принялъ это попутное для меня предложеніе посѣтить Корею и Манджурію и посмотрѣть, что тамъ дѣлается.

Все остальное путешествіе представляетъ изъ себя дневникъ самаго заурядnаго туриста, который сидитъ у окна вагона или на перекладной, или на палубѣ парохода, смотритъ, слушаетъ окружающихъ, читаетъ. Это отдыхъ отъ работы, это впечатлѣніе настроенія даннаго мгновенія.

Я могъ сдѣлать такое путешествіе и дѣлюсь впечатлѣніями съ тѣми, кто почему-либо сдѣлать его не могъ.

Насъ ѣдетъ нѣсколько человѣкъ.

Андрей Платоновичъ С., это сосредоточенный, лѣтъ 30 блондинъ, широкоплечій, сильный, выше средняго роста, малороссъ.

Николай Евстигнѣевичъ Б.—молодой, лѣтъ 22, съ голубыми глазами, тихими и задумчивыми.

Иванъ Николаевичъ А.—докторъ, необходимый членъ всякой экспедиціи. Это совсѣмъ еще молодой ученый. Мы вызвали его изъ-за границы, гдѣ онъ занимался своей спеціальностью—хирургіей.

Онъ пріѣхалъ съ солиднымъ ящикомъ разныхъ операціонныхъ инструментовъ. Жутко смотрѣть на нихъ: кому-то понадобятся они?

Докторъ подвиженъ, веселъ и прекрасно поетъ. Мы уже поднесли ему гитару.

Подъ вечеръ онъ поетъ подъ нея свой богатый репертуаръ пѣсенъ, а мы слушаемъ, любуясь заходящимъ солнцемъ, съ щемящимъ сердцемъ уносясь все дальше и дальше отъ дорогихъ и милыхъ лицъ...

А то разсказываетъ онъ намъ про свои заграничныя впечатлѣнія, гдѣ, проживъ семь мѣсяцевъ и съ переѣздами истративъ всего 700 руб., за это время успѣлъ изъѣздить Швейцарію, Италію, южную Австрію, изучить французскій и итальянскій языки.

Онъ, конечно, не роскошествовалъ: ѣздилъ въ третьемъ классѣ, съ вокзала самъ носилъ свой маленькій чемоданъ и, останавливаясь передъ отелемъ, говорилъ:

— Вы видите, мнѣ не составитъ труда пройти и дальше, поэтому не запрашивайте и говорите рѣшительную и самую дешевую цѣну за номеръ. И съ него брали лиру *), много полторы за номеръ.

Такъ жилъ онъ, пѣлъ свои пѣсни, дружилъ съ рабочими, художниками, товарищами, студентами и студентками, занимался въ клиникахъ, когда вдругъ получилъ нашу телеграмму слѣдующаго содержанія: «за 4—5 мѣсяцевъ вокругъ свѣта вамъ предлагаютъ 5 тыс. руб. Дорога на вашъ счетъ».

— Дорога? Это туда и обратно 1.200—1.500 р. Ѣду, конечно.

И въ тотъ же день онъ выѣхалъ.

Докторъ показываетъ намъ свои покупки: сапоги 10 р. (съ сильнымъ запахомъ), куртка 7 р.

— Но почему же 7?—обижается А. П.,—я тоже дешево покупалъ и торговался и заплатилъ 9 р.

— Вы гдѣ покупали? Въ магазинѣ? А я узналъ, кто ихъ шьетъ: нашелъ и купилъ за 7 р.

Докторъ киваетъ головой, нахлобучиваетъ свою итальянскую, съ широкими полями, шляпу на глаза и прогуливается передъ А. П.. то подмигивая, то ухарски закручивая усы.

— Вотъ какъ у насъ.

— Дѣйствительно,—смущенно ретируется А. П.,—ловко это у васъ...

Слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ нашемъ попутчикѣ до Владивостока Н. А., симпатичномъ влюбленномъ въ свое дѣло спеціалистѣ.

11-го іюля.

Сегодня Самара—моя злополучная родина.

Опять неурожай и мнѣ сообщаютъ печальныя подробности. Въ общемъ ожидается такой же, какъ и 91 годъ.

*) Лира въ Италіи 37 к.

Память о немъ читаешь на испуганныхъ лицахъ встрѣчающихся крестьянъ.

Итоги урожая на лицо: мелкорослые, чахоточные, занесенные пылью хлѣба мелькаютъ въ окнахъ. Уже кое-гдѣ приступили къ ихъ уборкѣ. Скоро кончится жатва и потянется длинная пустая осень среди черныхъ полей. Кончится осень и бѣлымъ саваномъ покроется земля. Тамъ за сугробами снѣга исчезнутъ всѣ эти испуганныя крестьянскія лица, будутъ сидѣть тамъ въ своихъ задымленныхъ логовищахъ, въ смрадѣ и голодѣ до тѣхъ дней, когда снова растворятся ворота мастерской, когда снова они, оголодалые, истощенные и изнуренные съ такой же скотиной примутся опять за свое пустое дѣло.

«Пустое дѣло»—слова теперешняго моего сосѣда, одного мѣстнаго дѣятеля.

Вѣрнѣе—бывшаго дѣятеля. Онъ ярко блеснулъ было, но скоро сталъ въ разрѣзъ и съ мѣстной обывательской буржуазной жизнью, и съ господствующими у насъ воззрѣніями интеллигентной части общества.

Онъ говоритъ и голосъ его звучитъ такъ же уныло, какъ вѣтеръ въ трубѣ.

Онъ говоритъ, какъ заученный и въ то же время намозолившій ему самому языкъ, урокъ:

— Міровые конкурренты сбили цѣны,—въ урожайный годъ хлѣбъ не оправдываетъ больше расходовъ примитивнаго производства, а въ голодный, въ силу тѣхъ же примитивныхъ условій, въ тридорога обходится доставляемый хлѣбъ... Все такъ ясно и кто этого не знаетъ? Мы теперь вѣдь все знаемъ... Но пусть въ Америкѣ будетъ девизъ: «кто силенъ, кто способенъ, кто любитъ дѣло», зато у насъ—община. Сильный везетъ слабаго, неспособваго, ненавидящаго до вѣчнаго пьянства свое дѣло. И если разорившійся крестьянинъ и разорившійся помѣщикъ коммерческое дѣло превращаютъ въ ерунду, если гибнетъ и сильный, и слабый, если собственникъ живетъ въ такой нечеловѣческой обстановкѣ, какую въ Америкѣ самый слабый неимущій не пожелаетъ и псу своему, то что намъ? Форма, звукъ нашихъ словъ дороже всего намъ... Да не удержать все-таки... Жизнь, сама жизнь порветъ всѣ путы... А эта жизнь, несмотря на всѣ голодовки, идетъ впередъ...

Съ размаху останавливается поѣздъ у станціи, мой сосѣдъ озабоченно вскакиваетъ и, стоя у окна своего вагона, я уже вижу его сгорбленную фигуру на станціонномъ дворѣ у плетушки.

Дальше мчится поѣздъ, и опять поля,—изможденныя, чахлыя, какъ больной въ послѣднемъ градусѣ чахотки.

13-го іюля.

Въ окнѣ вагона Уфимская губернія съ ея грандіозными работами Уфа-Златоустовской желѣзной дороги, съ ея башкирами, лѣсами и желѣзными заводами.

Какъ змѣя извивается поѣздъ и съ высоты обрывовъ открывается безпредѣльная даль долинъ Бѣлой, Уфы, Сима, Юризани съ панорамой синеватой мглой покрытыхъ лѣсистыхъ, вѣчно зеленыхъ горъ Урала.

Въ этой мглистой синевѣ щемящій и захватывающій просторъ, покой и тишина.

Въ этихъ таинственныхъ лѣсныхъ дебряхъ, въ сумрачной тьмѣ ихъ прячется фанатикъ отшельникъ, бродяжка, прятался прежде дѣлатель фальшивыхъ денегъ.

И здѣсь, и въ Сибири эти запрятанные въ дебряхъ дѣлатели фальшивыхъ денегъ положили основаніе многимъ крупнымъ состояніямъ, получая сами въ награду всегда смерть,—отъ ножа ли, отъ удара ли топоромъ сзади или во снѣ, а то дверь одинокой кельи, мастерская несчастнаго мастера,—подопрутъ снаружи, обложатъ келью соломой и зажгутъ солому...

— О какой перекосъ! О какъ страшно! А смотрите, смотрите, совсѣмъ нависла та гора: вотъ, вотъ полетятъ оттуда камни... Ничего хуже этой дороги я не знаю... А вотъ на ровномъ мѣстѣ зачѣмъ понадобились всѣ эти изгороты... мошеничество очевидное, чтобъ больше верстъ вышло... Вѣдь они, всѣ эти инженеры, какъ-то отъ версты у нихъ: чѣмъ больше верстъ... понимаете? Ужасно, ужасно...

— Но, помилуйте, это образцовая дорога. Поразительная техника, смѣлость пріемовъ.

— Вы, вѣроятно, тоже инженеръ?

— Д-да.

Веселый смѣхъ.

Вотъ и участокъ моего пріятеля. Одинъ изъ самыхъ трудныхъ.

Какъ рѣдкіе зубы старой вѣдьмы, торчатъ надъ пропастью сѣрыя скалы и, словно приклеенный вьется тамъ въ высотѣ желѣзнодорожный путь по рѣкѣ Юризани.

Зато выброшены громадныя работы: тоннель, два моста. Сколько денегъ удалось ему съэкономить казнѣ и сколько непріятностей получить за это.

А еслибъ онъ вдругъ явился здѣсь и сказалъ этому извѣрившемуся обществу:

— Господа, это я строилъ...

Весьма возможно, что кто-нибудь спросилъ бы его:

— И сколько въ карманъ положили себѣ?

Благопріятныя условія для дѣятельности.

Жаль дѣятеля, но еще больше жаль общества.

Не я обвиняю его, потому что я понимаю его...

Желѣзнодорожное дѣло—дѣло коммерческое прежде всего. И если и при такихъ условіяхъ инженеры умудряются дѣлать изъ него тайну, то общество въ правѣ не довѣрять этой тайнѣ.

Скажутъ: а контролеръ? Но вѣдь рѣчь не о контролерѣ, къ тому же несвѣдущемъ неспеціалистѣ, котораго легко всякій спеціалистъ обманетъ, а объ обществѣ.

Я помню время постройки этой дороги: масса рабочихъ, оживленіе, жгучіе вопросы мгновенія...

Міръ постройки такой своеобразный, напряженный, больной міръ...

Нигдѣ, какъ здѣсь, въ этомъ мірѣ не вырисовываются такъ ярко контрасты души человѣческой—алчный дѣлецъ, смѣющійся цинично надъ всѣмъ святымъ, фанатикъ-идеалистъ съ безумной отвагой донъ-кихота ратующій за общественное достояніе, и рѣшитель дѣлъ—чиновникъ, блюститель буквы закона, своей награды, своего я.

Это «я» у всѣхъ впрочемъ.

Идеалистъ строитель, ратуя объ общественномъ дѣлѣ, кричитъ:

— Это я.

Чиновникъ рѣшитель, ужъ этимъ однимъ озленный, властно кричитъ:

— Я.

Дѣлецъ—тонкій психологъ за вырванный кусокъ шепчетъ злорадно:

— Я жъ тебѣ!

И когда тотъ, кто вырвалъ, платится, какое торжество злыхъ чувствъ.

Но все исчезло, какъ дымъ, какъ сонъ и нѣтъ былого оживленія постройки, отлетѣли больныя души и въ другихъ мѣстахъ уже рвутъ себя и другихъ. и снова тихо здѣсь, какъ прежде.

А тамъ, межъ синихъ горъ орелъ паритъ и тянетъ вдаль...

Поѣздъ гулко мчится и притихли навѣки загадочными сфинксами залегшія здѣсь насыпи-гиганты, темныя, какъ колодцы, выемки, мосты и отводы рѣкъ... Смирились камнемъ и цементомъ скованныя рѣки,— не рвутся больше и только тихо плачутъ, тамъ внизу, о былой свободѣ.

А въ окнахъ все тѣже башкирскіе лѣса—въ долинахъ ободранныя отъ коры береза и липа, на горахъ—сосна и лиственница; тѣже вымирающіе башкиры.

Вотъ знакомая станція Мурсалимкино.

Здѣшнихъ башкировъ лѣса уже не башкирскіе теперь.

Эту новость сообщаетъ мнѣ на платформѣ группа знакомыхъ крестьянъ деревни Вязовой.

А башкиры смущенно, но упрямо стоятъ на своемъ:

— Наши лѣса...

— Ваши, такъ почему-же,—раздраженно возражаютъ имъ крестьяне,—казенные полѣсовщики?

— Чтобъ никто не воровалъ,—отвѣчаютъ не совсѣмъ увѣренно башкиры.

— Да вѣдь воры-то кто здѣсь, какъ не вы? Первые воры и жулики... Палецъ объ палецъ не ударитъ: «я дворянинъ», а свести ло-

шадь, да въ котлѣ сварить—первое его дворянское дѣло, сколько ты его ни корми и ни пои.

Смущенные худые башкиры спѣшатъ уйти отъ насъ, а Василій, мой ямщикъ когда то, продолжаетъ съ той же энергіей:

— Землю на пять лѣтъ сдастъ, а уже зимой опять идетъ: дай чаю, дай хлѣба, дай денегъ... «Да вѣдь ты всѣ деньги взялъ уже?».—Ну, снимай еще на пять лѣтъ впередъ... Чего же станешь дѣлать съ нимъ? И снимаешь...

— Дорого?

— Да вѣдь какъ придется... Ужъ, конечно, за пять лѣтъ впередъ больше двугривеннаго за десятину не приходится платить.

Я смотрю въ веселые глаза говорящаго со мной Василія.

— Худого вѣдь нѣтъ,—говорю я ему.

Василій усмѣхается довольно:

— Да вѣдь не былобъ, коли-бъ другой народъ былъ...

— Васъ-то, русскихъ, много теперь?

— Пятьсотъ въ нашей деревнѣ.

— Прибавилось за семь лѣтъ...

— Вотъ только эти хозяева донимаютъ...

— Выморите вѣдь ихъ скоро,—утѣшаю я.

— Дай Богъ скорѣе,—смѣется крестьянинъ, смѣются другіе окружившіе насъ крестьяне.

— А я, вотъ, слышалъ,—говорю я,—что у башкиръ землю отберутъ и изъ васъ и башкиръ одну общину сдѣлаютъ.

Лица крестьянъ мгновенно вытягиваются и перестаютъ сіять.

— Богъ съ ней и съ землей тогда: уйдемъ... Отъ своихъ ушли, а ужъ на башкиръ еще заставятъ работать... Уйдемъ, свѣтъ за очи уйдемъ...

— Но вѣдь башкиры тоже люди...

— Ахъ, господинъ хорошій, а мы кто? Довольно вѣдь мы и на барина, и на нашу бѣдноту поработали,—пора и честь знать. Въ этакой работѣ и путный обезпутится, а безпутный и вовсе изъ кабака не выйдетъ.

— Хоть путный, хоть безпутный,—дѣловито перебиваетъ другой,—а ужъ гдѣ нужно, къ примѣру сказать, тройку запречь, а онъ съ одной клячей—толковъ не будетъ... Хуже да хуже только и будетъ... Книзу пойдетъ. Онъ-те одной пашней загадитъ землю такъ, что безъ голоду голодъ выйдетъ... земля какъ жена—по рукамъ пошла, дрянью стала. Изъ за чего же ушли? Чего пустое говорить: отбилась земля, народъ отбился. На жертвенный хлѣбъ больше, какъ на урожай стали надѣяться. Люди башкиры, кто говоритъ... Всѣ люди, да не всякій къ землѣ годится. У другого топоръ самъ ходитъ, а я вотъ, золотомъ меня засыпь — не столяръ, хоть ты что.

— Это можно понять,—уткнувшись въ землю, поясняетъ третій.

— Вы вотъ здѣсь такъ говорите,—отвѣчаю я,—а въ Россіи скажи крестьянамъ, что общину уничтожатъ, разрѣшатъ продавать участки,— я думаю, они запечалились бы.

Свѣтлый блондинъ, неопредѣленныхъ лѣтъ носъ кверху, Василій задорно тряхнулъ кудрями:

— Такъ вѣдь съ чего же печалиться? Нужда придетъ, погонитъ— также уйдешь... Насъ погнало... Тридцать лѣтъ за землю платили,—кому досталось? На обзаведенье пригодились бы теперь денежки наши... кровныя денежки отъ дѣтей отнимали, а чужимъ осталось.

Послѣдній звонокъ и я спѣшу въ вагонъ.

Тамъ, въ Россіи я не слыхалъ еще такихъ рѣчей, тамъ пока только мѣткія характеристики: «пустое дѣло», «безкорыстная суета».

14-го іюля.

На станціяхъ и въ вагонахъ то и дѣло встрѣчи съ горными инженерами, со многими изъ которыхъ во время прежнихъ своихъ путешествій я перезнакомился.

Все это радушный гостепріимный народъ, и когда вы попадаете къ нимъ на заводъ, они съумѣютъ васъ принять и накормить.

И инженеровъ, и заводовъ здѣсь очень много.

Желѣзные заводы Балашева, князя Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, Садкинскій, Златоустовскій, Киштымскій и десятки другихъ, ушедшихъ отъ дороги влѣво, на сѣверъ по Уралу.

— Оживила желѣзная дорога заводы?

— Да, конечно, она сократила расходы перевозки, дала возможность исполнять срочные заказы.

— Увеличила производство?

— Нѣтъ.

И мнѣ разсказываютъ то, что я уже слышалъ нѣсколько разъ и здѣсь, и на Уралѣ, и отъ людей заинтересованныхъ и не заинтересованныхъ.

Суть въ томъ, что при теперешнихъ пошлинахъ производство даетъ большую выгоду, не смотря даже на всю первобытность его.

Распорядки на заводахъ и до сихъ поръ со слѣдами временъ Екатерины II, съ громадными штатами и маленькимъ производствомъ. Самое большое годовое производство нашего завода равняется суточному производству заграничнаго завода... И понятно, какимъ тяжелымъ расходомъ ложатся здѣсь громадные штаты, администрація, воровство желѣза населеніемъ, разнаго рода непроизводительные расходы и пр., и пр.

Объ усиленіи производства при теперешнихъ условіяхъ и думать нечего, потому что топливо—лѣсъ, а онъ ограниченъ и вырубленъ.

Есть каменный уголь, но его надо добывать, тратить деньги на переустройство заводовъ, тогда какъ лѣсъ даровой, казенный. И по-

тому до времени уже разысканный уголь (я самъ видѣлъ на тайныхъ картахъ заводовъ) предпочитаютъ держать подъ спудомъ. Есть залежи и всѣмъ извѣстныя. Въ 20 верстахъ отъ станціи Богдановичъ (Пермь-Тюменской ж. д.) въ селѣ Егорьевскомъ громадная залежь этого угля, вполнѣ годнаго для работъ, вслѣдствіе послѣднихъ усовершенствованій металлургическаго дѣла. Тутъ же, близъ самой станціи Богдановичъ неисчерпаемыя залежи желѣзной руды съ 60 и больше % желѣза.

И несомнѣнно, пока каменноугольному производству не будетъ отдано энергичное предпочтеніе въ смыслѣ покровительства передъ древеснымъ, все здѣшнее желѣзное дѣло будетъ находиться въ условіяхъ, выгодныхъ только для данныхъ владѣльцевъ и ихъ рабочихъ, но убыточныхъ для всей остальной страны, такъ какъ только производство въ большихъ размѣрахъ можетъ повести къ существенному и столь необходимому для государства пониженію покровительства пошлинъ.

15-го іюля.

Все дальше и дальше. Вотъ и Сибирь... Челябинскъ...

Помню эти мѣста, гдѣ проходитъ теперь желѣзная дорога, въ 91 г., когда только производились изысканія.

Здѣсь въ этой ровной, какъ ладонь, мѣстности царила тогда Николаевская глушь,—полосатые шлагбаумы, желтые казенные дома, кувшинныя таинственныя чиновничьи лица, старинный судъ и весь распорядокъ Николаевскихъ временъ.

Тогда еще, какъ послѣдняя новость, сообщался разсказъ объ исправникѣ, который, скупивъ у киргизъ вѣтеръ, продавалъ киргизамъ же его за большія деньги (не позволяя вѣять хлѣбъ, молоть его на вѣтрянкахъ и пр., и пр.).

Я помню наше обратное возвращеніе тогда.

Была уже глубокая осень. Мы ѣхали по самому послѣднему колесному пути. По двѣнадцати лошадей впрягали въ нашъ экипажъ, и шагъ за шагомъ онѣ мѣсили липкую грязь: уѣхать 30 верстъ въ сутки было идеаломъ.

Надвигалась голодная зима 91 года и деревня за деревней, которыя мы проѣзжали, стояли наполовину съ заколоченными избами: это избы разбѣжавшихся во всѣ концы свѣта отъ голодной смерти людей.

Рѣдкій крестьянинъ, торчавшій тогда у своихъ воротъ, имѣлъ жалкій растерянный видъ, провожая пустыми глазами насъ, послѣднихъ путниковъ.

Одинъ растерянно подошелъ къ нашему экипажу, когда мы выѣзжали изъ грязной околицы его деревушки.

— А вы постойте-ка...

Мы остановились.

— Вы чиновники? Это что жъ такое?

Такъ и замеръ этотъ крикъ, вопль, стонъ въ невылазныхъ лужахъ далекой Сибири.

Имъ не привозили хлѣба—это фактъ. Нечѣмъ было везти за сотни и тысячи верстъ. Подохла скотина отъ безкормицы и на оставшихся въ живыхъ, никуда не отшатившихся мужикахъ и бабахъ пахали они весной свою землю.

А теперь уже прошла здѣсь желѣзная дорога и мы мчимся въ вагонахъ. И въ какихъ вагонахъ: вагонъ-столовая, вагонъ-библіотека, ванная, гимнастика, рояль. Почти исчезаетъ впечатлѣніе утомительнаго при другихъ условіяхъ желѣзнодорожнаго пути. Тогда при проектировкѣ только дороги едва, едва натягивали 11 милліоновъ пудовъ возможнаго груза. Такъ и строили въ увѣренности, что не скоро еще дойдетъ дѣло до этихъ 11 милліоновъ пудовъ.

И въ первый же годъ 30 милліоновъ пудовъ.

Фактъ, съ одной стороны, очень пріятный, но съ другой—несомнѣнно, что дорога, въ теперешнемъ своемъ видѣ, совершенно несостоятельна.

И сколько, сколько еще не перевезеннаго груза въ одномъ Челябинскѣ.

16-го іюля.

Все та же ровная, какъ ладонь, степь, прямая по 150 верстъ, вода отвратительная до самой Оби. До Омска солоно-горькая, въ Барабинской степи—родина сибирской язвы—отвратительная на вкусъ и запахъ.

Тамъ и сямъ, около станцій уже видны поселки переселенцевъ. Конечно, пройди дорога южнѣе верстъ на двѣсти, она захватила бы болѣе производительный районъ и въ эти два, три года тамъ эти поселки успѣли бы уже разрости въ большія села.

Здѣсь же только сравнительно узкая полоса кое-гдѣ годна подъ посѣвы, все остальное налѣво къ сѣверу—тайга и тундры, направо верстъ на сто—солончакъ и соляныя озера.

Вотъ и Омскъ съ мутнымъ Иртышемъ.

Я сижу у окна и вспоминаю прежнія свои поѣздки по этимъ мѣстамъ.

Помню этотъ безконечный переѣздъ къ сѣверу внизъ по теченію Иртыша.

Иртышъ сѣрый, холодный, весь въ меляхъ. Ночи осеннія, темныя. Пароходъ грязный, маленькій.

На его носу однообразно выкрикиваетъ матросъ, измѣряющій глубину:

— Четыре! Три съ половиной! Три!..

И команда въ рупоръ:

— Тихій ходъ.

— Два съ половиной!

— Самый тихій ходъ.

— Два съ половиной... Три... Пять!.. Не маячитъ!.. Не маячитъ!..

— Полный ходъ.

— Два!?

— Самый тихій ходъ.

Поздно: пароходъ уже врѣзался съ размаху въ неожиданную мель, мы уже стукнулись всѣ лбами, и будемъ опять сидѣть нѣсколько часовъ, пока снимемся.

Мрачный контролеръ, нашъ тогдашній спутникъ, когда и водка вышла, упалъ совершенно духомъ и не хотѣлъ выходить изъ своей каюты.

— Сибирь вѣдь это,—звали его на палубу,—сейчасъ будемъ проѣзжать мѣсто, гдѣ утонулъ Ермакъ.

— Какая Сибирь,—мрачно твердилъ контролеръ,—и кого покорялъ здѣсь Ермакъ, когда и теперь здѣсь ни одной живой души нѣтъ.

И чѣмъ дальше, тѣмъ пустыннѣе и печальнѣе этотъ Иртышъ, а тамъ при сліяніи его съ Обью это уже цѣлое море мутной воды въ топкихъ тундрахъ того, что будетъ землей только въ послѣдующій геологическій періодъ.

Тамъ и въ іюнѣ еще голы деревья, тамъ вѣчное дыханіе Ледовитаго океана.

Иныя картины встаютъ въ головѣ, когда вспоминается Иртышъ къ югу отъ Омска.

Частыя богатыя станицы зажиточныхъ иртышскихъ казаковъ. Бѣленькіе домики, чистенькія, какъ зеркало, комнатки, устланныя половиками, съ расписанными печами и дверями. Рослый красивый народъ, крѣпкій патріархальный бытъ. Чувствуется сила, мощь, вѣетъ патріархальной стариной, своеобразной свободой и равенствомъ среди казаковъ.

Здѣсь югъ и яркія краски юга чувствуются даже зимой, когда земля покрыта снѣгомъ.

Что это за яркій снѣгъ и какими переливами играетъ онъ, когда солнце начинаетъ спускаться съ безбрежно голубого неба къ своему закату.

Тогда снѣжная даль отливаетъ всѣми цвѣтами радуги: тамъ она нѣжно лиловая, здѣсь зеленоватая, гдѣ выступаетъ жнива—окраска золота. Къ сѣверу потянулись холодные голубоватые тона и стальными переливами на горизонтѣ напоминаютъ уже безбрежную поверхность какого-то оледенѣвшаго моря. Къ западу еще богаче краски, еще ярче подчеркиваютъ красоту неба и земли. Небо кажется выше и весь куполъ его, вылитый изъ лазури, наполненъ искорками яркаго свѣта—золотистыми, бирюзовыми, нѣжно прозрачными.

Со скоростью двадцати четырехъ верстъ въ часъ по ровной, какъ скатерть, дорогѣ мчитъ васъ тройка, хотя и мелкорослыхъ, но поразительно выносливыхъ лошадей. Звонъ колокольчика сливается въ какой-то сплошной гулъ. Этотъ гулъ разливается въ морозномъ свѣжемъ воздухѣ и уже несется откуда-то издалека назадъ, напѣвая какія-то нѣжныя забытыя пѣсни, нагоняя сладкую дрему. Иногда разбудитъ вдругъ обычный дикій вопль киргиза-ямщика, съ головой, одѣтой въ характерную цвѣтную мѣховую шапку съ широкимъ хвостомъ сзади,— откроешь глаза и не сразу сообразишь и вспомнишь, что это иртышскихъ казаковъ сторона, что старается на облучкѣ работникъ казака—киргизъ.

Туда къ Каркалинску, тамъ самъ киргизъ хозяинъ.

Тамъ вгоняютъ въ хомуты (надо ѣздить съ своими хомутами, у киргизовъ ихъ нѣтъ), совершенно необъѣзженныхъ лошадей, вгоняютъ толпой съ дикимъ рычаньемъ, наводящимъ звѣриный страхъ на лошадей, и когда дрожащія съ прижатыми ушами лошади готовы, вся толпа издаетъ сразу рѣзкій пронзительный вопль. Ошеломленные кони мнутся на мѣстѣ, взвиваются на дыбы, рвутся сперва въ стороны и, наконецъ все оглушаемые воплями, стрѣлой вылетаютъ въ единственный, оставляемый имъ среди толпы проходъ, по прямому направленію къ слѣдующему кочевью.

Такъ и мчатся они по прямой линіи, ни на мгновеніе не замедляя ходъ, а тѣмъ болѣе не останавливаясь.

Разъ стали,—конецъ, надо новыхъ лошадей.

Будь овраги, горы и гибель съ такими лошадьми неизбѣжна, но худосочная, солончаковатая степь ровна, какъ столъ, и нѣтъ опасности опрокинуться.

Хлѣбородна только полоса верстъ въ 15 у Иртыша, вся принадлежащая казакамъ.

Эта земля да киргизы—все основаніе экономическаго благосостоянія казака. Земля хорошо родитъ, киргизъ за безцѣнокъ обрабатываетъ ее.

Зависимость киргиза отъ казака полная.

И казакъ, не хуже англичанина, умѣетъ соки выжимать съ инородца. Но казакъ лѣнивѣе англичанина, онъ сибаритъ, не желаетъ новшествъ.

Казакъ здѣсь тотъ же помѣщикъ, а киргизъ его крѣпостной, получающій отъ своего барина хлѣбъ и работу.

Киргизъ при казакѣ забитъ, робокъ и больше похожъ на домашнее животное.

Очень полезное животное при этомъ и не для одного только казака, такъ какъ безъ киргиза эти солончаковатыя никуда негодныя степи пропали бы для человѣчества, тогда какъ киргизъ разводитъ тамъ милліоны скота и не только всю жизнь свою тамъ проводитъ, но и любитъ всей душой свою дикую голодную родину.

Одинъ киргизъ, ѣздившій на коронацію, говорилъ мнѣ:

*

— Много видалъ я городовъ, и земли, и людей, а лучше нашихъ мѣстъ что-то нигдѣ не нашелъ.

Зимой киргизы перекочевываютъ ближе къ населенной казаками полосѣ и строятъ тамъ свои временныя изъ земляного кирпича юрты-зимовки.

Скотъ же пасется на подножномъ корму, отрывая его ногами изъ-снѣга.

Въ юртахъ темно, сыро, дымно и холодно. Есть, впрочемъ, и богатыя юрты, сдѣланныя срубами безъ крышъ, устланныя внутри коврами, увѣшанныя одеждами и звѣриными шкурами.

Иногда рядъ юртъ-зимовокъ составляетъ цѣлое село-зимовье.

Съ первыми лучами весенняго солнца киргизъ со своимъ скотомъ и запасами хлѣба откочевываетъ въ степь вплоть до китайской и даже за китайскую границу.

Часть же мужского населенія отправляется на все лѣто на звѣриную охоту въ горы.

Отправляются безъ всякой провизіи, съ своими ножами, ружьями и стрѣлами.

Тамъ они ѣдятъ звѣрей, недѣлями обходятся безъ воды, а къ зимѣ уцѣлѣвшіе возвращаются домой со шкурами оленей, медвѣдей, козъ, изюбровъ, а иногда и тигровъ.

Киргизы большіе мастера по части насѣчки изъ серебра и учителя ихъ сарты, отъ которыхъ и заимствована вся киргизская культура.

Киргизъ высокъ, строенъ, добродушенъ и красивъ.

Темное лицо и жгучіе глаза производятъ сначала обманчивое впечатлѣніе людей, легко воспламеняющихся.

Но загораются они легко только въ пьяномъ состояніи, и пьянство, къ сожалѣнію, становится довольно распространеннымъ между ними порокомъ.

Прошлая зима 1897—1898 года для киргиза была особенно тяжелой: выпало много снѣга, и скотъ не могъ доставать себѣ корма.

— У кого было 400 головъ осталось 40.

Совершенно опять новую картину представляетъ мѣстность изъ Семипалатинска къ Томску.

Это—кабинетскія земли до 40 мил. десятинъ.

Земля здѣсь сказочно плодородна. Урожай въ 250 пудовъ съ десятины (2.400 кв. саж.)—только хорошій.

Качество пшеницы выше самыхъ высокихъ сортовъ самарской.

Тамъ южнѣе еще выше сорта могутъ произрастать, но, за отсутствіемъ желѣзной дороги, продажная цѣна такой пшеницы—8 к. за пудъ, что даже при урожаѣ въ 300 пуд. не оправдываетъ расходовъ производства.

Не только пшеница, ленъ, подсолнухъ, здѣсь произрастаетъ рисъ и

цѣна его здѣсь 45 к. за пудъ, въ то время, какъ у насъ онъ 3, 4, 6 рублей пудъ.

Несомнѣнно, что съ проведеніемъ здѣсь желѣзной дороги всѣ эти милліоны десятинъ, теперь праздно лежащихъ, наводнили бы и рисомъ и масличными продуктами, и хлопкомъ міровой рынокъ, и изъ Туркестанскаго края и этого создалась бы одна изъ самыхъ цвѣтущихъ колоній міра.

На кабинетскихъ земляхъ живутъ кабинетскіе крестьяне.

Они имѣютъ 15 десятинъ на душу; могутъ еще арендовать до, 50 десятинъ по 20—30 к. за десятину.

Живутъ очень зажиточно, но типъ крестьянъ иной, чѣмъ сосѣди ихъ иртышскіе казаки. Казакъ не торопится гнуть свою спину, въ то время, какъ здѣшній крестьянинъ не лѣнится кланяться и не скупится величать проѣзжающихъ «ваше превосходительство».

Какъ киргизъ у иртышскихъ казаковъ, такъ здѣсь бѣглые каторжники являются главнымъ подспорьемъ ихъ зажиточности.

Каторжникъ по преимуществу бѣжитъ сюда и живетъ здѣсь по мѣстному выраженію, какъ въ саду.

Житье, впрочемъ, мало завидное: зимой на задахъ гдѣ-нибудь, въ баняхъ. Лѣтомъ на свѣжемъ воздухѣ, въ тяжелой, очень плохо оплачиваемой работѣ.

Отношеніе къ этимъ бѣглымъ, какъ къ полулюдямъ: съ одной стороны, конечно, люди—«несчастные», но съ другой—живи себѣ тамъ въ лѣсу или банѣ, но въ избу не смѣй порога переступить, не смѣй съ бабой слова сказать и т. д.

Достаточно посмотрѣть на бѣлье этихъ несчастныхъ: оно всегда черно, какъ земля, и съ отвратительнымъ запахомъ.

Гдѣ-то между Барнауломъ и Томскомъ живетъ въ глуши какой-то крестьянинъ.

Ежегодно въ день Благовѣщенья, 25 марта, онъ раздаетъ этимъ бѣглымъ хлѣбъ и разныя вещи.

Говорятъ, въ этотъ день приходятъ къ нему, этому крестьянину, за сотни верстъ нѣсколько тысячъ бродягъ.

Они получаютъ кто рубаху, кто шарфъ, кто сапоги, кто пудъ-два хлѣба.

Очевидно, изъ-за этого одного за сотни верстъ, рискуя замерзнуть или попасться въ руки правосудія, не пошли бы эти холодные, голодные, передвигающіеся только ночью, а дни проводящіе гдѣ-нибудь на задахъ или въ баняхъ, если пустятъ.

Тянетъ этотъ обездоленный людъ ласка этого жертвователя, видящаго въ нихъ такихъ же, какъ и онъ, людей, тянетъ свидѣться другъ съ другомъ и узнать всѣ новости таежной жизни.

Какъ-то я разъ проѣзжалъ здѣсь передъ Благовѣщеніемъ, и ямщики наотрѣзъ отказались везти меня ночью:

— Никакъ нельзя: ни узды, ни креста нѣтъ на немъ,—какъ ни какъ бродяжка бродяжка и есть.

Я знакомъ съ этими темными фигурами бывшаго большого сибирскаго тракта.

По два, по три бредутъ они сгорбленные съ котомкой за плечами, съ чайникомъ, съ громадной сучковатой палкой.

То стоитъ и смотритъ на васъ, а то вдругъ неожиданно покажется изъ лѣсной чащи.

Въ блескѣ солнца и веселаго дня онъ вызываетъ сожалѣніе и ямщикъ, вздыхая, говоритъ:

— Несчастная душа.

Но почью страшна его темная фигура, и разсказы ямщика о ихъ продѣлкахъ рисуютъ уже не человѣка, а звѣря и самаго страшнаго—человѣка, потерявшаго себя.

И сколько ихъ стоятъ и смотрятъ—темныя точки на свѣтломъ фонѣ, загадочные іероглифы Сибири.

— Да-съ, батюшка,—вспоминаю я слова одного сибиряка,—надо знать и понимать Сибирь. Во многихъ футлярахъ она: казенная, чиновничья Сибирь, купеческая, крестьянская, инородческая, переселенческая и раскольничья и глубже и глубже до самой коренной бродяжнической Сибири. Вотъ она какая эта вольная недѣленная Сибирь. И что въ ней, въ самой коренной, того никто еще не знаетъ и не вѣдаетъ, и еслибъ нашелся человѣкъ, который повѣдалъ бы, да смогъ бы разсказать о томъ, что тамъ, тогда бы только узнали, гдѣ предѣлъ силѣ и мученичеству русскаго человѣка, какими страданіями и горемъ вынашиваетъ онъ любовь свою къ волѣ волюшкѣ вѣковѣчной.

Кабинетская земля граничитъ съ Алтаемъ, и когда ѣдешь изъ Семипалатинска въ Томскъ, онъ все время на правомъ горизонтѣ гигантскими декораціями уходитъ въ ясную лазурь неба. Въ немъ новыя сказочныя богатства—богатства горъ: золото, серебро, желѣзо, мѣдь, каменный уголь.

Пока здѣсь, вслѣдствіе отсутствія капиталовъ, желѣзныхъ дорогъ все спитъ или принижено, захваченное безсильными и неискусными руками, но когда-нибудь ярко и сильно сверкнетъ еще здѣсь на развалинахъ старой—новая жизнь.

16-го іюля.

Низко нависли тучи, заходящее солнце придавлено ими и, словно изъ пещеры, ярко смотритъ оттуда тревожно своимъ огненнымъ глазомъ. Нѣсколько отдѣльныхъ деревьевъ залиты багровыми лучами и далекая тѣнь отъ нихъ и отъ тучъ заволакиваетъ землю преждевременной мглой.

Напряженная тишина.

Какое-то проклятое мѣсто, гдѣ низко небо, низки деревья, гдѣ словно чуется какое-то преступленіе.

Это Каинскъ.

Населеніе его почти все ссыльные. И ремесло странное. Говорятъ, въ какой-то статистикѣ, въ рубрикѣ «чѣмъ занимаются жители», противъ Каинска стоитъ отмѣтка «воровствомъ».

Несомнѣнно, что и до сихъ поръ часть ссыльнаго населенія города Каинска исключительно занимается тѣмъ, что, отправляясь въ Томскъ, заявляетъ о себѣ. Изъ Томска такого сейчасъ же отправляютъ обратно въ Каинскъ, выдавая по положенію ему, халатъ, одежду, сапоги... За все это можно выручить 15—20 рублей. Нѣсколько такихъ путешествій и человѣкъ на годъ обезпеченъ. Зато мѣстные крестьяне, на обязанности которыхъ лежитъ везти такихъ обратно въ Каинскъ, и конвоирующіе солдаты ненавидятъ ссыльныхъ.

Еще бы: они сидятъ на возахъ, а жалѣющіе своихъ лошадей крестьяне и солдатики при своихъ ружьяхъ и ранцахъ все время маршируютъ возлѣ пѣшкомъ.

17-го іюля.

Рѣка Обь, село Кривощеково, у котораго желѣзнодорожный путь пересѣкаетъ рѣку.

На 160-верстномъ протяженіи это единственное мѣсто, гдѣ Обь, какъ говорятъ крестьяне, въ трубѣ. Другими словами, оба берега рѣки и ложе скалисты здѣсь. И притомъ это самое узкое мѣсто разлива,—у Колывани, гдѣ первоначально предполагалось провести линію, разливъ рѣки—12 верстъ, а здѣсь 400 саженъ.

Измѣненіе первоначальнаго проекта—моя заслуга, и я съ удовольствіемъ теперь смотрю, что въ постройкѣ, намѣченная мною линія не измѣнена.

Я съ удовольствіемъ смотрю и на то, какъ разросся на той сторонѣ бывшій поселокъ въ 91 году, называвшійся Новой Деревней. Теперь это ужъ цѣлый городокъ и я уже не вижу среди его обитателей прежней кучки смиренныхъ мелкорослыхъ вятичей, годъ другой до начала постройки поселившихся было здѣсь.

За Обью исчезаетъ ровная, какъ скатерть, Западная Сибирь.

Мѣстность взволновалась, покрылась лѣсомъ и глубокими падями (оврагами), повалилась вдаль, открывая глазу безпредѣльные горизонты.

Здѣсь и тайга, и пахатныя мѣста (гривы) государственная земля и общественники-крестьяне.

Села зажиточныя, но грязныя. Въ избахъ гнутая мебель, цвѣты, особенно герань; всякая баба приготовитъ вамъ и вкусныя щи, и запечетъ въ тѣстѣ такую стерлядь, какую только здѣсь и умѣютъ готовить. Но не обижайтесь, если рядомъ съ стерлядью очутится и чер-

ный тараканъ, а то и клопъ, которыхъ множество здѣсь и которые особенно любятъ (или не любятъ?) иностранцевъ.

Не обижайтесь, если лѣтомъ, кромѣ клоповъ, васъ заѣдятъ комары, слѣпни, овода, мошкара,—все, что называется здѣсь «гнусомъ» зимой 50-градусный морозъ отморозитъ вамъ носъ, а ночью нападутъ бродяги.

Такъ и говорятъ здѣсь сибиряки:

— Три грѣха у насъ: гнусъ, морозъ и бродяжка.

Все остальное хорошо:

— Пашемъ—не видимъ другъ дружку, косимъ—не слышимъ, мясо каждый день.

Здѣшній Сибирякъ не знаетъ даже слова «баринъ», почти никогда ни видитъ чиновника и не рѣдко ямщикъ, получивъ хорошо «на водку», въ знакъ удовольствія протягиваетъ вамъ для пожатія свою руку.

Здѣсь нѣтъ киргиза, не прививается къ осѣдлости бродяжка и мѣсто ихъ въ экономической жизни мѣстнаго населенія замѣняетъ свой же братъ побѣднѣе, и эксплуатація бѣднаго богатымъ здѣсь такая же, какъ и вездѣ.

Иногда бѣдные уходятъ на заработки, а богатые скупаютъ ихъ участки, платя имъ гроши за это.

Въ общемъ же все-таки, и это несомнѣнный фактъ, что отношеніе къ бѣднякамъ здѣсь неизмѣримо болѣе гуманное, чѣмъ въ русскихъ деревняхъ, и благотворительность въ Сибири крупная.

Что до отвратительныхъ сценъ грабежа,—попавшагося ли въ лапы міра бѣдняка, осиротѣвшей ли матери семейства, у которой за долги міру покойнаго мужа отнимаютъ все, не смотря на то, что земля, за которую покойный всю жизнь выплачивалъ, поступаетъ тому же міру,—то здѣсь въ Сибири и помину о нихъ нѣтъ.

Это и понятно: оголодалые волки злѣе рвутъ.

Другое дѣло—задѣтое самолюбіе, и здѣсь сибирскій міръ не уступитъ русскому: выскочку, талантливаго ли человѣка заѣстъ также, какъ и русскій, безъ сожалѣнія и остатка.

Въ послѣднее время распорядки пошли иные и богатѣи угрюмо ворчатъ:

— Доведутъ, какъ въ Россіи: ни хлѣба, ни денегъ не станетъ.

Вообще о Россіи осталось впечатлѣніе сбивчивое.

Говорятъ съ уваженіемъ:

— Рассейскій плугъ, рассейскій пахарь...

А, поджавъ руки, баба кричитъ мнѣ:

— А что въ глупой Рассеи умнаго можетъ быть?

Впрочемъ, что до бабъ, то отношеніе къ нимъ тоже смѣшанное: иные хозяева иначе не называютъ своихъ домочадцевъ-женщинъ, какъ среднимъ родомъ: «женское», но въ то же время говорятъ: вы.

— Женское, насыпьте чаю!

— Женское, плесните гостю!

Насыпьте—налейте, плесните—дайте умыться.

18-го іюля.

Вотъ и станція Тайга, откуда идетъ вѣтка на Томскъ.

Завѣдуя въ этомъ районѣ участкомъ сибирскихъ изысканій, я навлекъ на себя тогда гнѣвъ томскихъ газетъ за то, что провелъ магистраль не черезъ Томскъ, ограничившись вѣткой къ нему.

Но дѣло въ томъ, что вѣтка вышла короче удиненія магистрали, если бы она прошла черезъ Томскъ. При такихъ условіяхъ, принимая во вниманіе транзитное значеніе Сибирской дороги, не было никакихъ основаній заставлять пробѣгать транзитные грузы лишнихъ 120—150 верстъ.

Основное правило идеальной дороги—кратчайшее разстояніе и минимальные уклоны.

Въ этомъ отношеніи—образецъ, какъ это ни странно, наша первая Николаевская желѣзная дорога.

Затѣмъ мы точно разучились строить и московско-казанское общество дошло въ этомъ отношеніи до обратнаго идеала, умудрившись накрутить между Москвой и Казанью лишнихъ 200 верстъ.

18-го іюля.

Средне-Сибирской желѣзной дорогѣ дѣлаютъ упреки за то, что она съ крутыми уклонами.

Это, конечно, большой недостатокъ, но не надо забывать, что такіе уклоны допущены только для скорѣйшей прокладки желѣзнодорожнаго пути.

А затѣмъ неизбѣжно будетъ сейчасъ же приступить къ дополнительнымъ работамъ по уменьшенію этихъ уклоновъ.

Послѣднія знакомыя еще мнѣ мѣста.

Коренная тайга, напоминающая хламъ стараго скряги, гиганты деревья, поросшіе мохомъ, лежатъ на землѣ, тонкая же непролазная чаща, давя другъ друга, тянется кверху: сухая уже тамъ вверху и подгнившая отъ стоялаго болота здѣсь внизу: запахъ сырости и гнили.

Но ближе къ сухимъ пригоркамъ попадается поразительной красоты лѣсъ, ушедшій вершинами далеко въ небо. Желтые стволы сосенъ, тамъ вверху заломившіе, какъ руки, свои вѣтви. Нѣжная лиственница съ своимъ серебрянымъ стройнымъ стволомъ. Могучій кедръ темно-зеленый, пушистый. Цѣлая куртина нарядныхъ кедровъ: большихъ, стройно поднявшихся кверху, маленькихъ, какъ дѣти, окружившія своихъ отцовъ. Между ними сочная мурава и яркія солнечныя пятна на ней и ароматъ, настой аромата въ неподвижномъ, млѣющемъ воздухѣ. Поднимешь голову и гдѣ-то тамъ вверху, въ безпредѣльной высотѣ видишь надъ собой кусочекъ яркаго голубого неба. Все притихло и спитъ въ веселомъ днѣ. Но трескъ вѣтки гулкимъ

эхомъ разбудитъ вдругъ праздничную тишину и проснется все: какой-то звѣрекъ прошмыгнетъ, отзовется рѣдкая птица, а то, ломая сухіе побѣги, прокатитъ и самъ хозяинъ здѣшнихъ мѣстъ—косолапый, проворный и громадный мишка.

А то зашумитъ иногда тамъ вверху, какъ море въ бурю, тайга, но по прежнему, все тихо внизу.

22-го іюля.

До Иркутска мы не доѣхали по желѣзной дорогѣ всего 72 версты, хотя путь уже и былъ уложенъ до самаго города. Но приходилось ждать поѣзда до утра и мы рѣшили проѣхать это пространство на лошадяхъ.

За это мы и были наказаны, потому что ѣхали эти 72 версты ровно сутки, безъ сна, на отвратительныхъ перекладныхъ, платя за каждую тройку по 45 рублей... На эти деньги по желѣзной дорогѣ въ первомъ классѣ мы сдѣлали бы свыше трехъ тысячъ верстъ.

А впереди такихъ верстъ на лошадяхъ свыше тысячи: если такъ будемъ ѣхать, когда пріѣдемъ и что это будетъ стоить?

Въ Иркутскѣ мы останавливаемся на два дня, такъ какъ для такой большой лошадиной дороги, какая предстоитъ намъ, надо запасти многое: экипажи, телѣги, провизію.

Иркутскъ третій большой сибирскій городъ, который я вижу. Первый, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я увидѣлъ Томскъ и онъ произвелъ на меня тогда очень тяжелое впечатлѣніе: вся Сибирь представлялась тогда какимъ-то адомъ мнѣ, а Томскъ, черезъ который я вступалъ въ Сибирь, достойнымъ входомъ съ дантовской надписью: lasciate ogni speranza...

Когда я подѣлился этимъ впечатлѣніемъ съ однимъ своимъ пріятелемъ, онъ сказалъ:

— Слишкомъ громко для Томска и Сибири,—просто россійская живодерня.

Помню это ужасное съ казарменными корридорами и висячими замками на дверяхъ номеровъ «Сибирское подворье», эти домики съ маленькими окнами и дверями, которые и лѣтомъ имѣютъ такой же нахлобученный видъ, какъ и зимой, когда снѣгъ засыпетъ ихъ крыши.

Въ девять часовъ вечера уже весь городъ спитъ, темно на улицахъ и спущены собаки съ цѣпей.

Обыватель, погрязшій въ разсчетахъ, прозаичный, некультурный, ничѣмъ посторонннимъ, кромѣ вина, ѣды и картъ, не интересующійся. Сплетни, какъ въ самомъ захолустномъ городкѣ.

Развлеченій никакихъ; вездѣ грязь; молодеческіе разсказы о похожденіяхъ исправниковъ и становыхъ; торговля краденымъ золотомъ и всякой гнилью московской залежи.

Словомъ, за двѣ недѣли жизни въ Томскѣ тогда я такъ истосковался, что когда выѣхалъ наконецъ изъ него и увидѣлъ опять поля,

лѣса, небо, я вздохнулъ, какъ человѣкъ, вдругъ вспомнившій въ минуту невзгоды, что навѣрно за этой невзгодой, какъ за ночью день, придетъ и радость.

Эта радость заключалась въ томъ, что я больше не въ Томскѣ и, вѣроятно, никогда больше не увижу его.

Можетъ быть, этому скверному впечатлѣнію содѣйствовало и то, что все время я былъ подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ нападокъ мѣстной прессы на меня за обходъ Томска.

Другой большой городъ Сибири—Омскъ я увидѣлъ, возвращаясь въ Россію, и своимъ открытымъ видомъ, широкими улицами онъ очень понравился мнѣ.

Впрочемъ, здѣсь тоже нужно сдѣлать оговорку: я возвращался въ Россію.

Одинъ мой пріятель, наоборотъ—попалъ въ Сибирь черезъ Омскъ и возвратился въ Россію черезъ Томскъ. Омскъ ему очень не понравился, а Томскъ произвелъ очень хорошее впечатлѣніе.

Говорятъ, къ Сибири надо привыкнуть и кто долго живетъ въ Сибири всегда кончаетъ тѣмъ, что сильно привязывается къ ней. Лично мнѣ кажется, что въ Сибири неизбѣжные процессы культуры,—жизнь за счетъ другихъ, бродяжническій элементъ, золото со всѣмъ его зломъ примитивный по его эгоизму купецъ, крестьянинъ, — такъ обнажены, такъ примитивны, что привыкнуть къ нимъ никогда нельзя.

Мы ѣдимъ, конечно, бифштексъ, но присутствіе наше на той бойнѣ, гдѣ убиваютъ быка, бифштексъ котораго мы ѣдимъ, не прибавляетъ аппетита.

Пусть это нужно, но пилюля должна быть позолочена.

Хотя, конечно, такое отношеніе въ достаточной степени обнаруживаетъ человѣка сантиментальнаго и наивнаго.

Что до Иркутска, то это такой же городокъ въ шубѣ, какъ и всѣ сибирскіе города.

Маленькія зданія, деревяныя панели, деревяные дома, грязныя бани и еще болѣе грязныя гостинницы съ ихъ нечистоплотной до послѣдняго прислугой.

Изъ интеллигентнаго кружка города видѣлъ только П. (остальные вслѣдствіе лѣта въ разъѣздѣ), который и показалъ намъ интеллигентную работу города: музей, дѣтскій пріютъ.

Вопросъ, занимающій теперь жителей Иркутска: останется ли у нихъ генералъ-губернаторство.

Въ виду теперешняго уже не окраиннаго положенія генералъ-губернаторства, прежнее его значеніе несомнѣнно утратилось.

25-го іюля. Озеро Байкалъ.

Выѣхали изъ Иркутска. Тянемся, какъ на волахъ.

Желѣзная дорога кончилась, а съ ней сразу, какъ ножомъ, отрѣ-

зало и отъ всѣхъ удобствъ. Почтовыя станціи не въ состояніи удовлетворять и третьей части предъявляемыхъ къ нимъ требованій.

Ожидающіе очереди пассажиры всѣхъ видовъ и оттѣнковъ.

Вотъ сидитъ купеческая семья: онъ, она и нѣсколько подростковъ дѣтей,—сидятъ, пьютъ чай съ горя, въ ожиданіи. Напряженіе на дѣтскихъ лицахъ. Маленькій ребенокъ съ заботой взрослаго въ глазахъ. Единственный выходъ двигаться дальше на вольныхъ. Но и ихъ скоро не сыщешь: сѣнокосъ. За перегонъ въ двадцать верстъ—5—10 р., т. е. въ 50 разъ дороже, что по желѣзной дорогѣ. А сколько времени пропадаетъ: два часа ищутъ, два запрягаютъ, два ѣдутъ и опять такая же исторія. Въ результатѣ скорость 3 версты въ часъ, а на всѣ сутки и того меньше, потому что дни и недѣли въ дорогѣ нельзя же проводить совсѣмъ безъ сна.

Переѣхавъ Байкалъ, разбились на два отряда: Б. и С. уѣхали, а я, К. и А. сидимъ и ждемъ лошадей.

Темный вечеръ. Монотонно и однообразно барабанитъ въ окна мелкій осенній дождикъ. Все небо обложено сплошными низкими тучами. Въ памяти встаютъ картинки пережитаго дня. Въ общемъ, впрочемъ бѣдныя и несодержательныя. Многаго ждали отъ Байкальскаго озера,—говорятъ о его буряхъ, таинственныхъ волненіяхъ безъ вѣтра, объясняя ихъ вулканическими или иными подземными причинами; но при нашемъ переѣздѣ озеро было тихо, былъ туманъ, шелъ дождь и впечатлѣніе отъ переѣзда черезъ Байкалъ получилось не бо̀льшее, какъ отъ переѣзда на паромѣ черезъ любую холодную лужу-рѣку.

Въ каютѣ дрянного парохода или, вѣрнѣе, въ черный цвѣтъ окрашенной баржи, холодно и сыро, какъ въ подмоченномъ погребѣ, тускло освѣщенномъ верхнимъ окошечкомъ.

Вода въ Байкалѣ съ постоянной температурой около 12°. Такая же температура и въ красивой Ангарѣ, вытекающей изъ него, вдоль которой вчера всю ночь мы ѣхали.

Красивая, но холодная съ своими ледяными туманами. Каждый разъ, какъ спускались къ ней, насъ обдавало туманнымъ холодомъ глубокой осени. Иногда часть рѣки обнажалась и ярко сверкала, но остальная рѣка и крутой противуположный берегъ, поросшій лѣсомъ, все время были окутаны облаками непроницаемаго тумана. Молчаливо, быстро несетъ рѣка свои зеленовато-прозрачныя воды.

Пустынно: поросшіе лѣсомъ косогоры, никакихъ посѣвовъ, селенія рѣдки, малонаселенныя съ нищенскими постройками. Среди жителей много сосланныхъ съ Кавказа.

И холодъ сѣвера не охлаждаетъ этихъ южанъ: бьютъ, рѣжутъ другъ друга и чужихъ. Самые сильные разбои и грабежи всегда дѣло ихъ рукъ и другія народности только ихъ неискусные ученики.

Физіономіи нехорошія: разсказовъ много о ихъ дѣлахъ,—не только,

впрочемъ, о кавказцахъ,—все Забайкалье кишитъ теперь всякимъ бродячимъ народомъ.

Желѣзнодорожныя работы подходятъ къ концу, приближается зима, денегъ нѣтъ, нѣтъ жилья и крова и идетъ сплошная облава по большимъ дорогамъ.

Цѣнности жизни—никакой.

Топоромъ разсѣкаетъ головы тремъ за то только, что тѣ улеглись на его полушубкѣ.

На дняхъ повѣшенный здѣсь разбойникъ Бенъ-Оглы поражалъ своими цинично равнодушными отвѣтами на судѣ и наконецъ заявилъ, что и такихъ не намѣренъ больше давать.

Спитъ душа и не человѣкъ, а звѣрь, самый страшный изъ всѣхъ, рыскаетъ здѣсь по этой трущобѣ.

Плохо и мѣстному населенію: у нихъ голодъ и пудъ овса доходитъ до 2 р., сѣно до 1 р. 80 к.

Мы слушаемъ разсказы изъ мѣстной жизни, а дождь льетъ и льетъ.

Мы въ номерѣ: столикъ, кровать, два деревянныхъ стула. Я сижу и думаю, какъ остроумно я распорядился. Въ вагонѣ было жарко и вотъ, теплыя вещи я отправилъ съ багажемъ, а теперь на дворѣ холодъ и дождь. Въ своихъ прюнелевыхъ ботинкахъ и съ кушакомъ, вмѣсто жилета—хорошъ я буду. Съ багажемъ же уѣхало и оружіе мое, Богъ вѣсть для чего купленное, обычная, впрочемъ, судьба такихъ моихъ покупокъ. Потомъ я все это раздарю. Бекиру подарю карабинку Маузера.

Бекиръ—кавказецъ—нашъ слуга. Онъ былъ сперва въ восторгѣ отъ встрѣчи съ своими здѣсь. Радостно удивлялся и говорилъ:

— Все земляки и близко отъ нашей деревни.

При его протекціи эти земляки вздули насъ самымъ безбожнымъ образомъ: за провозъ 60 верстъ на шести тройкахъ взяли 120 р., подъ всякими предлогами выудили еще 15 р., пользуясь моимъ отсутствіемъ сорвали еще семь рублей, всучили за тридцать рублей уже поломанную телѣгу, стащили купленную для экипажей мазь и, еслибъ мы не уѣхали, наконецъ, на пароходѣ, то, вѣроятно, не отпустили бы насъ до тѣхъ поръ, пока брать было бы нечего.

При всемъ желаніи быть терпимыми, мы всѣ разочаровались въ здѣшнихъ восточныхъ людяхъ. Одинъ Бекиръ еще отстаивалъ ихъ. Но они умудрились и у Бекира стащить его узелъ съ револьверамъ. Узелъ и вещи—пустяки, но съ потерей револьвера Бекиръ не могъ примириться.

— 12 лѣтъ,—твердилъ онъ,—12 лѣтъ. Я пристрѣлялъ его къ себѣ я знаю его, какъ себя...

И какъ ни отговаривали мы его, онъ уѣхалъ назадъ за-своимъ револьверомъ съ тѣмъ, чтобы нагнать насъ гдѣ-нибудь.

Глаза Бекира мечутъ искры, и кто знаетъ, чѣмъ кончится у нихъ тамъ. Я предсказывалъ ему худой конецъ, но онъ твердилъ одно:

— Мнѣ только револьверъ...

2-го августа.

Вотъ и Стрѣтенскъ.

Стрѣтенскъ, что̀ такое Стрѣтенскъ? Стрѣтенскъ—село на одной параллели съ Харьковомъ, на рѣкѣ Шилкѣ. Шилка впадаетъ въ Амуръ и т. д. Утро. Тихо и ясно. Я сижу въ тѣни террасы; не смущайтесь названіемъ,—терраса простая, сколоченная изъ лѣса, подъ тонъ всей остальной простой и деревянной сибирской архитектурѣ.

Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ меня пристань амурскаго пароходства и въ настоящую минуту снизу ползетъ пассажирскій пароходъ: родъ арестантской барки съ краснымъ колесомъ сзади; онъ пыхтитъ и шумитъ, но плохо подвигается впередъ.

А на той сторонѣ въ тѣснотѣ, между нависшими камнями надвинувшихся холмовъ видны зданія желѣзнодорожной станціи.

Самого Стрѣтенскаго еще не видѣлъ и даже не справлялся въ календарѣ о значеніи и исторіи его.

Мы въ гостинницѣ «Вокзалъ». Привезли насъ въ эту гостинницу ночью послѣ тысячи верстъ перекладныхъ и мы моментально уснули на грязныхъ до нельзя матрацахъ.

И. Н. освѣдомился у прислуживавшаго бойкаго мальчугана:

— Клоповъ хватитъ на каждаго?

Подмываемый ласковымъ тономъ, мальчикъ фыркнулъ и въ тонъ лукаво отвѣтилъ:

— Хватитъ...

Засыпая, я думалъ: какой въ сущности грязный и неопрятный народъ мы русскіе.

Чуть выѣдешь изъ Петербурга или Москвы и уже начинается эта непролазная грязь вездѣ: и въ роскошныхъ вагонахъ перваго класса, и въ залитыхъ отвратительной карболкой третьяго, и на станціяхъ, и въ городахъ во всѣхъ этихъ гостинницахъ.

Иркутскъ — большой городъ, столица восточной Сибири, а какая грязь, опущенность въ лучшей изъ ея гостинницъ Деко. А Чита? Теперь этотъ «Вокзалъ»? А въ избахъ крестьянъ, не смотря на цвѣты, ковры, гнутую мебель?

Во дворахъ вонь и негдѣ въ селахъ вздохнуть свѣжимъ воздухомъ.

Но эта же баба, которая вытащила только что изъ вашего стакана таракана, обтирая палецъ о свой пропитанный саломъ сарафанъ, съ пренебрежительнымъ выраженіемъ лица говоритъ объ аборигенахъ здѣшнихъ мѣстъ, бурятахъ:

— Грязно живутъ... Падаль у нихъ первое блюдо.. Вотъ отъ язвы лошадь и скотъ валятся—жрутъ. Другая собака рыло отвернетъ, а ему все Богъ далъ...

Передъ падалью, конечно, и клопъ, и тараканъ—идеалъ гигіены. И. Н. говоритъ:

— Я разъ какъ-то студентомъ отъ нечего дѣлать въ одной де-

ревнѣ началъ практиковать, а по воскресеньямъ публичныя лекціи читать...

— Съ разрѣшенія?

— Кто бы мнѣ позволилъ? Безъ всякаго, конечно, разрѣшенія. Приходитъ баба: нога вотъ. Оказывается, порѣзала и лѣчила жженымъ навозомъ да навозной жижей—это у нихъ первое лѣкарство—ну, вздуло, конечно: во. И замѣтьте, къ фельдшеру ходила и фельдшеръ ей хорошее лѣкарство прописалъ,—бросила лѣкарство и вотъ свой способъ. Я отказался ее лѣчить. Что жъ лѣчить такую? Все равно, не послушаетъ. Какъ разъ въ это же время одна дѣвочка тоже порѣзала ногу и въ три дня я залѣчилъ ея рану. Приходитъ воскресенье. На лекціи и дѣвчонка, и баба съ своей вотъ этакой ногой... «Вотъ, говорю, смотрите, господа, лѣченье навозной жижей и чистой водой». Ну, фактъ на лицо. «Извѣстно, говорятъ, что вода чистая, что грязь... Дура баба..» Сами же ругаютъ. Баба оправдывается: «Такъ мы вѣдь откуда знаемъ, теперь вотъ сказалъ..» Приходитъ опять на другой день: «лѣчи». То-то. Сейчасъ чикъ-чикъ, прорѣзалъ, обмылъ, чистой тряпочкой перевязалъ, присыпалъ слегка іодоформомъ—черезъ недѣлю опять человѣкомъ стала...

И. Н. еще говоритъ, но я уснулъ, какъ убитый, безъ словъ и движенья.

Я не могу сказать, чтобы не было у меня впечатлѣній въ этотъ переѣздъ на лошадяхъ отъ Иркутска до Стрѣтенска, но на перекладныхъ нельзя ихъ записывать.

Теперь сижу и вспоминаю.

Забайкалье рѣзко отличается отъ всего предъидущаго. На вашемъ горизонтѣ почти вездѣ хребты горъ. Высота ихъ колеблется между 50 и 200 саженями. Вѣрнѣе, это еще холмы, но уже съ острыми, иззубренными иногда вершинами. Они такъ и застыли, неподвижные, при закатѣ розово и фіолето-прозрачные, а всѣгда темно-синіе, далекіе, разсказывающіе вамъ сказки изъ далекаго прошлаго.

Да, эта необъятная малонаселенная мѣстность съ плохой почвой, съ богатѣйшимъ лиственнымъ лѣсомъ, пораженнымъ безнадежнымъ червемъ (все, что видѣлъ глазъ, на двѣ трети уже посохшія, никуда негодныя дырявыя деревья), хранящая въ своихъ земляхъ много минеральныхъ богатствъ, но пока съ точки зрѣнія культуры вообще и переселенчества въ частности, не стоющая, какъ говоритъ Тартаренъ, ослинаго уха,—въ свое время изрыгнула изъ нѣдръ своихъ всѣ тѣ орды монголовъ, которые надолго затормозили жизнь Востока Европы.

Здѣсь рѣка Ононъ—родина великаго Чингизъ-хана.

Откуда взялись тогда эти толпы? Все пусто здѣсь, тихо и дико. Шныряетъ голодный волкъ, шатается бѣглый каторжникъ, да медвѣдь ворочается въ этихъ лѣсныхъ трущобахъ. Всѣ въ разбросъ, въ одиночку, каждый самъ для себя, каждый врагъ другому.

Только ближе къ тракту жмутся поселки, а тамъ въ глубь... Никто не былъ тамъ и никто ничего не знаетъ.

Часть этой полосы занимаютъ бурята—остатокъ того же монгола изъ 200-тысячнаго войска Чингизъ-хана. Трудолюбивый, воздержный народъ, очень честный. Оставляйте ваши вещи на улицѣ и спите спокойно. Ихъ одежда, ихъ косы, темныя лица дѣлаютъ ихъ похожими на китайцевъ.

Въ ихъ храмахъ Будда съ тысячью руками и тринадцатью головами. Это значитъ, что надо было-бы, чтобъ исполнить все задуманное, чтобъ одна голова превратилась въ тринадцать, и нужно тысячу рукъ, чтобъ успѣть дѣлать то, что думаютъ эти тринадцать головъ.

Ламы бурятъ для отвращенія отъ зла надѣваютъ въ особые праздники уродливыя маски и такъ появляются передъ народомъ. Помогаетъ и молитва отъ этого, и бурята не скупятся вертѣть катокъ съ написанными молитвами, что равносильно тому, какъ будто бы они ихъ читали.

Бурятъ тихъ, покоренъ и большой дипломатъ съ администраціей. Но во внутреннюю жизнь никого не пускаетъ и умѣетъ заставить уважать себя.

Когда русскіе рабочіе нагрянули на строющуюся здѣсь желѣзную дорогу, а съ ними и всякій сбродъ, бурята быстро дисциплинировали ихъ при первомъ удобномъ случаѣ. Этотъ случай представился очень скоро. Рабочіе поймали двухъ коровъ бурятскихъ и зарѣзали ихъ. Двое рѣзавшіе коровъ исчезли безслѣдно и навсегда. Это нагнало такой паническій ужасъ на рабочихъ, что воровство прекратилось сразу, а вѣра во всевѣдѣніе бурятъ дошла до суевѣрнаго страха.

Источникъ этого всевѣдѣнія—сплоченность и хорошая внутренняя организація бурятъ. Они, какъ и китайцы, склонны къ тайнымъ союзамъ и разнаго рода тайнымъ обществамъ.

Несомнѣнно, бурята народъ способный къ культурѣ. Между ними и теперь не мало людей образованныхъ. Эти люди—общественное мнѣніе страны, и наивно думать, что бурята не поймутъ смысла и значенія разнаго рода административныхъ мѣръ за и противъ нихъ. Изъ числа такихъ предполагаемыхъ мѣръ больше всего пугаетъ бурятъ возможность земельныхъ ограниченій (они владѣютъ землями по грамотѣ Екатерины Великой), воинская повинность и отчасти православіе. Страхъ передъ послѣднимъ, впрочемъ, послѣ успокоительныхъ дѣйствій генерала-губернатора барона Корфа значительно ослабѣлъ.

Чтобы закончить съ проѣханнымъ краемъ надо сказать нѣсколько словъ о почтовомъ трактѣ.

Откровенно говоря, вся почтовая организація никуда не годится. Нѣсколько станцій, напримѣръ, подъ-рядъ съ количествомъ лошадей въ 15 паръ (пара не меньше трехъ лошадей) и вдругъ перерывъ, и двѣ, три станціи съ 5 парами. Если и 15 паръ не удовлетворяютъ, то

можно судить, что дѣлается на такихъ, еще болѣе ограниченныхъ станціяхъ: ожиданія по недѣлямъ, отчаянныя проклятія и брань ожидающихъ.

Вотъ одна изъ обычныхъ картинокъ. Ночь. Въ сѣняхъ и двухъ маленькихъ комнаткахъ такъ тѣсно на диванахъ и на полу отъ лежащихъ, что пройти нельзя. Воздухъ ужасный,—здѣсь дѣти, женщины, мужчины,—семьи офицеровъ переселенцевъ, ѣдущихъ по казенной и частной надобности.

Мы пріѣхали и сидимъ въ писарской. Присланный изъ Читы чиновникъ (а на другой станціи, вмѣсто чиновника, полицеймейстеръ города Читы) объясняетъ намъ положеніе дѣла и свое безсиліе:

— Девять сутокъ ни минуты не сплю, перестаю понимать...

Слушаешь и думаешь: зачѣмъ прислали сюда этого мученика, когда надо было прислать сюда тѣхъ недостающихъ 10 паръ, изъ за которыхъ и загорѣлся весь сыръ-боръ.

А нѣтъ этихъ 10 паръ потому, что охотниковъ на назначенную почтовымъ вѣдомствомъ цѣну не нашлось. Ну, не нашлось, заводи казенныхъ лошадей, но не рѣшеніе же и это вопроса, вмѣсто лошадей, чиновниковъ посылать.

Въ писарскую доносятся ворчанья и жалобы. Одинъ, какъ потомъ оказалось, старый священникъ долго говоритъ и горько жалуется. Онъ бѣдный человѣкъ, онъ не можетъ платить по 15 р. за каждыя 20 верстъ, онъ ѣдетъ съ семьей и, ожидая очереди, они сидятъ уже седьмой день. Раздраженный и въ то же время основательно, справедливо раздраженный голосъ его рѣзко нарушаетъ тишину ночи.

— Но зачѣмъ же,—говоритъ онъ,—бросать насъ всѣхъ на грабежъ?

Чиновникъ шепчетъ мнѣ:

— Совершенно вѣрно все это...

Голосъ священника:

— За фунтъ хлѣба 20 к., поросенокъ семь рублей... Но я нищій попъ, откуда я возьму? Я мѣсяцъ три станціи ѣду... Я съ ума, наконецъ, сойду...

Священникъ обрывается.

Мертвая тишина. Очевидно теперь, никто больше не спитъ и съ жуткимъ ощущеніемъ прислушивается.

Чиновникъ шепчетъ:

— Вѣрно, все вѣрно... Въ нервахъ разстроился... А тутъ еще сибирская язва, падежъ, ямщики возить не хотятъ, голодъ, кони истощенные, такіе и падаютъ больше отъ язвы,—запряжетъ и пала дорогой. Овесъ 2 р., какъ ихъ тутъ кормить? Ну и выпустили лошадей въ поле,—говорятъ: везите на насъ, а лошадей морить не дадимъ... Вотъ почта второй день лежитъ.

Послѣ всѣхъ такихъ доводовъ остается одно: вольные, по какой угодно цѣнѣ!

Такъ среди этого сплошного грабежа, и воплей отчаянія мы какъ-нибудь подвигаемся все дальше и дальше.

Что здѣсь осенью будетъ во время распутицы?!...

Черезъ годъ, два, конечно, пройдетъ желѣзная дорога и весь этотъ ужасъ отлетитъ сразу въ область тяжелыхъ невозвратныхъ преданій, но дорога дойдетъ только до Стрѣтенска, а тамъ остается еще двѣ съ половиной тысячи верстъ, гдѣ дорога не предполагается. Тамъ ли только нѣтъ дорогъ у насъ?!

А какія цѣны! Прислуга—20—30 рублей въ мѣсяцъ, мясо—20—25 к., хлѣбъ ржаной 2—3 рубля пудъ. И это въ маленькомъ захолустномъ сибирскомъ городкѣ Читѣ. Порція цыпленка (половина)—рубль, десятокъ яицъ—60 к.

Какъ же живутъ здѣсь мелкіе служащіе? Всѣ эти несчастные телеграфисты, почтовые чиновники, лѣсничіе, доктора, мелкіе желѣзно дорожные служащіе? Это мученики.

На желѣзной дорогѣ да и вездѣ плата поденному доходитъ до 2 р. Этимъ еще лучше другихъ было, но и у нихъ уже явился конкурренть-китаецъ.

Появленіе китайцевъ здѣсь въ большихъ массахъ связано съ началомъ постройки Забайкальской желѣзной дороги. Манджурская дорога, конечно, усилитъ движеніе китайцевъ къ намъ.

Уже съ Иркутска появляются китайцы; но тамъ ихъ, сравнительно, мало еще, они нарядны. Ихъ національный голубой халатъ, длинная, часто фальшивая коса тамъ и сямъ мелькаетъ у лавокъ. Движенія ихъ лѣнивы, женственны, ихъ лица удовлетворенны, увѣренны.

Но чѣмъ дальше на востокъ отъ Иркутска, тѣмъ рѣже видишь эти нарядныя фигуры и взамѣнъ все больше и больше встрѣчаешь грязныхъ, темныхъ, полунагихъ обитателей Небесной Имперіи.

Русскій рабочій говоритъ:

— Вотъ и тягайся съ нимъ: тутъ и одѣтому не знаешь, куда дѣваться отъ комара, слѣпня и паута, а ему и голому ни почемъ.

И цѣну китаецъ беретъ, что̀ дадутъ.

Мы смотримъ на ихъ бронзовыя грязныя тѣла, заплетенныя косы—обмотанныя вокругъ головы. Это здоровое, красивое тѣло, и когда оно питается мясомъ, оно сильно и работаетъ лучше русскаго.

Китайца здѣсь гонятъ всѣ и въ то же время здѣсь въ восточной Сибири китаецъ неизбѣжно необходимъ, и этого не отрицаетъ никто.

Чревато событіями переживаемое здѣсь мгновеніе.

Со включеніемъ Манджуріи въ кругъ нашего вліянія и занятіемъ Портъ-Артура широко растворились ворота, вѣками со временъ Чингизъ-хана запертые. Въ нихъ уже хлынула волна чернокосыхъ, смуглолицыхъ, бронзовыхъ китайцевъ и съ каждымъ часомъ, съ каждымъ днемъ, мѣсяцемъ и годомъ волна эта будетъ расти.

Китаецъ мало думаетъ о политическомъ владычествѣ, но экономи-

ческая почва—его, и искуснѣе его въ этимъ отношеніи нѣтъ въ мірѣ націи.

Пока это еще какіе-то паріи, напоминающіе героевъ хижины дяди Тома. Ихъ видъ забитый, угнетенный. Завоеваніе края на экономической почвѣ дается не даромъ, и они, эти первые фаланги піонеровъ своего дѣла, какъ бы сознавая это, отдаются добровольно въ какую угодно кабалу.

Гдѣ-то сдѣланное опредѣленіе какимъ-то бродягой рабочимъ стихійнаго движенія китайцевъ постоянно вспоминается:

— Онъ вѣдь лѣзетъ, лѣзетъ... Онъ самъ себя не помнитъ: на то самое мѣсто, гдѣ товарищу его голову отрубили—лѣзетъ, знаетъ, что и ему отрубятъ, и лѣзетъ. Ничего не помнитъ и лѣзетъ. Одного убьешь—десять новыхъ...

Можетъ быть, черезъ десять лѣтъ китаецъ будетъ такъ же необходимъ на Волгѣ, какъ необходимъ онъ здѣсь въ восточной Сибири. Это дешевый рабочій, честный, дешевый и толковый приказчикъ, прекрасный хозяинъ и приказчикъ торговаго магазина, кредитоспособный купецъ, образцовый мастеровой, портной, сапожникъ; самая толковая, самая честная и самая дешевая прислуга.

Нѣть экономической почвы, на которой можно бороться съ китайцемъ. Сонный казакъ-аборигенъ тупо воспринимаетъ переживаемое мгновеніе. Къ гнусу, морозу, бродягамъ прибавились и эти желтокожіе, оспаривающіе его право получать поденщину—1, 2, 5, 10 р.—все, что угодно. Зачѣмъ стѣсняться? Тамъ всплываетъ тѣло пристрѣленнаго китайца, тамъ изуродованнаго его находятъ въ лѣсу...

Въ Стрѣтенскѣ въ этомъ году взорвали цѣлый баракъ, гдѣ спали китайцы-рабочіе. Вчера въ Стрѣтенскѣ же нашли подъ другимъ бараком, то же китайскимъ, 15 фунтовъ динамиту и уже горѣвшій фитиль.

Но самъ казакъ мрачно, какъ съ похмелья безнадежно говоритъ:

— Проклятая сила: одного прикончишь—десять новыхъ вмѣсто него...—и самъ же казакъ пользуется дешевкой китайца и нанимаетъ его на свои работы.

Китаецъ жизнью не дорожитъ: онъ равнодушенъ къ этимъ покушеніямъ,—если онъ умретъ, ему ничего не надо, но если онъ живъ, то онъ получитъ свое.

Недавно буквально изъ за недополученнаго пятака толпа китайцевъ чуть не убила желѣзнодорожнаго техника и его защитниковъ. Китайцевъ было 50 человѣкъ, у техника—25, и часть изъ нихъ вооруженная револьверами и ружьями, тогда какъ у китайцевъ огнестрѣльнаго оружія не было. И тѣмъ не менѣе, побѣдителями остались китайцы, хотя раненыхъ у нихъ оказалось больше и былъ даже убитый.

Это не говоритъ, во всякомъ случаѣ, о безпредѣльной трусости китайцевъ.

*

— Китаецъ робокъ, а озлится—нѣтъ его лютѣе,—опредѣляютъ здѣсь китайца.

— Проклятые дьяволы... сатана васъ изъ пекла прислалъ къ намъ.

Китайцы, живущіе въ Россіи, подчиняются какой-то своей внутренней организаціи, они очень зорко слѣдятъ другъ за другомъ и съ каждымъ деморализующимся своимъ сочленомъ быстро сводятъ счеты:

— Кантоми...

То-есть: рубятъ голову. Или въ лѣсу повѣсятъ. Обыкновенно признакомъ такой расправы служитъ то обстоятельство, что китайцы при обнаруженіи такого трупа не жалуются и молчатъ.

На одномъ изъ пріисковъ здѣсь произошло на-дняхъ загадочное преступленіе.

На пріискѣ между прочими работали и китайцы (и тамъ они, конечно, замѣнятъ всѣхъ другихъ). Нашли убитымъ маленькаго, лѣтъ 11 мальчика. Подозрѣніе пало на двухъ китайцевъ. Ихъ пытали, насѣкая имъ тѣло отъ шеи и до живота.

Китайцы не выдержали и заявили то, что̀ требовали отъ нихъ ихъ палачи. Тогда ихъ отправили въ Стрѣтенскъ, но, придя туда, они сказали, что неповинны въ смерти мальчика и сдѣлали на себя поклепъ только, чтобъ избавиться отъ дальнѣйшихъ пытокъ.

Много толковъ вызвало это происшествіе. Казаки, да и не одни казаки, увѣряютъ, что китайцы убили мальчика съ цѣлью сварить и съѣсть его.

— Это первое блюдо у нихъ: православныхъ дѣтей ѣсть.

(Замѣчательно, что китайцы у себя въ томъ же обвиняютъ иностранцевъ).

Нѣтъ сомнѣнія, что это ложь, но такая же ложь относительно евреевъ жила вѣками и дѣлала свое страшное дѣло.

Мѣстное населеніе здѣсь—казаки. Это крупный въ большинствѣ народъ, причемъ подмѣсь бурятской и другихъ кровей ощутительна; женщины некрасивы.

Казаки зажиточны; имѣютъ множество немѣрянной земли, на которой и пасутся ихъ табуны лошадей и скота.

Хлѣбопашество процвѣтаетъ менѣе. Сѣютъ рожь, пшеницу, овесъ.

Но главный доходъ ихъ отъ скотоводства...

Начиная отъ Читы къ востоку, эти казачьи поселки тянутся непрерывно. Отъ самаго маленькаго мальчика до самаго стараго всѣ жители поселковъ въ шапкахъ съ желтымъ околышемъ и въ штанахъ съ желтыми лампасами. Вмѣсто же мундира, большое разнообразіе: отъ рубахи до пиджака. Въ костюмахъ значительная щеголеватость: шелковыя рубахи, у женщинъ даже корсеты, ботинки въ 12 р. не рѣдкость, шляпы.

Читая здѣшнія газеты, надо придти къ заключенію, что нравы,

однако, не смотря на эти внѣшніе признаки цивилизаціи, дики и грубы; пьянство, поединки, кулачные бои. Грамотныхъ мало и никому грамота не нужна. Казакъ лѣнивъ, суевѣренъ и апатиченъ.

Въ свое время казачество здѣсь сослужило большую службу. Безъ нихъ, конечно, нельзя было бы Россіи удержать въ своихъ рукахъ весь этотъ край.

Но наступаютъ другіе времена и по Гёте, счастье одного поколѣнія—страданіе послѣдующихъ, казаки являютъ уже въ теперешнемъ видѣ серьезные тормозы дальнѣйшей культурѣ края.

Это и само собой дѣлается. Мы уже видѣли, какъ трудъ ихъ парализированъ китайцами. Въ этомъ отношеніи казацкую силу можно считать уже сломанной.

Но въ борьбѣ съ переселенцами казаки пока имѣютъ сильный перевѣсъ. Вся хорошая земля оказывается принадлежащей имъ и переселенцевъ пускаютъ только въ такія трущобы, откуда нельзя не бѣжать. Этихъ обратныхъ переселенцевъ много встрѣчается.

На одной изъ станцій съ нами ночевали двое изъ нихъ. Это собственно ходоки. Они уроженцы Кіевской губерніи, поселились на Кавказѣ, а оттуда товарищи послали ихъ въ Сибирь и, главнымъ образомъ, на Амуръ. Теперь они возвращаются назадъ съ отрицательными отвѣтами. Толковые, увѣренные.

— Ничего не стоитъ Амуръ для нашего хозяйскаго дѣла. Первое, казаки оттираютъ, что получше, поближе къ рѣкѣ и къ городамъ—въ ихъ рукахъ. Второе—земля. Аршина два копнулъ и уже мерзлота. Въ самую уборку дожди. Да и уборка въ сентябрѣ, въ морозъ.

— Какъ же молотятъ?

— Зимой, на льду, когда градусовъ 40 морозу. Въ рукавицахъ жать, какое ужъ тутъ хозяйство? Опять овощь всякая: яблоки, груши, арбузы, дыни или что тамъ: ничего нѣтъ. Такъ что-то вродѣ тюрьмы. Не годится для нашего брата крестьянина... Дѣвки и парни перемрутъ съ тоски.

— Но селятся же все-таки?

— Мало же. Непріютная сторона, казаки непріютны... Богъ съ ними, земли не размежеваны—все захватили.

Жалуются на казаковъ и города.

Въ Стрѣтенскѣ, напримѣръ, несмотря на всю наличность города—село, принадлежащее казакамъ. Правс селиться, строиться—все отъ казаковъ. Аренда высока и, кромѣ того, гнетъ неграмотной и алчной администраціи несносенъ.

— Помилуйте, будь Стрѣтенскъ городомъ, въ три года удесятерился бы, а такъ, кто порядочный сюда пойдетъ.

Теперь же это улица вдоль рѣки Шилки съ цѣлымъ рядомъ магазиновъ.

— А теперь для кого же эти магазины?

Вамъ шепчутъ на ухо:

— Магазины эти только для виду; главная же торговля здѣсь тайнымъ золотомъ.

Это тайное золото, промываемое хищниками. Золото въ этомъ краѣ вездѣ, а съ нимъ вездѣ и воровство, и грабежъ, и убійство, и тайная торговля этимъ золотомъ.

Оно сбывается въ Китай. Сколько его сбывается—неизвѣстно, но вотъ факты, по которымъ можно кое-что сообразить.

Изъ Манджуріи въ Китай оффиціально (помимо, слѣдовательно, наворованнаго китайскими чиновниками и хищническаго добыванія, оно существуетъ и тамъ) ежегодно идетъ до 400 пудовъ золота *). Частная разработка золота до послѣднихъ дней не разрѣшалась въ Манджуріи. На казенныхъ пріискахъ добыча его ничтожна.

Путешественники по Манджуріи (Стрѣльбицкій и другіе) удостовѣряютъ, что хищническая добыча тамъ ничтожна и едва оправдываетъ нищенское существованіе искателей. Откуда же эти 400 пудовъ на сумму до 8 милліоновъ рублей?

Непричастные здѣсь къ дѣлу люди того мнѣнія, что это наше золото. Если къ этому прибавить до 5 милліоновъ оффиціальныхъ, которые составляютъ излишекъ въ нашей торговлѣ по амурской границѣ съ Китаемъ въ пользу Китая, то очевидно, что пока мы заберемъ еще китайцевъ въ руки, они во всѣхъ отношеніяхъ хорошо отъ насъ пользуются.

Городъ Кяхта, половина котораго русская, а другая китайская, несмотря на барьеры, бойко и легко торгуетъ этимъ запрещеннымъ товаромъ. Какъ анекдотъ, разсказываютъ, что тамъ устроены даже особыя кареты китайцами, въ которыхъ купцы ихъ возятъ къ себѣ въ гости русскихъ чиновниковъ и въ этихъ же каретахъ ѣдетъ въ Китай золото, а изъ Китая шелкъ, или переносятъ ночью, перебѣгаютъ и днемъ, рискуя выстрѣлами даже.

Чтобы кончить съ проѣханнымъ путемъ, два слова о Нерчинскѣ. Утромъ, часовъ въ восемь, мы подъѣхали къ рѣкѣ Нерчѣ. Все еще было окутано сѣрымъ, какъ солдатское сукно, туманомъ. Едва виднѣется тотъ берегъ—пустынный, голый, неуютный, такой же, какъ и вся природа здѣсь.

Этотъ же берегъ крутой, скалистый. Молча, угрюмо, торопливо и озабоченно убѣгаютъ волны рѣки, мелкими струйками, обгоняя другъ друга.

Холодно и неуютно.

Встаютъ фигуры декабристовъ.

Они тоже переплывали эту рѣку, сидѣли, какъ и мы, на паромѣ, смотрѣли въ воду и думали свою думу.

Вотъ и другой берегъ пологой степью исчезаетъ въ туманѣ даль...

Въ этомъ туманѣ тамъ гдѣ-то Нерчинскъ.

---

*) «Описаніе Манджуріи», изданіе Министерства Финансовъ.

По этой степи шагали они и въ мертвой тишинѣ, точно слышишь лязгъ ихъ цѣпей.

Можетъ быть, будь здѣсь жилье, не такъ вспоминалось бы, но это безмолвіе и одиночество сильнѣе сохраняетъ память о нихъ.

Самый Нерчинскъ поражаетъ тѣмъ, что среди сѣрыхъ, бѣдной архитектуры домиковъ, вдругъ выростаетъ какой-то бѣлый оригинальный дворецъ, въ средневѣковомъ стилѣ, съ громаднымъ дворомъ, обнесеннымъ красивой рѣшеткой.

Тюрьма? Нѣтъ, зданія какого-то купца. Зданія, которыя украсили бы и столицу.

Бѣдный купецъ, впрочемъ, уже разорился и зданія эти пріобрѣтаетъ тюремное вѣдомство.

4-го августа.

Въ Стрѣтенскѣ мы просидѣли дня три.

Можно было бы умереть съ тоски, если бы не товарищъ мой С. Г. К. Онъ строитель 12 участковъ Забайкальской желѣзной дороги. Его участкомъ и кончается эта Забайкальская желѣзная дорога и дальше отъ Стрѣтенска къ Хабаровску и Владивостоку единственнымъ путемъ служитъ рѣка Шилка и Амуръ: лѣтомъ на пароходѣ, зимой на саняхъ. Почтовыя лошади содержатся, впрочемъ, круглый годъ и въ мелководье эти лошади перевозятъ почту и пассажировъ въ лодкахъ. Лодка плыветъ по рѣкѣ, а лошади тянутъ ее вдоль берега. Когда попадаются скалистые берега, а ихъ здѣсь очень много, принимаются за весла, а лошадей вплавь перегоняютъ на другой, болѣе пологій берегъ или гонятъ ихъ въ обходъ скалъ.

Въ періодъ весенняго и осенняго ледоходовъ ѣздятъ сухимъ путемъ, такъ называемой тропой. Эта тропа вьется тутъ же вдоль рѣки, тамъ гдѣ-то на обрывахъ скалъ, высота которыхъ достигаетъ до 1.500 футовъ. На этой головокружительной высотѣ тропа съуживается иногда до аршина. Привычная верховая или вьючная лошадь осторожно шагаетъ, а непривычный путникъ, сидя на ней, сбиваетъ ее своими нервными движеніями и иногда летятъ они оба внизъ на острые камни, разбиваясь, конечно, на смерть.

Лучше ужъ пѣшкомъ идти, но и то при условіи, если не кружится голова. Въ противномъ случаѣ, лучше всего сидѣть въ Стрѣтенскѣ и терпѣливо ждать прохода льда: весной въ концѣ апрѣля нѣсколько дней, осенью больше мѣсяца,—отъ половины октября до конца ноября.

На это время такимъ образомъ вся остальная восточная Сибирь остается отрѣзанной отъ своего центра. Положеніе неудовлетворительное и даже съ точки зрѣнія политической опасное.

Выбирая между шоссе и разными типами желѣзныхъ дорогъ, самый дешевый будетъ, конечно, узкоколейная желѣзная дорога. Если гдѣ она умѣстна, то, конечно, здѣсь, среди этихъ неприступныхъ скалъ,

занимая мѣсто не болѣе 1½ саженъ въ ширину, тогда какъ для ширококолейной нужно 2½, а для шоссе не меньше 3½. А количество земляныхъ работъ на этой дорогѣ имѣетъ рѣшающее значеніе въ смыслѣ стоимости ея. Такъ на Забайкальской желѣзной дорогѣ, близъ Стрѣтенска,—на версту земляныхъ работъ приходилось 4 т. к. с. при цѣнѣ 6 р. за кубъ. Здѣсь же мѣсто болѣе трудное и надо считать ихъ не менѣе 6 тысячъ кубическихъ саженъ при цѣнѣ 8 р. (больше скалистыхъ работъ). Для узко же колейной желѣзной дороги потребуется 2 тысячи кубическихъ саженъ (она уже и радіусъ ея, вмѣсто 150, можетъ быть 35 саженъ, вслѣдствіе этого является возможность обходить многія скалы). И такимъ образомъ на одинъ излишекъ земляныхъ работъ (32 т.) хватитъ выстроить рельсы, шпалы, подвижной составъ и пр.

Что касается до провозоспособности этой узкоколейной желѣзной дороги, то она не уступитъ ширококолейной здѣсь, такъ какъ уклоны ея по рѣкѣ будутъ незначительны, а при такихъ условіяхъ и разницы нѣтъ въ силѣ тяги.

Благодаря, какъ я сказалъ, любезности С. Г., мы не только не скучали, но провели наше время незамѣтно въ Стрѣтенскѣ.

Съ С. Г. мы старые пріятели, лѣтъ 12 назадъ работали вмѣстѣ на постройкѣ одной дороги. Тогда мы оба были еще молодыми строителями. Теперь С. Г. занимаетъ большое отвѣтственное мѣсто самаго труднаго участка дороги.

Года три назадъ онъ женился здѣсь на мѣстной жительницѣ. Во время нашего пребыванія у него гостила сестра его жены. Если прибавить сюда А. М. К. съ его супругой, то вотъ обществс, въ которомъ провели мы время въ Стрѣтенскѣ.

Докторъ нашъ пѣлъ подъ аккомпаниментъ гитары и рояли свои русско-цыганско-итальянскія пѣсни, пѣлъ съ обычнымъ увлеченіемъ и страстностью. И даже болѣе чѣмъ съ обычнымъ.

Свояченица С. Г. на пылкое сердце нашего доктора, кажется, произвела впечатлѣніе, и голосъ его дрожалъ нѣжнѣе, когда пѣлъ онъ:

Глаза твои, что звѣзды,
Уста душистый медъ...

Пегасовъ въ «Рудинѣ» говоритъ: «говори женщинѣ десять дней, что глаза ея звѣзды, а ротъ рай и она лучшая изъ женщинъ, и на десятый день повѣритъ и скажетъ: мои глаза звѣзды, уста душистый медъ—и полюбитъ...» Тургеневъ прибавляетъ: можетъ быть, это и такъ. Но на этотъ разъ нашъ докторъ теперь, когда опять одинъ, машетъ рукой и говоритъ:

— Правъ А. П. Здѣсь въ Сибири птицы безъ голоса, цвѣты безъ запаха, а у сибирскихъ женщинъ, какъ и въ ихъ грунтѣ, вѣчная мерзлота.

Она коренная сибирячка, кромѣ Сибири не бывавшая нигдѣ и обожающая свою Сибирь. Живетъ съ мужемъ гдѣ-то въ Нерчинскомъ заводѣ, въ 12 верстахъ отъ китайской границы. У нихъ растутъ тамъ альпійскіе эдельвейсы, дикій макъ и рододендры, всѣ тѣ сибирскіе цвѣты, у которыхъ меньше запаха, чѣмъ нѣжной красоты, изящества и тонкихъ красокъ.

И если житель Альпъ влюбленъ въ свой эдельвейсъ и любитъ свою природу, то понимаешь эту любовь къ своей родинѣ и въ устахъ этой красивой, умненькой, образованной сибирячки.

Я не упомянулъ объ энергіи и силѣ: это отличительная черта всѣхъ сибирячекъ.

Вотъ общій типъ сибирячки, какъ мнѣ онъ представляется: средняго роста, хорошо сложенная, русая, глаза сѣро-синіе, лучистые. Носъ тонкій, слегка вздернутый, тонкія, характерныя губы. Лицо продолговатое, кожа едва-едва смуглая, нѣжная. Въ обращеніи свободна и смѣла. Тихаго болота и водящихся въ немъ чертей нѣтъ и въ поминѣ. Музыку и пѣніе любятъ: гитару нашего доктора украсили лентами.

Пока молодежь поетъ свои пѣсни, С. Г., его гости и я ведемъ дѣловые разговоры.

Среди гостей крупный золотопромышленникъ, уже глубокій старикъ, но энергичный, бодрый, сухой, какъ мумія, съ длинной, какъ у черномора, сѣдой, вьющейся бородой.

Онъ помнитъ основаніе Благовѣщенска, Владивостока, онъ знаетъ всю эту Сибирь, какъ себя, и пользуется большимъ значеніемъ здѣсь. Его зять изъ молодыхъ технологовъ. Онъ устроилъ здѣсь цементный заводъ на милліонъ пудовъ выдѣлки въ годъ и въ одинъ годъ пустилъ его въ ходъ. Что это для Сибири, какая энергія нужна для этого, пойметъ и оцѣнитъ только здѣшній житель.

Заводъ въ 15 верстахъ отъ Стрѣтенска и я, Н. А., докторъ и С. Г. ѣздили на этотъ заводъ.

Громадное четырехъэтажное зданіе изъ дерева съ желѣзной обшивкой, все въ удушливой ѣдкой пыли отъ глины, песка, размолотаго камня и угля. Въ этомъ адѣ всѣ работники только китайцы. Грязные, потные, съ косой, обмотанной вокругъ головы, полунагіе, они лежатъ каждый около своей печи, и ихъ поднимаетъ владѣлецъ завода рѣзкимъ, короткимъ: «хэ!»

И это «хэ», какъ эхо бича изъ хижины дяди Тома, тяжело рѣжетъ ухо.

Владѣлецъ экономный, разсчетливый человѣкъ. Онъ напоминаетъ типъ героя изъ «Паяцовъ» Леонковалло въ первомъ дѣйствіи, когда торжествующій хозяинъ выѣзжаетъ на сцену: онъ бьетъ въ барабанъ и смотритъ, бьетъ и опять смотритъ, словно считаетъ: и эта телѣга, и этотъ оселъ, и этотъ весь циркъ и жена въ телѣжкѣ—все это его

и только его. И все это дастъ ему денежки: круглыя золотыя и всѣ онѣ будутъ его и только его.

Домъ владѣльцевъ со всѣми удобствами и даже электричествомъ, но впечатлѣніе опять: все это такъ, между прочимъ, какъ и сама жизнь въ домѣ, а главное тамъ, въ этой пыли и вони, гдѣ затраченъ милліонъ и все къ нему приспособлено и самой жизни нѣтъ, не чувствуется.

Не хочется ни милліоновъ этихъ, ни всей этой прозаичной жизни. Докторъ привезъ было свою гитару, но она такъ и пролежала на пароходикѣ.

Двѣ женскихъ фигурки—миловидныя—мелькали передъ глазами. Но это какъ-то такъ, какъ второстепенное.

Тоже «женское», какъ величалъ сибирскій ямщикъ своихъ женщинъ.

У рабочаго человѣка, безъ капитала, С. Г. куда теплѣе и веселѣе.

8-го августа.

Третій день на маленькомъ буксирномъ пароходѣ. Мы единственные пассажиры.

Ночевали сегодня посреди Шилки. По обыкновенію, въ три часа ночи спустился туманъ и простояли до восьми утра.

Ночь тихая, сырая и гулкая. Это вода Шилки мутная, озабоченная, обгоняетъ насъ. Скорость воды здѣсь, по опредѣленію капитановъ, до 100 верстъ въ сутки. Вѣроятно, это такъ и есть, такъ какъ плесовъ, то-есть, тихихъ мѣстъ на рѣкѣ, гдѣ нѣтъ струекъ и водяныхъ вихрей, очень мало.

Часамъ къ десяти утра выяснилось и холодъ сразу смѣнился порядочной жарой,—одна параллель съ Харьковомъ чувствуется.

Все тѣ же гористые, пористые лѣса, пустынные берега. Въ нихъ медвѣди, козы. Ниже верстъ на 600 начнутся тигры. Черезъ 20—30 верстъ попадаются одинокіе домики—это почтовыя станціи, ихъ семь или какъ называютъ ихъ здѣсь,—семь смертныхъ грѣховъ.

Онѣ тянутся до села Покровскаго, тамъ, гдѣ сливаются Аргунь и Шилка, откуда, какъ извѣстно, и начинается уже Амуръ.

Переѣздъ отъ такой почтовой станціи до другой въ лодкѣ занимаетъ около сутокъ.

Мѣста живописны, иногда горы громоздятся и ближе жмутся къ рѣкѣ, иногда расходятся и, покрытыя синей дымкой, далекой декораціей стоятъ на горизонтѣ.

Но все пустынно: нѣтъ людей и не тянетъ къ себѣ своей пустыней эта далекая сторона: увидѣть и забыть.

Было пять часовъ вечера, когда мы подошли къ устью Аргуни.

Аргунь вышла подъ острымъ угломъ изъ за ряда высокихъ, зе-

леными лѣсомъ покрытыхъ сопокъ (или салачковъ, какъ здѣсь называютъ).

На мгновеніе мелькнула высокими горами сжатая долина Аргуни и даль уже китайскихъ владѣній.

На острой косѣ, между Аргунью и Шилкой, расположилось наше небольшое казацкое селеніе—Устъ-Стрѣлка *). Отсюда, ниже весь правый берегъ уже китайскій.

Такой же пустынный, покрытый рубленными лѣсами, какъ и нашъ. На его берегу стога сѣна—это казаки наши снимаютъ у китайцевъ ихъ угодья въ аренду.

По китайскому берегу въ голубой блузѣ и широкихъ штанахъ съ косой сзади пробирается китаецъ — это ноіонъ, — начальникъ пограничнаго поста. Вотъ его избушка. Этому ноіону пароходчики даютъ нѣсколько рублей и рубятъ китайскій лѣсъ на дрова, на сплавы и такъ же поэтому мало лѣса у китайцевъ, какъ и у насъ. Молодяжникъ растетъ, а отъ стараго только слѣды,—дорожка, по которой спускали его со ста-саженной высоты. Много такихъ слѣдовъ. Спущенный къ рѣкѣ лѣсъ вяжется въ плоты и спускается къ Благовѣщенску.

А еще черезъ полчаса мы пристали и къ станціи Покровской.

На мгновеніе улыбнулась было надежда, что стоявшій у берега большой пароходъ повезетъ насъ внизъ по рѣкѣ. Но, увы! большой пароходъ идетъ вверхъ, а внизъ часа четыре тому назадъ ушелъ почтовый, слѣдующій же пойдетъ не раньше трехъ дней.

По истинѣ, въ нашей злополучной поѣздкѣ какая-то скачка съ непреодолимыми препятствіями: и чѣмъ больше напряженія съ нашей стороны, тѣмъ все хуже выходитъ.

На нашъ вопросъ: сколько нашъ пароходъ взялъ бы за доставку насъ въ Благовѣщенскъ, отвѣтъ: «500—600 рублей».

Этого барьера, по крайней мѣрѣ, не перескочишь. Сегодня ночуемъ на пароходѣ, а завтра перебираемся на берегъ, если, впрочемъ, найдемъ квартиру, такъ какъ ни гостинницъ, ни постоялыхъ дворовъ нѣтъ. Ни того, ни другого не желаютъ всесильные здѣсь казаки.

Вечеряетъ. Мы стоимъ у берега. Зеркальная поверхность воды, прекрасный закатъ и тишина. Изрѣдка только нарушается она вздохами нашего парохода. Какъ загнанное животное при послѣднемъ издыханіи, онъ вздыхаетъ тяжело-тяжело.

---

*) Та самая Усть-Стрѣлка, къ которой пристали аргонавты бывшаго фрегата «Паллады» на сдѣланной ими самими въ Японіи шкунѣ «Хедѣ». Какъ извѣстно, остовъ фрегата «Паллады» за ветхостью былъ оставленъ въ Амурскомъ заливѣ, а экипажъ перешелъ на фрегатъ «Діану». Вслѣдствіе землетрясенія, бывшаго въ Японіи, «Діана» потерпѣла крушеніе и ее замѣнила самодѣльная «Хеда» («Фрегатъ Паллада», томъ седьмой, стр. 554, соч. И. А. Гончарова).

Вотъ розовой мглой охватило воду, вспыхнула она на мгновеніе въ отвѣтъ небу яркимъ заревомъ и задымилась вечернимъ туманомъ.

Огоньки загораются на берегу нашемъ и китайскомъ.

Село Покровское на небольшомъ отъ берега возвышеніи—все, какъ на ладони: двѣ церкви, нѣсколько зажиточныхъ домовъ, но большинство бѣдныхъ.

— Вотъ казаки, прямо сказать, грабятъ, а нищими живутъ: все въ кабакъ...

Это говоритъ пришедшій къ нашему капитану въ гости капитанъ большого парохода, на который мы возлагали было наши надежды. Мелкая фигурка, блондинъ, лѣтъ 35. Полный контрастъ съ нашимъ. Нашъ капитанъ старый морской волкъ, громадный, съ кожей темной и блестящей, какъ у моржа, 62 лѣтъ, молчаливый и несообщительный. Новый же капитанъ охотникъ поговорить и въ полчаса онъ разсказалъ много интереснаго. Онъ самъ казакъ, но признаетъ, что лѣнивѣе казака ничего нѣтъ на свѣтѣ.

Съ постройки Забайкальской и Уссурійской дорогъ, когда появились въ качествѣ рабочихъ китайцы, казаки возненавидѣли китайцевъ. Въ борьбѣ съ ними всѣ мѣры дозволительны. Ихъ убиваютъ, обкрадываютъ.

— Вы слыхали, вѣроятно, что вотъ китайцы дѣтей въ котлахъ варятъ. Выдумка голая: знаетъ, что вретъ и вретъ,—вретъ и вѣритъ уже самъ: самъ себя разжигаетъ... Вчера пришелъ я съ пароходомъ сюда: атаманъ на пароходъ: такъ и такъ, на какомъ основаніи китайцевъ пассажировъ на пароходѣ везете, паспорты у нихъ неисправные.—А я откуда знаю? Я не полиція... Пассажиръ сѣлъ, деньги отдалъ, больше до меня не касается. А вся штука въ томъ, что эти пассажиры взялись по три копѣйки съ пуда выгружать нашъ грузъ. Такъ вотъ откажи имъ, а казакамъ по пятаку отдай. А дай по пятаку, по гривеннику запросятъ, сами себя не помнятъ. Составилъ протоколъ, къ мировому тянетъ меня. Ну, однако, мировой не то, что было: можно сказать, съ ними пришелъ и законъ, наконецъ, старое пора и забыть.

— Хорошее было старое?

— Денной грабежъ былъ. У какого-нибудь полицейскаго чина въ полной власти... Какъ вотъ у китайцевъ, такая же организація...

— А китайцы ваши дѣйствительно были безъ паспортовъ?

— А безъ паспортовъ, шельмецы... Есть у нихъ что-то по ихнему написанное, а что такое, кто разберетъ? Настоящихъ паспортовъ ни у одного нѣтъ, у всѣхъ, кто здѣсь работаетъ... идутъ и идутъ... и нельзя ихъ не брать въ работу: кто жъ работать будетъ? Изъ-за чего же? Мы все изъ Манджуріи покупаемъ: и хлѣбъ, и мясо, и водку, а безъ нихъ мы досидѣлись бы до 20 рублей за пудъ говядины, какъ было во время Желтухинской республики...

На берегу въ раздумьи, слегка покачиваясь, стоитъ рабочій въ блузѣ, высокихъ сапогахъ, и слушаетъ, что говоритъ капитанъ.

Лицо его слегка вспухло, онъ свѣтлый блондинъ, маленькіе, умные глаза его впились въ говорящаго.

На послѣднія слова капитана онъ раздраженно говоритъ:

— Не придется...

— Что не придется?

— Не придется, и господинъ прокуроръ господъ китайцевъ, прохвостовъ и жуликовъ, вонъ выселитъ всѣхъ до послѣдняго на ту сторону (онъ показываетъ на китайскую границу)... Чтобы и казаки могли ѣсть хлѣбъ, который имъ посылается судьбой. И не для того посылается, чтобы его китайскимъ тварямъ отдавать. Такъ-съ... На копѣйку бы просилъ казакъ всего больше, и того нельзя уважить...

— Вотъ и слушайте его... А скажите имъ, что въ Россіи за пятачекъ 70 верстъ везутъ, да нагрузятъ и выгрузятъ...

— Россія намъ не указъ.

— Не указъ? А въ Америкѣ копѣйку за это самое платятъ.

— И Америка не указъ, а что вотъ господа пароходчики не достаточно гуманны къ рабочему русскому человѣку и въ свое время поплатятся за это, такъ это тоже вѣрно-съ.

— Ты рабочій? Пропойца чиновникъ...

— Вотъ...

Пропойца проговорилъ это съ горечью, протянулъ руку и вскрикнулъ патетически:

— О, незабвенный Некрасовъ... Помните-съ? Кому вольготно, весело живется на Руси? Купчинѣ толстопузому...

Съ трагическимъ жестомъ и энергично покачивая головой, онъ отошелъ къ небольшой группѣ казаковъ.

— Вотъ и разговаривайте съ ними,—съ не меньшей горечью сказалъ мой собесѣдникъ,—китаецъ въ день зарабатываетъ до 10 рублей на выгрузкѣ, русскому мало: дай двадцать, а за 1.000 верстъ провоза мы беремъ всего 20 копѣекъ. Изъ нихъ за нагрузку отдай пятакъ, да пятачекъ за выгрузку, что жъ останется? И вѣдь такъ и будутъ сидѣть, такъ и сидятъ, поджавши колѣни, вотъ какъ на... Ну-съ, мнѣ пора...

Капитанъ ушелъ, а я остался. Темнѣетъ. Синеватый, прозрачный туманъ заволакиваетъ горы, даль, село. Дымится рѣка, все такъ же тяжело стонетъ пароходъ. Какая-то фигура подошла къ берегу.

— Господинъ...

Я подхожу. Пропойца чиновникъ.

— У васъ выгрузки не будетъ?

— Завтра...

— Вы намъ?

— Вамъ...

— Я интеллигентный человѣкъ: копѣйки денегъ нѣтъ...

Я бросаю монету, онъ ловко ловитъ и съ ужимками быстро скрывается.

Пока стоялъ онъ, слушая разговоръ нашъ, прошло больше часа.

Въ это время шла выгрузка и онъ могъ бы заработать ровно въ десять разъ больше, чѣмъ то, что получилъ отъ меня.

— Истинно образованнаго человѣка сейчасъ видно,—раздается его поощрительный голосъ изъ темноты.

Мнѣ стыдно и за себя, и за него, и я быстро ухожу въ каюту.

Н. Гаринъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Послѣднія произведенія Ан. Чехова: «Случай изъ практики», «Новая дача», «По дѣламъ службы».—Тревожно-грустное настроеніе этихъ разсказовъ.—Гармоничное сліяніе художника и мыслителя.—Напряженность творчества и энергія въ изображеніи темныхъ сторонъ жизни.—Общественное значеніе этихъ произведеній.

Въ новыхъ произведеніяхъ Ан. Чехова, появившихся въ теченіе послѣдняго мѣсяца въ «Рус. Мысли», «Рус. Вѣдомостяхъ» и «Недѣлѣ», опять тревожно стучатся въ душу читателя неразрѣшимые вопросы жизни, которые съ особой болью и остротой даютъ себя чувствовать въ минуты глубокаго общественнаго затишья.

Бываютъ такія времена, когда кажется, будто телѣга жизни остановилась, застрявъ въ какомъ то болотѣ, изъ котораго не выбраться—ни влѣво, ни вправо податься некуда, и при каждой попыткѣ только глубже и глубже засасываетъ тина. Такое впечатлѣніе, конечно, обманчиво по существу, и процессъ жизни не останавливается. Только онъ совершается гдѣ-то глубоко-глубоко, носитъ почти молекулярный характеръ, и въ этомъ, пожалуй, заключается его огромное органическое значеніе. Но на поверхности, гдѣ мы только и можемъ наблюдать этотъ процессъ,—эта обманчивая тишина, отсутствіе движенія и мертвящая гладь вызываютъ нѣчто въ родѣ мистическаго ужаса при мысли, что жизнь такъ и замерла въ своей современной уродливой формѣ. Чувство неопредѣленной тревоги сжимаетъ сердце, а больная совѣсть возбуждаетъ вопросъ за вопросомъ, на которые текущая жизнь вовсе не даетъ отвѣта, и вниманіе все болѣе и болѣе сосредоточивается на жизни внутри насъ. Кажется, именно здѣсь скрыта причина всѣхъ причинъ, и важнѣйшіе *общіе* вопросы сводятся къ рѣшенію прежде всего вопроса *личной* жизни. Какъ будто каждый изъ насъ живетъ внѣ времени и пространства, какъ будто окружающее не имѣетъ ни малѣйшаго къ намъ отношенія, есть лишь отраженіе нашего *я*, которое властно повернуть жизнь такъ и этакъ! И нужно много стойкости, усилій воли, той особой дисциплины ума, которая вырабатывается опытомъ, наблюденіемъ и размышленіемъ, чтобы поставить вопросъ совершенно обратно, взглянуть на себя, какъ на маленькую часть огромнаго общественнаго организма, часть, которая всецѣло подчинена законамъ этого организма, вліяющимъ на нее такъ же стихійно, какъ законъ тяготѣнія, какъ солнце и воздухъ.

Въ своихъ произведеніяхъ послѣдняго времени Ан. Чеховъ даетъ рядъ такихъ типовъ съ чуткой душой и больной совѣстью, на которыхъ тягота жизни давитъ съ особой силой, именно потому, что они воспріимчивѣе другихъ, чувствительнѣе и нѣжнѣе. Въ первомъ изъ этихъ чудесныхъ по яркости художественнаго выполненія разсказовъ предъ нами настоящая больная, нервная и разбитая, хрупкое и симпатичное существо, на которое судьба взвалила тяжесть пяти огромныхъ фабричныхъ корпусовъ, гдѣ тысячи рабочихъ вырабатываютъ гнилые ситцы для азіатскихъ рынковъ. Огромные доходы отъ этой каторжной

работы камнемъ ложатся на душу бѣдной владѣлицы, которой въ сущности такъ мало нужно. Умный и вдумчивый врачъ, приглашенный къ этой оригинальной больной, раздавленной ея милліонами, невольно останавливается передъ этимъ вопіющимъ противорѣчіемъ.

Пацієнтка возбуждаетъ въ немъ глубокую жалость. Вначалѣ она кажется ему неинтересной и незначительной, но когда въ нервномъ припадкѣ она зарыдала, «впечатлѣніе существа убогаго и некрасиваго вдругъ исчезло, и Королевъ (врачъ) уже не замѣчалъ ни маленькихъ глазъ, ни грубо развитой нижней части лица; онъ видѣлъ мягкое страдальческое выраженіе, которое было такъ разумно и трогательно, и вся она казалась ему стройной, женственной, простой, и хотѣлось уже успокоить ее не лѣкарствами, не совѣтомъ, а простымъ, ласковымъ словомъ».

Окружающая обстановка, мать, любящая и ничего не понимающая, богатство, не скрашенное даже внѣшнимъ лоскомъ культуры, угрюмый гулъ фабричныхъ корпусовъ, и среди этого неуютнаго, ничѣмъ не осмысленнаго міра чахнущая отъ безсмыслицы жизни бѣдная дѣвушка—наводятъ доктора на размышленія. Зачѣмъ все это? Кому это нужно?

«Тутъ недоразумѣніе, конечно...—думалъ онъ, глядя на багровыя окна.—Тысячи полторы—двѣ фабричныхъ работаютъ безъ отдыха, въ нездоровой обстановкѣ, дѣлая плохой ситецъ, живутъ впроголодь и только изрѣдка въ кабакѣ отрезвляются отъ этого кошмара; сотня людей надзираетъ за работой и вся жизнь этой сотни уходитъ на записываніе штрафовъ, на брань, на несправедливости, и только двое-трое, такъ называемые хозяева, пользуются выгодами, хотя совсѣмъ не работаютъ и презираютъ плохой ситецъ. Но какія выгоды, какъ пользуются ими? Ляликова и ея дочь несчастны, на нихъ жалко смотрѣть; живетъ въ свое удовольствіе только одна Христина Дмитріевна (гувернантка больной дѣвушки), пожилая, глуповатая дѣвица въ pince-nez. И выходитъ такъ, что, значитъ, работаютъ всѣ эти пять корпусовъ и на восточныхъ рынкахъ продается плохой ситецъ для того только, чтобы Христина Дмитріевна могла кушать стерлядь и пить мадеру»...

И докторъ совершенно правъ, когда, разсматривая всю эту нелѣпую картину жизни съ исключительно личной точки зрѣнія, приходитъ къ оригинальному выводу, что и Христина Дмитріевна тутъ только подставное лицо, а «главное, для кого здѣсь все дѣлается—дьяволъ».

«И онъ думалъ о дьяволѣ, въ котораго не вѣрилъ... Ему казалось, что этими багровыми глазами на него смотрѣлъ самъ дьяволъ, та невѣдомая сила, которая создала отношенія между сильными и слабыми, эту грубую ошибку, которую теперь ничѣмъ не исправить. Нужно, чтобы сильный мѣшалъ слабому жить—таковъ законъ природы, но это понятно и легко укладывается въ мысль только въ газетной статьѣ или въ учебникѣ, въ той же кашѣ, какую представляетъ изъ себя обыденная жизнь, въ путаницѣ всѣхъ мелочей, изъ которыхъ сотканы человѣческія отношенія, это уже не законъ, а логическая несообразность, когда и сильный, и слабый одинаково падаютъ жертвой своихъ взаимныхъ отношеній, невольно покоряясь какой-то направляющей силѣ, неизвѣстной, стоящей внѣ жизни, посторонней человѣку»...

Отъ этихъ грустныхъ мыслей докторъ возвращается къ своей пацієнткѣ, которую застаетъ еще болѣе слабой и разбитой послѣ нервнаго припадка. Она, какъ бы провидя его думы, сама идетъ ему на встрѣчу, жалуется на одиночество, на пустоту жизни. Ему кажется, что есть только одинъ хорошій совѣтъ, который могъ бы улучшить ея душевное настроеніе—бросить всю эту жизнь, фабрику, милліоны и уйти.

«— Вы въ положеніи владѣлицы фабрики и богатой наслѣдницы недовольны, не вѣрите въ свое право и теперь вотъ не спите, это, конечно, лучше, чѣмъ

если бы вы были довольны, крѣпко спали и думали, что все обстоитъ благополучно. У васъ почтенная безсонница: какъ-бы ни было, она хорошій признакъ. Въ самомъ дѣлѣ, у родителей нашихъ былъ бы не мыслимъ подобный разговоръ, какъ вотъ у насъ теперь; по ночамъ они не разговаривали, а крѣпко спали, мы же, наше поколѣніе, дурно спимъ, томимся, много говоримъ и все рѣшаемъ, правы мы или нѣтъ. А для нашихъ дѣтей или внуковъ вопросъ этотъ, — правы они или нѣтъ,—будетъ уже рѣшенъ. Имъ будетъ виднѣе, чѣмъ намъ. Хорошая будетъ жизнь лѣтъ черезъ пятьдесятъ, жаль только, что мы не дотянемъ. Интересно было бы взглянуть.

«— Что же будутъ дѣлать дѣти и внуки?

«— Не знаю... Должно быть, побросаютъ все и уйдутъ.

«— Куда уйдутъ?

»— Куда?.. Да куда угодно, — сказалъ докторъ и разсмѣялся. — Мало ли куда можно уйти хорошему, умному человѣку»...

...Эти общія замѣчанія позволяемъ себѣ сдѣлать мимоходомъ, потому что къ разсказу Ан. Чехова прямого отношенія они не имѣютъ. «Случай изъ практики» есть именно только «случай», не поддающійся обобщенію Въ разсказѣ превосходно очерчено настроеніе «мятущейся души», подавленной непосильнымъ бременемъ жизни. Выхваченъ изъ сложной картины жизни одинъ яркій моментъ, въ которомъ съ особой силой проявляются противорѣчія, непримиримыя ни съ какой логикой, нелѣпыя сами по себѣ и тѣмъ болѣе тягостныя. Такіе моменты важны и поучительны всегда, и дорогъ художникъ, умѣющій съ поразительной живостью воспроизвести ихъ. Они важны, потому что именно тогда, какъ глубокою ночью при блескѣ молніи, вырѣзывается на хаотическомъ фонѣ житейской неурядицы вся нелѣпость исключительно личной жизни, не осмысленной и не упорядоченной одной общей, все объединяющей идеей, которая могла бы служить руководящей нитью сквозь мракъ и хаосъ удручающей современности. Они поучительны, потому что съ особой силой чувствуется въ эти моменты вся слабость уединенной личности, ея роковая зависимость отъ стихійной силы, дѣйствительно оказывающейся «дьяволомъ» для личности, не понимающей значенія этой силы. Въ темныхъ легендахъ средневѣковья только магъ и волшебникъ, близко изучившій тогдашняго дьявола, могъ справляться съ нимъ. Такихъ же пріемовъ—изслѣдованія и изученія — требуетъ и современный «дьяволъ», который при свѣтѣ науки оказывается вовсе не такъ страшенъ, какъ его малюютъ...

Уѣзжая отъ своей паціентки въ ясное воскресное утро, мечтательный докторъ «думалъ о томъ времени, быть можетъ, уже близкомъ, когда жизнь будетъ такою же свѣтлой и радостной, какъ это тихое, воскресное утро». И мы раздѣляемъ съ нимъ ту же надежду, иначе и жить бы не стоило,—но способъ, къ которому, по его мнѣнію, прибѣгнутъ дѣти и внуки для достиженія этой жизни, намъ представляется мало дѣйствительнымъ, не говоря уже объ его неосуществимости.

Въ другомъ разсказѣ «Новая дача» Чеховъ рисуетъ не менѣе яркую картину житейской нелѣпости, которая разыгрывается въ деревнѣ, гдѣ такая же «мятущаяся душа» желаетъ найти примиреніе съ жизнью въ работѣ для деревни—и не находитъ.

По художественности «Новая дача», пожалуй, лучшая вещь изъ написанныхъ за послѣднее время Чеховымъ. Въ ней все движеніе и жизнь, крестьянскіе типы очерчены съ тонкимъ юморомъ, смягчающимъ рѣзкость и неприглядность мрачной деревенской жизни. Разсказъ, какъ и всѣ произведенія Чехова, не замысловатъ и простъ. Въ глухую деревушку, вблизи которой проводятъ желѣзную дорогу, пріѣзжаетъ строитель моста и устраиваетъ себѣ усадьбу. Его небольшая дача, лежащая въ сторонѣ, ни мало не мѣшаетъ деревнѣ, но

жители сразу настраиваются къ новымъ поселенцамъ враждебно. Они и сами не знаютъ, что имъ такъ мѣшаетъ новая дача. Но при первой возможности они устраиваютъ инженеру пакость, загоняютъ его лошадей и дорогой скотъ, хотя сами травятъ его луга и лѣсъ. Инженеръ пытается уладить эти отношенія и при встрѣчѣ съ крестьянами заводитъ длинное объясненіе.

«— Я давно уже хочу поговорить съ вами, братцы,—говоритъ онъ,—дѣло вотъ въ чемъ. Съ самой ранней весны каждый день у меня въ саду и въ лѣсу бываетъ ваше стадо. Все вытоптано, свиньи изрыли лугъ, портятъ огородъ, а въ лѣсу пропалъ весь молоднякъ. Сладу нѣтъ съ вашими пастухами; ихъ просишь, а они грубятъ. Каждый день у меня потрава, и я ничего, я не штрафую васъ, не жалуюсь,—между тѣмъ вы загнали моихъ лошадей и бычка, взяли пять рублей. Хорошо ли это? Развѣ это по сосѣдски?—продолжалъ онъ, и голосъ у него былъ такой мягкій, убѣдительный, и взглядъ не суровый.—Развѣ такъ поступаютъ порядочные люди? Недѣлю назадъ кто-то изъ вашихъ срубилъ у меня въ лѣсу два дубка. Вы перекопали дорогу въ Ереснево, и теперь мнѣ приходится дѣлать три версты кругу. За что же вы мнѣ вредите на каждомъ шагу? Что я сдѣлалъ вамъ дурного, скажите ради Бога? Я и жена изо всѣхъ силъ стараемся жить съ вами въ мирѣ и согласіи, мы помогаемъ крестьянамъ, какъ можемъ. Жена моя сердечная, добрая женщина, она не отказываетъ въ помощи, это ея мечта быть полезной вамъ и вашимъ дѣтямъ. Вы же за добро платите намъ зломъ. Вы несправедливы, братцы. Подумайте объ этомъ. Убѣдительно прошу васъ, подумайте. Мы относимся къ вамъ по человѣчески, платите и вы намъ тою же монетой».

Такое патетическое воззваніе къ добрымъ чувствамъ крестьянъ остается ими, конечно, не понятымъ и получаетъ совершенно иное истолкованіе въ пересказѣ добродушнаго кузнеца Родіона: «Платить, говоритъ, надо... Монетой, говоритъ... Монетой не монетой, а ужъ по гривеннику со двора надо бы. Ужъ очень обижаемъ барина. Жалко мнѣ»...

Родіонъ человѣкъ душевный, любитъ миръ, тишину, врагъ пьянства и буйства. Зато другіе, въ особенности его сынъ, Володька, и Лычковы, отецъ съ сыномъ,—это буйные протестанты. Они вѣчно противъ всего и всѣхъ, хотя, конечно, и сами рѣшительно не могутъ понять, почему ихъ возмущаетъ и строющійся мостъ («не надо намъ моста... жили безъ него»...), и новая дача, такая нарядная и красивая, и пришлая барыня, тихая, добрая, ласковая. Они несчастны, вѣчно избиты, пьяны, грязны, голодны, и въ этомъ противорѣчіи между собой и новыми непонятными имъ явленіями чувствуютъ поводъ для постояннаго раздражительнаго недовольства. Оно вспыхиваетъ съ особенной силой въ тѣ минуты, когда обращаются къ ихъ добрымъ чувствамъ. Безотчетно, но съ тѣмъ большею жестокостью проявляется эта враждебность по отношенію къ барынѣ, которая всей душой стремится быть полезной, нужной именно имъ, такимъ забитымъ нуждою, всѣми забытымъ людямъ.

Барыня дѣлаетъ попытки личнаго непосредственнаго сближенія съ деревней. Она просто и откровенно объясняетъ, что ее влечетъ сюда. Придя въ деревню, она въ бесѣдѣ съ Родіономъ изливаетъ душу. На замѣчаніе Родіоновой жены, добродушной старухи, что богатымъ и на этомъ, и на томъ свѣтѣ живется лучше, она отвѣчаетъ отрицательно и въ примѣръ приводитъ себя.

«Это только такъ кажется, что богатымъ легко... У каждаго человѣка свое горе. Вотъ мы, я и мой мужъ, живемъ не бѣдно, у насъ есть средства, но развѣ мы счастливы? Я еще молода, но у меня уже четверо дѣтей; дѣти все болѣютъ, я тоже постоянно больна, все лѣчусь... Я вотъ сижу, говорю, а въ головѣ нехорошо, слабость во всемъ тѣлѣ, и я согласна, пусть лучше самый тяжелый трудъ, чѣмъ такое состояніе. И душа тоже непокойна. Постоянно боишься за дѣтей, за мужа. У каждой семьи есть свое какое-нибудь горе, есть

оно и у насъ. Я не дворянка. Дѣдъ мой былъ простой крестьянинъ, отецъ торговалъ въ Москвѣ и тоже былъ простой человѣкъ. А у моего мужа родители знатные и богатые. Они не хотѣли, чтобы онъ женился на мнѣ, но онъ ослушался, поссорился съ ними, и вотъ они до сихъ поръ не прощаютъ насъ. Это безпокоитъ мужа, волнуетъ, держитъ въ постоянной тревогѣ; онъ любитъ свою мать, очень любитъ. Ну я и безпокоюсь. Душа болитъ.

«Около избы Родіона уже стояли мужики и бабы и слушали. Подошелъ и Козовъ (мѣстный скептикъ) и остановился, потряхивая своей узкой бородкой. Подошли Лычковы, отецъ и сынъ.

«— И то сказать, нельзя быть счастливымъ и довольнымъ, если не чувствуешь себя на своемъ мѣстѣ, — продолжала Елена Ивановна.—Каждый изъ васъ имѣетъ свою полосу, каждый изъ васъ трудится и знаетъ, для чего трудится: мужъ мой строитъ мосты, однимъ словомъ, у каждаго свое мѣсто. А я? Я только хожу. Полосы у меня своей нѣтъ, я не тружусь и чувствую себя, какъ чужая. Все это я говорю, чтобы вы не судили по наружному виду, если человѣкъ богато одѣтъ и имѣетъ средства, то это еще не значитъ, что онъ доволенъ своей жизнью.

«Она встала, чтобы уходить, и взяла за руку дочь.

«— Мнѣ у васъ здѣсь нравится,—сказала она и улыбнулась; и по этой слабой, несмѣлой улыбкѣ можно было судить, какъ она въ самомъ дѣлѣ нездорова, какъ еще молода и какъ хороша собой; у нея было блѣдное, худощавое лицо съ темными бровями и бѣлокурые волосы. И дѣвочка была такая же, какъ мать, худощавая, бѣлокурая и тонкая. Пахло отъ нихъ духами.

«— И рѣка нравится, и лѣсъ, и деревня...—продолжала Елена Ивановна.—Я могла бы прожить тутъ всю жизнь, и мнѣ кажется, здѣсь бы я выздоровѣла и нашла свое мѣсто. Мнѣ хочется, страстно хочется помогать вамъ, быть вамъ полезной, близкой. Я знаю вашу нужду, а то, чего не знаю, чувствую, угадываю сердцемъ. Я больна, слаба, и для меня, пожалуй, уже невозможно измѣнить свою жизнь, какъ я хотѣла бы. Но у меня есть дѣти, я постараюсь воспитать ихъ такъ, чтобы они привыкли къ вамъ, полюбили васъ. Я буду внушать имъ постоянно, что ихъ жизнь принадлежитъ не имъ самимъ, а вамъ. Только прошу васъ убѣдительно, умоляю, довѣряйте намъ, живите съ нами въ дружбѣ. Мой мужъ добрый, хорошій человѣкъ. Не волнуйте, не раздражайте его... Прошу васъ,—продолжала она умоляющимъ голосомъ и сложила руки на груди,—прошу, относитесь къ намъ, какъ добрые сосѣди, будемъ жить въ мирѣ! Сказано вѣдь, худой миръ лучше доброй ссоры, и не купи имѣніе, а купи сосѣда. Повторяю, мой мужъ добрый человѣкъ, хорошій; если все будетъ благополучно, то мы, обѣщаю вамъ, сдѣлаемъ все, что въ нашихъ силахъ, мы починимъ дороги, мы построимъ вашимъ дѣтямъ школу».

Этотъ трогательный, хотя и такой наивный призывъ къ любви, миру и согласію, не вызываетъ сочувствія, разбиваясь о скептицизмъ глупаго Козова и враждебное настроеніе прирожденныхъ протестантовъ Володьки («не надо намъ школы!..») и пьяныхъ Лычковыхъ. Бѣдная барыня совсѣмъ съеживается, пугается и спѣшитъ уйти. Толпа тупо глядитъ ей въ слѣдъ, и только добродушно-глуповатый Родіонъ пытается по своему утѣшить ее, разъяснить, что дѣло не въ грубости Козова или Володьки, а въ чемъ-то другомъ.

«— Не обижайся, барыня! чего тамъ, ты потерпи. Года два потерпи. Поживешь тутъ, потерпишь, и все обойдется. Народъ у насъ хорошій, смирный... Народъ ничего, какъ передъ Истиннымъ говорю... Иной, знаешь, радъ бы слово сказать по совѣсти, вступиться, значитъ, да не можетъ. И душа есть, и совѣсть есть, да языка въ немъ нѣтъ... Ты ничего...—бормоталъ онъ.—Потерпи годика два. И школу можно, и дороги можно, а только не сразу. Хочешь, скажемъ къ примѣру, посѣять на этомъ бугрѣ хлѣбъ, такъ сначала выкорчуй, выбери комки всѣ, да

потомъ вспаши, ходи да ходи .. И съ народомъ, значитъ, такъ... ходи да ходи, пока не осилишь»...

Въ концѣ концовъ инженеръ не выдерживаетъ постоянной мелкой травли сосѣдей и бѣжитъ, продавъ дачу чиновнику, который огородился, заперся и знать не знаетъ ни мужиковъ, ни ихъ нуждъ и желаній. Изрѣдка, возвращаясь съ работы, крестьяне вспоминаютъ прежнихъ господъ и думаютъ. «Въ ихъ деревнѣ,— думаютъ они,—народъ хорошій, смирный, разумный, Бога боится, и Елена Ивановна тоже смирная, добрая, кроткая, было такъ жалко глядѣть на нее, но почему же они не ужились, а разошлись, какъ враги? Что это былъ за туманъ, который застилалъ отъ глазъ самое важное, и видны были только потравы, уздечки, клещи, и всѣ эти мелочи, которыя теперь при воспоминаніи кажутся такимъ вздоромъ? Почему съ новымъ владѣльцемъ живутъ въ мирѣ, а съ инженеромъ не ладили»?

Авторъ не даетъ отвѣта на эти думы, которыя вызываютъ цѣлую вереницу другихъ, тоже невеселыхъ и безотвѣтныхъ. Почему труднѣе всего подойти къ человѣку открыто, прямо, внѣ всякихъ рамокъ, въ которыя поставленъ каждый изъ насъ,—какъ это хотѣла сдѣлать Елена Ивановна? Объясненіе добродушнаго Родіона, можетъ быть, и вѣрно, но оно не менѣе нелѣпо, чѣмъ самый фактъ. Чтобы дѣлать людямъ добро, надо ходить около нихъ цѣлые годы, «терпѣть» предварительно и путемъ терпѣнія добиться права быть добрымъ, не возбуждая злобныхъ выходокъ и подозрѣній...

Тема, затронутая Чеховымъ, не новая и часто служила для Гл. Успенскаго иллюстраціей непримиримости деревенскаго міросозерцанія и кающагося интеллигента. который вмѣсто распростертыхъ объятій встрѣчаетъ въ деревнѣ вражду. Только Успенскій обобщалъ эти столкновенія, видя въ нихъ продуктъ старыхъ крѣпостныхъ отношеній, не допускающихъ вполнѣ человѣчныхъ отношеній въ деревенскомъ людѣ, для котораго и самый искренній интеллигентъ все же представлялся баріномъ. Теперь эти старыя воспоминанія значительно сгладились, но не создалась зато и новая почва, на которой обѣ стороны могли бы сойтись, какъ равныя. Такая почва создается только общностью интересовъ, а они такъ еще спутаны и не ясны для обѣихъ сторонъ, что если и есть какая почва для взаимныхъ отношеній, то безъ крупныхъ недоразумѣній дѣло никогда не обходится. Деревня можетъ понять только опредѣленный, матеріально выражающійся интересъ, и трогательныя наивныя рѣчи Елены Ивановны ей чужды и непонятны, какъ показались бы странны такія же рѣчи со стороны деревни по адресу того или иного интеллигента, котораго деревня не знаетъ и къ которому обратилась бы вдругъ съ изъявленіями любви, дружбы и всяческихъ симпатій. Теперь между нами и деревней существуютъ тысячи перегородокъ, и можно годами жить въ деревнѣ и не быть съ ней связаннымъ непосредственно хотя бы въ пустякахъ, въ родѣ, напримѣръ. выбора общаго сотскаго. А интересы такіе существуютъ несомнѣнно, и время все настойчивѣе указываетъ на необходимость разбить перегородки, окружающія деревню, какъ своего рода стекляннымъ колпакомъ. Теперь существуетъ назойливо бьющая въ глаза ненормальность, что масса лицъ. живущихъ въ предѣлахъ деревни, лишены правъ обсуждать вмѣстѣ съ нею общія дѣла, какія встрѣчаются на каждомъ шагу. Послѣдній пропойца можетъ принимать участіе въ сходѣ и подавать голосъ, выбирать судей и должностныхъ лицъ, но не принадлежащій къ обществу, хотя неменѣе его заинтересованный мѣстный обыватель, живи онъ тутъ хоть сто лѣтъ,—лишенъ права и возможности непосредственнаго воздѣйствія на дѣла міра. Идетъ ли вопросъ объ учрежденіи школы, въ которой будутъ учиться и его дѣти, или о проведеніи новой общей для всѣхъ дороги, или о необходимости столь важныхъ для деревни противопожарныхъ мѣръ, выборѣ новыхъ должностныхъ лицъ, на которыхъ и съ него идетъ слѣдуемая

сумма,—все равно, такой обыватель, кто бы онъ ни былъ, стоитъ въ сторонѣ. А между тѣмъ, за послѣдніе годы такихъ не приписанныхъ къ обществамъ жителей можно встрѣтить въ любой деревни,—есть такія села, гдѣ они составляютъ особыя поселенія,—и по большей части это самый культурный слой деревенскаго населенія, прямое участіе котораго въ жизни деревни не только желательно, но необходимо. Къ сожалѣнію, имъ можно фигурировать въ деревенской жизни только въ роли разныхъ благотворителей,—почва, самая ненадежная, даже при самыхъ искреннихъ отношеніяхъ съ обѣихъ сторонъ.

Жизнь стучится въ замкнутыя двери деревенскаго міра, и въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ эти двери откроются, только не для слабыхъ и больныхъ душою, хотя такихъ искреннихъ и добрыхъ людей, какъ бѣдная Елена Ивановна. Здѣсь нужны здоровые, сильные люди, которые были бы живо заинтересованы всѣми неурядицами современной деревни и могли бы принять непосредственное участіе въ борьбѣ съ ними. До сихъ поръ ихъ деревня знаетъ лишь въ образѣ случайно занесеннаго человѣка—«По дѣламъ службы», какъ называется третій разсказъ Чехова, напечатанный въ «Недѣлѣ». Какъ два предъидущіе, разсказъ проникнутъ однимъ общимъ для нихъ настроеніемъ печали, грустнаго сознанія ненужности того, что дѣлается, и тоски о лучшихъ человѣчныхъ отношеніяхъ между людьми, теперь такими чуждыми другъ другу, разрозненными и одинокими.

Въ деревнѣ застрѣлился молодой человѣкъ, земскій страховой агентъ, и на слѣдствіе пріѣзжаютъ два молодыхъ чиновника, докторъ и слѣдователь. Они запоздали, явились только на третій день, да и то къ ночи, и слѣдствіе опять откладывается на утро. Докторъ уѣзжаетъ къ сосѣднему знакомому помѣщику, а слѣдователь рѣшается заночевать въ земской квартирѣ, гдѣ въ другой половинѣ лежитъ трупъ самоубійцы подъ охраной понятыхъ и сотскаго. Этотъ сотскій, или, какъ онъ самъ себя величаетъ «цоцкай», Лошадинъ, суетливый, добродушный старикъ, принимаетъ живѣйшее участіе во всемъ дѣлѣ и является центральной фигурой разсказа. Приготовивъ слѣдователю постель и самоваръ, онъ занимаетъ его разговоромъ, повѣтствуя и о своей несложной жизни, и о покойномъ земскомъ агентѣ Лѣсницкомъ, трупъ котораго сторожатъ за перегородкой понятые. Вся жизнь сотскаго ушла въ ходьбу. «Послѣ воли черезъ пять лѣтъ сталъ ходить, вотъ и считай. Съ этого время каждый день хожу. У людей праздникъ, а я все хожу. На дворѣ Святая, въ церквахъ звонъ, Христосъ воскресе, а я съ сумкой... Въ казначейство, на почту, къ становому, къ земскому, къ податному, въ управу, къ господамъ, къ мужикамъ, ко всѣмъ православнымъ христіанамъ. Ношу пакеты, повѣстки, окладные листы, письма, бланки разные, вѣдомости и, значитъ, господинъ хорошій, ваше высокоблагородіе, нынче такіе бланки пошли, чтобы цифры записывать—желтые, бѣлые, красные,—и всякій баринъ, или батька, или богатый мужикъ безпремѣнно записать долженъ разъ десять въ годъ, сколько у него посѣяно и убрано, сколько у него четвертей, или пудовъ ржи, сколько овса, сѣна и какая, значитъ, погода и разныя тамъ насѣкомыя. Конечно, пиши, что хочешь, тутъ одна форма, а ты ходи, раздавай листки, а потомъ ходи и собирай. Вотъ, къ примѣру сказать, барина потрошить не къ чему, самъ знаешь, пустое дѣло, только руки поганить, а ты вотъ потрудился, ваше высокоблагородіе, пріѣхалъ, потому форма; ничего тутъ не подѣлаешь. Тридцать лѣтъ хожу по формѣ»... Разсказываетъ онъ и про Лѣсницкаго, земскаго агента, который все тосковалъ... «Ходитъ и все въ землю глядитъ, глядитъ и молчитъ; окликнешь его у самаго уха: «Сергѣй Сергѣичъ!»—а онъ оглянется этакъ:—«А?»—и опять глядитъ въ землю. А теперь, видишь, руки на себя наложилъ. Нескладно, ваше высокоблагородіе, неправильно это самое и не поймешь, что это такое на свѣтѣ, Господи милостивый»..:

Эти разговоры, вой мятели на дворѣ, неуютная обстановка мѣшаютъ слѣдователю спать, досаждаютъ ему. Ему думается, «какъ все это—и метель, и изба, и старикъ, и мертвое тѣло, лежавшее въ сосѣдней комнатѣ,—какъ все это было далеко отъ той жизни, какой онъ хотѣлъ для себя, и какъ все это было чуждо для него, мелко, неинтересно. Если бы этотъ человѣкъ убилъ себя въ Москвѣ, или гдѣ-нибудь подъ Москвой, и пришлось бы вести слѣдствіе, то тамъ это было бы интересно, важно и, пожалуй, даже было бы страшно спать по сосѣдству съ трупомъ; тутъ же, за тысячу верстъ отъ Москвы, все это какъ будто иначе освѣщено, все это не жизнь, не люди, а что-то существующее только «по формѣ», какъ говоритъ сотскій Лошадинъ, все это не оставитъ въ памяти ни малѣйшаго слѣда и забудется, едва только онъ, Лыжинъ, выѣдетъ изъ деревни. Родина, настоящая Россія—это Москва, Петербургъ, а здѣсь провинція, колонія; когда мечтаешь о томъ, чтобы играть роль, быть популярнымъ, быть, напримѣръ, слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ, или прокуроромъ окружного суда, быть свѣтскимъ львомъ, то думаешь непремѣнно о Москвѣ. Если жить, то въ Москвѣ, здѣсь же ничего не хочется, легко миришься со своей незамѣтной ролью и только ждешь одного отъ жизни—скорѣе бы уйти, уйти»...

Пріѣздъ доктора отрываетъ его отъ полудремотныхъ мыслей на эту тему. Докторъ зоветъ его къ сосѣду, у котораго можно пріятно провести вечеръ и съ удобствомъ переночевать. Быстрый переходъ отъ унылой земской квартиры съ ея покойникомъ, понятыми, сотскимъ, къ яркой, веселой и спокойной жизни сосѣда помѣщика вызываетъ еще болѣе раздражающее чувство безсвязности этой жизни, въ которой все какъ-то само по себѣ, безъ всякаго отношенія другъ къ другу. Сосѣдъ Тауницъ, бывшій прокуроръ, его милая интеллигентная семья, хорошая обстановка какъ-то бередятъ мысли Лыжина, разрываютъ ихъ, не даютъ ему найти какой либо центръ въ его собственной жизни, центръ, съ котораго онъ могъ бы осмыслить все, привести въ порядокъ и найти мѣсто для самого себя. Подъ шумъ и вой разыгравшейся метели сонъ его безпокойный. Ему мерещится во снѣ земская квартира, самоубійца и сотскій.

«Потомъ ему представилось, будто Лѣсницкій и сотскій Лошадинъ шли въ полѣ по снѣгу, бокъ-о-бокъ, поддерживая другъ друга; метель кружила надъ ними, вѣтеръ дулъ въ спины, а они шли и подпѣвали: «Мы идемъ, мы идемъ, мы идемъ».—Старикъ былъ похожъ на колдуна въ оперѣ, и оба въ самомъ дѣлѣ пѣли точно въ театрѣ: «Мы идемъ, мы идемъ. мы идемъ... Вы въ теплѣ, вамъ свѣтло, вамъ мягко, а мы идемъ въ морозъ, въ метель, по глубокому снѣгу... Мы не знаемъ покоя, не знаемъ радостей... Мы несемъ на себѣ всю тяжесть этой жизни, и своей, и вашей... У-у-у! Мы идемъ, мы идемъ, мы идемъ...»

«Лыжинъ проснулся и сѣлъ въ постели. Какой смутный, нехорошій сонъ! И почему агентъ и сотскій приснились вмѣстѣ? Что за вздоръ! И теперь, когда у Лыжина сильно билось сердце и онъ сидѣлъ въ постели, охвативъ голову руками, ему казалось, что у этого страхового агента, и у сотскаго въ самомъ дѣлѣ есть что-то общее въ жизни. Не идутъ-ли они и въ жизни бокъ-о-бокъ, держась другъ за друга? Какая-то связь невидимая, но значительная существуетъ между обоими, даже между ними и Тауницемъ, и между всѣми, всѣми; въ этой жизни, даже въ самой пустынной глуши, ничто не случайно, все полно одной общей мысли, все имѣетъ одну душу, цѣль, и чтобы понимать это, мало думать, мало разсуждать, надо еще, вѣроятно, имѣть даръ проникновенія въ жизнь, даръ, который дается, очевидно, не всѣмъ. И несчастный, надорвавшійся, убившій себя «неврастеникъ», какъ называлъ его докторъ, и старикъ мужикъ, который всю жизнь каждый день ходитъ отъ человѣка къ человѣку,—это случайности, отрывки жизни для того, кто и свое существованіе считаетъ случай-

нымъ, и это части одного организма, чудеснаго и разумнаго, для того, кто и свою жизнь считаетъ частью этого общаго и понимаетъ это. Такъ думалъ Лыжинъ, и это было его давней затаенной мыслью и только теперь она развернулась въ его сознаніи широко и ясно.

«Онъ легъ и сталъ засыпать; и вдругъ опять они идутъ вмѣстѣ и поютъ:

«— Мы идемъ, мы идемъ, мы идемъ... Мы беремъ отъ жизни то, что въ ней есть самаго тяжелаго и горькаго, а вамъ оставляемъ легкое и радостное, и вы можете, сидя за ужиномъ, холодно и здраво разсуждать, отчего мы страдаемъ и гибнемъ, и отчего мы не такъ здоровы и довольны, какъ вы.

«То, что они пѣли, и раньше приходило ему въ голову, но эта мысль сидѣла у него какъ-то позади другихъ мыслей и мелькала робко, какъ далекій огонекъ въ туманную погоду. И онъ чувствовалъ, что это самоубійство и мужицкое горе лежатъ и на его совѣсти; мириться съ тѣмъ, что эти люди, покорные своему жребію, взвалили на себя самое тяжелое и темное въ жизни— какъ это ужасно! Мириться съ этимъ, а для себя желать свѣтлой, шумной жизни среди счастливыхъ, довольныхъ людей и постоянно мечтать о такой жизни—это значитъ постоянно мечтать о новыхъ самоубійствахъ людей, задавленныхъ трудомъ и заботой, или людей слабыхъ, заброшенныхъ, о которыхъ только говорятъ иногда за ужиномъ, съ досадой или усмѣшкой, но къ которымъ не идутъ на помощь... И опять:

«— Мы идемъ, мы идемъ, мы идемъ...»

Метель задерживаетъ доктора и слѣдователя на цѣлыя сутки у сосѣда, а на третій день, когда они садятся въ сани, чтобы ѣхать на слѣдствіе, передъ ними выростаетъ сотскій Лошадинъ съ неизмѣнной сумкой черезъ плечо, безъ шапки, весь въ снѣгу и убѣдительно-заискивающе докладываетъ:

— «Ваше высокоблагородіе, народъ безпокоится... Народъ очень безпокоится, ребята плачутъ... Думали, ваше благородіе, что вы опять въ городъ уѣхали... Явите божескую милость, благодѣтели наши»...

Насъ всегда чрезвычайно интересовалъ вопросъ, почему наша молодежь, повидимому, такая бодрая, полная готовности къ самопожертвованію на благо другихъ,— съ такой поразительной легкостью превращается въ заурядныхъ людей, живущихъ и дѣйствующихъ «по формѣ». Лыжинъ только типичный представитель молодыхъ дѣятелей въ русскомъ вкусѣ. Въ годы университетской жизни человѣкъ кипитъ, горитъ, всѣмъ сердцемъ чувствуетъ свою связь съ общей массой не только своего народа, но даже всего міра. Мысли, навѣянныя сномъ Лыжина, это постоянный предметъ разговоровъ и споровъ о всякихъ «измахъ». Но вотъ человѣкъ вступаетъ въ жизнь, сталкивается въ дѣйствительности съ «соціальными факторами», только не въ видѣ священныхъ формулъ того или иного признаннаго учителя, а въ видѣ живыхъ людей, страдающихъ и борющихся,—и ничего не понимаетъ, не видитъ и не слышитъ. Получается именно то, что мѣтко выражаетъ Чеховъ въ думахъ Лыжина: все это мелочь, пустяки, не жизнь, а такъ себѣ, а важное, существенное гдѣ-то тамъ—въ книгѣ, въ спорахъ, въ увлекательныхъ стройныхъ положеніяхъ разработанной научной системы.

Въ героѣ разсказа старыя задушевныя мысли всплываютъ подъ вліяніемъ страннаго сна, но врядъ ли надолго. Какъ и огромное большинство, онъ подчинится условіямъ жизни, гдѣ нѣтъ мѣста этимъ важнымъ мыслямъ, гдѣ нѣтъ почвы для ихъ проведенія въ жизнь. Чтобы чувствовать на каждомъ шагу живую связь съ массою, надо, чтобы между людьми были постоянно живыя нити взаимнаго общенія, взаимныхъ интересовъ. Гдѣ каждый живетъ въ перегородкахъ, отдѣляющихъ его живую личность отъ другихъ, гдѣ форма на первомъ планѣ, а содержаніе сводится къ бумагѣ, къ отношеніямъ и предписаніямъ, властно подчинившимъ себѣ живую жизнь, тамъ не на чемъ развить мысль въ дѣло. Огромное большинство, масса, составляющая націю, народъ,

состоитъ не изъ героевъ, а изъ среднихъ людей, которые подчиняются охотнѣе чѣмъ борются, и всегда идутъ въ направленіи наименьшаго сопротивленія. И пока незамѣтно созидающіеся новые запросы и требованія не разобьютъ этихъ перегородокъ, до тѣхъ поръ наталкивать и наводить на эти мысли будетъ литература, а не жизнь.

Тѣмъ цѣннѣе для насъ эти чудные разсказы Чехова, въ которыхъ столько острой боли и щемящей сердце тоски.

Мучительно-тревожное настроеніе чуткаго и вдумчиваго художника отдается въ душѣ читателя, будитъ его притупившуюся къ житейскимъ неурядицамъ чувствительность, заставляетъ дать отчетъ въ своей жизни и дѣятельности. Художникъ является въ данномъ случаѣ выразителемъ тѣхъ глубоко скрытыхъ общественныхъ настроеній, которыя назрѣваютъ въ массѣ общества, еще безсознательныхъ, но уже властныхъ и многозначительныхъ. «Такъ жить дольше нельзя»,—этотъ горькій выводъ воплощается въ рядѣ грустныхъ картинъ, понятныхъ всѣмъ, кто еще имѣетъ уши, чтобы слышать, и глаза, чтобы видѣть.

А. Б.

Русскіе переводы I тома «Капитала» Маркса.

(ЗАМѢТКА).

На нашемъ книжномъ рынкѣ появилось одинъ за другимъ 3 перевода главнаго труда Маркса. Въ концѣ марта 1898 года вышелъ 2 изданіемъ значительно переработанный переводъ 1872 г. Тотъ же переводъ въ сентябрѣ вышелъ 3-мъ изданіемъ. Нѣсколько раньше вышелъ переводъ нѣкоего доктора математики Любимова. И, наконецъ, въ концѣ сентября появился первый выпускъ «Капитала» въ переводѣ подъ редакціей П. Струве.

Такимъ образомъ, передъ русскимъ читателемъ 3 перевода (вѣрнѣе, какъ увидитъ читатель, два перевода); какому же слѣдуетъ отдать предпочтеніе?

Остановимся пока на двухъ переводахъ—анонимнаго переводчика и подъ редакціей г. Струве.

При сравненіи этихъ переводовъ прежде всего бросается въ глаза различіе терминологіи: нѣмецкіе термины Werth, Tauschwerth, Gebrauchswerth, Mehrwerth первый русскій переводчикъ передаетъ словами «стоимость», «мѣновая стоимость», «потребительная стоимость», «прибавочная стоимость». П. Б. Струве для тѣхъ же понятій употребляетъ выраженія—«цѣнность», «мѣновая цѣнность», «потребительная цѣнность», «прибавочная цѣнность». Спрашивается, имѣлъ ли г. Струве достаточныя основанія, чтобы разойтись съ установившейся въ нашей литературѣ терминологіей и ввести иную? Не нужно забывать, что первый русскій переводъ Маркса въ теченіе болѣе 25 лѣтъ былъ единственнымъ. Большинство русскихъ читателей знакомилось съ Марксомъ по этому переводу. Термины этого перевода вошли въ общее употребленіе, стали привычными нашему уху и тѣсно ассоціировались съ выражаемыми ими понятіями. Удачно или неудачно выбранъ былъ русскій терминъ для передачи того или иного нѣмецкаго выраженія Маркса, за пользованіе этимъ терминомъ говоритъ уже фактъ продолжительности такого пользованія. Новая терминологія всегда имѣетъ то неудобство, что съ ней не соединяется никакихъ привычныхъ ассоціацій, или даже эти ассоціаціи противодѣйствуютъ правильному пониманію термина. Читателю приходится переучиваться, выражать обычныя понятія новыми словами—что непріятно, обременительно и неудобно. Только крайняя необходимость можетъ оправдать измѣненіе обычной терминологіи.

Въ предисловіи ко второму изданію анонимный переводчикъ касается во-

проса, какъ слѣдуетъ передавать на русскомъ языкѣ понятія Werth, Valeur, Value,—«стоимость» или «цѣнность» и рѣшительно высказывается въ пользу перваго термина. Переводъ подъ редакціей г. Струве, къ сожалѣнію, не имѣетъ предисловія. Читатель остается въ невѣдѣніи, почему г. Струве, не взирая на доводы перваго переводчика, призналъ нужнымъ переводить Werth словомъ «цѣнность». Такъ какъ мы считаемъ терминологію г. Струве вполнѣ правильной, а терминологію перваго перевода не только не удачной, но и прямо невѣрной, вводящей читателя въ заблужденіе и затемняющей смыслъ излагаемыхъ ученій, то мы и возьмемъ на себя обязанность г. Струве и постараемся показать, почему понятію Werth, Valeur, Value на русскомъ языкѣ должно соотвѣтствовать слово «цѣнность», а никакъ не «стоимость».

Обратимся прежде всего къ разговорному языку. Оба выраженія «цѣнность» и «стоимость» не изобрѣтены наукой, а заимствованы изъ обыденной рѣчи. Дѣлаетъ ли обычное словоупотребленіе различіе между этими выраженіями, и если дѣлаетъ, то какое? Легко замѣтить, что въ разговорномъ языкѣ «стоимость» и «цѣнность» отнюдь не синонимы. Съ понятіемъ *стоимости* всегда соединяется представленіе о нѣкоторой затратѣ, пожертвованіи. Когда я спрашиваю, «сколько *стоитъ* эта вещь», я хочу узнать, какую сумму денегъ требуется *затратить* для пріобрѣтенія вещи. Вещи, которыя пріобрѣтаются безъ всякихъ затратъ, ничего не стоятъ. Такъ, никакой стоимости не имѣетъ вода на берегу рѣки.

Напротивъ, понятіе *цѣнности* имѣетъ въ виду отнюдь не элементъ затраты. Оцѣнить что либо—это значитъ установить значеніе, важность оцѣниваемаго. Если я скажу, что художественныя произведенія графа Толстого я *цѣню* выше, чѣмъ его педагогическія статьи, то этимъ я утверждаю, что произведеніямъ перваго рода я придаю большее значеніе, чѣмъ вторымъ, но отнюдь не касаюсь вопроса, какого количества труда *стоило* графу Толстому произведенія того или иного рода. Признаніе работы того или иного автора *цѣнной* отнюдь не равносильно признанію ея исполненной съ большой затратой труда. Плоды упорной работы могутъ быть признаны имѣющими ничтожную цѣнность и обратно.

Не подлежитъ сомнѣнію, что разговорный языкъ проводитъ различіе между понятіями «цѣнность» и «стоимость», при чемъ подъ первымъ разумѣются затраты, пожертвованія, а подъ вторымъ значеніе, важность оцѣниваемой вещи. «Эта картина *стоитъ* мнѣ дешево, но *цѣню* я ее высоко»—въ этой фразѣ содержится противопоставленіе цѣнности и стоимости.

Спрашивается, должна ли экономическая наука удержать оба эти понятія, и если да, то какъ слѣдуетъ переводить Werth, Value, Valeur—«цѣнность» или «стоимость»? Такъ какъ понятія «затраты» и «значенія» логически, по существу, различны, то и наука никоимъ образомъ не можетъ ихъ отождествить.

И съ точки зрѣнія экономической науки «стоимость» и «цѣнность» представляются намъ различными категоріями. Но чему же соотвѣтствуетъ въ системѣ Маркса терминъ Werth—понятію цѣнности или понятію стоимости?

Отвѣтъ будетъ намъ ясенъ, если мы вспомнимъ, что Марксъ различаетъ двоякаго рода Werth—Gebrauchswerth и Tauschwerth. Предметы, какъ созданные, такъ и не созданные трудомъ (воздухъ, вода и т. д.), обладаютъ Gebrauchswerth. Что-же такое Gebrauchswerth—есть-ли это потребительная *цѣнность*, или потребительная *стоимость*? Такъ какъ воздухъ ничего мнѣ не *стоитъ*, то онъ не можетъ и имѣть потребительной *стоимости*. Но такъ какъ воздухъ необходимъ для моей жизни, имѣетъ для меня величайшее значеніе, величайшую важность—то онъ имѣетъ и величайшую потребительную *цѣнность*.

Точно также Tauschwerth или просто Werth у Маркса означаетъ собой не мѣновую *стоимость* или просто *стоимость*, а мѣновую *цѣнность* или

просто *цѣнность*. Цѣнность, по ученію Маркса, создается только трудомъ. Но тѣмъ не менѣе, *цѣнность* отнюдь не тождественна съ трудовой затратой' иначе говоря съ трудовой *стоимостью*. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить, что, по ученію Маркса, Werth есть *историческая* категорія. Хозяйственная дѣятельность человѣка предполагаетъ извѣстную затрату труда. Имѣемъ-ли мы передъ собой первобытное коммунистическое, или современное товарное хозяйство, продукты нашего хозяйства всегда будутъ имѣть трудовую *стоимость*, какъ результатъ труда. Но *цѣнность* они будутъ имѣть не всегда. Продукты труда пріобрѣтаютъ цѣнность лишь въ товарномъ хозяйствѣ: «непосредственное общественное производство, какъ и непосредственное распредѣленіе продукта, исключаютъ товарный обмѣнъ, исключаютъ превращеніе продуктовъ въ товары (по крайней мѣрѣ, внутри общины) и тѣмъ самымъ превращеніе ихъ въ цѣнности (Werthe)»....

Какимъ образомъ передать цитированное мѣсто, въ высшей степени характерное для ученія о цѣнности Маркса, если мы Werth будемъ переводить «стоимость»? Мыслимъ ли такой хозяйственный строй, въ которомъ трудовые продукты не будутъ имѣть никакой трудовой *стоимости?* Очевидно, нѣтъ. Продуктъ труда всегда ео ipso имѣлъ, имѣетъ и будетъ имѣть трудовую стоимость. Но лишь въ *товарномъ хозяйствѣ* трудовой продуктъ пріобрѣтаетъ *цѣнность*. Цѣнность, какъ опредѣляетъ Марксъ, есть «объективная форма общественнаго труда, затраченнаго на производство товара»—опредѣленная *форма*, въ которой проявляется стоимость. Трудовая стоимость продукта находитъ себѣ непосредственное выраженіе въ рабочемъ времени производства продукта. Въ товарномъ хозяйствѣ непосредственное выраженіе трудовой стоимости продукта временемъ работы невозможно, ибо никакой отдѣльный производитель не знаетъ и не можетъ знать, сколько общественно необходимаго времени заключено въ данномъ продуктѣ. Но такъ какъ опредѣленіе трудовой стоимости продуктовъ необходимо для всякаго планомѣрнаго хозяйства, то общество, при господствѣ товаро-хозяйственныхъ отношеній, достигаетъ той же цѣли окольнымъ путемъ: приравнивая одни трудовые продукты другимъ трудовымъ продуктамъ, присваивая продуктамъ опредѣленную *цѣнность*, объективируя въ отношеніяхъ продуктовъ свои собственныя отношенія.

Итакъ, «цѣнность» и «стоимость»—два понятія, по ученію Маркса совершенно различныя и подъ понятіемъ Werth Марксъ разумѣлъ именно цѣнность. Переводить Werth словомъ «стоимость»—это значитъ затемнять ученіе Маркса и даже дѣлать нѣкоторыя, весьма важныя особенности этого ученія совершенно непонятными для читателя. Извольте, напр., растолковать читателю, что продукты труда, по Марксу, пріобрѣтаютъ «трудовую *стоимость*» лишь въ товарномъ хозяйствѣ. Для читателя все это останется настоящей абракадаброй и онъ увидитъ въ подобныхъ утвержденіяхъ, расходящихся со здравымъ смысломъ, лишь подтвержденіе обычному, хотя и совершенно несправедливому мнѣнію, что Марксъ—писатель до такой степени неясный и темный, что понимать его дано лишь немногимъ избраннымъ, спеціально посвящающимъ себя этому трудному дѣлу. Но если не путать «стоимости» съ «цѣнностью», то легко понять, что въ обществѣ, гдѣ нѣтъ обмѣна, нѣтъ и цѣны, гдѣ нѣтъ цѣны, нѣтъ и цѣнности, какъ внѣшняго выраженія факта трудовой затраты.

Впрочемъ, неправильность терминологіи перваго русскаго перевода можетъ быть доказана и болѣе непосредственно; для понятія «стоимость» Марксъ употребляетъ особый терминъ «Kost». Такъ, напр., въ 3-мъ томѣ «Капитала» Марксъ говоритъ: Die kapitalistische Kost der Waare misst sich an der Ausgabe in Kapital, die wirkliche Kost der Waare an der Ausgabe in Arbeit (Das Kapital, B. III, S. 2). Эта фраза передана въ русскомъ переводѣ (того же переводчика) такъ: «Капиталистическая *стоимость* товара измѣряется затратой капитала, дѣйствитель-

ная *стоимость* товара затратой труда» (русскій переводъ 1896 г., стр. 2). Такимъ образомъ переводчикъ передаетъ однимъ русскимъ терминомъ «стоимость» два совершенно различныхъ термина Маркси—Kost и Werth—иными словами, смѣшиваетъ въ одно два разныхъ понятія. На англійскомъ языкѣ точно также имѣются два выраженія cost и value, которымъ вполнѣ соотвѣтствуютъ наши «стоимость» и «цѣнность». Англійскій языкъ проводитъ строгое различіе между этими двумя терминами. Такъ, напр., Бентамъ упрекалъ Рикардо въ томъ, что послѣдній, желая изслѣдовать цѣнность, изслѣдовалъ стоимость. «Не confounded (заявлялъ Бентамъ о Рикардо) *cost* with *value*» (Letters of David Ricardo to Malthus, 55). Упрекъ Бентама былъ совершенно неоснователенъ. Я привожу его лишь для доказательства, что на англійскомъ языкѣ cost (стоимость) есть понятіе, логически различное отъ value (цѣнность). Любопытно, какъ переведъ бы первый переводчикъ Маркса фразу Бентама, придерживаясь своей терминологіи. Эту фразу ему пришлось бы передать такъ: «онъ (Рикардо) смѣшалъ *стоимость* со *стоимостью*», другими словами—придать совершенно безсмысленный видъ вполнѣ опредѣленному (хотя и невѣрному) утвержденію Бентама.

Итакъ, терминологія г. Струве представляется намъ не только правильной, но и единственно правильной. Терминологія перваго перевода Маркса, несмотря на то, что она имѣетъ за себя право 25-лѣтней давности и до извѣстной степени стала общепринятой, вводитъ читателя въ заблужденіе, не передаетъ смысла подлинника, и потому подлежитъ измѣненію, какъ бы ни было такое измѣненіе неудобно для читателя, привыкшаго къ неправильнымъ терминамъ перваго перевода.

Неправильную передачу нѣмецкаго понятія Werth мы считаемъ самымъ крупнымъ недостаткомъ перваго перевода. Вообще же этотъ переводъ имѣетъ несомнѣнныя достоинства. Въ большинствѣ случаевъ (хотя и далеко не всегда) онъ точенъ и ясенъ, написанъ живымъ, мѣстами даже изящнымъ языкомъ и читается легко. Переводчикъ, навѣрное, много поработалъ надъ этимъ переводомъ. Къ сожалѣнію, нельзя не отмѣтить (какъ уже было указано въ нашей литературѣ), встрѣчающіяся мѣстами неточности перевода, иногда основанныя на непониманіи смысла подлинника. Нѣкоторыя изъ этихъ неточностей исправлены въ 3-мъ изданіи перевода, другія остались. Такъ, напр., на стр. 99 (3 изданія) прим. 112, англійская цитата переведена невѣрно: Exchanges rise and fall every week, не значитъ «*обмѣны* увеличиваются или уменьшаются каждую недѣлю» (такъ переведено это мѣсто въ русскомъ изданіи), а «*вексельный курсъ* повышается или понижается каждую недѣлю». Примѣчаніе 182 на стр. 246 гласитъ въ русскомъ изданіи: «извѣстно, какъ рѣшительно англійское freetraders отказали фабрикантамъ шелковыхъ издѣлій въ покровительственной пошлинѣ». Въ оригиналѣ читаемъ: Man weiss wie widerstrebend die englischen Freihändler dem Schutzzoll für Seidenmanufactur entsagten, что значитъ по-русски: «Извѣстно, какъ неохотно англійскіе фритредеры *отказались* отъ покровительственной пошлины въ пользу шелковой промышленности». Въ русскомъ изданіи смыслъ подлинника совершенно искаженъ.

Первая глава Маркса, посвященная анализу товара и формъ цѣнности, представляетъ особыя трудности для пониманія. На точность перевода этой главы переводчику слѣдовало бы обратить особое вниманіе. Однако, и въ переводѣ этой главы мы встрѣчаемъ многочисленныя неточности и ошибки. Такъ, совершенно ясная фраза оригинала: «Es ist also nur das Quantum gesellschaftlich nothwendiger Arbeit oder die zur Herstellung eines Gebrauchswerthes gesellschaftlich nothwendige Arbeitszeit, welche seine Werthgrösse bestimmt»—переведена такъ, что можетъ совершенно сбить съ толку читателя. А именно, на стр. 5 (3-го русскаго изданія) мы читаемъ: «Слѣдовательно, величину стоимости товара, *потребительной стоимости* (курсивъ нашъ), опредѣляетъ лишь количество по-

траченнаго на его изготовленіе общественно-необходимаго труда или стоившаго его общественно-необходимаго рабочаго времени». Такимъ образомъ, по русскому переводу выходитъ, что Марксъ опредѣляетъ величину *потребительной* стоимости товара трудомъ, затраченнымъ на производство, между тѣмъ какъ все ученіе о цѣнности Маркса основывается на строгомъ различеніи потребительной цѣнности («стоимости» по терминологіи переводчика), величина которой отнюдь не опредѣляется трудомъ,—отъ мѣновой цѣнности, создаваемой трудомъ. Вставка «потребительной стоимости» въ цитированную фразу совершенно исказила ея смыслъ. Въ переводѣ подъ редакціей г. Струве мѣсто это передано вполнѣ вѣрно. «Потому величина цѣнности какой-либо полезной вещи опредѣляется только количествомъ общественно-необходимаго труда или общественно-необходимаго для ея производства рабочаго времени».

На стр. 31 мы читаемъ: «Развитая форма относительной стоимости, выраженіе стоимости какого-нибудь одного товара во всѣхъ другихъ товарахъ придаетъ ему форму особаго эквивалента, различнаго по роду» — эта фраза совершенно непонятна. Какимъ образомъ одинъ и тотъ-же товаръ можетъ быть «особымъ эквивалентомъ, различнымъ по роду»? Но читатель напрасно сталъ бы винить въ безсмысленности этой фразы Маркса. Марксъ говоритъ совершенно иное: Die entfaltete Form des relativen Werthes, dieser Ausdruck des Werthes einer Waare in allen anderen Waaren, prägt ihnen die Form verschiedenartiger besonderer Aequivalente auf—«развернутая форма относительной цѣнности, это выраженіе цѣнности одного товара во всѣхъ другихъ товарахъ, придаетъ *этимъ послѣднимъ* форму различныхъ особыхъ эквивалентовъ».

На слѣдующей страницѣ русскаго 3-го изданія мы встрѣчаемъ новую ошибку перевода: «если бы холстъ или какой-нибудь другой товаръ, служащій всеобщимъ эквивалентомъ, долженъ быть въ то же время также общей относительной формой стоимости»... и т. п. Не говоря уже о грамматической неправильности фразы («если бы холстъ... долженъ быть»), она и логически неправильна. У Маркса сказано иное: Sollte die Leinwand d. h. irgend eine in allgemeiner Aequivalentform defendliche Waare, auch zugleich an der allgemeinen relativen Werthform theilnemen... что значитъ по-русски: «Если бы холстъ, т. е. любой товаръ, находящійся въ формѣ всеобщаго эквивалента, въ то же время *входилъ въ составъ* всеобщей относительной формы цѣнности» и т. д.

Въ концѣ знаменитой главы о фетишизмѣ товарнаго хозяйства Марксъ сравниваетъ разсужденія экономистовъ, проникнутыя этимъ фетишизмомъ, съ глубокомысленнымъ замѣчаніемъ одного изъ героевъ Шекспира, Догберри: «Ein gut aussehender Mann zu sien, ist eine Gabe der Umstände, aber lesen und schreiben zu Können, kommt von Natur»—по-русски: «быть мужчиной привлекательной наружности—дѣло благопріятныхъ обстоятельствъ, но умѣнье читать и писать дается природой». Въ русскомъ изданіи это мѣсто переведено такъ, что вся нелѣпость замѣчанія Догберри и иронія Маркса исчезаетъ: «быть человѣкомъ пріятнымъ — это даръ судьбы, а умѣнье читать и писать дается природою» (стр. 46). Въ признаніи даромъ судьбы свойства человѣка быть пріятнымъ ничего нелѣпаго нѣтъ и читатель можетъ только недоумѣвать, для чего Марксъ приводитъ эту цитату изъ Шекспира. Подобныхъ неточностей, искажающихъ смыслъ оригинала, можно было бы привести много. Благодаря имъ, первая глава «Капитала» врядъ ли можетъ быть вполнѣ понята читателемъ, знакомымъ только съ разсматриваемымъ переводомъ.

Неточности перевода другихъ главъ «Капитала» менѣе важны. Вообще, какъ мы уже замѣтили, разсматриваемый переводъ, несмотря на свои недостатки, отнюдь не можетъ быть признанъ неудачнымъ. Хотя переводчикъ не стремился къ полной близости къ подлиннику, вставлялъ иногда самъ отъ себя слова и цѣлыя фразы, отсутствующія въ оригиналѣ, другія фразы переводилъ настолько

вольно. что мѣстами мы имѣемъ скорѣе пересказъ, приблизительное изложеніе. чѣмъ переводъ Маркса, но все же переводъ вышелъ вполнѣ литературнымъ. и въ большинствѣ случаевъ правильно воспроизводящимъ смыслъ подлинника. Если бы русская литература не имѣла теперь другого перевода Маркса, вышедшаго подъ редакціей г. Струве, первый переводъ могъ бы быть смѣло рекомендованъ читателю. Не нужно забывать къ тому же, что этотъ переводъ былъ *первымъ* на русскомъ языкѣ. Переводчикъ долженъ былъ преодолѣвать значительныя трудности, которыхъ не встрѣчаетъ второй переводчикъ. Задача послѣдняго облегчалась уже тѣмъ, что онъ имѣлъ передъ собой готовый русскій переводъ, и переводъ исполненный съ большою тщательностью и знаніемъ дѣла.

Какъ бы то ни было, но если сравнивать первый переводъ со вторымъ, то придется безъ всякаго колебанія отдать предпочтеніе послѣднему: переводъ подъ редакціей г. Струве исполненъ еще тщательнѣе и почти совершенно точенъ. Г. Струве очевидно, поставилъ себѣ задачей воспроизвести Маркса на русскомъ языкѣ съ возможно большимъ приближеніемъ къ оригиналу. И это ему вполнѣ удалось. Никакихъ вставокъ отъ себя, никакихъ отступленій отъ подлинника. Въ переводѣ анонима нерѣдко замѣчается многословіе—переводчикъ не могъ справиться съ сжатостью выраженія мысли у Маркса. Переводъ г. Струве многословіемъ совершенно не страдаетъ.

Точность и сжатость—главныя преимущества втораго русскаго перевода. При внимательномъ сличеніи съ нѣмецкимъ текстомъ, мы могли замѣтить очень мало неточностей и совсѣмъ не нашли ошибокъ. Только въ первой главѣ попадаются неудачныя фразы, не передающія съ полной отчетливостью смысла оригинала. Неточно переданы, напр,. нѣкоторыя фразы Маркса на стр. 31 и 32 перевода г. Струве. Слова Маркса: «Alle Waaren sind von der allgemeinen Aequivalentform ausgeschlossen или die Waare, die als allgemeines Aequivalent figurirt ist von der allgemeinen relativen Form ausgeschlossen, слѣдуетъ переводить, какъ видно изъ всего изложенія Маркса, такъ: «всѣ товары *исключены* изъ общей эквивалентной формы»; «товаръ, фигурирующій въ качествѣ всеобщаго эквивалента, *исключенъ* изъ всеобщей относительной формы цѣнности» (или *не входитъ въ составъ ея, не участвуетъ въ ней*). Между тѣмъ, г. Струве слово ausschliessen переводитъ (по нашему мнѣнію, въ полномъ разногласіи со смысломъ подлинника) словомъ «лишать». Соотвѣтствующія фразы передаются имъ поэтому слѣдующимъ образомъ: «всѣ товары... *лишены* эквивалентной формы», «товаръ, фигурирующій въ качествѣ всеобщаго эквивалента, *лишается* всеобщей относительной формы цѣнности». Неправильность подобнаго перевода обнаруживается, между прочимъ, сличеніемъ съ французскимъ переводомъ: во французскомъ текстѣ (провѣренномъ Марксомъ) мы читаемъ: «Toutes les marchandises... sont *exclues* de la forme équivalent», «La marchandise qui fonctionne comme équivalent général... ne saurait *prendre part* à la forme générale de la valeur relative». Мы указываемъ на эти неточности перевода потому, что онѣ затемняютъ смыслъ и безъ того труднаго изложенія труднѣйшей главы «Капитала».

Въ главѣ о фетишизмѣ товарнаго производства Марксъ ставитъ вопросъ—отчего зависитъ загадочный характеръ трудового продукта, какъ только онъ принимаетъ форму товара? — и отвѣчаетъ: «Offenbar aus dieser Form selbst. Die Gleichheit der menschlichen Arbeiten erhält die sachliche Form der gleichen Werthgegenständlichkeit der Arbeitsproducte» и т. д. По-русски это слѣдовало бы перевести такъ: «Очевидно, отъ этой самой (товарной) формы. Равенство разныхъ видовъ человѣческаго труда получаетъ вещественную форму равенства продуктовъ труда, какъ предметовъ цѣнности» и т. д. У Струве послѣдняя фраза передана неточно и съ затемненіемъ смысла: «Равенство всѣхъ видовъ человѣческаго труда выражается въ вещной формѣ—въ торжествѣ матеріальной

основы цѣнности всѣхъ продуктовъ труда» (стр. 34). Подъ матеріальной основой цѣнности товаровъ можно подразумѣвать ихъ матеріальныя тѣла. Марксъ же здѣсь говоритъ о тожественности продуктовъ труда не какъ матеріальныхъ тѣлъ, а какъ носителей, объектовъ цѣнности.

Подобныя незначительныя неточности не мѣшаютъ второму русскому переводу въ общемъ быть чрезвычайно точнымъ. Мы не можемъ не пожалѣть, впрочемъ, что въ нѣкоторыхъ частностяхъ этого превосходнаго перевода сказалось вліяніе перваго перевода. Слово Mehrwerth г. Струве переводитъ—«прибавочная цѣнность». На нашъ взглядъ, лучше было бы перевести «сверхцѣнность»—хотя этотъ терминъ и необыченъ. Марксъ часто называетъ трудъ, воплощенный въ цѣнности товара «eine Gallerte von Arbeit» — сгусткомъ, студнемъ труда. Г. Струве, вслѣдъ за первымъ переводчикомъ, передаетъ это характерное для Маркса выраженіе совсѣмъ иначе: «сгустокъ труда» онъ замѣняетъ «кристалломъ труда», Получается совершенно иной образъ,

До сихъ поръ мы говорили о двухъ переводахъ Маркса. Есть еще и третій—доктора математики В. Д. Любимова въ изданіи Н. С. Аскарханова. Но *судъ* надъ этимъ переводомъ принадлежитъ не литературѣ. Переводъ этотъ является почти дословной перепечаткой 2-го изданія перваго русскаго перевода. Первыя 5—6 страницъ еще нѣсколько измѣнены. «Докторъ математики» чувствовалъ нѣкоторый стыдъ или необходимость осторожности и старался скрыть свое «заимствованіе». Но очень скоро онъ отложилъ въ сторону всякій стыдъ и забылъ объ осторожности и сталъ дословно списывать страницу за страницей изъ готоваго перевода. Для чего трудиться надъ новымъ переводомъ, когда уже есть вполнѣ хорошій старый — такъ, вѣроятно, разсуждалъ «ученый» переводчикъ и выпустилъ въ свѣтъ чужой переводъ за своей подписью. Онъ сдѣлалъ хорошую аферу—изданіе Аскарханова пошло ходко — но, быть можетъ, судъ вмѣшается въ это дѣло и докажетъ издателю, что предпріимчивость и беззаботность въ пользованіи чужимъ имуществомъ не всегда увѣнчиваются успѣхомъ.

М. Туганъ-Барановскій.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Изъ голодающихъ губерній. Также какъ и въ прошломъ мѣсяцѣ, приходится отмѣтить тяжелое положеніе населенія голодающихъ губерній. Изъ Самарской губ. предсѣдатель Бугульминской уѣздной управы, г. Дмитріевъ, пишетъ въ «Петерб.Вѣд.»: «Недороды 1891—1892 годовъ не могутъ итти въ сравненіе съ полнымъ неурожаемъ хлѣбовъ и травъ минувшаго года, который тѣмъ болѣе ужасенъ, что предшествующіе неурожайные годы истощили продовольственные запасы.

«Голодаютъ люди, но и скотъ погибаетъ. Не говоря о рогатомъ скотѣ, который въ настоящее время является уже роскошью, погибаетъ лошадь, теперь уже большею частью единственная въ хозяйствѣ и безъ которой нѣтъ крестьянства, а остается батрачество. Убыль лошадей грозитъ и дальнѣйшимъ бѣдствіемъ: къ веснѣ необходимо доставить въ уѣзды около 600 тыс. пудовъ яровыхъ сѣмянъ, столько же на продовольствіе населенія, и только что разрѣшенные 108 тыс. пудовъ на поддержаніе лошадей въ однолошадныхъ хозяйствахъ.

«Неотложнымъ является вопросъ, какъ развезти эти 1.308.000 пуд. по уѣзду, когда разстояніе отъ станціи желѣзной дороги измѣряется сотнями верстъ, корма по дорогѣ всѣ съѣдены, а лошади такъ изнурены, что нерѣдки случаи, когда лошадь, везущая продовольственный паекъ въ село, гибнетъ по дорогѣ.

«На нашъ уѣздъ предполагается пріобрѣсти изъ киргизскихъ степей 2 тыс. лошадей; но остается открытымъ вопросомъ, придутъ ли онѣ во-время, такъ какъ пригнать ихъ возможно только по подножному корму, который появляется, когда полевыя работы давно должны быть начаты, и насколько лошади эти будутъ пригодны къ немедленной пашнѣ.»

Въ Саратовской губ. къ числу наиболѣе пострадавшихъ уѣздовъ принадлежитъ Хвалынскій. Въ «Сарат. Земск. Недѣлѣ» опубликованы донесенія ветеринарныхъ врачей о размѣрахъ неурожая и о положеніи скотоводства въ названномъ уѣздѣ. Донесенія эти были присланы въ земскія управы еще лѣтомъ минувшаго года.

Въ концѣ іюля ветеринарный врачъ г. Кольцовъ писалъ: «Въ моемъ участкѣ (т. е. въ 6 волостяхъ), кромѣ Ѳедоровской волости, корма для скота нѣтъ и купить его, по отзывамъ крестьянъ, негдѣ. При неоднократномъ объѣздѣ своего участка я имѣлъ возможность вполнѣ убѣдиться въ ужасной истощенности всѣхъ животныхъ. Изъ моихъ разспросовъ помѣщиковъ и зажиточныхъ мужиковъ, я вывожу одинъ общій отвѣтъ, что никто изъ вышепоименованныхъ лицъ, живущихъ въ предѣлахъ моего участка, не продастъ ни сѣна, ни соломы, ни за какую цѣну. На вопросы—скоро ли понадобится кормъ и когда нужда заставитъ продавать скотъ, крестьяне всѣхъ волостей поголовно отвѣчали, что «прикарливать» начали уже и теперь, потому что на выгонѣ голая земля, продать же готовы даже и теперь, только жаль—некому, а то, все равно, кормить нечѣмъ». Въ концѣ сентября г. Кольцовъ писалъ: «Для замѣны корма у крестьянъ заготовлены листья съ вѣтвями (вѣники), перекати поле (катунъ), ковыль степной, подсолнечныя шляпки, но пока крестьяне не кормятъ скотъ этими суррогатами и берегутъ ихъ только на то время, когда не будетъ никакихъ кормовъ... Помочь данному бѣдствію, по моему мнѣнію, нельзя никакимъ другимъ способомъ, какъ только подвозомъ кормовыхъ продуктовъ. Кормъ долженъ быть или въ видѣ сѣна, или соломы съ посыпкой. Выдача одной посыпки не достигнетъ своей цѣли: крестьянинъ ее съѣстъ самъ, а скотъ все-таки останется голоднымъ. Насколько бережно относятся сельскіе хозяева къ соломѣ видно изъ того, что крышъ въ нынѣшнемъ году соломой не кроютъ, наоборотъ, раскрываютъ соломенныя, замѣняя ихъ глинобитными или тесовыми, или же оставляя совсѣмъ безъ крышъ (татары), старую же солому складываютъ въ ометы, или продаютъ на кормъ».

Другой врачъ, г. Теселкинъ, доносилъ губ. управѣ въ концѣ сентября относительно неурожая въ томъ же Хвалынскомъ уѣздѣ: «Неурожай кормовъ, по моему мнѣнію, отразится уменьшеніемъ лошадей до половины и рогатаго скота до $^1/_2$ части. Часть этого скота пойдетъ на убой, а часть, съ трудомъ прокормленная зиму, при переходѣ весной на подножный кормъ и въ работу, падетъ отъ болѣзни желудочно-кишечнаго катарра. Цѣны на скотъ въ теченіе сентября упали противъ прошлаго года на сытый скотъ на половину. Худыя же и изможденныя лошади продаются по цѣнѣ отъ 5 до 10 р., рогатый скотъ—отъ 1 съ полов. до 6 руб.».

Въ Белебеевскомъ уѣздѣ, Уфимской губ., уже питаются вмѣсто хлѣба суррогатами. «Сарат. Дневникъ» сообщаетъ, что «изъ молодой лебеды, желудей и мелкорубленной соломы, съ незначительною примѣсью муки, играющей роль цемента, пекутъ «хлѣбы», почти безъ хлѣба, и этимъ питаются старый и малый».

Изъ всѣхъ суррогатовъ, говоритъ, г. Н. С. въ той же газетѣ, самая безвредная замѣна хлѣба,—это лебеда, но, къ несчастью, она тоже не уродилась.

Въ октябрѣ и ноябрѣ, сообщаетъ тотъ же авторъ, были произведены подворныя изслѣдованія не только въ Белебеевскомъ, но и въ другихъ уѣздахъ Уфимской губ.

Обслѣдовавъ нѣсколько деревень въ разныхъ уѣздахъ Уфимской губ., Н. С. раздѣлилъ всѣ дворы на двѣ группы. Первая,—лишенные уже лошадей, вторая—имѣющая еще кое какихъ лошадей.

Принадлежащихъ къ первой группѣ 61 проц., причемъ 16 проц. изъ нихъ не имѣли въ 1897—1898 гг. никакого посѣва.

Собранный урожай распредѣлился между обѣими группами очень неравномѣрно: 1-я собрала около 12 пуд. ржи на дворъ, 2-я—около 40 пуд., при чемъ число душъ тоже различно: въ первой группѣ ѣдоковъ—4—5, во второй 5—6.

Въ настоящее время (январь) у обѣихъ группъ есть еще очень немного картофеля, но никакихъ другихъ пищевыхъ продуктовъ не имѣется.

Изслѣдователя занялъ вопросъ, чѣмъ и какъ питаются эти люди, и получились слѣдующія цифры: 3 проц. нищенствуютъ, 17 ушло на заработки, остальные—недоѣдаютъ и болѣютъ. Изъ 2 ой группы на заработки отправились всего 1 проц., нищенствующихъ—ни одного.

Плохое питаніе, продолжаетъ Н. С., отразилось особенно сильно на дѣтяхъ до 2-хъ лѣтъ. Но особенно тяжко приходится матерямъ, имѣющимъ грудныхъ дѣтей.

Одна шестнадцатая лошади на дворъ—вотъ какое положеніе 1-й группы, говоритъ г. Н. С., а во 2-ой группѣ еще остается пока 1 и $^1/_2$ лошади на дворъ. «Какъ видно изъ приведенныхъ цифръ, заключаетъ авторъ, только скорая и значительная помощь со стороны можетъ поддержать мѣстности, пораженныя недородомъ, какъ въ смыслѣ прокормленія населенія, такъ и ради поддержанія его хозяйственныхъ силъ».

Въ «Русскихъ Вѣдом.» членъ попечительства Краснаго Креста, г. Афанасьевъ, даетъ слѣдующую картину Мамадышскаго уѣзда, Казанской губерніи. «Грустную, тяжелую картину представляетъ въ настоящее время нашъ обездоленный край. У многихъ послѣднія строенія изрублены на топливо, послѣдняя скотинка сведена на базаръ или пала отъ безкормицы, послѣдняя одеженка растащена по закладамъ міроѣдамъ-кулакамъ. Камера земскаго начальника, мѣстное участковое попечительство, волостныя правленія и продовольственные попечители находятся буквально въ осадномъ положеніи: со всѣхъ сторонъ бредутъ толпы несчастныхъ алчущихъ, но это только еще авангардъ голодной арміи. Всюду, куда ни взглянешь, одни и тѣ же истомленныя, испитыя отъ истощенія и опухшія отъ голода лица. Всюду, гдѣ ни прислушаешься, раздается одинъ и тотъ же душу надрывающій вопль: хлѣба! хлѣба! хлѣба!

«Два селенія въ участкѣ уже поражены тифомъ—этимъ неразлучнымъ спутникомъ недостатка питанія. На мѣстахъ эпидеміи работаетъ медицинскій отрядъ Краснаго Креста. На помощь несчастнымъ пришли правительство, земство, россійское Общество Краснаго Креста и частная благотворительность. Велики и неисчислимы заслуги, но еще болѣе велики и неисчислимы нужды обездоленнаго народа».

Предсѣдатель земской управы Елабужскаго уѣзда, Вятской губ., г. Алишеевъ, въ частномъ письмѣ къ одному лицу въ Москвѣ (отъ 5-го декабря) такъ описываетъ мѣстную нужду:

«Какъ вамъ извѣстно, земство выдаетъ ссуду нуждающимся крестьянамъ рожью въ количествѣ 35 ф. на ѣдока; исключительно въ этомъ состоятъ его права и обязанности. Законъ предоставляетъ намъ провѣрку нужды по приговорамъ сельскихъ обществъ, но фактически провѣрку эту дѣлаютъ земскіе начальники, такъ какъ приговоры поступаютъ черезъ нихъ. Но Елабужская управа не стѣсняется формальностью и, исходя изъ принципа, что лучше пе-

редать, чѣмъ недодать, удовлетворяетъ нужду даже вопреки указаніямъ земскихъ начальниковъ. Но здѣсь и кончаются наши полномочія. Земской ссуды не хватитъ на полмѣсяца, какъ оно и бываетъ на самомъ дѣлѣ, и крестьяне толпами приходятъ въ управу и просятъ, нельзя ли выдать еще впередъ. Средство помочь этой вопіющей нуждѣ одно: устроить столовыя, въ которыхъ наиболѣе нуждающіеся могли бы кормиться, причемъ ихъ доля ссуды въ 32 ф. могла бы остаться съ семьѣ и распредѣлиться между тѣми ея членами, которые въ столовую не пойдутъ. Но средствъ на это нѣтъ и нѣтъ надежды привлечь ихъ въ необходимомъ количествѣ. Помощь Краснаго Креста очень скромная, и надняхъ уполномоченный отъ Краснаго Креста по Елабужскому уѣзду г. Юрьевичъ получилъ изъ Казани отъ ген. Шведова телеграмму, что средствъ будетъ отпущено мало и что надо быть экономичнымъ. Есть множество лицъ среди крестьянъ, не имѣющихъ права на полученіе ссуды отъ земства: не приписанные къ сельскому обществу люди, старики, вдовы, сироты, не владѣющіе землею, арендаторы и другіе, которые могутъ умереть съ голоду, и все-таки управа не можетъ имъ выдать ни фунта. На нихъ прежде всего обращена помощь Краснаго Креста, причемъ далеко не всѣ удовлетворены, и въ каждой деревнѣ найдется не одинъ десятокъ лицъ такой категоріи, ничего не получившихъ. Они являются къ намъ, осаждаютъ управу, со слезами просятъ хлѣба, а мы вынуждены отказывать. У Краснаго Креста пока всего 4 тыс. руб., а лицъ, не имѣющихъ права на земскую ссуду, нѣсколько тысячъ. Еще другая вопіющая нужда—дѣти-школьники! Изъ $^3/_4$ ф. хлѣба въ день на ихъ долю придется всего меньше. А они растутъ, ходятъ по морозу въ школу, учатся. Учителя повсюду жалуются, что школы начинаютъ пустѣть, что дѣти туда приходятъ голодными, что многіе пошли «въ кусочки».

Изъ далекой Сибири тоже приходятъ неутѣшительныя вѣсти. Изъ Вилюйска пишутъ въ «Вост. Обозрѣніе»: «Населеніе Сунтарскаго и Мархинскаго ул. голодаетъ уже 3 года. Голодъ прежнихъ лѣтъ якуты вынесли на своихъ плечахъ. Только въ прошломъ году населеніе Сунтарскаго улуса получило отъ общественной благотворительности хлѣбомъ, сѣномъ и деньгами 6.684 р. 32$^1/_2$ к. На долю Мархинскаго улуса тоже немного досталось. Благодаря тому, что помощь не была оказана, скотоводство значительно посократилось. Часть скота пала, часть была убита на мясо. Свѣдущіе люди говорятъ, что количество скота въ этихъ улусахъ за послѣдніе 3 года сократилось до $^1/_4$ прежняго. Изъ 2.100 домохозяевъ только около 600 имѣютъ по 20 штукъ и болѣе скота; явилось много такихъ, которые совсѣмъ лишились скота. Сократилась и площадь посѣвовъ. Конечно, упущено уже время помочь якуту сохранить хоть тотъ скотъ, который остался у него отъ прежнихъ голодныхъ годовъ. Его ужъ нѣтъ: часть свезена на пріиски, часть убили для собственнаго употребленія, часть на продажу. Мясо въ городѣ продается теперь по 1 р. 50 к. и даже по 1 р. 30 к. пудъ, а раньше нельзя было купить дешевле 3 р.—2 р. 80 к. Оставили столько скота, сколько можно прокормить имѣющимся сѣномъ. Помощь зимой нужна будетъ главнымъ образомъ въ видѣ хлѣба и на это не нужно скупиться, чтобы избѣжать голоднаго тифа и проч. болѣзней. Якутъ прежде главнымъ образомъ питался молочными продуктами. Теперь, благодаря тому, что количество скота уменьшилось, уменьшились молочные продукты и ихъ нужно будетъ замѣнить хлѣбомъ. Нужно надѣяться, что голодъ послѣднихъ трехъ лѣтъ, уменьшеніе скота, заставитъ якутовъ обратить вниманіе на земледѣліе. Нужно ожидать увеличеніе запашекъ, а слѣдовательно, потребуется значительное количество зерна на обсѣмененіе. Но еще большія средства потребуются для того, чтобы весной снабдить скотомъ хозяйства, лишившіяся его за три года голодовокъ. На это нужно обратить серьезное вниманіе. Вѣдь якутъ еще полукочевникъ, полуземледѣлецъ и нельзя ожидать, чтобы онъ сразу перешелъ къ земледѣлію».

---

*

Отходъ и грамотность (по даннымъ ярославской статистики). «Русскія Вѣд.» сообщаютъ объ опубликованныхъ секретаремъ ярославскаго губернскаго статистическаго комитета г. Свирщевскимъ данныхъ о народномъ образованіи въ Ярославской губ. Судя по числу грамотныхъ новобранцевъ по призыву 1896 г. (85,5%), Ярославская губ. занимаетъ въ настоящее время въ отношеніи грамотности населенія первое мѣсто среди всѣхъ земскихъ губерній, уступая вообще только прибалтійскимъ губерніямъ (Лифляндской съ 97,5%. Эстляндской съ 97,2%). Причина такого первенства—не обиліе школъ въ Ярославской губ. По доступности для населенія учебныхъ заведеній она занимаетъ пятое мѣсто среди земскихъ губерній. Въ ней одна школа приходится на 1.046 чел., тогда какъ въ Олонецкой—на 733 ч., въ Тульской—на 941 ч. и въ Петербургской (безъ столицы) — 950 ч. Въ отношеніи затратъ на народное образованіе со стороны земства она занимаетъ седьмое мѣсто (17,4 коп. на каждаго жителя). Грамотностью своего населенія Ярославская губ. обязана развитію въ ней неземледѣльческихъ отхожихъ промысловъ. Это доказываетъ и сравненіе грамотности новобранцевъ по отдѣльнымъ уѣздамъ. Такъ, Угличскій уѣздъ, дающій наибольшій процентъ отхожепромышленниковъ по губерніи (не менѣе 40%), въ теченіе 1892—1894 г. не поставилъ ни одного неграмотнаго новобранца. Напротивъ, уѣзды Мологскій, Ярославскій и Пошехонскій, отличающіеся наименьшимъ по губерніи развитіемъ отхода, доставили наибольшій процентъ неграмотныхъ. Просвѣтительная дѣятельность земствъ, городовъ и правительства шла только навстрѣчу народному сознанію, только удовлетворяла назрѣвшую въ населеніи потребность, причемъ она даже отставала отъ роста послѣдней. Число учебныхъ заведеній въ губерніи увеличилось съ 1892 по 1897 г. всего на 6%, тогда какъ число учащихся возросло на 18,2%. Усиленное стремленіе населенія къ образованію вызываетъ съ его стороны все болѣе интенсивное пользованіе предоставленными ему просвѣтительными средствами. Занимая, какъ сказано, пятое мѣсто среди земскихъ губерній въ отношеніи числа школъ, по разсчету на общее число жителей, Ярославская губернія стоитъ на второмъ мѣстѣ среди тѣхъ же губерній въ отношеніи числа учащихся къ населенію (5,3%), уступая только Московской (5,6%). За послѣдніе 23 года (время дѣйствія устава о всеобщей воинской повинности) грамотность населенія развивалась очень быстро. Процентъ грамотныхъ среди новобранцевъ за этотъ періодъ повысился на 25,5% (съ 60% до 85,5%), процентъ неграмотныхъ упалъ почти въ три раза (съ 40% до 14%). Наиболѣе быстрые успѣхи дѣлаютъ наиболѣе (прежде) отсталые уѣзды, причемъ нѣкоторые изъ нихъ работали за послѣдніе годы такъ энергично, что догнали и даже обогнали своихъ раньше далеко ушедшихъ впередъ сосѣдей. Рядомъ съ утилитарнымъ, практическимъ значеніемъ грамотности въ населеніе проникаетъ и крѣпнетъ въ немъ признаніе ея общекультурнаго значенія. Это выражается въ быстромъ увеличеніи распространенія грамотности среди женскаго населенія. Съ 1892 по 1894 годъ число учащихся дѣвочекъ увеличилось на 30%, число же учащихся мальчиковъ—только на 12,8%. Среди другихъ земскихъ губерній, въ отношеніи числа учащихся дѣвочекъ къ числу учащихся мальчиковъ (33%), Ярославская губернія занимаетъ второе мѣсто (Московская даетъ 34,7%). Внутри губерніи какъ наибольшее относительно количество учащихся вообще, такъ и наибольшее относительно количество учащихся дѣвочекъ приходится на уѣзды съ наибольшимъ развитіемъ отхожихъ промысловъ (Рыбинскій и Угличскій).

Школьное дѣло на Алтаѣ. Общество любителей изслѣдованія Алтая, задавшись цѣлью изслѣдовать положеніе мѣстной народной школы, выработало программу съ запросными пунктами и разослало эту программу по всѣмъ школамъ Алтайскаго округа, прося учителей дать соотвѣтствующія свѣдѣнія объ

ихъ школахъ. Результаты этого изслѣдованія напечатаны въ III томѣ «Алтайскаго сборника» (Барнаулъ 1898).

Приведемъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ этой работы, пользуясь изложеніемъ ея въ «Восточномъ Обозрѣніи».

По приблизительному подсчету общества во всемъ Алтайскомъ округѣ числится около 260 начальныхъ школъ. Отвѣты на программу получены изъ 114, т. е. менѣе, чѣмъ изъ половины всѣхъ школъ округа. Тѣмъ не менѣе и имѣющійся матеріалъ даетъ болѣе или менѣе яркую характеристику мѣстнаго начальнаго обученія.

Всѣ начальныя школы Алтайскаго округа распредѣляются на 7 категорій: 1) Школы сельско-волостныя, 2) церковно-приходскія, 3) грамоты, 4) горнозаводскія, 5) миссіонерскія, 6) казачьи и 7) частныя (одна — Константиновская).

Первыя три категоріи довольно обыденны въ Сибири и не требуютъ отдѣльныхъ характеристикъ. Укажемъ лишь, что школы церковно-приходскія за послѣднее время стали значительно увеличиваться въ своемъ числѣ, благодаря тому, что въ 1887 г. на ихъ устройство стали ассигновываться спеціальныя и довольно значительныя суммы изъ губернскихъ и волостныхъ средствъ.

Горнозаводскія школы на Алтаѣ ведутъ свое начало еще съ прошлаго столѣтія. Какъ хозяйственною, такъ и педагогическою частями въ нихъ завѣдуетъ главное управленіе Алтайскаго округа. Курсъ 3-хъ-годичный; окончившіе получаютъ льготное по воинской повинности свидѣтельство IV разряда.

Миссіонерскія школы служатъ спеціально для религіознаго обученія инородцевъ; грамотность и письмо служатъ въ нихъ лишь подспорьемъ.

Большая часть алтайскихъ школъ не имѣетъ собственныхъ помѣщеній, и ютятся въ плохихъ хибаркахъ, не отвѣчающихъ самымъ примитивнымъ требованіямъ гигіены.

Интересныя свѣдѣнія сообщаются въ сборникѣ о составѣ учителей и объ ихъ образовательномъ уровнѣ.

Въ изслѣдованныхъ обществомъ школахъ преподавателей съ достаточной подготовкой, т. е. окончившихъ какой-либо курсъ среднеучебнаго или спеціальнаго заведенія, 48 проц., причемъ въ нѣкоторыхъ школахъ проц. учащихъ безъ подготовки къ общему числу преподавателей необычайно великъ. Наибольшей величины—до 70 проц.—онъ достигаетъ въ церковно-приходскихъ школахъ, гдѣ среди преподавателей встрѣчаются люди, уволенные изъ 1—2 класса семинарій. Впрочемъ, такой низкій уровень образовательнаго ценза преподавателей замѣчается во всѣхъ школахъ духовнаго вѣдомства.

Въ миссіонерскихъ школахъ, которыя призваны подготовить культурный переворотъ въ средѣ инородцевъ, расширить кругозоръ дикаря, какъ это ни странно, учителей съ нѣкоторой подготовкой всего менѣе, именно только 20 проц. Большинство учителей настолько безграмотны, что присланные ими отвѣты по программѣ едва можно прочитать. Вотъ образцы ихъ знакомства съ русской орѳографіей.

«Въ пріемѣ отказа не было, приглашенія къ одаче было нѣсколько разъ»...

Или «пять перемѣновъ, каждый перемѣнъ пять минутъ»...

Или... «По неимѣнію библіотеки для чтенія выдается учебныя книги—евангеліе напр...»

Интересно, какую грамоту могутъ насадить столь «грамотные» учителя!

Впрочемъ, низкій образовательный уровень алтайскихъ учителей не въ малой степени зависитъ отъ ихъ жалкаго матеріальнаго обезпеченія и той обстановки, въ какой имъ приходится жить и работать.

Въ среднемъ на каждаго учителя жалованья въ годъ приходится 184 р.,

причемъ въ нѣкоторыхъ школахъ оно опускается до 40—60 р. въ годъ, т. е. до такой мизерной цифры, при которой учителю приходится голодать.

Далеко не всѣ учителя имѣютъ готовыя квартиры. Около 34 проц. всего персонала вынуждены на свое скудное содержаніе нанимать себѣ квартиры на сторонѣ.

Имѣющіяся при школахъ квартиры тѣсны, холодны и общій отзывъ о нихъ сливается въ вопль о невозможности въ нихъ жить человѣку.

Одинъ изъ учителей, прослужившій въ своей должности 17 лѣтъ, рисуетъ свое положеніе самыми мрачными красками: бѣдность, подчасъ форменный голодъ, полное отсутствіе какихъ-либо развлеченій или удовольствій, вѣчная дума о необезпеченной старости—все это дѣлаетъ службу невыносимой... «Я знакомъ достаточно съ положеніемъ другихъ учителей; они, можетъ быть, никогда не напишутъ, отчего школьное дѣло стоитъ на плохой почвѣ. Я же въ настоящее время писать осмѣлился».

Народныя чтенія и библіотеки находятся на Алтаѣ въ самомъ печальномъ состояніи.

Народныхъ чтеній въ школахъ Алтайскаго округа почти не существуетъ, если не считать попытокъ отдѣльныхъ учителей устроить таковыя. Изъ школы Николаевской учитель пишетъ по этому поводу: «Народныя чтенія очень желали открыть, но ихъ не разрѣшилъ смотритель, который не нашелъ возможнымъ ходатайствовать о разрѣшеніи чтеній потому, что, по его мнѣнію, не нашлось человѣка, который могъ бы вести (sic!) контроль надъ этими чтеніями»...

По отношенію къ школьнымъ библіотекамъ дѣла также не блестящи. Большинство школъ почти не имѣетъ книгъ для чтенія, хотя потребность въ чтеніи громадна. Имѣется школа, гдѣ «библіотека» состоитъ изъ 8 книгъ и учитель ея заявляетъ: «берутъ всѣ, читаютъ охотно»...

Городскія безплатныя читальни Петербурга. Къ 1898 году на средства города было открыто для всеобщаго пользованія шесть безплатныхъ читаленъ, которыя насчитывали у себя 26.840 томовъ, на сумму 30.788 р. 58 к., и прочаго имущества на 7.410 рублей; содержаніе этихъ читаленъ: наемъ помѣщенія, служащихъ и т. п. обходится городу въ 18.000 р. ежегодно.

При такихъ сравнительно крупныхъ затратахъ на симпатичное дѣло, невольно ожидаешь не менѣе крупныхъ результатовъ, но при ближайшемъ знакомствѣ это оказывается не совсѣмъ такъ.

Прежде всего каталогъ разрѣшенныхъ книгъ для безплатныхъ народныхъ читаленъ настолько ограниченъ, что даже при не строгомъ подборѣ книгъ, пригодныхъ для чтенія наберется самое большее на 500—600 рублей. Изъ отчетовъ видно, что покупаютъ и раздаютъ читателямъ такія книги, какъ произведенія Жаколіо, Дедю, Викторова, Фелье, Бутовскаго, Чичагова, Перка, Рангада, Аблессимова и пр. (что это за книги?!), которыя для всѣхъ грамотныхъ людей, не считая коммиссіи по народному образованію, являются цѣлымъ открытіемъ. Затѣмъ, вся масса книгъ,—почти двадцать семь тысячъ томовъ,—сосредоточена въ шести пунктахъ города, почему бѣднотѣ, ютящейся на всемъ пространствѣ Петербурга и въ его окресностяхъ и работающей по 10—12 ч. въ день, все это книжное богатство просто не доступно.

Изъ отчета коммиссіи по народному образованію за 1897 г. видно, что берущихъ книги на домъ было въ среднемъ въ каждой читальнѣ всего-на-всего 437 человѣкъ, изъ которыхъ 158 человѣкъ было прислуги и рабочихъ, а остальные читатели принадлежали къ чиновникамъ, учащимъ, учащимся, живущимъ на свои средства и даже къ «живущимъ своимъ капиталомъ». Кромѣ отдаленности читаленъ, отталкиваетъ отъ нихъ малоимущій людъ, живущій и близко, то обстоятельство, что для полученія права чтенія книгъ на дому необ-

ходимо внести залогъ (отъ 2 р. 50 к. до 4 р. 26 к. въ среднемъ на читателя) или же представить поручительство хозяина, домовладѣльца, учителя и т. п., что не можетъ не стѣснять рабочаго.

Изъ числа сорока трехъ тысячъ посѣщеній во всѣхъ шести читальняхъ за 1897 г. только на долю четырехъ человѣкъ приходится въ среднемъ свыше десяти посѣщеній (офицеръ—77, учащаяся въ высшемъ учебномъ заведеніи—40, живущій своимъ капиталомъ—20 и живущая на средства семьи—18 разъ), всѣ же остальные посѣтители бывали отъ одного до семи разъ въ годъ, заходя въ читальни совершенно случайно.

Отчетъ коммиссіи по народному образованію указываетъ на быстрое сокращеніе числа посѣтителей. И дѣйствительно, съ 51,5 тысячъ посѣтителей четырехъ первыхъ читаленъ въ 1895 г., это число упало въ 1896 г. до 48,2 тысячъ въ пяти читальняхъ, а въ слѣдующемъ 1897 году даже до 43 тысячъ человѣкъ во всѣхъ шести читальняхъ.

Особенно рельефно выдѣляется указанное сокращеніе въ I Пушкинской читальнѣ; тамъ въ 1889 г. было 26,2 тысячи посѣтителей, а въ 1897 г. число посѣщеній упало до 18,5 тысячъ. Такое значительное паденіе цифры посѣтителей въ I Пушкинской библіотекѣ отчетъ объясняетъ «послѣдовавшимъ въ 1892 году распоряженіемъ о сокращеніи допускаемыхъ въ читальню журналовъ и газетъ». «Первоначально, въ первые годы по открытіи читальни, она не была въ этомъ отношеніи ни мало стѣснена и выписывала и получала даромъ всѣ почти журналы и газеты, чѣмъ въ значительной мѣрѣ привлекла къ себѣ публику. читавшую прежде эти же газеты въ трактирахъ и портерныхъ; съ воспрещеніемъ же читальнѣ имѣть газеты и журналы, наиболѣе доступные по своему содержанію средней публикѣ, эта публика пошла во прежнему читать ихъ безъ всякаго контроля, со стороны библіотекаря, въ отношеніи возраста, пола и развитія, въ тѣ же трактиры и портерныя». (Отчетъ коммиссіи по нар. обр. за 1897 г., стр, 156). Несомнѣнно, что это распоряженіе имѣло на ряду съ указаннымъ уже неудобствомъ значительное вліяніе на сокращеніе числа посѣтителей; тѣмъ не менѣе оказывается, что сокращеніе это должно быть отнесено къ интеллигентнымъ посѣтителямъ, рабочій же людъ упорно продолжаетъ ходить въ читальни. Число рабочихъ, читавшихъ въ помѣщеніи читаленъ, возросло съ 2.830 человѣкъ въ 1895 г. до 2.967—въ 1896 и 2.920—въ 1897 г., при этомъ число рабочихъ, бравшихъ книги на домъ, съ каждымъ годомъ еще болѣе увеличивалось: въ 1895 году число читавшихъ дома было 575 рабочихъ, въ слѣдующемъ—747 и въ 1897 г.—751.

Интересны данныя о книгахъ, которыя берутъ для прочтенія на дому читатели безплатныхъ читаленъ, на половину рабочій народъ. Остановимся на произведеніяхъ хотя бы оригинальной беллетристики. Наибольшимъ спросомъ во всѣхъ шести читальняхъ пользуются: Л. Толстой — 1.213 требованій, Н. Данченко—1.133, Гоголь—1.056. Саліасъ — 1.016, Соловьевъ — 854, Писемскій—788, Гончаровъ—770, Тургеневъ—748, Лейкинъ—697, Пушкинъ—415, Достоевскій—368, Некрасовъ—219, Лермонтовъ—176.

Рѣзущее на первый взглядъ предпочтеніе произведеній Лейкина передъ произведеніями Пушкина, Достоевскаго, Некрасова и Лермонтова объясняется присутствіемъ среды читателей интеллигентовъ, читавшихъ этихъ авторовъ ранѣе и развившихъ свои вкусы до произведеній Дедю и Лейкина; что касается сравнительно слабаго спроса Некрасова и Лермонтова, то не надо забывать, что произведенія этихъ авторовъ вмѣщаются въ 2-хъ или 1-мъ томѣ, тогда какъ сочиненія Л. Толстого, Тургенева, Н. Данченко, Саліаса помѣщены въ 15—20 томахъ и потому даютъ большее число требованій, вслѣдствіе чего на одного читателя Тургенева и Некрасова приходится 10 требованій перваго и 2 второго.

Павловскіе кустари. Въ «Нижегор. Листкѣ» сообщаются интересныя свѣдѣнія объ отношеніяхъ между кустарями и скупщиками въ селѣ Павлово. Авторъ корреспонденціи изъ Павлова пишетъ:

«Не безъизвѣстно, что наше мѣстное и окрестное кустарное населеніе, занимающееся выдѣлкой замковъ, ножей, ножницъ и др. т. п. издѣлій, почти всецѣло зависитъ отъ скупщиковъ, которые перекупаютъ готовый товаръ изъ рукъ кустарей и затѣмъ отправляютъ его въ разные города Имперіи по требованіямъ или же сами непосредственно сбываютъ по ярмаркамъ. Скупка товара бываетъ обыкновенно по понедѣльникамъ и передъ большими праздниками, какъ Рождество, Пасха и нѣкоторые другіе, и наканунѣ этихъ праздниковъ. При покупкѣ товара у кустаря скупщики строго держатся укоренившагося въ ихъ средѣ правила прижать, насколько только возможно, кустаря въ цѣнѣ за товаръ и выдать ему при раздѣлкѣ часть деньгами, а часть какимъ-нибудь товаромъ, высокимъ по цѣнѣ (опредѣленной, конечно, самимъ скупщикомъ), но сомнительнымъ по качеству. Въ особенно грубой формѣ обнаруживается это притѣсненіе передъ праздниками Рождества и Пасхи. Кустарь въ послѣднія недѣли передъ этими праздниками работаетъ, не покладая рукъ, не досыпаетъ ночей, чтобы только «выгнать» побольше готоваго товара и увеличить свой скудный заработокъ, а скупщикъ, пользуясь удобнымъ случаемъ, выказываетъ на дѣлѣ все свое мастерство въ прижимательствѣ и ужъ дѣйствительно жметъ кустаря въ это время по всѣмъ правиламъ искусства: цѣна на товаръ передъ упомянутыми праздниками падаетъ обыкновенно до крайнихъ размѣровъ, кустарю при продажѣ товара ставится многими изъ скупщиковъ въ непремѣнное условіе взять за товаръ около трехъ четвертей или даже только около половины его стоимости деньгами, а остальную часть забрать различными продуктами, состоящими изъ сырого желѣза, или чая, мяса, мыла и всякихъ другихъ, въ большинствѣ случаевъ, залежалыхъ товаровъ, которые скупщикъ заблаговременно постарался пріобрѣсти различными путями за безцѣнокъ, а самъ сбываетъ къ праздникамъ кустарямъ по цѣнѣ, вполтора раза дороже рыночной. Все это продѣлывается въ скупщицкой средѣ спокойно и настойчиво, какъ явленіе совершенно нормальное, да и чего особенно скупщику безпокоиться при твердомъ его убѣжденіи въ томъ, что кустарь изъ его рукъ никуда не вывернется, такъ какъ не имѣетъ достаточной поддержки, которая дѣлала бы его при продажѣ готоваго товара хотя бы немного независимымъ отъ давленія скупщика. Былъ, впрочемъ, одно время періодъ, когда, по настоянію мѣстнаго исправника г. Ржевскаго, подобныя продѣлки скупщиковъ строго преслѣдовались и на время прекратились почти совершенно, въ то время покончилъ свое существованіе и такъ называемый скупщицкій «промѣнъ», представлявшій изъ себя удержку скупщикомъ у кустаря отъ каждаго рубля отъ 2 до 3-хъ копѣекъ. Эти 2 или 3 недодававшіяся копѣйки изъ каждаго рубля, составлявшія наглое обирательство, назывались у скупщиковъ «промѣномъ». Съ теченіемъ времени обстоятельства, однако, измѣнились, скупщики сначала понемногу, а потомъ больше и больше стали потихоньку пускать въ ходъ выдачу продуктовъ, пока не вошли опять въ прежнюю колею».

Авторъ корреспонденціи отмѣчаетъ развитіе общественной жизни въ Павловѣ: существующее тамъ общество потребителей задалось также цѣлью открывать торговыя отдѣленія въ удаленныхъ отъ базара окраинахъ села и торговать тамъ товарами по базарнымъ цѣнамъ; въ настоящее время, въ видѣ опыта, существуетъ полгода пока еще одно отдѣленіе и дѣйствуетъ прекрасно, благодаря тому, что доставляетъ жителямъ полную возможность пріобрѣтать товаръ хорошаго качества и по дешевой цѣнѣ подъ рукой безъ ходьбы на базаръ за версту и болѣе и безъ потери дорогого каждому рабочаго времени. Въ виду очень солиднаго торговаго оборота отдѣленія за первые полгода его

дѣйствія, общество для расширенія своей дѣятельности и для еще большаго расширенія своихъ торговыхъ оборотовъ, цѣликомъ вліяющихъ на успѣхъ общественнаго торговаго дѣла, постарается, вѣроятно, принять всѣ мѣры къ тому, чтобы отярыть еще нѣсколько торговыхъ своихъ отдѣленій въ тѣхъ мѣстахъ села, кои удалены отъ базара, такъ какъ успѣхъ этихъ отдѣленій и польза отъ нихъ несомнѣнны. Пры всемъ томъ, на каждый рубль, забранный продуктами въ лавкахъ общества, оно, по истеченіи отчетнаго года, выдаетъ членамъ изъ прибылей около 2—3 копѣекъ дивиденда. Съ переходомъ, съ годъ тому назадъ, на нормальный уставъ, выработанный правительствомъ для всѣхъ обществъ потребителей, общество дало возможность вступать въ число членовъ и бѣдному кустарному населенію, значительно облегчивъ взносъ пая. По прежде существовавшему уставу желающій вступить въ члены общества долженъ былъ сразу внести пай въ 10 рублей и вступную плату—1 руб. 20 коп.; теперь же каждый изъявившій желаніе вступить въ члены вноситъ единовременно только вступную плату 1 руб. 20 коп., а пай можетъ платить въ разсрочку въ теченіе цѣлаго года, причемъ имѣетъ право кредитоваться въ обществѣ на $^3/_4$ сдѣланныхъ имъ паевыхъ взносовъ, пользуется изъ прибыли дивидендомъ на заборъ и другими выгодами, приносимыли обществомъ, и лишь на общихъ собраніяхъ участвуетъ до уплаты полнаго пая съ правомъ совѣщательнаго, а не рѣшающаго голоса. Затѣмъ, пользуясь примѣчаніемъ къ § 1 нормальнаго устава, разрѣшающимъ организовать при обществѣ «учрежденія, имѣющія цѣлью различными средствами и способами улучшать матеріальныя и *нравственныя* условія жизни членовъ общества», послѣднее въ недалекомъ прошломъ приступило къ устройству для своихъ членовъ ссудо-вспомогательной кассы съ выдачею членамъ общества %-ныхъ ссудъ а также возвратныхъ и безвозвратныхъ пособій; правила этой кассы посланы на утвержденіе подлежащему начальству; въ настоящее же время особая коммиссія при обществѣ занята разработкой устава похоронной кассы, предполагаемой къ устройству при обществѣ.

Памяти М. С. Корелина. (Некрологъ). 3-го января скончался извѣстный историкъ, профессоръ московскаго университета М. С. Корелинъ. Приводимъ краткія свѣдѣнія о его жизни и научной дѣятельности, пользуясь некрологомъ «Русск. Вѣдом.». Покойный родился въ 1855 году и происходилъ изъ *крестьянской семьи.* Окончивъ курсъ въ 1-й московской гимназіи, М. С. поступилъ на историко-филологическій факультетъ московскаго университета и во время прохожденія университетскаго курса спеціально занимался всеобщей исторіей, преимущественно культурной ея стороною въ связи съ исторіей всеобщей литературы и искусства. За изслѣдованіе легенды о Фаустѣ (часть этой работы была затѣмъ напечатана въ *Вѣстникѣ Европы*) онъ получилъ, золотую медаль и, окончивъ курсъ со степенью кандидата по историческому отдѣленію, былъ оставленъ при университетѣ. По возвращеніи изъ-за границы онъ написалъ и напечаталъ обширную диссертацію «Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія»; въ основу этого двухтомнаго сочиненія положены были данныя, собранныя авторомъ во время его заграничныхъ занятій. М. С. Корелинъ представилъ въ московскій университетъ свое изслѣдованіе «Ранній итальянскій гуманизмъ», какъ диссертацію на степень магистра всеобщей исторіи; но за особыя научныя достоинства этой диссертаціи, историко-филологическій факультетъ далъ М. С. Корелину степень доктора исторіи,—это былъ первый случай примѣненія въ московскомъ университетѣ правила новаго университетскаго устава о дарованіи степени доктора за диссертацію, представленную на степень магистра. По возвращеніи изъ-за границы М. С. возобновилъ чтеніе лекцій на высшихъ женскихъ курсахъ, а когда курсы были закрыты, принялъ

участіе въ систематическихъ публичныхъ лекціяхъ, читавшихся московскими профессорами въ 1890—1892 гг., выступивъ съ курсами по римской и средневѣковой исторіи. Съ 1889 г. М. С. началъ читать лекціи въ московскомъ университетѣ въ качествѣ приватъ-доцента, а затѣмъ послѣ защиты диссертаціи и полученія докторской степени былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ всеобщей исторіи; эту каѳедру онъ и занималъ до своей кончины. Первоначально покойный читалъ лекціи по исторіи искусства, затѣмъ по исторіи Востока; позднѣе его курсы касались различныхъ эпохъ исторіи Европы. Кромѣ разнообразной преподавательской дѣятельности, М. С. занимался литературной работой; въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ имъ напечатанъ рядъ статей по древней, средней и новой исторіи (преимущественно культурной) въ *Вѣстникѣ Европы*, *Историческомъ Вѣстникѣ*, *Русской Мысли*. Помимо историческихъ работъ, М. С. печаталъ статьи по педагогическимъ вопросамъ. Онъ также принималъ участіе въ изданіяхъ петербургскаго кружка для развитія самообразованія, и для той же цѣли были предназначены изданные имъ отдѣльно очерки по культурной исторіи Востока и по исторіи искусства. Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить, что покойный профессоръ живо интересовался вопросами народной литературы и, между прочимъ, онъ въ особой статьѣ разработалъ вопросъ о томъ, какія свѣдѣнія и какія темы по всеобщей исторіи подходятъ для народныхъ изданій. Изъ приведенныхъ краткихъ свѣдѣній видно, какъ широка и разнообразна была научная и литературная дѣятельность профессора М. С. Корелина.

Чествованіе памяти Мицкевича. 12 декабря 1898 года, въ Варшавѣ состоялось открытіе памятника Адаму Мицкевичу въ день столѣтія его рожденія. Открытіе состоялось при торжественномъ молчаніи собравшагося народа, толпы котораго молча дефилировали мимо памятника, украшая его массой цвѣтовъ, вѣнковъ и букетовъ. На бывшихъ затѣмъ въ честь поэта собраніяхъ, объединившихъ самые различные слои польскаго народа, были произнесены многочисленныя рѣчи, изъ которыхъ приводимъ по «Нов. Времени» рѣчь Сенкевича, посвященную создателю памятника, скульптору Годебскому.

«Дорогой и любимый маэстро! Тому, который любилъ и чувствовалъ за милліоны, сердца этихъ милліоновъ отвѣтили величайшимъ почетомъ и любовью, а когда настала благопріятная минута, пожелали дать этимъ своимъ чувствамъ прочное и вѣчное выраженіе. Но, какъ это ты могъ видѣть нѣсколько дней назадъ,—чѣмъ глубже у насъ коллективное чувство, тѣмъ глубже молчанье, а слѣдовательно, этотъ почетъ и эту любовь къ памяти нашего великаго Адама Мицкевича могъ выразить только одинъ изъ такихъ избранныхъ сыновъ народа, которымъ Богъ далъ для этого соотвѣтственную мощь. Этимъ избранникомъ явился ты, маэстро, и, дѣйствительно, счастливъ былъ выборъ, потому что ты понялъ чувствомъ и угадалъ, что милліоны хотятъ, чтобы твое произведеніе было великимъ и величественнымъ, настолько болѣе вдохновеннымъ и болѣе народнымъ, насколько болѣе вдохновеннымъ и болѣе народнымъ въ сравненіи съ другими поэтами былъ нашъ великій и любимый пророкъ Адамъ Мицкевичъ. И ты исполнилъ задачу. Ни одинъ поэтъ ни въ одномъ городѣ не имѣетъ большаго и болѣе величественнаго памятника, чѣмъ Мицкевичъ въ Варшавѣ. Честь и хвала тебѣ за это! Твое имя, уже ранѣе славное и громкое, теперь окружитъ благодарная память общества, которое высказываетъ тебѣ ее моими устами. Прими въ доказательство этой благодарности медаль, пусть она будетъ для тебя памяткой великаго гражданскаго подвига и свѣтлымъ воспоминаніемъ на вѣчные дни твоего живота. Знай при этомъ, что на медали отчеканенъ не только твой ликъ, не только видъ твоего шедевра, но и наши сердца,

которыя отнынѣ будутъ тебя любить и будутъ соединять твое имя съ однимъ изъ лучшихъ дней нашей общественной жизни».

Памятникъ представляетъ бронзовую фигуру Мицкевича на высокомъ гранитномъ пьедесталѣ. Поэтъ стоитъ съ открытой головой, въ широкомъ плащѣ, который онъ придерживаетъ лѣвою рукой, правую поэтъ прижалъ къ груди, какъ бы сдерживая порывъ сердца. На лицѣ, задумчивомъ и вдохновенномъ, видна затаенная скорбь. Поэтъ какъ бы прислушивается и присматривается къ міру земныхъ страстей, распростертому у его ногъ. На лицевой сторонѣ памятника, на пьедесталѣ надпись: «Адаму Мицкевичу—земляки». Надъ надписью лира, лавры и закрытая книга, годъ рожденія и смерти поэта—1798—1855.

Въ Петербургѣ память поэта чествовалась торжественнымъ обѣдомъ, устроеннымъ 27 декабря, по иниціативѣ Союза русскихъ писателей. Присутствовали болѣе 100 литераторовъ и ученыхъ, въ ихъ числѣ были: Стасюлевичъ, Боборыкинъ, Потѣхинъ, Арсеньевъ, Владиміръ Соловьевъ, Спасовичъ, Михайловскій, Мордовцевъ, Леонидъ Полонскій, Суворинъ, Анненскій, Андреевскій, Мякотинъ, Ухтомскій, Загуляевъ, Скалонъ, Василевскій, Потапенко; писательницы: Шапиръ, Крестовская, Софія Смирнова и Калмыкова, художникъ Рѣпинъ, редакторъ «Края» Пильцъ; профессора: Буличъ, Коркуновъ, Свѣшниковъ и другіе. Предсѣдателемъ обѣда избранъ былъ старшій изъ присутствовавшихъ литераторовъ Потѣхинъ; рядомъ съ нимъ занималъ мѣсто авторъ памятника Мицкевичу въ Варшавѣ, скульпторъ Годебскій, бывшій ученикъ петербургской академіи художествъ. Прочитаны были телеграммы, присланныя въ отвѣтъ на приглашеніе Союза польскими писателями Сенкевичемъ, Оржешко и Прусомъ. Въ программѣ обѣда значилось 10 рѣчей. Говорили Спасовичъ, Мякотинъ, Потѣхинъ, Боборыкинъ, Вл. Соловьевъ и др.

По желанію присутствовавшихъ была послана привѣтственная телеграмма сыну поэта, Владиславу Мицкевичу, въ Парижъ, на которую, спустя нѣсколько дней, въ Союзѣ было получено прочувствованное письмо Вл. Мицкевича, съ выраженіемъ симпатій русской литературѣ и всѣмъ ея представителямъ

На 6-е февралѣ назначенъ вечеръ въ память Мицкевича, въ Петербургѣ. Вечеръ устраиваетъ Союзъ русскихъ литераторовъ. Въ вечерѣ принимаютъ участіе весь цвѣтъ столичной литературы, съ гг. Короленко и Михайловскимъ во главѣ.

Домъ Трудолюбія въ Самарѣ и его дѣятельность.

(Письмо изъ Самары).

Съ времени учрежденія въ 1881 году перваго Дома Трудолюбія въ Кронштадтѣ, по иниціативѣ отца Іоанна Сергіева, эти дома стали возникать и въ другихъ городахъ, и домъ въ Самарѣ, открытый въ 1894 году, былъ уже четырнадцатымъ по порядку. Исторію его можно разсказать въ немногихъ словахъ. Еще въ 1888 году, извѣстный пропагандистъ домовъ трудолюбія, баронъ Буксгевденъ, познакомилъ самарское общество съ дѣятельностью ранѣе открытыхъ домовъ, и при немъ была избрана коммиссія для выработки надлежащаго устава. Голодъ 1891—1892 года отвлекъ все вниманіе и всѣ силы общества на борьбу съ народнымъ бѣдствіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ нельзя болѣе ясно доказалъ желательность существованія такого дома, гдѣ лишившіеся работы люди могли бы найти временную поддержку. Уставъ общества былъ утвержденъ еще въ 1892 году, но дѣйствительно учредить общество удалось только въ 1894. Весною этого года, самарскій губернаторъ А. С. Брянчани-

новъ собралъ у себя нѣсколько лицъ, на дѣятельное участіе которыхъ можно было разсчитывать, и поставилъ на обсужденіе вопросъ объ осуществленіи давно задуманнаго плана. Присутствовавшіе на этомъ совѣщаніи представители самарскаго купечества тутъ же разрѣшили всѣ сомнѣнія относительно возможности найти средства подписавъ болѣе 13.000 рублей, а одинъ изъ нихъ пожертвовалъ возникавшему обществу мѣсто съ двухъ-этажнымъ каменнымъ домомъ и двумя небольшими флигелями. 30 марта уже образовалось «Общество Дома Трудолюбія», въ которомъ пожелало участвовать болѣе 350 человѣкъ.

Тутъ же было избрано правленіе изъ двѣнадцати человѣкъ подъ предсѣдательствомъ начальника губерніи, и 1 мая, на первомъ общемъ собраніи новаго общества, правленіе уже представило программу предполагаемой дѣятельности и примѣрную смѣту. Эти программа и смѣта были приняты, въ маѣ же начались работы по ремонту пожертвованнаго дома и по устройству въ немъ мастерскихъ, и 14 ноября, послѣ молебна, отслуженнаго въ новомъ Домѣ преосвященнымъ Гуріемъ, Домъ Трудолюбія былъ объявленъ открытымъ. На другой же день, 15 ноября, въ его двери уже стучались первые кліенты...

Теперь, когда прошло уже четыре года съ этого дня, даже поверхностный обзоръ дѣятельности Дома можетъ дать болѣе или менѣе опредѣленное представленіе о немъ и основанія для нѣкоторыхъ общихъ заключеній о значеніи этой новой формы общественной филантропіи.

Правленіе общества Дома Трудолюбія въ Самарѣ, представляя первому общему собранію программу предполагаемой дѣятельности Дома, указывало на то, что въ имѣющемся помѣщеніи можно будетъ устроить мастерскія только на 200 человѣкъ рамотающихъ обоего пола; но такъ какъ можно предвидѣть — особенно въ зимнее время—наплывъ бо́льшаго числа нуждающихся, и желательно, чтобы въ Домѣ Трудолюбія никому не отказывали въ работѣ, то необходимо учредить какія-либо работы и внѣ Дома.

При выборѣ работъ правленіе руководствовалось тремя основными принципами: а) чтобы работы были по возможности, просты, не требуя, для своего исполненія ни предварительной подготовки, ни дорогихъ или сложныхъ инструментовъ; б) чтобы продукты Дома могли имѣть обезпеченный сбытъ на мѣстномъ рынкѣ, и в) чтобы въ мастерскихъ Дома не производились работы, представляющія обычный предметъ занятій бѣднаго населенія города, во избѣжаніе раззорительной для послѣднихъ конкурренціи.

Плата за трудъ должна также быть установлена въ такомъ размѣрѣ, чтобы она обезпечивала существованіе трудящихся, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могла служить приманкой для людей, уже имѣющихъ сколько-нибудь достаточный заработокъ.

Принимая во вниманіе всѣ эти условія, намѣчены были слѣдующія работы въ мастерскихъ: для мужчинъ: производство деревянныхъ упаковочныхъ ящиковъ по заказу торговцевъ; щитовъ для охраненія желѣзнодорожныхъ путей отъ заносовъ; простыхъ рѣшетокъ для деревьевъ на городскихъ улицахъ; производство изъ лыка: укладокъ, котомокъ, пестерей и проч. Для женщинъ: шитье рубахъ, портовъ, чапановъ на заказъ и для базара; тканье половиковъ и холстовъ разнаго рода; пряденье нитокъ и шерсти; вязанье чулокъ, рукавицъ и шарфовъ. Для дѣтей: щипанье мочалы для обойщиковъ и на банныя мочалки, клейка картонныхъ коробокъ и т. п.

Внѣ Дома предполагалось посылать артели со старшимъ рабочимъ по требованію частныхъ лицъ: для очистки дворовъ и садовъ отъ снѣга и мусора, для пилки и колки дровъ, переноски мебели и проч., нагрузки и выгрузки вагоновъ, баржей и проч. Въ случаѣ особаго наплыва рабочихъ, отсутствія частныхъ требованій на нихъ и переполненія мастерскихъ Дома, правленіе предла-

гало предпринимать общеполезныя работы, напр., очистку улицъ и площадей города на счетъ самого общества.

Плату предположено было установить поденную за всѣ простыя работы въ Домѣ и внѣ Дома въ размѣрѣ 15 коп., за болѣе сложныя работы въ мастерскихъ предположено испробовать задѣльную плату. Рабочій день установленъ въ 9 часовъ зимой и 10 часовъ лѣтомъ.

На первомъ же собраніи правленіе указывало на необходимость устройства при Домѣ Трудолюбія дешевой столовой, ночлежнаго пріюта не менѣе, какъ на 200 человѣкъ, бани, прачечной и сушильни, и ясель для маленькихъ дѣтей, гдѣ послѣднія могли бы проводить день подъ надзоромъ опытной няни, пока матери находятся на работѣ. Какъ мы увидимъ, все это осуществилось, да и то не вполнѣ. значительно позже.

Штатъ служащихъ въ Домѣ Трудолюбія былъ принятъ такой:

Смотритель Дома, съ жалованьемъ въ	500	р.	при	квартирѣ.
Помощникъ, онъ же конторщикъ »	240	»	»	»
Смотрительница . . . . . »	240	»	»	»
Два сторожа - дворника . . . »	200	»	»	»
Няня при ясляхъ . . . . . »	72	»	»	»
Два мастера для мастерскихъ . . »	480	»	безъ	квартиры.

Правленіе Дома Трудолюбія не было особенно счастливо въ выборѣ перваго смотрителя Дома. Эту должность припялъ на себя одинъ маіоръ въ отставкѣ, который и управлялъ Домомъ около года. Этотъ господинъ былъ несомнѣнно распорядителенъ и энергиченъ, но, къ сожалѣнію, совершенно не могъ усвоить основныхъ принциповъ и цѣлей Дома. Желая, во что бы то ни стало, добиться дохода отъ мастерскихъ, онъ всѣми мѣрами старался держать въ Домѣ только знающихъ дѣло работниковъ, а такъ какъ среди самарскихъ нищихъ такіе не составляютъ большинства, то, конечно, это большинство и не имѣло ничего общаго съ Домомъ Трудолюбія. Результаты такого взгляда были именно тѣ, которыхъ слѣдовало ожидать: работы въ Домѣ убытка не дали, зато среднее число работниковъ въ теченіе всей первой зимы не превысило 25 человѣкъ въ день, а были дни, когда въ мастерскихъ трудно было насчитать ихъ и десятокъ. Общее число рабочихъ дней за эту зиму (съ 15 ноября по 1 марта) было 2.606, причемъ 150 дней пришлось на работы внѣ Дома, по требованіямъ частныхъ лицъ.

Кромѣ перечисленныхъ выше работъ, въ Домѣ ткались рогожи, шились матрацы, щипалась пакля и клеились конверты. Главной работой была щипка пакли. Всего расхода на матеріалы и плату работавшимъ было 1.409 рублей, а выручено за издѣлія и осталось матеріаловъ на сумму 1.655 р., т. е. получилось прибыли отъ работъ 246 рублей. Средній заработокъ работавшихъ былъ около 15 коп., въ день. Общій приходъ Общества въ первый годъ (включая первоначальныя пожертвованія) равнялся 17.745 руб., а общій расходъ—8.378 руб.

Ночлежнаго пріюта при Домѣ устроено не было; для дешевой столовой начата была постройка особаго дома, который однако потомъ былъ отведенъ подъ мастерскія. Но еще въ іюнѣ 1894 г. правленіе устроило дешевую чайную-столовую въ баракѣ на берегу Волги, а съ осени перенесло эту столовую въ особое помѣщеніе, нанятое для нея близъ городского базара. Столовая не стоила Обществу ни копѣйки денегъ, не смотря на крайнюю дешевизну продававшейся въ ней пищи и чая. Съ 11 іюня по 1 марта, эта столовая отпустила (по 2 коп. за порцію) чая—83.050 порціи, щей или похлебки 15.487 порцій и каши 10.901 порцію, на сумму 2.818 рублей. Съ 1895 года, эта столовая перешла въ вѣдѣніе Общества трезвости.

Лѣтомъ 1895 года на должность смотрителя Дома Трудолюбія былъ приглашенъ Е. Е. Блосфельдъ. Новый домъ былъ отданъ подъ мужскія мастерскія, а въ

старомъ домѣ остались женскія мастерскія; было устроено помѣщеніе для столовой и ночлежный пріютъ.

Перемѣна смотрителя рѣзко отразилась на всей дѣятельности Дома. Двѣ цифры это покажутъ лучше всякихъ словъ: за ноябрь—февраль 1894—1895 года, какъ мы видѣли, число всѣхъ рабочихъ дней было 2.606; за то же время въ 1895—1896 года ихъ было 13.462, т. е. оно увеличилось болѣе, чѣмъ въ пять разъ! Всего же въ 1895—1896 году рабочихъ дней было 17.696. Въ самое трудное время года, т. е. въ январѣ и февралѣ, наплывъ рабочихъ былъ иногда такъ великъ, что многимъ пришлось отказывать за недостатокъ помѣщеній. Работы Дома Трудолюбія пріобрѣтаютъ значительное разнообразіе, вводится производство щетокъ и швабръ, дверныхъ матовъ, садовой и дѣтской мебели, шитье мѣшковъ и проч.; въ число дѣтскихъ работъ—дѣланіе лампадныхъ поплавковъ, которыхъ продается болѣе 27.000 штукъ. Всего издѣлій разнаго рода произведено въ этомъ году 111.850 штукъ и на вѣсъ (мочало, пакля и т. п.) еще 108 пудовъ. Заработной платы выдано 2.051 рубль, и выручено отъ работъ въ Домѣ 7.687 рублей. Общій доходъ Дома (включая остатокъ капитала отъ прошлаго года) достигаетъ 20.842 рублей, а валовой расходъ—13.425 рублей.

Устроенная при Домѣ Трудолюбія пекарня дала чистаго дохода 126 рублей. Въ ночлежномъ пріютѣ Дома ночевало 13.443 человѣкъ.

Чтобы не загромождать этотъ очеркъ статистикой, я пропущу цифры за 1896—97 годъ, указавъ только, что работы дали въ этомъ году чистой прибыли болѣе 600 рублей, число рабочихъ дней было уже 33.614 и ночлежнымъ пріютомъ воспользовались 25.214 человѣка.

Въ 1897—1898 году мы снова видимъ значительное увеличеніе этихъ уже достаточно внушительныхъ цифръ. Число рабочихъ дней уже было болѣе 45.800, причемъ среднее число рабочихъ въ февралѣ и мартѣ 1898 года уже 283 въ день, т. е. въ десять разъ больше, чѣмъ въ первый годъ; а въ ночлежномъ пріютѣ проведено работавшими и посторонними бѣдняками 65.184 ночи. Работы внѣ Дома развиваются на столько, что въ 1897—1898 году ихъ уже было 7.600 дней. Пекарня даетъ также 1.940 рублей чистой прибыли, при годовомъ оборотѣ въ 10.200 рублей.

Количество выдѣланныхъ въ мастерскихъ Дома предметовъ достигаетъ крупной цифры 726.700 штукъ, кромѣ 1.200 пудовъ товаровъ, продаваемыхъ на вѣсъ. Главное количество предметовъ падаетъ на коробки для чая, которыхъ по заказу изготовлено 506.980 штукъ, затѣмъ мѣшковъ сшито и починено почти 100.000 штукъ, ящиковъ деревянныхъ сдѣлано больше 11.000, коробокъ картонныхъ разныхъ больше 33.000, корзинъ больше 800 и множество другихъ издѣлій; всего 56 названій. Заработной платы выдано уже 4.223 рубля. Общій доходъ Дома, считая капиталъ, оставшійся отъ прошлаго года, равнялся 38.991 рублю, а общій расходъ—26.852 рублямъ, изъ которыхъ однако 10.200 рублей истрачено на постройку новаго большого двухъ-этажнаго дома для мастерскихъ, кухни и столовой.

Благодаря частнымъ пожертвованіямъ спеціально на обѣды для нуждающихся, работавшимъ въ Домѣ Трудолюбія съ 1897 года выдавались обѣды безплатно, и выдано ихъ 84.548, не затрачивая на это ни копѣйки изъ общихъ суммъ Общества.

Постоянно изыскивая новые способы для усиленія средствъ Дома Трудолюбія, г. Блосфельдъ придумалъ взять въ аренду у города право расклейки афишъ. Въ теченіи перваго года, городъ бралъ половину чистаго дохода себѣ, но теперь, вслѣдствіе заявленія начальника губерніи, пожертвовалъ весь доходъ Дому Трудолюбія на пять лѣтъ. Наклейка афишъ на особыхъ витринахъ, построенныхъ «трудолюбцами»—дала въ настоящемъ году 1.008 руб. чистаго дохода.

Считая, что бѣдняки, работающіе въ Домѣ, не менѣе нуждаются въ отдыхѣ и развлеченіи, чѣмъ ихъ болѣе обезпеченные собратья, Е. Е Блосфельдъ уговорилъ кружокъ любителей изъ мѣстной молодежи устроить въ теченіе зимы нѣсколько спектаклей въ Домѣ, для каковой цѣли въ одной изъ большихъ мастерскихъ была построена добровольцами рабочими временная сцена и написаны декораціи. Спектакли привлекали массу бѣднаго люда, вслѣдствіе номинальной платы за входъ, а игра любителей вскорѣ достигла сравнительно высокой степени совершенства. Спектакли эти не только окупались, но и дали Дому 380 рублей прибыли.

Кромѣ театра, въ Домѣ каждый четвергъ устраивались чтенія для работающихъ; читали поочередно священникъ Альбицкій и С. С. Чернышевъ.

Всякое описаніе Дома будетъ неполнымъ, если мы не скажемъ нѣсколько словъ о его пестромъ населеніи. Главный контингентъ людей, обращающихся къ помощи Дома, доставляютъ, конечно, бѣднѣйшіе классы населенія: крестьяне, которыхъ нужда вынудила искать заработковъ въ городѣ, разорившіеся мѣщане, мелкіе ремесленники и рабочіе безъ дѣла, прислуга безъ мѣста, переселенцы изъ другихъ губерній, которыхъ безденежье или болѣзнь задержали въ пути, и т. п. Но не только бѣдный рабочій людъ идетъ въ Домъ Трудолюбія въ періоды безработицы; суровыя вьюги и лютые морозы гонятъ въ его теплыя мастерскія и ночлежный домъ бродячее населеніе набережной, кирпичныхъ сараевъ и развалившихся лачугъ; весь тотъ бездомный, шатущій людъ, безъ котораго не стоитъ ни одинъ большой городъ. Профессіональные нищіе, безпріютныя женщины, брошенныя дѣти; а подчасъ и профессіональные воры и воришки зарабатываютъ кусокъ хлѣба, а не мѣсто на нарахъ честнымъ трудомъ. Двери Дома открыты всякой нуждѣ; для входа въ нихъ требуется только одно условіе—согласіе работать.

Но не одни только крестьяне, мѣщане и нищіе сколачиваютъ ящики, щиплютъ паклю и шьютъ мѣшки въ мастерскихъ Дома. Нужда не разбираетъ ни званія, ни происхожденія, и если вы внимательно всмотритесь въ эту толпу людей, съ утра до ночи переполняющую Домъ, вы разглядите (и не очень рѣдко) въ ней и бывшаго учителя, и чиновника въ отставкѣ, и актера, а иногда даже и дочь «бѣдныхъ, но благородныхъ» родителей. Нужно ли говорить, что самой обычной причиной, приводящей образованныхъ людей въ мастерскія Дома—является вино? Но это далеко не единственная причина,—бѣда всякая бываетъ,—поэтому ужъ если гдѣ не слѣдуетъ судить по первому впечатлѣнію, такъ это въ Домѣ Трудолюбія.

Невольно бросается въ глаза одно обстоятельство, которое нѣсколько опредѣляетъ отношеніе самарскаго общества къ Дому Трудолюбія. Въ 1894 году, когда только что открылось Общество Дома Трудолюбія, въ немъ было 370 членовъ, черезъ годъ ихъ было уже 279, а въ 1898 году ихъ осталось всего 190, считая почетныхъ... Старое, знакомое явленіе!

Общественныя учрежденія, однако, нѣсколько лучше смотрятъ на Дома Трудолюбія, видя въ немъ одно изъ средствъ для борьбы съ нищенствомъ. Земство и городское управленіе увеличили свою помощь Дому; крупную субсидію дало ему также и общество трезвости.

Домъ Трудолюбія взялъ на себя также рекомендацію прислуги,—конечно безплатно. Доказательствомъ довѣрія, съ которымъ относятся къ Дому, можетъ служить дѣятельность этого бюро. Въ 1897—1898 году оно помѣстило на должности кухарокъ 637 женщинъ, на должности горничныхъ—367 и въ няни—208, не считая другихъ.

Теперь опять неурожай въ злополучной Самарской губерніи, опять улицы Самары переполняются мужиками, бабами и дѣтьми, которыхъ голодъ гонитъ

изъ ихъ убогихъ деревень на поиски какой-нибудь работы въ городъ, и опять Домъ Трудолюбія биткомъ набитъ этими насчастными.

Дай Богъ, чтобы общая бѣда вновь соединила всѣхъ думающихъ и чувствующихъ людей; чтобы тѣ, которые давно не знаютъ, что такое нужда, почувствовали непривычное движеніе въ сердцѣ и рѣшились бы наконецъ отдать часть своихъ лишнихъ рублей туда, гдѣ они помогутъ поддержать здоровье и жизнь менѣе счастливыхъ собратьевъ. Н. Ш.

За границей.

Народные театры въ Нью-Іоркѣ. Ни одинъ изъ европейскихъ городовъ не можетъ, конечно, сравниться съ Нью-Іоркомъ по количеству театровъ; тамъ существуетъ болѣе сотни англійскихъ театровъ и ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ права пожаловаться на равнодушіе публики. Но кромѣ этихъ обыкновенныхъ театровъ, каждая иностранная колонія въ Нью-Іоркѣ имѣетъ еще свой національный и притомъ непремѣнно народный театръ. Даже китайцы имѣютъ свой собственный театръ, подобно другимъ иностраннымъ поселенцамъ. Эти народные національные театры пользуются большою популярностью въ народныхъ кварталахъ огромнаго американскаго города. Наиболѣе интересные изъ этихъ театровъ, это—нѣмецкій и итальянскій, въ особенности послѣдній, который смѣло можно причислить къ числу лучшихъ народныхъ театровъ. Онъ посѣщается исключительно мелкими торговцами, разносчиками, чистильщиками сапоговъ, парикмахерскими учениками и т. д. Женщины являются въ театръ вмѣстѣ со своими маленькими дѣтьми, но, по словамъ американскаго журналиста, описывающаго эти театры въ «Harper's Magazine», маленькія дѣти не служатъ помѣхой и не стѣсняютъ зрителей. Вообще видъ зрительной залы итальянскаго народнаго театра носитъ чисто семейный характеръ: ремесленники приходятъ туда цѣлыми семьями и принимаютъ самое живое участіе въ томъ, что происходитъ на сценѣ. Репертуаръ этого театра указываетъ на высокое развитіе драматическихъ вкусовъ публики и посѣтитель, ожидающій увидѣть какія нибудь мелодрамы или грубое фиглярство съ цѣлью увеселенія толпы, очень ошибется, такъ какъ въ театрѣ даются по преимуществу трагедіи Шекспира и пьесы лучшихъ современныхъ итальянскихъ и другихъ авторовъ. Нѣкоторые изъ актеровъ итальянскаго народнаго театра, по словамъ журналиста, могутъ соперничать съ лучшими исполнителями шекспировскаго репертуара, но сценическая обстановка оставляетъ желать многаго. Театръ не обладаетъ большими средствами и такъ какъ посѣщающая его публика принадлежитъ къ бѣднѣйшимъ классамъ рабочаго населенія, то, разумѣется, театръ не можетъ приносить такихъ доходовъ, которые давали бы возможность дирекціи возобновить старыя ветхія декораціи. Очень часто декораціи совершенно не соотвѣтствуютъ пьесѣ, но публика съ этимъ мирится и не обращаетъ вниманія на то, напримѣръ, что въ дыру, находящуюся въ стѣнѣ какой-нибудь декораціи, можно видѣть, что дѣлается за сценой. Но хорошая игра главныхъ актеровъ заставляетъ забывать всѣ эти подробности, и создаетъ полную иллюзію.

Праздничные и воскресные дни театръ всегда бываетъ полонъ и юные чистильщики сапоговъ, продавцы банановъ и т. п. цѣлую недѣлю копятъ деньги, чтобы потомъ взять билетъ въ театръ. Каждый ремесленникъ итальянецъ считаетъ своимъ долгомъ пойти въ воскресенье со своею женою и дѣтьми въ театръ и благодаря тому, что дирекція вовсе не старается угождать низменнымъ вкусамъ толпы, а напротивъ, стремится ихъ возвысить, развить и познакомить толпу съ выдающимися драматическими произведеніями, народный

итальянскій театръ въ Нью-Іоркѣ дѣйствительно имѣетъ воспитательное значеніе и можетъ служить образцомъ для всякого другого народнаго театра.

Совсѣмъ иначе отзывается американскій журналистъ о народномъ театрѣ нѣмецкой колоніи въ Нью-Іоркѣ. Тутъ и публика, и обстановка, и театральный репертуаръ—все совершенно другое. Въ противоположность итальянской публикѣ, нѣмецкая даже во время представленія держитъ себя неспокойно. Тутъ также много семействъ съ дѣтьми, но дѣти эти производятъ шумъ и часто вызываютъ громкіе протесты со стороны зрителей. Иногда шумъ въ зрительной залѣ бываетъ такъ силенъ, что актеры прерываютъ представленіе, пока не возстановится порядокъ, и въ это время мирно бесѣдуютъ другъ съ другомъ на сценѣ.

Но и этотъ театръ всегда бываетъ полонъ по праздникамъ, такъ что въ виду такой потребности въ Нью-Іоркѣ былъ открытъ еще другой, тоже нѣмецкій народный театръ. Послѣдній посѣщается не только нѣмцами; русскіе и поляки ремесленники, работающіе ежедневно до изнеможенія силъ, отказываютъ себѣ во многомъ въ теченіе недѣли, чтобы только имѣть возможность купить билетъ въ нѣмецкій народный театръ, который они посѣщаютъ по преимуществу, такъ какъ ни русская, ни польская колонія не имѣютъ своего собственнаго театра. Замѣчательно, что оба театра посѣщаются главнымъ образомъ, только старыми поселенцами или такими, которые недавно переселились въ Америку. Молодое же поколѣніе, выросшее и воспитанное въ Америкѣ, предпочитаетъ обыкновенно чисто американскіе театры, такъ какъ они больше отвѣчаютъ его вкусамъ и болѣе соотвѣтствуютъ всему строю жизни въ Соединенныхъ Штатахъ, нежели международные театры.

У президента Трансваальской республики. Года четыре тому назадъ Трансваальская республика, благодаря столкновенію боеровъ съ англичанами и нашествію доктора Джемсона, обратила на себя вниманіе общей европейской печати и заинтересовала европейскую читающую публику. Личность президента этой республики, старика Крюгера, сдѣлалась исторической и съ тѣхъ поръ въ телеграммахъ и корреспонденціяхъ, печатающихся въ газетахъ, его имя стало часто упоминаться.

Старикъ Крюгеръ или «Oom Paul» (дядя Поль), какъ его называютъ боеры, несмотря на свои 72 года, отличается бодростью и энергіею духа. Популярность его очень велика среди населенія Трансвааля и его въ третій разъ почти единогласно выбираютъ на постъ президента. По словамъ всѣхъ европейскихъ корреспондентовъ, имѣвшихъ случай бесѣдовать съ нимъ, онъ—одна изъ самыхъ любопытныхъ личностей въ Трансваалѣ и соединяетъ въ себѣ всѣ достоинства и недостатки боеровъ, этого маленькаго народа, такъ упорно боровшагося за свою независимость. «Оомъ Поль» живетъ очень скромно, въ маленькомъ одноэтажномъ домикѣ, окруженномъ, какъ и всѣ боерскіе дома, широкою верандою. Единственнымъ отличіемъ этого дома служитъ то, что у рѣшетки стоятъ двое часовыхъ, но, въ противоположность тому, что мы привыкли видѣть въ Европѣ, солдаты эти, прислонивъ ружье къ рѣшеткѣ и сами облокотившись на нее, непринужденно бесѣдуютъ между собою или разговариваютъ съ прохожими и не измѣняютъ своей удобной позы даже тогда, когда президентъ показывается на верандѣ.

Но старикъ Крюгеръ не очень-то любитъ иностранцевъ и далеко не всѣмъ корреспондентамъ иностранныхъ газетъ удавалось добиться у него аудіенціи. Онъ также неохотно довѣряетъ и свое здоровье иностраннымъ врачамъ и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, уступая настояніямъ своихъ приближенныхъ, рѣшается пригласить къ себѣ кого-нибудь изъ иностранныхъ врачей, пользующихся

извѣстностью въ Преторіи. Но и тогда онъ предпочитаетъ обращаться къ нѣмецкимъ врачамъ, а не къ англійскимъ, которыхъ въ Трансваалѣ довольно много. Одинъ изъ нѣмецкихъ врачей, недавно побывавшій въ Преторіи, былъ приглашенъ къ Крюгеру для врачебнаго совѣта и сообщаетъ нѣкоторыя подробности своего посѣщенія, характерно обрисовывающія личность президента южно-африканской республики.

Крюгеръ давно уже страдаетъ глазами и это обстоятельство нѣсколько разъ заставляло его обращаться къ иностраннымъ врачамъ, аллопатамъ и гомеопатамъ и даже миссіонерамъ, занимающимся лѣченіемъ различныхъ недуговъ. Однако болѣзнь не поддавалась лѣченію, тѣмъ болѣе что Крюгеръ ограничивался лишь консультаціей съ врачами и не приглашалъ ихъ пользовать его болѣе или менѣе продолжительное время. Проѣзжій нѣмецкій врачъ, котораго онъ пригласилъ къ себѣ, нашелъ у него такое страданіе глазъ, для излѣченія котораго необходима небольшая операція. Онъ сказалъ это Крюгеру, но тотъ рѣшительно отклонилъ предложеніе врача сдѣлать ему эту операцію, хотя Крюгера ни въ какомъ случаѣ нельзя упрекнуть въ недостаткѣ мужества. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ онъ самъ, перочиннымъ ножомъ, отрѣзалъ себѣ на охотѣ первый суставъ большого пальца на лѣвой рукѣ, раздробленный взрывомъ ружейнаго заряда. Помощь была далека и чтобы избѣжать омертвѣнія раны, Крюгеръ самъ сдѣлалъ себѣ операцію и произвелъ аммутацію сустава съ такимъ искусствомъ, что докторъ, накладывавшій ему потомъ перевязку, былъ просто этимъ пораженъ. Однако довѣрить свои глаза иностранному врачу Крюгеръ все таки не рѣшился и взамѣнъ этого попросилъ врача осмотрѣть его уши, такъ какъ его безпокоитъ постоянный шумъ и звонъ въ ушахъ.

Врачъ разговаривалъ съ президентамъ черезъ переводчика, такъ какъ голландскій языкъ боеровъ, благодаря примѣси къ нему множество готтентотскихъ и кафрскихъ словъ, превратился въ настоящій мѣстный діалектъ, трудно понятный для европейца. По мнѣнію врача, президентъ могъ вести разговоръ какъ на нѣмецкимъ, такъ и на англійскомъ языкѣ, но почему-то не пожелалъ этаго. Когда врачъ досталъ инструменты, чтобы осмотрѣть уши президента, то этотъ послѣдній сказалъ ему ворчливо-добродушнымъ тономъ:

— Смотри же. Если послѣ твоего изслѣдованія у меня разболятся уши, то я безъ всякой церемоніи перерѣжу тебѣ горло!

Врачъ, однако, не испугался угрозы и приступилъ къ изслѣдованію слуха президента. Должно быть онъ понравился президенту, потому что тотъ довольно любезно разговорился съ нимъ и жаловался ему на то, что иностранные врачи, когда онъ ихъ приглашаетъ къ себѣ, всегда требуютъ съ него за это очень большіе гонорары. Правда ли, что въ Европѣ имъ платятъ такія громадныя деньги за совѣтъ? спросилъ президентъ. Врачъ назвалъ ему цифры гонораровъ, получаемыхъ нѣкоторыми европейскими знаменитостями. Крюгеръ удивленно покачалъ головой и замѣтилъ, что вообще онъ находитъ европейцевъ довольно расточительными людьми. Никогда европейцы, маломальски зажиточные, не станутъ вести такой скромный образъ жизни, какой ведетъ, напримѣръ онъ— глава республики. Врачъ согласился съ этимъ при взглядѣ на скромную обстановку президентскаго дома, мало отличающуюся отъ обстановки болѣе или менѣе зажиточныхъ боеровъ, обитающихъ въ своихъ фермахъ. Да и весь наружный обликъ президента скорѣе напоминалъ крестьянина, привыкшаго къ земледѣльческому труду, нежели главу государства. А между тѣмъ «Оомъ Поль» получаетъ въ качествѣ президента 7000 ф. ст. въ годъ содержанія, да еще 300 фунтовъ на представительство. Это такъ называемыя «деньги на кофе» и поэтому на пріемахъ у президента никогда не бываетъ другого угощенія, кромѣ кофе и пирожковъ. Но все это не мѣшаетъ Крюгеру пользоваться любовью и преданностью всѣхъ гражданъ маленькой республики, прежде

всего видящихъ въ немъ «своего человѣка», понимающаго ихъ нужды и стремленія, къ которому они имѣютъ доступъ во всякое время и могутъ разговаривать такъ просто, какъ обыкновенно разговариваютъ другъ съ другомъ.

Публичная лекція Эрнеста Лависса. Парижскій университетъ организовалъ рядъ публичныхъ лекцій въ Сорбоннѣ для студентовъ различныхъ факультетовъ по разнымъ отраслямъ знанія. Еще до начала лекцій на нихъ записалось 700 человѣкъ и первая лекція, прочитанная профессоромъ исторіи Лависсомъ, предсѣдателемъ ассоціаціи французскихъ студентовъ, имѣла громадный успѣхъ. Громадная аудиторія была полна слушателями, которые устроили профессору восторженную овацію, какъ только онъ появился на каѳедрѣ.

Лависсъ избралъ темою своей лекціи книгу Мишле «L'Etudiant». Извѣстно, что подъ этимъ названіемъ были изданы лекціи, прочитанныя Мишле во французской коллегіи и заключавшія въ себѣ, по его собственному опредѣленію, «Курсъ соціальной философіи для юношества». Мишле излагаетъ въ нихъ нравственныя и интеллектуальныя обязанности студентовъ и предлагаетъ имъ дополнять образованіе и знанія, которыя они черпаютъ изъ книгъ, прямымъ наблюденіемъ жизни, подготовительнымъ для его будущей дѣятельности равноправнаго гражданина.

Лависсъ съ радостью привѣтствуетъ образованіе различныхъ ассоціацій во Франціи. Матеріальные интересы, идеи и страсти одинаково вызываютъ стремленіе къ единенію общихъ усилій. Организуются синдикаты противъ синдикатовъ, лиги противъ лигъ и т. д., и многіе готовы видѣть въ этомъ доказательство смуты, господствующей въ умахъ, и сильнаго броженія. Лависсъ признаетъ, что Франція переживаетъ великій кризисъ, но опасность, которую раньше не замѣчали, теперь уже выплыла наружу и поэтому съ нею можно бороться и побѣдить. «Я вѣрю,—сказалъ въ заключеніе Лависсъ,—что изъ хаоса господствующаго въ данную минуту, должны выдѣлиться чистыя, свѣтлыя, гуманитарныя идеи, которыя всегда составляли продуктъ французской мысли и которыми Франція по праву можетъ гордиться!»

Заключительныя слова Лависса были покрыты оглушительными и долго несмолкавшими аплодисментами. Этотъ пріемъ, сдѣланный Лависсу студенческою молодежью, не безъ основанія считается доказательствомъ поворота во взглядахъ молодежи на то темное дѣло, которое волнуетъ Францію въ данную минуту. Лависсъ—сторонникъ пересмотра и въ его рѣчи нѣсколько разъ проскальзывали намеки на это и на опасность клерикальной реакціи. Его рѣчь какъ разъ совпала съ бурными засѣданіями въ палатѣ депутатовъ и во времена процесса Золя студенты, безъ сомнѣнія, устроили бы Лависсу кошачій концертъ, но теперь они встрѣтили его нескончаемыми аплодисментами.

Тагалы. Мужество, съ которымъ главное племя Филиппинскихъ острововъ вступило въ борьбу съ могущественною республикою Запада, чтобы обезпечить свободу и независимость своей родины, невольно привлекаетъ симпатіи большинства европейскаго общества и заставляетъ его принимать особенное участіе въ судьбѣ архипелага. Храброе племя, не отступившее передъ такимъ сильнымъ противникомъ, каковы Соединенные Штаты, состоитъ въ настоящее время не изъ чистокровныхъ тагаловъ, которыхъ осталось очень мало, а преимущественно изъ помѣси китайцевъ и европейцевъ съ тагаламя, давшей, съ точки зрѣнія расы, превосходныя результаты. Дѣйствительно, нынѣшніе тагалы очень выгоднымъ образомъ отличаются отъ прежнихъ качествами своего характера и ума. Эта смѣшанная раса отличается храбростью и гораздо большими способ-

*

ностями къ развитію и усвоенію европейской культуры, нежели аборигены острововъ и поэтому тагаловъ смѣло можно назвать носителями цивилизаціи на всемъ архипелагѣ. Родина тагаловъ—Люцонъ, но они вытѣсняютъ мало помалу другія малайскія племена, такъ что тагаловъ можно найти всюду, отъ Люпона до Миндана включительно. Тагалы обнаруживаютъ вездѣ большое стремленіе къ просвѣщенію и съ тѣхъ поръ, какъ испанское духовенство должно было уступить силѣ обстоятельствъ и не противиться больше тому, чтобы тагалы обучались читать и писать по-испански, эти послѣдніе сдѣлали большіе успѣхи въ дѣлѣ образованія. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще главное честолюбіе тагаловъ заключается въ достиженіи духовнаго сана и поэтому каждый тагалъ-отецъ непремѣнно стремится сдѣлать своего сына духовнымъ лицомъ, но, благадаря развращающему вліянію испанскаго духовенства, нравы тагальскаго духовенства оказываются ничуть не лучше тѣхъ, какіе существовали въ средѣ итальянскаго и нѣмецкаго духовенства до властнаго вмѣшательства Григорія VII.

Однако, годы испанскаго владычества, не смотря на злоупотребленія испанскаго духовенства и на всяческія вымогательства и притѣсненіи и старанія удержать тагаловъ въ умственномъ и нравственномъ порабощеніи, не прошли все-таки безслѣдно для этой расы и мало-по малу тагалы начали усваивать себѣ нѣкоторыя стороны европейской цивилизаціи, хотя, благодаря испанскому режиму, усвоеніе это шло медленнѣе, чѣмъ могло бы идти при другихъ условіяхъ. Стремленіе къ независимости и свободѣ не только не заглохло, но продолжало развиваться. Ставъ христіанами, тагалы усвоили себѣ только внѣшнія формы и въ душѣ остались такими же дикими сынами природы, стремящимися изъ душныхъ стѣнъ монастырей къ простору горъ и родныхъ лѣсовъ. Доведенные до крайности испанскимъ режимомъ, тагалы возстали противъ испанцевъ и теперь, въ свою очередь, возстаютъ противъ американцевъ, посягающихъ на ихъ независимость. Исходъ борьбы пока невозможно предвидѣть. Американцамъ, очевидно, легче было одержать побѣду надъ слабыми испанцами, нежели овладѣть территоріей вопреки ея коренному населенію.

Одинъ изъ корреспондентовъ англійской газеты «Daily Graphic», долго жившій среди тагаловъ, описываетъ этотъ народъ слѣдующимъ образомъ: «Тагалъ—истинное дитя природы, несмотря на нѣкоторый внѣшній лоскъ. Онъ охотно сбрасываетъ свой европейскій костюмъ и замѣняетъ его туземнымъ, въ которомъ чувствуетъ себя свободнѣе. Онъ остался язычникомъ въ душѣ, несмотря на то, что по наружности это самый ревностный изъ католиковъ, мечтающій о духовной карьерѣ. Быть можетъ, именно потому, что старая вѣра такъ сильно живетъ въ немъ, католическіе монахи и не могли окончательно поработить его и убить въ немъ всякое проявленіе индивидуальности».

Главная страсть тагаловъ, это—пѣтушіе бои и театръ. Тагалъ можетъ проиграть все свое имущество на пѣтушиныхъ бояхъ и продаетъ послѣднее платье, чтобы только купить и воспитать хорошаго пѣтуха. Къ театру онъ относится также страстно. Представленія, преимущественно мистерій, обыкновенно даются на открытой сценѣ, и публика до такой степени принимаетъ участіе въ дѣйствіи, происходящемъ на сценѣ, что совершенно забываетъ о томъ, что передъ нею только актеры. Не такъ давно, по случаю какого-то церковнаго торжества, была представлена борьба христіанъ съ магометанами и публика пришла въ такое неистовство, что чуть не произошло кровопролитное столкновеніе. Публика ни за что не хотѣла расходиться и представленіе продолжалось до поздней ночи при факелахъ, до тѣхъ поръ, пока христіане не одержали, наконецъ, побѣды надъ мусульманами и публика, успокоившись, разошлась по домамъ.

Двухсотлѣтній юбилей княжества Лихтенштейнъ. Самое маленькое, послѣ Монако, независимое государство Европы, это—княжество Лихтенштейнъ, заключенное между Швейцаріей и Австріей и состоящее изъ владѣній Вадуцъ и Шелленбергъ. Столица этого маленькаго государства, имѣющаго не болѣе $9^1/_2$ тысячъ жителей и занимающаго пространство въ 159 кв. километровъ,—Вадуцъ собирается въ этомъ году праздновать 200 лѣтній юбилей княжества, и по этому случаю въ нѣмецкихъ газетахъ печатаются разные эпизоды и воспоминанія изъ исторіи маленькаго государства. Изъ всѣхъ этихъ воспоминаній самыя интересныя тѣ, которыя касаются отношеній Лихтенштейнскаго народа къ своему главѣ. Въ 1816 году старшины города Вадуца отправили депутацію къ своему князю Іоганну I, которая объявила ему, что лихтенштейнцы ничего не имѣютъ противъ того, чтобы онъ правилъ ими, но не хотятъ платить ему за это изъ собственной кассы, такъ какъ князь и безъ того богатъ. Кромѣ того они не желаютъ также поставлять изъ своей среды 50 человѣкъ солдатъ и одного барабанщика въ союзную армію; этихъ послѣднихъ князь Лихтенштейнъ обязанъ былъ доставлять германскому союзу, къ которому княжество его принадлежало. Лихтенштейнцы находили, что это безполезная трата денегъ, и люди, которыхъ они отправляютъ въ армію, гораздо больше принесутъ пользы княжеству, оставаясь дома.

Князь Іоганнъ дѣйствительно былъ не только богатый, но и очень хорошій и умный человѣкъ. Онъ вполнѣ согласился съ точкою зрѣнія своихъ подданныхъ и сказалъ имъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ не нуждается, чтобы они платили ему деньги, и согласенъ управлять ими даромъ. Относительно 50-ти человѣкъ и барабанщика онъ также согласился съ ними и сказалъ, что наймётъ на свой счетъ эти 50 человѣкъ въ другомъ мѣстѣ и поставитъ ихъ въ союзное войско. Такимъ образомъ князь управлялъ своими подданными къ взаимному удовольствію. Народъ не платилъ никакихъ налоговъ, не содержалъ двора и войска и спокойно занимался своими дѣлами. Когда, въ 1836 году, умеръ князь Іоганнъ и на престолъ вступилъ его сынъ Алоизій, то въ Вадуцѣ была устроена, по случаю въѣзда въ столицу новаго князя, роскошная иллюминація и даже выстроена тріумфальная арка. Отцы города раскошелились, но послѣ того, собравшись на совѣщаніе, порѣшили, что хотя они и не выплачиваютъ никакого жалованья своему князю, но все-таки удовольствіе имѣть его у себя обходится имъ не даромъ; они тратятъ деньги и время на пріемы, а это отзывается на дѣлахъ. Все это надо хорошенько разъяснить князю. «Ему вѣдь доставляетъ удовольствіе управлять нами и онъ богатъ!» рѣшили они.

Снова была отправлена депутація къ князю, которая съумѣла расчуствовать его, доказавъ ему, что князь, правящій княжествомъ ради собственнаго удовольствія, все-таки обходится княжеству дорого, хотя бы онъ и не бралъ съ него никакихъ денегъ на свое содержаніе, такъ что добрый монархъ согласился съ ними, что дѣйствительно онъ долженъ выплачивать лихтенштейнцамъ извѣстное вознагражденіе за то, что стоитъ во главѣ государства. Послѣ непродолжительныхъ переговоровъ князь установилъ вмѣстѣ съ депутатами, какую сумму онъ долженъ выплачивать ежегодно, и съ тѣхъ поръ очень аккуратно выплачивалъ ее своимъ подданнымъ. Такимъ образомъ въ маленькомъ княжествѣ образовалось такое политическое положеніе, какого никогда еще не существовало и не существуетъ ни въ одномъ государствѣ на свѣтѣ. Вмѣсто того, чтобы содержать свое правительство, лихтенштейнцы не только имѣютъ его даромъ, но еще, кромѣ того, получаютъ за это деньги. Однако лихтенштейнцы этимъ не удовольствовались. Князь Іоганнъ II, соскучившись въ Вадуцѣ, рѣшилъ перенести свою резиденцію въ Вѣну, гдѣ у него былъ роскошный дворецъ. Его подданные ничего не имѣли противъ этого, такъ какъ онъ оставлялъ имъ вмѣсто себя министра, но однажды къ нему явились въ Вѣну двѣ-

надцать депутатовъ изъ Вадуца и сказали ему, что такъ какъ онъ постоянно живетъ въ Вѣнѣ и тратитъ много денегъ въ чужомъ государствѣ, которое извлекаетъ изъ этого большія выгоды, тогда какъ его собственная столица ничѣмъ не пользуется, то они просятъ его, чтобы онъ исполнилъ желаніе своихъ вѣрноподданныхъ и проводилъ бы въ Вадуцѣ нѣсколько мѣсяцевъ въ году. Кромѣ того, въ виду его постояннаго отсутствія, они просятъ его дать имъ конституцію. «Это такая малость,—прибавили они,—что князь, безъ сомнѣнія, не откажетъ имъ».

И князь дѣйствительно не отказалъ имъ. Онъ далъ имъ конституцію, на основаніи которой они имѣютъ право выбирать ландтагъ изъ 15-ти депутатовъ, облеченный законодательною властью, и этимъ пятнадцати депутатамъ князь лихтенштейнскій выплачиваетъ содержаніе опять-таки изъ собственнаго кармана.

Женское университетское поселеніе въ Лондонѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одномъ изъ бѣднѣйшихъ кварталовъ Лондона (Southwark) было основано женское университетское поселеніе. Нѣсколько женщинъ съ высшимъ образованіемъ, стремящихся къ осуществленію соціальныхъ идеаловъ, организовали сначала небольшое общество, члены котораго посвятили себя служенію бѣднѣйшимъ и наиболѣе нуждающимся въ поддержкѣ и помощи классамъ населенія британской столицы. Мало-по-малу дѣло разрослось и къ этимъ первымъ піонершамъ на поприщѣ соціальной дѣятельности присоединились другія, такъ что въ настоящее время около шестнадцати женщинъ поселились въ одномъ изъ бѣднѣйшихъ кварталовъ Лондона и отдаютъ все свое время и всѣ свои способности великому дѣлу соціальной помощи. Кромѣ этихъ постоянныхъ резидентовъ университетскаго поселенія, еще около пятидесяти человѣкъ работаютъ въ разныхъ отдѣлахъ и поселеніе уже ознаменовало свою дѣятельность учрежденіемъ школъ, ссудосберегательной кассы, народныхъ развлеченій и клубовъ для мальчиковъ и дѣвочекъ, а также организовало помощь больнымъ, фондъ для вакаціоннаго отдыха и надзоръ за дѣтьми-калѣками.

Дѣятельность поселенія распадается на три отдѣла: первый отдѣлъ исключительно только вѣдаетъ нужды больныхъ, слабыхъ и несчастныхъ и соединяетъ свою дѣятельность съ дѣятельностью благотворительнаго общества: «Charity Organisation Society». Члены поселенія заботятся объ организаціи правильнаго ухода за больными, о помѣщеніи ихъ въ больницы и оказаніи своевременной помощи заболѣвшимъ рабочимъ. Главное вниманіе членовъ поселенія обращено на больныхъ дѣтей и калѣкъ, которымъ они стараются доставить наивозможно лучшій уходъ и облегчить существованіе.

Ко второму отдѣлу относятся такъ называемыя предупредительныя мѣры, имѣющія цѣлью предупредить насколько возможно развитіе соціальныхъ золъ и пороковъ. Къ числу этихъ мѣръ принадлежитъ устройство сберегательныхъ кассъ и клубовъ и посѣщеніе школъ въ видахъ наивозможно лучшей организаціи школьнаго дѣла. Сюда же относится и посѣщеніе семействъ рабочихъ, причемъ вмѣняется въ обязанность членамъ поселенія отнюдь не быть навязчивыми и поступать съ большимъ тактомъ, стараясь прежде всего пріобрѣсти довѣріе рабочей семьи и сдѣлаться ея совѣтникомъ и другомъ. Занявъ такое положеніе въ семьѣ рабочаго, уже не трудно будетъ вліять и на воспитаніе дѣтей и на домашнія дѣла. При посѣщеніи школъ члены поселенія должны обращать вниманіе какъ на способы преподаванія, такъ и на гигіеническія условія и здоровье дѣтей. Больнымъ дѣтямъ или страдающимъ какими-нибудь физическими недостатками или слабостью зрѣнія, немедленно должна быть оказана помощь и для этой цѣли существуетъ общество попеченія о больныхъ дѣтяхъ, которое всегда готово оказать поддержку членамъ поселенія.

Къ третьему отдѣлу принадлежатъ всѣ мѣропріятія, направленныя къ удо-

влетворенію нравственныхъ и умственныхъ потребностей рабочихъ классовъ и къ развитію моральной культуры. Сюда относится организація публичныхъ чтеній и бесѣдъ, библіотеки и ассоціаціи, устройство поѣздокъ и различныхъ увеселеній, вносящихъ разнообразіе и веселье въ грустную жизнь бѣдняка, тяжелымъ трудомъ добывающаго право на существованіе.

Поселеніе устроило окландскій школьный клубъ, быстро достигшій большой популярности во всемъ кварталѣ. Въ этомъ клубѣ уже теперь насчитывается больше 200 членовъ, мальчиковъ и дѣвочекъ школьнаго возраста. Всѣ они собираются въ большой залъ клуба или во дворѣ, въ хорошую погоду, и устраиваютъ общественныя игры, гимнастику, или слушаютъ чтеніе и принимаютъ участіе въ бесѣдахъ по поводу разныхъ предметовъ. Благодѣтельное вліяніе этого клуба уже теперь замѣтно на дѣтскомъ населеніи рабочаго квартала, такъ какъ, благодаря существованію этого клуба, огромная масса дѣтей, которыя при другихъ обстоятельствахъ скиталась бы по улицамъ или толпились бы около грязныхъ притоновъ и кабаковъ, теперь проводитъ время въ клубѣ, въ здоровой обстановкѣ и избавляется до нѣкоторой степени отъ растлѣвающаго вліянія среды.

Члены поселенія возлагаютъ огромныя надежды въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія молодого поколѣнія на подобные клубы и поэтому дѣятельно пропагандируютъ ихъ идею вездѣ, гдѣ только можно. Кромѣ этого клуба для здоровыхъ дѣтей, члены поселенія устроили школу и клубъ для дѣтей калѣкъ, и это въ высшей степени симпатичное учрежденіе значительно способствуетъ облегченію участи и дальнѣйшаго существованія юныхъ страдальцевъ.

Дѣятельность народныхъ библіотекъ и народное образованіе въ Австріи. Извѣстный дѣятель по народному образованію и организаторъ народныхъ библіотекъ въ Австріи, профессоръ вѣнскаго университота Эдуардъ Рейеръ, напечаталъ въ вѣнскихъ газетахъ воззваніе къ культурнымъ классамъ австрійскаго общества, приглашая ихъ всѣми средствами содѣйствовать народному образованію и улучшенію быта народныхъ классовъ, такъ какъ только это одно можетъ обезпечить будущность страны. Профессоръ глубоко возмущается эгоизмомъ культурныхъ классовъ, гдѣ во многихъ политическихъ лагеряхъ не хотятъ признавать связи, существующей между народнымъ образованіемъ и благосостояніемъ и культурнымъ развитіемъ государства. Ему не разъ приходилось слышать такія фразы въ великосвѣтскихъ салонахъ: «Образованіе создаетъ недовольныхъ, поэтому не надо просвѣщать народныя массы». Не разъ ему приходилось также слышать и восхваленія добраго стараго времени, когда человѣкъ спокойно и безъ всякаго ропота на судьбу исполнялъ то, что предписывалъ ему долгъ и съ восхищеніемъ и подобострастіемъ взиралъ на зажиточные и привилегированныя классы общества, вполнѣ мирясь со своею участью и не стремясь выйти изъ своего положенія.

Конечно, такое положеніе вещей можетъ быть выгодно и удобно для отдѣльныхъ лицъ, для извѣстныхъ партій, извлекающихъ изъ этого свою пользу и строющихъ на невѣжествѣ народныхъ массъ свое собственное могущество. Но выгодно ли это для государства? Узкій эгоизмъ правящихъ классовъ, во всемъ видящихъ только свою пользу, въ концѣ концовъ приводилъ къ упадку цѣлыя государства—этому учитъ насъ исторія, восклицаетъ профессоръ. Да и въ современныхъ государствахъ прочнаго благосостоянія и развитія достигаютъ только тѣ, гдѣ дѣло народнаго образованія поставлено правильно и гдѣ общество мало-по-малу отрѣшилось отъ своихъ зас корузлыхъ взглядовъ на народное образованіе. Примѣромъ такого государства можетъ служить Англія, гдѣ, безъ сомнѣнія, народное образованіе достигаетъ болѣе высокой степени чѣмъ въ другихъ

странахъ. Поэтому-то соціальные вопросы, которые приводятъ къ яростной борьбѣ и насиліямъ въ другихъ странахъ, въ Англіи вызываютъ совершенно иное отношеніе. Борьба между консервативными и либеральными элементами страны ведется на законной почвѣ, противники взаимно уважаютъ другъ друга и, будучи вполнѣ равноправными, сражаются одинаковымъ оружіемъ, подвергая спорные пункты всестороннему обсужденію и достигая соглашенія большею частью путемъ взаимныхъ уступокъ и компромиссовъ. Благодаря такому положенію дѣлъ, культурное развитіе государства ничѣмъ не задерживается и политическая борьба партій не отражается на благосостояніи страны, которое несомнѣнно возрастаетъ. «Взгляните же на государства, гдѣ народное образованіе стоитъ на очень низкой ступени,—говоритъ далѣе профессоръ—на такой низкой, что даже самые заклятые враги народнаго образованія въ Австріи лучшаго и желать не могутъ. Что же видимъ мы въ этихъ государствахъ? Дѣйствительно ли тамъ господствуетъ всеобщее довольство и никто не ропщетъ? Наоборотъ, несмотря на ограниченность народнаго образованія, на низкую степень развитія народа, на власть тьмы, обезпеченные, образованные классы не чувствуютъ себя въ безопасности и вѣчно боятся за себя и за безопасность государства. Можно ли считать такое положеніе выгоднымъ для государства? Въ Англіи каждый недовольный какимъ бы то ни было порядкомъ вещей, можетъ спокойно высказывать свои мысли; никто не запрещаетъ ему этого. Развѣ мало произносилось въ Англіи зажигательныхъ рѣчей, но онѣ не вызывали никакихъ опасеній за безопасность государственныхъ основъ! Всякому извѣстно, что предохранительный клапанъ, служащій для выпусканія лишнихъ паровъ, предупреждаетъ взрывъ парового котла, который неминуемо долженъ былъ бы произойти, еслибъ паръ скоплялся внутри котла. Подобныя соображенія надо всегда имѣть въ виду и только при такихъ условіяхъ возможно правильное развитіе цивилизованнаго государства!

«У насъ, въ Австріи,—продолжаетъ профессоръ,—къ сожалѣнію, многіе поддерживаютъ реакціонерный принципъ: не допускать свѣта въ народныя массы и задерживать всякое проявленіе недовольства. На этомъ принципѣ сходятся приверженцы различныхъ политическихъ партій. Одни изъ нихъ противятся на вышеизложенномъ основаніи народному образованію, другіе же вовсе не интересуются имъ. Но есть и такіе, которымъ кажется, что при существующемъ строѣ всякія старанія безплодны, и поэтому не хотятъ трудиться въ пользу народнаго образованія. И тѣ, и другіе конечно, только помогаютъ реакціи такъ, какъ могли бы только помогать ей самыя ярые приверженцы средневѣковой культуры. Но, къ счастью, находятся все-таки люди, которые, не взирая на это, ведутъ борьбу съ такимъ враждебнымъ и безразличнымъ отношеніемъ къ важному дѣлу народнаго образованія. Я приведу вамъ поучительный примѣръ: маленькій кружокъ любителей просвѣщенія основалъ въ Вѣнѣ въ 1898 году центральную народную библіотеку съ пятью филіальными отдѣленіями. Въ теченіе года это учрежденіе, снабжающее народные классы хорошимъ чтеніемъ, зарегистрировало семь тысячъ читателей! Этому предпріятію оказало большую поддержку нѣмецкое общество книгопродавцевъ, но городское управленіо зато отнеслось совершенно равнодушно къ этому дѣлу и ассигновало пособія народной библіотекѣ только 70 флориновъ! Мы не отчаяваемся, впрочемъ,—заключаетъ свое воззваніе профессоръ,—мы надѣемся что общество пойметъ, какъ важно снабжать хорошимъ чтеніемъ народъ и какъ велика эта потребность въ народѣ. Потребность эта доказывается готовностью, съ которою наши читатели изъ народа уплачиваютъ 20 крейцеровъ въ мѣсяцъ за право получать книги изъ библіотеки. Вездѣ, гдѣ «общество народныхъ библіотекъ» приступаетъ къ организаціи отдѣленій, оно встрѣчаетъ самое сочувственное отношеніе въ народныхъ классахъ и до сихъ поръ ему приходится бороться только или съ равно-

душіемъ, или же прямо съ враждебнымъ отношеніемъ другихъ классовъ австрійскаго общества, но сила свѣта должна побѣдить и побѣдитъ!»

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«The Geographical Journal»—«Revue des Revues».—«Revue de Paris».—«Review of Reviews».

Въ лондонскомъ королевскомъ географическомъ обществѣ профессоръ Патрикъ прочелъ рефератъ о вліяніи географическихъ условій на соціальное развитіе, извлеченіе изъ котораго напечатано въ «Geographical Journal». Авторъ реферата стремится выяснить отношенія, существующія между природою и человѣкомъ и опредѣлить вліяніе физическихъ условій на экономическое и умственное развитіе расъ, на ихъ коммерческую и военную исторію, а также на ихъ соціальную организацію. Физическія условія вынуждали человѣка къ занятіямъ извѣстнаго рода и вслѣдствіе этихъ занятій человѣческое общество получало соотвѣтствующую соціальную организацію, возникали племена и касты и зарождались политическія и религіозныя формы. Первоначальные обычаи, возникшіе подъ вліяніемъ условій окружающей обстановки, мало-по-малу превращались въ законы или обряды и удерживались долго спустя послѣ того, какъ исчезли условія, ихъ вызвавшія. Такимъ образомъ, чтобы понять характеръ расы, ея соціальную организацію и т. п., необходимо нетолько изучить ея исторію, но изслѣдовать также географическія условія, вліявшія на ея развитіе, такъ какъ теперь уже не подлежитъ сомнѣнію, что даже высшія проявленія человѣческой индивидуальности находятся столько же въ зависимости отъ физическихъ и географическихъ условій, сколько и отъ условій расы и культуры.

Далѣе авторъ доказываетъ, что изученіе исторіи человѣчества должно носить двоякій характеръ. Изслѣдователь долженъ, съ одной стороны, постараться опредѣлить наиболѣе точнымъ образомъ, насколько въ данной области природа вліяла на образованіе извѣстнаго расоваго типа; съ другой стороны, онъ долженъ опредѣлить насколько данный типъ человѣческой расы, въ свою очередь, вліялъ на окружающую среду. Для такихъ изслѣдованій въ настоящее время собрана масса матеріала, но, къ сожалѣнію, матеріалъ этотъ недостаточно систематизированъ. Для этой цѣли могутъ служить и наблюденія путешественниковъ, а также выводы антропологовъ и соціологовъ. Авторъ перечисляетъ цѣлый рядъ сочиненій, которыя могутъ быть полезны изслѣдователю, задавшемуся цѣлью изучить вопросъ о вліяніи географическихъ условій на соціальное развитіе.

Взаимное отношеніе, существующее между земными рельефами, почвой, климатами и животнымъ и растительнымъ міромъ, конечно, не подлежитъ сомнѣнію. Каждому ботанику извѣстны физическія условія, ограничивающія или благопріятствующія развитію растительной жизни данной области и вліяющія на характеръ ея растительности. Извѣстно также вліяніе лѣсовъ на формы мелкой растительности и даже на животную жизнь. Въ лѣсахъ водятся извѣстныя насѣкомыя, извѣстныя позвоночныя и проч. Но характеръ лѣса оказывается не безъ вліянія и на своего обитателя—человѣка. Обитатель дѣвственныхъ лѣсовъ Америки, канадскій охотникъ, баварскій лѣсничій или лѣсничій индійскаго лѣсного департамента—все это разные и вполнѣ опредѣленные человѣческіе типы, принимая во вниманіе степень цивилизаціи каждаго, и, безъ сомнѣнія, заслуживаютъ вниманія географа, также какъ личинка жука заслуживаетъ вниманія натуралиста, изучающаго ея превращенія.

Если мы оставимъ лѣса и займемся обитателями зеленыхъ равнинъ и лу-

говъ, то увидимъ, что и здѣсь также преобладаютъ извѣстные типы. Швейцарскій скотоводъ, шотландскій пастухъ и мусульманскій погонщикъ—все это отдѣльные типы, и если мы отправимся на востокъ, въ великія степи, откуда происходили нашествія пастушескихъ племенъ, то увидимъ еще болѣе рѣзко выраженные типы, сохранившіе до сихъ поръ свою индивидуальность, сложившуюся подъ вліяніемъ окружающихъ географическихъ условій.

То же самое мы можемъ наблюдать по берегамъ морей. Норвежскій рыбакъ представляетъ столь же опредѣленный отдѣльный типъ, какъ и американскій китоловъ и ловецъ губокъ въ Эгейскомъ морѣ, и каждому изъ этихъ типовъ соотвѣтствуютъ характерныя семейныя отношенія и соціальныя черты. Эта разница особенно рѣзко выступаетъ, если мы возьмемъ для сравненія шотландскую рыбачку и восточную женщину.

Изслѣдуя нетолько простые элементарные типы общества, но и тѣ измѣненія, которыя они претерпѣвали въ соотвѣтствующихъ областяхъ, мы можемъ видѣть, какъ эти типы охотника, пастуха, земледѣльца и рыбака развивались далѣе или вырождались подъ вліяніемъ внутреннихъ причинъ, качествъ и недостатковъ, присущихъ данному соціальному устройству и какъ эти первоначальные типы приспособлялись сами и, въ свою очередь, реагировали на окружающія условія, въ какія комбинаціи они вступали другъ съ другомъ, какія вызывали превращенія и какъ подчиняли, уничтожали и замѣняли другъ друга въ одной области за другой. Но, говоря о зависимости интеллектуальныхъ и нравственныхъ качествъ расы отъ чисто-экономическихъ условій ея существованія, мы не должны забывать, что хотя человѣкъ, какъ физически, такъ и нравственно, измѣняется подъ вліяніемъ окружающихъ условій, но, по мѣрѣ развитія матеріальной стороны цивилизаціи, онъ мало-по-малу освобождается отъ власти окружающей его среды и, въ свою очередь, получаетъ возможность дѣйствовать на эту среду и не только перестаетъ быть рабомъ природы, но до нѣкоторой степени становится ея господиномъ. Географическія вліянія, безъ сомнѣнія, были однимъ изъ главныхъ факторовъ въ первобытныхъ стадіяхъ общества, но, по мѣрѣ развитія цивилизаціи, ихъ вліяніе ослабѣваетъ и взамѣнъ все болѣе и болѣе возрастаетъ вліяніе человѣка на окружающія условія.

«Revue des Revues» въ нѣсколькихъ номерахъ печатаетъ очерки объ американскихъ мильярдёрахъ и въ одномъ изъ нихъ говоритъ о богатыхъ американскихъ наслѣдницахъ, принесшихъ уже Европѣ, судя по статистикѣ приданаго, болѣе 200 милліоновъ долларовъ. Почти половину этой крупной суммы получила Франція въ видѣ приданаго, и во главѣ списка стоитъ дочь американскаго мильярдера Гульда, вышедшая замужъ за графа Кастелляна и принесшая ему въ приданое 75 милліоновъ долларовъ.

Описывая жизнь американской наслѣдницы милліоновъ, авторъ статьи очень рѣзко осуждаетъ систему воспитанія, господствующую въ семьяхъ американскихъ богачей. Наслѣдница милліоновъ рано пріучается придавать цѣну только деньгамъ и съ юныхъ лѣтъ уже въ ней развивается чудовищный эгоизмъ и преклоненіе передъ титуломъ. Никогда почти не бывало случая, чтобы американская милліонная наслѣдница вышла замужъ за нетитулованнаго бѣдняка европейца. За свои милліоны она всегда стремится получить то, чего ей недостаетъ, т. е. титулъ. Авторъ подтверждаетъ свою строгую критику цѣлымъ рядомъ фактовъ и событій, обрисовывающихъ ту или другую изъ американскихъ богатыхъ наслѣдницъ, причемъ онъ, не стѣсняясь, называетъ ихъ по имени, разсказывая про нихъ различные анекдоты и эпизоды изъ ихъ интимной жизни, дающіе болѣе или менѣе ясное понятіе объ ихъ характерѣ и міровоззрѣніи. Картина получается весьма мрачная и свѣтлый лучъ вноситъ въ нее только разсказъ автора объ Еленѣ Гульдъ, старшей сестрѣ графини Кастел-

лянъ, упорно отказывающей въ своей рукѣ и милліонахъ разнымъ титулованнымъ искателямъ богатыхъ наслѣдницъ. Зато на дѣла благотворительности миссъ Елена Гульдъ тратитъ не скупясь свои милліоны и даже у нѣкоторыхъ возникаютъ опасенія, что отъ ея богатства ничего не останется, если только она будетъ продолжать въ такомъ же родѣ.

Въ заключеніе своего очерка авторъ дѣлаетъ оговорку, что, разумѣется, съ европейской точки зрѣнія, можетъ показаться страннымъ, что онъ такъ, не стѣсняясь, цитируетъ имена и приводитъ разныя подробности, касающіяся характера, домашней жизни и обстановки американскихъ милліонершъ. Но эта точка зрѣнія, говоритъ онъ, непримѣнима къ Америкѣ. Въ Европѣ ни одна женщина не простила бы подобной нескромности и того, что ея имя напечатано «en toutes lettres». Но въ Америкѣ на это дѣло смотрятъ иначе и въ этомъ опубликованіи имени и подробностей частной жизни видятъ только рекламу, противъ которой американцы вообще ничего не имѣютъ. Американскія же милліонерши, въ особенности, ничего не имѣютъ противъ строгости сужденій и критики, лишь бы только о нихъ говорили въ печати и въ обществѣ и имя ихъ сдѣлалось бы извѣстно, по возможности, всему читающему міру.

«Revue de Paris», изслѣдуя организацію политическихъ партій въ Германіи, говоритъ объ огромномъ успѣхѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ партій за послѣднія тридцать лѣтъ. Успѣхъ этотъ въ особенности становится замѣтнымъ, если сравнить цифры голосовъ, полученныхъ соціалъ-демократической партіей на общихъ выборахъ въ рейхстагъ, начиная съ 1871 года. Въ этомъ году въ пользу этой партіи было подано 124.685 голосовъ, на выборахъ 1890 года—1.427.298, а на выборахъ 1898 года—1.786.738. Результаты эти отчасти могутъ быть объяснены экономическою эволюціею Германіи, чудовищнымъ развитіемъ фабричнаго производства и развитіемъ капитализма, а также періодическими кризисами и безработицей.

Но партія пріобрѣла такую силу и вліяніе въ народѣ, конечно, благодаря своей организаціи. Во главѣ партіи находится комитетъ, облеченный полномочіями общимъ собраніемъ. Благодаря этому, комитету обезпечивается единство дѣйствій партіи, вполнѣ обезпеченной, кромѣ того, и въ финансовомъ отношеніи. Каждый членъ партіи уплачиваетъ извѣстную контрибуцію, служащую для покрытія мѣстныхъ расходовъ и цѣлей агитаціи. Доходы, получаемые отъ газеты, главнаго органа партіи, и книжнаго склада, также идутъ на нужды партіи и даютъ ей возможность обезпечить средства къ существованію своимъ дѣятелямъ и поставить ихъ въ болѣе независимое положеніе.

Каждая изъ политическихъ партій Германіи пользуется для распространенія своихъ идей печатью, издаетъ памфлеты и устраиваетъ публичныя собранія. Кромѣ того, члены политической партіи состоятъ въ то же время и членами какого-нибудь хорового, гимнастическаго и др. обществъ и всегда принимаютъ участіе въ загородныхъ прогулкахъ и увеселительныхъ собраніяхъ. Благодаря такой системѣ, партія получаетъ возможность распространить въ нѣсколько дней сотни и тысячи воззваній и подготовить такимъ образомъ успѣхъ большихъ митинговъ и публичныхъ собраній, устраиваемыхъ ею.

Но политическое движеніе въ Германіи отличается еще и тѣмъ, что оно до нѣкоторой степени ставитъ своею цѣлью также и умственное развитіе и распространеніе культуры въ народѣ, а не только имѣетъ въ виду одни экономическія условія. Поэтому-то сплошь да рядомъ политическая партія организуетъ курсы и лекціи, посвященные не только экономическимъ и соціальнымъ проблемамъ, но также и различнымъ научнымъ вопросамъ.

Въ Берлинѣ за послѣдніе четыре года возникли такимъ образомъ клубы чтенія, литературныя общества и общества для самообразованія: устроены были

также три народныхъ театра и институтъ для обученія рабочихъ. У германскихъ народныхъ классовъ уже возникъ большой интересъ къ литературнымъ вопросамъ и они читаютъ и обсуждаютъ Ибсена, Гауптмана, Золя и Мопассана, интересуясь также соціальными и научными вопросами. Эта именно сторона дѣятельности политической партіи оказываетъ несомнѣнно огромное вліяніе на успѣхъ умственнаго развитія германскаго народа, тѣмъ болѣе, что примѣру Берлина послѣдовали провинціи, а также Гамбургъ и Ганноверъ, устроившіе свободные народные театры. Дѣятели партіи говорятъ, что они стремятся поднять нравственный и умственный уровень народа и сдѣлать для него доступной какъ область науки, такъ и область искусства, такъ какъ только сильныя натуры, солидный умъ и идеальная душа могутъ служить залогомъ успѣха и осуществленія тѣхъ соціальныхъ идеаловъ, къ которымъ стремится партія.

Неутомимый Паоло Монтегацца обращается съ воззваніемъ къ ученымъ всего міра, приглашая ихъ заняться вмѣстѣ съ нимъ отысканіемъ способовъ опредѣленія различныхъ національныхъ характеровъ. Въ этомъ воззваніи, воспроизведенномъ изъ итальянскаго журнала «Nuova Antologia» англійскимъ журналомъ «Review of Reviews», итальянскій ученый разсказываетъ о своихъ изслѣдованіяхъ въ этомъ направленіи. Въ прошломъ году онъ прочелъ лекцію о человѣческихъ характерахъ и теперь собирается издать книгу, но въ этой книгѣ не хватаетъ главы о національныхъ характерахъ. Въ своей лекціи онъ не коснулся этой темы, опасаясь показаться «нелюбезнымъ» той международной аудиторіи, передъ которою онъ прочелъ свою лекцію, но въ книгѣ онъ опустилъ эту главу, потому что нашелъ, что задача, которую онъ себѣ поставилъ, превышаетъ его силы.

Главныя препятствія при опредѣленіи національнаго характера заключаются въ трудности найти достаточное количество общихъ признаковъ, на основаніи которыхъ можно было бы сдѣлать общій выводъ, и въ недостаткѣ объективизма. Ни одинъ изслѣдователь, по мнѣнію Монтегацци, какъ бы онъ ни старался быть объективнымъ, не можетъ отрѣшиться отъ національныхъ предубѣжденій и даже великіе умы не совершенно отъ нихъ избавлены. Доказательствомъ можетъ служить, напримѣръ, «Race prussienne» Катрфажа и «Misogallo» Альфіери, а также многія научныя нѣмецкія сочиненія, появившіяся послѣ войны 1870 г. Даже такой большой ученый, какъ Вирховъ, не свободенъ отъ національныхъ предубѣжденій въ своихъ сужденіяхъ и это сказалось въ его сужденіи о французахъ. Далѣе Монтегацца, въ подтвержденіе своихъ словъ, приводитъ цитаты изъ сочиненій разныхъ знаменитѣйшихъ писателей, высказывавшихъ свои сужденія о различныхъ націяхъ: итальянцахъ, французахъ, англичанахъ, нѣмцахъ, славянахъ и американцахъ. Изъ сопоставленія этихъ цитатъ видно, что даже великіе писатели въ своихъ сужденіяхъ объ иностранной націи легко могутъ ошибаться. Монтегацца приводитъ, между прочимъ, сужденія Гейне, Жоржъ Зандъ и Бальзака о нѣмцахъ и указываетъ на то, что изъ всѣхъ трехъ сужденій нельзя составить себѣ яснаго представленія о нѣмцахъ и въ нихъ явно кроется противорѣчіе Монтегацца говоритъ, что внѣшніе признаки національнаго характера легко бросаются въ глаза, но если бы на основаніи этихъ чисто внѣшнихъ проявленій сдѣлать общіе выводы и составить таблицу національныхъ характеровъ, то это привело бы къ явному абсурду.

Монтегацца указываетъ источники, которые могутъ служить для опредѣленія истинныхъ чертъ характера націи. Во-первыхъ, статистика преступленій и не столько число преступленій, сколько отношеніе этого числа къ возрасту преступника, происхожденію и соціальной средѣ. Во-вторыхъ, статистика благотворительности. Въ-третьихъ, статистика расходовъ на религію въ сравненіи съ расходами на благотворительность. При этомъ Монтегацца указываетъ также

на нѣкоторые способы опредѣленія степени распространенія суевѣрій въ средѣ націи и т. п. Далѣе данными къ опредѣленію національнаго характера, по его словамъ, можетъ служить также статистика самоубійствъ, статистика библіотекъ и читаленъ, театральная, газетная статистика и др. Монтегацца полагаетъ, что только изъ этого «океана цифръ» могутъ быть получены болѣе или менѣе правильные выводы о національномъ характерѣ, и поэтому приглашаетъ ученыхъ приступить къ собиранію и изслѣдованію данныхъ и цифръ, доставляемыхъ имъ статистикой.

Доктрина Монроэ («Америка для американцевъ»).

Этимъ принципомъ руководились до сихъ поръ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты въ своей внѣшней политикѣ; война великой заатлантической республики съ Испаніей явилась однимъ изъ случаевъ примѣненія его. Не безъинтересенъ краткій историческій очеркъ происхожденія и случаевъ примѣненія доктрины Монроэ. Впервые она была провозглашена президентомъ Соединенныхъ Штатовъ, Джемсомъ Монроэ 2 декабря 1823 года въ посланіи къ конгрессу. Обстоятельствомъ, вызвавшимъ это событіе, было стремленіе «священнаго союза» европейскихъ государей помѣшать освободительному движенію въ Южной и Центральной Америкѣ.

Задачей «священнаго союза» было возстановленіе порядка, т. е. абсолютизма, господствовавшаго до французской революціи 1789 года, и подавленіе революціонныхъ началъ. Во всѣхъ государствахъ Европы абсолютизмъ былъ возстановленъ, только въ Испаніи дѣла шли все хуже и хуже. Уже 10 лѣтъ, какъ ея американскія колоніи находились въ возстаніи, сначала противъ Іосифа Бонапарта, затѣмъ противъ либеральной кадикской конституціи 1812 года, послѣ реставраціи 1814 года—противъ короля Фердинанда «Обожаемаго», возстановленнаго на своемъ тронѣ англійскими штыками. Было ясно, что одному Фердинанду никогда не подавить этого возстанія. Когда всѣ рессурсы короля были использованы тщетно, когда послѣдній полкъ солдатъ, отправленный въ Америку, погибъ отъ желтой лихорадки, и послѣдняя пезета была извлечена изъ казначейства, Фердинандъ обратился за помощью къ монархамъ Европы. Они возвратили ему его тронъ,—пусть же возвратятъ ему и его колоніи.

Императоръ Александръ I, не разъ выражавшій желаніе, чтобы власть королевская утвердилась и въ Старомъ, и въ Новомъ Свѣтѣ, первый откликнулся на эту просьбу и отправилъ королю свой военный флотъ. Когда послѣдній прибылъ въ Кадиксъ, оказалось, что русскій флотъ не въ состояніи переплыть черезъ океанъ, такъ какъ состоялъ изъ старыхъ кораблей, не способныхъ пуститься въ дальнее плаваніе.

Вскорѣ Испаніи стало не до покоренія колоній: въ ней самой вспыхнула революція. Войска, собранныя въ Кадиксѣ и предназначавшіяся для отправленія въ Америку, 1-го января 1820 года возстали и провозгласили конституцію 1812 года. Революція быстро охватила всю страну, и испуганный Фердинандъ былъ принужденъ дать конституцію. Революція не ограничилась одной Испаніей, она захватила Неаполь и Португалію, нѣкоторое время была опасность, что она вспыхнетъ и во Франціи. «Священному союзу» пришлось заняться подавленіемъ этого движенія. Австрійскія войска заняли Неаполь и возстановили въ немъ абсолютизмъ. Затѣмъ на веронскомъ конгрессѣ, въ октябрѣ 1822 года, былъ поднятъ вопросъ о возстановленіи порядка и въ Испаніи. «Священный союзъ» потребовалъ перемѣнъ въ испанской конституціи и, когда это требованіе не было уважено, французская армія вступила въ Испанію и заняла Мадридъ въ маѣ, а Кадиксъ въ августѣ 1823 года. Абсолютизмъ снова былъ возстановленъ въ Европѣ.

Въ это время Каннингъ, министръ Англіи, обратился къ Ричарду Рэшу, представителю Соединенныхъ Штатовъ въ Лондонѣ, съ предложеніемъ, чтобы Соединенные Штаты примкнули къ Англіи и издали совмѣстно декларацію, въ которой заявили бы, что какъ одно, такъ и другое государства не будутъ относиться пассивно къ вмѣшательству европейскихъ державъ подъ какимъ бы то ни было предлогомъ въ дѣла Америки: Каннингъ зналъ, что разъ «священный союзъ» занялся дѣлами Испаніи, то онъ будетъ послѣдователенъ и займется ея прежними американскими колоніями, уже признанными, какъ независимыя государства правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ. И дѣйствительно, вскорѣ послѣ этого Каннингъ былъ формально извѣщенъ, что конгрессъ, назначенный на слѣдующій годъ, будетъ обсуждать положеніе испанской Америки, Каннингъ просилъ у Рэша опредѣленнаго отвѣта. Рэшъ не имѣлъ инструкцій, но со смѣлостью, которая дѣлаетъ ему честь, отвѣтилъ, что Соединенные Штаты будутъ считать весьма несправедливой и чреватой гибельными послѣдствіями всякую попытку любой европейской державы завладѣть подъ какимъ бы то ни было предлогомъ территоріей новыхъ республикъ, и обѣщалъ присоединиться къ декларації, если Великобританія сперва признаетъ независимость вновь образовавшихся государствъ. Англія тогда этого не сдѣлала и совмѣстная декларація не была объявлена.

Изъ писемъ Рэша къ секретарю Адамсу видно, что Каннингъ имѣлъ въ виду не временную политику, вызванную преходящими событіями. «Они, Соединенные Штаты,—говоритъ онъ,—были первымъ государствомъ, установившимся на этомъ континентѣ, и теперь являются безспорно по всеобщему признанію главной державой въ Америкѣ. Они связаны съ Южной Америкой положеніемъ, съ Европой ихъ сношеніями. Возможно ли, чтобы они остались равнодушны къ тому, что судьба ихъ рѣшается Европой? Не должна ли настать новая эра въ отношеніяхъ Соединенныхъ Штатовъ къ Европѣ, которую послѣдняя должна признать? Развѣ должны великіе политическіе и коммерческіе интересы, зависящіе отъ судьбы новаго континента, обсуждаться и рѣшаться на этомъ полушаріи безъ сотрудничества и даже вѣдома Соединенныхъ Штатовъ?»

Получивъ письма Рэша, президентъ Монроэ сталъ втупикъ. Что настало время занять опредѣленную позицію и сдѣлать соотвѣтствующее заявленіе, въ этомъ не было сомнѣнія. Но какъ это сдѣлать? Если соединиться съ Великобританіей, то это будетъ нарушеніемъ завѣта Вашингтона, чтобы Соединенные Штаты не связывали себя какими бы то ни было союзами съ Европой; съ другой стороны, Монроэ не хотѣлъ нарушать ту политику невмѣшательства въ дѣла колоній, которой онъ самъ совѣтовалъ держаться. Находясь въ такомъ затруднительномъ положеніи, онъ обратился за совѣтомъ къ престарѣлому Джефферсону, ветерану войны за независимость, и послалъ ему письма Рэша. Въ октябрѣ Морноэ получилъ отвѣтъ:

«Вопросъ, какой поставленъ въ письмахъ, посланныхъ вами, самый многозначительный, который когда-либо былъ на моемъ разсмотрѣніи со времени самой независимости. Послѣдняя сдѣлала насъ націей. Это будетъ служить намъ компасомъ и указывать направленіе, котораго мы должны держаться въ плаваніи по океану времени. Мы никогда не сядемъ на корабль при болѣе попутномъ вѣтрѣ. Нашей первой и основной задачей должно быть: никогда не вмѣшиваться въ дѣла Европы, второй—не позволять Европѣ вмѣшиваться въ дѣла Америки. Америка, Сѣверная и Южная, имѣетъ свои собственные интересы, отличные отъ европейскихъ. Она должна, поэтому, имѣть государственное устройство свое собственное, особое и отличное отъ европейскаго. Европа становится страной деспотизма, мы должны стараться сдѣлать наше полушаріе страной свободы».

Этотъ отвѣтъ положилъ конецъ колебаніямъ Монроэ. Онъ посовѣтовался со своими секретарями и провозгласилъ новую политику Соединенныхъ Штатовъ.

«Политическія стремленія союзныхъ державъ,—писалъ онъ конгрессу,—существенно отличны отъ американскихъ. Это различіе вытекаетъ изъ различія системы правленія. На защиту нашей собственной системы правленія, которую мы пріобрѣли съ потерей такой массы крови и денегъ, которая охраняется мудростью самихъ просвѣщенныхъ гражданъ, при которой мы пользуемся безпримѣрнымъ счастіемъ,—на защиту ея готова стать вся нація. Во имя справедливости и во имя дружественныхъ чувствъ между Штатами и государствами Европы мы должны объявить, что мы будемъ признавать всякую попытку со стороны европейскихъ державъ къ расширенію ихъ системы правленія на какую бы то ни было часть американскаго континента угрожающей нашему миру и нашей безопасности. Мы не касались и не будемъ касаться теперешнихъ колоній и владѣній европейскихъ государствъ. Но что касается правительствъ, которыя провозгласили и отстояли свою независимость и независимость которыхъ нами признана послѣ обстоятельныхъ размышленій на основаніи справедливыхъ соображеній, то мы будемъ признавать всякое вмѣшательство со стороны европейской державы съ цѣлью ихъ притѣснять или тѣмъ или инымъ образомъ вліять на ихъ судьбы, мы будемъ считать это проявленіемъ далеко не дружественныхъ чувствъ къ Соединеннымъ Штатамъ. По отношенію къ Европѣ та политика, которой мы держались во время недавнихъ войнъ, волновавшихъ такъ долго ту часть земного шара, остается той же самой, т. е. не вмѣшиваться во внутреннія дѣла каждой изъ ея державъ, то правительство, которое фактически существуетъ, считать за законное, развивать дружественныя отношенія съ каждой изъ нихъ и сохранять эти отношенія независимой, твердой и мужественной политикой, дѣлая взаимныя уступки въ справедливыхъ требованіяхъ каждой изъ державъ, не перенося несправедливости отъ какой бы то ни было. По отношенію къ этимъ континентамъ обстоятельства, очевидно, отличны. Невозможно допустить, чтобы союзныя державы распространяли ихъ политическую систему на какую-нибудь часть этого континента, такъ какъ это будетъ нарушеніемъ нашего мира и благоденствія. Никоимъ образомъ нельзя вѣрить тому, что наши южные братья признаютъ это вмѣшательство Европы въ своихъ интересахъ, когда ихъ предоставятъ самимъ себѣ. Поэтому мы не можемъ смотрѣть равнодушно на такое вмѣшательство, въ какой бы формѣ оно ни проявилось».

«Священный союзъ» былъ немедленно извѣщенъ о провозглашеніи новой доктрины. Это можно было бы сдѣлать подъ покровомъ оффиціальнаго увѣдомленія, но Монроэ предпочелъ провозгласить ее предъ всѣмъ свѣтомъ въ своемъ посланіи къ конгрессу и предупреждалъ, что всякая попытка поколебать значеніе доктрины будетъ встрѣчена вооруженной силой всей свободной націи.

На родинѣ провозглашеніе доктрины было встрѣчено съ гордостью и удовлетвореніемъ; хотя и были въ конгрессѣ попытки ограничить ее однимъ частнымъ случаемъ, но онѣ не имѣли успѣха.

Державы «священнаго союза», кромѣ Англіи, отнеслись, напротивъ, неодобрительно къ новой доктринѣ, хотя никто не рѣшился противодѣйствовать ей. Только въ Англіи не скрывали величайшей радости. Англійскій народъ, англійскіе государственные люди, англійская пресса громко восхваляли твердую позицію, занятую Соединенными Штатами. «Южно-американскій вопросъ рѣшенъ или близокъ къ рѣшенію,—писалъ лордъ Брумъ,—благодаря событію, исполнившему величайшей радостью, торжествомъ и благодарностью всѣхъ свободолюбивыхъ людей Европы. Этимъ событіемъ, опредѣляющимъ положеніе Южной Америки, является посланіе президента Соединенныхъ Штатовъ къ конгрессу». Всѣ газеты были переполнены прославленіемъ новой доктрины, и когда французскій оффиціальный органъ «L'Étoile», порицая доктрину, назвалъ Монроэ

диктаторомъ, лондонскій «Times» поспѣшилъ защитить президента. Южно-американскіе делегаты въ Лондонѣ ликовали, южно-американскія цѣнныя бумаги сразу поднялись въ цѣнѣ.

Уже чрезъ два года представился случай для примѣненія доктрины Монроэ. Осенью 1825 года приближеніе французскаго флота къ берегамъ Вестъ-Индіи внушило опасеніе, что Франція желаетъ покорить Кубу и Порторико, съ цѣлью захватить для себя одинъ или оба острова. Тогда республика Мексика обратилась къ Соединеннымъ Штатамъ съ приглашеніемъ выполнить ручательство президента Монроэ. Тотчасъ послѣ этого представитель Соединенныхъ Штатовъ во Франціи извѣстилъ правительство послѣдней, что Соединенные Штаты не потерпятъ занятія этихъ острововъ какой-либо другой державой, кромѣ Испаніи, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Мексика была приглашена поддерживать и защищать доктрину Монроэ во всѣхъ надлежащихъ случаяхъ. Попытка Франціи не удалась.

Не прошло и двухъ лѣтъ послѣ провозглашенія доктрины Монроэ, какъ Соединеннымъ Штатамъ пришлось точно опредѣлить свое отношеніе къ юнымъ республикамъ Америки. Мексико и Колумбія пригласили правительство Соединенныхъ Штатовъ прислать уполномоченныхъ на конгрессъ всѣхъ американскихъ государствъ въ Панамѣ. На этомъ конгрессѣ долженъ былъ обсуждаться вопросъ о томъ, какія общія мѣры должны быть приняты, чтобы осуществить принципъ президента Соединенныхъ Штатовъ и воспрепятствовать разъ и навсегда захвату какой-нибудь части американскаго континента какой-либо не американской державой, а также вмѣшательству извнѣ въ домашнія дѣла американскихъ правительствъ. Соединенные Штаты отказались отъ участія на этомъ конгрессѣ, рѣшивъ, что они не должны заключать ни оборонительнаго, ни наступательнаго союза со всѣми или хотя съ однимъ изъ южно-американскихъ государствъ и связывать себя чѣмъ бы то ни было, но что народу Соединенныхъ Штатовъ должна быть предоставлена полная свобода дѣйствій въ каждомъ такомъ кризисѣ такъ, какъ чувство дружбы къ этимъ республикамъ, честь и интересы Соединенныхъ Штатовъ будутъ диктовать въ каждомъ данномъ случаѣ.

Въ Англіи всѣ радовались провозглашенію доктрины Монроэ, однако эта радость была не продолжительна, такъ какъ принципъ, положенный въ основу доктрины, вскорѣ и затѣмъ не разъ обращался противъ самой Англіи. Въ 1840 году Англія пыталась овладѣть островомъ Кубой,—Соединенные Штаты протестовали и Англія должна была уступить.

Съ теченіемъ времени доктрина Монроэ стала пользоваться почти всеобщимъ признаніемъ. Даже тѣ политическіе дѣятели, которые считали ее имѣющей лишь временный характеръ, относящійся къ одному событію, именно къ стремленію «Священнаго союза» подавить освободительное движеніе въ бывшихъ испанскихъ колоніяхъ, которые полагали, что президентъ не имѣлъ власти связывать націю такимъ ручательствомъ, даже эти люди, когда наступало время примѣнять доктрину, ни мало не задумывались, какъ, напримѣръ, Полькъ и Бухананъ. Первый, будучи членомъ конгресса въ то время, когда обсуждался вопросъ объ отношеніяхъ Соединенныхъ Штатовъ къ новымъ республикамъ, доказывалъ, что доктрина Монроэ исполнила свое назначеніе, давъ отпоръ европейскому вмѣшательству, и болѣе не имѣетъ никакого значенія для будущаго. Въ бытность же Полька президентомъ произошло столкновеніе Соединенныхъ Штатовъ съ Англіей въ 1845 году изъ-за Орегона. Эту мало населенную, но богатую страну долго эксплуатировали и американцы, и англичане, и никто изъ нихъ не заботился о томъ, кому она въ дѣйствительности принадлежитъ. Но послѣ того, какъ жители долины Миссисипи перебрались черезъ Скалистыя горы, достигли береговъ Тихаго океана и стали тамъ селиться, выгодное положеніе прибреж-

ныхъ странъ для торговли съ Азіей для всѣхъ стало ясно. Соединенные Штаты и Англія одновременно предъявили свои притязанія на вновь заселившіяся земли. Соединенные Штаты требовали проведенія границы сѣвернѣе 54 градусовъ 40 минутъ сѣверной широты, а Англія,—чтобы граница была проведена южнѣе рѣки Колумбіи. Считая, что настало время возобновить доктрину Монроэ, Полькъ писалъ къ конгрессу: «...существующія права каждой европейской державы должны быть почитаемы, но послѣднія не должны основывать на будуще время новыхъ колоній, или вновь учреждать свое господство на какой-нибудь части американскаго континента». Только благодаря уступчивости и умѣренности Англіи спорный вопросъ былъ разрѣшенъ не силой оружія, а путемъ соглашенія.

Протесты противъ попытокъ европейцевъ захватить часть американской территоріи не мѣшали Соединеннымъ Штатамъ округлять свои владѣнія. Европа не имѣетъ права вмѣшиваться въ домашнія дѣла Америки. Съ 1846 года возникла кровопролитная война между Соединенными Штатами и Мексикой изъ-за Техаса. Послѣдній раньше принадлежалъ Мексикѣ, благодаря успѣшному возстанію сталъ независимымъ, присоединился къ Соединеннымъ Штатамъ и вошелъ въ составъ ихъ, какъ отдѣльный штатъ. Изъ-за этого и возникла война. Она окончилась взятіемъ мексиканской столицы, Соединенные Штаты завладѣли Новой Мексикой, Калифорніей и расширили свои владѣнія до береговъ Тихаго океана. Когда же въ Европѣ раздались протесты противъ такого поведенія Соединенныхъ Штатовъ, Полькъ на это отвѣтилъ посланіемъ, въ которомъ писалъ: «...Націи Америки обладаютъ такими же правами, какъ и націи Европы: онѣ независимы отъ всякаго иностраннаго вмѣшательства, имѣютъ право вести войну, заключать миръ и регулировать свои внутреннія дѣла. Народъ Соединенныхъ Штатовъ не можетъ поэтому смотрѣть равнодушно на попытки Европы вмѣшиваться въ независимыя дѣйствія націй этого континента».

Немного спустя Полькъ опять обратился съ посланіемъ къ конгрессу. Между индѣйцами и бѣлыми на полуостровѣ Юкатанѣ началась междоусобная война. Послѣдніе, будучи побѣждены, обратились за помощью къ Англіи, Испаніи и Соединеннымъ Штатамъ, предлагая часть Юкатана за оказаніе помощи. Такимъ образомъ полунезависимый народъ, борющійся за жизнь, просилъ помощи у двухъ европейскихъ государствъ и предлагалъ за это свою страну. Но Полькъ, не совѣтуя пріобрѣтать Юкатанъ самимъ Соединеннымъ Штатамъ, писалъ, что всякая европейская держава, пріобрѣтающая хоть пядь земли на американскихъ континентахъ больше, чѣмъ она имѣла въ 1823 году, хотя бы и съ согласія и по просьбѣ самихъ собственниковъ этой страны, тѣмъ самымъ распространяетъ свою систему и угрожаетъ миру и благополучію Соединенныхъ Штатовъ. Юкатанъ былъ предоставленъ самому себѣ.

Бухананъ, сначала тоже противникъ доктрины Монроэ, поступилъ также точно и взялъ республику Мексико подъ свою защиту противъ европейскаго вмѣшательства въ ея дѣла. Какъ извѣстно, вся исторія Мексики, съ тѣхъ поръ, какъ она возстала противъ Испаніи въ 1820 году и сдѣлалась независимой, представляетъ безпрерывную, кровопролитную борьбу монархистовъ съ республиканцами. Послѣдніе въ 1860 году восторжествовали и избрали президентомъ Мексики своего главу Бенито-Хуареса, индѣйца по происхожденію. Хуаресъ отказался отъ всѣхъ конвенцій и договоровъ, заключенныхъ прежними правительствами и обременительными для экономическаго положенія разоренной Мексики, лишилъ многихъ европейскихъ колонистовъ ихъ земельной собственности и изгналъ изъ предѣловъ Мексики французскаго консула, папскаго нунція и испанскаго посла. Англія, Франція и Испанія, возмущенныя этимъ, рѣшили вмѣшаться въ мексиканскія дѣла. Противъ этого Бухананъ, тогда президентъ Соединенныхъ Штатовъ, протестовалъ: «Мы не отрицаемъ права какой-либо европейской державы вести враждебныя дѣйствія противъ Мексики, но мы будемъ

противиться всѣми силами захвату ея территоріи и стремленіямъ силой контролировать ея политическую жизнь». А въ посланіи къ конгрессу, въ декабрѣ 1860 года, онъ говорилъ, что Соединенные Штаты не должны останавливаться даже предъ употребленіемъ вооруженной силы для защиты и поддержки доктрины Монроэ.

Вскорѣ послѣ этого въ Соединенныхъ Штатахъ вспыхнула междоусобная война за освобожденіе негровъ. Англія и Франція рѣшили тогда прибѣгнуть къ военнымъ мѣрамъ для возстановленія нарушенныхъ правъ, не допуская, однако, вмѣшательства во внутреннія дѣла Мексики. Послѣдняя уже согласилась на то, чтобы нарушенныя права были разсмотрѣны европейскими уполномоченными, но Наполеонъ Ш въ это время рѣшилъ завладѣть Мексикой и превратить ее въ монархію. Австрійскаго эрцгерцога Максимиліана онъ избралъ на этотъ тронъ и заручился его согласіемъ. 40 тысячъ французовъ вступили въ предѣлы Мексики, войска Хуареса были разбиты, самъ онъ съ остатками своей партіи бѣжалъ въ Соединенные Штаты и французы вступили въ столицу. Немедленно было созвано собраніе народныхъ представителей изъ монархической партіи. Собраніе постановило ввести монархическое правленіе и корону предложить Максимиліану. Послѣдній прибылъ въ Мексику лѣтомъ 1864 года, но въ это время судьба его монархіи была уже рѣшена. Соединенные Штаты, занятые своей собственной междоусобной войной, могли помочь Хуаресу только деньгами и совѣтами. По окончаніи войны президентъ Джонсонъ открыто сталъ на сторону республиканцевъ въ Мексикѣ. Правительство Соединенныхъ Штатовъ потребовало, на основаніи доктрины Монроэ, чтобы Наполеонъ отозвалъ свои войска и этимъ доставилъ мексиканскому народу возможность ввести у себя такую форму правленія, какую онъ самъ пожелаетъ, угрожая въ противномъ случаѣ войной. Война съ Соединенными Штатами была не по душѣ Наполеону и онъ отозвалъ свои войска, не смотря на всѣ просьбы Максимиліана и его супруги Шарлотты, прибывшей для этого въ Парижъ и на колѣняхъ умолявшей Наполеона не оставлять безъ поддержки ея мужа. Съ удаленіемъ французскихъ войскъ Мексика постепенно стала переходить во власть республиканцевъ. Вскорѣ Максимиліанъ былъ взятъ въ плѣнъ, преданъ военному суду, осудившему его на смерть, какъ узурпатора, и въ іюлѣ 1867 года онъ былъ разстрѣлянъ при восторженныхъ крикахъ во множествѣ собравшагося народа. Такъ кончилась попытка вмѣшательства европейцевъ въ американскія дѣла. Доктрина Монроэ восторжествовала.

Предшественнику Макъ-Кинли, президенту Клевеленду, пришлось также опереться на принципы доктрины Монроэ. Въ 1895 году возникъ споръ между Англіей и Венецуеллой. Причиной столкновенія было желаніе каждой изъ этихъ державъ захватить пограничную долину рѣки Юранъ, богатую золотыми розсыпями. Президентъ Клевелендъ въ посланіи къ конгрессу потребовалъ, чтобы для разрѣшенія этого спора былъ назначенъ третейскій судъ. Это предложеніе не было принято Англіей, и тогда Клевелендъ опубликовалъ посланіе, въ которомъ говорилъ, что Соединенные Штаты «должны противодѣйствовать всякому незаконному расширенію территоріальныхъ владѣній Англіи, какъ посягательству на права и интересы Соединенныхъ Штатовъ». Поэтому онъ предложилъ назначить коммиссію, которая установила-бы пограничную линію между Венецуеллой и Британской Гвіаной. Посланіе президента было встрѣчено американцами съ восторгомъ. Англія уступила, были назначены коммиссіи для разсмотрѣнія этого дѣла, которыя выбрали третейскимъ судьей профессора петербургскаго университета г. Мартенса.

Три года тому назадъ вспыхнуло возстаніе на островѣ Кубѣ противъ испанскаго владычества. Это не первое возстаніе. Они начались еще съ прошлаго столѣтія, благодаря жестокому, разорительному, деспотическому управленію остро-

вомъ и благодаря неспособности испанцевъ установить въ своей колоніи правильную гражданственность и здоровыя экономическія отношенія. Испанія видѣла въ Кубѣ, какъ раньше въ Америкѣ, дойную корову и, извлекая изъ нея все, никогда и ничего ей не давала, кромѣ огня и меча. Самымъ значительнымъ было возстаніе съ 1868 года по 1878. Испанское владычество висѣло тогда на волоскѣ и, только благодаря обѣщанію широкихъ реформъ, Испанія сохранила островъ. Во время этой войны общественное мнѣніе Соединенныхъ Штатовъ не разъ требовало вмѣшательства своего правительства въ эту борьбу, но правительство Соединенныхъ Штатовъ съумѣло сдержать негодованіе общественнаго мнѣнія и только потребовало реформъ. Испанія обѣщала дать ихъ, но исполнять ихъ медлила и ввела далеко не всѣ изъ тѣхъ, которыя обѣщала и которыхъ требовало населеніе. И вотъ, 11 апрѣля 1895 года вспыхнуло новое возстаніе. Благодаря многочисленнымъ нарушеніямъ правъ гражданъ Соединенныхъ Штатовъ, благодаря полному разоренію острова, находящагося въ оживленныхъ сношеніяхъ съ Сѣверной Америкой, благодаря тому, что трехлѣтняя ожесточенная война крайне вредила интересамъ Соединенныхъ Штатовъ, благодаря настоятельному требованію общественнаго мнѣнія послѣднихъ, возмущенному страшными жестокостями со стороны испанцевъ во время этой войны и гибелью броненосца «Мэна», вѣроломно взорваннаго испанцами,—правительство Соединенныхъ Штатовъ рѣшило вмѣшаться и прекратить невыносимое положеніе. Президентъ Макъ-Кинли обратился къ конгрессу съ посланіемъ, и резолюція, принятая совмѣстно американскимъ сенатомъ и палатой, гласитъ: «Народъ острова Кубы правомѣрно является и долженъ быть свободнымъ и независимымъ, на Соединенныхъ Штатахъ лежитъ долгъ потребовать и правительство ихъ симъ требуетъ, чтобы испанское правительство немедленно отказалось отъ своей власти и управленія на Кубѣ и чтобы оно отозвало изъ Кубы и кубинскихъ водъ свои сухопутныя и морскія силы, и Соединенные Штаты симъ заявляютъ, что они не имѣютъ намѣренія или склонности присвоить себѣ верховную власть, юрисдикцію или контроль надъ названнымъ островомъ въ какихъ-либо иныхъ цѣляхъ, помимо его умиротворенія, и заявляютъ о своемъ рѣшеніи предоставить управленіе и контроль надъ островомъ его собственному населенію, когда это умиротвореніе будетъ достигнуто». Президентъ подписалъ эту резолюцію и война началась. Кончилась она, какъ извѣстно, побѣдой Соединенныхъ Штатовъ, и теперь не можетъ быть сомнѣнія, что геройское населеніе острова Кубы, борющееся за свою свободу и права болѣе ста лѣтъ, наконецъ получитъ ихъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что доктрина Монроэ сохранила до сихъ поръ свою жизненность, правительство Соединенныхъ Штатовъ проводитъ ее послѣдовательно въ жизнь и каждый гражданинъ великой заатлантической республики безъ различія убѣжденій готовъ стоять за нее. Но теперь сами Соединенные Штаты вступаютъ на опасную дорогу, нарушая вторую часть доктрины Монроэ—не вмѣшиваться въ дѣла другихъ континентовъ и не проводить завоевательной политики внѣ американскаго континента. Завоеваніе Филиппинскихъ острововъ, населеніе которыхъ не желаетъ подчиненія американцамъ, грозитъ блестящему до сихъ поръ ходу внутренней жизни Штатовъ огромными осложненіями и можетъ вовлечь ихъ въ такія международныя затрудненія, которыя надолго нарушатъ правильное теченіе американской жизни. И не разъ, быть можетъ, пожалѣютъ впослѣдствіи свободолюбивые «янки», что въ увлеченіи временнымъ успѣхомъ они забыли великій принципъ Монроэ: отстаивать свою свободу и не посягать на чужую.

Д. Неточаевъ.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Децимальное дѣленіе часа и универсальное время.—Отчетъ о засѣданіи коммиссіи для составленія интернаціональнаго научнаго каталога.—Общества покровительства растеній и альпійскіе сады для сохраненія рѣдкихъ и вымирающихъ видовъ растеній горныхъ областей. — Медицинскія суевѣрія у китайцевъ. — Смертная казнь посредствомъ электричества въ Америкѣ.

Уже болѣе столѣтія тому назадъ Франція ввела у себя такъ-называемую метрическую систему, основаніемъ которой для различныхъ мѣръ послужило десятичное или децимальное дѣленіе. Въ то же самое время декретомъ конвента отъ 10-го фримера II года въ принципѣ было принято также децимальное дѣленіе дня на 10 децимальныхъ часовъ, а также и дѣленіе круга на 10 или на 100 градусовъ. Всѣмъ извѣстно, насколько метрическая система оказалась практичной и какое широкое примѣненіе она получила въ настоящее время, сдѣлавшись почти интернаціональной. Упомянемъ, кстати, что секціей статистики на съѣздѣ естествоиспытателей въ августѣ 1898 года въ Кіевѣ возбужденъ вопросъ о ходатайствѣ передъ правительствомъ о введеніи децимальной системы мѣръ и у насъ, въ Россіи.

Нигдѣ, однако, не было приведено въ исполненіе на практикѣ децимальное дѣленіе дня, часа и окружности, если не считать «Системы міра» Лапласа, гдѣ день раздѣленъ на 10 часовъ, а окружность на 400 градусовъ.

Въ обыденной жизни дѣленіе дня на 10 часовъ не было принято, и до сихъ поръ сохраняется его дѣленіе на 24 часа, которое имѣетъ уже за себя привычку, освященную давностью, по меньшей мѣрѣ, двухъ тысячелѣтій. Не говоря уже о наслѣдственныхъ привычкахъ, которыя связали съ различными періодами 24-хъ-часовыхъ сутокъ разные моменты нашей общественной и частной жизни, число 24 имѣетъ еще математическое преимущество предъ всякимъ децимальнымъ числомъ, какъ, напр., 10 или 20: въ самомъ дѣлѣ, оно имѣетъ 6 дѣлителей—2, 3, 4, 6, 8 и 12, тогда какъ у десяти ихъ всего 2, у двадцати—4.

Къ тому же, и астрономы не приняли новаго измѣренія времени, предложеннаго конвентомъ, хотя и были устроены часы новаго образца.

Въ семидесятыхъ годахъ вопросъ этотъ, однако, вновь былъ поставленъ на очередь, и нужно признать, что онъ вполнѣ заслуживаетъ того вниманія, которое онъ привлекъ въ особенности въ самое послѣднее время; французы хотятъ подготовить всѣ необходимые матеріалы и проекты къ 1900 году, когда вопросъ этотъ можно будетъ поставить на разрѣшеніе интернаціональныхъ конгрессовъ, которые соберутся въ Парижѣ во время всемірной выставки. По самому существу вопросъ только и можетъ получить интернаціональное рѣшеніе, такъ какъ весьма понятно, что, при существующихъ международныхъ сообщеніяхъ, нація, которая одна ввела бы у себя такую серьезную реформы, испытывала бы крайнія неудобства. Одновременно будетъ поставленъ также вопросъ о введеніи одного универсальнаго времени для всѣхъ націй, взамѣнъ національныхъ часовъ, при-

чемъ новые часы получатъ, по проекту, такое устройство, что будутъ показывать одновременно универсальное время и мѣстное.

Въ чемъ же заключается выгода этихъ двухъ реформъ и какіе предложены проекты для ихъ проведенія въ жизнь? Прежде всего получится большая экономія во времени, требуемомъ для производства вычисленій: она равняется минимумъ 2,5 того времени, которое требуется для вычисленій при дѣленіи часа на 60 минутъ, минуты на 60 сек. и т. д. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы отвѣтить на вопросъ, сколько секундъ въ 11 час. 37 мин. и 45 сек. достаточно будетъ поставить всѣ цифры рядомъ и отвѣтъ будетъ: 113.745 секундъ, тогда какъ при современномъ дѣленіи часа нужно продѣлать слѣдующій подсчетъ:

$$\begin{aligned} 11 \text{ ч.} \times 60 &= 660 \text{ м.} \\ &+ \ 37 \ » \\ \hline 697 \text{ м.} \times 60 &= 41.820 \text{ секундамъ.} \\ &+ \quad 45 \quad » \\ \hline 11 \text{ ч. } 37 \text{ м. } 45 \text{ сек.} &= 41{,}865 \text{ секундамъ.} \end{aligned}$$

Въ первый разъ вопросъ о децимализаціи дня и часа былъ возобновленъ въ 1875 году на географическомъ конгрессѣ по иниціативѣ Yvon-Villarceau и Champcourtois. Уже тогда мнѣнія раздѣлились. Одни настаивали на дѣленіи окружности на 400^0, слѣдовательно, для соотвѣтствія градуса съ децимальною частью времени, нужно было бы раздѣлить день на 40 часовъ. Нечего и говорить, что публика воспротивилась бы такому дѣленію дня, слишкомъ далекому отъ принятаго въ настоящее время. Другіе возстали противъ такого дѣленія на томъ основаніи, что нѣтъ никакихъ данныхъ принимать прямой уголъ за единицу$=100^0$, и предлагали дѣленіе всей окружности на 100^0.

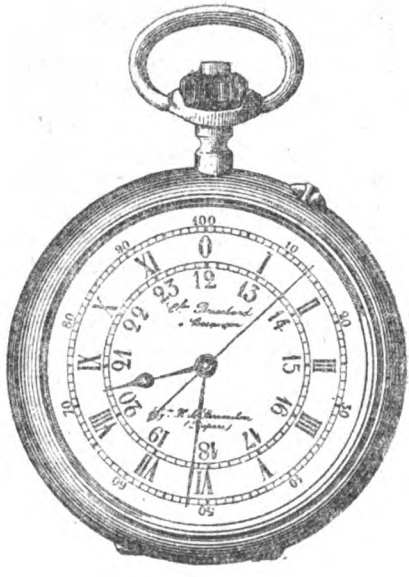
Въ теченіе 2-хъ или 3-хъ послѣднихъ лѣтъ вопросъ этотъ поднимался во многихъ географическихъ обществахъ, причемъ среди горячихъ защитниковъ реформы упомянемъ Rey-Pailhade'a и Sarrauton'a. Первый стоитъ за дѣленіе дня на 100 часовъ, а окружности на 100 градусовъ; такимъ образомъ, по его проекту, градусъ соотвѣтствуетъ часу. Мы уже говорили, что проектъ дѣленія сутокъ на 40 часовъ имѣетъ мало шансовъ на успѣхъ; тѣмъ менѣе публика склонна будетъ принять дѣленіе сутокъ на 100 часовъ. Такимъ образомъ ни одинъ изъ проектовъ децимализаціи сутокъ не имѣетъ, повидимому, шансовъ на успѣхъ практическаго примѣненія. Вотъ почему другой защитникъ реформы Sarrauton пришелъ къ тому убѣжденію, что децимализація сутокъ есть утопія и что слѣдуетъ сохранить вѣками установленное дѣленіе сутокъ на 24 часа. Но онъ горячо защищаетъ дѣленіе часа не на 60 минутъ, а на 100, дѣленіе минуты на 100 секундъ и т. д. Чтобы было соотвѣтствіе съ дѣленіемъ окружности, онъ предлагаетъ раздѣлить ее на 240 градусовъ: 10 градусовъ будутъ соотвѣтствовать одному часу. Такимъ образомъ проектъ Sarrauton'a является наиболѣе удобнымъ для практическаго примѣненія. Число 240 имѣетъ лишь очень немногимъ менѣе дѣлителей, чѣмъ 360, а потому принятіе дѣленія окружности на 240 градусовъ не будетъ доставлять серьезныхъ затрудненій. Далѣе, промежутки времени въ $^1/_4$ часа, $^1/_2$ часа и $^3/_4$ часа сохраняютъ свою прежнюю величину, къ которой всѣ мы ужъ такъ привыкли. Разница лишь въ томъ, что вмѣсто 15 минутъ четверть часа будетъ заключать 25 мин., полъ-часа 50 и $^3/_4$—75; привыкнуть къ этому будетъ далеко не такъ трудно: публика даже не замѣтила бы этой минимальной, повидимому, реформы, которая въ дѣйствительности оказалась бы богатой плодотворными результатами. Переходъ отъ одной системы къ другой совершился бы почти незамѣтно.

Ch. Duprat, одинъ изъ горячихъ защитниковъ идеи Sarrauton'a, говоритъ слѣдующее: «Если бы этотъ прогрессъ былъ реализованъ въ недалекомъ будущемъ, онъ выразился бы въ большомъ количествѣ полезныхъ и элегантныхъ

упрощеній и научныхъ примѣненій: въ астрономіи, геодезіи, географіи, мореходствѣ и пр. многіе длинные и требующіе большого труда подсчеты сдѣлались бы элементарно-легкими; въ особенности много ясности и простоты пріобрѣтаетъ географія. Земной шаръ, раздѣленный на 24 такъ-называемыхъ «fuseaux horaires», по 10 градусовъ въ каждомъ, становится, нѣкоторымъ образомъ, громаднымъ циферблатомъ съ 24 часами; блестящая стрѣлка этого циферблата, показывающая одновременно часы и градусы долготы—есть солнце!» И онъ приглашаетъ своихъ коллегъ по Société astronomique de France, во имя любви къ научному прогрессу, взять на себя пропаганду этой идеи и добиваться проведенія реформы въ жизнь черезъ правительство.

Такимъ образомъ реформа по проекту Sarrauton'a выразится въ слѣдующемъ:

1) Земной экваторъ будетъ раздѣленъ на 24 части 24-мя главными меридіанами. Разстоянія между двумя главными меридіанами равно 10 градусамъ или одному «fuseau horaire». 10 градусовъ или 1 fuseau соотвѣтствуетъ 1 часу времени.



Децимальные часы.

2) Градусы долготы считаются съ востока на западъ по видимому движенію солнца отъ 0° до 240°.

3) Первый меридіанъ (0°) долженъ быть избранъ по интернаціональному соглашенію. Пока всѣ географы, занимавшіеся этимъ вопросомъ, согласны съ тѣмъ, что этотъ меридіанъ долженъ избѣгать материковъ, а потому Sarrauton предлагаетъ провести первый меридіанъ черезъ Беринговъ проливъ.

4) Сутки состоятъ изъ 24 часовъ, которые считаются отъ 1 до 24 ч., какъ это уже введено въ Италіи и Бельгіи даже въ настоящее время. Часъ содержитъ 100 минутъ, минута 100 секундъ и т. д. Чтобы не нарушать привычки, дѣленіе циферблата часовъ можетъ остаться старымъ и подъ римскими цифрами отъ 0 до XI можно подписать арабскія отъ 12 до 23. Приложенный рисунокъ объясняетъ намъ новое устройство циферблата часовъ, которые уже и изготовлены Brisebart'омъ, фабрикантомъ точныхъ инструментовъ въ Безансонѣ. Послѣдній, разсмотрѣвъ всѣ до сихъ поръ предложенные проекты децимализа-

ціи часа, пришелъ къ заключенію, что, съ точки зрѣнія практика, единственнымъ логическимъ, практичнымъ и желательнымъ является проектъ H. de Sarrauton'a.

Приготовленные Brisebart'омъ новые часы удовлетворяютъ къ тому же основнымъ требованіямъ, выставленнымъ коммиссіею, созванною министерствомъ народнаго просвѣщенія во Франціи; эта коммиссія была составлена изъ представителей палаты мѣръ, двухъ членовъ центральной администраціи министерства народнаго просвѣщенія, двухъ представителей отъ управленія почтой и телеграфомъ, двухъ представителей желѣзныхъ дорогъ и двухъ представителей географическихъ обществъ.

Какъ видно изъ нашего рисунка, новые часы устроены такъ, что позволяютъ между арабскими цифрами отсчитывать по старому по 5 минутъ между каждой цифрой часа: это является временной уступкой старинѣ, пока новое дѣленіе часа на 100 минутъ не войдетъ окончательно въ привычку. Такимъ образомъ изъ сказаннаго видно, что крупная реформа обойдется безъ всякой ломки вѣками установленныхъ привычекъ и будетъ едва замѣтной и почти неощутимой въ практической жизни.

Выгоды новаго способа дѣленія часа и окружности легко оцѣнить, если мы припомнимъ, какъ трудно рѣшаются при нашемъ дѣленіи круга и часа всѣ задачи на время.

Предложимъ на рѣшеніе задачу слѣдующаго рода:

Петръ умеръ въ Токіо 7 августа въ 3 ч., 18; Павелъ умеръ въ Алжирѣ 6 августа въ 18 ч., 82. Иванъ получаетъ наслѣдство отъ Петра лишь въ томъ случаѣ, если Петръ умеръ послѣ Павла. Имѣетъ ли Иванъ право на наслѣдство послѣ Петра?

Нѣтъ ничего проще рѣшенія этой задачи при введеніи универсальнаго времени и даты, къ которой придется свести мѣстное время въ Токіо и Алжирѣ. Если принять за первый меридіанъ тотъ, который предложенъ Sarrauton'омъ и проходитъ черезъ Беринговъ проливъ, то географическая долгота Токіо будетъ 3,51, Алжира 12,63,—если выразить эту долготу въ главныхъ меридіанахъ, которые соотвѣтствуютъ часамъ или 35°1′ (Токіо) и 126°3′ (Алжиръ).

Такъ какъ главные меридіаны соотвѣтствуютъ часамъ, то для приведенія къ универсальному времени смерти Петра въ Токіо, а Павла въ Алжирѣ требуется лишь:

Петръ умеръ по унив. времени 3,51 + 3,18 = 6 ч. 69; 7 авг.
Павелъ » » » » 12,63 + 18,82 = 31,45, т. е. 7 » 45; 7 »

Петръ, какъ видно изъ этого простого подсчета, умеръ раньше на 76 десятичныхъ минутъ, т. е. на $^3/_4$ часа. Иванъ, слѣдовательно, не имѣетъ правъ на наслѣдство послѣ Петра.

Предложимъ задачу другого рода: Телеграмма принята для отправки изъ Астрахани (геогр. долгота, считая по главн. мерид. = 9,63) въ Парижъ (12,68) во вторникъ, 3 августа, въ 12 ч. 25 и получена въ Парижѣ въ тотъ же день въ 11 ч. 22 м. Сколько времени потребовалось для передачи? Сведемъ парижское и астраханское время къ универсальному—получимъ:

Парижъ . . . . . 12,68 + 11 ч. 22 = 23 ч. 90
Астрахань . . . . . 9,63 + 12 » 25 = 21 » 88

2 ч. 02

Телеграмма пробыла въ пути 2 ч. 2 секунды.

Предлагаемъ для сравненія скорости рѣшить тѣ же задачи при дѣленіи экватора на 360°, когда нѣтъ соотвѣтствія между часами и главными меридіанами, да еще при сексагезимальномъ дѣленіи часа.

Предстоящій въ 1900 г. научный конгрессъ долженъ будетъ рѣшить вопросъ о принятіи этой реформы или же отвергнуть ее. Серьезное препятствіе можетъ встрѣтить введеніе интернаціональнаго, универсальнаго времени со стороны Англіи, которая очень консервативна въ этомъ отношеніи и до сихъ поръ сохраняетъ, напр., у себя нелѣпую во всѣхъ отношеніяхъ дуодецимальную систему мѣръ. Захотятъ-ли англичане примкнуть къ этой, столь раціональной реформѣ? Нѣкоторые изъ ея защитниковъ уже заранѣе ищутъ себѣ союзниковъ, напр., въ Россіи, владѣнія которой доходятъ какъ разъ до Берингова пролива, такъ что Россія имѣетъ прямой интересъ въ выборѣ первымъ того меридіана, который проходитъ черезъ этотъ проливъ. Другіе же, между ними и Sarrauton, горячо рекомендуютъ Франціи взять на себя починъ и въ этой реформѣ, какъ сто лѣтъ тому назадъ при введеніи метрической системы, въ увѣренности, что раціональность ея не подлежитъ сомнѣнію и что это обстоятельство мало-помалу заставитъ и другія націи примкнуть къ Франціи, какъ это уже и случилось съ децимальной, метрической системой мѣръ.

Съ 16-го по 18-е октября прошлаго года въ Лондонѣ происходили засѣданія коммиссіи по составленію интернаціональнаго научнаго каталога. Напомнимъ, что первое засѣданіе этой коммиссіи было въ 1896 году и было постановлено, что Лондонъ будетъ постояннымъ пунктомъ будущихъ засѣданій. Въ октябрьской сессіи участвовали 31 представитель отъ слѣдующихъ 12 государствъ: Германіи, Австро-Венгріи, Великобританіи, Франціи, Соединенныхъ Штатовъ, Бельгіи, Японіи, Мексики, Голландіи, Швеціи, Норвегіи, Швейцаріи.

Вотъ наиболѣе интересныя постановленія коммиссіи, принятыя всѣ почти единогласно.

Постановленіе 14. Предполагается вести текущую библіографію по слѣдующимъ 14 областямъ: математикѣ, астрономіи, метеорологіи, физики, химіи, минералогіи, кристаллографіи, геологіи и палеонтологіи, анатоміи, физіологіи съ экспериментальной патологіей и фармакологіей, бактеріологіи, психологіи и антропологіи. Постановленіе 16 и 18. Для каждой изъ этихъ наукъ (даже для нѣкоторыхъ отдѣловъ ихъ) будетъ введена спеціальная библіографія. Въ ней заглавія трудовъ будутъ даны на оригинальномъ языкѣ, если они изданы на слѣдующихъ пяти языкахъ: англійскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, итальянскомъ и латинскомъ. Всѣ заглавія на прочихъ языкахъ должны быть переведены на одинъ изъ перечневыхъ 5 языковъ.

Постановленіе 22. Коммиссія высказываетъ пожеланіе, чтобы всѣ делегаты сдѣлали необходимыя ходатайства передъ своимъ правительствомъ объ организаціи мѣстныхъ національныхъ коммиссій, гдѣ бы изучались вопросы, относящіеся къ составленію каталога. Делегаты же составятъ отчетъ о работахъ мѣстныхъ коммиссій и представятъ его на разсмотрѣніе интернаціональнаго комитета. Этотъ комитетъ былъ избранъ въ спеціальномъ засѣданіи коммиссіи и состоитъ въ настоящее время изъ восьми лицъ: Armstrong'a, Descomps'a, Forster'a, Langley'a, Poincaré, Rucker'a, Waldeyer'a и Weiss'a. Собраніе этого комитета назначено на апрѣль 1899 года, причемъ ему вмѣнено въ обязанность представить не позже 31 іюля 1899 года отчетъ, предназначенный для третьяго собранія интернаціональной коммиссіи по составленію каталога, которое рѣшитъ въ окончательной формѣ всѣ сомнительные вопросы.

Частнымъ образомъ представители разныхъ странъ дали отчетъ о приготовленіяхъ, сдѣланныхъ въ каждой странѣ для общаго дѣла, а также о той матеріальной поддержкѣ, на которую предпріятіе можетъ разсчитывать. Оказывается, что повсюду идетъ организація мѣстныхъ комитетовъ и можно надѣяться также и на денежную поддержку, въ видѣли опредѣленной суммы денегъ для под-

держки предпріятія, либо въ видѣ подписки на нѣкоторое количество экземпляровъ каталога.

Одинъ изъ делегатовъ Франціи J. Deniker высказываетъ надежду, что въ первомъ году XX вѣка появятся первые выпуски каталога, если такія продуктивныя въ этомъ смыслѣ страны, какъ Франція, Англія, Германія, Бельгія, Италія, Австро-Венгрія, Соедин.-Штаты, Голландія, Швейцарія, Россія и проч., организуютъ у себя мѣстные комитеты и если подписка на 350 полныхъ экземпляровъ каталога будетъ гарантирована.

Многіе виды растеній и животныхъ, нѣкогда широко распространенные въ той или иной области земного шара, нерѣдко подъ вліяніемъ измѣнившихся внѣшнихъ условій, сдѣлавшихся неблагопріятными для ихъ осуществленія, постепенно уменьшаются въ числѣ и наконецъ вымираютъ окончательно. Часто дѣятельнымъ агентамъ, содѣйствующимъ вымиранію, кромѣ внѣшнихъ условій, является также человѣкъ. Достаточно указать, напр., на полное уничтоженіе волковъ въ нѣкоторыхъ культурныхъ странахъ, на сохранившихся лишь благодаря защитѣ закона зубровъ, нынѣ живущихъ лишь въ Бѣловѣжской пущѣ и являющихся въ наше время единственными представителями тѣхъ породъ быковъ, какъ, напр., Bos primigenius, которые далеко не были рѣдкостью въ Европѣ въ четвертичную геологическую эпоху, населяя эту страну наряду съ человѣкомъ и другими нынѣ вымершими животными видами, какъ, напр., мамонтъ, насорогъ и пр.

То же самое справедливо не только относительно животныхъ, но и растеній. Достаточно припомнить, въ какомъ количествѣ уничтожается ежегодно туристами прекрасное альпійское растеніе edelweiss, сдѣлавшееся даже предметомъ торговли, чтобы понять, какую большую роль можетъ играть человѣкъ въ этомъ процессѣ уничтоженія видовъ. Понятно, отчего, напр., нѣкоторыми кантональными правительствами Швейцаріи изданы законы, имѣющіе спеціальною цѣлью охраненіе edelweis'a. Излишнимъ было бы доказывать здѣсь важность интереса, который представляетъ, въ особенности для науки, сохраненіе видовъ, которымъ угрожаетъ полное вымираніе. Выше мы уже указали примѣры охраненія законами вымирающихъ видовъ, теперь же укажемъ на любопытное проявленіе частной иниціативы, которое пошло гораздо дальше и выразилось въ организаціи такъ называемыхъ альпійскихъ садовъ. Въ 1883 году, въ Женевѣ, основалось «Общество покровительства растеній», которое горячо принялось за дѣло и обратило особенное вниманіе на защиту растеній, которымъ грозитъ вымираніе. Наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ оказалась организація упомянутыхъ альпійскихъ садовъ, предназначенныхъ для разведенія и сохраненія рѣдкихъ горныхъ растеній. Съ этой цѣлью прежде всего устроенъ былъ садъ для акклиматизаціи и разведенія рѣдкихъ растеній, которыя затѣмъ продавались въ видѣ сѣмянъ и растеній садоводамъ и любителямъ. Далѣе были устроены настоящіе ботаническіе сады съ чисто научной цѣлью на значительныхъ горныхъ высотахъ, чтобы быть увѣренными въ томъ, что разные представители альпійской флоры дѣйствительно хорошо сохраняются въ нихъ. Въ 1885 году президентъ «Общества покровительства растеній», Correvon, организовалъ первый такой садъ на высотѣ 2.300 метровъ въ Val d'Anniviers. «Эти сады,—сказалъ онъ,—будутъ истинными убѣжищами, живыми музеями, помѣщенными въ разныхъ центрахъ распространенія альпійской флоры». Въ 1889 году тѣмъ же обществомъ открытъ второй садъ въ Bourg-Saint Pierre на высотѣ 1.693 метровъ, получившій названіе *Linnaea*, отъ названіе растенія Linnaea borealis, свойственнаго арктическимъ областямъ и достаточно рѣдкаго въ Альпахъ. Растенія въ этомъ саду расположены не по семействамъ; администрація сада отдала предпочтеніе распредѣленію по географическимъ областямъ: на одномъ

естественномъ плато сосредоточена флора Пиренеевъ, на другомъ, въ западной части сада—флора Кавказа; въ другомъ мѣстѣ расположены флоры Гималайскихъ горъ, Сибири, Андовъ и Кордильеровъ, арктическихъ областей и антарктическихъ. Роскошно представлена флора Альпійская, Юры, Судетъ и проч. Восемь большихъ уступовъ занимаютъ послѣднія флоры, причемъ нѣкоторые участки предназначены для отдѣльныхъ родовъ растеній. Общее количество культивируемыхъ въ этомъ саду горныхъ растеній доходитъ до 2.500 видовъ, если считать тѣ, которые принадлежатъ мѣстной флорѣ. Среди рѣдкихъ и наиболѣе замѣчательныхъ растеній упомянемъ о тѣхъ, которые доставлены нашимъ соотечественникомъ, ботаникомъ Альбовымъ *) и привезены имъ съ экскурсій въ горныя области Кавказа, горъ Огненной Земли и Патагоніи.

Опытъ Linnaea, какъ пробной станціи, оказался очень удачнымъ и въ настоящее время подумываютъ объ устройствѣ на Bourg-Saint-Pierre лабораторіи, которая могла бы служить ботаническою станціей для изученія біологіи растеній высокихъ горныхъ областей. Въ особенности хороша будетъ новая станція для изученія связи, существующей между климатомъ и альпійской флорой.

Вскорѣ примѣру Швейцаріи послѣдовали другія страны и въ 1891 году открытъ садъ Daphne итальянскимъ альпійскимъ клубомъ на Monte-Baro (800 метровъ). Въ 1893 году французское общество туристовъ Дофинэ открыло подобный же садъ на высотѣ 1.850 метровъ, и съ тѣхъ поръ открыто еще нѣсколько альпійскихъ садовъ для пріюта и разведенія рѣдкихъ горныхъ растеній.

Страна рутины и застоя, Китай является также страною, гдѣ чрезвычайно развиты разнаго рода суевѣрія, суевѣрные обычаи и привычки. Быть можетъ, не найдется въ мірѣ другой страны, которая находилась бы настолько, какъ «Небесная Имперія», во власти самыхъ сложныхъ и фантастическихъ вѣрованій, самыхъ невѣроятно превратныхъ предубѣжденій и представленій. Существуютъ суевѣрія, связанныя со всѣми актами частной и общественной жизни: съ рожденіемъ, смертью, бракомъ, пріемомъ пищи и питья, сномъ и т. д. Никто не можетъ вырваться изъ подъ власти различныхъ суевѣрныхъ страховъ, которые держатъ умъ несчастнаго китайца, какъ въ тискахъ. Всѣ, отъ перваго вельможи до послѣдняго нищаго, страдаютъ отъ нихъ и никто не жалуется, безропотны перенося наложенныя добровольно путы.

Интересная замѣтка о нѣкоторыхъ медицинскихъ суевѣріяхъ китайцевъ сообщена д-ромъ J. Matignon въ «Bulletin de la Société d'Anthropologie» (Fasc. IV, 1898).

Начнемъ съ того, что всѣ медицинскіе трактаты переполнены суевѣрными идеями: въ нихъ говорится о таинственныхъ скрытыхъ, но несомнѣнныхъ «вліяніяхъ», которыя играютъ вполнѣ опредѣленную роль въ генезисѣ многихъ болѣзней. Но въ особенности интересны эти суевѣрія въ связи со способами лѣченія.

Много болѣзней приписывается вредоносному вліянію злыхъ духовъ. Съ такими болѣзнями можно успѣшно бороться при помощи маленькихъ кусочковъ бумаги желтаго цвѣта, кусочковъ матеріи краснаго цвѣта съ извѣстными, кабалистическими надписями. Достаточно помѣстить такіе предметы полъ подкладкой платья или, еще лучше, сжечь и проглотить пепелъ вмѣстѣ съ чаемъ.

Можно также испугать злыхъ духовъ и заставить ихъ покинуть тѣло больного, выбивая матрацъ и одѣяло его постели вѣточкой персиковаго дерева или

---

*) Въ прошломъ году Н. М. Альбовъ, отличавшійся изумительной энергіей и любовью къ наукѣ, умеръ въ Буэносъ-Айрессѣ въ возрастѣ немногимъ болѣе 30 л. Почти безъ всякихъ средствъ онъ сдѣлалъ много научныхъ трудовъ и изслѣдованій, между прочимъ въ горныхъ областяхъ Кавказа и Арменіи.

вѣтвями плакучей ивы, или-же хлыстомъ съ веревкой, напоминающей по формѣ змѣю.

Въ особенности много суевѣрныхъ способовъ леченія примѣняется при родахъ. Тяжелые роды приписываются злымъ намѣреніямъ духовъ, которые препятствуютъ появленію на свѣтъ ребенка. Въ случаѣ тяжелыхъ родовъ приглашается священникъ, который, смотря по требованіямъ даннаго случая, производитъ цѣлый рядъ самыхъ безсмысленныхъ церемоній. Есть средства, которыя считаются абсолютно радикальными, и если примѣненіе ихъ остается безуспѣшнымъ, китаецъ, вмѣсто того, чтобы усомниться въ ихъ дѣйствительности, приписываетъ отрицательный результатъ исключительно неумѣлому примѣненію вѣрнаго средства.

Отъ самаго рожденія ребенка его нужно оберегать отъ дѣйствія злыхъ духовъ, которые могутъ оказать вредное вліяніе на будущую судьбу его и разрушить счастіе. Для огражденія отъ этихъ духовъ служатъ особыя цѣпочки, къ которымъ подвѣшиваются старыя монеты, маленькіе серебряные ножики, гвозди, служившіе прежде для заколачиванія гроба. Всѣмъ этимъ предметамъ свойственна особая сила, защищающая нравственное и физическее существо ребенка, гарантирующая его отъ несчастныхъ случаевъ, болѣзней и т. д.

Оспа, которая производитъ сильныя опустошенія среди населенія Китая, естественно должна была вызвать цѣлый рядъ суевѣрныхъ обычаевъ, назначеніе которыхъ—защита дѣтей отъ свирѣпой эпидеміи. Китайцы болѣе чѣмъ прививкамъ Дженнера довѣряютъ слѣдующимъ способамъ предохраненія. Маленькое растеніе съ двумя вздутіями лучше, чѣмъ всякая прививка, предохраняетъ отъ оспы. То же растеніе, засушенное и очищенное отъ сѣмянъ, подвѣшивается въ послѣднюю ночь китайскаго года у мѣста, гдѣ спитъ ребенокъ, еще не перенесшій оспы. Богъ эпидеміи, по представленію китайца, наполнитъ заразою пустое растеніе, вмѣсто тѣла ребенка. Если бы, несмотря на всѣ такія предосторожности, ребенокъ заболѣлъ оспою—болѣзнь можетъ проявиться лишь въ очень слабой степени. Растеніе можетъ быть замѣнено маленькимъ фонарикомъ также съ двумя вздутіями, подвѣшеннымъ на шею ребенка.

Богъ оспы находитъ злое удовольствіе въ томъ, чтобы обезобразить рубцами лицо ребенка, въ особенности въ томъ случаѣ, если ребенокъ отличается красотою. Китайцы не останавливаются поэтому передъ обманомъ бога: для этой цѣли лицо нѣкоторыхъ дѣтей, отличающихся красотою, покрывается въ послѣднюю ночь года страшною маскою. Находя столь безобразныя лица, богъ проходитъ мимо, считая, что трудно какою угодно болѣзнью обезобразить ихъ еще болѣе.

Въ Китаѣ практикуются также и прививки. Часто, если ребенку въ домѣ привита оспа, на дверяхъ приклеивается слѣдующее объявленіе: «остерегайтесь оспы!» Цѣль этого объявленія не заключается въ томъ, чтобы предупредить людей, входящихъ въ домъ, о возможности заразиться оспою, какъ можно было бы подумать. Смыслъ объявленія совсѣмъ иной. «Въ домѣ находится ребенокъ, которому привита оспа. Не входите, такъ какъ вашъ глазъ могъ бы оказать вредное вліяніе на развитіе пустулъ»—вотъ что говоритъ объявленіе.

Очень охотно китайцы приписываютъ цѣлебныя свойства извѣстнымъ деревьямъ, источникамъ, которые поэтому становятся священными. Такъ, напримѣръ, у одной изъ гробницъ императоровъ,—мѣсто, куда обязательно заходятъ всѣ паломники, находится буддійскій алтарь изъ камней. Въ одномъ изъ угловъ алтаря находится щель, которая ведетъ къ маленькому источнику: вода его дѣлаетъ чудеса, излѣчивая глазныя болѣзни. Толпы китайцевъ приходятъ сюда, берутъ небольшую палочку, къ которой на концѣ привязана тряпка, просовываютъ ее въ щель, и держатъ до тѣхъ поръ, пока она не напитается водою; этой тряп-

кой смачиваютъ затѣмъ глаза больныхъ. Этотъ способъ лѣченія несомнѣнно можетъ лишь сильно содѣйствовать распространенію многихъ болѣзней.

Китайцы вѣрятъ не только въ цѣлебныя свойства нѣкоторыхъ средствъ, но они увѣрены также, что извѣстныя, въ сущности безвредныя, средства могутъ вредить тѣмъ лицамъ, которыхъ удается заставить съѣсть ихъ. Они не только могутъ вызвать болѣзнь, но и смерть врага. Однако этими средствами располагаютъ далеко не всѣ, такъ какъ они, обыкновенно, очень дороги. За хорошія деньги можно добыть въ нѣкоторыхъ храмахъ листики желтой бумаги, на которыхъ напечатаны изображенія либо быка, либо собаки; иногда оба изображенія вмѣстѣ. Такую бумагу нужно сжечь и заставить своего врага выпить пепелъ отъ нея съ чаемъ такъ, чтобы у него не явилось никакого подозрѣнія.

Это суевѣріе вызвало, въ свою очередь, другое. Случается, что больной вообразитъ себя жертвой такихъ чаръ. Сейчасъ же, не теряя ни минуты, стараются уничтожить дѣйствіе пагубныхъ чаръ. Призываютъ двухъ, трехъ священниковъ, смотря по состоянію паціента; они должны посредствомъ таинственныхъ тѣлодвиженій и молитвъ удержать душу паціента въ тѣлѣ, если онъ уже находится въ агоніи. Церемонія сопровождается барабаннымъ боемъ, сожиганіемъ желтой бумаги съ тѣми же изображеніями, которыя повредили больному.

Крупныя проявленія суевѣрія вызываютъ эпидеміи. Лѣтомъ 1895 года эпидемія холеры унесла въ могилу болѣе 50.000 жителей Пекина. Китайцы были страшно напуганы. Для борьбы съ эпидеміей организовались блестящія процессіи съ фейерверками, было сожжено болѣе пороха, чѣмъ во время войны съ японцами. Всюду циркулировали подписные листы и каждый подписывалъ сколько могъ, чтобы принять участіе въ расходахъ на фейерверки. Тотъ, кто подписывалъ крупную сумму, имѣлъ право помѣстить у себя надъ дверью слѣдующую надпись: «такой-то господинъ внесъ деньги для прославленія бога эпидеміи». И довольный своей безопасностью, купленной столь просто, китаецъ спокойно набивалъ свой желудокъ дынями, пилъ грязную воду... и, конечно, зачастую заболѣвалъ холерой.

Самое приготовленіе лѣкарствъ часто связано съ суевѣріями. Такъ, часто на крышку, прикрывающую горшокъ, въ которомъ приготовляется лѣкарство, помѣщается небольшой ножикъ съ цѣлью помѣшать злымъ духамъ приподнять крышку и прибавить ядовитыхъ веществъ къ цѣлительному лѣкарству.

Вѣковой опытъ долженъ былъ бы убѣдить китайцевъ, насколько ложны, смѣшны и часто опасны ихъ суевѣрія. И тѣмъ не менѣе они держатся очень упорно.

Можно ли надѣяться освободить Китай отъ этой сѣти суевѣрій, которыя давятъ всякую мысль и препятствуютъ всякому прогрессу? Вотъ тотъ вопросъ, который ставитъ авторъ въ концѣ своей замѣтки.

Все таинственное, часто ошибочное и глупое имѣетъ такую власть надъ китайцемъ, говоритъ Matignon, такъ привлекаетъ его, что онъ откажется лишь съ большими трудностями отъ своихъ, часто нелѣпыхъ вѣрованій. Для доказательства цитирую еще одинъ примѣръ. Въ случаѣ перелома какого-нибудь члена лучшимъ средствомъ является слѣдующее: берутъ живого пѣтуха, разсѣкаютъ его пополамъ и прикладываютъ къ переломанному члену. Жизненная сила должна перейти изъ пѣтуха въ поврежденный членъ и вызвать непосредственное заживленіе. Китайскіе врачи несомнѣнно имѣли достаточно случаевъ видѣть, что примѣненіе ихъ средства никогда не сопровождается успѣхомъ. Тѣмъ не менѣе они продолжаютъ примѣнять его и, если замѣтить имъ, что способъ, безъ сомнѣнія, не дѣйствителенъ, они отвѣтятъ вполнѣ убѣжденнымъ тономъ, что средство великолѣпно и если примѣненіе его не сопровождается желаемымъ результатомъ, то это потому, что пѣтухъ не достаточно быстро былъ приложенъ къ переломанному органу.

На предстоящей въ 1900 году всемірной парижской выставкѣ, въ витринѣ штата Нью-Іоркъ, въ американскомъ отдѣлѣ будетъ выставленъ, между прочимъ, электрическій аппаратъ, назначеніе котораго отправлять на тотъ свѣтъ преступниковъ, приговоренныхъ къ смертной казни. Читателямъ, быть можетъ, извѣстно, что этотъ способъ смертной казни введенъ въ употребленіе штатомъ Нью-Іоркъ уже съ 1890 года, т. е. восемь лѣтъ тому назадъ. Электрическая смертная казнь примѣняется въ трехъ тюрьмахъ. Изъ опубликованныхъ недавно, оффиціальныхъ, статистическихъ данныхъ слѣдуетъ, что за этотъ періодъ всего подвергнуто электрокуціи сорокъ два человѣка, такъ что въ среднемъ приходится 6 человѣкъ казненныхъ на годъ. Любопытно, что за 100 предшествовавшихъ введенію электрокуціи лѣтъ было казнено черезъ повѣшеніе 230 человѣкъ, т. е. въ среднемъ отъ 2 до 3 человѣкъ въ годъ. Такимъ образомъ сопоставленіе этихъ цифръ показываетъ, что число смертныхъ казней увеличилось болѣе чѣмъ вдвое, послѣ введенія смертной казни посредствомъ электричества.

Въ послѣдніе годы нѣкоторые города въ Америкѣ начали примѣнять электричество для уничтоженія пойманныхъ бродячихъ собакъ; животныхъ съ этой цѣлью загоняютъ въ небольшую узкую клѣтку, въ которой они становятся передними лапами на одну, а задними—на другую изъ двухъ изолированныхъ, металлическихъ пластинокъ, соединенныхъ съ электрическими проводами. При замыканіи электрической цѣпи токъ пронизываетъ собаку и моментально убиваетъ ее *).

Съ своей стороны замѣтимъ, что американцамъ больше чести принесла бы полная отмѣна смертной казни, чѣмъ хвастовство усовершенствованными орудіями казни.

Н. М.

*) См. «Русск. Вѣдом.» № 278.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ".

Февраль. 1899 г.

Содержаніе: *Русскія и переводныя книги*: Беллетристика.—Публицистика.—Исторія литературы.—Исторія культуры.—Философія и психологія.—Народныя изданія.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.—*Иностранныя книги.*—Изъ западной культуры. Ив. Иванова.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Allegro. «Стихотворенія».—*Г. Гауптманъ.* «Одинокіе люди».— *Е. Балабанова.* «Легенды о замкахъ Бретани».

Allegro. Стихотворенія. Съ виньетками автора. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. Небольшая, изящно изданная книжечка стихотвореній Allegro рѣзко выдѣляется среди массы сборниковъ, quasi-поэтическихъ по содержанію и весьма претенціозныхъ по внѣшности. Отличительная черта этихъ многочисленныхъ сборниковъ—прозаическая блѣдность и версификаторскія натяжки, всецѣло отсутствуетъ въ произведеніяхъ Allegro. Съ значительной частью ихъ наши читатели знакомы, такъ какъ многія стихотворенія, вошедшія въ сборникъ, были помѣщены въ нашемъ журналѣ. Это очень облегчаетъ нашу задачу, и намъ достаточно подчеркнуть главныя особенности поэтическаго творчества Allegro.

Каждому знакомы неуловимыя, скоро преходящія, но, тѣмъ не менѣе, оставляющія глубокій слѣдъ въ душѣ—настроенія, которые внезапно охватываютъ васъ при видѣ-ли поразившаго насъ оригинальнаго пейзажа, подъ вліяніемъ-ли всплывшихъ воспоминаній, или въ сумеречную минуту, когда среди затихающаго шума дня внезапно, съ особой яркостью блеснетъ какой-либо образъ, рѣзко выдѣляющійся на сѣромъ фонѣ приближающейся ночи. Кажется, въ такія минуты раскрывается предъ нами на мигъ то нѣчто, что лежитъ за предѣлами видимаго міра, блеснетъ и исчезнетъ, какъ свѣтъ молніи, сверкнувшій среди глубокаго мрака и освѣтившій съ необычайной отчетливостью и облака, и лѣсъ, и поле, и далекую линію горизонта. И долго потомъ вы усиливаетесь вернуть это странное, неуловимое настроеніе, чтобы внимательнѣе вникнуть въ чудный міръ, лежащій за предѣлами видимыхъ явленій,—но напрасно. Это настроеніе приходитъ помимо вашей воли, его нельзя задержать, закрѣпить въ памяти, вернуть своевольно. Послѣ него остается чувство глубокой грусти, какъ если бы мы утратили нѣчто очень дорогое, цѣнное, все значеніе чего мы лишь теперь поняли, но слишкомъ поздно. Въ поэзіи, истинной поэзіи, всегда чувствуется отголосокъ этого неуловимаго настроенія,—и въ стихотвореніяхъ Allegro почти всегда отдается это трепетное вѣяніе изъ другого, такого близкаго и такого далекаго міра.

Среди красотъ ликующей природы
Я чувствую порой,
Что близко, близко счастіе трепещетъ
Невримо предо мной.

Когда звучатъ согласные напѣвы,
Я сердцемъ ихъ ловлю,
И кажется такъ близко и возможно
Все то, что я люблю.

Мнѣ чудится среди земныхъ тумановъ
Заря и день иной...
Еще лишь мигъ и я сорву завѣсу
— И вѣчность предо мной!

Этотъ мотивъ звучитъ въ большинствѣ стихотвореній, придавая имъ оттѣнокъ меланхоліи и глубокаго чувства, не находящаго удовлетворенія въ жизни. Образы Allegro слегка задрапированы, они представляются въ колеблющихся, легкихъ, прозрачныхъ облакахъ тумана, они нѣсколько таинственны и тѣмъ болѣе обаятельны. Ничего рѣзко очерченнаго, строгаго, пластическаго, — это одни измѣнчивыя очертанія, воздушныя и нѣжныя, такія пугливыя и неясныя, какъ смутныя грезы перваго легкаго сна, когда дѣйствительность еще борется съ сновидѣніями.

Я не знаю покоя, въ душѣ у меня
Небывалыя пѣсни дрожатъ
И, незримо летая, неслышно звеня,
Просятъ жизни и свѣта хотятъ.

И, быть можетъ, на вѣкъ я страдать осужденъ:
Я боюсь, что цвѣтущей весной
Эти пѣсни въ могилѣ встревожатъ мой сонъ,
Эти пѣсни, не спѣтыя мной...

Стихъ Allegro очень простъ, безыскусственъ, иногда даже небреженъ, но онъ необыкновенно подходитъ къ выраженію этихъ неуловимыхъ, «не спѣтыхъ пѣсенъ», звучитъ такъ нѣжно, какъ тихіе переливы прозрачнаго ручья среди камешковъ, или легкій шелестъ листьевъ чуть-чуть колеблемыхъ вѣтромъ. Прекрасныя виньетки работы самого автора удивительно гармонируютъ своимъ легкимъ, прозрачно-меланхолическимъ тономъ съ общимъ настроеніемъ книжечки Allegro, дополняя едва намѣченнымъ рисункомъ впечатлѣніе воздушной граціозности и задумчивой грусти, столь характерныя для этого оригинальнаго, нѣжнаго таланта.

Гергартъ Гауптманъ. Одинокіе люди. Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Посвящается тѣмъ, кто ее пережилъ. Переводъ О. Н. Поповой. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1899 Съ рис. Скиргелло. Ц. 1 р. «Одинокіе люди»—одна изъ лучшихъ драмъ Гауптмана, послѣ «Ткачей», пожалуй, единственная, въ которой талантъ Гауптмана достигаетъ наибольшей полноты, по глубинѣ обрисовки характеровъ и мысли, положенной въ основу драмы. Въ драмѣ нѣтъ ничего мистическаго или символическаго, какъ въ «Ганеле» или въ «Утонувшемъ колоколѣ»,—драма глубоко реальна и вполнѣ оправдываетъ посвященіе автора: «тѣмъ, кто ее пережилъ». А переживать ее приходится многимъ, потому что въ основѣ ея лежитъ старый личный вопросъ, но разработанный по новому, при новыхъ условіяхъ, вызывающихъ и новую окраску старой драмы.

Содержаніе ея очень несложно. Въ моментъ великаго торжества семейнаго начала, въ день крестинъ первенца любящей, мирной и согласной семьи, въ домъ входитъ, въ качествѣ случайной гостьи, молодая посторонняя дѣвушка, и вмѣстѣ съ нею въ тихую, повидимому, вполнѣ счастливую жизнь буржуазной семьи вносится какое-то новое начало, которое разбиваетъ это счастье и благополучіе. Іоганнесъ и Кэтъ, до тѣхъ поръ счастливые супруги, словно просыпаются, и одинъ съ изумленіемъ, другая съ глубокимъ горемъ чувствуютъ всѣмъ существомъ, что они—чужды другъ другу, что связь ихъ чисто внѣшняя, что ихъ сожительство основывается на привычкѣ, на тысячѣ условностей, изъ которыхъ сплетается обыденная жизнь обыденныхъ людей. Каждый изъ нихъ одинокъ, ихъ семейная жизнь просто оболочка для двухъ замкнутыхъ въ себѣ, чуждыхъ душъ, между которыми нѣтъ ни пониманія, ни общенія. Кэтъ—простое, наивное дитя, любящее мужа всѣмъ существомъ, но без-

сознательно, инстинктивно, какъ любятъ солнце и воздухъ,—и только въ минуту глубочайшаго страданія, когда она видитъ крушеніе своей любви, она понимаетъ, что мужа отдѣляетъ отъ нея не эта, случайно встрѣтившаяся на пути незнакомая ей женщина, а что-то большее, неизмѣримо болѣе сильное, непостижимое и непреодолимое, что древніе греки назвали бы рокомъ, «ананке» (судьба), и что заключается въ глубокой разницѣ душевнаго склада, думъ, стремленій, темперамента, словомъ, въ томъ, что составляетъ *сущность* человѣка. Іоганнесъ могъ прожить годы бокъ-о-бокъ съ милой, такой женственной и изящной женой, какъ его Кэтъ, не замѣчая, какая пропасть ихъ раздѣляетъ. Лишь временами онъ испытываетъ какое-то ощущеніе неловкости, неуютности въ собственномъ семейномъ очагѣ, чувствуетъ, что не можетъ всецѣло отдаться семьѣ, ея радостямъ, интересамъ и маленькимъ горестямъ. Но онъ скользитъ по поверхности жизни, его судно, какъ кажется, прочно устроено и хорошо и навсегда отдѣляетъ его отъ таинственныхъ глубинъ, скрытыхъ подъ тихой и ровной гладью поверхности. Подчасъ его возмущаютъ банальности его друга, ортодоксальность вѣры его матери и отца; безразличіе жены и ихъ общее равнодушіе къ его умственнымъ запросамъ, его работѣ и взглядамъ, столь существеннымъ для него и пустымъ по ихъ мнѣнію. Окруженный тысячью милыхъ бездѣлицъ, составляющихъ жизнь, онъ, быть можетъ, никогда не дошелъ бы до полнаго прозрѣнія, до столкновенія съ этой жизнью, и, постепенно поддаваясь усыпляющему вліянію тихой и сытой обстановки, самъ превратился-бы въ такого же правовѣрнаго буржуа, добродѣтельнаго, полнаго нехитрыхъ, но цѣнныхъ достоинствъ, какъ его отецъ, добродушный, веселый и жизнерадостный «папа Фокератъ», у котораго на всякій случай есть всегда спасительная сентенція и незыблемая опора въ крайности... пасторъ.

Но случилось не такъ. Одинокая душа столкнулась съ другой, еще болѣе одинокой, только сильной, гордой, незнакомой съ компромиссами, живущей безъ всякой опоры, кромѣ своего сознанія, яснаго, цѣльнаго и стойкаго. Анна—главное лицо въ драмѣ, но, какъ греческая «мойра», она мало видна на сценѣ, хотя все время чувствуется холодное вѣяніе этого духа новой жизни. Съ перваго же момента ея появленія въ мирной семьѣ почуялось приближеніе смерти. Все какъ-то съеживается, окружающіе робко и недоумѣло жмутся другъ къ другу, ища опоры въ этомъ тѣсномъ, не высказанномъ, но всѣми ими сознаваемомъ заговорѣ противъ чуждой силы. Среди образовавшейся пустоты тѣмъ ярче выдѣляется непреодолимое стремленіе Іоганнеса и Анны другъ къ другу, союзъ двухъ одинокихъ душъ, понимающихъ взаимное одиночество и всю силу вытекающаго отсюда влеченія. Сначала оно безсознательно съ обѣихъ сторонъ, какъ радость ребенка, внезапно встрѣтившаго товарища игръ. Но далѣе оно опредѣляется вполнѣ. Это союзъ двухъ людей, стоящихъ неизмѣримо выше окружающей жизни, ясно сознающихъ свою отчужденность и невозможность сліянія съ нею. Это отнюдь еще не любовь, какъ простодушно подозрѣваетъ мама Фокератъ, предупреждающая сына объ опасности. Іоганнесъ любитъ жену и выше, и лучше, чѣмъ прежде, но понимаетъ и чувствуетъ, что его «я» находитъ откликъ и пониманіе не въ женѣ. Въ минуту душевной смуты, когда онъ стремится къ сближенію съ нею, инстинктивно ищетъ въ ней опоры противъ нахлынувшихъ на него новыхъ думъ и впечатлѣній, внесенныхъ въ его жизнь Анной,—Кэтъ пристаетъ къ нему съ денежными счетами, безсознательно и тѣмъ больнѣе подчеркивая раздѣляющую ихъ пропасть отчужденности и непониманія. Кэтъ видитъ, какъ другая женщина властно захватила то, что она считала своей неотъемлемой собственностью, но не понимаетъ ни этой власти, ни мужа. Она бьется, растерянная, какъ спугнутая птичка, и возбуждаетъ великое чувство жалости въ Аннѣ. Ради этого Анна отказывается отъ дальнѣйшаго пребыванія въ домѣ Іоганнеса, гдѣ ея душа, замерзшая отъ вѣчнаго оди-

ночества, оттаяла, ожила и расцвѣла. Анна великодушна, потому что сильна. Ей безконечно жаль Кэтъ, она плачетъ надъ ея разбитымъ сердцемъ, хотя сама уходитъ съ холодомъ отчаянія въ душѣ. На робкую попытку Іоганнеса оставить все по старому, дѣлать видъ, что ничего не случилось, она смѣло указываетъ ему на наболѣвшія мѣста, открываетъ ему глаза на опасность для нихъ обоихъ—«спуститься съ высокихъ горъ, съ широкимъ кругозоромъ, въ тѣсную долину, гдѣ все такъ узко, такъ обыденно». Она не только уважаетъ чужое страданіе, готова скорбѣть о немъ,—хотя и не согласна признать своей вины и не признаетъ,—но и не скрываетъ своего опасенія, что въ ихъ отношеніяхъ съ Іоганнесомъ, пока возвышенныхъ и чистыхъ, есть «нѣчто враждебное тѣмъ высокимъ понятіямъ, которыя мы предчувствуемъ, можетъ подчинить ихъ себѣ». Неизбѣжность разлуки дѣлаетъ ее тверже, спокойнѣе, и она уходитъ съ холодомъ смерти въ душѣ и съ увѣренностью, что выдержитъ эту муку до конца. Для нея не надо «зацѣпокъ» жизни, чтобы жить,—сама жизнь по себѣ есть долгъ и его надо выполнить наилучшимъ образомъ. Въ утѣшеніе она говоритъ Іоганнесу о духовной связи, которая ихъ соединила навсегда. «Предпишемъ себѣ законъ и будемъ дѣйствовать. Мы одни въ цѣломъ свѣтѣ, на всю жизнь, если бы даже никогда не свидѣлись. Ничѣмъ другимъ мы не можемъ связать себя. Все прочее насъ только разъединяетъ». За нее мы можемъ быть спокойны,—она найдетъ для себя цѣль и содержаніе жизни, съумѣетъ примѣнить свои выдающіяся силы и въ борьбѣ найдетъ спокойствіе. Она вышла побѣдительницей изъ самаго жестокаго испытанія и никакое новое ей не страшно.

Иное дѣло Іоганнесъ. Остаться опять одинокимъ, среди людей столько же любящихъ его, сколько и не понимающихъ,—выше его силъ. Его смерть неизбѣжна, онъ слишкомъ слабъ, чтобы, подобно Аннѣ, видѣть въ долгѣ смыслъ жизни, въ своемъ одиночествѣ—миссію, возложенную на него судьбой, и утѣшиться сознаніемъ, что много такихъ же одинокихъ душъ борются, каждая за свой счетъ и страхъ, во имя лучшаго будущаго, когда житейскія условности падутъ и освобожденныя души людей сольются въ гармоничномъ союзѣ. «Мы можемъ предчувствовать эти высшія отношенія,—говоритъ Анна,—и передать эти предчувствія нашимъ преемникамъ». Онъ не въ силахъ отдѣлить себя отъ *личнаго* ради *общаго* и видѣть въ послѣднемъ грандіозную задачу и своей жизни. Въ озарившемъ его свѣтѣ онъ могъ увидѣть только ничтожество *своей* жизни и дальше не увидѣлъ ничего. Съ уходомъ Анны ушелъ свѣтъ, и въ наступившемъ мракѣ его бѣдная одинокая душа погибаетъ окончательно. Его самоубійство неизбѣжно,

Драма кончена. Кто же виноватъ?—спрашиваетъ зритель и не находитъ виновныхъ. Не Кэтъ—бѣдная жертва, возбуждающая наибольшее сожалѣніе, какъ все слабое и беззащитное, и не ея мужъ, тоже жертва собственной слабости, и меньше всего Анна, играющая роль судьбы. Причины драмы глубоко скрыты въ самой жизни, не позволяющей обыкновеннымъ, слабымъ людямъ быть вполнѣ людьми. Современная форма семьи не есть нѣчто, установившееся на вѣки, незыблемое и прочное. И въ ней совершается эволюція, жертвой которой являются прежде всего наиболѣе чуткіе люди, слишкомъ чувствительные, чтобы не испытывать тяжести сковывающихъ ихъ цѣпей, слишкомъ еще слабые, чтобы ихъ порвать...

Такова сущность этого превосходнаго произведенія Гауптмана, какъ мы его понимаемъ. По художественности выполненія оно безупречно. Съ первой же сцены васъ охватываетъ чувство тревоги, которое усиливается и растетъ постепенно, доходя до высшаго напряженія въ сценѣ разлуки Анны и Іоганнеса. Характеры очерчены сжатыми, сильными штрихами, съ оттѣнкомъ глубокой нѣжности въ обрисовкѣ характера Кэтъ, выписаннаго съ любовью и удивитель-

нымъ пониманіемъ такихъ кроткихъ женственныхъ типовъ. Гауптманъ любитъ такіе женскіе характеры и отдѣлываетъ ихъ съ особой тщательностью, какъ бы желая показать, какъ прекрасны эти женщины, на которыхъ безвинно обрушивается вся тяжесть неустройствъ современной жизни. Въ противоположность Кэтъ, Анна очерчена нѣсколькими смѣлыми штрихами, яркими и выпуклыми, какъ мраморный барельефъ. Она—вся движеніе и стремленіе, и рядомъ съ ней надломленная фигура Іоганнеса производитъ тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе своимъ контрастомъ. Не менѣе хороши и окружающіе, хотя это обычные нѣмецкіе типы доброй мѣщанской семьи, въ одно и то же время жалкіе и симпатичные своимъ добродушіемъ и дѣтской слабостью. Только въ массѣ они внушаютъ чувство вражды, но каждый въ отдѣльности достоинъ скорѣе жалости, тѣмъ болѣе, что и они страдаютъ, хотя и въ самомъ ихъ страданіи есть много комичнаго, когда они, какъ страусы, прячутъ голову въ надеждѣ, что судьба ихъ не замѣтитъ и пощадитъ. Но судьба пощады не знаетъ, и приговоръ ихъ написанъ и подписанъ...

Е. Балобанова. Легенды о замкахъ Бретани. Изданіе 2-е съ 7-ю картинами и иллюстраціями въ текстѣ Е. Лансере. Спб. 1899 г. Стр. III+122 gr. in 8°. Цѣна 2 р. 25 к. Давно сказано великимъ поэтомъ—«нѣтъ боли сильнѣе той, какъ вспоминать о счастіи въ горѣ», а человѣкъ все вспоминаетъ, старается какъ можно больше жить воспоминаніями, и не только вспоминаетъ то, что было на самомъ дѣлѣ или, вѣрнѣе, что могло быть на самомъ дѣлѣ, но даже воображаетъ себѣ то, что «должно» было случиться. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Никогда еще такъ не собирали остатки прошлой жизни, какъ теперь, никогда ими такъ не дорожили. Конечно, этого требуетъ и наука, которая стремится все больше связать прошлое съ настоящимъ, чтобы объяснить это загадочное настоящее и заглянуть въ еще болѣе загадочное будущее. Но одними научными стремленіями не объяснить современнаго интереса къ прошлому—человѣку скучно и узко въ рамкахъ современности и онъ ищетъ чего-нибудь совсѣмъ другого, совсѣмъ новаго. И очень обвинять его за это, право, трудно.

Легенды рисуютъ намъ прошлое, какъ оно «могло быть» или какъ намъ хотѣлось бы, чтобъ могло быть, и сборникъ хорошихъ, красивыхъ легендъ всегда желанный даръ, особенно, если страна, откуда онѣ идутъ, намъ еще мало извѣстна и въ ея преданіяхъ звучатъ струны, рѣдко затронутыя.

Бретань у насъ почти неизвѣстна и еще меньше извѣстно о легендахъ этого уголка Франціи, такъ мало похожаго на все французское. Въ сѣверо-западномъ углу Франціи, подъ хмурымъ, сѣрымъ небомъ у береговъ океана поселились кельты, пришлецы изъ-за моря, небольшіе остатки великаго народа. Рѣзко отличаются они всѣмъ отъ сосѣдей—и видомъ, и нравами, и даже въ незначительной степени вѣрой, потому что любимыхъ бретонскихъ святыхъ не знаютъ католическіе святцы и обряды и праздники Бретани во многомъ свои. Въ тѣ годы, когда вся Франція рѣшила покончить со старымъ порядкомъ и жила только желаніемъ свободы, равенства и братства, Бретань упорно стала за старое и умирала за короля, котораго почти не знала. Бретань любитъ старину и неохотно принимаетъ новое: новое вноситъ слишкомъ много разнообразія, а бретонецъ, человѣкъ сосредоточенный съ богатымъ внутреннимъ міромъ, не любитъ разнообразія. Произведенія его литературы бѣдны фантазіей, все, что въ нихъ болѣе ярко и разнообразно—чужое, привнесенное со стороны. Сама природа какъ будто заставляетъ его уйти въ себя, лишаетъ возможности развить фантазію: все сѣро—и небо, и ланды, и скалы, и даже море, когда оно не пѣнится; бретонецъ любитъ свои храмы – и даже украсить ихъ хорошенько не можетъ, потому что бретонскій камень—гранитъ, едва поддающійся рѣзцу художника.

Тѣмъ богаче зато развернулся внутренній міръ бретонца, для него существуютъ такія глубины чувства, такіе тонкіе, почти неуловимые оттѣнки, какихъ не знаютъ его сосѣди. Онъ любитъ облекать эти чувства въ пѣсни и легенды; большого разнообразія сюжетовъ искать, конечно, нечего, но зато онѣ полны «настроенія». Е. В. Балобанова вполнѣ вѣрно оцѣнила эту основную черту бретонскихъ легендъ и постаралась поэтому представить ихъ русскому читателю не въ простой, механической записи отдѣльныхъ варіантовъ, важныхъ для изслѣдователя, но затемняющихъ часто всю прелесть разсказа, а въ вольномъ пересказѣ человѣка, знающаго Бретань и умѣющаго схватывать то, что наиболѣе характерно. Легендъ въ книгѣ двадцать одна и во всѣхъ почти только двѣ ноты, которыя, какъ это ни странно при большомъ разстояніи, раздѣляющемъ ихъ, не звучатъ почти диссонансомъ—смерть и любовь. Можетъ быть, это впечатлѣніе гармоніи такихъ противоположностей получается отъ того, что все въ этихъ легендахъ видно черезъ какую-то дымку. Начинается сборникъ съ разсказа объ утопленникѣ, подавшемъ передъ смертью вѣсть роднымъ—бретонцы особенно вѣрятъ въ эту способность умирающаго въ минуты, предшествующія смерти, перенестись душою къ близкимъ и дать имъ почувствовать, что близкому человѣку грозитъ гибель. Впрочемъ, не одни бретонцы въ это вѣрятъ и англійская Society for Psychical Research собрало богатый матеріалъ по этому любопытному вопросу о возможности общенія на разстояніи въ критическія минуты жизни.

«Бабушкинъ домъ» говоритъ о таинственномъ путешествіи живого человѣка въ другой міръ,—тема, знакомая и встрѣчающаяся у всѣхъ христіанскихъ народовъ. Здѣсь путешествуетъ молодая женщина съ своимъ мужемъ, пришельцемъ съ того свѣта. Она живетъ тамъ сто лѣтъ, которыя ей кажутся короткимъ мгновеніемъ, какъ тому средневѣковому монаху, который заслушался пѣнія чудной птички.

Ло-Кристъ—трогательная легенда, очень удачно переданная полупрозой, съ постоянно повторяющимся «было то въ старые, старые годы». Здѣсь замѣчательно тонко указывается на то, какъ горе дѣлаетъ и хорошаго человѣка жесткимъ и заставляетъ его пренебрегать бѣдою ближняго.

Въ «Кипарисѣ» мы опять встрѣчаемся съ повѣрьемъ, что, въ минуту отхода изъ міра, душа человѣка можетъ перенестись въ родныя ей мѣста.

И дальше во всѣхъ разсказахъ какая-нибудь красивая мысль, глубокое, тонкое чувство. Мы только хотѣли бы возразить противъ оттѣнка жизненности, который разсказчица старалась вложить въ разсказы и котораго въ нихъ по самому существу быть не можетъ. Они грустные, тяжелые, на нихъ лежитъ рука смерти и только иногда по нимъ скользитъ свѣтлый лучъ короткаго счастія—любви. Подтвержденіе нашимъ словамъ мы, такъ намъ, по крайней мѣрѣ, кажется, найдемъ въ полной мѣрѣ въ тѣхъ прекрасныхъ иллюстраціяхъ, которыми Е. В. Балобанова снабдила второе изданіе своей книги. Въ нихъ не видно того оттѣнка «новой жизни», которая должна кипѣть свѣжая и молодая на старыхъ развалинахъ, по словамъ разсказчицы. Картинъ семь: на первой испуганныя мать и дочь прислушиваются къ шуму таинственныхъ веселъ—мрачную комнату освѣщаютъ свѣчи на столѣ, а въ окно льется лунный свѣтъ, отъ холоднаго блеска котораго часто такъ жутко въ ночной тишинѣ. Вторая картина какъ будто веселье: въ очаровательномъ уголкѣ, подъ тѣнью густого дерева сидятъ милая съ милымъ; крѣпко держитъ она его руку въ обѣихъ своихъ и смотрятъ они другъ на друга. Но тамъ вдали изъ-за крыши дома виднѣется море: черное, бурное, и чувствуется, что грозитъ бѣда Катинъ и Кадо—царица бурь протянетъ къ нимъ властную руку и увлечетъ Кадо въ пучину морскую и конецъ тогда тихому счастію жизни. Третья картина совсѣмъ страшная: Графиня-убійца сына и невѣстки стоитъ въ высокомъ залѣ, гдѣ со

стѣнъ на нее смотрятъ угрюмыя лица предковъ, передъ ней зажженныя свѣчи надъ покойниками. Слѣдующая картина опять при первомъ взглядѣ какъ будто и веселая: по саду гуляютъ женихъ и невѣста—но вы вглядываетесь—она невеселая, и когда вы перенесете глазъ на высокія крѣпкія стѣны замка, которыя высятся за молодыми людьми, вы все поймете: тамъ живетъ «Кровавый баронъ» и вѣщее сердце Клотильды подсказываетъ ей, что не переступитъ она никогда порога того счастія, на которомъ стоитъ. Дальше идетъ картина съ привидѣніями: привидѣнія несутъ молодого пѣвца, умершаго отъ холода и голода на парижскомъ чердакѣ далеко отъ роднаго замка. Шестая картина опять представляетъ лунную ночь: старый замокъ у моря облитъ бѣлымъ свѣтомъ, облитъ имъ и песокъ, заносящій замокъ, и огромные валуны, которые точно брошены сюда исполинскою рукою. По песку идетъ старый гугенотъ, и черный его плащъ рветъ вѣтеръ; за нимъ боязливо выступаетъ старый контрабандистъ Жозонъ. Тѣмъ же замогильнымъ холодомъ вѣетъ и отъ послѣдней картины: черезъ триста лѣтъ, прошедшихъ какъ мгновеніе на небѣ. у милаго, тамъ, гдѣ «время не имѣетъ значенія», вернулась въ свой замокъ Гіацинта—стѣны полуразрушены, плющъ, макъ. чертополохъ, сорныя травы заполонили все; на развалинахъ прошлаго стоитъ въ старинномъ одѣяніи Гіацинта, схватившись за голову, точно не можетъ она понять, что съ нею сталось.

Рисунки въ текстѣ тоже какѣ будто нѣсколько спорятъ съ жизнерадостнымъ взглядомъ разсказчицы: это—равнодушная улитка, гербы, поросшіе плющемъ, распятіе, и больше всего маки, маки забвенія; и точно они возражаютъ и говорятъ: «что ваша память и ваше воспоминаніе, когда есть на свѣтѣ забвеніе?»

ПУБЛИЦИСТИКА.

Н. Сергѣенко. «Какъ живетъ и работаетъ гр. Л. Н. Толстой» —*А. Метенъ.* «Соціализмъ въ Англіи».

Какъ живетъ и работаетъ гр. Л. Н. Толстой. П. Сергѣенко. Москва. 1898 г. Ц. 2 р. 50 к. Великій писатель земли русской составляетъ давно уже центръ всеобщаго вниманія и интереса, не только не слабѣющихъ, но все растущихъ съ каждымъ днемъ. Желаніе знать ближе обстановку, при которой живетъ геніальный человѣкъ, вполнѣ законно и естественно, посмотрѣть на него, какъ на человѣка, познакомиться съ нимъ не только какъ съ писателемъ и общественнымъ дѣятелемъ—такъ понятно. Книга г. Сергѣенко даетъ многое въ этомъ отношеніи, и мы прочитали ее съ величайшимъ интересомъ. Въ ней изложены не случайныя бѣглыя замѣтки захожаго человѣка. не отчетъ юркаго интервьюера, наболтавшаго и навравшаго возможно бойчѣе, чтобы занять больше мѣста въ пославшемъ его «органѣ» и ошеломить нехитраго читателя разговоромъ съ «самимъ Толстымъ». Работа г. Сергѣенки совсѣмъ инаго рода. Будучи знакомъ съ графомъ и его семействомъ давно, авторъ собралъ не только личныя впечатлѣнія и замѣтки, но дополнилъ ихъ многимъ матеріаломъ, тщательно подобраннымъ и провѣреннымъ, оживилъ книгу массой потретовъ Л. Н., его семейныхъ, родственниковъ, картинами его обстановки, обрисовалъ въ живомъ и талантливомъ разсказѣ его жизнь и работу. Получилась въ высшей степени занимательная картина, въ центрѣ которой стоитъ графъ. Мы видимъ его то за работой въ его кабинетѣ, то въ оживленномъ разговорѣ съ многочисленными посѣтителями, то въ семейномъ кругу слушающаго музыку своихъ дочерей и добродушно шпыняющаго мальчиковъ, которые своимъ шумомъ мѣшаютъ слушать. То онъ встаетъ передъ нами какъ живой, въ минуту горячаго спора или въ интимной бесѣдѣ, трогательный въ своей простотѣ или до-

глубины души волнующій сильными, мѣткими словами, рѣзкими и яркими, какъ удары грома. Или мы видимъ его на прогулкѣ, съ юношеской ловкостью перескакивающаго черезъ рвы и канавы, бодрымъ шагомъ отмахивающаго сотни верстъ отъ Москвы до своей усадьбы, въ сопровожденіи случайныхъ спутниковъ мастеровыхъ, которые, не подозрѣвая даже, кто ихъ товарищъ, говорятъ о немъ потомъ: «божественный старикъ»... Многочисленныя черты личной и семейной жизни, разсѣянныя въ книгѣ, слагаются въ концѣ концовъ въ вполнѣ опредѣленный и ясный образъ, привлекательный и величавый,—образъ человѣка, стоящаго на одномъ уровнѣ съ тѣмъ представленіемъ, какое слагается у васъ о писателѣ на основаніи его произведеній.

Таково общее впечатлѣніе о книгѣ г. Сергѣенко.

Но главный все-таки интересъ сосредоточивается на мысляхъ графа по разнообразнѣйшимъ вопросамъ. Искусство, наука, политика, мораль, характеристики писателей и ученыхъ—все это въ формѣ бѣглаго разговора, отдающей горячимъ тономъ живой рѣчи—интереснѣе и поучительнѣе цѣлыхъ трактатовъ, написанныхъ о работахъ и произведеніяхъ графа. Мы какъ бы сами присутствуемъ при этихъ горячихъ спорахъ, когда графъ съ юношескимъ увлеченіемъ нападаетъ на противника, а льющійся свободно разговоръ выдвигаетъ все новыя и новыя темы, въ обсужденіи которыхъ Л. Н. всегда оригиналенъ и интересенъ. Заходитъ рѣчь, напр., о русской литературѣ, въ частности о Герценѣ.

«При имени Герцена Л. Н. оживился и разсказалъ, какъ видѣлся съ нимъ въ Лондонѣ... Литературный даръ его онъ цѣнитъ очень высоко.

«— Если бы выразить въ процентныхъ отношеніяхъ,—сказалъ онъ,—вліяніе нашихъ писателей на общество, то получилось бы, приблизительно, слѣдующее: Пушкинъ 30%, Гоголь 15%, Тургеневъ 10...

«Л. Н. перечислилъ всѣхъ выдающихся русскихъ писателей, кромѣ себя, и, отчисливъ на долю Герцена 18%, съ убѣжденностью сказалъ:—Онъ блестящъ и глубокъ, что встрѣчается очень рѣдко».

Подходитъ къ разговаривающимъ художникъ, завязывается разговоръ объ искусствѣ, и Л. Н. начинаетъ горячо и пылко нападать на современныхъ художниковъ. Кто-то упомянулъ о большой картинѣ одного московскаго художника (время, къ которому относится разговоръ,—начало 90-хъ годовъ).

«— Ну, вотъ, хотя бы эта картина!—сказалъ, возбуждаясь, Л. Н.—Кому нужна эта грубая мазня, отъ которой такъ и вѣетъ кнутомъ? Не выношу я подобныхъ «рассейскихъ» произведеній! И зачѣмъ эти глупыя рожи? Кто же этого не знаетъ, что глупыя рожи бываютъ на свѣтѣ? А вѣдь искусство всегда должно говорить что-нибудь новое, потому что оно есть выраженіе внутренняго состоянія художника и только тогда осуществляетъ свое назначеніе, когда художникъ даетъ намъ нѣчто такое, чего никто еще раньше не давалъ и чего никакимъ инымъ способомъ нельзя лучше выразить. Вотъ *Христосъ передъ Пилатомъ* Ге—это настоящее искусство, хотя картина и плохо написана. Но никто до Ге *такъ* не говорилъ этого и никакимъ другимъ способомъ нельзя сказать это такъ, какъ сказалъ Ге своимъ замученнымъ Христомъ и сытымъ, упитаннымъ Пилатомъ. И всегда и вездѣ Христы и Пилаты были и будутъ именно такіе. И посмотрите, какъ работаетъ Ге надъ своими сюжетами! Онъ десятки лѣтъ изучаетъ жизнь Христа, да не съ внѣшней палестинской стороны, какъ другіе, а съ внутренней. Придешь бывало, ночью къ нему, а онъ сидитъ съ своими взвихренными висками на диванѣ и читаетъ Евангеліе. Да иначе и нельзя. Вѣдь искусство—огромное, могущественное средство»...

Самъ Толстой очень требователенъ къ себѣ. По его словамъ, у него масса темъ, не дающихъ ему покоя.

«Боже мой!—восклицаетъ онъ: — какъ мнѣ писать хочется! Голова моя кишитъ образами!»

Но чтобы засѣсть вплотную за работу, нужно, чтобы тема *захватила* его цѣликомъ. Тогда онъ работаетъ лихорадочно, не отрываясь, но потомъ много разъ переработываетъ, исправляетъ написанное, стараясь добиться возможной ясности, кристальности работы. А темъ у него, дѣйствительно, масса. Видно, какъ кипитъ и волнуется этотъ умъ и душа художника.

«...Еще интересуетъ меня одна тема: это тѣсное соединеніе разнообразныхъ духовныхъ качествъ въ одномъ и томъ же человѣкѣ. Тотъ самый человѣкъ, который, въ сущности, очень уменъ, проницателенъ и благороденъ, въ то же время и очень ограниченъ, и мелокъ, и ничтоженъ. Еще есть интересная тема, касающаяся характеровъ ума. Какъ бываютъ характеры страстей, такъ есть и характеры умовъ. Иной, очень крупный умъ, но видитъ только извѣстнымъ образомъ. И вещи, легко доступныя для болѣе мелкаго ума, для него недостижимы. Отсюда вытекаютъ различныя острыя столкновенія въ общественной жизни»...

«... Никакою мелочью нельзя пренебрегать въ искусствѣ, потому что иногда какая-нибудь полуоторванная пуговица можетъ освѣтить извѣстную сторону жизни даннаго лица. И пуговицу непремѣнно надо изобразить. Но надо, чтобы и всѣ усилія, и полуоторванная пуговица были направлены исключительно на внутреннюю сущность дѣла, а не отвлекали вниманія отъ главнаго и важнаго къ частностямъ и пустякамъ, какъ это дѣлается сплошь и рядомъ. Какой-нибудь изъ современныхъ писателей, описывая исторію Іосифа съ женой Пентефрія, навѣрно ужъ не пропустилъ бы случая блеснуть знаніемъ жизни и написалъ бы: «Подойди ко мнѣ, — томно произнесла жена Пентефрія, протягивая Іосифу свою нѣжную отъ ароматическихъ притираній руку съ такимъ-то запястіемъ и т. д.» И всѣ эти подробности не только не освѣтили бы ярче сущности дѣла, но непремѣнно затушевали бы».

Узнавъ отъ одного собесѣдника, что молокане, которыми графъ сильно интересуется, чуждаются свѣтскихъ книгъ, Л. Н. въ раздумьи проговорилъ:

«— Да слѣдуетъ-ли ихъ осуждать за это? Какъ подумаешь иной разъ, сколько лжи нагромождено въ нашихъ книгахъ, то затрудняешься сказать, гдѣ ея больше—въ жизни или въ книгахъ. И возмешься иногда за перо, напишешь въ родѣ того, что «рано утромъ Иванъ Никитычъ всталъ съ постели и позвалъ къ себѣ сына...» — и вдругъ совѣстно сдѣлается и бросишь перо. Зачѣмъ врать, старикъ? Вѣдь этого *не было*, и никакого Ивана Никитыча ты не знаешь. Зачѣмъ же на старости лѣтъ ты прибѣгаешь къ неправдѣ? Пиши о томъ, что было, что ты дѣйствительно видѣлъ и пережилъ. Не надо лжи. Ея и такъ много».

Размѣры нашей замѣтки не позволяютъ привести еще другихъ оригинальныхъ и мѣткихъ мыслей графа о литературѣ, поэзіи, различныхъ писателяхъ, о взаимныхъ отношеніяхъ людей. Въ особенности, въ концѣ книги интересно мнѣніе графа о бракѣ, отчасти уже извѣстное по «Крейцеровой сонатѣ», но здѣсь высказанное съ особой теплотой, душевностью и человѣчностью безъ всякихъ пессимистическихъ выходокъ Позднышева.

Альберъ Метенъ. Соціализмъ въ Англіи. Пер. съ французскаго. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. 1898. Ц. 1 р. 50 к. Подъ такимъ заглавіемъ вышелъ переводъ труда молодого французскаго ученаго, уже обратившаго на себя вниманіе своими лекціями въ Парижскомъ, такъ называемомъ, Collège libre des sciences sociales.

Не примыкая по своимъ воззрѣніямъ къ правящимъ классамъ и скорѣе относясь отрицательно къ современной оффиціальной Франціи, авторъ извѣстенъ своимъ безпристрастіемъ ко всѣмъ борющимся за власть партіямъ, и потому на его историческихъ работахъ лежитъ отпечатокъ скептическаго объективизма, отразившагося и въ настоящемъ трудѣ. Эта книга, богатая фактами и живымъ

матеріаломъ, написана такимъ безстрастно-объективнымъ тономъ, что читая ее, въ особенности въ русскомъ переводѣ, совсѣмъ забываешь, что авторъ парижанинъ,—до того она напоминаетъ добросовѣстныя описанія какого-нибудь англичанина, изучающаго «чуждыя страны, нравы и обычаи».

Желая прослѣдить возникновеніе и развитіе соціальныхъ ученій, начиная съ Годвина, этого англійскаго Руссо, старавшагося разрѣшить соціальный вопросъ на почвѣ естественнаго права, до современныхъ представителей рабочаго движенія — Тома Манна, Керъ Гарди, Гиндмана и друг. — авторъ предлагаетъ много цѣнныхъ указаній и даетъ собраніе фактовъ и извѣстій, разбросанныхъ по многочисленнымъ журнальнымъ статьямъ, газетнымъ листкамъ и брошюрамъ, Изъ этого обзора современныхъ соціалистическихъ ученій, читатель знакомится съ новымъ общественнымъ движеніемъ, которое такъ рѣзко отдѣляетъ Англію отъ континента, какъ по практической постановкѣ вопросовъ, выдвинутыхъ развитіемъ труда и капитала, такъ и по разнообразію тѣхъ формъ и тенденцій, въ которыхъ это общественное движеніе выражается.

Весьма понятно, что въ настоящее время во Франціи, запутавшейся въ противорѣчивыхъ теченіяхъ общественныхъ настроеній, гдѣ жизнь—дѣйствующія силы и власти — остались такъ далеко позади элементарнѣйшихъ требованій вѣка, замѣчается пробужденіе интереса къ англійскому, островному, укладу жизни, гдѣ при широчайшей терпимости рука объ руку съ всестороннимъ развитіемъ теорій неустанно течетъ и развивается практическая дѣятельность, нерѣдко расчищающая мѣсто новымъ поправкамъ и началамъ въ теоретическихъ построеніяхъ.

Но, увлекшись обзоромъ широкаго развитія соціальныхъ движеній въ Англіи, авторъ не старается объединить эти разнообразныя современныя теченія общей идеей и въ изложеніи разнохарактерныхъ соціалистическихъ ученій не руководится никакой научной доктриной, вслѣдствіе чего весь трудъ страдаетъ отсутствіемъ систематичности и стройности изложенія.

Такой обзоръ различныхъ общественныхъ теченій, куда на ряду съ теоріями Рескина и Генри Джорджа вошли ученія фабіанцевъ и анархистовъ, врядъ ли соотвѣтствуетъ тому названію, которое далъ своей книгѣ авторъ, а то широкое опредѣленіе, которое авторъ даетъ англійскому соціализму, едва ли поможетъ читателю найти перспективу въ этомъ разнообразномъ собраніи фактовъ и дѣятелей.

Тѣмъ не менѣе, и для русской публики не безъинтересно будетъ познакомиться съ книгой, излагающей современное развитіе рабочихъ движеній въ Англіи, гдѣ, по словамъ автора, «квалифицированный рабочій изъ всѣхъ въ Европѣ получаетъ самую повышенную плату и его рабочій день самый короткій».

«Въ Англіи—заканчиваетъ свое изслѣдованіе авторъ,—соціализмъ въ періодѣ образованія; интересъ, который представляетъ его изученіе, состоитъ въ томъ, чтобы показать измѣненіе въ соціальномъ сознаніи народа, достаточно одареннаго умомъ и потому постоянно развивающагося, но слишкомъ мало склоннаго къ внезапнымъ перемѣнамъ, чтобы сразу измѣниться, привыкшаго при помощи ассоціацій и политической свободы добиваться необходимыхъ реформъ. Сомнительно, чтобы Англія сдѣлалась революціоннымъ соціалистическимъ центромъ. Возможно, что программа минимума предварительныхъ реформъ, требуемыхъ различными соціалистическими партіями, будетъ выполнена въ ней болѣе полно и раньше, чѣмъ во всѣхъ другихъ странахъ».

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

А. Н. Пыпинъ. «Исторія русской литературы».

А. Н. Пыпинъ. Исторія русской литературы. Томъ III. X + 535 стр. Спб. 1899. Въ третьемъ томѣ своей «Исторіи русской литературы» А. Н. Пыпинъ изучаетъ значеніе эпохи преобразованій Петра Великаго и тотъ, завершенный дѣятельностью Ломоносова, переходный періодъ въ исторіи русской культуры, который характеризуется «исканіемъ новыхъ литературныхъ формъ» и «установленіемъ новой литературы». Говоря объ эпохѣ преобразованій, авторъ, согласно съ результатами изслѣдованій послѣдняго времени, указываетъ на связь новыхъ явленій съ ихъ подготовкой въ до-петровскій періодъ, также на живучесть старины въ русскомъ обществѣ XVIII в. И, тѣмъ не менѣе, переходъ отъ старой Руси къ новой Россіи получаетъ въ трудѣ А. Н. Пыпина болѣе рѣзкій характеръ, чѣмъ, напримѣръ, у Тихонравова. Сопоставленіе общихъ воззрѣній Пыпина на главные вопросы исторіи русской литературы съ воззрѣніями Тихонравова—напрашивается само собой. А. Н. Пыпинъ недавно напечаталъ прекрасную статью о научной дѣятельности Н. С. Тихонравова, въ которой съ большимъ сочувствіемъ изложилъ взгляды и требованія покойнаго профессора—одного изъ крупнѣйшихъ представителей русской науки. А, между тѣмъ, нельзя не признать, что въ трудѣ А. Н. Пыпина едва ли выполнены требованія, которыя Тихонравовъ предъявлялъ всякой научной исторіи русской литературы еще въ 1876 г., по поводу книги Галахова. А. Н. Пыпинъ не даетъ своимъ читателямъ такого цѣльнаго представленія о внутренней жизни русскаго народа въ до-петровскій періодъ, который выяснилъ бы органическій ростъ лучшихъ силъ русской народности, приведшій къ новой постановкѣ основныхъ вопросовъ русской культуры въ XVIII в. Слишкомъ мало выяснена та глухая борьба новыхъ живыхъ стремленій, которыя еще въ XVI вѣкѣ подкапывали устарѣвшіе устои «московской» культуры, подорвали ихъ въ корень въ эпоху смуты и въ теченіе XVII вѣка,—полнаго глубокимъ броженіемъ, поисковъ новыхъ путей и попытокъ выйти на новую дорогу.

Новый томъ дѣлаетъ вполнѣ яснымъ общій взглядъ автора на взаимное отношеніе двухъ періодовъ въ исторіи русской культуры. «Обычныя обвиненія противъ XVIII в., что онъ отрекся отъ народнаго преданія, вступивъ на путь подражанія, оказываются несправедливыми». И даже напротивъ: именно московскій періодъ со своимъ осужденіемъ народной пѣсни и народнаго преданія, какъ «бѣсовскихъ», со своимъ стремленіемъ подчинить весь народный бытъ византійско-церковному режиму, оказывается антинароднымъ. А въ XVIII вѣкѣ начинается «исканіе народной почвы, сначала полусознательное, потомъ все болѣе опредѣленное». Движеніе это объясняется совпаденіемъ—«счастливымъ, но логичнымъ»—инстинктивныхъ сочувствій къ народу и народности со внушеніями новаго, болѣе глубокаго и содержательнаго европейскаго образованія. Эта защита XVIII вѣка и указаніе на его заслуги въ отношеніи къ народности—весьма цѣнная сторона труда А. Н. Пыпина. Также цѣнно и справедливо указаніе на ошибочность мнѣнія, будто московскія тенденціи, тѣ, какія сказались въ «Стоглавѣ», «Домостроѣ» и т. п., заслуживаютъ признанія ихъ подлинно народными. Понятіе «народности» у А. Н. Пыпина не мертвое понятіе замкнутаго въ себѣ и неподвижнаго въ своихъ существенныхъ отличіяхъ «культурно-историческаго типа». Народъ, понимаемый, какъ живая духовная индивидуальность, тѣмъ полнѣе и глубже развернетъ свои національныя особенности, чѣмъ выше и свободнѣе развивается его культура.

Съ этой точки зрѣнія, тѣ писатели (и, вообще, добавимъ, дѣятели общаго дѣла) могутъ стать народными или національными, у которыхъ «сильнѣе лич-

ная воспріимчивость» и «строже нравственныя требованія». XVIII вѣкъ, впервые давшій нѣкоторый просторъ сознательной работѣ личной мысли и личнаго творчества, и установившій въ общемъ научномъ и художественномъ образованіи основу для достиженія, путемъ постоянныхъ усилій, возможной высоты умственнаго и нравственнаго достоинства,—тѣмъ самымъ подготовлялъ разцвѣтъ истинно національной литературы высокаго достоинства.

Понятно, что рука объ руку съ этимъ движеніемъ усиливается интересъ къ народному быту и къ судьбамъ народной массы, подсказанный болѣе широкими общественными воззрѣніями, а также и интересъ къ народной поэзіи, подсказанный болѣе здоровымъ эстетическимъ вкусомъ. Если и вѣрно, что XVIII в. недалеко ушелъ въ этомъ направленіи, то это потому, что «вѣкъ псевдо-классицизма» шелъ за старыми книжниками въ пренебреженіи къ народной пѣснѣ; вѣдь «исторія нашего псевдо-классицизма начинается не съ Кантемира и Ломоносова, а съ Симеона Полоцкаго и другихъ книжниковъ XVII вѣка». Да, хотя этого авторъ не указываетъ, и самый сословный строй XVIII вѣка,—это выродившееся и подкрашенное на западный ладъ наслѣдіе стараго, вѣками сложившагося крѣпостного режима,—не могъ не тормозить правильнаго развитія новыхъ культурныхъ направленій.

Такое пониманіе взаимнаго отношенія московскаго періода и XVIII вѣка въ судьбахъ русской «народности», повліяло, между прочимъ, на планъ изложенія А. Н. Пыпина, оригинальный въ томъ отношеніи, что онъ помѣщаетъ обзоръ судебъ народной поэзіи въ началѣ своего III тома, «на границѣ двухъ главныхъ періодовъ нашей литературы,—границѣ, отмѣченной концомъ XVII и началомъ XVIII вѣка». По мнѣнію автора, здѣсь, для народной поэзіи,—характеристическій пунктъ исторіи завершеніе ея развитія и начало ея литературнаго вліянія. «Около этой эпохи надо принимать послѣднюю живую пору эпической пѣсни: историческія пѣсни XVIII вѣка носятъ уже иной характеръ; съ этой поры сталъ, вѣроятно, усиливаться и упадокъ народной лирики». На причинахъ этого явленія авторъ не останавливается: ихъ пришлось бы искать въ общихъ соціальныхъ условіяхъ народнаго быта, въ развитіи крѣпостничества и т. п., а также въ развитіи раскола, поглотившаго, повидимому, наиболѣе творческія силы народной массы. Съ другой стороны, съ конца XVII вѣка начинаются и первыя записи народной поэзіи, заботы объ ея сохраненіи, первыя проявленія интереса къ ней и нѣкоторой эстетической ихъ оцѣнки, подготовлявшія усвоеніе ея типическихъ чертъ поэзіей искусственной.

А. Н. Пыпину удалось органически и цѣлесообразно ввести обзоръ народной поэзіи въ курсъ исторіи литературы, тогда какъ обыкновенно этотъ обзоръ предпосылается курсу и остается внѣ связи съ общимъ его построеніемъ. Но свою постановку дѣла авторъ самъ называетъ «внѣшней». Остается пожалѣть, что онъ не нашелъ возможнымъ пойти другимъ путемъ, на который указываетъ, не изложилъ судебъ народной поэзіи въ связи съ судьбами той книжной литературы, которая находилась во взаимодѣйствіи съ народнымъ творчествомъ. Задача величайшей трудности, но такому знатоку старой письменности, какъ А. Н. Пыпинъ, она могла бы быть по плечу.

Три главы, посвященныя народной поэзіи, представляютъ законченное цѣлое, такъ какъ авторъ, послѣ характеристики народно-поэтическаго творчества и его судебъ, доводитъ обзоръ изученій и литературныхъ воздѣйствій до новѣйшихъ временъ. Научныя и художественныя изученія народной поэзіи и старины—объединялись мыслью о необходимости сознательно отнестись къ народной жизни, усилить «развитіе элементовъ народности въ литературѣ и въ жизни общественной». Шла работа надъ вопросомъ «о широкихъ путяхъ для развитія народныхъ силъ и просвѣщенія», который былъ рѣшительно поставленъ Петровской эпохой—и до сихъ поръ не получилъ сколько-нибудь полнаго рѣ-

шенія. Судьбы этого вопроса, постепенное углубленіе и расширеніе его постановки, разныя его рѣшенія въ теоріи и на практикѣ—составляютъ основную тему исторіи русской жизни за послѣдніе два вѣка. И намѣчая его въ началѣ второй половины своего труда, А. Н. Пыпинъ какъ бы указываетъ основную задачу своего дальнѣйшаго изложенія...

Съ Петровской эпохой «кончаются наши средніе вѣка» — таковъ тезисъ, развиваемый въ главѣ: «Время Петра Великаго». Авторъ вѣрно и настойчиво указываетъ на то, что при Петрѣ только завершилось вѣковое «стремленіе выбиться изъ заколдованнаго круга стараго содержанія національной жизни». И тутъ опять чувствуется недостатокъ полнаго опредѣленія культурнаго содержанія русскаго средневѣковья и разлагавшихъ его теченій. Былъ ли «заколдованный кругъ» московскаго просвѣщенія подлиннымъ «содержаніемъ національной жизни»? Самъ же авторъ справедливо даетъ отвѣтъ отрицательный, и жаль, что эта точка зрѣнія въ его трудѣ не выдержана. Обратныя указанія на то, что и въ московскую пору «въ народѣ жили и сказывались энергія и дарованія, способныя къ широкому развитію» и т. п. — не подготовятъ читателя въ пониманію новыхъ явленій XVIII в., такъ какъ постепенность перхода къ новой свѣтской, индивидуалистической культурѣ недостаточно выяснена предъидущимъ изложеніемъ. Это отразилось и на самой работѣ автора. Характеристика, какую А. Н. Пыпинъ даетъ Петровской эпохѣ, оставляетъ читателя неудовлетвореннымъ. Много тутъ вѣрнаго, мѣткаго, цѣннаго. Но ни одно явленіе не изучено съ желательной полнотой. Особенно чувствуется это въ характеристикахъ Стефана Яворскаго, Ѳеофана Прокоповича, Посошкова, въ общемъ вѣрныхъ, но не полныхъ и лишенныхъ генетическаго выясненія типовъ, выросшихъ независимо отъ реформы. Большую цѣнность представляетъ глава о «путешествіяхъ за границу», дающая понятіе о глубокихъ, хоть и наивныхъ впечатлѣніяхъ русскаго человѣка, вырвавшагося впервые на широкую сцену европейской жизни; въ связи съ ней стоитъ обзоръ «книжной дѣятельности при Петрѣ В.», впрочемъ, разбивающійся на множество частностей, не поставленныхъ въ должную перспективу. Для вопроса объ отношеніи народа къ Петру Великому, А. Н. Пыпинъ на ряду съ проявленіями суевѣрнаго ужаса къ «антихристу» и раскольничьей сатирой—привлекаетъ народныя пѣсни объ «удаломъ добромъ молодцѣ, православномъ царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ», въ которомъ народъ узналъ національнаго героя, прощая ему даже «стрѣлецкія головушки» и ту «келейку», гдѣ томилась Евдокія Лопухина. Всѣ эти этюды читаются съ большимъ интересомъ, но требованія полноты изображенія эпохи къ труду А. Н. Пыпина даже не приходится прилагать — по общему его характеру. «Первое время послѣ Петра» — время нѣкотораго затишья. А. Н. Пыпинъ намѣчаетъ «картину броженія, гдѣ стихійно смѣшиваются элементы стараго и новаго, преданіе и порывъ къ новой наукѣ». Вниманіе автора особенно останавливается на Ѳеофанѣ, Кантемирѣ и Татищевѣ, какъ представителяхъ этого времени. Можно было бы больше сказать объ этихъ представителяхъ, объ ихъ внутреннемъ складѣ. Особенно Татищевъ заслуживалъ бы болѣе глубокаго анализа. Его политическія воззрѣнія изложены едва-ли вѣрно: авторъ упустилъ изъ виду проектъ Татищева «о правленіи государственномъ», напечатанный въ литературномъ сборникѣ «Утро» (1859 г.) и разсмотрѣнный П. Н. Милюковымъ въ статьѣ: «Попытка государственной реформы при воцареніи императрицы Анны Іоанновны» (въ сборникѣ: «Въ пользу воскресныхъ школъ». М. 1894); сопоставленный съ общими разсужденіями Татищева о значеніи шляхетства, этотъ проектъ русской конституціи едва ли позволяетъ изображать его защитникомъ «историческихъ основъ русскаго самодержавія». Сословная тенденція была у Татищева сильнѣе опредѣленныхъ политическихъ убѣжденій. Вообще, въ характеристикахъ дѣятелей XVIII в. чувствуется недостатокъ не-

обходимаго для нихъ фона—культурной физіономіи создавшаго ихъ общественнаго слоя. Богатый матеріалъ, доставляемый мемуарами XVIII в. для изображенія той «картины броженія», на которую намекаетъ авторъ, остался внѣ круга его интересовъ. А развѣ этому матеріалу нѣтъ мѣста въ исторіи литературы, которая хочетъ быть исторіей духовной культуры?

Заключительныя главы посвящены вопросу о томъ, какъ трудомъ многихъ поколѣній было пріобрѣтено и стало національнымъ достояніемъ пониманіе поэзіи и искусства вообще, а также науки, какъ средства обогатить содержаніе національной жизни. Разработка литературнаго языка и новыхъ литературныхъ формъ, постепенно подготовлявшаяся съ XVII в. — становится вполнѣ сознательной въ дѣятельности Тредьяковскаго. Страницы, посвященныя Тредьяковскому—однѣ изъ лучшихъ въ книгѣ. Зато Сумароковъ вышелъ блѣднѣе, чѣмъ было бы желательно для такой типичной фигуры. Послѣ Тредьяковскаго и Сумарокова — новые запросы выражены уже ясно и «броженіе» переходитъ въ систематическую, сознательную работу надъ развитіемъ языка и литературы слѣдующихъ поколѣній.

Синтезъ этихъ запросовъ—въ Ломоносовѣ. Глава о немъ—лучшая во всей книгѣ. Правда, нѣтъ тутъ детальнаго изложенія его дѣятельности, нѣтъ и обзора его внутренняго склада. Но оцѣнка его значенія—очень содержательна. Оно въ томъ, что Ломоносовъ впервые сознательно поставилъ «свободное философствованіе» въ основу выработки новаго міровоззрѣнія, и этимъ раскрылъ «внутренній смыслъ» великихъ преобразованій Петра. Свободная научная работа мысли и свободное выраженіе личности въ литературномъ творчествѣ—таковы задачи дальнѣйшей культурной работы. Ихъ формулировка, особенно второй изъ нихъ, не была ни полна, ни глубока; но—какъ бы то ни было—потребность въ новыхъ путяхъ для развитія болѣе широкой и именно индивидуалистической культуры была мощно выражена и пути эти—намѣчены.

Содержательность общаго построенія, цѣнность отдѣльныхъ мыслей и указаній, между прочемъ, и критико-библіографическаго характера — позволяютъ назвать книгу А. Н. Пыпина трудомъ, намѣчающимъ, какъ достоинствами, такъ и недостатками своими, путь для дальнѣйшихъ изслѣдованій въ исторіи русской духовной культуры.

Въ концѣ книги приложены «дополненія» къ первымъ двумъ томамъ, преимущественно библіографическаго и полемическаго характера. Между прочимъ, А. Н. Пыпинъ, по поводу помѣщеннаго въ нашемъ журналѣ (1898 г., іюнь) отзыва о 2-мъ томѣ его книги, предлагаетъ вопросъ: отразились ли тѣ перемѣны въ соціально-политическихъ отношеніяхъ, какія пережиты были русскимъ обществомъ на рубежѣ XVI и XVII в., въ народномъ міровоззрѣніи и въ литературныхъ памятникахъ? Наша замѣтка имѣла цѣлью указать на такое отраженіе ихъ въ сказаніяхъ и повѣстяхъ о смутномъ времени, гдѣ сказалось глубокое броженіе и политическихъ и религіозныхъ идей, подорвавшее и безъ того порасшатавшуюся московскую старину. А. Н. Пыпинъ этого кризиса не замѣтилъ. Не потому ли кажутся ему слова: «Бесѣды валаамскихъ чудотворцевъ» о «всегоднемъ посту и каяніи міра всего», какъ одной изъ заботъ земскаго собора,—«очень странной программой всеобщей отдачи народа подъ церковно-полицейскій надзоръ»,—будто бы не вяжущейся съ самой идеей земскаго собора? Авторъ забываетъ, что и соборъ 1612 г., который трудно заподозрить въ «церковно-полицейскихъ» настроеніяхъ, началъ свое дѣло съ трехдневнаго всенароднаго поста. Иначе пришлось бы понять эту черту, если бы автору удалось лучше понять то покаянно-мистическое движеніе, которое началось издавна, а высшей интенсивности достигло въ эпоху смуты. Въ немъ выразилось броженіе неудовлетвореннаго и встревоженнаго чувства, возбужденнаго сперва предчувствіемъ, а потомъ испытаніями «великой разрухи москов-

ского государства». Но эти явленія, принадлежащія къ тѣмъ сложнымъ движеніямъ, въ коихъ (какъ, напр., въ романтизмѣ новаго времени) реакціонныя и освободительныя тенденціи переплетались крайне сложно—не нашли серьезной оцѣнки у автора.

ИСТОРІЯ КУЛЬТУРЫ.

Э. Гроссе. «Формы семьи и формы хозяйства».

Эрнстъ Гроссе. Формы семьи и формы хозяйства. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе магазина «Книжное дѣло». Москва. 1898. Цѣна 1 р. Книга Эрнста Гроссе носитъ весьма интересное и заманчивое заглавіе. На связь организаціи семьи съ формами хозяйства указывалось очень часто, и подвергнуть этотъ вопросъ спеціальному обслѣдованію — задача очень важная, но и очень трудная. Въ предисловіи авторъ сообщаетъ, что, приступая къ работѣ, онъ собирался написать «исторію развитія человѣческой семьи», но пришелъ къ заключенію, что эта задача въ настоящее время невыполнима, и потому ограничился изслѣдованіемъ связи формъ семьи съ соотвѣтствующими формами хозяйства. «Мы покажемъ,—говоритъ авторъ въ началѣ своего изслѣдованія, — что различнымъ формамъ семьи соотвѣтствуютъ различныя формы хозяйства, что характеръ каждой отдѣльной формы семьи въ существенныхъ ея чертахъ слѣдуетъ объяснять характеромъ формы хозяйства, изъ которой она выросла». Особенностью своей работы сравнительно съ работами своихъ предшественниковъ авторъ считаетъ то, что онъ ограничивается «фактически данными формами», между тѣмъ какъ его предшественники «прежде всего задавались вопросомъ, чѣмъ могла быть семья среди такихъ отношеній, которыя лежатъ внѣ круга нашихъ наблюденій». Особенно въ этомъ отношеніи погрѣшилъ, по мнѣнію автора, знаменитый Морганъ, съ которымъ онъ считаетъ долгомъ полемизировать, присуждая «пальму первенства» въ полемикѣ противъ Моргана профессору Штарке. Однимъ словомъ, по заявленію автора, его трудъ долженъ указать новые пути, поставить вопросъ на почву фактовъ и отрезвить прежнихъ мечтателей-изслѣдователей. Авторъ желаетъ, чтобы соціологія не «почивала на лаврахъ Моргана».

Конечно, какъ общія фразы, всѣ эти заявленія не лишены нѣкоторой серьезности подобно правиламъ прописной морали, но вскользь брошенные упреки по адресу Моргана можно назвать прямо неприличными. Морганъ большую часть своей жизни посвятилъ изслѣдованіямъ семейныхъ отношеній различныхъ народовъ, не въ кабинетѣ, а въ жизни изучалъ общественную организацію американскихъ краснокожихъ, имѣлъ учениковъ, которые продолжали его дѣло и подъ его руководствомъ производили самостоятельныя наблюденія въ другихъ частяхъ свѣта, и этого человѣка упрекаютъ въ томъ, что онъ фантазеръ! Какъ можно говорить, что соціологія «почивала на лаврахъ Моргана», когда онъ имѣлъ учениковъ-наблюдателей, когда онъ своими работами такъ взбудоражилъ кабинетныхъ «изслѣдователей», что они стали получать «пальмы первенства» за полемику противъ Моргана? И этотъ упрекъ бросаетъ Моргану Э. Гроссе, который, сидя у себя въ кабинетѣ, надѣется своею работой «доставить новый матеріалъ»! (стр. 7). Конечно, Морганъ имѣлъ гораздо болѣе ясное представленіе о «новомъ матеріалѣ», нежели г. Гроссе.

И. дѣйствительно, обратившись къ самому изслѣдованію, мы не находимъ въ немъ никакого новаго матеріала, въ смыслѣ новыхъ свѣдѣній о соціальномъ строѣ какого либо народа земного шара. А иначе понимать слово «матеріалъ» и невозможно. Но, конечно, это еще не составляетъ недостатка книги г. Гроссе:

изслѣдованіе можетъ быть направлено на детальное изученіе уже собраннаго матеріала и на его освѣщеніе. Посмотримъ же теперь, какъ выполнилъ авторъ эту задачу.

Во-первыхъ, авторъ нѣсколько странно смотритъ на «подробности» разбираемыхъ имъ вопросовъ. Онъ думаетъ, что для изученія «явленія въ его основныхъ чертахъ» не слѣдуетъ «теряться въ подробностяхъ», (стр. 186). Поэтому авторъ изслѣдуетъ явленія въ самыхъ общихъ чертахъ. Но такое отношеніе къ «подробностямъ» уже съ перваго взгляда возбуждаетъ сомнѣніе въ его справедливости. Изслѣдуя явленія, человѣкъ не можетъ заранѣе рѣшить, гдѣ «основныя черты» и гдѣ «подробности»: это должно выяснить самое изслѣдованіе. Въ естественныхъ наукахъ наиболѣе важныя открытія основныхъ явленій производились или подъ микроскопомъ, или въ области весьма малыхъ величинъ: молекулъ, атомовъ и клѣтокъ. И наиболѣе серьезные соціологи настоящаго времени утверждаютъ, что новые результаты могутъ дать теперь только *детальныя* изслѣдованія общественныхъ явленій *отдѣльныхъ* народовъ; только они могутъ дать возможность правильно понять соціальныя явленія и ихъ исторію. Уже такое отношеніе автора къ своему изслѣдованію даетъ поводъ думать, что онъ въ самомъ лучшемъ случаѣ удачно уловитъ внѣшній обликъ явленій, но врядъ ли проникнетъ въ ихъ основу Мы увидимъ далѣе, что это предположеніе вполнѣ оправдалось.

Чтобы выяснить связь формъ семьи съ формами хозяйства, нужно, конечно, уловить основныя черты тѣхъ и другихъ. Авторъ, очевидно, понималъ необходимость этого, но, вмѣсто установленія серьезнаго критерія для различенія формъ семьи и формъ хозяйства, онъ разъяснилъ уже употребляемые термины и указалъ, въ какомъ смыслѣ онъ будетъ ихъ употреблять. Онъ объясняетъ, какъ онъ понимаетъ «индивидуальную семью», «большую семью», «родъ» (материнскій и отцовскій), «союзъ родовъ», «племя» и «націю». Въ дѣленіе формъ хозяйства онъ тоже не внесъ ничего новаго: онъ удержалъ старое, давно признанное неудовлетворительнымъ, дѣленіе народовъ на «охотниковъ, пастуховъ и земледѣльцевъ» и только раздѣлилъ охотниковъ и земледѣльцевъ на «высшихъ» и «низшихъ». Мы не возставали бы противъ такого дѣленія, если бы оно вытекало изъ результатовъ изслѣдованія автора, но дѣло въ томъ, что мы не нашли въ книгѣ ничего, что бы указывало на необходимость такого дѣленія.

Перечисляя затѣмъ факторы, создающіе различные формы семьи, авторъ указываетъ на бракъ, какъ на основу семьи; затѣмъ здѣсь играетъ роль рожденіе и воспитаніе потомства, хозяйственный интересъ главы (продажная цѣна дочери-невѣсты, рабочая сила членовъ семьи), привязанность родителей и дѣтей, религіозныя представленія и кровное родство, которое объединяетъ родъ. Разсматривая эти мотивы, мы прежде всего замѣчаемъ, что хозяйственный интересъ понимается слишкомъ узко, какъ будто авторъ имѣетъ въ виду только патріархальную семью съ неограниченной властью старшаго въ родѣ. Въ другихъ мѣстахъ своей книги авторъ понимаетъ хозяйственный интересъ нѣсколько шире, но нигдѣ не даетъ яснаго представленія о томъ, что собственно онъ понимаетъ подъ этимъ терминомъ. А вѣдь это коренной вопросъ его изслѣдованія. Слѣдовательно, и здѣсь мы встрѣчаемъ ту же неясность въ самой постановкѣ вопроса.

Послѣ этого авторъ приступаетъ къ своему изслѣдованію формъ хозяйства и формъ семьи у низшихъ охотниковъ, высшихъ охотниковъ и т. д., по установленной схемѣ. Сначала мы посмотримъ, къ какимъ выводамъ приходитъ нашъ авторъ. У низшихъ охотничьихъ народовъ существуетъ «патріархальная обособленная семья», «браки—моногинны». Патріархальный характеръ первобытной обособленной семьи объясняется «естественнымъ и хозяйственнымъ превосходствомъ мужчины» (стр. 88 и слѣд.). У высшихъ охотниковъ «основныя

черты» семьи «тѣ же, что и установленныя нами относительно низшихъ охотничьихъ племенъ». (стр. 123). Если такъ, то къ чему же дѣлить охотниковъ на низшихъ и высшихъ? Въ такомъ случаѣ оказывается, что установленное различіе хозяйственныхъ формъ не оказываетъ вліянія на форму семьи, и какъ бы авторъ ни старался сгладить это впечатлѣніе, замѣчая, что, «однородность семейныхъ формъ... соотвѣтствуетъ однородной формѣ хозяйства», несомнѣнно, что либо въ различеніи формъ семьи, либо въ различеніи формъ хозяйства есть значительные недостатки. Далѣе. У номадовъ — «строгая патріархальная семья». «Родъ въ жизни пастушескихъ народовъ по практическому значенію стоитъ далеко позади обособленной, а тѣмъ болѣе общей семьи». (стр. 184 и сл.). Слѣдовательно, и тутъ та же патріархальная семья, но появляется и родъ по большей части «въ качествѣ наступательно-оборонительнаго союза» (стр. 178). У низшихъ земледѣльцевъ родъ является господствующей формой семьи въ связи съ общиннымъ хозяйствомъ, а у высшихъ земледѣльцевъ родъ уже приходитъ въ упадокъ подъ вліяніемъ развитія промышленности. Такимъ образомъ послѣднія части изслѣдованія изображаютъ извѣстную исторію родовой организаціи. Свой окончательный выводъ авторъ выражаетъ слѣдующимъ положеніемъ: «на каждой ступени культуры господствуетъ форма семьи, болѣе всего соотвѣтствующая экономическимъ отношеніямъ и потребностямъ» (стр. 336). Что же новаго дала намъ книга г. Гроссе? Въ чемъ заключается это соотвѣтствіе формъ семьи съ формами хозяйства, такъ и осталось невыясненнымъ. Мы не хотимъ этимъ сказать, что въ книгѣ вовсе не встрѣчается вѣрныхъ замѣчаній относительно этой связи. Мы утверждаемъ только, что эти замѣчанія случайны и, что̀ важнѣе всего, вовсе не новы. Притомъ авторъ часто высказываетъ ихъ такъ, что не разъясняетъ, а затемняетъ вѣрную мысль. Такъ, уже давно было указано на связь между земледѣліемъ и такъ называемымъ материнскимъ правомъ. Авторъ тоже указываетъ на нее, но, вмѣсто разъясненія этого интереснаго явленія, онъ нѣсколько разъ повторяетъ, что «патріархальные и матріархальные роды издавна существовали рядомъ» (стр. 232) и притомъ даже у самыхъ низшихъ народовъ. Такимъ образомъ, вмѣсто разъясненія этого явленія, читатель долженъ вынести убѣжденіе, что, вѣрнѣе всего, нѣтъ никакой связи между земледѣліемъ и материнскимъ правомъ. Авторъ удовлетворяется тѣмъ, что приписываетъ материнскому праву характеръ «аномаліи» или «исключенія».

Впрочемъ, мы, пожалуй, и не имѣемъ права требовать, чтобы авторъ объяснилъ намъ что бы то ни было. Онъ вообще держится особаго мнѣнія по этому вопросу. Такъ, по поводу свадебныхъ обрядовъ, имитирующихъ похищеніе невѣсты, авторъ задается вопросомъ, какъ ихъ объяснить, и отвѣчаетъ: «Слѣдовало бы сначала спросить, нужно ли ихъ вообще объяснять? Мы держимся того мнѣнія, что въ области соціологіи во многихъ случаяхъ слѣдуетъ щадить свое остроуміе» (стр. 148). И авторъ все таки не щадитъ его и даетъ объясненіе, котораго мы не станемъ разбирать. Отъ автора, держащагося такихъ взглядовъ, трудно ожидать, чтобы онъ что-нибудь объяснилъ: нужно ли еще вообще объяснять? Не удивительно поэтому, что авторъ въ концѣ книги признается: «полное пониманіе формъ семьи»... «никогда не казалось намъ такъ далеко, какъ теперь, послѣ того, какъ мы сдѣлали нѣсколько шаговъ по тому длинному пути, который къ нему ведетъ». Утѣшительно!

Но, не заключая въ себѣ ничего новаго, книга г. Гроссе не отличается и достоинствами компилятивнаго труда. Она могла бы оказаться полезною тѣмъ, кто захотѣлъ бы познакомиться съ современнымъ положеніемъ вопроса о связи формъ семьи съ хозяйственными отношеніями. Но авторъ не сдѣлалъ даже и этого. Въ отношеніи своемъ къ трудамъ другихъ изслѣдователей авторъ не отличается послѣдовательностью. Отрицательно относясь къ трудамъ Моргана, онъ хвалитъ

Куно, автора превосходнаго изслѣдованія родственныхъ организацій австралійскихъ негровъ, который является продолжателемъ дѣла, начатаго Морганомъ. Кромѣ того, авторъ какъ будто не знаетъ даже того, что Морганъ въ своемъ «Первобытномъ обществѣ» не мало говоритъ о вліяніи экономическихъ условій на форму семьи и что у него многіе вопросы выяснены очень хорошо.

Неудача автора объясняется на нашъ взглядъ тѣмъ, что онъ держался старой системы изслѣдованія: не разобралъ вопроса, подробно изучивъ общественную организацію одного или небольшой группы родственныхъ народовъ, а хотѣлъ прослѣдить явленіе у всѣхъ народовъ земного шара. Тѣмъ не менѣе мысль, положенная въ основу его работы, по нашему мнѣнію, вѣрна. И въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторъ очень близко подходитъ къ истинѣ. Такъ, онъ указываетъ, что родъ у земледѣльцевъ является, «какъ общинная организація жилища, имущества и хозяйства» (стр. 221). Но авторъ не видитъ того, что всѣ формы семьи въ существѣ своемъ и не могутъ быть ничѣмъ инымъ, кромѣ хозяйственныхъ формъ. Поэтому, авторъ не твердъ въ своей мысли и иногда допускаетъ такія выраженія, какъ «кровное родство создаетъ общежитіе» (стр. 196). Конечно, слѣдовало бы сказать, что общежитіе создаетъ кровное родство.

Русскій переводъ книги очень плохъ. Нѣмецкій текстъ во многихъ случаяхъ понятъ совершенно невѣрно: напр., «семья пустила свои корни въ бракѣ» вмѣсто «коренится въ бракѣ» (19), «чтобы создать (fortzuplanzen) (sic!) семью» (24) «культурный продолжатель»—Culturvorfahr (28) и т. д. Такихъ ошибокъ очень много. Не лучше и слогъ перевода. Достаточно одного примѣра. «Пользуясь въ изслѣдованіи лишь данными формами культуры... такимъ способомъ передъ нашими глазами раскрывается отъ начала до конца весь тотъ путь, который прошло человѣчество». Наконецъ, и предисловіе переводчика не блещетъ ни знаніемъ, ни глубокомысліемъ. Такъ, на стр. VIII въ примѣчаніи онъ считаетъ «Urgesellschaft» Моргана переводомъ его «Systems of consanguinity and affinity...»; а въ самомъ началѣ онъ заявляетъ: «Цѣлая плеяда такихъ знаменитыхъ ученыхъ, какъ Бахофенъ, Макъ-Ленанъ... посвятили этому вопросу (возникновеніе брака и семьи) труды многолѣтнихъ изслѣдованій, а многіе изъ нихъ создали себѣ имя». Интересно было бы знать, кто же изъ этихъ «знаменитыхъ» ученыхъ «создалъ себѣ имя» и кто сдѣлался знаменитымъ, не создавъ себѣ имени. Вообще переводчику, очевидно, хочется обладать хорошимъ слогомъ.

ФИЛОСОФІЯ И ПСИХОЛОГІЯ.

Н. Рибо. «Философія Шопенгауэра».—*Кэрдъ.* «Гегель».—*І. Гобчанскій.* «Опытная психологія».

Т. Рибо. Философія Шопенгауэра. Перев. съ фр. М. Суперанскаго. Спб. 1898 г. Ц. 80 к. Излагая систему философіи Шопенгауэра., Рибо имѣетъ въ виду, что основныя положенія ея недостаточно извѣстны во Франціи, гдѣ о Шопенгауэрѣ судятъ, главнымъ образомъ, по странностямъ его морали. Но въ концѣ книги онъ и самъ высказываетъ заключеніе, что особенное значеніе Шопенгауэръ имѣетъ какъ моралистъ, что хотя онъ и предлагаетъ намъ систему метафизики, но истинная оригинальность его въ подробностяхъ, а не въ цѣломъ, въ томъ, что онъ соединяетъ въ своемъ характерѣ самыя противуположныя черты. И, дѣйствительно, нуженъ особый складъ ума, чтобы, принявъ за точку отправленія кантовское «міръ есть представленіе», придти къ возрожденію въ нѣмецкой философіи идей и настроеній буддизма. Истина «міръ—это мое представленіе»—истина неполная, болѣе глубокое изслѣдованіе, отвле-

ченіе различнаго и обобщеніе тождественнаго, приводитъ къ болѣе полной истинѣ: «міръ—это моя воля». Это сведеніе всего къ волѣ Шопенгауэръ считаетъ самъ «стовратными Θивами» своей философіи. Въ краткихъ словахъ Рибо такъ излагаетъ доктрину Шопенгауэра: «Міръ объясняется неизвѣстнымъ началомъ x, котораго нельзя передать никакимъ терминомъ, но наименѣе неточнымъ выраженіемъ котораго служитъ слово «воля», въ самомъ общемъ смыслѣ силы. Въ себѣ самой воля едина и тождественна; множество феноменовъ (міръ) нечто иное, какъ видимость, слѣдствіе строенія интеллекта, способности вторичной и производной; но, благодаря этой способности, безсознательная воля дѣлается сознательной и переходитъ изъ существованія въ себѣ въ существованіе для себя самой. Узнавъ же, что она, въ своей сущности, нечто иное, какъ желаніе, слѣдовательно, потребность и, значитъ страданіе, она не находитъ другого идеала жизни, какъ самоотрицаніе» (стр. 117). Освобожденіе отъ ига воли, совершающееся посредствомъ интеллекта проходитъ двѣ ступени: искусство останавливается на первой, аскетизмъ переходитъ на вторую. Такъ какъ тѣло есть не что иное, какъ сдѣлавшаяся видимою воля, то уничтожать его посредствомъ аскетизма значитъ уничтожать волю. И такъ какъ рожденіе продолжаетъ жизнь и страданіе, то прекращеніе его посредствомъ цѣломудрія является и прекращеніемъ рода.

Это послѣднее заключеніе вытекаетъ у Шопенгауэра изъ его «метафизики любви», которую самъ онъ считалъ, и не безъ основанія, «перломъ» своей философіи. Даже въ изложеніи и выдержкахъ Рибо она не можетъ не производить впечатлѣнія своей несравненной яркостью, силой выраженія и безпощадностью анализа. Передавая эту, по его выраженію, «единственную въ исторіи философіи теорію любви», Рибо находитъ за ней большую заслугу въ томъ, что, за всѣми метафизическими гипотезами, Шопенгауэръ поставилъ вопросъ на научную почву, пытаясь привести всѣ проявленія любви къ одному физіологическому факту, къ одной изъ основныхъ жизненныхъ функцій. Хотя, увлеченный своимъ принципомъ, онъ, можетъ быть, недостаточно видѣлъ то, что приходитъ сюда въ самыхъ возвышенныхъ видахъ любви.

Въ заключительной главѣ своей книги Рибо даетъ рядъ критическихъ замѣчаній объ основныхъ идеяхъ величайшаго нѣмецкаго пессимиста-философа. Онъ приходитъ къ выводу, что «подобная философія скорѣе останется какъ любопытный фактъ, чѣмъ какъ живая доктрина, которой суждено создать долговременную школу. Метафизика есть система гипотезъ, служащихъ къ нѣкоторому удовлетворенію и къ значительному возбужденію ума. Теорія Шопенгауэра лишена всѣхъ этихъ преимуществъ; въ то же время ей свойственны почти всѣ недостатки метафизики: субъективный характеръ, злоупотребленіе гипотезой, невозможность повѣрки. Ея важное и единственное достоинство—это трудъ уясненія понятія *силы* подъ именемъ воли» (стр. 123). Однако, самъ же Рибо ставитъ Шопенгауэру упрекъ въ двусмысленности понятія «воли».

Книга Рибо представляетъ удачную разработку и изложеніе философіи Шопенгауэра. Наименѣе ясно изложены имъ эстетическія теоріи философа. Во всякомъ случаѣ, ее можно рекомендовать, тѣмъ болѣе, что переводъ вполнѣ удовлетворителенъ и цѣна изданія не дорога.

Проф. Кэрдъ. Гегель. Перев. подъ ред. и съ предисловіемъ кн. С. Н. Трубецкаго, съ прилож. статьи о Гегелѣ Вл. С. Соловьева. стр. XLI+306. М. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к. Въ послѣдніе годы можно было отмѣтить въ нашей литературѣ усилившійся интересъ къ гегельянству. Разныя причины содѣйствовали этому. Съ одной стороны, «діалектическій матеріализмъ», ставшій злобой дня, какъ побочное дѣтище гегельянства, потребовалъ вниманія къ философской системѣ великаго учителя и ея позднѣйшимъ отпрыскамъ. Съ другой,—несомнѣнное оживленіе-реминисценцій 40-хъ годовъ также вызываетъ по-

требность освѣжить нашу память о той идеалистической философіи, которая въ былые годы воспитала многихъ лучшихъ представителей русской мысли. Наконецъ, и въ спеціально-философской литературѣ все чаще раздается мнѣніе, что философія, переживъ «возвращеніе къ Канту», можетъ выйти на новый широкій путь—систематическимъ пересмотромъ основъ и результатовъ гегелевскаго логическаго субъективизма.

Современное значеніе гегельянства велико—гораздо больше, чѣмъ мы, обыкновенно, думаемъ. Какъ систематическая доктрина, гегельянство не долго держалось, но его вліяніе проникаетъ труды по обществовѣдѣнію, исторіи, эстетикѣ, этикѣ, даже тѣ, авторы которыхъ не подчеркиваютъ, а иной разъ, и не сознаютъ своего родства съ гегельянствомъ. Стремленіе согласить идею съ фактомъ, логическую формулу съ жизненнымъ впечатлѣніемъ реальности, слить въ одномъ идеалистическомъ міровоззрѣніи конкретное историческое и психологическое пониманіе съ философской систематичной и строгой логичностью мысли—этотъ главный нервъ гегелевской философіи далъ ей силу глубокаго и плодотворнаго вліянія на работу мысли во всѣхъ почти ея областяхъ.

Изученіе Гегеля—трудъ плодотворный теперь, какъ и 50 лѣтъ тому назадъ. Но этотъ трудъ тяжелъ, въ силу крайней отвлеченности и сложности изложенія. Популяризація Гегеля для тѣхъ, кто не имѣетъ возможности тратить годы на его изученіе,—задача весьма существенная. И Кэрдъ—мастеръ этого дѣла. Онъ сосредоточиваетъ вниманіе читателя на основной, руководящей идеѣ Гегеля, воспроизводя ея послѣдовательное развитіе. Обозрѣніе всей системы Гегеля не входило въ его намѣреніе и издатели перевода отлично дополнили трудъ Кэрда статьей о Гегелѣ Вл. С. Соловьева, дающей такое обозрѣніе въ сжатомъ видѣ. Кэрдъ выясняетъ, главнымъ образомъ, тѣ стороны философіи Гегеля, которымъ она обязана своей крупной исторической ролью и широкимъ вліяніемъ. Чтеніе книги Кэрда, изданной въ прекрасномъ переводѣ, не требуетъ особенной подготовки: онъ ясно и просто развиваетъ самыя сложныя мысли. Кэрдъ не только изучилъ Гегеля—онъ сжился съ нимъ и потому излагаетъ его свободно и отчетливо, съ той побѣдой надъ матеріаломъ, которая хорошему популяризатору, быть можетъ, еще нужнѣе, чѣмъ ученому спеціалисту. Кэрдъ вѣритъ въ существенное современное значеніе гегельянства: «тенденціи и идеи,—говоритъ онъ про философію Гегеля,—которыя она стремится привести къ единству, все еще борются за главенство вокругъ насъ и въ насъ самихъ». И дѣйствительно, излагая Гегеля, онъ касается многихъ волнующихъ современнаго человѣка вопросовъ: иначе и не можетъ быть при изученіи мыслителя, который «сдѣлалъ существенно важное дополненіе къ доказательству, что тѣ идеи, которыя составляютъ корни поэзіи и религіи, суть въ то же время принципы науки».

«Философія Гегеля должна была умереть, чтобы жить». Она умерла, какъ система, но жива, какъ исходный пунктъ для цѣлаго ряда плодотворныхъ умственныхъ теченій, съ которыми счеты еще не сведены. Высшій синтезъ, къ которому стремился Гегель, побѣда надъ противорѣчіемъ холодной абстракціи и живого воспріятія—не былъ имъ достигнутъ. Одинъ элементъ—логическое мышленіе—получилъ чрезмѣрный перевѣсъ надъ другими въ гегелевскомъ панлогизмѣ; синтезъ получился неуравновѣшенный, или, лучше сказать, вмѣсто синтеза, получилась система. Не координированные въ ней элементы стали развиваться въ различныхъ фракціяхъ гегельянства. Предисловіе кн. С. Н. Трубецкаго раскрываетъ суть раскола въ школѣ Гегеля и черты системы, которыя сдѣлали этотъ расколъ неизбѣжнымъ.

Въ цѣломъ, разбираемся книга—хорошій вкладъ въ русскую библіотеку для самообразованія.

І. Гобчанскій. Опытная психологія въ двухъ частяхъ. Спб. Изданіе К. Риккера. 1898 г. Ц. 1 р. 60 к. Русская литература бѣдна оригинальными курсами психологіи. За послѣднихъ пятнадцать лѣтъ такихъ сочиненій появилось всего два: Попова «Очерки психологіи», для изучающихъ педагогику, 1886 г., и Снегирева «Психологія» 1893 г., академическія лекціи. Нельзя поэтому пройти молчаніемъ выходъ въ истекшемъ году «Опытной психологіи» І. Гобчанскаго, тѣмъ болѣе, что она является у насъ единственнымъ въ своемъ родѣ трудомъ.

Съ недавняго времени въ русскомъ образованномъ обществѣ замѣчается пробужденіе сильнаго интереса къ психологіи. Петербургскія и московскія программы для самообразованія отвели ей у себя не послѣднее мѣсто. Но ознакомленіе съ этой наукой встрѣчаетъ то затрудненіе, что у насъ не было общедоступно написанной полной (но не обширной) системы психологіи. Съ появленіемъ труда г. Гобчанскаго такое затрудненіе теряетъ свою силу.

Трудъ этотъ вполнѣ соотвѣтствуетъ современному состоянію психологической науки. При его составленіи авторъ пользовался лучшими сочиненіями по психологіи, принадлежащими русскимъ и иностраннымъ ученымъ, какъ-то: Вундту, Бэну, Тэну, Гефдингу, Рибо, Рише, Джэмсу, Ушинскому, Свѣтилину, Снегиреву, Лопатину, Гроту и др. Книга Гобчанскаго дѣйствительно полный курсъ психологіи. Ни одинъ сколько-нибудь важный вопросъ не оставленъ безъ разсмотрѣнія. Вотъ краткій перечень содержанія «Опытной психологіи». Послѣ общаго понятія о наукѣ (ея опредѣленіе, отличіе отъ другихъ сродныхъ доктринъ, методъ и источники, отношеніе къ физіологіи, значеніе) помѣщено о сознаніи и самосознаніи. Далѣе слѣдуетъ первая часть, гдѣ излагается ученіе объ ощущеніяхъ и ихъ видахъ, воззрѣніи пространства и времени, иллюзіяхъ и галлюцинаціяхъ, представленіяхъ, воображеніи, памяти и воспоминаніи, разсудкѣ и разумѣ, языкѣ и творчествѣ (1-й отдѣлъ); о чувствованіяхъ вообще (ихъ происхожденіе, элементы, отличіе отъ ощущеній, степеняхъ чувствительности, зависимости отъ органической жизни тѣла), въ частности о формальныхъ чувствованіяхъ, предметныхъ—интеллектуальныхъ, эстетическихъ, нравственныхъ—и аффектахъ (2 отдѣла), объ инстинктахъ и ихъ видахъ, желаніи, хотѣніи, волѣ, свободѣ, склонностяхъ, привычкахъ, страстяхъ и характерѣ (3 отдѣлъ). Во второй части разсматривается связь души съ тѣломъ, полъ, темпераментъ, расы и народности, наслѣдственность; возрасты жизни, сонъ и сновидѣнія; душевныя болѣзни и ихъ причины, экстазъ, сомнамбулизмъ, гипнотизмъ и въ приложеніи—спиритизмъ.

«Опытная психологія» написана общедоступно и читается легко безъ особаго умственнаго напряженія. Излагается она преимущественно положительнымъ методомъ. Критикѣ мнѣній, не согласныхъ съ взглядами автора, отведено немного мѣста (§ 7, 19, 51, 54, 74 не весь, и 97). Впрочемъ, при чтеніи книги сама собой становится очевидной несостоятельность многихъ неправильныхъ взглядовъ на душевную жизнь. Опредѣленія различныхъ психическихъ факторовъ отличаются ясностью и отчетливостью. См., напр., понятіе о самонаблюденіи, сознаніи, памяти и представленіяхъ или же о склонностяхъ, привычкахъ и страстяхъ. Хотя сравнительно небольшое сочиненіе Гобчанскаго (256 стр.) раздроблено на 117 параграфовъ, но всѣ они связаны внутренней логической связью. Языкъ правильный. Рѣчь краткая. Печать и бумага хорошія. Вообще книга производитъ на читателя благопріятное впечатлѣніе.

Къ ея недостаткамъ относится только слабая разработка вопросовъ объ экспериментѣ въ психологіи и о разсудкѣ, отсутствіе изображеній нервной центральной системы и органовъ чувствъ и, наконецъ, нѣсколько опечатокъ, затемняющихъ смыслъ. Напр.: «Вліяніе чувствованій и желаній на дѣятельность воображенія и подлежитъ сомнѣнію»... вмѣсто «не подлежитъ сомнѣнію» (90 стр.).

НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ.

Дешевыя изданія О. Н. Поповой.—№ 1. *Л. Толстой* «Кавказскій плѣнникъ». № 2. *Г. Успенскій.* «Неизлѣчимый». № 3. *Наумовъ.* «Умалишенный». № 4. *Пушкинъ* «Братья разбойники». № 5. *Станюковичъ* «Максимка». № 6. *Г. Успенскій* «Будка». № 7. *Нефедовъ* «Неустрашимый Галлей». № 8. *Наумовъ* «Фургонщикъ». № 10. *Лермонтовъ* «Бэла». № 11. *Г. Успенскій.* «Нужда пѣсенки поетъ». № 13. *Станюковичъ* «Рождественская ночь». № 14. *Г. Успенскій* «Про счастливыхъ людей». № 15. *Пружанскій* «Бѣглый». № 18. *Дмитріева* «Отъ совѣсти». № 19. *Нефедовъ* «Безоброчный». № 20. *Пушкинъ* «Дубровскій». № 21. *Станюковичъ* «Матросская расправа». № 22. *Г. Успенскій* «Книжка чековъ. № 23. *Нефедовъ* «Лѣшій обошелъ» *). Спб. 1898 года.

Дешевыя изданія г-жи Поповой являются одною изъ попытокъ пустить въ широкую народную массу сочиненія писателей, писавшихъ не «для народа», а для интеллигенціи или вообще читающей публики. Такая попытка должна быть признана вполнѣ своевременной. Огромная, не причисляемая къ интеллигенціи, масса людей грамотныхъ и читающихъ растетъ съ каждымъ годомъ и съ каждымъ годомъ поглощаетъ все больше и больше книгъ. Не такъ далеко еще время, когда считалось, что для читателей подобнаго рода совершенно недоступна обще-художественная литература, что они нуждаются въ спеціально сочиненныхъ повѣстяхъ, разсказахъ, быляхъ, сказкахъ и т. п. Такія книги фабриковались и продолжаютъ фабриковаться до нынѣ; сантиментальность, нравоучительность и непремѣнно особенный, обильно уснащенный чисто мѣстными выраженіями, языкъ—вотъ рецептъ для составленія подобныхъ книгъ. А между тѣмъ опытъ показалъ, что народной массѣ доступно пониманіе истинно художественныхъ произведеній русской литературы. И если существованіе популярной научной литературы для народа надолго еще, вѣроятно, сохранитъ свои права, то художественная литература не можетъ и не должна дѣлиться на написанную для народа и не для народа. Могутъ быть только изданія дорогія и дешевыя, выборъ произведеній болѣе или менѣе доступныхъ по формѣ, интересныхъ по темѣ и т. п.

Изданныя г-жею Поповой книжки, если не ошибаемся, всѣ являются перепечаткой произведеній, уже раньше вышедшихъ въ свѣтъ, а отчасти появлявшихся уже и въ болѣе дешевыхъ изданіяхъ (Спб. Комитета Грамотности, Правда и др.). Въ числѣ 19 изданныхъ г-жею Поповою книгъ 4 принадлежатъ перу классиковъ русской литературы. Изъ нихъ *Кавказскій пленникъ Толстого* пользуется уже огромною популярностью въ самыхъ глухихъ деревенскихъ углахъ; интересная фабула и высокохудожественная простота разсказа говорятъ сами за себя. Тѣми же достоинствами отличаются и *поэма Пушкина Братья-разбойники* и повѣсть его *Дубровскій.* Повѣсть эта можетъ служить, къ тому-же, однимъ изъ яркихъ изображеній крѣпостного быта стараго времени; для этого въ особомъ примѣчаніи необходимо было указать на время, къ какому относится дѣйствіе разсказа; такого поясненія не сдѣлано, несмотря даже на то, что первая фраза повѣсти «Нѣсколько лѣтъ тому назадъ»... можетъ ввести читателя въ большое заблужденіе. Повѣсть *Лермонтова Бэла* «Герой нашего времени», при всѣхъ своихъ художественныхъ достоинствахъ, уступаетъ въ простотѣ изложенія 3-мъ предъидущимъ книжкамъ, но, нужно думать, будетъ все же доступна и среднему по развитію читателю.

---

*) Изъ 24 названій появилось пока 19, номера-же 9, 12, 16, 17 и 24 въ продажѣ не имѣются.

Далеко не съ такой увѣренностью можно сказать это о произведеніяхъ Г. Успенскаго, которымъ удѣлено видное мѣсто въ серіи разбираемыхъ изданій: изъ 19 названій ему принадлежатъ 5. Глѣбъ Успенскій занимаетъ совсѣмъ особое мѣсто въ ряду другихъ великихъ писателей. Его блестящій художественный талантъ сопровождается такой силой логическаго анализа, такой глубокой вдумчивостью и отзывчивостью на всѣ явленія окружающей жизни, что произведенія его перестаютъ быть только художественно-литературными и превращаются въ той же мѣрѣ въ публицистическія. Благодаря этому, очерки его остались, большею частью, необработанными, въ видѣ отрывковъ и набросковъ, въ которыхъ часто мимоходомъ указывается на самые больные, мучительные вопросы нашего времени, двумя-тремя словами намѣчаются очертанія самыхъ тяжелыхъ житейскихъ драмъ. Вотъ почему, несмотря на то, что языкъ героевъ Гл. Успенскаго и самые сюжеты его очерковъ взяты почти исключительно изъ среды, близко знакомой тѣмъ читателямъ, для которыхъ предназначаются всѣ дешевыя и народныя изданія, несмотря на это, невольно возникаетъ сомнѣніе, поймутъ ли, оцѣнятъ ли эти читатели писателя, столь дорогого и близкаго интеллигенціи? Не давая на этотъ вопросъ утвердительнаго отвѣта, можно однако и теперь съ увѣренностью сказать, что изъ народной среды выдѣлились уже болѣе развитые читатели, которые не только способны понять Гл. Успенскаго, но знаютъ и цѣнятъ его—успѣхъ прежняго дешеваго изданія нѣкоторыхъ очерковъ доказываетъ это.

Изъ пяти очерковъ Г. Успенскаго самымъ простымъ и общедоступнымъ можно считать святочный разсказъ *Про счастливыхъ людей*. Отставной солдатъ въ назиданіе своимъ спутникамъ разсказываетъ три сказки про счастье; въ разсказѣ его много комизма, а основная мысль прекрасно выражена слѣдующими словами солдата: «Это не счастье, коли его на тебя нанесло или ты случаемъ на него набѣжалъ. То счастье неизмѣнное, которое въ тебѣ самомъ лежитъ, а не со стороны бѣжитъ». Разсказъ *Нужда пѣсенки поетъ* со всѣми трагикомическими подробностями повѣствованія «пиро-и-гидротехника» Иванова возбудитъ, вѣроятно, интересъ и не представитъ затрудненій для пониманія и средняго читателя. Гораздо болѣе сложнымъ представляется *Книжка чековъ*—эпизодъ изъ жизни недоимщиковъ. Въ этомъ очеркѣ въ немногихъ словахъ, сжато и сильно разсказывается вся исторія русской деревни послѣ реформы: мертвая дореформенная атмосфера, послѣреформенные земельные счеты съ помѣщикомъ, полное разореніе крестьянъ и царство капитала въ лицѣ купца новаго типа съ его книжкой чековъ. Но эта-то сжатость (см., напримѣръ, разговоръ Ивана Кузьмича съ лакеемъ и замѣчанія бабы въ заключительной сценѣ) и можетъ сдѣлать разсказъ «Книжка чековъ» мало доступнымъ для читателя средняго уровня развитія. Въ очеркѣ *Будка* передъ глазами читателя проходитъ цѣлый рядъ драмъ изъ жизни обывателей глухого уѣзднаго города. Всѣ эти драмы въ началѣ или въ концѣ приводятъ своихъ героевъ какъ бы къ естественному центру—къ полицейской будкѣ съ ея представителемъ «неспособнымъ» Мымрецовымъ. Исторія «Будки» такъ же сложна и сжата, какъ и «Книжка чековъ», и въ такой-же мѣрѣ будетъ, вѣроятно, доступна лишь наиболѣе развитому читателю, притомъ городскому скорѣе, чѣмъ деревенскому. *Неизлѣчимый*—одинъ изъ лучшихъ и наиболѣе извѣстныхъ разсказовъ Гл. Успенскаго. Въ наивной повѣсти діакона о постигшей его болѣзни авторъ тонко очертилъ одну характерную особенность нашего времени. Эта особенность общая болѣзнь—проснувшаяся совѣсть и ея деспотическія требованія къ наслоившемуся вѣками «свинству» обычной жизни. Подъ вліяніемъ проснувшейся совѣсти діаконъ мучительно ищетъ средствъ, какъ-бы «фундаментально излѣчить и душу, и тѣло?»—«Душу свою изъ свиной въ человѣческую обратить?» Другая общая болѣзнь, о которой говоритъ Успенскій въ заключеніе разсказа,

стоитъ не въ меньшемъ противорѣчіи съ понятіями «свинской» жизни. По словамъ автора, «эта болѣзнь—мысль. Тихими, тихими шагами, незамѣтными, почти непостижимыми путями, пробирается она въ самые мертвые углы русской земли, залегаетъ въ самыя неприготовленныя къ ней души». Разъ проснувшись, работа мысли тоже не останавливается и идетъ все дальше; она готовитъ все новые ряды читателей, ищущихъ и въ жизни, и въ книгѣ одной лишь правды. Эти читатели съумѣютъ понять и оцѣнить Г. Успенскаго, потому что въ его произведеніяхъ они найдутъ только одну «самую строгую правду»... Сдѣлать сочиненія Успенскаго доступными по цѣнѣ для самой большой массы читателей—прекрасная задача; и можно быть увѣреннымъ, что съ каждымъ годомъ кругъ его читателей будетъ все расширяться.

Морскіе разсказы Станюковича, всегда проникнутые гуманнымъ чувствомъ, пользуются вообще вполнѣ заслуженной извѣстностью: Хотя два изъ нихъ, выбранные для изданія г-жи Поповой, и не принадлежатъ къ числу лучшихъ, но все же и трогательно-забавный разсказъ о маленькомъ негрѣ—*Максимка*, картина взаимныхъ товарищескихъ отношеній между матросами стараго времени въ разсказѣ *Матросская расправа* *), навѣрное въ большей или меньшей степени заинтересуютъ читателя. Нужно только замѣтить, что разсказы Станюковича, изобилующіе морскими терминами, особенно нуждаются въ объясненіяхъ. Въ изданіи же г-жи Поповой разсказы хотя и снабжены подстрочными поясненіями, но частью недостаточно (особенно разсказъ «Максимка»), частью требующими, въ свою очередь. объясненій, напр., «международная конвенція» и др. Третій изъ разсказовъ Станюковича «Рождественская ночь» **) переноситъ насъ въ совсѣмъ иной міръ отношеній. Эти два маленькихъ разсказа, объединенныхъ однородностью среды, въ которой происходитъ дѣйствіе, тепло и правдиво рисуютъ горести и радости тѣхъ маленькихъ существъ, которыя уже съ дѣтства обречены попасть въ разрядъ «бывшихъ людей».

Разсказъ «Рождественская елка» приводитъ насъ уже къ той категоріи изданій разбираемой серіи, которыя представляютъ значительно меньше художественнаго интереса, но имѣютъ значеніе, какъ болѣе или менѣе правдивое изображеніе быта и нравовъ нашего общества. Изъ 7 книжекъ различныхъ авторовъ, относящихся къ этой категоріи, только 2 рисуютъ городскую жизнь, пять же говорятъ о деревенской. Любопытно, что почти всѣ изъ этихъ разсказовъ изображаютъ болѣе или менѣе ярко разладъ личности съ обществомъ—міромъ, рисуютъ намъ людей, выбитыхъ изъ строя, не подошедшихъ подъ укладъ общей жизни и потому признаваемыхъ помѣшанными, порченными, гулящими, пропащими и т. п. Такъ, въ разсказѣ Нефедова «Безоброчный»—нѣжный, вдумчивый мальчикъ Гришута, только благодаря необычности своего душевнаго склада, считается порченымъ и погибаетъ жертвою преслѣдованія бурмистра и тупого равнодушія сельскаго общества. Психологія героя и окружающихъ его очерчена достаточно ярко и разсказъ читается съ интересомъ, но дѣйствіе разсказа относится главнымъ образомъ ко времени крѣпостного права, однако и тутъ читатели не найдутъ никакихъ поясненій. Въ разсказѣ Наумова *Умалишенный* выведенъ крестьянинъ, котораго сдѣлали сумасшедшимъ односельчане, по своей темнотѣ и забитости не съумѣвшіе поддержать его въ упорной борьбѣ со всякой сельской неправдой. Горячія филиппики Осипа Дехтярева, его мѣткія выраженія и прибаутки, вѣроятно, придутся по вкусу большинству читателей изъ народной среды. Если Григорій Безоброчный и умалишенный Дехтяревъ погибли вслѣдствіе непониманія ихъ окружающими, то Прасковья въ разсказѣ Дмитріевой *Отъ совѣсти* погибаетъ отъ неумѣнья совла-

*) «Между матросами». Изд. С.-Петербургскаго Комитета Грамотности.
**) «Двѣ ёлки». Изд. С.-Петербургскаго Комитета Грамотности.

дать съ порываніемъ своей молодой натуры къ болѣе яркой и легкой жизни. Ея мечты о томъ, чтобы «хоть денечекъ пожить такъ, какъ баре, да попы живутъ», настолько противорѣчатъ общему сѣрому и убогому фону деревенской жизни, а въ особенности безотрадному житью замужней женщины, что Прасковья постепенно опускается до положенія всѣми презираемой «гулящей бабенки», не выноситъ позорнаго мучительнаго существованія и самоубійствомъ спасается отъ укоровъ совѣсти. Очеркъ г-жи Дмитріевой правдиво и непритязательно, безъ излишней сантиментальности, рисуетъ бытъ и психологію деревенскихъ обывателей.

Картину иного быта—городского—даетъ намъ разсказъ Пружанскаго *Бѣглый*. Послѣ вступленія, написаннаго какъ-то непонятно, больше намеками, идетъ разсказъ бѣглаго каторжника о тяжелой семейной драмѣ, приведшей его—честнаго, добродушнаго юношу—къ тяжелому преступленію. Разсказъ бѣглаго написанъ совсѣмъ просто и производитъ очень сильное впечатлѣніе. Несравненно слабѣе, хотя и близокъ ему по темѣ, разсказъ Наумова *Фургонщикъ*. Здѣсь разсказъ тоже ведется отъ лица человѣка, совершившаго преступленіе, но и самый поводъ и вся обстановка этого преступленія далеко не вызываетъ того сочувствія, какъ въ разсказѣ Пружанскаго. Вообще, весь разсказъ Наумова является какимъ-то наброскомъ, не имѣющимъ самостоятельнаго значенія и поэтому нисколько не нуждался въ новомъ дешевомъ изданіи. Еще меньше смысла было извлекать изъ «праха забвенія» совершенно ничтожный по сюжету и не интересный по выполненію разсказъ Нефедова *Лѣшій обошелъ*.

Послѣдній изъ разбираемыхъ нами разсказовъ *Неустрашимый Галлей* принадлежитъ перу того же автора. Башкирская легенда разсказываетъ о молодомъ князѣ Галлеѣ, который, по требованію любимой имъ княжны, доказалъ силу своей любви неустрашимымъ подвигомъ спасенія всего башкирскаго народа отъ козней злого духа. Легенда эта, какъ и всякая другая, не лишена извѣстной доли романтизма, но написана поэтично и читается легко и съ интересомъ. Къ сожалѣнію, и въ данномъ случаѣ многочисленныя мѣстныя названія и выраженія остались необъясненными.

Всѣ 19 книжекъ изданы достаточно хорошо; 4 изъ нихъ снабжены недурными рисунками; лучше всѣхъ остальныхъ книжекъ изданъ «Кавказскій плѣнникъ» Толстого. Цѣна книжекъ колеблется между 3-мя и 13-ю копѣйками, вѣроятно, въ зависимости отъ размѣровъ каждой книги, но во всякомъ случаѣ не высока.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

съ 15-го декабря 1898 г. по 15-е января 1899 года.

Н. С. Тихонравовъ. Сочиненія, т. III. ч. II. Изд. Сабашникова. Москва. 1898. Ц. за три тома 7 р. 50 к.

Подснѣжникъ. Сборникъ для дѣтей. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1899. Ц. 2 р.

Ворисгоферъ. Образовательное путешествіе. Перев. съ нѣм. 73 рис. Изданіе Павленкова. Ц. 1 р. 25 к. 1898. Спб.

Асбьрнсонъ. Норвежскія сказки. Изданіе О. Н. Поповой. 74 рис. Ц. 1 р. 25 к. Спб. 1899.

Альфонсъ Додэ. Исторія одного ребенка. Пер. съ франц. Изданіе Сытина. Москва. 1898 г.

Его же. Прекрасная Нивернеза. Изд. О. Н. Поповой. Ц. 30 к. Спб. 1899 г.

Шарль Летурно. Эволюція торговли. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1899. Ц. 2 р.

Тимофѣевъ. Очерки по исторіи краснорѣчія. Спб. 1899. Ц. 1 р.

Богданова. Бесѣды о жизни растеній. Изд. А. Девріена. Спб. 1899. Ц. 40 к.

Бернштейнъ. Общественное движеніе въ Англіи XVIII вѣка. Изд. Л. Пантелѣева. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Е. Каро. Жоржъ-Зандъ. Москва. 1899 г. Ц. 60 к.

А. Петрушевичъ. Маргарита Ангулемская и ея время. (Въ пользу Общества вспоможенія окончившимъ курсъ на Спб. высшихъ курсахъ. Спб. 1899 г. Ц. 1р. 50к.

А. Крымскій. Мусульманство и его будущность. Изд. маг. «Книжное Дѣло». Москва. 1899. Ц. 75 к.

Н. Веригинъ. Іоганнъ Песталоцци. Изд. 2-е маг. «Книжное Дѣло». Москва. 1899 г. Ц. 40 к.

Шульце-Геверницъ. Крупное производство въ Россіи. Перев. съ нѣм. Изд. маг. «Книжное Дѣло». Москва. 1899. Ц. 75 к.

Н. Каблуковъ. Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи. Изд. маг. «Книжное Дѣло». Москва. 1899 г. Ц. 1 р. 75 коп.

А. Новицкій. Исторія русскаго искусства. Вып. I. Изд. маг. «Книжное Дѣло». Москва. 1899. Ц. за 12 вып. безъ пересылки 10 руб.

И. Козловскій. Краткій очеркъ исторіи русской торговли. Вып. I. Кіевъ. 1898. Ц. 50 к.

В. Казанскій. Учебникъ всеобщей исторіи. Часть I. Древній міръ. Орелъ. 1899. Ц. 60 к.

Дѣло. Сборникъ въ пользу Спб. Женскаго Медицинскаго Института. Москва. 1899. Ц. 2 р. 50 к.

Э. Реклю. Земля и люди. Вып. IV. Соединенные Штаты (Часть II). Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1899. Ц. 2 р.

Рубакинъ. Вѣчная слава. Историческая хроника. Изд. т-ва Сытина. Москва. 1899. Ц. 75 к.

Проф. У. Ранке. Человѣкъ. Вып. 19—20. Изд. т-ва «Просвѣщеніе». Спб. 1898 г. Ц. отд. вып. 50 коп.

Проф. Козловъ. «Свое Слово», сборникъ № 5. Спб. 1898. Ц. 1 р. 50 коп.

Ремезовъ. Эпилоги византійскихъ драмъ (по Шлюмберже). Изд. ред. жур. «Русская Мысль». Москва. 1898. Ц. 50 коп.

А. Мошинъ. Очерки и наброски. Саратовъ. 1898. Ц. 60 к.

Prof. R. Stinlzing. Сонъ и безсонница. Москва. 1899. Ц. 35 коп.

А. Д. Стихотворенія. Москва. 1898 г. Ц. 50 коп.

Злотчанскій. Прямолинейная тригонометрія для среднихъ учебныхъ заведеній. Одесса. 1899. Ц. 75 коп.

Проф. І. Конрадъ. Очеркъ основныхъ положеній политической экономіи. Изд. т-ва Сытина. Москва. 1898. Ц. 1 руб.

Шавровъ. Шелковица и ея разведеніе. Изд. 2-е. Девріена. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 коп.

А. Янъ-Рубанъ. Пѣсни любви и печали. Москва. 1899. Ц. 50 коп.

Дружининъ. Общедоступное руководство къ изученію законовъ. Часть I и II. Изд. 2-е О. Н. Поповой. Спб. 1899. Ц. 75 к.

Жиркевичъ. Друзьямъ. Стихотворенія. Спб. 1899. Ц. 1 руб.

П. Лащенко. Практическія занятія по неорганической химіи. Съ 59 рис. въ текстѣ. Харьковъ. 1898. Ц. 80 к.

О. Л. Женскія медицинскія учрежденія въ Свв.-Амер. Штатахъ. Изд. 2-е. Москва. 1898. Ц. 50 коп.

Шафровъ. Учебникъ ариѳметики для начальныхъ народныхъ училищъ. Изд. Тихомірова. Москва. 1898. Ц. 25 коп.

Проф. К. Рекламъ. Средство быть здоровымъ. Съ 12 рис. въ текстѣ. Вып. I. Одесса 1898.

Ж. Блондель. Экономическій подъемъ Германской Имперіи. Изд. книжнаго маг. «Знаніе». Спб. 1899. Ц. 25 к.

Проф. В. Щегловъ. Положеніе и права женщины въ семьѣ и въ обществѣ (2 публ. лекціи). Ярославль. 1898. Ц. 85 к.

Р. Гвоздевъ. Кулачество - ростовщичество. Изд. Н. Гарина. Спб. 1899.

Высшія горныя школы за границей. Спб. 1898 г.

Мольеръ. Иллюстрированное собраніе сочиненій. Безплатное приложеніе къ «Вѣстнику Иностранной Литературы. Спб. 1899 г.

Овсянико-Куликовскій. Л. Н. Толстой, какъ художникъ. Вып. I. Спб. 1899. Ц. 60 к.

Памяти Ѳ. И. Буслаева (съ портретомъ). Москва. 1898. Ц. 75 к.

Миттельштейнеръ. Къ вопросу о подготовкѣ учителей среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. Тихомірова. Москва. 1899. Ц. 50 к.

Родина. Сборникъ избранныхъ стихотвореній русск. поэтовъ. Москва. 1898. Ц. 20 к.

Смирновъ. Высокоторжественные дни. Тифлисъ. 1898. Ц. 50 к.

Шамшиновъ. Краткое руководство для изученія правилъ перспективы. Тифлисъ. 1899. Ц. 1 руб.

Тиличеева. Ванинъ дѣдушка. Москва. 1898.

Ея же. Какъ мы жили. Москва. 1898.

Г. Е. Лессингъ. Лаокоонъ или о границахъ поэзіи и живописи. 2 вып. Изд. книгоизд. «Знаніе». Одесса. 1898. Ц. 1-го вып. 20 коп., 2-го вып. 15 коп.

Я. Новиковъ. Война и ея мнимыя благодѣянія. Вып. I. Ц. 15 коп. Изд. книгоизд. «Знаніе». Одесса. 1899.

Д-ръ Пантюховъ. Вліяніе маларіи на колонизацію Кавказа. Тифлисъ 1899. Ц. 30 к.

И. Рябковъ. Краткій историческій очеркъ Елисаветградскаго о-ва распространенія грамотности и ремеслъ 1873—1898.

О постоянствѣ чувствъ. Психологическій очеркъ по поводу романа Гёте. «Сродство душъ». Пер. съ франц. Ц. 20 к.

М. Кроль. Матеріалы Высочайше учрежденной коммиссіи для изслѣдованія землевладѣнія въ Забайкальской обл. Вып. 10.

М. Огіевскій. Справочная книга по военно-судебнымъ дѣламъ. Спб. 1898. Ц. 1 р. 50 коп.

Матеріалы къ вопросу объ участіи псковскаго губернскаго земства въ развитіи начальнаго образованія. Вып. I. Псковъ. 1898 г.

Отчетъ нижегородскаго городского санитарнаго врача Н. А. Граціанова за 1897 г. Н.-Новгородъ. 1898.

Въ февралѣ выйдетъ новая книга:

ИВ. ИВАНОВЪ.

ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ.

Статьи по вопросамъ литературы, философіи, политики, искусства и общественной жизни Западной Европы новаго времени.

СОДЕРЖАНІЕ: Заразительная книга.—Вѣчно новый вопросъ.—Одинъ изъ пророковъ нашего времени.—Дилемма.—Судьбы англійской критики.—Сумерки девятнадцатаго вѣка.—Drang nach Norden.—Кто онъ? — Ученый фарсъ. — Уроки исторіи.—Ренанъ.—Культурные плоды германскаго единства.—Великобританскій лордъ и естественный человѣкъ.—Международная художественная выставка въ Венеціи.—Культурныя перспективы.—Политическій гамлетизмъ XIX вѣка.—Современный сфинксъ.—Эволюція вѣрующаго духа.—Incorrigés et incorrigibles.—Современная Италія.—Литературная любовь.—Горькая участь одной молодой науки.—Безумецъ или мученикъ?

Изданіе журнала «МІРЪ БОЖІЙ».

Цѣна 1 р. 50 к.

ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ.

КУЛЬТУРНАЯ ЗАДАЧА ГРЯДУЩАГО ВѢКА.

По поводу статьи Gabriel'я Tarde'a—*Le publik et la foule*, «Révue de Paris», 1898.

I.

Нашему вѣку безчисленное число разъ старались подъискать достойное и мѣткое опредѣленіе: называли его нервнымъ вѣкомъ, желѣзнымъ, серьезно и иронически, вѣкомъ великихъ изобрѣтеній и положительной мысли, скоро, пожалуй, назовутъ совершенно наоборотъ — вѣкомъ отчаянія въ наукѣ, вѣкомъ мистицизма и исканія новой вѣры.

Но всѣ эти наименованія имѣютъ одинъ крупный недостатокъ: каждое изъ нихъ можно въ большей или меньшей степени приложить къ какому-либо другому столѣтію, и въ особенности два самыя излюбленныя — нервный и положительно-мыслящій вѣкъ. Нервами европейское человѣчество страдало неизмѣримо опаснѣе лѣтъ пятьсотъ или даже шестьсотъ назадъ, критически мыслить начало также очень давно, уже въ шестнадцатомъ столѣтіи доходило до крайнихъ предѣловъ современнаго отрицанія. Заканчивающемуся вѣку, въ интересахъ исторической оригинальности, необходимо подыскать себѣ другое имя, и, мы думаемъ, искать далеко не приходится. Оно подсказывается едва ли не каждымъ фактомъ рѣшительно по всѣмъ направленіямъ современной умственной и практической жизни, и особенно краснорѣчиво первыми культурными шагами нашего столѣтія.

Вспомните, какія думы и чувства владѣли людьми наканунѣ его. Сколько блестящихъ созданій воображенія, сколько надеждъ на будущее и вѣры осуществить ихъ! И источникъ всего этого—героическое представленіе личности о силѣ своего творчества и своей мысли.

Послушайте Руссо, когда онъ любуется восходомъ солнца и съ вершины холма упивается чарующимъ видомъ просыпающейся долины. Въ теченіе пятидесяти лѣтъ, говоритъ онъ, подобныя картины замѣняли ему богатство и славу и для наслажденія ими не требовалось ничего, кромѣ времени.

Его уста невольно шепчутъ молитву. Онъ вступаетъ въ открытую бесѣду съ Верховной Силой, развертывающей предъ нимъ такую волшебную жизнь. И этотъ человѣкъ на своемъ холмѣ увѣренъ, всѣ чары—ради него, въ эту минуту этотъ холмъ—централь-

ная точка, управляющая силами природы. И человѣкъ обращается къ божеству въ восторженномъ порывѣ любви, какъ къ другу, къ старшему брату, къ всепрощающему отцу. Немного позже, ученики философа, члены революціоннаго собранія, предъ многочисленной толпой также за-просто будутъ бесѣдовать съ верховнымъ существомъ, будто оно ихъ обязательный и благосклоннѣйшій слушатель.

Что злого, не цѣлесообразнаго можетъ создать такая природа? Зло существуетъ, но въ немъ она неповинна. Изъ ея рукъ человѣкъ вышелъ божественно-прекраснымъ. Его обезобразили время, собственныя ошибки и онъ теперь точно античная статуя, брошенная безъ призора. Надъ ней пронеслась буря, прокатились морскія волны, и она стала походить больше на дикаго звѣря, чѣмъ на бога... Но всегда возможно смыть пыльный илистый налетъ, и геніальное произведеніе заблещетъ первобытной прелестью.

Произойдетъ это въ высшей степени просто. Все можетъ исправить тотъ же человѣкъ, вооруженный мудрымъ, побѣдоноснымъ словомъ. Стоитъ пробудить заснувшія на время естественныя чувства, и на землю вернется золотой вѣкъ.

Все такъ ясно. Придетъ геній-философъ, облеченный неограниченной силой и властью, герой изъ героевъ, черкнетъ перомъ и вселенная обновится. Люди снова начнутъ любить другъ друга, какъ братья, снова станутъ свободными, довѣрчивыми, вѣчно счастливыми.

И превращеніе скорѣе всего совершится тамъ, гдѣ до сихъ поръ сильна власть природы и первобытной простоты—въ толпѣ простыхъ людей, въ народѣ.

Онъ, теперь такой ничтожный, часто раболѣпный и преданный грубымъ инстинктамъ, по зову новаго пророка воспрянетъ къ новой свѣтлой жизни. Онъ въ глубинѣ души до сихъ поръ хранитъ исконное чувство правды и неподкупный здравый смыслъ. Народъ можно иногда обмануть, но его нельзя совратить съ путей правды и справедливости, Онъ—верховный и непогрѣшимый судья нравственности и разума, потому что близокъ природѣ.

Мечтатель наканунѣ нашего вѣка не зналъ, какъ выразить свое счастье въ званіи человѣка и какой комплиментъ сказать человѣчеству. Кончилъ тѣмъ, что человѣка поставилъ выше ангеловъ, а народъ объявилъ «истинно-человѣческой породой».

За идеей быстро слѣдовали факты. Пришли творцы революціи...

Какое *вдохновенное* законодательство! Сколько рѣчей, похожихъ на гимны, и гимновъ, признанныхъ за политическія программы! Сколько созданій художественнаго воображенія и лирическаго чувства, принятыхъ за продуктъ строгой логической мысли! Законодатели не различали правды отъ поэзіи и дѣлали исторію по часамъ, ослѣпленные вѣрой въ материнское сочувствіе природы и дѣтскую воспріимчивость народа.

Отрезвленіе не заставило ждать себя и похмелье оказалось безпощадно-горькимъ и ядовитымъ. Вожди революціи гибли одинъ за другимъ. Гильотина съ одинаковымъ желѣзнымъ упорствомъ рубила головы политикамъ и философамъ, ученымъ и поэтамъ...

Кто управлялъ ею? Кто могъ стерпѣть столько крови? Какъ могла сорокатысячная толпа смотрѣть спокойно, когда ея короля везли на казнь и вскорѣ затѣмъ привѣтствовать смерть его же убійцъ?

Очевидно, надъ событіями царствовала сила, невѣдомая и недоступная ни одной изъ жертвъ, сила—новая и страшная своей новизной и загадочностью. Падали благороднѣйшія головы, и божество, рѣявшее надъ ними, представлялось смутнымъ, неумолимымъ призракомъ. Видѣли только, что призракъ бросалъ громадную тѣнь и тѣнь выростала съ каждымъ мгновеніемъ, грозила охватить весь міръ и поглотить все, что до сихъ поръ считалось на землѣ блестящимъ, великимъ, даже священнымъ.

Вскорѣ увидѣли и другое, уже совершенно неожиданное.

Таинственный духъ, очевидно, нисколько не былъ заинтересованъ ни въ личностяхъ, ни въ ихъ идеяхъ. Онъ шелъ какимъ-то особеннымъ, своимъ путемъ, будто буря, уничтожая на пути все рослое и упругое.

Раздавивъ идеалистовъ революціи, онъ теперь присутствовалъ при трагической судьбѣ ея уродливѣйшаго дѣтища—перваго французскаго цезаря. Сначала онъ вознесъ корсиканца на вершину славы, увѣнчалъ его короной, потомъ допустилъ изнывать въ униженіи и неволѣ. А пока вѣнчалъ другихъ избранниковъ, также свергалъ ихъ одного за другимъ, забывая о нихъ на другой день послѣ событія...

Чего хотѣла эта сила? Ясно было одно: для нея не было ни героевъ, ни боговъ, завѣщанныхъ преданіемъ. Всѣхъ, кто мечталъ безъ ея вѣдома устроить ея благополучіе, или кто, созданный ею, дерзалъ отдѣлиться отъ нея,—всѣхъ одинаково постигала карающая рука. «Всѣ, кто не со мной—тотъ противъ меня», говорилъ новый дѣлатель исторіи, и не хотѣлъ терпѣть ничего индивидуальнаго, ничего обособленнаго, будь это подвижники идеи или герои войны.

Тогда страшная тоска охватила человѣка. Личность, въ теченіе вѣковъ и еще такъ недавно самоувѣренно располагавшая судьбами міра, теперь почувствовала себя безнадежно-униженной.

«Героевъ больше не надо», «преобразователи и вожди—старый бредъ, непригодный къ жизни», «все исключительное и обособляющееся подлежитъ упраздненію»,—такія рѣчи звучали непрерывно въ каждомъ новомъ событіи, скрѣплялись каждымъ шагомъ вновь явившейся власти.

Вы помните одну изъ остроумнѣйшихъ сценъ русской комедіи? Герой, переполненный пламенными чувствами, принимается поучать толпу, изливать скорби наболѣвшей души. Его нѣкоторое время слушаютъ, но скоро всѣ одинъ за другимъ расходятся и рѣчь героя тонетъ въ звукахъ вальса, и мысли его развѣяны танцемъ... Какое совпаденіе смѣха и слезъ!

То же самое произошло въ Европѣ въ началѣ нынѣшняго вѣка. Послѣ многолѣтнихъ проповѣдей и поученій вдругъ оказалось безцѣльнымъ проповѣдывать и учить. Не стало ни учениковъ, ни слушателей. Всѣ идеалы, теоріи, системы смывались могучимъ потокомъ безъ разбора и безъ пощады. Волна исторіи неслась куда-то къ другой цѣли, какая не грезилась политикамъ и философамъ.

Что долженъ былъ почувствовать Чацкій, увидѣвъ бѣгство

толпы въ отвѣтъ на его страстныя рѣчи? Онъ долженъ былъ въ ту же минуту сообразить, что ему нѣтъ здѣсь мѣста и враждебное чувство къ этимъ людямъ невольно наполнило его сердце.

То же произошло съ отдѣльными личностями въ началѣ нашего вѣка. Тоскующіе и розочарованные герои заполонили литературу. И имъ предстояло множиться и все глубже отчаяваться въ своей силѣ. Чѣмъ дальше развивалась исторія, тѣмъ все шире сцена ея захватывалась толпой и тѣмъ меньше оставалось мѣста избраннымъ мыслителямъ и свободно вдохновеннымъ художникамъ. И, наконецъ, политическая власть и власть увѣнчивать таланты и создавать возможную на землѣ справедливость окончательно перешла въ руки силы безличной, смутной, но непобѣдимой въ своемъ стихійномъ могуществѣ. Имя этой силы—*толпа* и она своимъ значеніемъ сообщила рѣзкій своеобразный характеръ девятнадцатому вѣку.

Вѣнцомъ ея усилій было узаконеніе всеобщей подачи голосовъ въ конституціяхъ. Отнынѣ она становилась распорядительницей государственнаго порядка и общественнаго благополучія. Она—истинный монархъ современнаго свободнаго государства, она—первоисточникъ всякой власти и ея единственный верховный судья. Естественно, все, что способно служить обществу умомъ, талантомъ, ученостью является слугой этого государя. Писатель творитъ ради его одобренія, политикъ составляетъ программы своей дѣятельности и произноситъ краснорѣчивыя рѣчи въ разсчетѣ на его вниманіе и сочувствіе, ученому грозитъ одиночество, забвеніе и упреки въ тунеядствѣ и гражданскомъ равнодушіи, если онъ вздумаетъ затворить двери своего кабинета предъ тѣмъ же господиномъ и дѣлиться сокровищами своей науки только съ одними избранными.

Когда-то вполнѣ безнаказанно можно было бросать презрительные взоры на сѣрое скопище людей, именуемое на поэтическомъ языкѣ чернью, на политическомъ—толпой. У поэтовъ имѣлись благородные покровители и тонкіе цѣнители, государственные люди отличались предъ своими повелителями и предъ мнѣніемъ почтеннаго и высшаго общества, какое имъ было дѣло до настроеній улицы? Даже Шекспиръ, отнюдь не изящный франтъ и не блюдолизъ, истинный англійскій плебей по широтѣ натуры, по непосредственности вкусовъ, по свободѣ здраваго вкуса, даже онъ съ пренебреженіемъ толкуетъ о привѣтствіяхъ толпы и съ уваженіемъ о судѣ знатоковъ. Даже онъ не понимаетъ и не желаетъ понимать разумныхъ стремленій, политической мудрости, иногда присущихъ собранію простого народа. И онъ—сынъ крестьянина—не жалѣетъ красокъ для изображенія грубыхъ наклонностей, тупоумія и нравственной посредственности, будто бы неизбѣжно отличающихъ толпу. Онъ желаетъ быть для нея аристократомъ, человѣкомъ не ея міра и не ея ума.

Такъ мыслилъ и чувствовалъ свободнѣйшій поэтъ свободной Англіи! Что же было на континентѣ, гдѣ не смѣли и думать о свободѣ и о гражданскомъ достоинствѣ человѣка безъ мундира и предковъ? Вотъ одинъ краснорѣчивый примѣръ.

Знаменитый испанскій поэтъ Аларконъ, многому научившій Мольера, печатно обращался къ толпѣ съ самой откровенной

бранью, называлъ ее дикимъ звѣремъ, каналья, изобличалъ въ тупости и несправедливости, заранѣе признавалъ свои произведенія никуда не годными, если они понравятся ей, и находилъ утѣшеніе только въ джентльменахъ, всегда проницательныхъ и благосклонныхъ.

Эта удивительная рѣчь—образчикъ вообще всѣхъ молчаливыхъ или громкихъ чувствъ старыхъ поэтовъ. На ихъ языкѣ за словомъ народъ непремѣнно слѣдуетъ опредѣленіе тупоумный, *le peuple stupide,* за выраженіемъ толпа еще болѣе сильная характеристика—неблагодарная, безстыдная, не знающая упрековъ совѣсти, ненавидящая своихъ доброжелателей и бѣгущая за льстецами...

Политики также не стѣснялись ни въ словахъ, ни въ дѣйствіяхъ. Тамъ, гдѣ поэты сочиняли жестокіе стихи, они пускали въ ходъ соотвѣтствующія мѣры или просто не желали считаться съ двуногимъ стадомъ въ своихъ самыхъ мудрыхъ предначертаніяхъ. Панюржъ у Рабле отлично представляетъ эту породу правителей народовъ: имъ достаточно знать 63 способа получать доходы и 214 способовъ дѣлать расходы, а что думаютъ на этотъ счетъ жуки, улитки и ягнята—это касается исключительно ихъ самихъ.

И вдругъ столь покойный и благородный порядокъ вещей рѣзко мѣняется! Улитки не желаютъ больше хорониться въ своихъ раковинахъ и ягнята блистать кротостью и молчаливымъ послушаніемъ. Они проявляютъ очень назойливый интересъ къ способамъ своихъ пастуховъ получать доходы и дѣлать расходы. Этимъ самымъ они выражаютъ притязаніе вмѣшиваться вообще въ ходъ государственной и общественной жизни и косвенно посягаютъ на свободу и аристократическую неприступность искусства и науки.

Потокъ ростетъ неудержимо. Толпа врывается всюду и требуетъ къ себѣ самаго пристальнаго вниманія. Сначала она становится госпожей въ театрѣ. Она занимаетъ партеръ и налагаетъ властную руку на поэзію и сцену. Она требуетъ, чтобы писатели занимались ею, ея интересами и ея идеями. Разные герои, короли и принцы должны очистить мѣсто простымъ мѣщанамъ и даже мужикамъ. И эти люди явились на всенародное зрѣлище со всею непринужденностью своего языка и своихъ манеръ и принялись поучать изощренныхъ эстетиковъ естественности творчества, житейской правдѣ и даже государственной мудрости и всякимъ другимъ идеаламъ.

И тотъ же канунъ нашего столѣтія увидѣлъ поразительныя сцены не на сценѣ, а среди самой публики. Раньше, чѣмъ революція создала свободу и равенство, театральный партеръ уже давно присвоилъ себѣ эти права. Онъ, по собственному усмотрѣнію, распоряжался содержаніемъ и смысломъ пьесъ, ихъ судьбой и славой авторовъ. Онъ не стѣснялся выражать какія угодно свои чувства, и непремѣнно въ свою, плебейскую пользу, вызывающе хохоталъ надъ глупымъ господиномъ, свисталъ развратному придворному и восторженно рукоплескалъ честному буржуа, разсудительному крестьянину и неприступной крестьянской дѣвушкѣ. Онъ дѣлалъ политику, еще не имѣя права быть политическимъ собраніемъ. Онъ производилъ сильнѣйшее впечатлѣніе на прави-

тельство путемъ аплодисментовъ и свистковъ. Это было вѣрнымъ предзнаменованіемъ другихъ, несравненно болѣе внушительныхъ воздѣйствій и на другомъ, менѣе всего увеселительномъ поприщѣ.

И толпа, дѣйствительно, скоро увидѣла себя на ораторскихъ трибунахъ, на депутатскихъ скамьяхъ, въ министерскихъ креслахъ. Всюду явились ея избранники, ея близкіе знакомые, покорные и родные ей люди.

Съ первыхъ же дней новой исторіи — толпа настоящая властительница положенія. Подъ ея контролемъ и крайне напряженнымъ вниманіемъ народные представители развиваютъ основы новаго государственнаго строя. Въ началѣ она сравнительно скромно и спокойно присутствуетъ при непривычномъ для нея зрѣлищѣ, но проходитъ всего нѣсколько мѣсяцевъ, и галлереи управляютъ ходомъ всего движенія. Тотъ ораторъ великъ и знаменитъ, кого онѣ осыпаютъ рукоплесканіями, наоборотъ—опозоренный криками негодованія долженъ заживо умереть и покинуть сцену дѣйствія. Никакія благія намѣренія и блескъ таланта не спасутъ его отъ трагической участи: онъ не угодилъ народу, онъ врагъ народа, и часто до отдаленнаго потомства съ его именемъ будетъ неразлученъ этотъ небывалый смертный приговоръ.

Пусть обиженные и уничтоженные какъ угодно обзываютъ своего врага: populace, canaille miserable, troupeau humain: чѣмъ рѣзче наименованіе—тѣмъ краснорѣчивѣе безсиліе побѣжденныхъ. И съ этихъ поръ народится особая порода гордыхъ отшельниковъ и одинокихъ протестантовъ. Они прямые потомки прежнихъ тонко-художественныхъ натуръ и недосягаемо возвышенныхъ мыслителей, но какая несоизмѣримая разница въ положеніи и чувствахъ!

Раньше можно было презирать спокойно и къ великому собственному удовольствію, ни слава, ни земныя блага отъ этого не страдали, напротивъ, презрѣніе къ черни окружало ученаго и поэта особо-возвышеннымъ ореоломъ. Не то теперь.

Толпа стала силой, совершенно неуязвимой для какого угодно олимпійскаго пренебреженія. Приходится волноваться болѣе глубокими и мучительными чувствами, надо поискать въ словарѣ болѣе убѣдительныхъ и серьезныхъ словъ. И современные аристократы идей усиленно ищутъ. Они стараются раскрыть опасности, какими грозитъ толпа міровой цивилизаціи. Поражающими красками они рисуютъ ея варварскіе вкусы, ея вѣчную наклонность къ вандализму и грубѣйшимъ матеріалистическимъ вожделѣніямъ. Въ такой средѣ идеальный мыслитель и художникъ являются мучениками своего генія, существами высшей породы, попавшими въ рабство къ дикарямъ и полуживотнымъ.

И сколько гнѣва и страсти умѣлъ высказать даже вѣчно ясный и радостно-безразличный Ренанъ, сочиняя своего Калибана! Какой ужасъ разсчитывалъ онъ внушить своимъ просвѣщеннымъ читателямъ, изображая гибель искусства подъ мертвящимъ безсмысленнымъ деспотизмомъ толпы! Цѣлый свѣтлый міръ готовъ погибнуть безслѣдно со всѣми волшебными образами поэзіи и чарующими звуками музыки, со всей несказанной красотой вѣ-

ковой цивилизаціи. И не будь Ренанъ по природѣ такимъ неизлѣчимо жизнерадостнымъ эпикурейцемъ, въ его рѣчи звучали бы слезы и проклятія: онъ вѣдь искренно вѣрилъ въ смерть высокихъ идеаловъ предъ натискомъ толпы.

У другихъ и звучатъ эти проклятія. Ни одна эпоха не знала такой мучительной погони за чистымъ искусствомъ. Никогда міръ не видалъ ничего, похожаго на болѣзненное отвращеніе современнаго символизма къ публикѣ, къ рядовому человѣчеству, къ «филистимлянамъ» и «самаритянамъ» и никогда не возникало философскаго пессимизма на почвѣ ненависти и презрѣнія—не къ жизни, не къ человѣческой природѣ вообще, а именно къ толпѣ, къ улицѣ.

Прочтите искреннѣйшія признанія Шопенгауэра, вы будете поражены какимъ-то органическимъ, безотчетнымъ отвращеніемъ къ самой идеѣ объ обыкновенномъ, заурядномъ человѣкѣ. Смотритъ ли философъ на Аполлона Бельведерскаго, ему грезится, будто страстное негодованіе и презрительный жестъ бога музъ направленъ на «филистимлянъ», т. е. въ толпу, этотъ «источникъ вѣчной глупости», божество только что метало свои стрѣлы. Вдумывается ли философъ въ теченіе человѣческой исторіи, онъ убѣждается въ необыкновенномъ, въ высшей степени гордомъ аристократизмѣ *природы*. Именно она крайне скупо создаетъ избранныхъ личностей и пригоршнями сѣетъ плебеевъ. На десять тысячъ черни приходится развѣ только одинъ патрицій и на цѣлые милліоны—одинъ принцъ. Все и всюду — *толпа* и, по естественному закону, аристократы по природѣ не должны смѣшиваться съ толпой, все равно, какъ живутъ отдѣльно и недосягаемо высшія привилегированныя сословія государства. Терпимость великихъ людей къ посредственностямъ—не добродѣтель, а просто высшая степень презрѣнія. Великій человѣкъ не смотритъ на другихъ, какъ на подобныхъ себѣ и, конечно, не можетъ предъявлять имъ серьезныхъ требованій. Онъ такъ же терпимо относится къ нимъ, какъ и къ животнымъ; нельзя же животныхъ упрекать въ безсмысліи и животности!

И сколько разъ философъ принимался оплакивать судьбу генія рядомъ съ толпой! Живетъ онъ будто въ пожизненной ссылкѣ на пустынномъ островѣ, никогда ему не приходится встрѣтиться съ существомъ близкимъ и родственнымъ, кругомъ одни только обезьяны и попугаи. И сколько усилій ему требуется, чтобы вѣчно подавлять свое настоящее мнѣніе о жалкихъ ничтожествахъ, даже когда они изъявляютъ свои восторги предъ его величіемъ и силой!

Вслѣдъ за Шопенгауэромъ явится аристократъ по природѣ, еще болѣе откровенный. Презрѣніе къ толпѣ, къ человѣческому стаду подскажетъ Нитче образъ сверхчеловѣка, особаго существа, имѣющаго законное право бросать себѣ подъ ноги тысячи «ариѳметическихъ единицъ» и строить пьедесталъ своей власти на человѣческихъ жизняхъ, будто на извести и камняхъ. Философъ закончитъ свою духовную жизнь сумасшествіемъ, онъ убѣдится, что онъ никто иной, какъ творецъ міра. И умственный свѣтъ навсегда исчезнетъ для несчастнаго генія...

Странная участь! Повидимому, нѣтъ ничего спокойнѣе и завиднѣе для человѣка глубокой увѣренности въ личномъ недося-

гаемомъ превосходствѣ надъ всѣмъ окружающимъ міромъ. Къ чему волноваться надеждами или лишеніями, разъ все человѣческое до такой степени ничтожно и пошло? Мудрецъ доволенъ самимъ собой,—говорили стоики и безукоризненно слѣдовали этой истинѣ. Они дѣйствительно сторонились отъ современной толпы и не переживали въ своемъ одиночествѣ никакихъ драмъ, мирно и счастливо занимались перепиской другъ съ другомъ, читали сочиненія лучшихъ писателей и боялись только одного: какъ бы какой-нибудь Неронъ не заставилъ ихъ умереть именноза это слишкомъ полное и обособленное счастье.

А въ наше время одинъ аристократъ мысли сходитъ съ ума, съ другимъ совершается нѣчто еще болѣе удивительное. Ужъ, кажется, на что краснорѣчивѣе аристократической гордости Шопенгауэра, а между тѣмъ этотъ геній въ теченіе всей жизни страдальчески изнываетъ о славѣ, о популярности какъ разъ среди столь презираемато человѣческаго стада. И самый гнѣвъ его возрастаетъ и становится надменнѣе не потому, что философъ видитъ все худшихъ «филистимлянъ», а потому, что эти несчастные долго не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на честолюбиваго пессимиста. А когда, наконецъ, начинается слава, у Шопенгауэра нѣтъ высшаго интереса, какъ слѣдить именно за ростомъ этой славы.

Какимъ наивнымъ, юношески влюбленнымъ трепетомъ дышитъ его переписка съ преданнымъ ученикомъ! Онъ желаетъ знать, въ какомъ количествѣ экземпляровъ расходятся его портреты, высчитываетъ, сколько храмовъ будетъ ему воздвигнуто послѣ его смерти, едва не падаетъ въ обморокъ, когда восхищенный поклонникъ цѣлуетъ ему руку...

И все это имѣетъ прямое отношеніе къ тѣмъ самымъ плебеямъ, какіе, въ глазахъ мудреца, равны животнымъ! Противорѣчіе, убійственное для нашего аристократа, но, очевидно, неизбѣжное. Попугаи и обезьяны своими гримасами и крикомъ способны смутить даже единственнаго человѣка на пустынномъ островѣ и заставить его внимательно прислушиваться и присматриваться къ дикому зрѣлищу. Какая, надо думать, великая притягательная сила заключена въ толпѣ, столь бѣдно одаренной и столь безнадежно неразвитой!

II.

Утвердительные отвѣты идутъ со всѣхъ сторонъ. Толпа становится столь же избраннымъ мотивомъ литературы и любопытнѣйшимъ предметомъ психологіи, какимъ раньше были герои и люди. Казалось бы, совершенно немыслимо представить драму безъ центральной фигуры, безъ единой личности, сосредоточивающей на себѣ интересы окружающаго міра, и между тѣмъ современные драматурги рѣшаютъ задачу совершенно обратную.

Они желаютъ показать публикѣ величайшія историческія событія, безъ вождей и единоличной управляющей силы. Попытка Гауптмана въ *Ткачахъ* привлекла всеобщее вниманіе тамъ, гдѣ искони создавались всевозможныя, философски-развитыя теоріи искусства, и ученые соотечественники драматурга готовы про-

возгласить его основателемъ новой драмы, соотвѣтствующей общему духу нашего вѣка: драмы толпы, массы, вмѣсто трагедіи личности.

И на помощь искусству идетъ наука. Она безпощадно уничтожаетъ, одну героическую легенду за другой, развѣнчиваетъ все тѣхъ же бѣдныхъ героевъ ради все той же безличной толпы и посягаетъ какъ разъ на самыя поэтическія преданія прошлаго.

Ей не жаль отнять у романтическаго воображенія Вильгельма Телля, Орлеанскую Дѣву. Ея *правда* гласитъ: всюду дѣятелемъ и вдохновителемъ была народная масса, именно то стадо, какое даже стыдились выводить классики на свою сцену. И будущій дѣйствительно реальный поэтъ долженъ отодвинуть на второй планъ красивыя сказки о сверхчеловѣческомъ героизмѣ и заполнить сцену «цифрами». Для него это будетъ несравненно труднѣе, чѣмъ изобразить самаго грознаго и знаменитаго генія.

Проникнуть въ душу толпы, прослѣдить причины ея столь измѣнчивыхъ и столь мощныхъ нравственныхъ движеній гораздо болѣе сложная психологическая задача, чѣмъ раскрыть душевныя тайны хотя бы даже Лира, Гамлета, Юлія Цезаря. Здѣсь можно сосредоточиться на опредѣленныхъ идеяхъ героя, на его заранѣе установленныхъ инстинктахъ и свойствахъ, а толпа... Она у Шекспира устами одного изъ своихъ вожаковъ говоритъ о себѣ: «умы наши слишкомъ пестры». И пестрота, очевидно, до такой степени сложная и трудно уловимая, что величайшій драматургъ предпочитаетъ отдѣлаться отъ нея мимолетными замѣчаніями, односложными перебранками и превратить толпу въ смутный фонъ для величественной фигуры героя.

И до сихъ поръ всемірная литература не знаетъ поэта, умѣвшаго проникнуть въ таинственный міръ массовой психологіи. Не знаетъ такого Колумба и наука. Она, повидимому, твердо рѣшила отречься отъ культа героевъ и часто даже наноситъ совершенно неосновательныя оскорбленія великимъ людямъ, укорачивая и принижая ихъ въ интересахъ разныхъ вліяній, среды и обстановки. Исторія старается создать новое направленіе во имя «почвы» и «атмосферы» и въ ущербъ личной оригинальности и иниціативы историческихъ дѣятелей. Но это значитъ, она только предчувствуетъ свою истину, разобраться въ ней не можетъ. Безчисленное число разъ изображалась, напримѣръ, фигура Лютера, описывалась съ величайшими подробностями личность Наполеона. Обѣ темы были чистымъ утѣшеніемъ для историковъ-художниковъ. Безъ сомнѣнія, онѣ еще долго будутъ разрабатываться любителями пріятной, но, по нынѣшнимъ временамъ, мало благодарной и слишкомъ элементарной работы.

Мы не вѣримъ больше въ геніальное, непреодолимо-могущественное вдохновеніе личности, мы твердо помнимъ предѣлы человѣческой воли, разъ ей приходится встрѣчаться съ равнодушіемъ и враждой. По нашему мнѣнію, только на театральной сценѣ да еще развѣ у наивнаго историка-анекдотиста толпу можно двинуть на какое угодно дѣло басней о желудкѣ или дѣтскими посулами. Мы увѣрены, толпа дѣйствовала такъ, а не иначе, не по одному мгновенному увлеченію, не подъ неотразимой властью человѣка—полубога, а на основаніи давнишнихъ стремленій и инстинктовъ, воспитанныхъ, можетъ быть, годами и десятилѣтіями и только

ждавшихъ случая обнаружиться. Герой сказалъ толпѣ нужное ей слово и двинулъ ее не столько силой своей рѣчи, сколько удачнымъ совпаденіемъ своихъ словъ съ ея уже готовыми представленіями.

Да, это внѣ сомнѣнія, и только такимъ соображеніемъ можно объяснить множество фактовъ, весьма нелестныхъ для героической славы вождей и вдохновителей. Почему, напримѣръ, герои, бывшіе сначала явно впереди толпы и влекшіе ее за собой, весьма скоро становятся ея рабами, идутъ за ней часто противъ воли или съ ужасомъ отступаютъ въ сторону отъ движенія, ими же, повидимому, и вызваннаго?

Это именно повторялось со всѣми вождями революціи. Неудержимый потокъ или влекъ ихъ вплоть до террора, или смылъ ихъ съ пути и они съ ужасомъ слѣдили за бурной стихіей, не имѣя средствъ остановить ее, ни силъ пристать къ ней. А Лютеръ, такъ тотъ даже изрекъ проклятіе на толпу, вздумавшую свободу религіознаго чувства основать на гражданской свободѣ.

И неужели вы поставите этихъ людей въ центрѣ историческаго движенія послѣ того, какъ они стали его жертвами или въ лучшемъ случаѣ его слугами? Неужели вы все еще будете заставлять ихъ произносить громкія рѣчи и показывать толпу, гипнотически подчиняющуюся оратору? Вы, напротивъ, должны признать,—вся сила оратора въ способности и готовности толпы отозваться на его рѣчь и судьба его задачи зависитъ исключительно отъ нравственныхъ связей, заранѣе существовавшихъ между его идеями и затаенными желаніями его слушателей. Вы, слѣдовательно, обязаны направить всю силу психологическаго анализа на массу и здѣсь прежде всего выяснить тайну величія и успѣховъ героя.

И мы начинаемъ усердно заниматься вопросомъ. Мы знаемъ, значеніе толпы будетъ расти непрестанно и все настоятельнѣе придется считаться съ ней рѣшительно во всѣхъ областяхъ современной умственной и практической жизни. Въ политикѣ—все начинается и кончается толпой. Она выбираетъ представителей народа, она же потомъ возникаетъ среди этихъ самыхъ представителей. А страшныя экономическія задачи нашего столѣтія? Эти безпрестанныя забастовки, стачки, нерѣдко настоящіе бунты. Здѣсь самое подлинное и неограниченное царство толпы, со всей ея стремительной, загадочной психологіей, со всей грозой неожиданныхъ вспышекъ и потрясающихъ преступленій. Наконецъ, современная университетская аудиторія, хотя бы въ ученѣйшей европейской странѣ, въ Германіи... Преданіемъ сѣдой старины приходится считать спокойное и кабинетно-ученое слово какого-нибудь Ранке. Теперь съ каѳедры безпрестанно раздается пароль той или другой политической партіи, часто прямое воззваніе къ молодежи. И она привѣтствуетъ профессора, будто оратора въ парламентѣ или на митингѣ и по его политикѣ распредѣляетъ свою признательность и свое равнодушіе. Развѣ она также не толпа? Развѣ ея не волнуютъ страсти данной минуты и развѣ *историческое* прославленіе Фридриха *прусскаго* менѣе способно взволновать прусскія сердца, чѣмъ открытое славословіе Вильгельму II? И развѣ судьбу города Страсбурга при Людовикѣ XIV

нельзя разсказать съ самымъ современнымъ патріотическимъ волненіемъ?

И университеты ежедневно внимаютъ этимъ рѣчамъ и разсказамъ и заранѣе воспитываютъ въ своихъ аудиторіяхъ политическую толпу. Студенты являются въ парламентъ, на народную сходку готовыми бойцами и повторяютъ все тѣ же сцены изъ своей молодости, только съ еще большей свободой и авторитетомъ.

Да, толпа—истинный герой нашего времени, и естественно ея психологія становится излюбленнымъ вопросомъ ученыхъ и публицистовъ. На всѣхъ языкахъ появляется множество статей, цѣлыхъ книгъ на жгучую тему. Авторы собираютъ факты, стараются объяснить ихъ съ помощью закона, какой-нибудь общей истины. Это необходимо не только въ научныхъ цѣляхъ. Толпа безпрестанно совершаетъ противозаконія, необъяснимыя ни нравственно, ни логически.

Французскіе углекопы предаютъ жестокой казни инженера, менѣе всего виноватаго въ ихъ бѣдствіяхъ. Неаполитанское населеніе разрѣзываетъ на части гражданина, отдавшаго голоднымъ все свое достояніе и раньше никогда не проявлявшаго безсердечія и жадности... За что эти жертвы? Какая злая сила могла подвинуть массу людей на безцѣльное и не заслуженное кровопролитіе? И притомъ, достовѣрно можно сказать, каждый порознь изъ нихъ врядъ ли совершилъ бы убійство. Надъ нимъ будто отяготѣла какая-то темная власть, лишь только онъ явился однимъ среди тысячи.

Еще поразительнѣе сцены не на улицѣ, не съ героями-пролетаріями, а съ культурнѣйшими гражданами страны. На Западѣ въ рѣдкомъ парламентѣ не происходило за послѣднее время самыхъ отталкивающихъ сценъ. Даже англійскій не можетъ устоять предъ искушеніемъ и даетъ спектакли, не имѣющіе имени на парламентскомъ языкѣ. И послушайте, какъ одну изъ подобныхъ сценъ описываетъ очевидецъ, знаменитый вождь ирландской партіи, Макъ-Карти! Въ описаніи нѣтъ ни одной преувеличенной черты. Представьте, вамъ пришлось бы услышать его безъ названія времени и мѣста дѣйствія? Могли бы вы догадаться, что драма совершалась въ конституціонномъ собраніи свободнѣйшей и политически-даровитѣйшей націи всего міра?

«Какъ дико забавны были лица!—разсказываетъ депутатъ.—Казалось невѣроятнымъ, что эти люди, орущіе, привскакивающіе, мечущіеся, размахивающіе руками, какъ сумасшедшіе, джентльмэны, отцы семействъ, ученые, люди высшаго положенія въ обществѣ, образцовые денди, аристократы... Ни одинъ изъ этихъ людей, взятый отдѣльно, не былъ способенъ къ грубому оскорбленію, всѣ вмѣстѣ они представляютъ безпорядочно мятущуюся толпу вырвавшихся на волю паціентовъ Бедлама. Эти люди которые воютъ, будто спущенныя съ цѣпи собаки, не выказали бы ни малѣйшаго волненія, если бы имъ пришлось броситься со шпица св. Павла. Этотъ великій человѣкъ желѣзныхъ дорогъ, который теперь глядитъ какъ бѣшеный, сохранилъ бы невозмутимую физіономію и пріятную улыбку, если бы ему объявили крахъ его дорогихъ спекуляцій и банкротство»...

*

Молодая дѣвушка, видѣвшая эту картину—не могла, говоритъ авторъ, придти въ себя отъ изумленія, какъ разумныя существа могутъ дѣлать изъ себя такое грубое и низменное зрѣлище?

Французскій парламентъ множество разъ былъ свидѣтелемъ еще болѣе удивительныхъ происшествій. Удивительны они не энергіей жестовъ и криковъ: въ этомъ отношеніи врядъ ли когда какое политическое собраніе превзойдетъ современный австрійскій рейхсратъ. Несравненно любопытнѣе порывъ видимой безотчетности въ словахъ и дѣйствіяхъ, овладѣвающій толпой законодателей. Какъ, напримѣръ, разобраться въ такомъ фактѣ?

Депутаты явились въ палату спокойные, твердо знающіе программу своихъ отношеній къ министерству. Они ни подъ какимъ видомъ не желаютъ его гибели: напротивъ, они его признанное и испытанное большинство. Вдругъ во время преній всплываетъ какой-нибудь совершенно ничтожный вопросъ, просто даже министръ неудачно выразился или депутаты оппозиціи ловко изловили министра на пустяшной ошибкѣ или, что особенно ужасно, мнимомъ укрывательствѣ фактовъ. Начинаются дебаты. Температура поднимается. Присущее всякому народному представителю желаніе не совершить поруху своему депутатскому достоинству, не прослыть угодникомъ власти и администраціи, вступаетъ во всѣ свои права. Вопросъ принимаетъ критическій, конституціонный характеръ, идетъ на голоса, и министерство оказывается въ меньшинствѣ.

Какъ это случилось? Никто изъ виновниковъ сцены, всего нѣсколько минутъ назадъ дружественныхъ министерству, не въ состояніи объяснить. Исторія помнитъ въ особенности одинъ поразительный случай въ этомъ духѣ, именно наканунѣ февральской революціи. Вопросъ шелъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ о судьбѣ династіи. У власти стояло либеральное министерство и только оно могло предотвратить катастрофу. Фактъ сознавала почти вся палата, за исключеніемъ совершенно невмѣняемыхъ реакціонеровъ.

И все-таки непоправимый шагъ къ революціи былъ сдѣланъ въ нѣсколько минутъ. Дебаты начались по третьестепенному вопросу и увлекли умѣренныхъ либераловъ и завѣдомыхъ роялистовъ. Въ порывѣ протеста всѣ они или голосовали противъ министерства, или совсѣмъ не голосовали. Голосованіе состоялось и въ палатѣ, разсказываетъ очевидецъ, воцарилось мучительное волненіе. Съ замираніемъ сердца ждали рѣшенія министровъ и не одинъ депутатъ, только что помогшій ихъ паденію, чувствовалъ жестокое раскаяніе. Министровъ быстро окружила толпа съ соболѣзнованіями и изумленіями. Но дѣло проиграно, собраніе законодателей закрылось при конфузѣ большинства, неожиданно для себя совершившаго преступную шалость.

И такихъ приключеній множество. Правда, они возможны преимущественно въ очень политически неопытной средѣ, гдѣ страсти идутъ впереди идей и впечатлѣнія минуты сильнѣе принциповъ и убѣжденій. Но знаменательна не эта связь незрѣлости съ опрометчивостью. Любопытна внезапность событій, отсутствіе въ нихъ видимаго смысла даже для самихъ виновниковъ. Любопытна въ особенности нравственная перемѣна, охватившая каждаго человѣка отдѣльно и толкнувшая его на поступокъ, вовсе ему не нужный и въ его же собственныхъ глазахъ безразсудный.

Есть здѣсь какая-нибудь логика? Говорятъ, всѣ факты имѣютъ свою причину и, слѣдовательно свое разумное объясненіе. А между тѣмъ, предъ нами нѣчто необъяснимое не только для насъ, но и для самихъ героевъ. Попавъ въ толпу, они будто хватили отравляющаго газа, утратили ясность мысли и способность отдавать отчетъ въ своихъ словахъ и поступкахъ. Гдѣ же скрывался этотъ ядъ? Вѣдь толпа состояла изъ такихъ же здоровыхъ и разсудительныхъ людей. Они это наглядно доказываютъ, раздѣляя общее негодованіе на совершившійся фактъ и со стыдомъ вспоминая свое участіе въ немъ.

Скажутъ, всѣ эти люди грубы отъ природы, прирожденные бойцы и гладіаторы и рады случаю развернуть силу легкихъ и мускуловъ. Но тогда чѣмъ же объясняется фактъ, засвидѣтельствованный исторіей всѣхъ историческихъ движеній? Женская толпа оказывается самой жестокой и кровожадной. Во время французской революціи ужаснѣйшія преступленія совершались женщинами. Онѣ превращались въ настоящихъ каннибаловъ, разрывали на части убитыхъ и, случалось, поѣдали ихъ сердца. Именно женщины обнаруживали неукротимую ярость противъ Маріи-Антуанетты, требовали четвертовать ее, изъ внутренностей надѣлать кокардъ и отдать на съѣденіе толпѣ ея сердце. И только женщинамъ приходили на умъ эти каннибальскія рѣчи.

То же самое свидѣтельствуетъ и исторія народнаго движенія при реформаціи. Толпы подъ предводительствомъ женщинъ, совершали самыя жестокія опустошенія и заклинаніями фанатизировали людей до полной потери человѣческаго чувства. И такъ дѣйствовали даже молодыя и красивыя дѣвушки.

Какое можно вывести заключеніе? Можно ли признать, что природа женщинъ сама по себѣ болѣе наклонна къ жестокости и крови? Доказать этого нельзя на основаніи наблюденій надъ обычными фактами преступности. Слѣдовательно, и здѣсь вся тайна въ какой-то силѣ, обнаруживающей себя только при извѣстныхъ условіяхъ. Стоило нѣсколькимъ личностямъ сойтись вмѣстѣ и получилось нѣчто новое, чего раньше нельзя было подозрѣвать ни въ одной изъ нихъ порознь. Будто два газа, въ извѣстномъ соединеніи дающіе жидкость.

И какое громадное участіе эта сила принимала въ величайшихъ событіяхъ исторіи! Возьмите, напримѣръ, біографію Наполеона, удалите со сцены толпу, вы этимъ самымъ вычеркните изъ исторіи рядъ ужаснѣйшихъ страницъ, какія только были написаны въ ней руками такъ называемыхъ великихъ людей. Эта ликующая парижская улица, встрѣчающая тріумфомъ генерала Бонапарта по возвращеніи изъ египетскаго, менѣе всего доблестнаго похода, это скопище людей, замирающее въ идолослужительскомъ восторгѣ предъ краснымъ консульскимъ мундиромъ, развѣ все это не пьедесталъ для сверхъчеловѣка! И вопросъ, сталъ ли бы этотъ просто человѣкъ сверхъчеловѣкомъ, если бы ему не подставило затылковъ и спинъ имъ же глубоко презираемое стадо?

И кто поручится, что подобное творчество толпы немыслимо и въ наше время, и въ отдаленномъ будущемъ. Никакіе Ренаны съ своей аристократической надменностью и божественной ясно-

стью души не спасутъ людей отъ громадной, всеохватывающей власти толпы. Презирать, обращаться въ бѣгство, пренебрегать весьма часто—значитъ свидѣтельствовать о безсиліи или неумѣньѣ бороться.

Мы должны совершенно иначе считаться съ историческимъ явленіемъ, какимъ бы ненавистнымъ и дикимъ оно ни казалось намъ. И врядъ ли какой еще вопросъ въ современной психологіи и общественной мысли можетъ поспорить своимъ всестороннимъ практическимъ значеніемъ съ вопросомъ о психологіи толпы, о нравственномъ и политическомъ значеніи этой отнынѣ первенствующей силы.

III.

Мы все время говоримъ по поводу статьи французскаго публициста Тарда и между тѣмъ не могли извлечь изъ нея ни одного поучительнаго факта, ни одного цѣннаго замѣчанія. Написано громадное разсужденіе, совершенно призрачнаго, неуловимаго содержанія. Писатель съумѣлъ только обнаружить обычныя аристократическія чувства большинства современныхъ литературныхъ знаменитостей. Онъ ненавидитъ и презираетъ толпу. Онъ собираетъ о ней скандальныя исторіи по сочиненіямъ Тэна, и ему и на умъ не приходитъ задать себѣ вопросъ, какой же смыслъ этихъ скандаловъ? И была ли капля логики и историческаго пониманія событій у автора, задавшагося цѣлью величайшее движеніе новаго времени свести къ нарушенію общественной тишины и порядка?

Жалкій народъ эти литературные аристократы мѣщанской крови! На каждомъ шагу факты бьютъ ихъ наповалъ, парламентъ даетъ самыя несообразныя представленія, періодическая печать безпрестанно лжетъ, клевещетъ, играетъ на низменныхъ инстинктахъ улицы, политическіе дѣятели занимаются словеснымъ фехтованіемъ на сценѣ и заушеніемъ уголовнаго кодекса за кулисами... А они, эти господа въ академическихъ кафтанахъ, пробавляются презрительными улыбками и крѣпкими словами. Будто когда-нибудь эти средства доставляли кому-либо пользу или удовольствіе, кромѣ самихъ улыбающихся и бранящихся!

Такъ и нашъ авторъ.

Его образецъ Тэнъ могъ сквозь свои очки, не видѣть самыхъ яркихъ явленій современной дѣйствительности и совершенно спокойно, съ помощью непарламентскихъ выраженій, уничтожать не только толпу, но даже всю демократію и созданный ею порядокъ вещей. Наивнѣйшій педантъ воображалъ, будто содержимое его чернильницы вполнѣ довлѣетъ противъ всѣхъ теченій жизни. Тардъ уже не можетъ раздѣлять ослѣпленія учителя.

Онъ искренне ужасается предъ неотразимымъ вліяніемъ толпы. Онъ понимаетъ, что современному писателю, поэту, философу нѣтъ ни малѣйшей возможности уберечься отъ гипнотизирующей власти улицы. Будь какая угодно оригинальная и сильная личность, она непремѣнно тѣсно соприкасается съ толпой: иначе она утратитъ всѣ пути идеями воздѣйствовать на внѣш-

ній міръ, т. е. потеряетъ даже право считаться сильной и творческой единицей.

Ужасное положеніе! Авторъ не желаетъ примириться съ нимъ. Ему нужны непремѣнно Манфреды, ораторствующіе на одинокихъ скалахъ, Демоны, снисходящіе до земли только ради какого-нибудь «одного созданія», ну хотя бы нѣсколькихъ сенъ-жерменскихъ дамъ, и ужъ никакъ ради «людского стада». Вопросъ, какъ же сохранить эту породу смертныхъ?

Нѣкоторые думаютъ, высшіе экземпляры человѣческой расы будутъ пощажены той же толпой. Она во имя благодарности къ ихъ благодѣяніямъ и въ восторгѣ предъ ихъ исключительными умами — предохранитъ ихъ отъ позорнаго приравниванія ихъ шалостей къ общему уровню.

Вы понимаете? Если нѣтъ, можете быть спокойны: и сами изобрѣтатели идеи, навѣрное, не понимаютъ ея, по крайней мѣрѣ, практическаго смысла. Недурна и логика. Толпа одарена непреодолимой властью привлекать къ себѣ всякую дѣятельную и даровитую личность и та же толпа будетъ ограждать одинокое самосозерцаніе избранныхъ умовъ. Какъ это она разрушитъ собственную свою природу и предастъ себя самоубійству—философы наши не входятъ въ подробности.

Тардъ разсчитываетъ на другое средство

Земледѣльцы щадятъ вершины горъ, не обезображиваютъ нивами и виноградниками не потому, чтобы они щадили родники воды въ нѣдрахъ этихъ горъ, а просто потому, что поверхность ихъ слишкомъ тверда и недоступна ихъ заступамъ. То же самое и великіе одинокіе геніи.

Они должны разсчитывать исключительно на свою способность сопротивляться уравнительнымъ вліяніямъ толпы. Только въ ихъ собственной устойчивости ихъ спасеніе.

И нельзя не сознаться, просвѣщенные соотечественники автора весьма широко примѣняютъ это средство. Они стараются создать изъ своихъ ученыхъ кабинетовъ и аудиторій своего рода Ѳиваиду, воздвигнуть непроницаемую стѣну между интересами и задачами внѣшняго міра и своими изысканными вкусами и умственными наслажденіями. Они представляютъ особую расу эстетическихъ трутней, счастливыхъ при единственномъ условіи: лишь бы ихъ не трогали въ ихъ углахъ. А тамъ пусть на улицѣ царитъ стонъ, даже льется кровь, избранная личность закроетъ поплотнѣе окно и создастъ развѣ новый трактатъ на тему звѣрской психологіи толпы и безплодныхъ надеждъ мудрецовъ дождаться отъ нея когда-либо человѣческихъ чувствъ и поступковъ.

Но, къ несчастью, толпа весьма наклонна врываться даже въ закрытыя помѣщенія и обшаривать самые укромные углы. Она уже это неоднократно совершала и съ дикими воплями вывала: намъ не надо ученыхъ и поэтовъ! И она бросала ихъ въ тюрьмы, рубила головы на гильотинѣ...

И кто знаетъ, покончила ли она навсегда съ этой дикой ненавистью даже въ культурнѣйшихъ странахъ міра? Кто поручится, что парижская улица, когда-то участвовавшая въ гибели первостепенныхъ ученыхъ прошлаго вѣка, откажется современемъ достойно возместить литературнымъ и ученымъ поносителямъ

Калибана? И развѣ мы не видимъ, какъ дешево цѣнитъ народъ современныхъ умственныхъ знаменитостей и какъ онъ при всякомъ удобномъ случаѣ готовъ привѣтствовать «человѣка на лошади» и освистать самаго основательнаго философа и блестящаго писателя?

И послѣ этого проповѣдывать отщепенство и устойчивость, убѣждать личность сторониться и спасать свое *я* отъ посягательствъ массы! Не значитъ ли это давать самый роковой совѣтъ и углублять и безъ того зіяющую пропасть между представителями таланта и знанія и рядовымъ человѣчествомъ? И не только рядовымъ. Даже такъ-называемое современное общество въ сущности такая же толпа, даже менѣе серьезная и нравственно-устойчивая, чѣмъ народная масса.

Подойдите къ этому обществу въ моментъ, когда его охватываетъ какое-нибудь общее чувство, когда оно во власти одного всѣмъ доступнаго интереса, вы будете поражены первобытностью и низменностью его впечатлѣній. Въ сравненіи съ нимъ народныя массы, принимавшія участіе въ историческихъ событіяхъ, покажутся вамъ величественной, хотя и стихійной силой. Тамъ дѣйствительно власть и стремительность во имя безусловно жизненнаго идеала, годами, можетъ быть, вѣками назрѣвшей національной политической и общественной задачи. Стремится къ ней толпа дико, по варварски сокрушаетъ препятствія, не отступаетъ предъ преступленіями, но вы знаете цѣль стремленій и знаете, что эта цѣль ляжетъ въ основу новой исторической эпохи.

А эта—культурная, усовершенствованная толпа! Лучше всего наблюдать ее въ любимѣйшемъ ея положеніи, на театральныхъ зрѣлищахъ. Она считаетъ ихъ украшеніемъ своей цивилизаціи, необходимой умственной и художественной пищей развитого гражданина, она щедро награждаетъ славой и деньгами своихъ увеселителей, она лучше знаетъ имена артистовъ и драматурговъ, чѣмъ самыхъ геніальныхъ ученыхъ и мыслителей. Очевидно, это лучшее ея изобрѣтеніе, и краснорѣчивѣйшій пробный камень ея духовныхъ силъ и ея идеаловъ.

Что же показываетъ этотъ пробный камень?

Около года назадъ отвѣтъ далъ безусловно почтенный знатокъ дѣла. Сказалъ онъ очень мало новаго, но замѣчательно, что именно онъ все это сказалъ, съ непосредственной самоуслади-тельной откровенностью прирожденнаго фельетоннаго болтуна и типичнѣйшаго представителя просвѣщенной толпы.

Франциск Сарсэ извѣстенъ въ Парижѣ такъ же, какъ Эйфелева башня, и любимъ искренне и безгранично. Его умъ какъ разъ на уровнѣ среднихъ мыслительныхъ способностей интеллигентнаго француза, его вкусъ—общее достояніе всѣхъ, кто въ состояніи носить свѣжія перчатки и новые цилиндры. Почти полвѣка онъ провелъ въ театрѣ, въ залѣ или за кулисами. Это—живое метрическое свидѣтельство всѣхъ отечественныхъ этуалей и фуроровъ, но до послѣдней степени любезное и снисходительное. Онъ не выдастъ своей публики, и если что ужъ онъ говоритъ про нее, значитъ онъ это считаетъ безусловно въ порядкѣ вещей и не прочь приписать самому себѣ.

И вотъ Сарсэ вздумалъ изобразить психологію современной

театральной толпы. Сдѣлалъ онъ это очень подробно и дѣльно: вѣдь психологическое изслѣдованіе на каждомъ шагу переходило въ самопризнаніе. Что же получилось въ результатѣ?

По наблюденіямъ Сарсэ, для театральной публики не существуетъ заранѣе никакихъ достоинствъ какой-угодно пьесы. Все зависитъ исключительно отъ впечатлѣній на мѣстѣ, въ театральной залѣ. Такъ опытные директоры театровъ и говорятъ: на свѣтѣ нѣтъ ни хорошихъ, ни дурныхъ драматическихъ произведеній, а есть только благосклонныя и враждебныя впечатлѣнія театральной залы. Пьеса нравится,—вотъ единственно разумная критика, всѣ другіе разговоры объ ея содержаніи, о талантливости автора совершенно излишни. Поведеніе театральной толпы часто повергаетъ въ недоумѣніе самыхъ свѣдущихъ наблюдателей. Сарсэ изъ своей рецензентской практики знаетъ множество случаевъ, свидѣтельствующихъ чуть не мгновенное умопомѣшательство просвѣщенныхъ зрителей.

Вдругъ имъ понравится какая-нибудь фраза, три-четыре стиха,—и успѣхъ пьесы обезпеченъ на долго. Потомъ эффектъ забывается, и пьеса предается забвенію. Вообще нѣтъ ни малѣйшей возможности установить принципы общественнаго суда надъ авторами, драмами и даже артистами.

Въ этомъ случаѣ можно совершенно серьезно говорить о такого сорта вліяніяхъ, какія должны показаться пошлыми въ исторіи народной толпы, даже прямо невозможными.

Вы знаете, отчего зависитъ вкусъ интеллигентной публики и степень ея идеальныхъ построеній?

Вы думаете—отъ болѣе или менѣе животрепещущихъ идей писателя, отъ его творческой силы. Ничего подобнаго. Причинъ очень много и ни одной *психологической* въ прямомъ смыслѣ слова.

Во-первыхъ, весьма важно, давно или недавно пообѣдали зрители. Если недавно—никакой геній не вызоветъ у нихъ благосклоннаго вниманія. Пищевареніе вещь непримиримая съ эстетикой и пониманіемъ. И знаете, почему изъ современнаго репертуара почти окончательно исчезла серьезная, *высокая комедія* прежняго времени? Вовсе не потому, что некому писать такихъ комедій, а потому, что публика обѣдаетъ передъ самымъ спектаклемъ. Обѣдай они часа въ четыре—драматическая литература представляла бы совсѣмъ другой видъ. А теперь поневолѣ авторамъ приходится сочинять водевили и фарсы и еще худшіе драматическіе фокусы въ духѣ какого-нибудь Сарду.

Но существуетъ и еще болѣе удивительная причина, почему даже большой талантъ можетъ оказаться забракованнымъ и вчерашнее нистожество сегодня стать именемъ. Стоитъ, напримѣръ, поставить драму въ томъ театрѣ, куда публика привыкла ходить смѣяться, и все дѣло проиграно. Толпа изумлена неожиданнымъ къ ней запросомъ, у нея нѣтъ почвы подъ ногами, нѣтъ обычной руководящей нити: потому что она *животное привычки*, и блестящая драма на водевильной сценѣ погибнетъ неминуемо.

Вообще вліяніе мѣста на интеллигентную толпу громадно. Достаточно какому-нибудь несчастному театру неудачно начать свою дѣятельность, поставить скучную пьесу, и за нимъ немед-

ленно устанавливается роковая репутація, онъ чахнетъ и гибнетъ отъ безсмысленнаго предубѣжденія публики. Наоборотъ, если театръ или какой-нибудь театральный жанръ въ модѣ, всякая посредственность имѣетъ успѣхъ.

Напримѣръ, въ теченіе, по крайней мѣрѣ, тридцати лѣтъ царила оперетка. Всякое либретто, заурядн ѣйшая музыка встрѣчались восторженно.

— Ахъ, это оперетка! — восклицала толпа и наполняла театръ. Даже Сарсэ, по его словамъ, впадалъ въ ярость, но молчаливую. У него сердце обливалось кровью при видѣ, какъ окончательно гибла комедія, какъ сцену заполняли куплеты и легкомысленные мотивы. Но какъ бороться съ врагомъ?

Критика совершенно безсильна предъ увлеченіями толпы. Она будто начальникъ отряда, поддавшагося паникѣ. Ему волей-неволей приходится бѣжать вмѣстѣ съ своими солдатами. Остановить ихъ нѣтъ возможности; хорошо, если удастся установить какой-нибудь порядокъ въ бѣгствѣ. Такъ и критика.

Она видитъ бѣшеную стремительность публики къ предмету — явно предосудительному и пошлому. Ей остается бѣжать за толпой и только предупреждать ее въ особенно опасные моменты. Больше ничего она не въ состояніи сдѣлать и должна ждать, когда толпа остановится сама собой и приметъ другое направленіе. Тогда съ ней можно говорить!

Все это фактически вѣрно, но сколько же униженія и стыда заключается для критики въ подобномъ ея признаніи! Зачѣмъ же она тогда существуетъ, если у нея нѣтъ никакого самостоятельнаго вліянія, если она всякую минуту можетъ оказаться въ хвостѣ публики, вовсе даже не желающей и знать о настроеніяхъ критиковъ? Да въ сущности, такое положеніе не обычно ли вообще для критики? Вѣдь она не выдерживаетъ позиціи въ критическіе моменты. Слѣдовательно, если при извѣстныхъ обстоятельствахъ намъ кажется, будто она руководитъ толпой, не просто ли это потому, что толпа даннаго времени вяла и равнодушна или критика умѣла подладиться подъ ея вкусы?

Ставя эти вопросы, мы ни на минуту не должны забывать жизненнаго значенія фактовъ. Дѣло идетъ о той самой силѣ, какая управляетъ всей современной общественной и политической жизнью. Театральная толпа можетъ совпадать до мельчайшихъ подробностей съ толпой парламентскихъ избирателей и съ толпой въ самомъ парламентѣ, но она составляется изъ тѣхъ же элементовъ, пожалуй, даже во многихъ случаяхъ болѣе культурныхъ. Театромъ увлекаются именно тѣ интеллигенты, для которыхъ не существуютъ политическія бури и совершенно безразличны парламентскія происшествія.

Очевидно, психологія театральной залы можетъ считаться весьма достовѣрнымъ показателемъ духовнаго уровня вообще современной просвѣщенной толпы. И мы видимъ, до какой степени безъидейна, безотчетна и часто жалко смѣшна эта толпа. У нея нѣтъ настолько устойчивыхъ, даже литературныхъ вкусовъ, что она способна обвинить или оправдать какое угодно яркое художественное явленіе подъ внушеніемъ самыхъ фантастическихъ или грубо матеріальныхъ мотивовъ. Она неуловима

и непостижима въ своихъ приливахъ и отливахъ, но въ то же время она грозная, самодержавная сила. Критика даже вынуждена отказаться отъ борьбы съ ней и покорно слѣдовать за ней.

Поставьте теперь на мѣсто театральной залы другую залу митинга или парламента. Развѣ министерства торжествуютъ и падаютъ не подъ такими же внезапными порывами настроеній депутатской толпы? Развѣ рѣчи ораторовъ освистываются или заслуживаютъ чести быть афишированными по всей странѣ не на основаніи впечатлѣній даннаго момента? Развѣ чуть не ежедневно перетасовываются группы и преобразовываются ихъ комбинаціи не подъ вліяніемъ все того же мгновеннаго внушенія, часто мы видѣли, едва объяснимаго даже для самихъ артистовъ сцены?

Дальше. Критика устами одного изъ своихъ вліятельнѣйшихъ представителей слагаетъ оружіе предъ театральной толпой. А сколько разъ мы наблюдали и наблюдаемъ, когда государственный дѣятель умолкаетъ и ступевывается предъ натискомъ массоваго настроенія? Мы отлично знаемъ, во Франціи и въ Италіи въ настоящее время нѣтъ недостатка въ политическихъ дѣятеляхъ, превосходно понимающихъ бѣдственное положеніе народнаго представительства. Не всѣ они лишены мужества публично выяснять пороки и предлагать средства исцѣленія. Но кто ихъ слушаетъ?

Толпа поглощаетъ безслѣдно и безплодно разумныя рѣчи и продолжаетъ въ Италіи чествовать Криспи, во Франціи въ теченіе цѣлыхъ лѣтъ изъ-за одного судебнаго вопроса забывать важнѣйшія задачи государственнаго управленія и общественнаго порядка. Въ другихъ государствахъ еще печальнѣе: парламентская толпа уже прямо превращается въ уличную и чисто уличными средствами спасаетъ свою партійную честь и оскорбляетъ чужую.

Что остается дѣлать *политической* критикѣ?

То же самое, что однажды сдѣлалъ Гладстонъ, присутствуя при одной изъ самыхъ драматическихъ сценъ англійскаго парламента. Онъ сталъ въ сторонѣ отъ зрѣлища и, грустно созерцая дикую картину, произнесъ: «Я слишкомъ слабъ чтобы принять участіе въ генеральной битвѣ».

И безпрестанно современнымъ даже самымъ вліятельнымъ политикамъ приходится повторять Гладстона. Они безсильны предъ толпой, хотя бы даже она состояла изъ самыхъ развитыхъ и передовыхъ людей страны. Они безпрестанно вынуждены или подчиняться ей, или давать дорогу ея стихійному движенію и съ разбитымъ сердцемъ и озлобленнымъ умомъ взирать на слѣпо мятущуюся дикую силу.

Послушайте отчеты властей и печати о современныхъ народныхъ собраніяхъ: вы будете оскорблены въ лучшихъ своихъ человѣческихъ чувствахъ. Несомнѣнно, весьма часто дѣло обходится какъ и подобаетъ въ цивилизованной средѣ, но также весьма нерѣдко вопросъ объ идеяхъ переходитъ въ вопросъ о физической силѣ и поиски истины смѣняются покушеніемъ на личную честь противниковъ. И попробуйте спросить у свидѣтелей фактовъ,

чѣмъ объясняются такія происшествія? Вамъ отвѣтятъ: толпа опьянѣла отъ страстей, толпу съумѣли раздражить и натравить, толпу обманули и увлекли...

Вездѣ толпа и толпу. Она причина всѣхъ варварствъ, совершающихся на свободной почвѣ конституціонныхъ странъ, она виновница нравственнаго разложенія, проникающаго въ народное представительство, она выноситъ на поверхность авантюристовъ и дѣльцовъ. И не предвидится конца ея разрушительной и растлѣвающей дѣятельности.

Въ нѣкоторыхъ государствахъ уже существуетъ всеобщая подача голосовъ, другіе постепенно идутъ къ той же цѣли. Право голоса на парламентскихъ выборахъ все расширяется и этотъ пунктъ стоитъ во всѣхъ радикальныхъ программахъ. Рано или поздно, онъ непремѣнно осуществится, и тогда толпа станетъ истинной властительницей культурнаго міра.

Измѣнится ли ея практика на такой идеальной высотѣ? Отъ самихъ политическихъ центровъ—никоимъ образомъ. Напротивъ, психологія толпы можетъ стать еще грознѣе и стихійный характеръ ея власти еще шире и могущественнѣе. Права толпы на пути къ росту и полному торжеству, можно ли тоже сказать о нравственномъ улучшеніи толпы, о подъемѣ ея человѣческаго достоинства, о пониженіи ея способности къ безотчетнымъ увлеченіямъ и нерѣдко непоправимымъ ошибкамъ?

Врядъ ли, и по очень простой причинѣ.

Толпа до сихъ поръ остается дѣвственной почвой. Мы видѣли, какъ недавно стали изучать ея психологію и какъ ничтожны результаты изученія. Толпа продолжаетъ играть роль сфинкса, страшной загадки, чреватой какими угодно, самыми странными и неожиданными разрѣшеніями. Ее или презираютъ, или идутъ за ней, съ покорностью отчаянія, или льстятъ ей и ищутъ средствъ воспользоваться ея инстинктами, вовсе не съ цѣлью просвѣтить и облагодѣтельствовать ее.

Но это не значитъ рѣшать вопросъ, все энергичнѣе и безповоротнѣе надвигающійся на человѣчество. Оно цѣлые вѣка изучало личность всяческими способами. Оно творило всевозможныхъ героевъ въ искусствѣ, анализировало ихъ душу, въ наукѣ, преклонялось предъ ихъ волей въ политикѣ...

Все это стало прошлымъ. Больше не быть на свѣтѣ маркизу Позѣ и не восклицать ему въ лицо какому-нибудь всемогущему единоличному деспоту: «Государь! перомъ черкнуть вамъ стоитъ и земля обновлена»...

Самъ деспотъ расхохотался бы въ отвѣтъ на эту идеально-героическую рѣчь. Онъ предложилъ бы своему совѣтнику справиться, какъ думаютъ на счетъ почерка пера и обновленія земли тѣ самыя ариѳметическія цифры, которыя горячему воображенію идеалиста представляются столь послушнымъ и впечатлительнымъ матеріаломъ?

Идеалистъ увидѣлъ бы, что это вовсе не матеріалъ, хотя онъ и обозначается кратко—цифрой. У него есть свой нравственный міръ, совершенно своеобразный: онъ не походитъ на психологію каждой отдѣльной личности, входящей какъ единица въ общее число, его нельзя открыть и путемъ сравненія и комбинаціи нрав-

ственныхъ качествъ всѣхъ этихъ единицъ. Однимъ словомъ это—совсѣмъ особенный индивидуумъ и ради него слѣдуетъ открыть новый отдѣлъ психологіи, изобрѣсти новые пріемы анализа, короче, создать науку о толпѣ.

Тогда, можетъ быть, и откроются способы примирять ея душу съ идеями и чувствами личности, устранить съ общественной сцены недостойныя проявленія дикости, безразсудства и преступности. Тогда станетъ тяжелымъ воспоминаніемъ современный разладъ между благороднѣйшими личностями и массой и не будетъ больше самихъ наименованій—герои и толпа: будутъ только разумныя существа, взаимно понимающія другъ друга и во всякую минуту отвѣчающія за свои слова и дѣйствія. Одинаково трудная и неизбѣжная задача для наступающаго вѣка!

Ив. Ивановъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*Ethics of the Great Religions*» *by Charles T. Gorham.* (*Watts and C°*). *London.* (*Этика великихъ религій*). Въ этой книгѣ проводится параллель между этическими принципами всѣхъ важнѣйшихъ религій человѣчества. Авторъ относится съ уваженіемъ и безпристрастіемъ ко всѣмъ великимъ религіямъ и стремится найти между ними взаимную этическую связь. Въ литературѣ объ этикѣ книга эта должна занять выдающееся мѣсто.

(The Ethical World).

«*Religion in Greek Literature*» *by the Res. Lewis Compbell.* (*Longmans and C°*). *London.* (*Религія въ греческой литературѣ*). Въ этой книгѣ заключаются двадцать четыре лекціи профессора Кэмпбеля, посвятившаго сорокъ лѣтъ своей жизни на изученіе предмета, о которомъ идетъ рѣчь. Профессоръ придаетъ огромное значеніе древнимъ религіямъ и относится безпристрастно ко всякой формѣ религіозной мысли. Онъ въ особенности возстаетъ противъ той ошибки, въ которую впадаетъ большинство изслѣдователей сравнительной религіи, обыкновенно сравнивающихъ только совершенства одной религіи съ недостатками другой. Авторъ заканчиваетъ свое изслѣдованіе краткимъ обзоромъ періода между Аристотелемъ и возникновеніемъ христіанства и обсуждаетъ проблемы, порожденныя этимъ смутнымъ временемъ, отыскивая связь между ними и современными проблемами. (The Ethical World).

«*Naturwissenshaftliche Plaudereien*» *von D-r Budde. Zweite Auflage.* (*George Reimes*). *Berlin.* (*Бесѣды по естественной исторіи*). Авторъ предназначаетъ свою книгу для большого круга читателей, не получившихъ спеціальнаго научнаго образованія, но интересующихся естественною исторіей. Свои бесѣды о различныхъ представителяхъ міра животныхъ, какъ крупныхъ, такъ и самыхъ мелкихъ, авторъ ведетъ очень увлекательно и живо, но въ то же время строго основывается на точныхъ научныхъ наблюденіяхъ и фактахъ. Книга эта несомнѣнно должна возбудить интересъ въ читателяхъ и побудить ихъ къ дальнѣйшему изученію естественной исторіи.

(Frankfurter Zeitung).

«*Der Alkoholismus nach Wesen, Wirkung und Verbreitung*» *von Alfred Grotjahn. Georg H. Wigand's Verlag. Bibliothek für Socialwissenschaft.* (*Алкоголизмъ, его вліяніе и распространеніе*). Авторъ постарался собрать въ своей книгѣ весь матеріалъ, касающійся вопроса объ алкоголизмѣ и мѣрахъ борьбы съ нимъ, причемъ выдвигаетъ на первый планъ соціальныя стороны этого вопроса. Послѣ краткаго историческаго обзора автора переходитъ къ изученію дѣйствія алкоголя и причинъ алкоголизма, вліянія климата, расы и невропатическаго сложенія, и главнымъ образомъ, соціальныхъ условій. Въ заключеніе онъ обсуждаетъ мѣры, принимаемыя для борьбы съ алкоголизмомъ, и въ особенности указываетъ на то, что извѣстныя соціальныя и политическія условія служатъ главными причинами развитія алкоголизма, и тѣ, кто желаетъ успѣшно бороться съ алкоголизмомъ, должны прежде всего обратить вниманіе на эти условія. (Frankfurter Zeitung).

«*L'île du diable*» *par Jean Hess. Paris.* (*Librairie Nelson*). (*Островъ дьявола*). Интересное описаніе острововъ Спасенія и острова Дьявола по преимуществу, на которомъ содержится въ заключеніи пресловутый узникъ Дрейфусъ, дѣло котораго такъ волнуетъ Францію въ данную минуту. Авторъ книги, французскій журналистъ и сотрудникъ газеты «Matin», отправился прошлою осенью на острова Спасенія; спеціально, чтобы собрать свѣдѣнія о Дрейфусѣ. Самого Дрейфуса онъ, конечно, не могъ интервьюировать, но путемъ разспросовъ ему удалось узнать много интересныхъ фактовъ, касающихся жизни въ ссыльной колоніи и спеціально относящихся къ Дрейфусу и его заключенію на маленькомъ островѣ.

(Journal des Débats).

«*Ethik*» *von D-r Thomas Achelis. Sammlung Gischen. Leipzig.* (*Этика*). Авторъ этого небольшого томика излагаетъ въ очень сжатой формѣ исторію этики и кри-

тическій обзоръ ея основныхъ принциповъ. Главы, относящіяся къ исторіи возникновенія принциповъ нравственности, надо признать особенно удачными въ книгѣ. Авторъ приближается въ своихъ воззрѣніяхъ къ Герберту Спенсеру и ищетъ въ исторіи развитія человѣчества историческихъ основъ для всѣхъ соціальныхъ и этическихъ учрежденій.

(Frankfurter Zeitung).

«Zeiten und Menschen» Erlebnisse und Meinungen, von Rudolph Genée. (*Berlin. Ernst Siegfried Mittler und Sohn*). (*Времена и люди*). Въ этой книгѣ заключаются воспоминанія очевидца и участника событій 18-го марта 1848 года. Но авторъ въ своихъ воспоминаніяхъ касается не только этихъ историческихъ событій, а описываетъ также современное ему общество и многихъ изъ политическихъ и общественныхъ дѣятелей, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло, и такъ какъ онъ посвятилъ себя впослѣдствіи драматической литературѣ, то въ очеркахъ его отводится большое мѣсто театру и свѣдѣнія, сообщаемыя имъ, могутъ служить богатымъ матеріаломъ для исторіи театра въ Германіи.

(Frankfurter Zeitung).

«Eine Biographie von Ludwig Philippson». Von M. Kayserling (*Mendelssohn. Leipzig.* (*Біографія Людвига Филиппсона*). Большинству читателей, конечно, очень мало извѣстна личность іудейскаго теолога Филиппсона, исторія котораго, однако, находится въ довольно тѣсной связи съ исторіей современной германской культуры. Людвигъ Филиппсонъ былъ основателемъ спеціально еврейской публицистики въ Германіи, занимавшей не послѣднее мѣсто въ исторіи развитія общественнаго духа въ этой странѣ. Положеніе, которое занималъ Филиппсонъ среди современнаго еврейства, его литературное значеніе и вліяніе—все это придаетъ общій интересъ біографіи этого выдающагося человѣка.

(Frankfurter Zeitung).

«L'Art d'écrire, enseigné en vingt leçons» par Antonie Albalat (Armand Colin et C°). Paris. (*Искусство сдѣлаться писателемъ въ двадцать уроковъ*). Заглавіе этой книги можетъ внушить нѣкоторыя подозрѣнія, такъ какъ авторъ взялъ на себя довольно трудную и рискованную задачу—научить искусству писать книги, преподавъ нѣсколько полезныхъ совѣтовъ насчетъ способовъ писанія и технической стороны писательскаго дѣла. Но несмотря на то, что многое можно было бы возразить противъ такого пониманія писательскаго искусства, тѣмъ не менѣе нельзя отрицать пользы, которую можетъ принести эта книга, очень живо и толково написанная, въ особенности всѣмъ начинающимъ писателямъ и облегчить имъ первые шаги на литературномъ поприщѣ. (Journal des Débats).

«L'Ouvrier du temps passé» (XV et XVI siècle) par H. Hauser. Professeur à la Faculté des Lettres de l'Université de Clermont-Ferrand (Felix Alcan). (*Рабочій прошлыхъ временъ*). Этотъ томъ входитъ въ составъ серіи изданій подъ заглавіемъ «Bibliothèque générale des sciences sociales» и заключаетъ въ себѣ изслѣдованіе положенія и организаціи труда въ XV и первые годы XVI вѣка. Авторъ изучаетъ вліяніе экономическаго переворота, вызваннаго открытіемъ новыхъ міровъ и вліяніе соціальнаго переворота, вызваннаго зарожденіемъ буржуазіи на измѣненіе положенія рабочаго, а также политическія, промышленныя и религіозныя причины, въ свою очередь вліявшія на измѣненія условій труда. (Journal des Débats).

«Das Litterarische Echo». Berlin (*Fontane und C°*). (*Литературное эхо*). Въ этомъ библіографическомъ журналѣ, выходящемъ два раза въ мѣсяцъ читатели найдутъ, кромѣ статей о разныхъ современныхъ вопросахъ, и критическихъ статей, посвященныхъ тому или другому изъ современныхъ писателей, также рецензіи о всѣхъ новостяхъ нѣмецкой литературы и списокъ книгъ, только что появившихся на книжномъ рынкѣ. (Frankfurter Zeitung).

«Through Arctic Lapland» by Cuteliffe Hyne. Illustrated. (Black and C°). (*Черезъ арктическую Лапландію*). Интересно написанное путешествіе по Лапландіи, знакомящее читателей съ этою малоизвѣстною суровою страной и ея обитателями. Къ книгѣ приложены очень недурныя иллюстраціи. (Athaeneum).

«Life and her children» by Arabella Buckley (*Edward Stanford*). (*Жизнь и ея опыты*). Одна изъ лучшихъ научно-популярныхъ книгъ по естественной исторіи, заключающая въ себѣ описаніе развитія животной жизни, начиная отъ низшихъ животныхъ къ высшимъ, отъ амёбы къ насѣкомымъ. Многочисленныя иллюстраціи служатъ прекраснымъ дополненіемъ къ тексту.

(The Athaeneum).

«The way the world ment then» by Isabella Barday. With illustrations. (*Edward Stanford*). (*Какъ образовался міръ*). Въ книгѣ заключается очень живо написанная и популярно изложенная исторія образованія земного шара и постепеннаго развитія культуры, образованія племенъ и націй, каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣка, свайныхъ построекъ и т. д. Книга иллюстрирована. (The Athaeneum),

«Instinct and Reason» by Henry Rutgers Marshall. (*Macmillan and C°*). (*Инстинктъ и разумъ*). Авторъ задался цѣлью изслѣдовать отношенія, существующія между инстинктомъ и разумомъ, и опредѣлить значеніе, которое они имѣютъ въ жизни человѣка и вліяніе ихъ на образованіе и развитіе религій. (Literary World).

«*The Land of the Pigmies*» *by Capt. Guy Burrows* (*Pearson*). (*Страна пигмеевъ*). Интересное путешествіе, авторъ котораго описываетъ вообще всѣ малоизвѣстныя племена округа Арувима и не только однихъ пигмеевъ. Что же касается этихъ послѣднихъ, то хотя авторъ и сообщаетъ о нихъ много любопытныхъ фактовъ, но факты эти не бросаютъ никакого новаго свѣта на это странное племя, такъ какъ авторъ не сдѣлалъ никакихъ серьезныхъ научныхъ антропологическихъ или лингвистическихъ изслѣдованій. (Literary World).

«*Women and Economics*» *by M-rs Charlotte Perkins Stetson*. (*Женщины и экономика*). Въ этой книгѣ авторъ изучаетъ экономическія отношенія, существующія между женщинами и мужчинами, и ихъ вліяніе, какъ факторовъ въ соціальной эволюціи. Авторъ, между прочимъ, находитъ, что женщины должны быть лучшими гражданками, чѣмъ онѣ есть, и должны быть еще болѣе полезны обществу не только какъ хозяйки и стряпухи, но какъ матери и соціальныя единицы, играющія роль благодѣтельныхъ факторовъ въ дѣлѣ соціальной эволюціи. (Athaeneum).

«*Historie New-York*» *Edited by Maud Wilder Goodwin, Alice Carrington Royce, Ruth Putnam and Eva Palmer Brownell, Illustrated*. (*Putnam's Sons*). *1899. New-York and London. Price 2,50 sh.* (*Исторія Нью-Іорка*). Прекрасно изданная и интересно составленная исторія огромнаго американскаго города, въ которой разсказывается, какъ голландскіе переселенцы устроили маленькую колонію на мѣстѣ нынѣшняго громаднаго города и какъ постепенно изъ этой колоніи выросъ Нью-Іоркъ со всѣми его особенностями и разнообразными учрежденіями и превратился въ огромную метрополію и главныя ворота континентальной иммиграціи. Книга эта, снабженная прекрасными иллюстраціями, представляетъ цѣнный вкладъ въ исторію Америки. (Literary World).

«*Problems of Modern Industry*» *by Sidney and Biatrice Webb* (*Longman's Green and C°*). (*Проблемы современной промышленности*). Вопросы, разбираемые въ этой книгѣ, служили не разъ за послѣднія десять лѣтъ предметомъ очень горячихъ споровъ и обсужденій. Оба автора, совмѣстно занимающіеся изслѣдованіемъ этихъ вопросовъ, помѣщаютъ въ книгѣ отдѣльные очерки, въ которыхъ разбираютъ отдѣльныя стороны этихъ вопросовъ. Мистриссъ Веббъ описываетъ, между прочимъ, жизнь эмигрантовъ, послѣ ихъ пріѣзда въ Англію, и сообщаетъ свои наблюденія надъ жизнью бѣднѣйшаго населенія восточнаго Лондона и главнымъ образомъ описываетъ бѣднѣйшій еврейскій кварталъ британской столицы. Чтобы лучше изучить бытъ рабочихъ классовъ, она сама поступила поденщицей въ портняжную мастерскую, гдѣ проработала около недѣли и за это время дѣйствительно пріобрѣла массу свѣдѣній и наблюденій, такъ какъ ея сотоварищи по работѣ не стѣснялись ея присутствія и не имѣли никакихъ подозрѣній насчетъ ея личности, принимая ее за такую же работницу, какъ и онѣ. (Literary World).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

стр.

16. ДОМЪ ТРУДОЛЮБІЯ ВЪ САМАРѢ И ЕГО ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ. (Письмо изъ Самары). **Н. Ш.** 27
17. **За границей.** Народные театры въ Нью-Іоркѣ.—У президента Трансваальской республики.—Публичная лекція Эрнеста Лависса.—Тагалы. — Двухсотлѣтній юбилей княжества Лихтенштейнъ.—Женское университетское поселеніе въ Лондонѣ.—Дѣятельность народныхъ библіотекъ и народное образованіе въ Австріи. 32
18. **Изъ иностранныхъ журналовъ.** «The Geographical Journal».—«Revue des Revues».—«Revue de Paris».—«Review of Reviews». 41
19. ДОКТРИНА МОНРОЭ («АМЕРИКА ДЛЯ АМЕРИКАНЦЕВЪ»). **Д. Неточаева.** 45
20. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. Децимальное дѣленіе часа и универсальное время.—Отчетъ о засѣданіи коммиссіи для составленія интернаціональнаго научнаго каталога.—Общества покровительства растеній и альпійскіе сады для сохраненія рѣдкихъ и вымирающихъ видовъ растеній горныхъ областей.—Медицинскія суевѣрія у китайцевъ.—Смертная казнь посредствомъ электричества въ Америкѣ. **Н. М.** 52
21. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Русскія и переводныя книги: Беллетристика.—Публицистика.—Исторія литературы.—Исторія культуры.—Философія и психологія.—Народныя изданія.—Новыя книги, поступившія въ редакцію. 62
22. ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ. Культурная задача грядущаго вѣка. **Ив. Иванова.** 89
23. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 110

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

24. ВЕРОНИКА. Историческій романъ **Шумахера.** Переводъ съ нѣмецкаго **З. А. Венгеровой** (Продолженіе). 23
25. МИКРОКОСМОСЪ, ИЛИ МІРЪ ВЪ МАЛОМЪ ПРОСТРАНСТВѢ, описанный **Морицомъ Вилькомомъ**, покойнымъ профессоромъ пражскаго университета. Переводъ съ нѣмецкаго **Н. М. Могилянскаго.** Съ многочисленными иллюстраціями въ текстѣ. (Продолженіе) 33

„МІРЪ БОЖІЙ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

(25 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

для

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ и редакціи: Лиговка, д. 25—8, кв. 5 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ: въ отдѣленіяхъ конторы—въ конторѣ *Печковской,* Петровскія линіи и книжномъ магазинѣ Карбасникова, Кузнецкій мостъ, д. Коха.

1) *Рукописи,* присылаемыя въ редакцію, должны быть *четко переписаны,* снабжены подписью автора и его адресомъ, а также и указаніемъ размѣра платы, какую авторъ желаетъ получить за свою статью. Въ противномъ случаѣ размѣръ платы назначается самой редакціей

2) Непринятыя мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.

3) Принятыя статьи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятыя же сохраняются въ теченіе полугода и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.

4) *Лица,* адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, для полученія отвѣта, прилагаютъ семикопѣечную марку.

5) Жалобы на неполученіе какого-либо № журнала присылаются въ редакцію *не позже двухъ-недѣльнаго срока* съ обозначеніемъ № адреса.

6) ***Иногороднихъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи.*** Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

7) При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 80 копѣекъ; изъ иногородныхъ въ городскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того-же разряда 14 копѣекъ.

8) Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ 40 коп. съ каждаго годового экземпляра.

Контора редакціи открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія *съ редакторомъ по вторникамъ*, отъ 2 до 4 час., *кромѣ праздничныхъ дней.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи **8** руб., безъ доставки **7** руб., за границу **10** руб. Адресъ: С.-Петербургъ, Лиговка, 25.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

U. C. BERKELEY LIBRARIES
C042636756